This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

D
359
.G86
1886

A 473771

Фундаментальная библіотека
Енисейской мужской гимназіи
Отд. IV
№ инвентаря 1489/8
Шкафа X Мѣсто кн. 113

9(4)+
Т-83
~~13631~~
~~8110~~

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN 1817

Возвратите книгу до
означенного здесь срока

Grigorovich, I. I.

ОЧЕРКИ

НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ

(1815 - 1885 г.)

Енисейской шестиклассной прогимназіи 1917

СОСТАВИЛЪ

И. И. Григоровичъ

114222
1885

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ

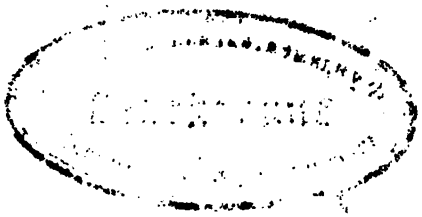
значительно дополненное и иллюстрированное 52 портретами историческихъ дѣятелей XIX вѣка.

Съ требованіями на всѣ книги, ноты можно обращаться въ Сибирскій Книжный Магазинъ Михайлова и Макушина въ г. Томскѣ. Цѣны-петербургскія. Полный каталогъ 20 к.

Цѣна 2 рубля

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Ф. Павленкова.
1886.

D
359
.G86
1886



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Декабря 1885 г.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяч., № 39.

118621-230

ОЧЕРКИ
НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1-й ПЕРІОДЪ (1815—1830 г.).

Отъ Вѣнскаго конгресса до Іюльской революціи.

ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ.

СТРАН.

ГЛАВА I. **Вѣнскій конгрессъ.** Главнѣйшія постановленія Вѣнскаго конгресса. Устройство Германскаго Союза. Переходъ къ новѣйшей исторіи. Конституціонныя движенія въ Германіи. Партія „Молодой Германіи". Карлсбадскія постановленія и дополнительный актъ вѣнскихъ министерскихъ конференцій 1
Портреты: Александра I, Меттерниха, Штейна. В. Гумбольдта и Фихте.

ГЛАВА II. **Революціонныя движенія на Пиринейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ.** Конституція 18-го мая 1812 г. Фердинандъ VII и намѣреніе его уничтожить майскую конституцію. Возстаніе войска въ Кадиксѣ Веронскій конгрессъ. Дальнѣйшая исторія Испаніи. Тайное общество карбонаровъ. Конгрессъ въ Троппау и продолженіе его въ Лайбахѣ Волненіе въ Піемонтѣ.
А) Революціонныя движенія на Пиринейскомъ полуостровѣ 25
Б) Революціонныя движенія на Аппенинскомъ полуостровѣ въ эпоху конгрессовъ 36

ГЛАВА III. **Борьба грековъ за независимость.** Возрожденіе Греціи Графъ Каподистрія и Александръ Ипсиланти. Возстаніе майнотовъ и аркадцевъ. Эпидаврское національное возстаніе. Осада Миссолунгъ. Петербургскій протоколъ. Аккерманскіе переговоры. Лондонскій трактатъ. Наваринскій бой Война Россіи съ Турціею. Освобожденіе грековъ и основаніе Греческаго королевства. 44
Портреты: Каподистрія и Байрона.

ГЛАВА IV. **Россія послѣ Вѣнскаго конгресса до кончины Императора Александра I.** Актъ Священнаго Союза. Крестьянскій вопросъ при Александрѣ I. Славянофилы и Арзамасцы. Гр Аракчеевъ и военныя поселенія. Наводненіе 7 ноября 1824 г. Кончина Александра I 60
Портретъ Аракчеева.

ГЛАВА V. **Царствованіе Императора Николая I. Восшествіе на престолъ.** Война съ Персіей. Туркманчайскій миръ 79
Портретъ Паскевича.

ГЛАВА VI. **Турецкая война въ царствованіе Императора Николая I.** 87

ГЛАВА VII. **Англія съ Вѣнскаго конгресса до кончины Георга IV.** Преобладаніе торіевъ въ парламентѣ. Хлѣбный законъ. Эмансипація ирландскихъ католиковъ „Гнилыя мѣстечки". Георгъ IV и прогрессивное министерство Каннинга Участіе Англіи въ греческомъ вопросѣ 94
Портреты: О'Коннеля и Каннинга.

ГЛАВА VIII. **Франція съ Вѣнскаго конгресса до Іюльской революціи.** Людовикъ XVIII. Учредительная хартія. Ультрароялисты, либералы и республиканцы, борьба этихъ партій Сто дней. Бѣлый терроръ. Начало правленія Карла X. Внутренняя политика. Ришелье. Деказъ. Вилель. Царствованіе Карла X. Вознагражденіе эми-

СТРАН.

грантовъ. Церковныя реформы. Министерство Полиньяка. Іюльскіе ордонансы. Алжирскій походъ 104
Родословная таблица дома Бурбоновъ 130
Портреты: Людовика XVIII. Талейрана, Наполеона I, Ришелье, д'Артуа (впослѣдствіи Карлъ X) и Полиньяка.

ГЛАВА IX. **Іюльская революція во Франціи.** Избраніе Луи-Филиппа. „Истинная хартія". Сверженіе Карла X . . . . . —

2-й ПЕРІОДЪ (1830—1848 г.).

Отъ Іюльской до Февральской революціи.

ГЛАВА X. **Характеристика 2-го періода.** 138
Іюльская монархія или правленіе Луи-Филиппа. Возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ. Покушенія легитимистовъ. Волненіе въ Парижѣ. Покушенія Луи-Наполеона. Банкетъ на Елисейскихъ поляхъ. Отреченіе Луи-Филиппа 139
Родословная таблица Орлеанскаго дома 149
Портреты: Лафайета, Гизо, Людовика-Филиппа и Абдель-Кадера.

ГЛАВА XI. **Бельгійская революція** 153

ГЛАВА XII. **Возстаніе поляковъ въ 1830 и 1831 годахъ.** Тайныя общества. Походъ гр. Дибича. Сраженіе при Гроховѣ. Холера въ Москвѣ. и Петербургѣ Сраженіе при Остроленкѣ Осада и взятіе Варшавы гр. Паскевичемъ. Уничтоженіе польской конституціи. . 160
Портретъ Паскевича.

ГЛАВА XIII. **Внутренняя политика императора Николая I съ 1830 по 1848 годъ.** Сводъ Законовъ и Полное Собраніе законовъ. Сперанскій. Новыя постановленія о сословіяхъ. Министерство государственныхъ имуществъ Народное Просвѣщеніе Инвентарныя положенія. Финансы. Графъ Канкринъ 174
Портреты: Николая I и Сперанскаго.

ГЛАВА XIV. **Волненія въ Италіи съ 1830 г. по 1848 г.** Новыя покушенія карбонаровъ Избраніе Пія IX на папство. Преобразовательная дѣятельность Пія IX. Партія „Молодой Италіи". Бѣгство папы въ Гаэту. Римъ. Республика Помощь Франціи, Австріи и Неаполя. Возстановленіе свѣтской власти папы Догматическая дѣятельность Пія IX. Объединеніе Италіи 188
Портреты: Пія IX, Гарибальди и Виктора-Эммануила.

ГЛАВА XV. Реформа парламента. Новое Городовое Положеніе. Египетскій вопросъ Недовѣріе Англіи къ русской политикѣ въ восточномъ вопросѣ. Среднеазіатскія дѣла Война Англіи съ Китаемъ. Англія при королевѣ Викторіи. Смуты въ Ирландіи Отмѣна хлѣбныхъ законовъ Министерство Пальмерстона. Поводы къ участію въ Крымской войнѣ 201
Портреты: Веллингтона, Мехмедъ-Али ,Викторіи и Кобдена.

3-й ПЕРІОДЪ (1848—1856 г.).

Эпоха февральской республики и второй Французской Имперіи.

ГЛАВА XVI. **Февральская республика и Вторая Французская Имперія** Назначеніе временнаго правительства. Стремленія соціалистовъ и коммунистовъ. Устройство національныхъ мастерскихъ для рабочихъ. Сознаніе національнаго собранія. Возмущеніе 15-го мая . . 216
Родословная таблица фамиліи Бонапарте. 235
Портреты: Кавеньяка и Наполеона III.

СТРАН.

ГЛАВА XVII. **Вліяніе Іюльской и Февральской революціи на Германію.** Франкфуртское посягательство. редпріятія Пруссіи съ 1830 по 1848 г. Мартовская революція въ Германіи. Мечты объ объединеніи Германіи. Соперничество Австріи и Пруссіи. Возстановленіе въ Германіи порядка, учрежденнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ. Происхожденіе Сѣверо-Германскаго Союза и Германской имперіи (1866 и 1871). Вліяніе Февральской революціи на Пруссію. Мартовскія волненія въ Берлинѣ Національное собраніе и конституція. Новый законъ о выборахъ. Участіе Фридриха Вильгельма IV въ дѣлахъ остальной Германіи. 236

ГЛАВА XVIII. **Революція 1848 года въ Австріи.** Возстаніе въ Ломбардо-Венеціи. Возстаніе Венгріи Октябрскіе дни Начало царствованія Франца I Іосифа. Венгерское возстаніе 1849 года. Помощь Россіи и усмиреніе венгерскаго мятежа Графъ Бейстъ и система дуализма 248
Портретъ Францъ-Іосифа.

ГЛАВА XIX. **Славянскій міръ и пробужденіе идеи національнаго славянскаго единства.** Пространство, занимаемое славянскимъ племенемъ. Раздѣленіе историческое и этнографическое. Численность славянскаго племени Краткій обзоръ исторіи сербовъ, поляковъ, чеховъ и др. Чужеземное иго и возникновеніе панславянской идеи. Колларъ и его поэма „Дочь славы“ Сочиненіе Коллара „о литературной взаимности славянъ“. Поэтическія произведенія Челяковскаго и Вукотиновича. Всеславянскій съѣздъ въ Прагѣ Московскіе славянофилы. Памятникъ Гусу 255
Портретъ Гуса.

ГЛАВА XX. **Восточный вопросъ въ сороковыхъ годахъ и происхожденіе Крымской войны.** Вопросъ о святыхъ мѣстахъ. Конференція въ Вѣнѣ. Объявленіе войны. Начало военныхъ дѣйствій. Синопское сраженіе. Объявленіе войны и начало военныхъ дѣйствій. Сраженіе при Альмѣ. Осада Севастополя. Бомбардированіе Севастополя. Паденіе Малахова кургана. Взятіе Карса Парижскій миръ и его условія. Территоріальныя пріобрѣтенія Россіи въ царствованіе Александра II . . . 272
Портретъ Тотлебена.

4-й ПЕРІОДЪ (1856—1878 г.).

Эпоха національныхъ вопросовъ въ Европѣ.

ГЛАВА XXI. **Итальянскій вопросъ.** Состояніе Франціи послѣ Крымской войны и политика Второй имперіи. Итальянскій вопросъ. Покушеніе Орсини. Графъ Кавуръ и его политика. Война 1859 года. Перемиріе въ Виллафранкѣ и Цюрихскій миръ. Гарибальди и его „тысяча“ въ Неаполѣ. Сентябрская конвенція 1864 года. 290
Портреты: Кавура, Гумберта.

ГЛАВА XXII. **Вопросъ о невольничествѣ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и Мексиканская экспедиція французовъ.** Междоусобная война Сѣвера съ Югомъ. Президентство Линкольна. Мексиканская экспедиція французовъ. Мексиканская Имперія. Ея недолговѣчность 299
Портреты: Линкольна, Максимиліана.

Фундаментальная библіотека
Енисейской мужской гимназіи
Отд. IV
№ инвентаря 4489/5.
Шкафа X. Мѣсто кн. 113

9(4)+
Г-83
~~13531~~
~~8110~~

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN 1817

ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

Фундаментальная библіотека Енисейской мужской прогимназіи

(1-й ПЕРІОДЪ 1815—1830 г.).

Отъ Вѣнскаго конгресса до Іюльской революціи.

ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ.

ГЛАВА I.

Вѣнскій конгрессъ.

Главнѣйшія постановленія Вѣнскаго конгресса.—Устройство Германскаго Союза.—Переходъ къ новѣйшей исторіи.—Конституціонныя движенія въ Германіи.—Партія „Молодой Германіи".—Карлсбадскія постановленія и дополнительный актъ вѣнскихъ министерскихъ конференцій.

Съ паденіемъ Наполеона I, пала и его военная имперія, кончилась и политическая жизнь самого императора. Побѣжденный, онъ не могъ оставаться на престолѣ. Только пушечный громъ и обаяніе всемірнаго владычества поддерживали могущество императора, отвлекая вниманіе французовъ отъ ихъ тяжелой домашней обстановки. Но, наконецъ, и Франція изнурилась своей славой и величіемъ, вслѣдствіе страшнаго гнета, лежавшаго надъ личностью и собственностью, вслѣдствіе безпрерывныхъ конскрипцій и разныхъ обременительныхъ податей. Рожденный революціею, Наполеонъ во время своего царствованія уничтожилъ всѣ выработанные ею политическіе принципы: народное представительство онъ замѣнилъ цезаризмомъ; на мѣсто національности поставилъ всемірную монархію, основанную на правѣ преемства отъ Карла Великаго; на мѣсто равенства—наслѣдственное дворянство. Онъ подавилъ всякое свободное движеніе въ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ наукѣ, въ печати, въ обществѣ, на трибунѣ и даже въ семьѣ: вся Франція должна была смотрѣть на волю императора, какъ на велѣнія судьбы. Угнетеніе національной свободы и политика, имѣвшая цѣлью уничтоженіе національностей, возбудили

естественную реакцію. По примѣру Испаніи, поднялись за свою независимость народы Россіи и Германіи, и императоръ палъ. Чего не могли сдѣлать политическіе союзы, то сдѣлали дружныя усилія народовъ. Наполеонъ жилъ въ такую эпоху, характеръ и направленіе которой были указаны ей результатами великой революціи; онъ былъ ея очевидцемъ, онъ долженъ былъ помнить, что наступившій за нею XIX вѣкъ не созданъ для процвѣтанія деспотизма и возвышенія разума. Наполеонъ пренебрегъ указаніями исторіи. Не интриги Таллейрана, не измѣна маршаловъ и министровъ и не истощеніе Франціи погубили первую имперію: она погибла потому, что, наперекоръ требованіямъ и духу времени, вступила въ борьбу съ вѣкомъ—вѣкъ остался побѣдителемъ.

Послѣ перваго низложенія Наполеона, союзники условились собрать на конгрессъ въ Вѣнѣ уполномоченныхъ отъ всѣхъ [1]) европейскихъ государствъ, чтобы возстановить нарушенныя международныя отношенія и привести Европу въ тотъ внѣшній видъ, изъ котораго она выведена была завоеваніями революціонной Франціи и Наполеона I. Срокомъ открытія конгресса было назначено 1-е августа 1814 г.; но, за поѣздкою императора Александра I въ Россію, дѣло замедлилось, и только 1-го ноября послѣдовало открытіе конгресса.

Послѣ Вестфальскаго мира (1648), закончившаго тридцатилѣтнюю войну и опредѣлившаго положеніе Европы, которое она сохранила до первой французской революціи, Вѣнскій конгрессъ является самымъ замѣчательнымъ и важнѣйшимъ дипломатическимъ актомъ: Вестфальскій миръ положилъ конецъ стремленіямъ Австріи къ владычеству надъ всею Европою, чего думали достигнуть Габсбурги въ тридцатилѣтней войнѣ; Вѣнскій конгрессъ положилъ предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ Франціи, которыя начались съ большимъ успѣхомъ при Людовикѣ XIV и дошли до высшихъ предѣловъ при Наполеонѣ I.

Къ сроку открытія конгресса, въ столицу Австріи, кромѣ уполномоченныхъ [2]) отъ европейскихъ державъ, прибыли сами

---

[1]) За исключеніемъ Турціи, которая до Парижскаго конгресса 1856 года не считалась полноправнымъ членомъ европейской семьи и только съ этого времени включена въ число европейскихъ государствъ.

[2]) Вотъ фамиліи уполномоченныхъ пословъ и министровъ:

Русскіе—князь Разумовскій и графы Штакельбергъ и Нессельроде; *австрійскій*—князь Меттернихъ; *англійскій*—лордъ Кастлере и Веллингтонъ; *прусскіе*—князь Гарденбергъ и баронъ Вил. фонъ-Гумбольдтъ; *французскіе*—князь Талейранъ и герц. де-Дальбергъ; *испанскій*—донъ Лабрадоръ; *португальскій*—гр. Пальмела; *нидерландскій*—баронъ фонъ Гагернъ; *датскій*—гр. Бернсдорфъ; *шведскій* гр. Левенгельмъ; *папскій*—кардиналъ Конзальви.

государи [1]): своимъ присутствіемъ они имѣли въ виду облегчить рѣшеніе трудныхъ вопросовъ, проэктированныхъ для конгресса. Среди коронованныхъ лицъ, императоръ Александръ, какъ главный виновникъ низложенія Наполеона, занималъ первое мѣсто, а между министрами—австрійскій дипломатъ князь Меттернихъ, „правая рука" августѣйшаго хозяина, „министръ коалиціи", президентъ конгресса; онъ руководилъ переговорами и направлялъ рѣшенія конгресса преимущественно на выгоды Австріи. Гостепріимный австрійскій императоръ Францъ I не пожалѣлъ 30 мил. гульденовъ, чтобы придать конгрессу самый праздничный, торжественный видъ. Придворные балы и частные рауты, маскарады, живыя картины, фейерверки, карусели, охота, маневры и смотры войскамъ—все это смѣнялось

Императоръ Александръ I.

безпрестанно одно другимъ, и тѣсная Вѣна съ своими гостями, среди которыхъ были государи, ихъ свита, литературныя, военныя и политическія знаменитости, артисты со всѣхъ концовъ Европы, представляла самую разнообразную картину. Собравшіеся на конгрессѣ дипломаты для рѣшенія предстоящихъ вопросовъ приняли за основаніе *принципъ легитимности* или *законности*, т. е. возстановленіе прежнихъ владѣтельныхъ домовъ на престолахъ, ниспровергнутыхъ Наполеономъ I, возвращеніе отнятыхъ владѣній и подавленіе республиканскихъ началъ. Предметы Вѣнскихъ конференцій распадались на три главныя группы: а) устройство новаго

[1]) Русскій императоръ Александръ I и король прусскій Фридрихъ III Вильгельмъ.

политическаго порядка Европы и распредѣленіе европейскихъ государственныхъ территорій; б) государственное устройство Германіи, и в) торговля неграми.

Разберемъ постановленія конгресса, касающіяся по преимуществу первыхъ двухъ вопросовъ, а третьяго коснемся только мимоходомъ, какъ вопроса, не составляющаго интереса общей европейской политики.

Въ вопросѣ о возстановленіи территоріальныхъ отношеній государствъ за основаніе были приняты—пространство земель, количество населенія и доходовъ, но на племенныя и религіозныя связи земель совѣщавшіеся не обратили почти никакого вниманія, что̀ и было главною причиною непрочности политическаго зданія конгресса. Съ самаго начала переговоры велись очень неудачно; встрѣтилось много спорныхъ пунктовъ, которые едва не разсорили союзниковъ и, вмѣсто всеобщаго мира, котораго ждала Европа отъ конгресса, не породили всеобщей европейской войны. Спорными пунктами были вопросы о границахъ новой Франціи, и въ особенности о вознагражденіи Россіи и Пруссіи.

Вопросъ о границахъ Франціи былъ рѣшенъ уже великими державами въ условіяхъ перваго Парижскаго мира. Англія еще въ 1813 г. (лордъ Кастлере) составила проэктъ, сообщенный уже русскому императору, о томъ, чтобы Франція введена была въ границы 1792 года и чтобы отъ нея были отняты всѣ наполеоновскія завоеванія, населеніе которыхъ простиралось до 32 мил. То же самое было повторено Англіею и на Вѣнскомъ конгрессѣ. Несмотря на всѣ усилія Талейрана, доказывавшаго, что относительное могущество Франціи не можетъ быть возстановлено при сохраненіи ея старыхъ границъ, въ особенности послѣ того, какъ всѣ другія великія державы должны значительно расшириться,—Франція была ограничена предѣлами 1792 года.

Рѣшивъ вопросъ о территоріи Франціи, приступили къ вознагражденію четырехъ побѣдоносныхъ первокласныхъ державъ и ихъ союзниковъ, на счетъ отнятыхъ у Франціи земель, раздѣлъ которыхъ былъ заранѣе уже условленъ въ Парижѣ въ 1814 г. Предполагалось, что Англія получитъ, главнымъ образомъ, вознагражденія въ колоніяхъ. Австрія—въ Италіи, Россія—въ герцогствѣ Варшавскомъ, Пруссія—въ сѣверной Германіи, подъ которой разумѣли преимущественно Саксонію; что же касается второстепенныхъ державъ, ихъ коалиціонныхъ союзниковъ, то четыре изъ нихъ (Швеція, Голландія, Неаполь и Сардинія) должны получить нѣкоторые территоріальные придатки, и каждая изъ нихъ должна стать подъ покровительство одной изъ сосѣднихъ великихъ державъ: Швеція—Рос-

сіи, Нидерланды — Англіи, Неаполь — Австріи, Сардинія — Франціи, а на долю Пруссіи, безъ сомнѣнія, досталась бы Германія.

Швеція получила Норвегію, отнятую отъ Даніи. Она обязана этимъ Бернадоту. Съ самой минуты избранія своего въ наслѣдники шведскаго престола, онъ хлопоталъ о томъ, чтобы, взамѣнъ завоеванной Россіею отъ Швеціи по Фридрихсгамскому миру Финляндіи, присоединить Норвегію къ своему будущему королевству. Еще въ 1812 году, Россія и Англія выразили ему на это свое согласіе. При личномъ свиданіи съ императоромъ Александромъ, Бернадотъ умѣлъ пріобрѣсть его расположеніе искренностью своихъ отношеній, стойкостью въ своихъ обязательствахъ передъ Россіею, а главное — своимъ довѣрчивымъ терпѣніемъ, съ которымъ согласился отложить до дальнѣйшаго срока присоединеніе Норвегіи. Еще по Кильскому договору ($^{2}/_{14}$-го января 1814 г.) Данія отказалась отъ Норвегіи и взамѣнъ ея получила Шведскую Померанію и о. Рюгенъ, съ обѣщаніемъ вознагражденія въ будущемъ за Норвегію. Но вскорѣ Данія потеряла право на это вознагражденіе за помощь, оказанную возстанію въ Норвегіи, и должна была удовольствоваться Лауэнбургомъ, уступленнымъ ей Пруссіею, которая получила за это Померанію и Рюгенъ. Съ этою территоріальною перемѣною исчезъ тотъ перевѣсъ, которымъ, со временъ Кольмарской Уніи, пользовалась Данія въ Скандинавскихъ государствахъ.

Въ *Неаполѣ и Сициліи* былъ возстановленъ домъ Бурбоновъ, въ лицѣ Фердинанда IV. Во время владычества Наполеона, это королевство принадлежало зятю его Іоахиму Мюрату [1]). Послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи, Мюратъ измѣнилъ Франціи и перешелъ на сторону союзниковъ, въ отношеніи къ которымъ дѣйствовалъ съ коварно-двойственною политикою: съ марта до іюля 1813 года онъ сносился, то съ союзниками, то велъ переговоры съ Наполеономъ. Союзники не могли простить двоедушныхъ его поступковъ, особенно потому, что Неаполь, при искреннемъ переходѣ на сторону союзниковъ, значительно облегчилъ бы кампанію 1813 г. Послѣ Лейпцигской битвы, онъ снова измѣнилъ Наполеону и присталъ къ коалиціи, и потому только, послѣ низложенія Наполеона, онъ удержалъ за собою Неаполитанское королевство. Когда же Наполеонъ, бѣжавъ съ острова Эльбы, снова занялъ французскій престолъ, Мюратъ съ войскомъ вошелъ въ Римъ, изгналъ папу и задумалъ изгнать и австрійцевъ изъ Италіи. Австрія объявила ему войну, и разбитый Мюратъ бѣжалъ изъ Неаполя въ южную Францію. Въ Неаполѣ былъ снова возстановленъ тронъ Бурбоновъ.

---

[1]) См. гл. XV—родословную таблицу фамиліи Бонапарте.

Послѣ вторичнаго отреченія Наполеона, Мюратъ предпринялъ новую попытку занять престолъ Неаполитанскій, но былъ схваченъ, осужденъ на смерть и разстрѣлянъ (октябрь 1815 г.).

Голландія. Англія, подобно Россіи, обезпечившей себя со стороны Швеціи, задумала устроить изъ Голландіи сосѣднюю благодарную страну, увеличивъ ея владѣнія близъ-лежащими землями Бельгіи, какъ бы въ вознагражденіе за захваченныя ею у голландцевъ лучшія колоніи въ Гвіанѣ, за Цейлонъ, конторы въ Остъ-Индіи и Капскую землю. Предлогомъ къ увеличенію Голландіи Бельгіею Англія выставляла необходимость имѣть укрѣпленный форпостъ противъ сѣверной оконечности Франціи; на самомъ же дѣлѣ ей хотѣлось парализовать вліяніе Франціи на Бельгію и, въ особенности, на Антверпенъ, котораго значеніе въ торговомъ отношеніи такъ хорошо понималъ Наполеонъ и временное занятіе котораго французами такъ дорого обошлось англійской торговлѣ. Императоръ Александръ согласился на присоединеніе Бельгіи къ Голландіи, но только желалъ видѣть на престолѣ соединеннаго королевства герцога Ольденбургскаго; но не столько союзники, сколько сами голландцы и бельгійцы помѣшали его плану. Королемъ соединеннаго государства былъ провозглашенъ Вильгельмъ Оранскій, сынъ наслѣдственнаго штатгальтера. Что касается до границъ новаго государства, то Вильгельмъ предоставилъ рѣшить этотъ вопросъ Англіи, которая щедрою рукою надѣлила Нидерландское королевство: Австрійскіе Нидерланды (Бельгія) и земли по правую сторону Мааса до Ахена присоединены были къ Голландіи. Чтобы еще болѣе привязать нидерландскаго короля къ интересамъ Германіи, ему дано было герцогство Люксембургъ, съ условіемъ, чтобы оно принадлежало къ Германскому Союзу, и чтобы Люксембургъ былъ крѣпостью этого Союза. Границы королевства были обезпечены со стороны Франціи рядомъ крѣпостей, построенныхъ на счетъ контрибуцій, взятыхъ съ французовъ. Англія думала еще болѣе усилить свое вліяніе на Нидерланды родственными связями, но предположенный бракъ Вильгельма Оранскаго съ англійскою принцессою Шарлотою разстроился [1]); въ 1815 г., принявъ титулъ короля нидерландскаго, Вильгельмъ вступилъ въ бракъ съ русскою великою княжною, Анною Павловною, сестрою Александра I.

Сардинія и Генуа. Прикрывая свои торговые и промышленные разсчеты въ Нидерландахъ необходимостью образовать на сѣ-

---

[1]) На слѣдующій годъ (1816) принцесса Шарлота Англійская, дочь принца-регента Англіи и Каролины Брауншвейгской, вышла за-мужъ за герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, который сдѣлался черезъ 14 лѣтъ первымъ бельгійскимъ королемъ, подъ именемъ Леопольда I.

верѣ Франціи сильный оплотъ посредствомъ соединенія Бельгіи съ Голландіею, Англія всѣми силами старалась противодѣйствовать, когда на конгрессѣ зашла рѣчь объ усиленіи Сардиніи Генуей для того, чтобы и на югъ отъ Франціи образовать такой же сильный „форпостъ". Историкъ Гервинусъ называетъ присоединеніе Генуи къ Сардиніи „первымъ зрѣлымъ плодомъ конгресса". Ни одно государство не получило столькихъ выгодъ отъ присоединенія къ нему новыхъ областей, сколько получила Сардинія отъ придатка къ ней Генуи. Во-первыхъ, Генуя привязала Сардинію къ итальянскому континенту, и, во-вторыхъ, Піемонтъ, и безъ того сильная крѣпость, пріобрѣлъ чрезъ это крѣпкую морскую позицію и безпрепятственное сообщеніе съ о. Сардиніею. Напрасны были старанія Англіи въ пользу независимости Генуи: статья объ этомъ уже заранѣе была рѣшена въ секретныхъ условіяхъ перваго Парижскаго мира.

Швейцарія была объявлена нейтральнымъ государствомъ и удержала свое республиканское устройство; но чтобы дать ей твердое военное положеніе, къ прежнимъ 19 кантонамъ присоединены были еще три: Женева, Валлисъ и Невшатель; послѣдній, однако, долженъ былъ остаться подъ именемъ княжества въ зависимости отъ Пруссіи.

Баварія на Вѣнскомъ конгрессѣ выступила съ большими требованіями, несмотря на то, что только въ послѣдніе четыре мѣсяца войны 1813 года она дѣйствовала на сторонѣ коалиціи, а до того — была одною изъ усердныхъ союзницъ Наполеона. Эти требованія поддерживались Меттернихомъ, который, къ удивленію всѣхъ, былъ необыкновенно милостивъ къ Баваріи, во-первыхъ, потому, что ему хотѣлось отдѣлить отъ нея для Австріи нѣсколько важныхъ стратегическихъ пунктовъ, а во-вторыхъ, эта милость вызвана была страхомъ возвышенія Пруссіи (которая, какъ увидимъ ниже, требовала себѣ всей Саксоніи). На сторону Австро-Баварскаго союза склонялась и Франція. Требованія, предъявленныя Баваріею и поддерживаемыя Австріею и Франціею, заключались въ томъ, чтобы отдать ей земли, занятыя ея войсками съ Парижскаго мира, т. е. сплошную область, съ Франкфуртомъ на Майнѣ, Ганау, Майнцемъ, и земли между Рейномъ и Мозелемъ. Противъ такихъ неумѣренныхъ требованій возражали Россія и Англія: Майнцъ былъ объявленъ союзною крѣпостью, Франкфуртъ на Майнѣ былъ сдѣланъ вольнымъ городомъ, а пріобрѣла Баварія — только Вюрцбургъ, Ашафенбургъ и Байрейтъ, какъ бы въ вознагражденіе за возвращенныя Австріи Тироль и Форарльбергъ.

Ганноверъ. Вопросъ о Ганноверѣ былъ раньше всѣхъ другихъ

рѣшенъ на Вѣнскомъ конгрессѣ: Ганноверъ былъ объявленъ королевствомъ и расширенъ присоединеніемъ нѣкоторыхъ владѣній отъ Вестфаліи.

Пиринейскій полуостровъ остался безъ измѣненій въ территоріальномъ отношеніи; тамъ возстановлены были прежнія правительства: въ Испаніи — Фердинандъ VII (Бурбонъ), въ Португаліи—Іоаннъ VI (Браганца).

Такъ устроены были, безъ особенныхъ затрудненій, территоріи второстепенныхъ государствъ, сосѣднихъ съ Франціею. Гораздо труднѣе было устроить дѣла великихъ державъ.

Австрія. На Вѣнскомъ конгрессѣ Австрія выказала снова свое старинное искусство — „послѣ сильныхъ пораженій вставать съ свѣжими силами". Австрійская имперія никогда не достигала ни такого объема, ни такой округленности или сплоченности, какъ по Вѣнскому конгрессу. Она получила обратно: Штирію и Далматію, а по договору съ Баваріей — Тироль и Форарльбергъ. Правда, она отказалась отъ Бельгіи; но эта потеря была скорѣе ей въ выгоду, нежели въ ущербъ, потому что Бельгія была совершенно чуждою для нея страною, которую еще министръ австрійскій Тугутъ справедливо называлъ „жерновомъ на шеѣ Австріи". За такую „выгодную потерю" Австрія получила сплошную часть Верхней Италіи, Венецію и Ломбардію, ограниченную рр. По, Тичино и Лаго-Маджіоре, соединеніе которыхъ образовало такъ называемое Ломбардо-Венеціанское королевство. Парма, Піаченца и Гвасталла были предоставлены Маріи Луизѣ (дочери императора Австрійскаго Франца I). Австріи даны были также права на Тоскану и Модену и право содержать гарнизоны въ Феррарѣ и Каммакіо. Соединеніе итальянско-австрійскихъ земель съ нѣмецкими (габсбургскими) еще болѣе было упрочено пріобрѣтеніемъ Вальтелина. Кромѣ того, Россія, съ рѣшеніемъ Польскаго вопроса (см. ниже), отказалась въ пользу Австріи отъ восточной Галиціи [1]).

Англія. Англія, участвовавшая почти во всѣхъ коалиціяхъ противъ революціонной Франціи, сдѣлала на Вѣнскомъ конгрессѣ хотя небольшія, но весьма выгодныя пріобрѣтенія. Наполеонъ, находившійся уже въ изгнаніи, удивлялся скромнымъ требованіямъ Англіи за дѣятельное участіе въ коалиціяхъ, которое стоило ей громадныхъ долговъ. „На мѣстѣ ея, говорилъ онъ, я бы иначе воспользовался своимъ господствомъ на морѣ: я далъ бы Бельгіи англійскаго принца и предоставилъ бы себѣ всевозможныя выгоды въ Испаніи, въ Италіи, на Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ".

[1]) Изъ всей Галиціи только городъ Краковъ сохранилъ свою независимость, подъ названіемъ вольнаго города. Съ 1846 года и онъ вошелъ въ составъ Галиціи.

На самомъ дѣлѣ Англія получила не меньше: 1) она удержала за собою принадлежавшій Голландіи мысъ Доброй Надежды, — эту станцію для своихъ кораблей, идущихъ въ Остъ-Индію; 2) колонію Демерари (въ Гвіанѣ) съ превосходными хлопчатыми плантаціями; 3) французскія колоніи: Иль-де-Франсъ, Табаго и нѣкоторые вестъ-индскіе острова; 4) въ Европѣ, — она удержала за собою Гибралтаръ, Мальту и Гельголандъ, и послѣ долгихъ споровъ получила Іоническіе острова [1]) съ титуломъ покровительницы республики. (Республика управлялась лордомъ-коммисаромъ въ качествѣ протектора). Этими пріобрѣтеніями Англія утвердила свое господство на Атлантическомъ и Индѣйскомъ океанахъ, а на Средиземномъ морѣ получила твердыя точки опоры. Вліяніе же ея на континентъ было упрочено возстановленнымъ и увеличеннымъ на счетъ Пруссіи Ганноверскимъ королевствомъ. Важнѣйшая выгода здѣсь состояла въ отстраненіи Пруссіи отъ Нѣмецкаго моря.

Россія. Не такъ легко опредѣлилось въ конгрессѣ вознагражденіе Россіи и Пруссіи. Русскій императоръ, какъ главный виновникъ низложенія Наполеона и умиротворенія Европы, потребовалъ для Россіи герцогства Варшавскаго. Это герцогство образовалось по условіямъ Тильзитскаго мира, въ 1807 году, изъ земель, доставшихся Пруссіи по тремъ раздѣламъ Польши (1773, 1793 и 1794). Недовольные уничтоженіемъ своей самостоятельности, поляки мечтали о возстановленіи ея при помощи Наполеона, который, разгромивъ Пруссію въ 1807 году, дѣйствительно, отнялъ отъ нея ея польскія земли и образовалъ изъ нихъ Варшавское герцогство, отданное подъ управленіе короля саксонскаго. Въ 1809 году, Наполеонъ присоединилъ Галицію къ Варшавскому герцогству, а съ 1811 г. выражалъ открыто свои намѣренія о возстановленіи Польши. Этого же желалъ и Александръ I съ 1811 года: онъ имѣлъ намѣреніе возстановить Польшу, но подъ верховною властью русскаго императора. Размолвка между императорами по этому (отчасти) поводу породила войну 1812 года, послѣ которой русскія войска заняли Варшавское герцогство. Требованія императора Александра I, предъявленныя на конгрессѣ, возбудили зависть всѣхъ европейскихъ державъ и на конгрессѣ начались интриги противъ Россіи. Въ Европѣ, еще со временъ французскаго владычества, съ недовѣріемъ смотрѣли на возраставшее могущество Россіи, особенно когда пріобрѣтеніе Бессарабіи (1812) приблизило ее къ Турціи; а обладаніе Финлян-

[1]) Республика Іоническихъ острововъ (Корфу, Кефалонія, Занте, Санъ-Мавро, Итаки, Паро и Чериго), находясь подъ покровительствомъ Англіи, имѣла такую конституцію: исполнительная власть принадлежала лорду-коммисару, который утверждалъ постановленія палаты депутатовъ; каждый изъ острововъ имѣлъ особый судъ и администрацію.

діею оградило ее съ сѣвера; съ возстановленіемъ Польши подъ ея верховною властью, Россія могла бы сосредоточивать свои силы на 100-часовомъ разстояніи отъ Берлина и Вѣны. Англія и Австрія, при самомъ началѣ конгресса, письменно и устно заявили, что возстановленіе Польши, какъ независимаго государства—одно изъ самыхъ желаемыхъ событій; но на долю Россіи предлагали только пространство до праваго берега Вислы. Лордъ Кастлере указывалъ при этомъ на такой резонъ: русское государство отъ присоединенія Варшавскаго герцогства будетъ до того сильно, что, въ случаѣ ея враждебныхъ дѣйствій, всей Европѣ необходимо будетъ вооружаться противъ нея, какъ это дѣлалось до сихъ поръ противъ Франціи. Австріи также не нравилось желаніе Россіи перешагнуть за Вислу. Меттернихъ, узнавъ, изъ перехваченнаго письма императора Александра къ Чарторыйскому, о планѣ возстановленія Польши подъ верховною властью Россіи, объявилъ, что „Австрія скорѣе погибнетъ, чѣмъ дозволитъ Россіи перешагнуть черезъ Вислу". Озабоченный планами Россіи, Меттернихъ не щадилъ ничего, чтобы возстановить противъ Россіи единственно-сочувствовавшую ей Пруссію. Онъ настойчиво внушалъ Гарденбергу, что потомство никогда не проститъ имъ, если они не воспользуются случаемъ ограничить Россію естественными предѣлами; въ противномъ случаѣ грозилъ противодѣйствовать видамъ Пруссіи на Саксонію. Гарденбергъ, за нимъ Гумбольдтъ и другіе государственные представители Пруссіи согласились съ представленіями Меттерниха. Даже русскіе дипломаты сочувственно относились къ австрійскому плану: Нессельроде былъ уже окончательно убѣжденъ Меттернихомъ; Штейнъ открыто выражалъ, что требуемыя Россіею границы обидны для сосѣдей; Поццо-ди Борго и Каподистрія называли возстановленіе русской Польши „препятствіемъ", которое Россія ставитъ сама себѣ между собою и Европою. Императоръ Александръ I не раздѣлялъ мнѣній ни своихъ, ни иностранныхъ министровъ и стойко, не колеблясь, одинъ съ княземъ Чарторыйскимъ, возражалъ на представленія своихъ министровъ, уже совершенно завлеченныхъ въ планы Меттерниха. Къ австрійскому министру Александръ былъ такъ нерасположенъ, что запретилъ даже своимъ приближеннымъ посѣщать домъ князя. Изъ государей только прусскій король поддерживалъ интересы Россіи на конгрессѣ, несмотря на то, что всѣ государственные представители Пруссіи были за австрійскій проэктъ. Озабоченный союзомъ Пруссіи и Россіи, Меттернихъ, не любившій прямыхъ путей и искренней политики, пустилъ въ ходъ секретныя записки, доказывая въ нихъ необходимость союза Австріи, Англіи, Бава-

ріи, Франціи, Нидерландовъ и Сардиніи для противодѣйствія „Сѣверному Союзу“ (Россіи и Пруссіи). Такой союзъ дѣйствительно удалось ему заключить 3-го января 1815 г. Императоръ Александръ не хотѣлъ вѣрить существованію такого союза, заключеннаго августѣйшимъ хозяиномъ съ общимъ врагомъ (Франціей) противъ своихъ же гостей: онъ былъ убѣжденъ, что Штейнъ, сообщившій ему объ этомъ, преувеличиваетъ слухи, дошедшіе до него. Объ этомъ союзѣ извѣстилъ русскаго государя и Наполеонъ I, высадившійся въ февралѣ 1815 г. въ южную Францію съ острова Эльбы, приславъ съ совѣтникомъ русскаго посольства Будякинымъ и самый текстъ до-

Меттернихъ.

говора. Съ этого времени, вопросъ о вознагражденіи Россіи Варшавскимъ герцогствомъ сталъ принимать вооруженный характеръ: всѣ готовились къ войнѣ: великій князь Константинъ Павловичъ получилъ приказаніе имѣть на-готовѣ до 70 тыс. войска; Австрія стягивала свои войска къ Богеміи, Англія—въ Нидерланды. Только недобрыя вѣсти изъ Франціи, что Наполеонъ, по возвращеніи съ Эльбы, снова занялъ престолъ, и предстоящая по этому поводу новая кампанія примирили раздоры на Вѣнскомъ конгрессѣ: „духъ благоразумія побѣдилъ“, по выраженію Флассана [1]). Начались новыя совѣщанія, сопровождаемыя всевозможными уступками. Императоръ Александръ

[1]) Панегиристъ Таллейрана и дипломатіи его.

согласился отказаться отъ Торна, Кракова, Тарнопольскаго округа, Помераніи и Познани. Договоры о Варшавскомъ герцогствѣ, отошедшемъ къ Россіи подъ названіемъ *Царства Польскаго*, были подписаны окончательно $^{3}/_{15}$-го мая 1816 г.

Пруссія по Вѣнскому конгрессу получила: $^{2}/_{5}$ Саксоніи (остальная часть была возвращена королю саксонскому), герцогство Познань, Померанію и земли вдоль Рейна (Рейнская Пруссія). Пріобрѣтенія ея, сравнительно съ приращеніями другихъ великихъ державъ, были самыя ничтожныя. Пруссія очутилась теперь въ самомъ невыгодномъ положеніи: къ сторонѣ Россіи она лежала открытыми границами, въ которыя клиномъ входило Царство Польское; на югѣ—Саксонія и Баварія были ей враждебны и тянули на сторону Австріи; только на западѣ Пруссія своими новыми землями на Рейнѣ представляла сильный оплотъ противъ Франціи. На сѣверѣ, отказавшись отъ восточной Фрисландіи въ пользу Ганновера, Пруссія отодвинута была отъ Нѣмецкаго моря. Но, если съ одной стороны Пруссія была доведена своими близорукими дипломатами до такого жалкаго положенія, то съ другой стороны, быть можетъ, эти невыгоды и открыли ей путь къ возвышенію. Принимая, въ видѣ вознагражденія, Рейнскія провинціи, Пруссія прямо объявила въ Вѣнѣ, что „она беретъ эти земли, которыя еще Питтъ называлъ самымъ лучшимъ оплотомъ противъ Франціи въ рукахъ Пруссіи, только съ тою цѣлью, чтобы защищать Германію съ этой именно стороны". И дѣйствительно, съ 1848 г., Пруссія стала дѣятельно стремиться къ выполненію своего заявленія: стать во главѣ Германіи и придвинуться къ Нѣмецкому морю.

Переговоры *о новомъ государственномъ устройствѣ Германіи* также породили продолжительные споры и разногласія на конгрессѣ. Всѣ великія державы принимали въ этомъ вопросѣ самое дѣятельное участіе, потому что сознавали необходимость дать Германіи—этой центральной странѣ Европы—прочное устройство и такой внутренній порядокъ, который удовлетворялъ бы политическимъ потребностямъ страны. Всѣ согласны были въ томъ, что независимость Германіи отъ другихъ державъ есть одна изъ главныхъ гарантій спокойствія всей Европы. Вслѣдствіе предложенія Штейна, тотчасъ же, по открытіи конгресса, вопросъ объ устройствѣ Германіи былъ отдѣленъ отъ общихъ европейскихъ дѣлъ, и изъ пяти королевскихъ кабинетовъ (за исключеніемъ Саксоніи) былъ составленъ особый *Германскій Комитетъ*, который долженъ былъ постановить рѣшенія, сообразуясь съ правами, обязанностями и договорами между союзниками и второстепенными нѣмецкими государствами, обязавшимися заранѣе подчиниться тому новому

государственному порядку, который будетъ установленъ для Германіи. Работы Комитета были окончены только къ іюню 1815 г.

Штейнъ.

Можно насчитать до пяти различныхъ проэктовъ, предложенныхъ для новаго устройства Германіи. Предлагалось устроить изъ Гер-

маніи то одно государство, то два или три, то пять отдѣльныхъ государствъ съ однимъ главой [1]), пока, наконецъ, не былъ принятъ

Вильгельмъ Гумбольдтъ.

планъ Союза, состоящаго изъ многихъ отдѣльныхъ государствъ безъ одного главы (такъ называемый Германскій Союзъ). За исклю-

[1]) Во имя единства Германіи усерднѣе всѣхъ хлопоталъ на конгрессѣ и много писалъ *Штейнъ*, находившійся прежде на прусской службѣ, а потомъ перешедшій въ русскую. Съ 1812 по 1814 г. благодаря своимъ отношеніямъ къ русскому императору, онъ пользовался такимъ громаднымъ вліяніемъ на политическія дѣла, какого не имѣлъ еще ни одинъ частный человѣкъ безъ должности и оффиціальнаго положенія. Онъ былъ убѣжденъ, что медленное развитіе Германіи, сравнительно съ другими народами Европы, заключалось въ отсутствіи единодержавія; ему хотѣлось, однимъ словомъ, возстановить Германскую имперію „счастливыхъ временъ Гогенштауфеновъ". Въ минуты спокойствія и разсудительности онъ ясно созналъ несбыточность своего плана и умѣрилъ свои желанія проэктомъ раздѣленія всей Германіи между Австріею и Пруссіею, именно на сѣверный и южный союзы. Но когда Меттернихъ открыто объявилъ себя противъ такого устройства Германіи, Штейнъ подалъ третій планъ, состоящій изъ 41 пункта (іюля 1814 г.): Союзъ Германскій долженъ былъ состоять изъ 3-хъ частей: Австріи, которая войдетъ въ него только своими передними частями безъ эрцгерцогствъ, Пруссіи, которая войдетъ въ него своими землями по сю сторону Эльбы; а съ остальною нѣмецкою федераціею Пруссія и Австрія заключатъ ненарушимый союзъ и будутъ гарантировать его устройство, основанное на либеральныхъ началахъ. Австріи тутъ не понравились либеральныя начала, а Баварія и Виртембергъ протестовали противъ контроля, который бы простирался и на внутреннія дѣла германскихъ правительствъ. Вильг. Гумбольдтъ, возражая на послѣдній проэктъ Штейна, представилъ свой планъ раздѣленія Германіи на 5 округовъ; но и проэктъ послѣдняго былъ отвергнутъ Комитетомъ.

ченіемъ послѣдняго проэкта, всѣ предшествовавшіе не нравились Францу I и Меттерниху, потому что въ нихъ интересы и значеніе Австріи въ германскихъ государствахъ или приравнивались Пруссіи, или отодвигались на второе мѣсто. Планъ Меттерниха былъ таковъ: „если Германія должна сдѣлаться союзнымъ государствомъ, то Австрія должна въ немъ господствовать, а въ противномъ случаѣ, Германія была бы слабымъ союзомъ, въ которомъ маленькія государства подпали бы вліянію болѣе сильныхъ". Въ началѣ мая 1815 г., Австрія представила съ своей стороны проэктъ Вессенберга и къ концу мая изготовила изъ него и одного изъ прусскихъ проэктовъ новый планъ устройства Германіи. Въ одиннадцати поспѣшныхъ засѣданіяхъ (съ 23-го мая по 10-е іюня) было окончено на Вѣнскомъ конгрессѣ государственное устройство Германіи и *10-го же іюня былъ обнародованъ актъ Германскаго Союза*. На основаніи его, всѣ германскіе самостоятельные князья и вольные города Германіи, со включеніемъ императора австрійскаго и короля прусскаго по ихъ владѣніямъ, принадлежавшимъ прежде къ Германской имперіи, короля нидерландскаго, какъ обладателя Люксембурга, и короля датскаго, какъ владѣтеля Голштиніи, составили *Германскій Союзъ*, въ числѣ 38 государствъ. Цѣлью такого устройства было образовать въ центрѣ Европы большой оборонительный союзъ, для сохраненія спокойствія въ этой части свѣта, а также *„для поддержанія внѣшней и внутренней безопасности Германіи, независимости и неприкосновенности отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ"*. Для высшаго управленія дѣлами Союза учрежденъ былъ постоянный сеймъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ [1]) изъ представителей отъ каждаго изъ государствъ Союза, подъ предсѣдательствомъ Австріи. Чтобы придать государствамъ Союза, по возможности, одну форму внутренняго устройства, положено ввести въ нихъ представительную конституцію (constitution représentative) на основаніи земскихъ чиновъ (assemblée d'états) [2]). Подданнымъ всѣхъ союзныхъ государствъ предоставлено было право, безъ платежа особыхъ податей, переходить изъ подданства одного государства въ другое (право натуралазаціи), и объявлено равенство для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ правахъ гражданскихъ и политическихъ. Для внѣшней

[1]) Открытіе Франкфуртскаго сейма послѣдовало 5-го ноября 1816 г.; онъ собирался или въ полномъ (plenum), или въ тѣсномъ составѣ членовъ. Въ первомъ случаѣ, какъ напр. для рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ, сеймъ собирается въ числѣ 69 голосовъ и рѣшаетъ дѣла большинствомъ двухъ третей голосовъ во второмъ случаѣ онъ состоитъ изъ 17 голосовъ, изъ которыхъ 11 принадлежатъ отдѣльнымъ главнымъ государствамъ, остальные голоса—коллективные; дѣла при неполномъ составѣ сейма рѣшаются простымъ большинствомъ.

[2]) Тринадцатая статья акта Вѣнскаго конгресса.

защиты Союзъ долженъ былъ имѣть войско въ 300 тыс.; крѣпостями Союза были: Майнцъ, Люксембургъ, Ландау, Ульмъ и Раштадтъ. Такимъ образомъ, Австрія и Меттернихъ достигли своей цѣли: *„за Австріею осталось первенствующее мѣсто въ Германіи, а на долю Германіи досталась пассивная роль нейтральнаго государства“*.

Уничтоженіе торговли неграми уже давно входило въ программу политики англійскаго правительства. Теперь, съ пріобрѣтеніемъ Англіею мыса Доброй Надежды, англичане съ бо́льшимъ усердіемъ стали заботиться о прекращеніи постыдной для европейцевъ торговли. Успѣшнѣе пошло преслѣдованіе торговцевъ неграми съ этихъ поръ еще и потому, что на Вѣнскомъ конгрессѣ всѣ европейскія державы выразили желаніе объ этомъ и поручили заботы по этому дѣлу Англіи. И вслѣдствіе предпринятыхъ ею мѣръ, въ согласіи съ прочими державами Европы, торговля неграми сдѣлалась крайне опаснымъ промысломъ и вскорѣ совсѣмъ прекратилась.

На двухъ Парижскихъ мирахъ [1]), $^{18}|_{30}$-го мая 1814 и $^{8}|_{20}$-го ноября 1815 г., и, въ особенности, на постановленіяхъ Вѣнскаго конгресса, долженъ былъ съ этого времени основаться весь политическій порядокъ европейскихъ дѣлъ. Много надеждъ и мечтательныхъ желаній возлагалось на постановленія конгресса. Многіе ожидали, что на Вѣнскомъ мирномъ соединеніи монарховъ будетъ положенъ краеугольный камень для законнаго общественнаго порядка на основаніи народнаго права, что будетъ учрежденъ постоянный третейскій судъ, который уничтожитъ войну, что союзъ великихъ державъ обезпечитъ второстепеннымъ государствамъ ихъ учрежденія, что революціи уже не будутъ имѣть мѣста. Такія же надежды на счастливую, спокойную будущность для Западной Европы послѣ Вѣнскаго конгресса питалъ и императоръ Александръ I. Во время совѣщаній о второмъ Парижскомъ мирѣ, онъ вмѣстѣ съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ заключилъ *Священный*

---

[1]) Второй Парижскій миръ $^{8}/_{2}$-го ноября 1815 г. вторично возстановилъ на французскомъ престолѣ Людовика XVIII послѣ стодневнаго правленія Наполеона, когда онъ высадился во Франціи и снова объявилъ себя императоромъ. Франція по второму Парижскому миру дорого поплатилась за свое сочувствіе Наполеону, за опасности, которыми она угрожала Европѣ, и за всѣ издержки, которыя она причинила: она должна была выплатить 700 мил. франковъ въ опредѣленные сроки и лишиться нѣкоторыхъ владѣній при нѣмецкихъ своихъ границахъ (Филиппсвиль, Ландау и Саарлюи) и при итальянскихъ (часть Савойи); кромѣ того, она должна была согласиться на занятіе 150 тыс. союзнаго войска ея сѣверныхъ и восточныхъ границъ въ теченіе пяти лѣтъ. Наполеонъ кончилъ жизнь на о. св. Елены $\frac{\text{23-го апрѣля}}{\text{5-го мая}}$ 1821 г. Конгрессъ государей въ Ахенѣ (1818) окончилъ долговые разсчеты съ Франціей и согласился вывести изъ ея предѣловъ союзныя войска (см. гл. VIII).

Союзъ [1]), какъ дополненіе къ основаніямъ европейской политической системы. По содержанію акта Священнаго Союза, политика государей, въ ихъ взаимномъ отношеніи и во внутреннемъ управленіи ихъ государствъ, должна была основываться на предписаніяхъ христіанства — справедливости, любви и мирѣ. Подписавшіеся монархи рѣшили быть между собою въ христіанскомъ братскомъ союзѣ и при случаѣ подавать другъ другу руку помощи. Но ожиданія не сбылись. Не позже, какъ черезъ пять лѣтъ возстановленное спокойствіе было нарушено, а черезъ 15 лѣтъ былъ потрясенъ и весь устроенный порядокъ. Такое быстрое потрясеніе произошло главнымъ образомъ не отъ чьихъ-либо честолюбивыхъ стремленій, а вышло изъ среды самого народа. Во время вѣнскаго конгресса западные государи согласились ввести въ своихъ владѣніяхъ конституціонное устройство; но не всѣ выполнили свои обѣщанія. Вотъ здѣсь-то и есть *начало* новѣйшей исторіи, событія которой открываются конституціонными и революціонными движеніями въ Германіи, на Пиринейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ; а къ 1848 году революція охватываетъ весь материкъ Западной Европы. Новѣйшая исторія Западной Европы тѣмъ и отличается отъ такъ называемой новой исторіи, что въ XVIII вѣкѣ всѣ правительства старались о сосредоточеніи правленія, власти и законодательства въ одномъ лицѣ, въ XIX же столѣтіи сформировалось въ Западной Европѣ окончательно убѣжденіе о раздѣленіи верховной власти, о народномъ представительствѣ, по которому народу должно принадлежать участіе въ общественныхъ и правительственныхъ дѣлахъ. Людовикъ XIV и Наполеонъ I довели до крайности правительственную абсолютную систему, но, подъ конецъ, послѣдній самъ отказался отъ нея, понявъ, что больше всего пригодна для новой Франціи конституція, — середина между самодержавною монархіею и республикою. Сами союзники на Вѣнскомъ конгрессѣ обѣщали народамъ, которыхъ они призывали къ независимости, сохранить ихъ внутреннюю свободу и дать конституціонныя права; но только нѣкоторые сдержали свое слово. Такъ, императоръ Александръ далъ конституцію Польшѣ. Швеція приняла конституцію Норвегіи, Бельгіи дано было право пользоваться голландскою конституціею, французскую конституцію 1814 года сами союзники считали лучшею порукою за прочность новаго порядка вещей въ этой странѣ; Пруссія оставалась при обѣщаніяхъ конституціи; одна только Австрія не подавала никакихъ надеждъ на конституцію. Оттого вся послѣдующая исторія Западной Европы есть [illegible]ствованіе о тѣхъ конституціон-

[1]) См. главу IV.

114222

ныхъ волненіяхъ, которыя происходили въ государствахъ Западной Европы. Волненія эти получали свое начало, исходъ и руководствованіе изъ тѣхъ тайныхъ политическихъ обществъ, которыя во множествѣ возникли незадолго до начала новѣйшаго времени. Еще во времена владычества Наполеона I составились различныя патріотическія общества, имѣвшія цѣлью освобожденіе отечества отъ чужеземнаго господства; въ первой четверти XIX столѣтія, когда Европа была свободна отъ французскаго владычества, эти общества обратились въ тайныя революціонныя общества; таковы были: франмасоны въ Германіи, Франціи, Португаліи и карбонары — въ Италіи. Они энергически дѣйствовали въ пользу конституціи, производили революціонныя движенія и значительно содѣйствовали усиленію партіи, недовольной правительствомъ, извѣстной во всѣхъ государствахъ Западной Европы подъ названіями: *либераловъ*, *радикаловъ*, *прогрессистовъ*, *демократовъ*. Какъ оппозиція или противодѣйствіе ихъ стремленіямъ, дѣйствовала партія, приверженная правительствамъ, извѣстная подъ именемъ *консерваторовъ* или *аристократовъ*. Между ними стояла партія *умѣренная*, имѣвшая цѣлью примирить стремленія и интересы той и другой. Партіи выражали свои стремленія въ періодической прессѣ или печати, т. е. въ журналахъ и газетахъ; въ нихъ общественное мнѣніе, т. е. мнѣніе большинства, склонялось на сторону партіи прогрессивной и тѣмъ указывало на перевѣсъ этой партіи. Такъ, мало по малу выяснились требованія общественнаго мнѣнія въ государствахъ Западной Европы: эти требованія заключались *въ свободѣ національной*, *политической и личной*. Національная свобода состоитъ въ признаніи независимости каждой національности отъ чужеземной власти; отсюда возникли возстанія итальянцевъ, венгерцевъ, славянъ, ирландцевъ и др. Политическая свобода состоитъ въ равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ и представительномъ участіи народа въ управленіи. Наконецъ, личная свобода состоитъ въ свободѣ вѣроисповѣданія, образованія, рѣчи и народныхъ собраній. Вотъ какія стремленія волновали государства Западной Европы въ первой четверти XIX вѣка. На основаніи акта Священнаго Союза, для подавленія этихъ революціонныхъ движеній, собирались конгрессы государей и ихъ уполномоченныхъ въ Ахенѣ (1818), Троппау (1820), Лайбахѣ (1821) и Веронѣ (1822); оттого нѣкоторые историки первый періодъ новѣйшей исторіи, простирающійся до 1830 г., справедливо называютъ *эпохою конгрессовъ*.

Устройство Германскаго Союза, сдѣланное съ поспѣшностью, не удовлетворило нѣмцевъ. Большинство, и особенно молодое поколѣніе, ожидало, что, по рѣшеніямъ монарховъ, Германія составитъ

одно цѣльное государство, причемъ она, какъ имъ казалось, только тогда и могла бы быть сильною, могущественною державою. Тринадцатая статья союзнаго акта, по которой требовалось, чтобы во всѣхъ государствахъ Германскаго Союза введено было конституціонное устройство, съ народнымъ представительствомъ, была источникомъ тѣхъ волненій, которыя начались въ Германіи вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса. Нѣкоторыя государства, какъ Пруссія и Австрія, не дали конституціи; Ганноверъ, Саксонія, Мекленбургъ выполнили 13-ю статью акта, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ ожидало общественное мнѣніе: они возстановили собраніе земскихъ чиновъ изъ привилегированныхъ сословій, а общественное мнѣніе требовало, чтобы въ собраніи земскихъ чиновъ были депутаты отъ всѣхъ сословій съ правомъ участія въ законодательствѣ. Великое герцогство Саксенъ-Веймарское было первымъ государствомъ Союза, которое раньше всѣхъ другихъ выполнило 13-ю статью, сообразно съ требованіемъ общественнаго мнѣнія. Великій герцогъ Карлъ Альбертъ обнародовалъ (1816 г.) *статутъ конституціоннаго устройства государства*, по которому было учреждено народное представительство, состоявшее изъ дворянъ (владѣтелей рыцарскихъ помѣстій), горожанъ и крестьянъ; безъ ихъ согласія не могли взиматься подати, дѣлаться налоги и издаваться новые законы; цензура была уничтожена и книгопечатаніе было объявлено свободнымъ. Раньше другихъ нѣмецкихъ государствъ, примѣру Саксенъ-Веймара послѣдовала Баварія, конституція которой (1818 г.) не представляетъ такихъ широкихъ размѣровъ народнаго представительства, какъ саксенъ-веймарская. Баварская конституція была ничто иное, какъ копія съ конституціи французской, основаніемъ которой была такъ называемая Учредительная Хартія. Какъ во Франціи верховная власть была раздѣлена между королемъ и двумя палатами: пэровъ и депутатовъ, такъ и въ Баваріи—между королемъ и двумя камерами: камерою государственныхъ совѣтниковъ и депутатовъ. Такая же конституція, основанная на Учредительной Хартіи, была введена и въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, въ одинъ годъ съ Баваріею. Вопросъ о конституціи находился здѣсь въ связи съ вопросомъ о наслѣдствѣ велико-герцогскаго престола. Тогдашній баденскій герцогъ Карлъ былъ бездѣтенъ: наслѣдникъ его, Людовикъ (дядя), тоже не имѣлъ дѣтей. Въ случаѣ прекращенія этого Церингенскаго дома, право на владѣніе Баденомъ переходило къ королямъ Баварскимъ; а герцогу желалось передать эти права графамъ Гохбергамъ, братьямъ своего дяди Людовика, рожденнымъ отъ другой матери неравнаго (морганатическаго) брака, правъ которыхъ Баварія не признавала. Въ ок-

тябрѣ 1817 г. великій герцогъ объявилъ манифестомъ о возведеніи Гохберговъ въ достоинство маркграфовъ и призналъ ихъ права на баденскую корону. Баварія подала формальный протестъ. Чтобы придать болѣе силы своему манифесту о престолонаслѣдіи, Карлъ рѣшился принять его непремѣннымъ условіемъ конституціи. Порванныя отношенія Бадена къ Баваріи были возстановлены посредничествомъ великихъ державъ, особенно Россіи. Императоръ Александръ, находившійся въ близкомъ родствѣ съ баденскимъ герцогомъ [1]), принялъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и убѣдилъ Баварію согласиться на вознагражденіе двумя милліонами гульденовъ и уступкою ей Штейнфельда и Герольдака. Въ 1819 году, одинаковая съ баденскою и баварскою конституціею, была введена конституція въ королевствѣ Виртембергскомъ; а по примѣру ея, въ 1821 году, великій герцогъ Гессенскій уничтожилъ собраніе земскихъ чиновъ, состоявшее только изъ привилегированныхъ сословій и ввелъ въ своемъ герцогствѣ баденскую или, правильнѣе сказать, французскую конституцію

Что касается до Австріи и Пруссіи, то первая не только отказалась ввести конституціонное устройство въ своихъ владѣніяхъ, но даже помогала подавлять такія стремленія въ другихъ германскихъ владѣніяхъ, предвидя въ нихъ какъ бы революціонныя движенія; вторая — Пруссія — ограничилась только изданіемъ эдикта, которымъ обѣщана была самая широкая конституція. Все вниманіе короля прусскаго Фридриха Вильгельма III (1797—1840) было обращено на военное устройство, основанное на правилахъ земской защиты или ландвера, которое въ 1813 году такъ много дало прусской арміи порядка и славы. Съ другой стороны, король старался покровительствовать умственному образованію своего государства и основалъ новые университеты въ Боннѣ и Берлинѣ, которые скоро сдѣлались средоточіемъ нѣмецкой науки и учености. Знаменитостями Берлинскаго университета въ эту эпоху были: философъ Гегель, натуралистъ Александръ Гумболдтъ и педагогъ Дистервегъ, содѣйствовавшій весьма много усовершенствованію элементарныхъ школъ, и впервые поставившій элементарную педагогію на разумную почву.

Но не всегда стремленія къ конституціи въ государствахъ Германіи оставались въ предѣлахъ благоразумія. Въ Германіи, еще во время борьбы съ Наполеономъ, образовалась партія „Молодой Германіи". Программой этой партіи, получившей впослѣдствіи названіе „націо-

[1]) Имп. Александръ былъ женатъ на принцессѣ баденской Маріи-Луизѣ-Августѣ, дочери Карла Людвига, наслѣднаго принца (впослѣдствіи маркграфа) дурлахъ-баденскаго; по принятіи православія, принцесса получила имя Елизаветы Алексѣевны. Она род. 13-го янв. 1779 г. въ г. Карлсруэ; 14-ти лѣтъ сдѣлалась супругой Александра I; скончалась 27-го іюня 1826 г. въ г. Бѣлевѣ (Тульск. губ.).

нальныхъ либераловъ“ [1]), было съ одной стороны — объединеніе Германіи, съ другой—развитіе внутренней политической свободы. Молодежь, составлявшая эту партію, была увлечена мечтами о возстановленіи средневѣковой могущественной Германской Имперіи; эта партія, къ которой принадлежали большею частью студенты, молодые профессора, ученые и редакторы многихъ газетъ и журналовъ, образовала въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ Германіи такъ называемыя *бурсачества* или общества *буршей* (Burschenschaften). Прежде студенты въ каждомъ нѣмецкомъ университетѣ раздѣлялись на отдѣльныя корпораціи, теперь возникло между ними желаніе соединиться въ общій студенческій союзъ, который долженъ былъ служить предвѣстникомъ единства Германіи. Бурши были убѣждены, что только молодое поколѣніе можетъ выполнить трудную задачу объединенія и улучшить состояніе нравовъ упавшаго общества.

Основаніе общества буршей приписывается профессору *Фихте*, который, вмѣстѣ съ докторомъ Яномъ, далъ происхожденіе патріотической гимнастикѣ (Furnerschaft), неразлучной спутницѣ буршей: еще въ 1795 г, при Іенскомъ университетѣ онъ сдѣлалъ опытъ замѣнить грубые областные кружки студентовъ (Landmannschaften) общимъ союзомъ нѣмецкаго студенчества (Burschenschaften), которое служило бы предвѣстникомъ желаннаго единства Германіи и въ которомъ дикій разгулъ студентовъ замѣнился бы патріотически-научнымъ духомъ. Въ Іенѣ этотъ опытъ не удался Фихте; Фихте возобновилъ его въ Берлинѣ, когда перешелъ въ этотъ университетъ. Здѣсь, съ согласія князя Гарденберга, учредилось *общество буршей*, уставъ котораго былъ принятъ впослѣдствіи и въ другихъ университетахъ Германіи. Первое время бурши отличались благородными поступками, серьезною любовью къ наукѣ, чистою нравственностью и солидностью характера. „Въ уровень съ нравственнымъ и религіознымъ развитіемъ они хотѣли вести свое научное образованіе, а въ уровень съ образованіемъ ума — развитіе физическихъ силъ посредствомъ гимнастики“. Гимнастика, по мысли Фихте и Яна, должна была дать государству такихъ гражданъ, при которыхъ не нужны бу-

[1]) Представителями этихъ стремленій были Арндтъ и Герресъ. Первый былъ профессоромъ въ одномъ изъ прусскихъ университетовъ. Преслѣдуемый за патріотическое сочиненіе „Духъ времени“, полиціею Наполеона, онъ въ 1807 г. долженъ былъ бѣжать сначала въ Швецію, а потомъ въ Россію, къ Штейну. Отсюда своими сочиненіями онъ весьма много содѣйствовалъ усиленію своей партіи. Въ подобномъ же духѣ дѣйствовалъ и писалъ Герресъ, издатель журнала „Рейнскій Меркурій“. Наполеонъ называлъ его журналъ „пятой великой державой, ему враждебной“. Подъ вліяніемъ Меттерниха, оба вождя національно-либеральной партіи подверглись гоненію и съ 1815 г. прекратили свою литературно-политическую дѣятельность.

дутъ регулярныя войска. Фихте надѣялся, что нѣмецкій народъ, совершившій уже религіозную реформу, предназначенъ былъ совершить и великое политическое дѣло, неудавшееся французамъ—устроить единую республику изъ Западной Европы. До какихъ увлеченій доходили бурши вмѣстѣ съ ихъ основателемъ, обнаружилось при Вартбургскомъ торжествѣ, на которомъ праздновался 300-лѣтній юбилей реформаціи [1]) и годовщина лейпцигской битвы. Іенское общество буршей, съ разрѣшенія веймарскаго правительства, разослало ко всѣмъ университетамъ приглашеніе на праздникъ;

Фихте.

собралось до 500 человѣкъ студентовъ и профессоровъ. Произнесено было много рѣчей, въ особенности профессорами Іенскаго университета, рѣчей, которыя касались политики и почти всѣ сводились къ тому, что молодое поколѣніе есть основа существованія, прочности и чести Германіи. Наконецъ, послѣ рѣчи Массмана, направленной противъ порицателей бурсачества, произнесенъ былъ приговоръ сожженія нѣсколькихъ „позорныхъ" сочиненій (какъ называли ихъ бурши), въ подражаніе тому, какъ Лютеръ сжегъ буллу. На приготовленный костеръ были брошены сочиненія, по-

[1]) На этомъ юбилеѣ было объявлено соединеніе лютеранъ и реформатовъ въ одну *Евангелическую церковь* (1817 г.).

рицавшія буршей и смѣявшіяся надъ патріотической гимнастикой (соч. Коцебу—„Нѣмецкая исторія“. „Дворянская цѣпь“—сочиненіе Галлера и книга Кампца, и др.). Это раздражило авторовъ, и въ особенности Кампца, который написалъ по этому поводу особую брошюру и представилъ въ ней сожженіе своихъ сочиненій преступнѣйшимъ дѣломъ, называлъ профессоровъ одичавшими, студентовъ совращенными; а самъ, въ свою очередь, предлагалъ ввести подобное же сожженіе либеральныхъ книгъ и ихъ сочинителей. Но этимъ дѣло не ограничилось. Пруссія и Австрія выслали Гарденберга и фонъ-Зичи въ Веймаръ изслѣдовать результаты Вартбургскаго праздника и наказать тѣхъ, которые позволили себѣ оскорбительно выражаться о дѣйствіяхъ австрійскаго и прусскаго правительствъ. (По порученію Россіи, въ Веймаръ былъ посланъ ст. сов. Коцебу, издатель „Литературной Газеты“ и авторъ „Нѣмецкой исторіи“). Вскорѣ послѣ этого (мартъ 1819 г.) студентъ Зандъ совершилъ убійство Коцебу, котораго нѣмецкая молодежъ считала русскимъ шпіономъ и ненавидѣла за то, что онъ посылалъ въ Петербургъ отчеты объ умственномъ и политическомъ состояніи Германіи, а больше всего негодовали бурши противъ него за его мѣткія нападки на ихъ экзальтированный патріотизмъ. Зандъ прибылъ къ Коцебу съ письмомъ и, во время чтенія, закололъ его кинжаломъ. Зандъ былъ казненъ.

Эти событія встревожили правительства Германіи. Никто съ такимъ усердіемъ не воспользовался этими событіями къ подавленію либеральнаго духа, какъ австрійскій министръ князь Меттернихъ. Тотчасъ послѣ убійства Коцебу, императоръ Францъ I предложилъ, чтобы министры важнѣйшихъ нѣмецкихъ государствъ съѣхались на совѣщаніе въ Карлсбадъ. Записка Меттерниха о цѣли Карлсбадскаго совѣщанія говорила, что важнѣйшими предметами совѣщаній будутъ: журналистика, состояніе университетовъ и училищъ, демагогическіе замыслы; для разсужденій же о другихъ важныхъ предметахъ, какъ, напримѣръ, о союзномъ судѣ, о порядкѣ исполненія рѣшеній его и союзнаго сейма, записка австрійскаго министра предлагала устроить новыя конференціи въ Вѣнѣ, на которыя пригласить уже всѣхъ членовъ союза, а не однихъ только важнѣйшихъ. Въ августѣ 1819 г. министры важнѣйшихъ германскихъ государствъ собрались, подъ предсѣдательствомъ Меттерниха, на конференцію въ Карлсбадѣ. Рѣшенія конференціи или, такъ называемыя, *Карлсбадскія постановленія*, обнародованныя $^{8}/_{20}$-го сентября 1819 г., заключались въ слѣдующемъ: постановленія эти ввели общую цензуру для всего союза, надзоръ за учащими и учащимися, для чего при каждомъ университетѣ учреждены были

уполномоченные коммиссары со стороны правительства, обязанные слѣдить за преподаваніемъ, а учащихся держать въ предѣлахъ порядка и повиновенія. Чтобы доставить Австріи возможность вмѣшиваться во внутреннюю жизнь государствъ Союза и тѣмъ на будущее время отвратить повтореніе случившихся событій, Меттернихъ предложилъ учредить центральную коммиссію для изслѣдованія демагогическихъ замысловъ въ г. Майнцѣ. Наконецъ, Меттернихъ предлагалъ еще одну мѣру: составить общее рѣшеніе о томъ, каковы должны быть основанія конституцій, обѣщанныхъ 13 статьею Союзнаго Акта. На Вѣнскомъ конгрессѣ, въ угоду Австріи, не постановили правилъ о размѣрахъ правъ, даваемыхъ конституціею; теперь Австрія хотѣла опредѣлить эти размѣры. Меттернихъ высказалъ теперь многознаменательное желаніе, чтобы государствамъ, которыя при исполненіи 13-й статьи Союзнаго Акта уклонились отъ вѣрнаго пути, оказано было содѣйствіе. Противъ такихъ намѣреній Австріи—подчинить себѣ внутреннюю политику государствъ Германскаго Союза,—вооружились Виртембергъ и Баварія. При личномъ свиданіи съ императоромъ Александромъ I въ Варшавѣ, виртембергскій король заручился обѣщаніемъ, что Россія будетъ поддерживать заявленіе Виртемберга. То же самое отвѣтила и Англія. Вопросъ объ этомъ долженъ былъ рѣшиться на новомъ министерскомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ, созванномъ къ ноябрю 1819 г.—Меттернихъ, видя дѣло Австріи проиграннымъ, готовъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній, если бы только реакціонное направленіе времени не помогло австрійскимъ планамъ. Во время вѣнскихъ конференцій вспыхнула испанская революція, во Франціи былъ убитъ герцогъ Беррійскій; такія событія должны были показаться въ совѣтѣ государей оправданіемъ и рекомендаціей заботливости Меттерниха о подавленіи революцій. И потому опредѣленія конгресса, включенныя 3 (15-го) мая 1820 г. въ дополнительный актъ Вѣнскихъ министерскихъ конференцій, какими желала ихъ видѣть Австрія, были обнародованы 27-го мая (8-го іюня) 1820 г., какъ новые основные законы Германскаго Союза. Они ограничили кругъ дѣйствія государственныхъ чиновъ и предоставили всѣмъ государямъ Союза право не стѣсняться никакими конституціями въ исполненіи ихъ союзныхъ обязанностей. Войско Германскаго Союза, по рѣшенію Вѣнскихъ конференцій, было организовано слѣдующимъ образомъ: оно было раздѣлено на 10 армій. Шесть выставляютъ Пруссія и Австрія, одну—Баварія, а всѣ остальныя государства союза—три арміи [1]).

---

[1]) Дальнѣйшая исторія Германскаго Союза изложена въ гл. XVII.

ГЛАВА II.

Революціонныя движенія на Пиринейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ.

Конституція 18-го мая 1812 года.—Фердинандъ VII и намѣреніе его уничтожить майскую конституцію. — Возстаніе войска въ Кадиксѣ. — Веронскій конгрессъ.— Дальнѣйшая исторія Испаніи. — Тайное общество карбонаровъ. — Конгрессъ въ Троппау и продолженіе его въ Лайбахѣ.—Волненіе въ Піемонтѣ.

А) Революціонныя движенія на Пиринейскомъ полуостровѣ.

Не успѣло еще затихнуть революціонное движеніе въ Германіи, какъ обнаружилось сильное революціонное броженіе въ южной Европѣ, на полуостровахъ: Пиринейскомъ и Аппенинскомъ.

Французская революція 1789-го года не прошла безслѣдно для Испаніи, сосѣдней съ Франціей. Въ 1808 году Наполеонъ занялъ своими войсками полуостровъ, объявилъ домъ Бурбоновъ переставшимъ царствовать и далъ испанцамъ новаго короля, въ лицѣ брата своего Іосифа. Несмотря на то, что новый король ввелъ весьма много полезныхъ учрежденій, которыя могли бы возродить Испанію изъ того застоя старины, въ которомъ она находилась съ самаго начала новой исторіи,—онъ встрѣченъ былъ съ страшной ненавистью въ своемъ новомъ королевствѣ, и вся Испанія поднялась, въ народномъ возстаніи гверильясовъ, противъ французовъ. Къ 1812 году страна была очищена отъ незванныхъ гостей; но это патріотическое движеніе, возбудивъ народныя силы, не осталось безрезультатнымъ. Подъ вліяніемъ французовъ, народные представители Испаніи, принявъ старинное названіе *кортесовъ* (отъ фр. cour; *кортесами* въ Испаніи называлось собраніе представителей изъ народныхъ сословій), провозгласили въ Кадиксѣ *„конституцію 18-го мая 1812 года“*. Она основывалась на крайне либеральныхъ началахъ. Тутъ на первомъ планѣ стояли: ничтожное значеніе королевской власти и ограниченія, которымъ подвергалась особа и власть короля. Кортесы должны были собираться сами, король не имѣлъ права распускать ихъ; королевскіе министры не могли избираться народомъ—въ кортесы и государемъ—изъ кортесовъ; законодательная власть присвоена кортесамъ почти безъ всякихъ ограниченій; исполнительная же власть не вся была предоставлена королю: финансовое управленіе, высшая полиція, войско, флотъ, война, миръ, договоры — все это было отдано кортесамъ; даже право короля на назначеніе судей, епископовъ и проч. было под-

чинено ихъ вліянію; подъ страхомъ потери трона, король не имѣлъ права, безъ согласія кортесовъ, жениться или выѣхать за границу; кортесы могли удалять отъ престолонаслѣдія членовъ королевской фамиліи, неспособныхъ къ управленію. Нѣтъ ничего удивительнаго, что король Фердинандъ VII, по возвращеніи своемъ изъ французскаго плѣна въ Испанію, послѣ шестилѣтняго отсутствія (1808—1814 гг.), отказался признать эту конституцію. Это былъ человѣкъ испорченный неблагопріятными обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился съ юности; выросшій и воспитанный въ понятіяхъ абсолютной монархіи, Фердинандъ VII, уничтоживъ майскую конституцію, возстановилъ неограниченную королевскую власть, основанную на инквизиціи, которую онъ тотчасъ же направилъ на враговъ своей неограниченности. Радостныя встрѣчи, сдѣланныя ему народомъ при возвращеніи въ Испанію, убѣдили его, что и народъ одобряетъ возстановленіе прежняго устройства. Въ маѣ 1814 года король обнародовалъ манифестъ, которымъ онъ объявилъ конституцію недѣйствительною, и въ которомъ, назвавъ деспотизмъ несовмѣстнымъ съ цивилизаціею и преданіями Испаніи, обѣщалъ созвать законно-составленные кортесы и обсуждать съ ними всѣ правительственные вопросы. Далѣе—манифестъ объявлялъ свободу личности и имущества, свободу печати, и въ то же время называлъ государственнымъ преступникомъ всякаго, кто бы вздумалъ противиться распущенію кортесовъ 1812 года. Но король скоро забылъ обѣщаніе и началъ свое вторичное правленіе (1814—1833) преслѣдованіями не только всѣхъ афранцесадосовъ (офранцузившихся), т. е. приверженцевъ короля Іосифа Бонапарте, занимавшихъ при немъ какія-либо должности, но и всѣхъ сторонниковъ кортесовъ, къ которымъ принадлежали по большей части вліятельные гверильясы, получившіе извѣстность въ войнѣ за независимость. Монастырскія земли, обращенныя кортесами въ національныя имущества, были возвращены духовенству, а новые ихъ владѣльцы, раскупившіе ихъ по участкамъ, оставлены были нетолько безъ всякаго вознагражденія, но и принуждены были заплатить еще штрафъ за незаконную покупку. Инквизиція, отданная подъ управленіе епископа альмерійскаго *Миръ-Кампилло*, была пущена въ ходъ и, наполнивъ темницы 50 тысячами осужденныхъ по политическимъ преступленіямъ, подвергла ихъ жестокимъ истязаніямъ. Въ арміи—многіе офицеры, отличавшіеся въ рядахъ гверильясовъ, были отставлены отъ службы безъ всякой пенсіи.

Сжатые правительственною силою, приверженцы конституціи притаились на время и начали работу тайную посредствомъ масонскихъ обществъ и заговоровъ. У короля не было никакихъ

средствъ къ борьбѣ съ оппозиціею, кромѣ внѣшней матеріальной силы и поддержки министровъ, которые всѣ оказались неспособными и угождавшими лишь любимцамъ короля (или такъ называемой камарильѣ). Финансы, между тѣмъ, были въ страшномъ разстройствѣ: чиновники, офицеры, солдаты давно уже не получали жалованья и ходили въ лохмотьяхъ, несмотря на то, что снова были введены старые, притѣснительные источники доходовъ, т. е. табачная и соляная монополія, налоги на всѣ съѣстные припасы, высокія пошлины на иностранные товары и поборы въ пользу духовенства. Къ 1820 году оппозиціонная партія усилилась поддержкою со стороны войска и начала революціонныя движенія, которыя обнаружились въ возстаніи солдатъ. Въ Германіи, какъ мы уже видѣли, революціонное броженіе приливало къ университетамъ; на Пиринейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ, гдѣ университеты имѣли весьма мало и научнаго, и политическаго значенія, революціонное движеніе, созрѣвая въ тайныхъ обществахъ масоновъ и карбонаровъ, начало приливать къ вооруженной силѣ—войску.

Возмущенія въ войскѣ начались еще осенью 1814 года [1]). Но всѣ революціонныя попытки до 1820 года были неудачны. Въ 1820 году въ Кадиксѣ собрано было войско, которое должно было отправиться въ южную Америку для наказанія испанскихъ колоній, провозгласившихъ себя независимыми. Отдаленность пути и мысль, что солдатамъ придется биться противъ своихъ же соотечественниковъ-испанцевъ, возбудили сильное неудовольствіе въ войскѣ. Главами заговора были: полковникъ Рафаэль Ріего и поручикъ Квирога, къ которымъ присоединился и главнокомандующій О'Доннель. 1-го января 1820 г., въ сельской церкви около Кадикса, Ріего и Квирога прочитали собраннымъ войскамъ конституцію 1812 года и предложили присягнуть ей, какъ основному закону Испаніи. Половина арміи перешла на ихъ сторону, а другая осталась вѣрною королю. Возстаніе въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ охватило весь полуостровъ, потому что королевскія войска, высланныя противъ мятежниковъ, дѣйствовали вяло, медленно и раздѣльно: возстанія одновременно вспыхивали во всѣхъ частяхъ Испаніи [2]). Король и столица пришли въ ужасъ: королевскій совѣтъ нѣсколько дней пріискивалъ средства потушить возстаніе и недоумѣвалъ, кого назначить начальникомъ войска. Послѣ долгихъ совѣщаній, Фердинандъ VII останавливается на О'Доннелѣ, котораго незадолго передъ этимъ, какъ

---

[1]) Таковы: *попытка Мины*, бывшаго предводителя гверильясовъ, которому удалось бѣжать во Францію; *покушеніе генерала Польера* взбунтовать Галицію—онъ былъ казненъ; *возстанія солдатъ* въ 1817 г. *въ Барцелонѣ* и въ 1819 г. *въ Валенціи*—тоже не имѣвшія успѣха.

[2]) Возвратившійся изъ Франціи Мина дѣйствовалъ за революцію въ Наварр*

подозрительнаго человѣка, отставили отъ начальствованія войскомъ. Выступивъ изъ Мадрита, О'Доннель тотчасъ же передался на сторону мятежниковъ и провозгласилъ майскую конституцію. Видя, что и столица тянетъ на сторону революціи, король объявляетъ о созваніи кортесовъ и обѣщаетъ выполнить все необходимое для блага государства; но толпы народа передъ дворцомъ требуютъ конституціи 1812 года. Фердинандъ VII уступилъ, а 8-го мая присягнулъ этой конституціи: инквизиція и цензура были уничтожены, амнистія была объявлена всѣмъ политическимъ преступникамъ, а высшія должности были замѣщены приверженцами либерализма. Новое собраніе кортесовъ однако не успокоило Испанію.

Хотя инквизиція и цензура были теперь уничтожены кортесами, но новый порядокъ вещей встрѣтилъ многочисленныхъ враговъ въ отставленныхъ чиновникахъ, въ духовенствѣ, недовольномъ новымъ отнятіемъ церковныхъ имуществъ и уничтоженіемъ большей части монастырей, и въ особенности въ той партіи неумѣренныхъ или изступленныхъ (exaltades), которая противодѣйствовала соединенію новаго порядка вещей со старымъ. Всѣ эти обстоятельства предвѣщали новыя волненія и озаботили европейскіе кабинеты. Фердинандъ VII, по обычаю, извѣстилъ всѣ дворы о перемѣнѣ, происшедшей въ формѣ испанскаго правительства. Какъ королю, такъ и приверженцамъ этой перемѣны необходимо было знать мнѣніе объ ней другихъ державъ, въ особенности русскаго императора, могущественнѣйшаго изъ государей Европы. Черезъ испанскаго посланника въ Петербургѣ, Бермудеса, въ Мадритѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что императоръ Александръ съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ о событіяхъ испанскихъ и видитъ въ этомъ плачевныя послѣдствія ошибокъ, которыя уже съ 1814 г. предсказывали катастрофу на Пиринейскомъ полуостровѣ; что императоръ уже не разъ выражалъ желаніе, чтобы власть королевская утвердилась, и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ, съ помощью прочныхъ учрежденій, которыя бы исходили отъ трона съ характеромъ охранительнымъ, а не изъ среды мятежа, когда они порождаютъ хаосъ; и потому средства, которыми Испанія постарается уничтожить впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ мартовскими событіями, опредѣлятъ характеръ отношеній императора къ Мадритскому двору. Такимъ образомъ, Россія высказалась противъ *„солдатской“* революціи, объявивъ, что на кортесахъ лежитъ обязанность смыть это пятно съ Испаніи, что они должны издать строгіе законы противъ мятежниковъ и что только на такихъ условіяхъ союзныя державы могутъ сохранить съ Испаніею дружественныя сношенія. Австрія и Пруссія соглашались со взглядами и планомъ Россіи, который состоялъ въ

томъ, чтобы, сообща съ Франціею, какъ наиболѣе заинтересованною въ этомъ дѣлѣ, пріискать мѣры для успокоенія Испаніи. Но Лондонскій кабинетъ возсталъ противъ такого образа дѣйствій великихъ державъ, говоря, что вмѣшательство во внутреннія дѣла чужого государства можетъ быть оправдано только прямою опасностью вмѣшивающемуся государству, а дѣла Испаніи никому не грозятъ никакою опасностью. Однако случилось, что Испанское правительство само обратилось къ европейскимъ державамъ съ просьбою спасти престолъ и церковь.

Послѣ побѣды революціи надъ абсолютизмомъ Фердинанда VII, Испанія была раздираема партіями, образовавшимися среди самихъ либераловъ и желавшими вырвать власть другъ у друга. Таковы были модерадосы (умѣренные) и экзальтадосы (изступленные); первые съ установленіемъ конституціи считали цѣли свои вполнѣ достигнутыми; вторые считали всякую остановку въ движеніи шагомъ назадъ, не довѣряли королю и, подобно французскимъ якобинцамъ, требовали введенія системы терроризма для устрашенія враговъ конституціи. Дѣйствительно, въ маѣ 1821 г. послѣдніе одолѣли своихъ противниковъ и въ Мадритѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ устроили кровавыя сцены, напоминавшія время французскаго террора. Но это только повредило дѣлу конституціи и помогло Фердинанду VII. Подъ защитою арміи гверильясовъ, образовалась апостольская партія или *воинство вѣры* [1]) для спасенія церкви и престола. Подъ предлогомъ, что король содержится въ плѣну своими врагами, воинство вѣры провозгласило себя законнымъ правительствомъ, избрало Сео-д'Ургель своимъ мѣстопребываніемъ и вступило въ сношенія съ иностранными державами. Но скоро успѣхи экзальтадосовъ, надъ которыми принялъ начальство возвратившійся изъ Франціи Мина, разсѣяли воинство вѣры и само регентство должно было покинуть Сео-д'Ургель и бѣжать во Францію; а король дѣйствительно попался въ плѣнъ революціонерамъ (іюль 1822). Эти извѣстія встревожили всю Европу.

На Веронскомъ конгрессѣ, собравшемся *въ октябрѣ 1822 года*, рѣшено было, принявъ во вниманіе протестъ Англіи, сдѣлать конституціонному правительству Испаніи представленіе на счетъ его опасныхъ стремленій, и если ни угрозы первоклассныхъ державъ, ни совѣты французскаго правительства, высказанные въ самомъ умѣренномъ тонѣ, не подѣйствуютъ на испанскихъ революціонеровъ, Франція вышлетъ свое войско для возстановленія законнаго правительства и порядка. Король Людовикъ XVIII и министерство

[1]) Во главѣ его стояли архіепископъ Таррагонскій Матафлорида и баронъ д'Эролезъ.

Виллеля, — хотя и на дѣлѣ видѣли вредное вліяніе Испанской революціи на Францію, въ которой оно стало проявляться волненіями и мятежами, имѣвшими цѣлью низвергнуть тронъ Бурбоновъ, — за недостаткомъ финансовъ, надѣялись отклонить вооруженное вмѣшательство дружескими совѣтами и побужденіемъ къ уступкамъ. Но испанскіе революціонеры рѣзко отвергли посредничество Франціи и также рѣзко отвѣчали на ноты другихъ державъ. Стотысячная армія, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, получила приказаніе двинуться въ Испанію пятью корпусами (маршалъ Удино, князь Гогенлое, генералъ Молиторъ, маршалъ Монсей, генералъ Бурдесу). До Каталоніи войско прошло безпрепятственно: народъ, настроенный духовенствомъ, встрѣчалъ французовъ, какъ своихъ избавителей отъ революціонеровъ-еретиковъ. Только при переправѣ черезъ р. Бидассоа французы должны были оружіемъ пролагать себѣ путь. Въ маѣ, герцогъ Ангулемскій вступилъ съ войскомъ въ Мадритъ и учредилъ здѣсь регентство подъ предсѣдательствомъ герцога Инфантадо, которое тотчасъ распустило кортесовъ. Ріего покусился-было возжечь новое возстаніе въ Малагѣ, но былъ взятъ и казненъ на висѣлицѣ. Оставалось для успокоенія Испаніи взять Кадиксъ, куда удалились конституціонные кортесы и гдѣ находился плѣнникомъ у нихъ Фердинандъ VII. Осада Кадикса, длившаяся почти два мѣсяца, кончилась съ успѣхомъ: революціонеры освободили короля, взявъ съ него слово амнистіи; но большая часть ихъ удалилась въ Гибралтаръ. Въ ноябрѣ 1823 года, Фердинандъ торжественно въѣхалъ въ Мадритъ и декретомъ объявилъ недѣйствительнымъ все то, что произошло съ 1820 по 1823 годъ. Конституція „18-го мая 1812 года“ была уничтожена, и старая система правленія, за исключеніемъ инквизиціи, возобновилась. Лучшее время для приверженцевъ кортесовъ наступило только послѣ смерти Фердинанда VII.

Исторія Испаніи, послѣ Фердинанда VII (1833), представляетъ междоусобную борьбу карлистовъ съ христиносами. Первые поддерживали абсолютизмъ и права на престолъ Дона-Карлоса, брата Фердинанда VII, а послѣдніе стояли за кортесы, требовали возобновленія конституціи 1812 года и поддерживали права на престолъ Изабеллы, дочери Христины и Фердинанда VII. Борьба эта окончилась торжествомъ христиносовъ и либеральной партіи.

Фердинандъ VII въ 1829 году вступилъ въ (четвертый) бракъ съ неаполитанскою принцессою Маріею-Христиною, сестрою герцогини Беррійской, и это четвертое супружество подавало королю надежду на потомство. На случай, если королева разрѣшится отъ бремени дочерью, король въ 1830 г. издалъ „прагматическую

санкцію", по которой Салическій законъ, принесенный въ 1700 г. Бурбонами въ Испанію и лишавшій женское колѣно престолонаслѣдія, уничтожался и замѣнялся старымъ кастильскимъ закономъ, не отрицавшимъ женскихъ правъ на престолъ. Дѣйствительно, въ октябрѣ 1830 г. королева родила дочь Изабеллу, которая и названа была принцессою астурійскою, т. е. наслѣдницею престола. Такія распоряженія короля крайне не нравились абсолютистамъ, которые возлагали всѣ свои надежды на Дона-Карлоса, долженствовавшаго, по Салическому закону, занять Испанскій престолъ. Донъ-Карлосъ протестовалъ противъ прагматической санкціи, заявляя, что перемѣны въ порядкѣ престолонаслѣдія зависятъ отъ рѣшенія не одного короля, но всѣхъ членовъ королевскаго семейства. На сторонѣ его находился и духовникъ короля, съ помощью котораго абсолютисты рѣшились воспользоваться тяжкою болѣзнью Фердинанда VII: убѣжденный духовникомъ и министромъ (Каломарде), представлявшими умирающему всѣ ужасы будущаго междоусобія, король отмѣнилъ санкцію. Но, оправившись отъ болѣзни, Фердинандъ VII возмутился противъ вѣроломной продѣлки своихъ приближенныхъ, удалилъ духовника, смѣнилъ нѣкоторыхъ министровъ, изгналъ своего брата и, созвавъ кортесы въ ихъ прежней формѣ, заставилъ ихъ присягнуть своей дочери, какъ будущей королевѣ, а мать ея, Марію-Христину, признать регентшею за ея малолѣтствомъ. Донъ-Карлосъ удалился въ Португалію, откуда вторично протестовалъ противъ нарушенія закона о престолонаслѣдіи. Такимъ образомъ, когда въ 1833 г. Фердинандъ VII умеръ, междоусобная фамильная борьба сдѣлалась неизбѣжною, такъ какъ апостольская партія провозгласила своимъ королемъ Дона-Карлоса, подъ именемъ Карла V, а либеральная партія сгруппировалась около королевы Изабеллы II и ея матери-регентши, Маріи-Христины. Низшіе классы народа, особенно сельское населеніе и горцы, крѣпко державшіеся старыхъ іерархическихъ и монархическихъ учрежденій, примкнули къ карлистамъ, тогда какъ городское и военное сословія, стоявшія за кортесы и майскую конституцію, были на сторонѣ христиносовъ; сѣверная и сѣверозападная часть Испаніи были привержены карлистамъ, а юговосточная часть и столица стояли за христиносовъ. Карлистовъ поддерживали всѣ абсолютныя державы, итальянскіе дворы, Португалія и консервативныя государства Европы. Христиносы нашли себѣ нѣкоторую поддержку въ либеральныхъ правительствахъ Франціи и Англіи.

Вступивъ въ управленіе государствомъ, регентша составила либеральное министерство, во главѣ котораго стоялъ Мартинецъ-де-ла-Роза, и издала въ апрѣлѣ 1834 г. *королевскій статутъ* (Esta-

tuto real), по которому кортесы, раздѣленные на двѣ камеры, получали участіе въ законодательствѣ, опредѣленіи податей и налоговъ. Но крайніе либералы были этимъ недовольны и, какъ мы увидимъ ниже, раздѣлились на двѣ партіи: *модерадосовъ* и *прогрессистовъ*, чѣмъ и облегчили на нѣкоторое время успѣхи карлистамъ.

Карлистское возстаніе началось въ Баскскихъ провинціяхъ. Баски, недовольные конституціею, уничтожившею ихъ прежнія права и привилегіи (fueros), возстали на защиту стараго порядка вещей и партіи карлистовъ. Во главѣ ихъ стоялъ народный герой Сумалакаррегви, одаренный необычайными способностями и умѣвшій сформировать изъ басковъ и явившихся изъ другихъ странъ волонтеровъ дисциплинированное и храброе войско, противъ котораго не могли устоять искуснѣйшіе христиносскіе генералы, несмотря на численное превосходство своихъ армій. Эти успѣхи басковъ ободрили карлистовъ, особенно когда среди нихъ явился самъ Донъ-Карлосъ. Тогда регентша обратилась за помощью къ Англіи и Франціи, которыя выслали по одному легіону для поддержки христиносовъ. Но такая ничтожная помощь не могла измѣнить положенія дѣлъ, несмотря на то, что герой басковъ Сумалакаррегви былъ смертельно раненъ при Вильвао. Во главѣ мятежа, распространившагося изъ Бискайи на Аррагонію, стоялъ теперь новый Сумалакаррегви въ лицѣ Кабреры—студента, бѣжавшаго изъ университета и дѣйствовавшаго съ страшною жестокостью противъ христиносовъ, которымъ онъ мстилъ за разстрѣляніе своей матери. Положеніе правительницы сдѣлалось еще затруднительнѣе, когда противъ нея вооружилась партія прогрессистовъ, требовавшая безусловнаго возстановленія конституціи 1812 года. Прогрессисты подняли знамя возстанія въ Барцелонѣ, Мадритѣ и другихъ большихъ городахъ, въ которыхъ уже начинали образовываться самостоятельныя юнты. Вооруженная толпа прогрессистовъ, въ ночь съ 12-го на 13-е августа 1836 г., двинулась къ королевскому дворцу Ла-Гранха, гдѣ правительница имѣла свое мѣстопребываніе, соединилась здѣсь съ однимъ изъ гвардейскихъ полковъ и принудила регентшу принять конституцію 1812 года, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы она была вновь пересмотрѣна кортесами. Пересмотръ конституціи былъ оконченъ кортесами къ іюню 1837 г., но не въ пользу прогрессистовъ, такъ какъ, по прежнему, законодательная власть раздѣлена была между двумя палатами кортесовъ: сенаторами и депутатами, а не отдана была общей камерѣ, какъ желали того прогрессисты.

Съ половины 1837 г. междоусобная борьба принимаетъ обрат-

ный ходъ. Съ этого времени успѣхъ переходитъ на сторону христиносовъ, среди которыхъ появились два способныхъ генерала въ лицѣ Эспартеро и Нарваэса, тогда какъ въ станѣ карлистовъ произошелъ разладъ; баски успѣли уже примириться съ правительницею, обѣщавшею подтвержденіе ихъ прежнихъ fueros'овъ. Когда весною 1837 г. Донъ-Карлосъ двинулся къ Мадриду, Эспартеро, подоспѣвшій во-время на защиту столицы, заставилъ его отступить; армія его разсѣялась, и съ этого момента можно считать дѣло карлистовъ уже проиграннымъ. Считая свое пребываніе небезопаснымъ въ Испаніи, Донъ-Карлосъ со всѣмъ семействомъ переѣхалъ во Францію и отдался подъ покровительство Луи-Филиппа, который назначилъ ему мѣстопребываніе въ Буржѣ, подъ приличнымъ надзоромъ.

Съ удаленіемъ Донъ-Карлоса, волненія въ Испаніи не прекратились: теперь начинается борьба либеральныхъ партій или двухъ соперниковъ—Нарваэса и Эспартеро—по поводу вопросовъ внутренней политики. Дѣло въ томъ, что правительница, женщина страстная и себялюбивая, была далека отъ сознанія необходимости коренныхъ преобразованій въ духѣ либерализма; она пользовалась кортесами и ихъ приверженцами для того только, чтобы отстранить Донъ-Карлоса отъ престолонаслѣдія и конфисковать его имущества; а потому, съ удаленіемъ его во Францію, она возвратилась къ старой правительственной системѣ, оскорбляла часто чувство народной чести, напримѣръ вступленіемъ въ бракъ съ лейбъ-гвардейцемъ камергеромъ Муньосомъ, возведеннымъ въ званіе герцога Ріансаресъ. Во многихъ мѣстностяхъ замѣтны были волненія и формировались юнты по поводу требованія конституціи 1812 года, и когда Христина объявила Мадридъ и другіе города въ осадномъ положеніи, Эспартеро (герцогъ Витторія), провозглашенный кортесами первымъ министромъ, потребовалъ у правительницы удаленія камарильи и возстановленія майской конституціи. Оскорбленная въ своей властолюбивой гордости и будучи не въ силахъ отвергнуть эти требованія, Христина отказалась отъ регентства и отправилась во Францію, а кортесы, вновь созванные, назначили регентомъ Эспартеро (1841). Но приверженцы Христины, поддерживаемые Франціей и огромными денежными средствами правительницы, возбудили волненія противъ Эспартеро, распуская слухи, что королева Изабелла находится у него въ плѣну. Въ интригахъ противъ регента особенно усердно дѣйствовали генералы Примъ и Нарваэсъ. Борьба партій усилилась еще болѣе, когда настало время рѣшить вопросъ о замужествѣ Изабеллы: Эспартеро, приверженный къ Англіи и называемый за это „англолюбивымъ гер-

цогомъ", поддерживалъ планы Англіи — сочетать ее бракомъ съ какимъ-либо принцемъ не изъ династіи Бурбоновъ; а мать, подъ вліяніемъ совѣтовъ французскаго правительства, хотѣла сохранить Испанію въ домѣ Бурбоновъ. Для достиженія этой цѣли необходимо было свергнуть регентство Эспартеро. Нарваэсъ, снабженный деньгами Христины, на которыя онъ набралъ значительное войско, высадился въ Валенсіи (1843) и двинулся къ Мадриду. Регентъ бѣжалъ въ Кадиксъ, а оттуда удалился въ Англію. Нарваэсъ былъ возведенъ въ званіе герцога Валенсіи, и сдѣланъ первымъ министромъ, а Марія Христина снова призвана въ Испанію. Съ этихъ поръ, въ Мадридѣ господствовала французская политика Луи-Филиппа, враждебная либерализму,—политика, вѣнцомъ которой былъ такъ называемый „двойной испанскій бракъ". Несмотря на всѣ хлопоты европейскихъ дипломатовъ — пріискать испанской королевѣ жениха, который бы не мѣшалъ интересамъ ни одной изъ великихъ державъ, Луи-Филиппъ, сообща съ матерью королевы, устроилъ дѣло такъ, что Изабелла II выдана была замужъ за своего двоюроднаго брата Франциска д'Ассисъ (сына старшаго брата Дона-Карлоса), а младшая ея сестра Луиза отдала руку меньшему сыну Луи-Филиппа, герцогу Монпансье.

Самымъ спокойнымъ періодомъ для Испаніи было время съ 1848—1852 годъ—время, какъ извѣстно, для остальной Европы крайне тревожное, когда по ту сторону Пиринеевъ замѣтно колебался болѣе надежный тронъ Луи-Филиппа. Такое ненормальное явленіе происходило, по мнѣнію историка Шлоссера, отъ того обстоятельства, что „исторія испанскаго государства этого времени никакъ не можетъ быть принимаема за исторію испанскаго народа или за исторію идей и страстей, преобладающихъ въ его массахъ: исторія Испаніи ко времени 1848 г. превратилась въ чисто дворцовую исторію, или исторію такъ называемой камарильи". Подъ именемъ камарильи, по испанскимъ понятіямъ, разумѣется кружокъ приближенныхъ государя, безъ различія будутъ-ли это родственники государя, любимцы, патеры, монахи или камеристки, которымъ, въ какіе нибудь полчаса, удавалось отрѣшать отъ мѣста такихъ вліятельныхъ лицъ, какъ министры, противъ которыхъ часто парламентская оппозиція напрасно истощала свои силы. Мадридская камарилья, во главѣ которой опять стояла съ 1848 г., возвратившаяся Марія-Христина, устроила паденіе Нарваэса (1851 г.). Его мѣсто занялъ Браво-Мурильо, послушное орудіе въ рукахъ королевы-матери, безпечный министръ, допустившій усилиться и партіи республиканской, и карлистской. Принявъ министерскій портфель, Браво-Мурильо обѣщалъ очень много: эко-

номію въ государственныхъ расходахъ, улучшеніе контингента администраціи, безпристрастное правосудіе и честность; но, въ дѣйствительности, это министерство не выполнило ни одного изъ этихъ обѣщаній. Неудовольствіе росло, и въ отдаленныхъ уголкахъ Испаніи уже замѣчалось сильное броженіе.

Неудавшееся покушеніе на жизнь Изабеллы II (февраль 1852 г.), когда она, по народному обычаю, послѣ разрѣшенія отъ бремени, въ первый разъ посѣтила церковь,—покушеніе, сдѣланное фанатикомъ-священникомъ Мерино,—послужило для Христины предлогомъ къ преслѣдованіямъ прогрессистовъ и республиканцевъ, но, съ другой стороны, оно содѣйствовало и ея окончательному паденію. Несогласіе Мурильо съ образомъ дѣйствій Христины имѣло послѣдствіемъ отставку перваго министра. Репрессивныя мѣры, принятыя правительствомъ противъ либеральной партіи, вызвали открытое возстаніе. Войско, подъ начальствомъ О'Доннеля, явилось въ Мадридъ и потребовало удаленія правительницы изъ предѣловъ Испаніи. Марія Христина удалилась во Францію, и съ этого времени начинается самостоятельное правленіе королевы Изабеллы II. Съ побѣдою прогрессистовъ явился и ихъ старинный предводитель Эспартеро,—эта единственная свѣтлая личность въ испанскомъ правительствѣ. Въ теченіи 3-хъ лѣтъ, занимая постъ перваго министра, Эспартеро произвелъ много полезныхъ реформъ въ странѣ: онъ преобразовалъ армію, завелъ правильно организованную полицію и содѣйствовалъ улучшенію путей сообщенія. Въ 1856 году, несогласія съ королевой, нелюбившей „скучнаго республиканца", заставили Эспартеро выйти въ отставку, а его мѣсто занялъ О'Доннель, которому пришлось отстаивать права королевы противъ новаго претендента на престолъ, новаго вождя карлистовъ—графа Монтемолино, сына Донъ-Карлоса. По примѣру отца, принявъ титулъ короля, подъ именемъ Карла VI, Монтемолино отправился къ Баскамъ и оттуда началъ свою пропаганду. Вяло собирались волонтеры подъ знамена Карла VI. Но онъ еще долго держался въ горахъ сѣверной Испаніи.

Изабелла царствовала до 1867 года, когда въ сентябрѣ этого-же года вспыхнула революція. Отправленные въ ссылку на Канарскіе острова генералы Серрано и Примъ явились на родину; адмиралъ Топете со всѣмъ своимъ флотомъ присоединился къ нимъ, и всѣ большіе города, въ томъ числѣ и столица, восторженно привѣтствовали освобожденіе отъ расточительнаго управленія придворныхъ фаворитовъ. Въ Испаніи была провозглашена республика и первымъ ея президентомъ былъ избранъ Серрано. Королева Изабелла выѣхала изъ Испаніи и поселилась въ Парижѣ. Прави-

тельству республики выпала на долю тяжелая задача: съ одной стороны выдерживать борьбу съ недовольными партіями, а съ другой — вести войну съ Донъ-Карлосомъ VI, успѣвшимъ, за послѣднее время, навербовать значительные отряды. Въ 1872 году монархическій режимъ восторжествовалъ: послѣ неудавшейся гогенцоллернской кандидатуры, избранъ былъ на престолъ Испаніи принцъ Амедей, сынъ Виктора-Эммануила, короля Италіи. Онъ продержался однако не болѣе двухъ лѣтъ и, въ февралѣ 1873 года, покинулъ Испанію, отказавшись отъ престола. Въ Испаніи была снова объявлена республика, а президентомъ ея былъ провозглашенъ Эмилію Кастелляръ. Въ началѣ 1874 г. кортесы, недовольные политикою президента, выразили ему свое порицаніе, а на другой день генералъ-капитанъ Мадрида, генералъ Павіа, разогналъ собраніе кортесовъ и передалъ президентство маршалу Серрано. Приверженцы новаго Дона-Карлоса (Карла VII) подняли еще разъ на сѣверѣ возстаніе, которое теперь приняло значительные размѣры. Въ декабрѣ 1874 г. генералъ Мартинецъ-Кампосъ провозгласилъ королемъ 16-ти лѣтняго сына Изабеллы, Донъ-Альфонса XII [1]), находившагося въ то время въ Парижѣ. Армія одобрила этотъ выборъ. Дѣйствія противъ карлистовъ продолжались съ перемѣннымъ счастьемъ и окончились подавленіемъ возстанія: Донъ-Карлосъ удалился въ Мексику.

Б) Революціонныя движенія на аппенинскомъ полуостровѣ въ эпоху конгресовъ.

Въ то время, когда европейскіе государи заняты были сношеніями по дѣламъ испанскимъ, въ Италіи вспыхнула революція. Она охватила Неаполь, Сицилію и Сардинію.

Вѣнскимъ конгрессомъ въ Италіи были возстановлены прежнія правительства и прежняя система правленія: въ Неаполѣ началъ царствовать съ 1815 г. Фердинандъ IV подъ именемъ Фердинанда I, съ титуломъ короля Обѣихъ Сицилій (послѣ паденія Мюрата Сицилія была присоединена къ Неаполю); въ Сардиніи, владѣнія которой увеличились присоединеніемъ Генуи, вступилъ на престолъ

[1]) Король Альфонсъ XII родился 28 ноября 1857 г.; провозглашенъ королемъ въ декабрѣ 1874 г.; принялъ власть въ январѣ 1874 г. По послѣдней испанской конституціи, законодательная власть принадлежитъ королю и кортесамъ, состоящимъ изъ двухъ палатъ: 1, *Сенатъ* состоитъ изъ: а) сенаторовъ по праву (таковы—принцы крови и испанскіе гранды; б) сенаторовъ, пожизненно назначаемыхъ королемъ и в) сенаторовъ, избираемыхъ сословіями государства; 2) Палата депутатовъ состоитъ: изъ членовъ, избираемыхъ на 5 лѣтъ, въ пропорціи 1 депутатъ на 35 тыс., жителей. Система выборовъ—посредствомъ избирательныхъ коллегій.

Викторъ-Эммануилъ; въ Римѣ — папа Пій VII. Они уничтожили въ своихъ владѣніяхъ всѣ слѣды французскаго владычества и возстановили прежній порядокъ вещей. Такъ, папа Пій VII успѣлъ возвратить себѣ всѣ права іерархической власти, которыми пользовался до французской революціи. Буллою 1814 г. онъ возстановилъ орденъ іезуитовъ, уничтоженный Климентомъ XIV въ 1773 г., и запретилъ существованіе библейскихъ обществъ, какъ распространяющихъ свободомысліе и подготовляющихъ народныя движенія противъ законныхъ правительствъ.

Раньше всѣхъ другихъ итальянскихъ государствъ революціонное движеніе обнаружилось въ Неаполѣ. Подобно тому, какъ тайное общество масоновъ въ Испаніи подготовило революцію, такъ въ Италіи она подготовлена была *тайнымъ обществомъ карбонаровъ*. Они, подобно масонамъ, собирались на совѣщанія въ такъ называемыя ложи или venditi и узнавали другъ друга по условнымъ атрибутамъ. Эти тайныя общества обязаны своимъ существованіемъ самимъ правительствамъ, противъ которыхъ они теперь дѣйствовали: они явились, какъ реакція противъ господства французовъ, владѣвшихъ до этого времени Италіею. Итальянскіе карбонары дѣлились на 5 степеней: ученики, магистры, великіе магистры, просвѣтленные и высокопросвѣтленные; глава назывался патріархомъ. Для своихъ цѣлей карбонары раздѣлили Италію на одиннадцать провинцій, главнѣйшими городами которыхъ были: Римъ, Неаполь, Венеція, Миланъ, Туринъ и Флоренція. Правленіе состояло изъ пяти сенаторовъ, имѣвшихъ свое мѣстопребываніе въ Римѣ; въ другихъ городахъ находились трибуналы, состоявшіе изъ семи и пяти трибуновъ, смотря по величинѣ города; трибуны сносились съ трибунами большихъ городовъ, а тѣ — съ сенаторами Рима. Сенаторы избирались трибунами главныхъ городовъ, послѣдніе назначались сенаторами. Обязанность трибуновъ состояла въ направленіи духа и дѣятельности низшихъ членовъ общества, которые не должны были знать лицъ, облеченныхъ высшею властью. Впослѣдствіи карбонаризмъ распался на отдѣльныя тайныя общества, имѣвшія цѣлью или независимость Италіи, или объединеніе полуострова, или введеніе конституціоннаго правленія, или провозглашеніе общей демократической республики. Таковы были *Гвельфы* и *Консисторіалы*, которые стремились, по освобожденіи Италіи отъ Австрійцевъ, раздѣлить ее на три части между папою, Сардиніею и Моденою. Менѣе значительныя карбонарскія общества были: *„общество со знакомъ смерти“*, члены котораго были самыми горячими сторонниками крайней демократической республики; *реформированные иллюминаты* (масоны), хотѣвшіе соединенія Ита-

ліи подъ одну корону; *адельфы* (братья) — въ Піемонтѣ, дѣйствовавшіе въ пользу принца Кариньянскаго, около котораго группировались одно время итальянскіе либералы.

Хотя неаполитанское правительство строго преслѣдовало эти тайныя общества, однако они распространялись съ чрезвычайною быстротою и образовали формальную оппозицію противъ правительства, въ особенности когда карбонаризмъ проникъ въ армію. Испанская революція окончательно взволновала неаполитанцевъ, подготовленныхъ къ возстанію карбонарами. Сигналъ къ возстанію подали 1820 г. два карбонара: кавалерійскій офицеръ Михаилъ Морелли и священникъ Маникини: они съ отрядомъ національной гвардіи вышли изъ города Нолы при крикахъ: „Богъ, король и конституція". Толпа, пристававшая къ нимъ, росла съ каждымъ шагомъ: изъ Неаполя, для соединенія съ ними, явился цѣлый полкъ подъ командою карбонара генерала Пепе, которому и передано было главное начальство. Войска, высланныя королемъ, передались на сторону революціонеровъ, послѣ чего возстаніе быстро охватило всѣ провинціи. Въ ночь съ 5-го на 6-е іюня нов. ст. отъ карбонаровъ явилась депутація во дворецъ въ числѣ пяти человѣкъ и отъ имени войска, гражданъ и тайныхъ обществъ потребовала отъ Фердинанда испанской конституціи, давая королю только двухчасовой срокъ. Какъ мало понимали агитаторы возстанія цѣль свою, видно изъ того, что они незнакомы были даже съ существенными основами испанской конституціи, которой сами требовали. Говорятъ, что когда стали освѣдомляться, что это за испанская конституція 1812 года, то ни одного экземпляра ея не могли найти въ Неаполѣ. Чтобы отклониться отъ исполненія этого требованія, король сказался больнымъ и поручилъ своему сыну Франциску, герцогу Калабрійскому, назначенному регентомъ, усмирить возстаніе (которое тогдашній англійскій резидентъ въ Неаполѣ справедливо называетъ „странною революціею"). Регентъ пообѣщалъ народу введеніе испанской конституціи, король подтвердилъ обѣщаніе сына и столица успокоилась: волненія продолжались только въ провинціяхъ. „Вообще революція въ Неаполѣ", по словамъ историка Менцеля, „скорѣе похожа на что-то въ родѣ святочной шутки, чѣмъ на серьезный политическій актъ" [1]).

---

[1]) Англійскій резидентъ писалъ изъ Неаполя: „Одна изъ самыхъ странныхъ революцій! Королевство въ высшей степени цвѣтущее и счастливое, находившееся подъ самымъ кроткимъ правленіемъ, вовсе не отягченное податями, падаетъ передъ шайкою инсургентовъ, которую полъ-баталіона хорошихъ солдатъ уничтожили бы въ минуту. Такова сила примѣра и слова, непонимаемаго половиною тѣхъ, которые его употребляютъ. Каждый неаполитанскій офицеръ хочетъ теперь быть Квирогою и слово „конституція" производитъ на всѣхъ чародѣйственное

Одновременно съ революціею въ Неаполѣ, обнаружилось возстаніе въ Сициліи, имѣвшее цѣлью отдѣлить Сицилію отъ зависимости Неаполя. Въ праздникъ св. Розаліи (1820 г.) произошла стычка между народомъ и войскомъ, въ которой войско было побито; намѣстникъ бѣжалъ съ острова, предоставивъ столицу Сициліи на разграбленіе и опустошеніе взбунтовавшимся. Въ Палермо учреждена была правительственная юнта, главою которой сдѣлался любимецъ островитянъ, графъ Виллафранка. Король, однако, не призналъ народнаго правительства Сициліи и отправилъ для наказанія бунтовщиковъ пятитысячный отрядъ войска, подъ командою генерала Флорестана Пепе [1]). Только жители Палермо оказали сопротивленіе: они приготовились къ бою и выдерживали осаду до октября. Пепе принудилъ городъ къ сдачѣ голодомъ и заключилъ капитуляцію, по которой жителямъ Сициліи дарована была амнистія и самимъ островитянамъ предложено рѣшить — долженъ ли островъ имѣть свой отдѣльный парламентъ, или, въ соединеніи съ Неаполитанскимъ королевствомъ, онъ будетъ пользоваться одинаковою конституціею. Фердинандъ не утвердилъ однако и этой капитуляціи и на мѣсто генерала Пепе послалъ въ Сицилію генерала Коллету, который, усиливъ свой отрядъ еще 3-мя тысячами, возстановилъ спокойствіе въ Сициліи.

Неаполитанская революція встревожила европейскіе кабинеты, и въ особенности Австрію, гораздо сильнѣе, чѣмъ испанская: революція могла охватить всю Италію и проникнуть въ сѣверныя части, гдѣ находились австрійскія владѣнія. Потому Австрія ранѣе другихъ державъ озаботилась о подавленіи неаполитанской революціи. Она усилила свои войска въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ и, въ то же время, императоръ Францъ письменно приглашалъ на свиданіе въ Пестъ русскаго императора и прусскаго короля. Но императоръ Александръ I отклонилъ свиданіе въ Пестѣ, а потребовалъ, на основаніи акта Священнаго Союза, созванія конгресса, именно въ г. Троппау (въ Австрійской Силезіи).

вліяніе. Мы не должны себя обманывать: дѣло не въ конституціи, а въ торжествѣ якобинства, т. е. войны бѣдности противъ собственности; низшіе классы выучились сознавать свою силу. Такого отеческаго и либеральнаго правленія еще никогда не было въ этой странѣ. Съ большею строгостью и съ большимъ недовѣріемъ можно было бы достигнуть другихъ результатовъ. Тайныя общества и неслыханная измѣна войска, хорошо одѣтаго, получающаго хорошее жалованье, низвергли правительство, популярное въ большей части народа и надобно замѣтить, что эти тайныя общества обязаны своимъ существованіемъ самому-же правительству, низверженію котораго они теперь такъ много содѣйствовали. Они были изобрѣтены и поощряемы, какъ машина, способная подкопать могущество французовъ, завладѣвшихъ страною въ эпоху коалиціонныхъ войнъ.

[1]) Родной братъ того генерала Пепе, о которомъ только-что было упомянуто при изложеніи волненій въ Неаполѣ.

Франція, основываясь на Ахенскихъ рѣшеніяхъ, также указывала на необходимость конгресса. Въ мемуарѣ князя Меттерниха, разосланномъ къ европейскимъ кабинетамъ, ясно высказывалось намѣреніе Австріи посредствомъ военной силы возстановить въ Неаполѣ старый порядокъ вещей; императоръ же Александръ I, какъ видно изъ письма его къ императору Францу, не желалъ полнаго возстановленія стараго порядка вещей въ Неаполѣ, но указывалъ на необходимость порядка, поставленнаго на законныхъ основаніяхъ, чего хотѣла и конституціонная Франція. Вообще Австріи не нравилась форма совѣщаній въ видѣ конгресса оттого, что: 1) при этомъ протянется время; 2) надобно будетъ подчиниться рѣшеніямъ конгресса, и 3) трудно было ей ожидать, чтобы конгрессъ согласился на возстановленіе стараго порядка въ Неаполѣ. Только Англія за одно съ Австріею была противъ конгресса, а Пруссія, Россія и Франція стояли за конгрессъ. Австрія уступила, а Англія рѣшительно отказалась отъ участія въ конгрессѣ, указывая на свою парламентскую форму правленія, какъ на главное препятствіе къ этому участію. (Отъ Англіи, потому, не было уполномоченнаго въ Троппау, а прибылъ сюда только посланникъ британскаго кабинета въ Вѣнѣ, лордъ Стюартъ). Франція, какъ держава конституціонная, сочла своею обязанностью принять взгляды Англіи; она тоже не послала своего уполномоченнаго на конгрессъ, а отправила туда двухъ дипломатовъ—маркиза Карамана, посланника своего при Вѣнскомъ дворѣ, и графа Ла-Ферронэ, посланника при дворѣ Петербургскомъ. $^{8}/_{20}$-го октября 1820 г. прибыли въ одинъ день въ Троппау императоры русскій и австрійскій; перваго сопровождали: графъ Каподистріа, представитель либеральнаго направленія, и графъ Нессельроде, представитель консервативнаго направленія; съ австрійскимъ императоромъ прибылъ князь Меттернихъ, съ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ (король былъ боленъ)—князь Гарденбергъ и министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсторфъ. Конгрессъ открылся въ ноябрѣ 1820 г., подъ предсѣдательствомъ Меттерниха. Князь представилъ уполномоченнымъ мемуаръ, въ которомъ рельефно были выставлены опасности отъ неаполитанской революціи для Австріи и всей Италіи: далѣе говорилось, что императоръ австрійскій собралъ достаточныя силы для дѣйствій противъ Неаполя и надѣется на поддержку союзниковъ. Разумѣется, онъ не могъ ждать возраженія со стороны Англіи, для которой было совершенно все равно, какія формы правленія существуютъ на континентѣ. Но другое дѣло—Франція, которая всегда старалась поддерживать тѣ начала правительственной системы, которыя были у нея самой. Ла-Фероннэ первый заговорилъ

противъ австрійскаго мемуара, доказывая, что движеніе австрійскихъ войскъ къ Неаполю усилитъ ту ненависть, которую давно Итальянская нація питаетъ къ Австріи. Вслѣдствіе этого возраженія, мнѣнія на конгрессѣ раздѣлились: Каподистріа былъ согласенъ съ Ла-Фероннэ, Нессельроде склонялся къ Меттерниху; Пруссія была за австрійское предложеніе; Англія не высказывалась. Общее вниманіе теперь было обращено на то, что скажетъ русскій мемуаръ. Графъ Каподистріа сообщилъ конгрессу слѣдующее: раньше, чѣмъ прибѣгнуть къ силѣ, надобно предложить неаполитанскому правительству отречься отъ принципа возстанія, потомъ установить такой порядокъ вещей, который бы соотвѣтствовалъ настоящему народному желанію, и только въ случаѣ отказа австрійская армія можетъ двинуться къ Неаполю. Всѣ усилія Меттерниха убѣдить Александра I отказаться или измѣнить мемуаръ остались тщетными; только предложеніе Австріи пригласить на конгрессъ и неаполитанскаго короля и перенести конгрессъ въ г. Лайбахъ, ближайшій къ Италіи, было принято императоромъ русскимъ. Протоколъ Троппаускаго конгресса былъ подписанъ $^{7}|_{19}$-го ноября только тремя державами: Россіею, Пруссіею и Австріею; въ немъ было сказано: „государства, входящія въ европейскій союзъ, подвергшись измѣненію своихъ правительственныхъ формъ посредствомъ мятежа, измѣненію, которое будетъ грозить опасными послѣдствіями для другихъ государствъ, перестаютъ чрезъ это самое быть членами союза и остаются исключенными изъ него до тѣхъ поръ, пока ихъ внутреннее состояніе не представитъ ручательствъ за порядокъ и прочность. Союзныя государства не ограничатся провозглашеніемъ этого исключенія, но обязываются другъ передъ другомъ не признавать перемѣнъ, совершенныхъ незаконнымъ путемъ. Когда государства, гдѣ совершились подобныя перемѣны, будутъ грозить сосѣднимъ странамъ явною опасностью и когда сосѣднія державы могутъ оказать на нихъ дѣйствительное и благодѣтельное вліяніе, въ такомъ случаѣ они употребляютъ для возвращенія первыхъ въ нѣдра союза сначала дружескія увѣщанія, а потомъ и принудительныя мѣры, если употребленіе силы окажется необходимо“.

Неаполитанскій парламентъ изъявилъ свое согласіе на отъѣздъ короля въ Лайбахъ, когда онъ пообѣщалъ защищать на конгрессѣ новое конституціонное устройство. Въ январѣ 1821 г. онъ прибылъ въ Лайбахъ и тотчасъ же началъ жаловаться на то, что случилось съ нимъ въ Неаполѣ, прямо высказывая желаніе, чтобы все было возстановлено по старому, для чего необходима вооруженная сила. Согласно рѣшенію протокола, положено было отпра-

вить въ Неаполь дружеское предложеніе союзниковъ—возвратиться къ старому порядку; но Неаполитанскій парламентъ отвергъ эту мѣру и объявилъ рѣшенія конгресса несовмѣстными съ достоинствомъ, честью и независимостью неаполитанскаго народа. Оставалось прибѣгнуть къ вооруженному вмѣшательству: 60 тыс. австрійское войско, подъ начальствомъ генерала Фримонта, двинулось въ началѣ февраля 1821 года къ Неаполю. Неаполитанскіе милиціонеры, подъ начальствомъ Пепе, и регулярныя войска, подъ начальствомъ генерала Кераскоза, разсѣялись при встрѣчѣ съ австрійцами, и въ мартѣ Фримонтъ вошелъ уже въ столицу. Конституція была уничтожена и замѣнилась тѣмъ устройствомъ, какое было въ австрійскихъ итальянскихъ земляхъ.

Въ февралѣ 1821 г. Лайбахскій конгрессъ оффиціально закрылся. Несмотря на это, оба императора и министры разныхъ дворовъ оставались въ Лайбахѣ, дожидаясь успокоительныхъ извѣстій изъ Неаполя; но вмѣсто таковыхъ пришли тревожныя вѣсти изъ Піемонта: тамъ вспыхнула революція.

Герцоги савойскіе, владѣтели Піемонта, находясь постоянно между двухъ огней, между территоріями двухъ великихъ державъ—Франціею и Австріею, поддерживали свою независимость съ начала XVIII в. тонкою политикою, которую можно сравнить съ политикою курфирстовъ Бранденбургскихъ въ борьбѣ между Швеціею и Польшею. Основаніемъ савойской или піемонтской политики было—мѣнять, смотря по обстоятельствамъ, союзъ съ одною соперничествующею державою на союзъ съ другою, выговаривая себѣ разныя вознагражденія за союзничество. Такимъ путемъ герцоги савойскіе по Утрехтскому миру (1713) добились королевскаго титула сначала по Сициліи, а потомъ по Сардиніи. Тогда сардинскіе короли стали хлопотать объ округленіи своихъ владѣній, подобно курфирстамъ Бранденбургскимъ, на счетъ Миланскаго герцогства. „Миланская область, любилъ выражаться Карлъ-Эммануилъ, король сардинскій—это артишокъ, который слѣдуетъ кушать не торопясь, листокъ за листкомъ“. Но завоевательныя стремленія революціонной Франціи не только помѣшали планамъ сардинскихъ королей, но и смыли самое королевство съ карты Европы. На Вѣнскомъ конгрессѣ Сардинское королевство было возстановлено съ придаткомъ къ нему Генуи (см. главу I). Правительство и народъ возстановленнаго королевства вынесли изъ эпохи испытанія непримиримую вражду и ненависть къ Австріи за то, что она такъ безцеремонно дѣйствовала по отношенію къ Піемонту во время похода Суворова въ Италію (1799). Теперь, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Австрія двигаетъ свои войска въ Неаполь

для подавленія новаго порядка вещей, который уже имѣлъ множество приверженцевъ въ Піемонтѣ (гдѣ карбонаризмъ давно уже пустилъ корни и гдѣ существовало тайное общество *адельфовъ*, дѣйствовавшихъ въ пользу молодаго принца кариньянскаго, ближайшаго наслѣдника престола послѣ бездѣтнаго герцога генуэзскаго, брата короля, у которыхъ-обоихъ не было сыновей), въ январѣ 1821 г. вспыхнула революція въ Туринѣ. Алессандрійскій гарнизонъ, соединившись съ толпою студентовъ, провозгласилъ конституцію, овладѣлъ крѣпостью и учредилъ временную юнту. Король Викторъ-Эммануилъ, видя невозможность совладать съ революціею и не желая уступить ей, отрекся отъ престола, и такъ какъ братъ его, герцогъ генуэзскій, находился въ это время въ отсутствіи, то регентомъ въ Туринѣ былъ объявленъ принцъ кариньянскій, который и провозгласилъ въ Сардиніи испанскую конституцію.

Піемонтская революція произвела громовое впечатлѣніе на Лайбахскій конгрессъ: члены Священнаго Союза боялись, что подобныя же явленія обнаружатся и въ другихъ частяхъ полуострова, и что итальянцы, дѣйствуя сообща, подавятъ господство австрійцевъ въ сѣверной Италіи. Однако піемонтская революція скоро прекратилась, потому что только половина войска была за революцію, а все населеніе и остальная часть войска составляли партію умѣренную и желали только конституціи съ прекращеніемъ революціоннаго движенія (во главѣ этой-то партіи и стоялъ принцъ кариньянскій); напротивъ того, крайняя партія желала соединенія Италіи въ одно королевство и требовала объявленія войны Австріи. Принцъ кариньянскій не одобрялъ этихъ плановъ крайней партіи и отказался отъ регентства.

Предлагая свои войска австрійскому императору для усмиренія возстанія въ Піемонтѣ, Александръ I выразилъ желаніе, чтобы надъ Піемонтомъ были испробованы раньше увѣщательныя средства. Русскій посланникъ въ Сардиніи (графъ Мочениго) и французскій (Дальбергъ) вошли въ сношеніе съ юнтою и потребовали, чтобы революціонное правительство оказало безусловную покорность новому королю (Карлу Феликсу, брату Виктора-Эммануила), и, въ такомъ случаѣ, въ Піемонтъ не только не вступятъ австрійскія войска, но будетъ дана полная амнистія возставшимъ и будутъ сдѣланы улучшенія въ управленіи. Въ Туринѣ согласились; но Алессандрійская юнта отказалась вести какіе бы то ни было переговоры. Тогда австрійскія войска, подъ начальствомъ генерала Бубны, двинулись къ Александріи, разогнали революціонеровъ и въ апрѣлѣ 1821 г. положили конецъ революціонному движенію: Карлъ-Феликсъ началъ свое правленіе. Австрійскія войска оставались въ

Піемонтѣ до 1823 года и усердно помогали Сардинскому правительству въ преслѣдованіи тайныхъ обществъ карбонаровъ, адельфовъ и другихъ.

Троппауско-Лайбахскій конгрессъ кончился съ полнымъ успѣхомъ. Результаты его, по словамъ Меттерниха, были таковы: „мы имѣли счастіе аттаковать машину, на сооруженіе которой наши противники употребили много иждивенія, разсчитывая на непремѣнное ея дѣйствіе, но ни одно желаніе ихъ не исполнилось, ни одно намѣреніе не осуществилось“. Но торжество Меттерниха было преждевременно: ему удалось сломить неаполитанскихъ и піэмонтскихъ революціонеровъ; но не удалось уничтожить тайныя революціонныя общества; не удалось задавить карбонаризмъ, свободный отъ тѣхъ мистическихъ мечтаній и обрядностей, которыми было такъ проникнуто германское масонство. Дѣйствительно, карбонаризмъ оказался несравненно практичнѣе и настойчивѣе масонства; въ то время, когда масоны были заняты только развитіемъ внѣшняго культа и обрядностью, карбонары преобразовались въ правильно организованное общество „Молодой Италіи“ и энергически дѣйствовали на политической аренѣ Италіи, во имя провозглашеннаго ими принципа—независимости и единства Италіи. Меттернихъ и Австрія напрасно праздновали побѣду: итальянскіе патріоты довели свое дѣло до конца, и въ 1861 г. достигли своей цѣли — объединенія Италіи и освобожденія ея отъ австрійской власти.

(Продолженіе исторіи Италіи—см. гл. XIV).

ГЛАВА III.

Борьба Грековъ за независимость.

Возрожденіе Греціи.—Графъ Каподистрія и Александръ Ипсиланти.—Возстаніе майнотовъ и аркадцевъ. — Эпидаврское національное возстаніе. — Осада Миссолунгъ. —Петербургскій протоколъ.—Аккерманскіе переговоры.—Лондонскій трактатъ.—Наваринскій бой.—Война Россіи съ Турціей.—Освобожденіе грековъ и основаніе Греческаго королевства.

Возстаніе Грековъ на Балканскомъ полуостровѣ возникло и руководилось иными побужденіями, нежели революціонныя движенія въ Испаніи и Италіи. Греки поднялись противъ своихъ поработителей—турокъ, во имя политической независимости и религіи. Оттого, ни одна изъ современныхъ этому возстанію рево-

люцій не встрѣтила такого сочувствія въ Европѣ, какъ борьба Грековъ за независимость съ Турецкою имперіею. Не смотря на искреннее желаніе европейскаго христіанскаго міра помочь грекамъ, европейскіе кабинеты были поставлены въ крайнее затрудненіе: греки возстали противъ своего правительства, точно такъ, какъ испанцы и итальянцы возставали противъ своихъ правительствъ и если тогда Священный Союзъ объявилъ себя противъ возставшихъ и всталъ на сторону правительствъ, то и теперь Священный Союзъ не долженъ дѣлать исключенія, онъ долженъ объявить себя противъ грековъ, принявъ сторону султана. Въ такомъ затруднительномъ положеніи Священному Союзу оставался одинъ исходъ: во избѣжаніе крайняго противорѣчія—не мѣшать бунтовщикамъ-грекамъ, и если оказаніе помощи возставшимъ будетъ неизбѣжно, то помогать дѣлу возстанія не открыто, т. е. не оффиціальными, а частными средствами. Поэтому, сочувствіе греческому возстанію высказывалось первоначально только частнымъ образомъ, а потомъ европейскіе кабинеты, вопреки постановленіямъ конгрессовъ и условіямъ Священнаго Союза, открыто протянули руку помощи возставшимъ; оттого ни одна революція, въ первой половинѣ XIX в., не имѣла такого счастливаго исхода, какъ возстаніе на Балканскомъ полуостровѣ: начавъ свое національное дѣло въ декабрѣ 1829 года, греки, уже въ 1829 году, добились своей политической свободы и образовали, при содѣйствіи, въ особенности, Россіи, независимое Греческое королевство.

Греки потеряли свою независимость въ 1453 году, когда султанъ османскій Магометъ II завоевалъ Византійскую или Восточную Римскую имперію; но съ потерею независимости побѣжденные не утратили своей народности, сохранили вѣру, языкъ, обычаи. Побѣдители — турки, численность которыхъ была менѣе сравнительно съ покоренными христіанами,—поддерживающіе себя только матеріальною силою, закоснѣвъ въ мусульманскомъ фанатизмѣ, не могли вполнѣ подчинить себѣ побѣжденныхъ и слить ихъ съ собою въ одинъ народъ: всѣ усилія побѣдителей отуречить побѣжденныхъ не привели, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, ни къ чему. Греки не только не поддались отуреченью, но, благодаря своему тонкому, оборотливому характеру, умѣли добиться нѣкотораго благосостоянія и даже довѣрія со стороны оттоманскаго правительства. Въ Константинополѣ они имѣли свой отдѣльный кварталъ Фанаръ; имѣли своего патріарха, который былъ связующимъ звеномъ всего греческаго христіанства и защитникомъ райи передъ судомъ мусульманъ: многіе аристократическіе и вліятельные фанаріоты достигали высокаго положенія; такъ напримѣръ, господари Молдавіи и Вала-

хіи назначались султаномъ весьма часто изъ грековъ; наконецъ, значительная часть торговли турецкой находилась въ рукахъ греческаго купечества, которое пользовалось въ этомъ отношеніи нѣкоторыми привилегіями. Но всѣ эти матеріальныя преимущества не могли привязать грековъ къ правительству побѣдителей и примирить съ порабощеннымъ положеніемъ. Можно предположить, что матеріальное благополучіе ускорило желаніе грековъ осуществить освобожденіе своего отечества отъ достигшаго ига. Надежда на освобожденіе отъ власти турокъ никогда не покидала грековъ; взоры ихъ больше всего обращались на единовѣрную имъ Россію, которая, по исторически-сложившимся условіямъ, дѣлалась ихъ естественною защитницею. Отказаться отъ сочувствія грекамъ для Россіи, для русскаго царя—значило вступить въ вопіющее противорѣчіе съ собственною исторіею. Россія также находилась подъ игомъ мусульманскихъ варваровъ, но освободилась отъ него съ оружіемъ въ рукахъ, и освобожденіе наше отъ монгольскаго ига совершилось почти въ то самое время, когда Византія была покорена османскими турками. Продолжая и послѣ своего освобожденія борьбу съ мусульманскими варварами, Россія находилась въ постоянно-тѣсной связи съ оставшимися въ порабощеніи христіанами, съ этими греками, съ которыми русскіе исповѣдывали одну греческую вѣру; греки видѣли въ русскихъ царяхъ своихъ естественныхъ защитниковъ и будущихъ освободителей. Мысль объ освобожденіи, которая никогда не покидала грековъ и другихъ турецкихъ христіанъ, была у нихъ неразрывно соединена съ мыслію о Россіи, которая своею исторіею, своимъ политическимъ ростомъ, такъ сказать, воспитала ихъ для свободы. Начиная съ Кучукъ-Канарджійскаго мира (1774 г.), во всѣхъ договорахъ съ Турціею, Россія выговаривала для грековъ и балканскихъ христіанъ православнаго исповѣданія все бо́льшія и бо́льшія привилегіи. Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ обезпечилъ за Россіею право покровительства надъ христіанскими подданными султана. Россія широко пользовалась этимъ правомъ и частое нарушеніе этой статьи договора служило главною причиною вооруженныхъ столкновеній нашихъ съ Турціею. Какъ только начинались у Россіи войны съ Турціею, онѣ были немыслимы безъ возстанія турецкихъ христіанъ, которые, благодаря русскому покровительству, все болѣе и болѣе расправляли свои силы и все болѣе и болѣе воспитывались для свободы. По окончаніи такихъ войнъ, турки съ страшною жестокостью мстили возставшимъ, чѣмъ создавали новые поводы для заступничества со стороны Россіи.

Такъ тянулось дѣло до XIX вѣка. Турція къ этому времени

пришла въ совершенный упадокъ: по миру Кучукъ-Кайнарджійскому (1774), Ясскому (1791) и Бухарестскому (1812) она понесла значительныя территоріальныя потери въ пользу Россіи; областная ея администрація была въ такомъ упадкѣ, что многіе губернаторы-паши явно стремились создать изъ управляемыхъ ими земель самостоятельныя владѣнія. Султанъ Махмудъ II [1]) безплодно боролся съ непокорными пашами, примѣняя и употребляя самыя жестокія азіатскія средства противъ своихъ внутреннихъ враговъ, но не могъ и этими мѣрами остановить уже видимо начавшееся разложеніе Оттоманской имперіи: Алжиръ, Тунисъ, Триполи пользовались уже нѣкоторою независимостью; въ Аравіи возникло новое полу-независимое государство Вагабитовъ; въ Сиріи, Босніи и Болгаріи вспыхивали сильныя возмущенія, по подстреканіямъ тамошнихъ пашей; египетскій паша, Мехмедъ-Али уже почти не признавалъ власти султана; въ Македоніи и Эпирѣ властвовалъ Али-паша съ полною самостоятельностью: онъ имѣлъ многочисленное и хорошо вооруженное войско и богатую казну. Янычаре [2]),—султанскіе тѣлохранители—оказывали явное неповиновеніе правительству и производили мятежи въ самомъ Константинополѣ, на глазахъ падишаха; Валахія и Молдавія стремились къ независимости и находились уже подъ покровительствомъ Россіи; Сербія по Бухарестскому трактату (1812) получила самостоятельную внутреннюю автономію и управлялась собственнымъ національнымъ княземъ Милошемъ Обреновичемъ. (Еще съ 1806 г. Сербія вела войну съ турками за свое освобожденіе. Первымъ сербскимъ героемъ войны за освобожденіе былъ Кара-Георгій или Георгій Черный. Гораздо удачнѣе пошли сербскія дѣла, когда во главѣ этого національнаго движенія всталъ Милошъ Обреновичъ; при немъ Сербія, въ 1815 г., добилась независимости во внутреннемъ управленіи съ правомъ имѣть независимый отъ турецкихъ властей судъ, но съ

---

[1]) Соловьевъ такими словами очертилъ личность Махмуда II: „Въ султанѣ Махмудѣ II судьба какъ бы нарочно дала Турціи человѣка, который для борьбы съ враждебными обстоятельствами способенъ былъ употребить всѣ средства, какими можетъ располагать восточный владыка, не дрожавшій ни передъ какимъ изъ этихъ средствъ; но дѣятельность Махмуда всего лучше показала несостоятельность этихъ азіатскихъ средствъ, когда надобно спасать азіатское гніющее общество, которое находится въ осадномъ положеніи, охваченное европейскимъ движеніемъ“.

[2]) Учрежденіе янычаръ (что значитъ „новое войско“) относится къ царствованію султана Урхана. Первоначально янычаре, въ незначительномъ числѣ, составляли внутреннюю гвардію султанскаго дворца и комплектовались исключительно христіанскими мальчиками; впослѣдствіи, число ихъ значительно увеличилось и они, подобно нашимъ стрѣльцамъ, стали принимать дѣятельное участіе въ политическихъ вопросахъ. Не разъ случалось, что янычаре свергали султановъ; многіе изъ „наслѣдниковъ пророка“ обязаны были своимъ трономъ поддержкѣ янычаръ.

обязательствомъ платить ежегодную дань туркамъ. Съ этого года, Милошъ Обреновичъ принялъ титулъ князя, тогда какъ Кара-Георгій носилъ только званіе предводителя сербскихъ дружинъ. Въ память этого замѣчательнаго событія и учрежденъ былъ сербскій орденъ *Такова*, названный такъ по деревнѣ „Такова", откуда, отслуживъ молебенъ, Милошъ съ хоругвію въ рукѣ повелъ сербовъ на войну противъ турокъ). Таково было положеніе Турціи.

Въ то время, какъ турецкая правительственная машина, остановившись, подвергалась все болѣе и болѣе естественному слѣдствію остановки—гніенію и разложенію, греки въ своемъ національномъ предпріятіи шли все дальше и дальше. Во время войнъ, которыя вела Турція въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, греки значительно подняли свою торговлю и тѣмъ создали себѣ матеріальное благосостояніе, безъ чего національное возстаніе могло бы значительно замедлиться. Для огражденія своей торговли отъ морскихъ разбоевъ, господствовавшихъ на всемъ пространствѣ Средиземнаго моря, они завели на островахъ Специи, Гидрѣ и Ипсарѣ вооруженную флотилію, которая, при близорукости турокъ, скоро обратилась въ значительный военный флотъ. Матеріальное благосостояніе содѣйствовало и умственному возрожденію греческой націи: греки не жалѣли никакихъ средствъ для доставленія своимъ соотечественникамъ образованія въ чужихъ земляхъ и для этой же цѣли заводили училища и на родинѣ. Парижъ, Вѣна, Лейпцигъ, Тріестъ, Мюнхенъ сдѣлались центрами, куда стекались образованнѣйшіе греки, знакомясь съ потребностями новѣйшей цивилизаціи и усваивая себѣ ея познанія научныя и литературныя. Изученіе классической литературы и древне-греческой исторіи, которая представляетъ столько славныхъ эпохъ и героическихъ личностей, напомнило грекамъ весьма рѣзко ихъ прежнюю славу и дало имъ почувствовать то униженіе, въ которомъ они теперь находились, и еще больше развило въ нихъ жажду возстановленія прежней свободы и прежняго величія. Такъ, въ самомъ началѣ XIX вѣка, въ Парижѣ образовалось общество изъ обучавшихся тамъ молодыхъ грековъ, которое отъ занятій литературныхъ перешло къ отысканію средствъ возстановленія Греціи. Во время Вѣнскаго конгресса, это общество уже совершенно утратило характеръ научный, превратилось въ политическое общество и разрослось до размѣровъ политическаго союза, извѣстнаго подъ названіемъ *Друзей музъ или Гетеріи*. Такія гетеріи находились во многихъ замѣчательныхъ европейскихъ городахъ [1]). Выраженіемъ

[1]) Въ Россіи также была „гетерія". Это общество было основано въ Одессѣ Николаемъ Скуфасомъ съ цѣлью *„дать торжество кресту надъ полумѣсяцемъ"*.

политическихъ и патріотическихъ стремленій „друзей музъ“ служатъ воинственныя пѣсни Ригаса, призывавшія грековъ къ борьбѣ за свободу. Пѣсни этого „новѣйшаго Тиртея“ производили тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что ему пришлось поплатиться за нихъ жесточайшею смертью: бѣлградскій паша, которому поэтъ былъ выданъ австрійскимъ правительствомъ, приказалъ связать его между двухъ досокъ и распилить заживо. Одновременно съ „гетеріями“ возникали общества *филэллиновъ*, т. е. греколюбцевъ. Филэлинны выказывали самое широкое сочувствіе дѣлу возстанія; они посылали деньги, оружіе и волонтеровъ, которые и на театрѣ возстанія носили названіе филэллиновъ. Но для правильной организаціи возстанія было мало матеріальныхъ средствъ и патріотическаго воодушевленія: необходимы были, въ виду предстоящихъ вооруженныхъ столкновеній съ турецкими войсками, кадры для обученія возставшихъ грековъ и прибывшихъ филэллиновъ военному дѣлу. Такими кадрами послужили *амартолы* и *клефты*. Амартолы—это мѣстная военная милиція, сохранившаяся отъ византійской имперіи, по договорамъ нѣкоторыхъ горныхъ областей съ турецкимъ правительствомъ, и имѣвшая задачею полицейское охраненіе порядка и спокойствія. Клефты, по происхожденію своему и быту, весьма сходны съ нашимъ казачествомъ стараго времени: люди отважные, богато одаренные физическою силою и удальствомъ, неспособные къ мирной дѣятельности, не могшіе примириться съ мусульманскимъ господствомъ турокъ, удалялись въ горы, какъ нѣкогда русская удалая голотьба уходила въ казачьи степные поселки, чтобы тамъ гулять, вести свободную жизнь на счетъ чужихъ и своихъ. Таковы были побужденія и средства къ возстанію. Но при этомъ не надобно забывать и большихъ препятствій къ успѣху предстоящей борьбы. Первое и главное препятствіе заключалось въ разрозненности силъ и національныхъ интересовъ христіанскаго народонаселенія турецкой имперіи, которое, по національностямъ, дѣлилось на три главныя группы: греческую, славянскую и румынскую; разсчитывать на симпатію и поддержку со стороны славянъ и румынъ грекамъ было нечего. Такимъ образомъ, греки должны были бороться *одни*—безъ помощи другихъ христіанскихъ народовъ, подвластныхъ Портѣ. Во вторыхъ, у возставшихъ не было вождя, не было человѣка, способнаго стать во главѣ возстанія. Понятно, что въ поискахъ за предводителемъ, глаза всѣхъ греческихъ патріотовъ обратились на соотечественника, занимавшаго въ то время видное мѣсто между европейскими дипломатами—на графа Каподистріи. Каподистріа находился въ это время на русской службѣ и былъ довѣреннымъ лицомъ императора Александра I,

того самаго государя, на сочувствіе котораго больше всего разсчитывали греки. Графъ Іованъ Каподистріа родился на Іоническихъ островахъ. Молодость свою провелъ въ борьбѣ партій, отстаивая свободу родины отъ всеобъемлющаго преобладанія Франціи. Въ то время, когда республика Іоническихъ острововъ находилась подъ покровительствомъ Англіи и Россіи, молодой Каподистріа быстро пошелъ въ люди и сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ на своей родинѣ. Въ 1807 году, когда, послѣ Тильзитскаго мира, Іоническіе острова снова подпали подъ вліяніе Франціи,

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА ЕПИСКОПСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗІИ

Каподистріа.

Каподистріа покинулъ родину и, не колеблясь въ выборѣ новаго отечества, отправился на службу къ императору Александру I. Онъ прибылъ въ Россію въ январѣ 1809 г. При первомъ же свиданіи съ императоромъ, онъ произвелъ на него выгодное впечатлѣніе, тотчасъ-же былъ принятъ въ русскую службу и зачисленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, которою управлялъ въ то время графъ Николай Петровичъ Румянцевъ (сынъ фельдмаршала, знаменитый русскій меценатъ). Каподистріа сопровождалъ императора

на конгрессъ въ Вѣну и принималъ дѣятельное участіе въ послѣдующихъ конгрессахъ и политическихъ переговорахъ вообще. По возвращеніи государя изъ Вѣны, онъ сдѣлался, вмѣстѣ съ графомъ Нессельроде, докладчикомъ по внѣшнимъ дипломатическимъ сношеніямъ; у него была своя канцелярія, въ которой получилъ свое дипломатическое образованіе министръ иностранныхъ дѣлъ, государственный канцлеръ князь Горчаковъ, предмѣстникъ г. Гирса, нынѣ занимающаго этотъ важный государственный постъ. Завѣтною мыслію графа Каподистріи было—освобожденіе отечества грековъ изъ-подъ власти Турціи; но онъ полагалъ, что не пришло еще къ тому время. Будучи близокъ къ Александру I, онъ, какъ опытный дипломатъ, понималъ, что русскій императоръ, несмотря на всѣ свои симпатіи къ грекамъ, не можетъ открыто протянуть руку помощи возставшимъ, не нарушивъ постановленій конгрессовъ и основъ Священнаго Союза. Вотъ почему на приглашеніе гетерій и филэллиновъ стать во главѣ національнаго дѣла онъ отвѣчалъ отказомъ.

Тогда гетеристы обратились къ другому греку, находившемуся въ русской службѣ—къ Александру Ипсиланти. Князь Александръ Ипсиланти былъ сынъ того молдавскаго господаря Константина, который въ 1806 г. задумалъ окончательно освободить Валахію и Молдавію отъ зависимости турокъ и образовать изъ нихъ самостоятельное *Дакійское царство*; но, потерпѣвъ неудачу, долженъ былъ со всѣмъ своимъ семействомъ бѣжать въ Россію. Сынъ его, Александръ, былъ принятъ въ русскую службу. Русскій императоръ, очень расположенный къ нему, сдѣлалъ его своимъ генералъ-адъютантомъ. Онъ участвовалъ въ битвѣ при Кульмѣ (1813 г.), гдѣ потерялъ руку. Живой, впечатлительный, полный возвышеннаго благородства, но безъ твердой воли, сильнаго характера и лишенный благоразумной осторожности, Александръ Ипсиланти съ восторгомъ откликнулся на зовъ своихъ соотечественниковъ.

Разсчитывая на сочувствіе Россіи, слабость Турціи и помощь эпиро-македонскаго губернатора Али-паши, поднявшагося противъ султана и укрѣпившагося въ неприступной крѣпости Янинѣ, — суліоты (жители Ливадіи) произвели возстаніе въ декабрѣ 1820 года; а въ мартѣ 1821 г. князь Александръ Ипсиланти съ толпою вооруженныхъ гетеристовъ (дружинниковъ) перешелъ изъ Бессарабіи черезъ Прутъ, взялъ Яссы, главный городъ Молдавіи; а другой отрядъ дружинниковъ овладѣлъ Бухарестомъ, столицею Валахіи. Отсюда Ипсиланти разослалъ воззванія къ грекамъ, приглашая ихъ возстать за вѣру и свободу и истреблять повсюду турокъ. Ипсиланти, увѣренный въ томъ, что Россія, по своимъ об-

щимъ «*необходимымъ*» условіямъ, должна подать немедленно же помощь возставшимъ грекамъ,—отправилъ письмо къ императору Александру I въ Лайбахъ; въ этомъ письмѣ онъ просилъ русскаго государя *спасти* грековъ-мучениковъ за христіанство [1]). Императоръ, по характеру своему, прежде всего былъ пораженъ благородствомъ чувствъ Ипсиланти: у Россіи и Турціи велись въ это время переговоры о возвращеніи Ипсиланти имѣнія, конфискованнаго Портою; дѣло шло о нѣсколькихъ милліонахъ, а Ипсиланти, не думая объ этихъ милліонахъ, повинуясь только внушеніямъ патріотическаго долга, становился во главѣ возстанія противъ турокъ. „Я всегда говорилъ, что этотъ достойный молодой человѣкъ питаетъ благородныя чувства", сказалъ императоръ, обращаясь къ Каподистріи, по прочтеніи письма. Императоръ видимо сочувствовалъ грекамъ, но обязательства къ Европѣ *мѣшали ему слѣдовать влеченію его сердца*: греческое возстаніе, всею своею тяжестью легло на главу Священнаго Союза, и онъ лишенъ былъ свободы дѣйствія въ этомъ вопросѣ. Оставалось избрать единственный удобный путь, а именно: не принимать, пока, открытаго участія въ борьбѣ на Балканскомъ полуостровѣ; въ случаѣ же варварскаго поведенія турокъ и враждебности ихъ къ Россіи,—потребовать отъ европейскихъ державъ, чтобы онѣ образумили Порту и не ставили бы Россію въ необходимость взяться за оружіе. Подъ вліяніемъ такихъ соображеній и былъ составленъ Каподистріею отвѣтъ Александру Ипсиланти. Въ немъ говорилось, что грекамъ нечего разсчитывать на помощь Россіи [2]). Чтобъ откло-

---

[1]) Вотъ выдержка изъ письма Ипсиланти къ императору Александру: „Государь! Неужели Вы предоставите грековъ ихъ собственной участи, когда однимъ словомъ можете освободить ихъ отъ самаго чудовищнаго тиранства и спасти ихъ отъ ужасовъ долгой и страшной борьбы? Все говоритъ намъ, что Васъ, Государь, избрало само Провидѣніе, чтобы положить конецъ нашимъ вѣковымъ страданіямъ. Не презрите мольбы 10 милліоновъ христіанъ, которые возбуждаютъ ненависть тирановъ своею вѣрностью нашему Божественному Искупителю. Спасите насъ, спасите религію отъ ея гонителей, возвратите намъ наши храмы, наши алтари, откуда божественный свѣтъ Евангелія просвѣтилъ великій народъ, Вами управляемый".

[2]) Вотъ выдержка изъ письма: „Развѣ какой нибудь народъ можетъ подняться, воскреснуть и получить независимость темными путями заговора? Не таково мнѣніе Императора. Онъ старался обезпечить грекамъ свое покровительство договорами, заключенными между Россіею и Портою. Теперь эти мирныя выгоды не признаны, законные пути оставлены, и вы соединили свое имя съ событіями, которыя Его Императорское Величество не одобряетъ. Какъ вы смѣли обѣщать жителямъ княжествъ поддержку великаго государства? Ваши соотечественники увидятъ Россію неподвижною, и скоро ихъ справедливый упрекъ обрушится на васъ. Никакой помощи, ни прямой, ни косвенной, не получите вы отъ Императора, ибо недостойно Его подкапывать основанія Турецкой имперіи постыдными, преступными дѣйствіями тайнаго общества. Ни вы, ни ваши братья не находятся болѣе въ русской службѣ, и вы никогда не получите позволенія возвратиться въ Россію".

нить всякое подозрѣніе въ участіи со стороны Россіи, императоръ послалъ приказаніе русскому главнокомандующему въ Бессарабіи, князю Витгенштейну, соблюдать строгій нейтралитетъ и уволилъ Ипсиланти и его братьевъ изъ русской службы. Отвѣтъ императора Александра I, какъ громомъ, поразилъ своею неожиданностью и главу возстанія, и его дружинниковъ: между гетеристами открылись несогласія, измѣна и полное отчаяніе за будущій успѣхъ; а Турція, между тѣмъ, выслала противъ мятежниковъ войско, которое нанесло имъ рѣшительное пораженіе при Драгельшанѣ (іюнь 1821 г.), послѣ чего дружина Ипсиланти разсѣялась, и самъ онъ долженъ былъ искать спасенія бѣгствомъ въ Вѣну; здѣсь онъ былъ арестованъ и заключенъ первоначально въ венгерскую крѣпость Мункачъ, а впослѣдствіи былъ переведенъ въ крѣпость Терезіенштадтъ, откуда, выпущенный на свободу послѣ шестилѣтняго заключенія, скончался въ 1827 г. въ Вѣнѣ отъ аневризма. Союзники Ипсиланти тоже быстро сошли со сцены: янинскій Али-паша держался только до февраля 1822 г. и, выманенный изъ крѣпости обѣщаніемъ пощады, былъ казненъ отсѣченіемъ головы, которая вмѣстѣ съ его сокровищами была отправлена въ Константинополь; суліоты съ страшнымъ изувѣрствомъ истреблены турками. Возстаніе грековъ, потухнувшее въ дунайскихъ княжествахъ по недостатку средствъ и вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, по отсутствію русской помощи,—возстаніе вспыхнуло въ самой Греціи. Майноты (обитатели бассейна рѣки Майны, въ Лаконіи) поднялись подъ начальствомъ Нетра Мавромихали, аркадцы—подъ начальствомъ Колокотрониса, ахайцы—подъ предводительствомъ архіепископа Германоса. Отсюда возстаніе распространилось по Ливадіи (Средняя Греція) и по островамъ Архипелага. Турки, застигнутые въ расплохъ, были избиваемы и должны были искать себѣ спасенія въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Эти первыя удачи греческаго дѣла въ 1821 году зависѣли главнымъ образомъ отъ участія, которое приняли въ возстаніи острова Архипелага—Гидра, Спеція и Ипсара, которые, владѣя флотомъ, захватывали турецкіе корабли и во-время поспѣвали къ берегамъ на помощь возставшимъ, съ съѣстными припасами и оружіемъ. Извѣстіе о возстаніи Мореи и Ливадіи привело въ бѣшенство турокъ и надъ фанаріотами и вообще надъ христіанами былъ произведенъ рядъ звѣрскихъ расправъ. Самъ султанъ былъ отчасти виновникомъ этихъ звѣрствъ: въ мартѣ 1821 г. былъ изданъ султанскій манифестъ, въ которомъ возбуждался фанатизмъ мусульманъ противъ христіанскихъ подданныхъ Порты. Подъ вліяніемъ этого манифеста, въ мартѣ-же, обезоружили грековъ и всѣхъ

христіанскихъ подданныхъ Турціи; 25 марта арестовано было большинство митрополитовъ и архіереевъ; 29 марта, янычаре, которымъ былъ назначенъ походъ въ Валахію, произвели убіеніе значительнаго числа христіанъ въ Константинополѣ; 1 апрѣля русскій посланникъ баронъ Строгановъ, по поводу депешъ, полученныхъ изъ Лайбаха, обратился къ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, Рейсъ-эффенди, съ требованіемъ прекратить звѣрства, но, не получивъ никакого опредѣленнаго отвѣта, убѣдился, что Порта рѣшилась свирѣпствовать противъ христіанъ; 5 апрѣля, янычаре ограбили нѣсколько греческихъ деревень по Босфору; 10 апрѣля, въ день свѣтлаго праздника, у патріаршей церкви былъ повѣшанъ цареградскій патріархъ Григорій вмѣстѣ съ тремя митрополитами; евреи таскали за ноги тѣло патріарха по улицамъ съ страшными ругательствами и бросили въ море. Баронъ Строгановъ протестовалъ; но буйства черни продолжались безнаказанно; нанесено было оскорбленіе русскимъ судамъ, убиты русскіе матросы. На новые протесты Строганова Порта отвѣчала пустыми извиненіями: преступленіе янычаръ оправдывалось радостью и сильною ревностію солдатъ, идущихъ на войну противъ мятежниковъ. 19 апрѣля обезглавлено семеро грековъ; 22 апрѣля, толпа разграбила патріаршую церковь и нѣкоторые другіе христіанскіе храмы. Наконецъ, и самъ русскій посланникъ подвергся оскорбленію. 18 іюля Строгановъ вручилъ дивану ультиматумъ, но, не получивъ на него отвѣта въ установленный срокъ, прекратилъ дипломатическія сношенія съ Портою и со всѣмъ посольствомъ выѣхалъ изъ Константинополя. Въ газетахъ того времени стали уже поговаривать о предстоящей войнѣ между Россіею и Турціею, Англія и, въ особенности, Австрія опасались этой войны, потому что, при слабости Порты, легко было предвидѣть полный успѣхъ Россіи, которая безъ труда могла прекратить существованіе Турціи и, значительно усилясь ея владѣніями, нарушила-бы систему политическаго равновѣсія: *надо было помочь туркамъ, разсуждали эти державы, во имя политическаго равновѣсія.* И дѣйствительно, англійскій и австрійскій посланники усердно стали убѣждать султана выполнить справедливыя требованія Россіи о прекращеніи кровопролитія и поруганія христіанской святыни. Изъ уваженія только къ Австріи и Англіи, императоръ Александръ отказался отъ войны, между тѣмъ какъ и собственное чувство влекло его вооружиться за единовѣрныхъ грековъ, и вліяніе графа Каподистріи было очень сильно. Разсказываютъ, что императоръ Александръ, получивъ извѣстія о константинопольскихъ кровопролитіяхъ, сдѣлалъ строгій выговоръ графу Каподистріи за его

сочувствіе дѣлу возстанія грековъ; но Каподистріа отвѣчалъ такъ: „греки христіане и гибнутъ, какъ мученики". На это, съ глубокимъ волненіемъ, императоръ сказалъ: „да, они—мученики; злополучныя обстоятельства не допускаютъ меня слѣдовать влеченію моего сердца и моей вѣры".

Предоставленные единственно своимъ силамъ, безъ всякой помощи со стороны какой-либо изъ европейскихъ державъ (которыя тогда, по внушеніямъ Австріи, видѣли въ возстаніи грековъ революцію, подобную испанской и итальянской), греки, несмотря на отсутствіе единства дѣйствій, продолжали борьбу съ турками за вѣру и независимость. Только съ января 1822 года возстаніе получило нѣкоторую организацію. Тогда. во главѣ греческихъ филэллиновъ и гетеристовъ сталъ Димитрій Ипсиланти, братъ Александра Ипсиланти. Съ значительными денежными средствами, собранными въ европейскихъ государствахъ, онъ прибылъ въ Морею и принялъ главное начальство надъ возставшими, съ званіемъ *архистратига*. Въ этотъ-же годъ положено было начало греческому національному правительству и внутреннему гражданскому устройству, причемъ безъ борьбы партій и соперничества не обошлось, такъ какъ князь Александръ Маврокордато завидовалъ Дмитрію Ипсиланти и подводилъ подъ него разныя интриги, чтобы занять его мѣсто въ главномъ предводительствѣ войскомъ. По предложенію Димитрія Ипсиланти, былъ собранъ національный конгрессъ въ г. Піаду (близъ Эпидавра) для устройства дѣлъ Греціи. Этотъ конгрессъ, извѣстный подъ названіемъ *Эпидаврскаго національнаго собранія*, провозгласилъ, въ январѣ 1822 года, независимость Греціи и республиканскую форму правленія. Устройство новой республики было такое: исполнительная власть была отдана директоріи, состоявшей изъ 5-ти директоровъ; законодательная власть принадлежала особому совѣту изъ 70 членовъ; президентомъ директоріи былъ избранъ князь Маврокордато, а законодательнаго совѣта—Димитрій Ипсиланти. Первымъ дѣломъ новаго правительства было—усилить количество войска и устроить изъ части его регулярный полкъ *тактиковъ*, а изъ волонтеровъ, прибывшихъ изъ Европы, образовать *корпусъ филэллиновъ*. Дѣйствительно, грекамъ надобно было подумать о серьезныхъ приготовленіяхъ къ оборонѣ, потому что осада Янины окончилась, и значительная часть турецкаго войска, осаждавшаго эту крѣпость, могла обратиться теперь противъ нихъ. Къ счастію для возставшихъ, храбрые подвиги Марка Боцариса, предводителя суліотовъ, задержали въ ущельяхъ Курдаша-пашу, покорителя Янины, почти на полгода и дали грекамъ время овладѣть крѣпостями: Коринѳомъ, Навпліею и Аѳинами. Радость грековъ,

вызванная этими первыми успѣхами, была омрачена страшнымъ бѣдствіемъ, постигшимъ о. Хіосъ [1]), который былъ аттакованъ турецкимъ флотомъ и поплатился гибелью почти всего населенія: послѣ турецкихъ звѣрствъ на островѣ, имѣвшемъ до 100 т. жителей, осталось только 900 человѣкъ. Другое горе, постигшее борцовъ за свободу въ этотъ годъ, было пораженіе тактиковъ, двинувшихся на помощь Боцарису, при Поттѣ, близъ рѣки Арты. Въ этомъ сраженіи былъ убитъ Тсавалласъ, начальникъ тактиковъ, и раненъ генералъ Норманнъ, командовавшій филэллинами. Собравъ на скорую руку остатки войскъ, Маврокордато двинулся къ крѣпости Миссолунги, куда спѣшилъ и побѣдитель при Поттѣ, Омеръ-Вріонъ, и, прибывъ сюда нѣсколькими днями ранѣе Омера, значительно подкрѣпилъ гарнизонъ крѣпости, такъ что турки, потерявъ здѣсь всю артиллерію и бо́льшую часть своего войска, принуждены были снять осаду.

Въ 1823 году дѣла грековъ значительно поправились. Ихъ надежды на счастливый исходъ борьбы подкрѣпились значительно тѣмъ сочувствіемъ, которое съ этой поры дѣятельно стала оказывать имъ Европа, хотя и частнымъ образомъ. Несмотря на то, что правительства первоклассныхъ державъ продолжали еще смотрѣть на греческое возстаніе, какъ на революціонный мятежъ, однако они не препятствовали частнымъ лицамъ и становиться въ ряды греческаго воинства, и посылать имъ денежное вспомоществованіе и вооруженіе. Такъ, напримѣръ, Англія ссудила греческой республикѣ 800 тыс. фунт. стерлинговъ; по мѣрѣ средствъ своихъ, выслали денежныя пособія и другія государства; англійскій поэтъ Байронъ [2]) все имущество свое пожертвовалъ на борьбу за независимость Греціи; въ пѣсняхъ своихъ воспѣвалъ будущую свободу грековъ и возбуждалъ ихъ храбрость, а наконецъ, и самъ всталъ въ ряды филэллиновъ подъ Миссолунгами: но дѣятельность его была непродолжительна; онъ не дожилъ до конца борьбы за свободу (онъ скончался въ апрѣлѣ 1824 г.).

При такихъ успѣхахъ возставшихъ грековъ, вспомоществуемыхъ

---

[1]) Въ мартѣ 1881 г., новое величайшее изъ бѣдствій постигло многострадальный о. Хіосъ: тамъ произошло ужасныхъ размѣровъ землетрясеніе, которое стоило въ одномъ городѣ,—именно ди-Кастро—900 домовъ; число погибшихъ простирается до 5 тыс., а искалѣченныхъ,—до 12 тыс.

[2]) Байронъ, гонимый изъ отечества разладомъ, возникшимъ между нимъ и родными нравами и политикою, долгое время проживалъ въ Италіи, скучая отъ бездѣйствія, что̀ и было, какъ полагаютъ литературные его критики, причиною того болѣзненнаго отпечатка, которымъ проникнута большая часть его поэтическихъ произведеній, отпечатка, извѣстнаго подъ именемъ *„мировой скорби“*, *или „байронизма“*. Изъ произведеній Байрона, относящихся къ этой эпохѣ, мы можемъ назвать: „Корсаръ“, „Гяуръ“, „Абидосская невѣста“ и друг.

разными матеріальными средствами изъ Европы, султанъ Махмудъ II видѣлъ невозможность одними собственными силами подавить возстаніе; какъ ни тяжело было для его самолюбія, а онъ рѣшился просить помощи у своего вассала, египетскаго паши, Мехмеда-Али (впослѣдствіи хедива). Чтобы приманить пашу, владѣвшаго большимъ войскомъ и флотомъ, обученными по французскому образцу, султанъ предложилъ ему, въ случаѣ счастливаго окончанія дѣла, острова Кипръ и Кандію (Критъ), а сына его Ибрагима обѣ-

Байронъ.

щалъ сдѣлать пашою въ Мореѣ на правахъ намѣстника. Дѣйствительно, лѣтомъ 1824 г. Ибрагимъ съ огромнымъ войскомъ и флотомъ появился у береговъ Греціи, а въ февралѣ 1825 г. онъ успѣлъ занять Модонъ и Наваринъ, сопровождая свои успѣхи безчеловѣчною жестокостью надъ плѣнниками и опустошеніемъ края. Отсюда онъ двинулся къ Миссолунгамъ на помощь къ туркамъ, которые въ третій разъ осадили эту несчастную крѣпость: соединенными силами они обложили Миссолунги со всѣхъ сторонъ и пресѣкли всякій подвозъ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ. Только часть осажденныхъ (въ числѣ 2000 т.), принужденныхъ голодомъ, выбралась изъ стѣнъ, проложивъ себѣ дорогу оружіемъ по трупамъ непріятелей; остальные, чтобы не

сдаться живыми въ руки враговъ, взорвали себя съ крѣпостью на воздухъ. По словамъ Гервинуса, „подвиги доблести, совершенные греками во время послѣдней осады и паденія Миссолунгъ, требуютъ только пера Ѳукидида, чтобы воспоминаніе объ нихъ на всегда сохранилось въ потомствѣ“.

Въ такомъ положеніи находились дѣла грековъ, когда на театръ возстанія пришло извѣстіе о кончинѣ Александра I. Этотъ моментъ былъ поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ греческаго возстанія. Слѣдующій — 1826 г. принесъ грекамъ много отраднаго. Европа, до сихъ поръ тайно и частнымъ образомъ помогавшая грекамъ, теперь рѣшилась явно выразить свое сочувствіе дѣлу возстанія. Англія, гдѣ, по смерти Кэстльри, главою министерства сдѣлался Георгъ Каннингъ, измѣнившій внутреннюю и внѣшнюю политику Англіи, объявила свое покровительство грекамъ. Въ Россіи вступилъ на престолъ императоръ Николай I. Несвязанный никакими обязательствами по отношенію къ Священному Союзу, онъ принялъ дѣятельное участіе въ греческомъ вопросѣ. Опасаясь исключительнаго вмѣшательства Россіи въ дѣла грековъ, Англія предложила заключить соглашеніе съ нею касательно этого вопроса и поручила герцогу Веллингтону, отправленному въ Петербургъ, для принесенія поздравленія императору Николаю съ восшествіемъ на престолъ, вступить въ переговоры о признаніи независимости Греціи. Результатомъ этой дипломатической миссіи былъ „Петербургскій протоколъ“, подписанный обѣими державами, въ апрѣлѣ 1826 года. По этому протоколу, Греція признавалась независимымъ государствомъ, а Турцію рѣшено побудить къ этому сперва переговорами, а въ случаѣ отказа—оружіемъ. Австрія, Пруссія и Франція были увѣдомлены объ апрѣльскомъ Петербургскомъ протоколѣ и приглашались къ принятію въ немъ участія. Пруссія отнеслась къ нему безучастно; Австрія отказалась его подписать, упрекая Россію въ непослѣдовательности и отреченіи отъ принциповъ Священнаго Союза. Согласно съ условіями протокола, Россія открыла съ Турціею переговоры въ г. Аккерманѣ (въ Бессарабіи); они кончились трактатомъ, по которому султанъ согласился на всѣ требованія Россіи: такъ, Валахія и Молдавія дѣлались независимыми отъ Турціи и стали управляться господарями, избираемыми на семь лѣтъ боярами и диваномъ; такія же привилегіи дарованы Сербскому княжеству; Россія получила восточный берегъ Чернаго моря и торговыя преимущества, какъ на этомъ морѣ, такъ и во внутреннихъ пунктахъ Турецкой имперіи. Но уступчивость Порты оказалась неискренняя: турки не прекращали, не смотря на Аккерманскія условія, военныхъ дѣйствій противъ грековъ; Турція

надѣялась съ успѣхомъ подавить греческое возстаніе, особенно когда, послѣ паденія Миссолунгъ и взятія Аѳинъ Решидъ-пашею, въ національномъ греческомъ правительствѣ начались несогласія и разладъ. Къ счастью грековъ, лорду Кокрену и генералу Чорчу, прибывшимъ въ Грецію въ началѣ 1827 г., удалось возстановить на время согласіе въ національномъ собраніи избраніемъ въ президенты Іована Каподистрію (апрѣль 1827). Новые успѣхи турокъ, которые взяли Акрополисъ, заставили Англію поторопиться своею помощью грекамъ.

Въ іюнѣ 1827 года, уполномоченные Россіи, Англіи и Франціи подписали такъ называемый *Лондонскій трактатъ*, по которому три державы соединенными силами обязались положить предѣлъ кровопролитной борьбѣ между греками и турками. Союзный флотъ Англіи, Франціи и Россіи, подъ начальствомъ адмираловъ: Кодрингтона, де-Риньи и Гейдена, двинулся къ Мореѣ и при Наваринѣ (8 октября 1827 г.) истребилъ турецко-египетскій флотъ [1]). Эта битва, длившаяся нѣсколько часовъ, рѣшила дѣло въ пользу грековъ. Ибрагимъ-паша заключилъ перемиріе и обѣщалъ удалиться съ войсками на транспортныхъ судахъ, а султанъ отвергъ мирныя предложенія, объявивъ всѣ договоры, заключенные съ Россіею, нарушенными, заставилъ русскаго уполномоченнаго выѣхать изъ Константинополя и издалъ манифестъ, въ которомъ призывалъ правовѣрныхъ подъ знамя пророка на священную войну съ Россіею, и оффиціально объявилъ войну Россіи. Такое же объявленіе получилъ Махмудъ II и отъ императора Николая (апрѣль 1828 г.). Эта война окончилась, со славою для Россіи, Адріанопольскимъ миромъ (сентября 1829 г.), по которому Греція пріобрѣла независимость. Протоколомъ отъ 22 января 1830 года, опредѣлились границы новаго греческаго королевства; оно заключало въ себѣ Среднюю и Южную Грецію до рѣки Аспропотамоса. Корона греческая была предложена герцогу Леопольду Саксенъ-Кобургъ-Готскому; но, когда не согласились на его условія расширить границы королевства и на сѣверную часть Греціи, онъ отказался отъ короны. Тогда, Греція была объявлена республикою, а первымъ ея президентомъ сдѣлался графъ Каподистріа, который и правилъ дѣлами Греціи до самой смерти [2]). Столицею новаго государства сдѣланъ городъ Навплія-ди-Романія, такъ какъ Аѳины представляли изъ себя гру-

---

[1]) Въ наваринской битвѣ участвовало 66 турецкихъ кораблей, съ 2300 орудіями; со стороны союзниковъ—27 кораблей, съ 1300 орудіями.

[2]) Каподистріа въ 1822 году покинулъ Россію и поселился въ Женевѣ, гдѣ и находился въ то время, когда ему предложили сдѣлаться президентомъ греческой республики.

ду развалинъ. На первыхъ же порахъ, начались въ новой греческой республикѣ неудовольствія и несогласія. Александръ Маврокордато, самъ желавшій быть президентомъ, составилъ съ братьями Мавромихали, обширный заговоръ противъ Каподистріи. Въ 1832 году, Петръ Мавромихали поразилъ Каподистрію кинжаломъ при входѣ президента въ церковь св. Спиридонія. Заговорщики были казнены. Европейскія державы, уже напуганныя либеральными идеями, поспѣшили замѣнить республиканскіе порядки въ Греціи монархическими, и на Лондонской конференціи, въ 1832 г., Греція была объявлена конституціоннымъ королевствомъ, а корону предложили Оттону I, принцу баварскому. Прибытіе въ Грецію значительнаго числа нѣмцевъ, которые заняли здѣсь высшія должности и думали дать малоцивилизованнымъ грекамъ европейскія учрежденія, произвели возстаніе, въ 1843 году, послѣ котораго Оттонъ I долженъ былъ удалить иностранцевъ и дать обѣщанную конституцію Греціи, по которой законодательная власть была раздѣлена между королемъ и двумя палатами: *сенаторовъ*, назначаемыхъ королемъ на 10 лѣтъ, и депутатовъ, избираемыхъ народомъ на 3 года. Новое возстаніе, въ 1863 году, окончилось изгнаніемъ Оттона, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній на престолъ греческій былъ избранъ датскій принцъ, нынѣ царствующій король Георгій I, женившійся на русской великой княжнѣ Ольгѣ Константиновнѣ. Въ 1864 году, владѣнія Греческаго королевства увеличились присоединеніемъ Іоническихъ острововъ, уступленныхъ Англіею. По рѣшенію послѣдняго Берлинскаго конгресса, въ границы Греціи были включены значительныя территоріи изъ сѣверной части Балканскаго полуострова. Въ настоящее время пространство греческаго королевства равняется 930 кв. милямъ съ 2 милліонами населенія.

ГЛАВА IV.

Россія послѣ Вѣнскаго конгресса до кончины Императора Александра I.

Актъ Священнаго Союза.—Крестьянскій вопросъ при Александрѣ I.—Славянофилы и Арзамасцы.—Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія.—Наводненіе 7 ноября 1824 г.—Кончина Александра I.

Въ то время, когда въ Западной Европѣ происходили внутреннія волненія, выражавшіяся въ движеніяхъ конституціонныхъ, Россія наслаждалась полнымъ внутреннимъ спокойствіемъ и мирно развивалась подъ благодѣтельнымъ управленіемъ императора Алек-

сандра I. Вторая половина его царствованія съ 1815 по 1825 годъ, была эпохою внѣшняго торжества Россіи: Александръ, какъ освободитель западныхъ народовъ, стоялъ на той высотѣ славы и величія, какой когда либо достигалъ человѣкъ. На всѣхъ конгрессахъ является онъ главнымъ дѣятелемъ: ни одинъ вопросъ тутъ не рѣшался безъ вѣдома и согласія Россіи. Это политическое величіе Александра I прекрасно выражено однимъ историкомъ: „Александръ Благословенный—это пастырь народовъ, Агамемнонъ—среди царей"! „Справедливость требуетъ сказать, писалъ одинъ англійскій дипломатъ того времени, что если континентъ былъ проклятъ въ Бонапартѣ, то онъ получилъ *благословеніе* въ Александрѣ, этомъ законномъ императорѣ и освободителѣ человѣчества".

Никто изъ союзниковъ не дѣйствовалъ такъ великодушно по отношенію къ побѣжденной Франціи, какъ Александръ I. Поставивъ непремѣннымъ условіемъ возстановленія Бурбоновъ на престолѣ—дарованіе Франціи конституціоннаго правленія и подписавъ условія перваго Парижскаго мира, императоръ Александръ I, вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ, отправился въ Лондонъ, куда приглашалъ его король Георгъ III, съ цѣлью доставить своему народу возможность выразить признательность страны русскому государю за услуги, оказанныя Россіею въ эпоху коалиціонныхъ войнъ. Въ Лондонѣ, Александръ I встрѣтилъ самый радушный пріемъ: „восторженныя встрѣчи, празднества и неподдѣльный восторгъ народа". Изъ Англіи Государь отправился въ Карлсруэ для свиданія съ супругою, императрицею Елисаветою Алексѣевною, а оттуда почти безостановочно въ Петербургъ, куда и прибылъ 13 іюля 1815 года. Столица съ нетерпѣніемъ ждала своего монарха. Встрѣча была самая торжественная: Сенатъ, Синодъ и Государственный Совѣтъ просили его принять имя „Благословеннаго", которымъ уже назвало его общественное мнѣніе Россіи, и дозволить воздвигнуть памятникъ его великимъ дѣяніямъ [1]). Въ семейныхъ кружкахъ столицы и провинцій, по свидѣтельству многихъ очевидцевъ, „бюстъ Александра или его портретъ обвивался свѣжими цвѣтами, и первый тостъ, первая молитва были за него". Александръ отклонилъ всѣ почести, всѣ торжества, готовившіяся въ честь его. Славу военныхъ заслугъ онъ отдавалъ побѣдоноснымъ войскамъ своимъ и предоставилъ торжество, готовившееся для него, гвардейскимъ полкамъ, которые, восторженно привѣтствованные народомъ, вступили въ Петербургъ черезъ тріумфальныя ворота,

[1]) Александровская колонна была поставлена уже послѣ смерти Александра I, именно въ 1834 г.

30 іюля. Отдавая вполнѣ заслуги войску, Александръ I, въ воспоминаніе Кульмской побѣды, учредилъ 18 августа 1814 года „Комитетъ о раненыхъ", для вспомоществованія раненымъ и увѣчнымъ воинамъ. Послѣ непродолжительнаго отдыха, императоръ отправился въ Вѣну, гдѣ условлено было собраться на конгрессъ для устройства политическихъ дѣлъ Европы. Мы уже видѣли, какъ велись переговоры на конгрессѣ, сколько было тамъ разладу и несогласій и какое странное смѣшеніе идей нравственныхъ и политическихъ руководило собравшимися дипломатами. Этотъ мирный конгрессъ готовъ былъ превратиться въ вооруженный лагерь. Только извѣстіе о высадкѣ Наполеона I и торжественномъ вступленіи его въ Парижъ примирило раздоры и произвело благопріятное вліяніе на ходъ переговоровъ. Оставивъ Вѣну, послѣ кратковременной остановки въ Гейдельбергѣ, Александръ I направился къ войскамъ, шедшимъ къ границамъ Франціи. Извѣстно, что вторичное правленіе Наполеона I продолжалось только „100 дней". Послѣ Ватерлоо, союзники снова заняли Парижъ. Императоръ тогда поселился въ Елизэ-Бурбонъ, дворцѣ, принадлежавшемъ тогда сыну Наполеона I, провозглашенному при рожденіи римскимъ королемъ. Государь избѣгалъ торжественныхъ пріемовъ, празднествъ, и если показывался на улицахъ, то, большею частью, инкогнито. Его мысли были заняты тогда важнымъ предметомъ. Онъ не могъ забыть впечатлѣній, произведенныхъ на него вѣнскими переговорами, когда три державы Англія, Австрія и Франція (къ которой онъ такъ великодушно относился послѣ взятія Парижа) заключили противъ Россіи тайный вооруженный союзъ, по поводу вопроса о присоединеніи Варшавскаго герцогства къ Россіи.

Теперь, Александръ I думалъ образовать такой союзъ, который былъ-бы основанъ на нравственныхъ началахъ, который-бы связалъ государей и народы братскими узами, освященными религіей, союзъ, который былъ-бы обязателенъ по совѣсти, по чувству, по долгу. Одинъ изъ косвенныхъ участниковъ составленія этого акта, Стурдза, служившій по дипломатической части при графѣ Каподистріи и находившійся въ то время съ императоромъ въ Парижѣ, говоритъ: „Государь, благоговѣя передъ цѣлебной и животворной мощію христіанской вѣры, видѣлъ во внутреннемъ ея возстановленіи единственный залогъ мира, возрожденія и благополучія всѣхъ племенъ земныхъ". Императоръ собственноручно написалъ весь трактатъ; онъ поручилъ графу Каподистріи только облечь его въ соотвѣтствующую дипломатическую форму; „но сущности отнюдь не измѣняйте; это мое дѣло; я началъ и съ Божіею помощью довершу", прибавилъ государь. Этотъ трактатъ, названный Свя-

щеннымъ Союзомъ, былъ подписанъ въ день Воздвиженія, 14 сентября 1815 года, императоромъ Александромъ I, императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ. Государи, подписавшіе трактатъ, обязывались: „какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководиться заповѣдями Св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и ихъ дѣяніями". Прекрасная, возвышенная мысль положена въ основаніе трактата! Но возможно-ли на дѣлѣ осуществленіе этой мысли? это другой вопросъ! Дѣйствительно, несмотря на то, что трактатъ этотъ основанъ на высоко-гуманныхъ и христіанскихъ принципахъ, но на практикѣ онъ далеко не достигалъ своей цѣли. Актъ Священнаго Союза породилъ массу толковъ и возбудилъ сильное противъ Россіи неудовольствіе западно-европейскаго общества, которое въ авторѣ трактата увидѣло главнаго противника своего свободнаго политическаго развитія. Когда являлась нужда воспользоваться актомъ Священнаго Союза и во имя его подавить революціонное движеніе, нуждающіяся правительства прибѣгали къ статьямъ этого акта; а въ другое, болѣе покойное время, эти-же правительства порицали этотъ актъ, называя Священный Союзъ—„союзомъ монарховъ противъ народовъ". Все содержаніе Акта Священнаго Союза проникнуто тѣмъ мистическимъ направленіемъ, подъ давленіемъ котораго находился, тогда, императоръ Александръ I. Еще въ Гейльбронѣ, проѣздомъ изъ Вѣны, государь познакомился съ баронессою Крюднеръ [1]), экзальтированною, уже немолодою женщиною, ревностною

[1]) Баронесса Юлія Крюднеръ, урожденная Фитингофъ, родилась въ Ригѣ въ ноябрѣ 1764 года. Ея отецъ былъ потомокъ ливонскихъ рыцарей, а мать—дочь фельдмаршала Миниха. По обычаю того времени, она не получила основательнаго образованія, а усвоила себѣ только внѣшность французскаго воспитанія. Семнадцати лѣтъ она вышла замужъ за 40-лѣтняго барона Крюднеръ, для котораго этотъ бракъ былъ третьимъ. По свидѣтельству современниковъ, „Юлія Крюднеръ не была красавицею, но черты лица ея были привлекательны и выразительны, а грація, эта высшая изъ всѣхъ женскихъ прелестей, производила сильное впечатлѣніе." Она горячо привязалась къ мужу и описала свои первые годы замужества въ романѣ „Валерія", который, въ свое время пользовался большою извѣстностью. Баронъ Крюднеръ занималъ тогда постъ посланника при прусскомъ дворѣ и пользовался репутаціею дѣльнаго дипломата; впослѣдствіи онъ былъ переведенъ на такой-же постъ въ Венецію. Здѣсь начинаются первыя несогласія между Крюднеромъ и женою. Она покинула мужа и уѣхала въ Парижъ и отдалась тамъ увлеченіямъ модами и блескомъ свѣтской жизни, такъ что успѣла задолжать одной парижской портнихѣ до 20 т. франковъ Въ Парижѣ она познакомилась съ однимъ офицеромъ де-Фрежвилемъ и, очарованная его красотою и умомъ, увлеклась имъ на столько, что отправилась въ Копенгагенъ, куда былъ переведенъ ея мужъ, просить у него развода. Крюднеръ не согласился и образумилъ ее; она прекратила всякія сношенія съ Фрежвилемъ, осталась жить съ мужемъ и скоро позабыла предметъ своей страсти. Въ 1792 году, Юлія Крюднеръ вторично покинула мужа и уѣхала къ матери въ Ригу. Съ этого года въ

проповѣдницею идей мистицизма, „сѣверною пророчицею“, какъ называли ее заграницей. Съ этихъ поръ начинаются сношенія съ Крюднеръ, которыя остались не безъ послѣдствій на душу императора; говорятъ, что названіе и даже самая идея акта Священ-

---

ея характерѣ замѣчается серьезная перемѣна; она покинула свѣтскія удовольствія и предалась литературнымъ занятіямъ. Изъ Берлина, куда она пріѣхала къ мужу (баронъ Крюднеръ былъ снова назначенъ нашимъ посланникомъ въ Берлинѣ), Юлія Крюднеръ отправилась въ Парижъ. Здѣсь началась для нея новая — литературная жизнь. Она вошла въ лучшій литературный кружокъ того времени: въ числѣ ея друзей были Шатобріанъ, Бенжаменъ-Констанъ, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ, мадамъ Сталь (дочь банкира Неккера) и другія литературныя свѣтила того времени. Въ Парижѣ она окончила свой знаменитый романъ „Валерія“, начатый еще въ Берлинѣ. Въ Парижѣ застала ее также и вѣсть о кончинѣ мужа, что̀ произвело на нее потрясающее впечатлѣніе: она глубоко тосковала по мужѣ, отказалась отъ свѣта, отъ друзей, отъ своего избраннаго литературнаго кружка и возвратилась къ матери въ Ригу. Здѣсь свершилось одно страшное обстоятельство, имѣвшее. по словамъ біографовъ баронессы, громадное вліяніе на всю ея послѣдующую жизнь. Однажды осенью, утромъ, стоя у окна, она увидала проходящаго мимо оконъ одного лифляндскаго дворянина, который когда-то былъ въ числѣ ея горячихъ поклонниковъ: поровнявшись съ Крюднеръ, дворянинъ поклонился ей, но тотчасъ же весь задрожалъ, упалъ на землю, и его уже подняли мертвымъ. Случай этотъ навелъ на впечатлительную душу Крюднеръ такой ужасъ, что всѣ опасались за ея разсудокъ. Хотя это потрясеніе и миновало, однако слѣды его остались неизгладимыми на лицѣ и на всемъ характерѣ баронессы—это слѣды глубокой меланхоліи. Вскорѣ, она испытала другого рода потрясеніе, какъ-бы указавшее ей тотъ нравственный путь, который должна она избрать для своей послѣдующей жизни. Однажды она спросила у сапожника, принесшаго ей заказъ: „счастливъ-ли онъ“? — „Да, очень счастливъ,“ отвѣчалъ онъ — „Почему“? — „У меня хорошая жена, добрыя дѣти, есть заказчики, живу въ довольствѣ.“—„Какого вѣроисповѣданія“—Изъ его отвѣта узнала она, что онъ принадлежитъ къ сектѣ „Моравскихъ братьевъ“ или „гернгутеровъ,“ которые почему-то въ то время сдѣлались предметомъ особеннаго интереса образованнаго общества. Жуковскій писалъ восторженныя оды въ честь русской колоніи гернгутеровъ, находящейся въ Сарептѣ („Сарепта тихая! Колонія Христа“). Разговоръ съ гернгутеромъ произвелъ на Крюднеръ на столько сильное впечатлѣніе, что она послѣднимъ путемъ жизни избрала путь піэтизма, дошедшаго у нея до какого-то фанатическаго увлеченія идеей добра, до крайняго, притомъ, мистицизма, который и доставилъ ей громадную популярность. Красавица Крюднеръ стала *мистикомъ и пророчицею.* Она пошла проповѣдывать живымъ словомъ и самою жизнію, какъ и слѣдовало „сѣверной пророчицѣ“. Въ 1806 году, сороколѣтняя Крюднеръ отправилась въ Берлинъ въ качествѣ сестры милосердія, чтобы ходить за ранеными. Здѣсь познакомилась она съ супругою прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, Луизою, еще при жизни названною святою.—На королеву Крюднеръ произвела глубокое впечатлѣніе и между ними завязалась самая тѣсная дружба. Послѣ скитанія по Германіи, Крюднеръ на долго поселилась въ Карлсруэ, гдѣ и жила въ семействѣ Юнга Штиллинга, извѣстнаго мистика. Въ Карлсруэ познакомилась она съ Гортензіею Богарне, супругою бывшаго короля Голландіи, матерью Наполеона III; свела знакомство съ пасторомъ Оберлиномъ, который имѣлъ репутацію духовидца. Мало того, она вошла въ кружокъ мистическаго шарлатана Фридриха Фонтэна, который, на деньги Крюднеръ, задумалъ основать мистическую колонію въ Карлсруэ. Великій герцогъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ изгнать изъ столицы Крюднеръ въ двадцать четыре часа, что̀ и было строго исполнено. Тогда баронесса переселилась въ Баденъ. Въ этомъ городѣ, въ домѣ королевы Гортензіи, баронесса Крюднеръ предсказала возвращеніе Наполеона, его вторичное царствованіе и окончательное паденіе. Въ ноябрѣ 1814 года, она написала фрейлинѣ русской императрицы, дѣвицѣ Стурдза, съ которою была дружна, письмо, въ которомъ повторила свое предсказаніе относительно Наполеона. Письмо это было показано императору Александру и глубоко поразило его; но еще болѣе поразилъ его случай въ

наго Союза принадлежитъ баронессѣ Крюднеръ. Стурдза свидѣтельствуетъ, что только она одна видѣла этотъ актъ вчернѣ, и что ни одинъ дипломатъ не принималъ прямаго участія въ составленіи этого акта.

Вскорѣ, послѣ подписанія Акта Священнаго Союза, Государь выѣхалъ изъ Парижа и черезъ Ватерлоо и Берлинъ направился въ Варшаву, оставивъ во Франціи тридцати-тысячный оккупаціонный корпусъ подъ командою графа Воронцова и графа Каподистріи для окончанія дипломатическихъ переговоровъ. По прибытіи въ Варшаву, онъ обнародовалъ конституціонную хартію для Царства Польскаго. Поляки приняли съ восторгомъ конституцію, но не умѣли воспользоваться этимъ добровольнымъ даромъ Александра, хотя императоръ и предостерегалъ ихъ отъ увлеченій въ своей

Гейльбронѣ, гдѣ онъ въ то время имѣлъ свое мѣстопребываніе. Утомленный событіями послѣднихъ лѣтъ, глубоко опечаленный, сидѣлъ онъ за чтеніемъ библіи. Тутъ вспомнилъ онъ о письмѣ баронессы Крюднеръ, ему захотѣлось ее видѣть, съ нею поговорить. Вдругъ ему докладываютъ, что баронесса Крюднеръ тутъ и желаетъ видѣть государя. Это показалось необычайнымъ явленіемъ, какою-то таинственною, руководящею нитью въ его судьбѣ. Крюднеръ потрясла душу императора своею мистическою, исполненною строгаго величія, рѣчью. По желанію Александра I, она сопровождала его въ Гейдельбергъ. Пророчество Крюднеръ исполнилось. Отсюда вмѣстѣ съ императоромъ, она отправилась въ Парижъ. Слава ея росла необычайно Толпы ея почитателей увеличивались съ каждымъ днемъ. Когда, во время пребыванія своего въ Парижѣ Александръ I задумалъ составить политическій союзъ для поддержанія на будущее время спокойствія въ Европѣ, то на религіозный характеръ этого акта имѣла громадное вліяніе баронесса Крюднеръ. Черновой проэктъ былъ отданъ авторомъ на ея просмотръ и одобреніе, и самое заглавіе проэкта „*Священный Союзъ*"— было написано ея собственною рукою. Въ описываемое время, этой женщиною не руководило ни тщеславіе, ни честолюбіе; она не пользовалась никакими особыми милостями Александра I. Изъ Парижа она направилась въ Швейцарію, а не въ Петербургъ, куда ее приглашалъ императоръ. Здѣсь она стала открыто проповѣдовать: надежду на милосердіе Божіе, о вѣчномъ спасеніи, объ отреченіи отъ свѣтской суеты. Всѣ свои деньги она раздавала бѣднымъ и жила почти въ нищетѣ съ своею дочерью Жюльеттою. На улицахъ, на площадяхъ можно было встрѣтить эту странную женщину; толпа окружала ее, нестолько слушая ея пророческія рѣчи, сколько ожидая щедрой подачки. Въ 1821 году, Крюднеръ возвратилась въ Петербургъ; ей было уже подъ-шестьдесятъ лѣтъ; она была также молода душею, какъ и прежде. По пріѣздѣ въ Россію, она вдалась въ политику и дѣятельно стала проповѣдывать о необходимости помочь грекамъ. Однако, Александръ I уже пересталъ желать ея присутствія; императору непріятна была экзальтированность ея рѣчей и онъ даже намекалъ ей, что онъ желалъ бы ее видѣть менѣе ревнивою. Тогда, она оставила Петербургъ и уѣхала въ Крымъ вмѣстѣ съ княгинею Голицыной, ее ревностною почитательницею. Утомительная дорога окончательно подорвала ея силы и 25 декабря 1824 года 60-ти лѣтняя баронесса Юлія Крюднеръ окончила свое, полное превратностей, земное странствіе. За нѣсколько дней до смерти она написала сыну трогательное письмо: „Добрыя дѣла мои останутся, а злыя (какъ часто принимала я за голосъ Божій то, что́ было только плодомъ моего воображенія и моей гордосси)—забудутся, по милости моего Господа. Мнѣ нечего предложить Богу и людямъ, кромѣ многочисленныхъ моихъ прегрѣшеній; но кровь Іисуса Христа очиститъ меня отъ всякаго грѣха". Видно, что богатыя силы этой женщины искали исхода и нашли его не тамъ, гдѣ отъ нихъ могла получиться болѣе плодотворная польза.

рѣчи [1]) при открытіи перваго польскаго сейма (мартъ 1818 г.). Изъ Варшавы государь отправился въ Петербургъ, гдѣ ожидались празднества по случаю бракосочетанія великой княжны Екатерины Павловны съ королемъ Вюртембергскимъ и великой княжны Анны Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Оранскимъ; а въ день вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ, совершено было торжественное молебствіе и происходилъ блестящій парадъ на площади Зимняго дворца. Русское общество восторженно отнеслось къ этому празднеству.

Патріотическое настроеніе въ это время было необыкновенно сильно въ Россіи; трудная, но блестящая эпоха была только-что пережита ею; русскіе гордились своимъ Государемъ, какъ предметомъ любви и удивленія цѣлаго свѣта, видѣли въ немъ возстановителя павшихъ царствъ, успокоителя потрясенной, облитой кровью Европы. Это одушевленіе усиливалось еще тѣмъ возбужденнымъ состояніемъ, которое было слѣдствіемъ недавняго, тѣснаго сближенія съ Европою. Русскіе сражались на ряду съ нѣмцами за свободу и независимость Германіи, присутствовали при сверженіи общаго поработителя и частью ознакомились съ конституціонною жизнью Франціи (корпусъ Воронцова оставался въ предѣлахъ ея до 1818 года). Идеи, одушевлявшія народы на борьбу съ деспотизмомъ Наполеона—о свободѣ и законности—сообщились и нашей молодежи. Доставить торжество *либеральнымъ идеямъ*, подъ которыми разумѣли владычество законовъ, водвореніе правды, безкорыстіе и честность въ судахъ и управленіи, искорененіе вѣковыхъ злоупотребленій, подтачивающихъ древо русскаго величія и благоденствія народнаго—сдѣлалось предметомъ общихъ желаній и стремленій мыслящей молодежи. Такое желаніе находило поддержку и въ другихъ, высшихъ сферахъ. Оффиціальная газета „Сѣверная Почта“ формально заявила въ 1816 году, что „свобода печати, покровительствуемая самимъ августѣйшимъ монархомъ, даетъ возможность доводить до него истину, что истина противна только тѣмъ, которые хотѣли-бы отчуждать Государя отъ

[1]) Александръ I, обращаясь къ первому польскому сейму, сказалъ: „Существовавшія въ вашей странѣ государственныя учрежденія (конституція 3 мая 1791 года) сдѣлали возможнымъ немедленное введеніе учрежденій, данныхъ мною вамъ теперь; въ нихъ я примѣнилъ тѣ либеральные принципы, которые были всегда предметомъ моихъ размышленій. Докажите вашимъ современникамъ, что либеральныя учрежденія, священные принципы которыхъ смѣшиваютъ съ разрушительными доктринами, угрожавшими въ наше время страшными потрясеніями общественному зданію, — не заключаютъ въ себѣ ничего опаснаго; что, при добросовѣстномъ выполненіи, при честномъ стремленіи направить ихъ къ цѣлямъ консервативнымъ и полезнымъ для человѣчества, либеральныя учрежденія согласуются вполнѣ съ порядкомъ и обезпечиваютъ истинное благосостояніе народовъ“.

его народа, а такихъ людей, конечно, никто не послушаетъ въ царствованіе императора Александра I. Это сообщеніе „Сѣверной Почты“ указало отчасти на то либеральное направленіе въ вопросахъ внутренней политики, котораго будетъ съ этихъ поръ держаться императоръ.

Все вниманіе Александра I, послѣ 1816 года, было обращено на преобразованіе государственныхъ учрежденій, въ либеральномъ духѣ. Во главѣ этихъ преобразованій стоялъ самъ государь, и здѣсь онъ былъ почти одинокимъ дѣятелемъ. Еще въ 1815 году послѣдовалъ указъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ обѣихъ столицъ, а въ 1820 году ихъ приказано было выслать вовсе изъ предѣловъ Имперіи.

Вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права былъ однимъ изъ первыхъ, которымъ занялся государь. Еще въ 1803 году былъ изданъ манифестъ *о вольныхъ землепашцахъ*, по которому крестьянамъ дозволялось покупать земли у помѣщиковъ. Державинъ въ своихъ „запискахъ“ говоритъ, что мысль объ упраздненіи крѣпостнаго права была навѣяна на императора его воспитателемъ Лагарпомъ, уроженцемъ свободной Швейцаріи. Но многіе противники этой реформы старались представить государю тѣ бѣды и внутреннія волненія, которыя неминуемо изъ этого должны будутъ возникнуть, такъ какъ крестьяне не подготовлены еще къ пользованію свободою. Не найдя себѣ дѣятельныхъ помощниковъ въ столь трудномъ и сложномъ дѣлѣ, императоръ долженъ былъ ограничиться лишь первымъ опытомъ его. Въ 1817 году было утверждено „Положеніе объ освобожденіи эстляндскихъ крестьянъ»; иниціатива освобожденія принадлежитъ мѣстному дворянству. Вскорѣ, это „Положеніе“ было распространено на Курляндскую и на Лифляндскую губерніи. Замѣчательны слова Александра I, обращенныя къ лифляндскому дворянству по этому случаю: „радуюсь, что лифляндское дворянство оправдало мои ожиданія. Вашъ примѣръ достоинъ подражанія. Вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что либеральныя начала—однѣ могутъ служить основою счастья народовъ“. Присоединеніе Псковской губерніи къ Остзейскому генералъ-губернаторству показываетъ, что государь хотѣлъ начать съ нея опытъ уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ русскихъ губерніяхъ. Главныя основанія „Положенія“ о крестьянахъ прибалтійскихъ губерній заключались въ слѣдующемъ: а) крестьянамъ дарована была личная свобода, но безъ права переселенія въ другіе города и губерніи Россійской имперіи; б) крестьянамъ дарована часть помѣщичьихъ земель въ вѣчное и неотъемлемое *пользованіе*; отдѣльными-же участками крестьяне могли владѣть только на арендномъ

правѣ, на основаніи особаго договора съ помѣщикомъ и за плату; в) помѣщикъ, давшій землю крестьянамъ, получалъ право быть начальникомъ вотчинной полиціи. г) Судебныя крестьянскія дѣла разбирались въ особомъ учрежденіи, гдѣ могли засѣдать только помѣщики. Разбирая это „Положеніе", находимъ, что оно далеко не удовлетворяло требованіямъ крестьянскаго быта, такъ какъ не давало крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ даже въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не давало имъ волостной полиціи, волостнаго суда. Освобожденіе отъ крѣпостнаго состоянія съ такимъ именно характеромъ не принесло съ собою ни матеріальнаго улучшенія крестьянскаго быта, ни обезпечило юридически личность крестьянина, такъ какъ власть помѣщиковъ надъ нимъ оставалась въ прежней силѣ; въ итогѣ оказалось, что крѣпостное право, уничтоженное de jure, продолжало существовать de facto. Понятно, что люди, хорошо знавшіе бытъ русскихъ крестьянъ, не могли сочувствовать устройству крестьянъ на такихъ основаніяхъ. Прослѣдимъ: какія воззрѣнія на это дѣло вообще господствовали въ русскомъ обществѣ? Въ одной запискѣ объ освобожденіи крестьянъ, составленной, какъ полагаютъ, по повелѣнію императора Александра I, Канкрипымъ, впослѣдствіи министромъ финансовъ (1818 г.), авторъ предлагаетъ освободить крестьянъ съ надѣломъ землею, но растянуть исполненіе этого проэкта на 60 лѣтъ (т. е. крестьяне сдѣлались бы свободными гражданами только къ 1880 году; между тѣмъ, императоръ Александръ II нашелъ возможнымъ совершить освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ еще въ 1861 г.). Одновременно съ этимъ проэктомъ, появилось предложеніе адмирала Мордвинова объ освобожденіи крестьянъ безъ земли, причемъ они еще обязывались выкупить свою свободу; онъ представилъ также подробный разсчетъ этого выкупа: за дѣтей до 10-лѣтняго возраста и за стариковъ свыше 60 лѣтъ приходилось платить по 100 рублей за душу, наивысшая плата въ 2000 рублей вносилась за мужчинъ отъ 30 до 40-лѣтняго возраста. Планъ этотъ былъ оставленъ безъ вниманія, какъ совершенно неотвѣчающій цѣли. Противъ обоихъ этихъ проэктовъ писалъ Карамзинъ и доказывалъ, что, при невыполнимости этого дѣла, лучше его бросить а принять мѣры противъ злоупотребленій помѣщичьей власти и улучшить въ нравственномъ отношеніи контингентъ губернаторовъ. Но были и такіе дѣльцы, которые старались выставить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ опасномъ видѣ. Такъ, Растопчинъ, по поводу одной книги, разбиравшей этотъ вопросъ, писалъ, что освобожденіе крестьянъ будетъ страшнымъ бѣдствіемъ для Россіи: ее навѣрное постигнутъ революціонные ужасы, подобно тому, какъ

это случилось во Франціи и Испаніи. Но великое преобразованіе, составляющее блистательную страницу прошедшаго царствованія, показало, что подобные ужасы отнюдь не связаны съ дѣломъ крестьянской эмансипаціи.

То же либеральное направленіе руководило дѣятельностью императора Александра I и въ другихъ отрасляхъ управленія. Такъ, въ 1815, какъ мы уже упоминали, государь даровалъ Польшѣ „Учредительную Хартію", которая во многомъ сходствовала съ хартіею Людовика XVIII, но муниципальныя и провинціальныя учрежденія были въ ней лучше организованы. Тѣ же либеральныя мысли высказаны были Александромъ I, въ болѣе ясной формѣ, въ совѣтѣ королю Фердинанду VII, когда тотъ пожелалъ узнать мнѣніе русскаго императора о случившемся въ Испаніи переворотѣ [1]). Къ числу дѣяній, на которыхъ замѣтно было проявленіе либеральнаго направленія въ дѣятельности Александра Благословеннаго, надо отнести покровительство „Библейскому Обществу", основанному, еще въ декабрѣ 1812 г., по ходатайству англійскаго пастора Петерсена. Цѣль Библейскаго Общества, которое образовалось у насъ по образцу англійскаго, состояла въ распространеніи среди народныхъ массъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта на всѣхъ языкахъ, употребляемыхъ народами, населяющими Россійскую Имперію Общество это пользовалось громадною извѣстностью во всей Россіи, выразившейся въ массѣ пожертвованій и въ огромномъ числѣ членовъ Членами общества могли быть лица всякаго христіанскаго исповѣданія, званія и пола. Общество (въ 1820 г.) имѣло въ Россіи до 60 отдѣленій и 177 сотовариществъ; дѣятельность его по истинѣ была изумительна: въ періодъ съ 1815 по 1820 годъ оно напечатало и роздало до 900 тысячъ экземпляровъ Библіи на 31 языкѣ. Дѣятельность его, правда, до нѣкоторой степени была ограничена тѣмъ, что этому обществу запрещенъ былъ переводъ и изданіе Библіи на русскомъ языкѣ, но и этотъ пробѣлъ вскорѣ былъ заполненъ. Мысль о переводѣ Библіи на русскій языкъ принадлежитъ самому императору. Во время одного изъ докладовъ князя Голицына, бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и предсѣдателемъ Библейскаго Общества, [2]) государь выразилъ желаніе видѣть Библію

---

[1]) См. Веронскій конгрессъ.

[2]) Манифестомъ, отъ 24 сентября 1817 года, объявлено о сліяніи министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія" (какъ сказано въ манифестѣ). Первымъ главою соединеннаго министерства былъ назначенъ князь Голицынъ. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ ревностнымъ адептомъ мистическаго ученія и дѣятельнымъ членомъ того кружка масоновъ-мистиковъ,

въ русскомъ переводѣ. Объ этомъ желаніи императора, Голицынъ сообщилъ Святѣйшему Синоду, который поручилъ переводъ Библіи на русскій языкъ С.-Петербургской Духовной Академіи подъ наблюденіемъ ректора, архимандрита Филарета (впослѣдствіи московскаго митрополита и составителя катихизиса). Академія успѣла издать въ переводѣ на русскій языкъ только Новый Завѣтъ, предисловіе къ которому было написано двумя митрополитами: С.-Петербургскимъ и Московскимъ и архіепископомъ Тверскимъ; переводъ былъ оконченъ къ 1819 году. Библейское общество не ограничилось переводомъ Библіи, оно основало сельскія школы для простаго народа по ланкастерскому образцу (методъ взаимнаго обученія) и ежегодно отпускало на этотъ предметъ до 2-хъ милліоновъ рублей. Въ 1816 г. министерство народнаго просвѣщенія послало за границу четырехъ молодыхъ людей для изученія ланкастерскаго метода и учредило особую коммисію для составленія учебниковъ по этому методу.

Въ литературѣ и русскомъ языкѣ, во вторую половину царствованія императора Александра I, обнаружилось стремленіе сбросить съ себя старыя формы книжнаго языка, образовавшіяся подъ вліяніемъ церковно-славянской рѣчи, и обновиться *живою русскою рѣчью*. И въ этомъ отношеніи приверженцы старины и преданій громомъ и бурей разразились противъ нововводителей въ литературѣ: Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, Крылова и др., которыхъ они старались выставить извратителями русскихъ нравовъ и вредными общественному порядку. Защитники старинныхъ формъ русской рѣчи сгруппировались около Шишкова, подъ названіемъ „Славянофиловъ“ или „Шишковистовъ“, составили свое литературное общество и устроили бесѣды [1]) любителей русскаго слова, собиравшихся у Державина (вмѣстѣ съ Шишковымъ, больше другихъ ратовавшаго противъ новой русской рѣчи); защитники-же Карамзина и новаго слога образовали въ 1818 году, для противодѣйствія славянофиламъ и ихъ бесѣдамъ“, — которыхъ они, въ свою очередь, громили и въ стихахъ, и въ прозѣ, печатавшихся въ тогдашнемъ журналѣ „Московскій Меркурій“, — литературный кружокъ, подъ названіемъ „Арзамасское ученое общество“ (иногда называлось Академіею, а иногда и просто „Арзамасъ“). Сюда примкнуло все, что только было даровитаго въ обществѣ и между литераторами (Пушкинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Уваровъ, Блудовъ, князь

который многимъ помогъ выбраться въ люди и сдѣлать блестящую карьеру, благодаря громадному вліянію и высокому положенію князя Голицына.

[1]) Все, что читано въ „бесѣдахъ“, печаталось подъ названіемъ „Чтеній“. Ихъ издано съ 1811 по 1815 годъ девятнадцать книжекъ.

Вяземскій и др.). Вотъ, что одинъ изъ современниковъ говоритъ про арзамасцевъ: „это было общество молодыхъ людей, связанныхъ между собою однимъ живымъ чувствомъ любви къ родному языку, литературѣ, исторіи и собравшихся вокругъ Карамзина, котораго они признавали путеводителемъ и вождемъ своимъ. Направленіе этого общества или, лучше сказать, этихъ дружескихъ литературныхъ бесѣдъ было попреимуществу критическое. Лица, составлявшія его, занимались строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній, примѣненіемъ къ языку и словесности отечественной источниковъ древней и иностранныхъ литературъ, изысканіемъ началъ, служащихъ основаніемъ твердой, самостоятельной теоріи языка и пр.“ Хотя въ 1818 году общество „Арзамасцевъ“ смолкло и намѣреніе ихъ издавать журналъ не осуществилось, однако они произвели громадное вліяніе на литературный языкъ и замѣнили тяжелую книжную церковно-славянскую рѣчь живою русскою рѣчью.

Въ 1818 году, общественная наша мысль получила новый толчекъ. Уже упомянутая нами рѣчь Александра I при открытіи польскаго сейма, перепечатанная во всѣхъ газетахъ, произвела сильное впечатлѣніе на молодыя сердца. „Теперь, писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву, и во-снѣ, и на яву бредятъ конституціею“. Профессоръ лицея Куницкій напечаталъ въ „Сынѣ Отечества“ похвальное слово конституціи. Также отнесся къ представительнымъ учрежденіямъ и президентъ Академіи наукъ графъ Уваровъ въ своей рѣчи на торжественномъ актѣ Главнаго Педагогическаго Института [1]). Всѣ газеты были полны проэктовъ и плановъ преобразованій, основанныхъ на либеральныхъ началахъ; но такое направленіе держалось только до 1820 г., съ этихъ поръ наступаетъ *эпоха крайней реакціи*.

Причины такой *реакціи* весьма разнообразны: онѣ коренятся и въ характерѣ самого императора, склонившагося къ мистицизму, и въ тогдашнемъ тревожномъ положеніи Европы, правительства которой страшились революціи и успѣли внушить свои опасенія и Александру I (убійство Коцебу, убійство герцога Беррійскаго волненія въ Испаніи и Италіи и др.). Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ—нѣсколько понятны реактивныя правительственныя распоряженія, послѣдовавшія около этого времени: удаленіе поэта

---

[1]) Въ самый разгаръ либеральныхъ увлеченій, именно около 1813 г., вышли первые восемь томовъ „Исторіи Россійскаго государства“ Карамзина. Николай Михайловичъ Карамзинъ былъ далекъ отъ мечтаній о представительномъ правленіи и считалъ такой государственный порядокъ пригоднымъ лишь тамъ, гдѣ конституціонныя начала выробатались самимъ *историческимъ ходомъ*; единственною-же цѣлеобразною формою правленія для Россіи онъ признавалъ самодержавіе. Эта мысль проведена во всемъ его обширномъ сочиненіи.

Пушкина [1]) и утвержденіе знаменитой инструкціи ректору Казанскаго университета. Героемъ такъ-называемой „казанской исторіи“ и составителемъ упомянутой инструкціи является членъ Главнаго Управленія училищъ Магницкій [2]), посланный для ревизіи Казанскаго университета. Пробывъ въ Казани не болѣе шести дней и не успѣвъ даже порядочно ознакомиться съ положеніемъ дѣла, онъ представилъ министру донесеніе, въ которомъ университетъ былъ выставленъ въ такомъ видѣ, что „по непреложной справедливости подлежалъ уничтоженію и притомъ въ видѣ публичнаго его разрушенія“. Государь, однако, не согласился съ заключеніемъ ревизора: „Зачѣмъ разрушать, когда можно исправить“ сказалъ онъ докладчику. Исправленіе Казанскаго университета поручили самому Магницкому, назначивъ его ректоромъ этого высшаго учебнаго заведенія. Онъ немедленно составилъ инструкцію [3]) для университета, о которой выше было упомянуто, и принялся „искоренять духъ лжемудрія и вольнодумства“. Профессора и студенты были подвергнуты самому строгому надзору; инструкція предписывала особую дисциплину, превратившую своею обрядностью университетъ въ учрежденіе, похожее на католическій монастырь, съ строгимъ аскетическимъ уставомъ. Такая же печальная судьба постигла и Петербургскій университетъ, когда его ректоромъ былъ назна-

---

[1]) Пушкинъ былъ отправленъ въ административную ссылку на югъ Россіи (въ Екатеринославль) за массу запрещенныхъ стиховъ.

[2]) Магницкій, извѣстный въ исторіи русской науки, какъ самый ярый гасильникъ просвѣщенія и крайній обскурантъ, какъ и многіе другіе дѣятели этой эпохи, сдѣлалъ свою карьеру, состоя членомъ „Библейскаго общества,“ ни мало не сочувствуя его благимъ цѣлямъ и задачамъ; поступилъ онъ въ общество, только чтобы познакомиться съ людьми вліятельными въ правительственныхъ сферахъ, что̀ ему и удалось. Пріобрѣтя расположеніе предсѣдателя общества князя Голицына, Магницкій былъ назначенъ симбирскимъ губернаторомъ и вскорѣ былъ переведенъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія и назначенъ членомъ „Главнаго Управленія Училищъ.“

[3]) Инструкція опредѣляла направленіе, которому должны слѣдовать профессора въ своемъ преподаваніи: основаніемъ *философіи* должны были служить посланія апостола Павла; начала *политическихъ наукъ* долженствовали быть извлекаемы изъ Моисея, Давида, Соломона и только отчасти изъ Платона и Аристотеля; при изученіи *древне-классической литературы* предписано было знакомить студентовъ съ твореніями не Геродота, Ливія и Тацита, а св. Василія и Іоанна Златоуста Профессора медицинскаго факультета должны отвращать студентовъ отъ гибельнаго матеріализма и внушать слушателямъ, что только та *медицина* высока и почтенна, которая озаряется высшимъ свѣтомъ религіи и т. д. Что касается *внутренняго управленія*, то казанскій университетъ походилъ, при Магницкомъ, на католическій монастырь съ средневѣковыми уставами: на актахъ пѣлось болѣе молитвъ и гимновъ, чѣмъ говорилось рѣчей; провинившійся студентъ именовался „грѣшнымъ“, его запирали въ карцеръ, надъ входомъ коего виднѣлась приличная надпись изъ священнаго писанія; на одной изъ стѣнъ висѣло распятіе, а на другой—картина страшнаго суда. Предъ полученіемъ прощенія, виновный исповѣдывался и причащался св. тайнъ въ присутствіи своихъ товарищей. Профанація святыни была полная: подъ охраною благочестія открыто было плодотворное поле для развитія лицемѣрія, раболѣпства и отсутствія всякихъ нравственныхъ началъ.

ченъ, креатура и подражатель Магницкаго, Руничъ; здѣсь подверглись гоненію, въ 1821 году, профессора: Галичъ, Раупахъ, Германъ и Арсеньевъ. Обвиненные университетскимъ совѣтомъ во вредномъ направленіи преподаванія, эти профессора были удалены отъ должности, и только въ 1827 г. это дѣло было прекращено по Высочайшему повелѣнію.

Въ то время, какъ Магницкій и Руничъ съ фанатическимъ усердіемъ подавляли умственное движеніе въ средѣ русскихъ университетовъ, министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и президентъ библейскаго общества, князь Голицынъ, старался просвѣтить публику посредствомъ *развитія религіозно-мистической литературы и пропаганды.* По его иниціативѣ, были переведены на русскій языкъ сочиненія Юнга-Штиллинга и другихъ ярыхъ мистиковъ; были выписаны въ Петербургъ католическіе священники Линдль и Госнеръ, которые проповѣдывали какой-то *мистическій протестантизмъ*; присутствовавшіе на проповѣдяхъ этихъ патеровъ плакали отъ умиленія, вздыхали, падали на колѣни и громко исповѣдывали свои прегрѣшенія. Поддерживая мистическую литературу, министерство народнаго просвѣщенія не дозволяло высказываться противникамъ ея и даже прибѣгало къ преслѣдованіямъ таковыхъ: такъ, былъ удаленъ изъ Петербурга архимандритъ Иннокентій за то только, что дозволилъ къ печати книгу, содержавшую возраженія мистикамъ. Эта сторона дѣятельности князя Голицына вызывала сильнѣйшее негодованіе той партіи, во главѣ которой стояли Аракчеевъ, Шишковъ, архимандритъ новгородскаго Юрьева монастыря Фотій и другіе; къ этой партіи присоединился и Магницкій, всегда во-время передававшійся на сторону сильныхъ міра. Аракчеевская партія дѣлалась съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Чтобы низвергнуть министра народнаго просвѣщенія, враги его воспользовались книгою Госнера „Толкованія на Новый Завѣтъ“, которая, въ переводѣ на русскій языкъ, еще только оканчивалась печатаніемъ. Митрополитъ Серафимъ лично указалъ императору Александру на ея вредное направленіе [1]). Голицынъ былъ смѣненъ, и на его мѣсто былъ на-

---

[1]) Любопытенъ разсказъ одного современника о томъ участіи, которое принималъ архимандритъ Фотій въ паденіи князя Голицына: Фотій часто посѣщалъ Грузино, помѣстье своего друга Аракчеева, и тамъ не рѣдко встрѣчался съ императоромъ Александромъ. Государь относился къ Фотію очень благосклонно и любилъ съ нимъ побесѣдовать. Когда аракчеевская партія задумала свергнуть Голицына, Фотій написалъ императору письмо, въ которомъ говоритъ: „величайшая опасность грозитъ не только Россіи, но и всему міру отъ пропаганды мистическихъ идей“. При свиданіи съ императоромъ, на его вопросъ: „какими мѣрами можно предупредить опасность“, Фотій отвѣчалъ: „я молился Богу и изъ божественнаго откровенія узналъ, что для того необходимо смѣнить Голицына и

значенъ адмиралъ Шишковъ, о которомъ мы уже упоминали. Первымъ дѣломъ новаго министра было 1) запрещеніе привоза въ Россію иностранныхъ книгъ; 2) затрудненія для выѣзда за границу и 3) отмѣна свободы цензуры. Дѣятельность „Библейскаго Общества", и безъ того крайне ограниченная, была еще болѣе стѣснена [1]). Почти одновременно съ паденіемъ Голицына, произошла извѣстная исторія въ Семеновскомъ полку, прискорбно поразившая императора Александра I. Семеновскій полкъ считался образцовымъ: офицеры его занимались большею частью серьезнымъ чтеніемъ, обученіемъ солдатъ грамотѣ и рѣдко посѣщали общество; пуританизмъ офицеровъ простирался до того, что они даже не курили табаку. Солдаты отличались трезвостью и хорошимъ поведеніемъ. Современники говорили, что, въ нравственномъ отношеніи, едва-ли существовалъ въ Европѣ другой такой полкъ. Аракчеевъ, недовольный строевымъ образованіемъ полка, часто выражался: „надо выбить дурь изъ головъ этихъ молодчиковъ". По его указанію, на мѣсто Потемкина командиромъ полка былъ назначенъ бывшій командиръ екатеринославскаго гренадерскаго полка, Шварцъ, извѣстный своимъ фронтовымъ педантизмомъ, человѣкъ крайне суровый. Шварцъ былъ жестокъ съ солдатами и оскорбительно обходился съ офицерами. Въ октябрѣ 1820 года, 1-я рота перваго батальона подала просьбу о назначеніи новаго полковаго командира. На другой день полкъ долженъ былъ выступить въ караулъ; но, не смотря на всѣ увѣщанія, на отрѣзъ отказался идти въ караулъ безъ 1-й роты, отведенной уже въ крѣпость. Доложили корпусному командиру о бунтѣ въ Семеновскомъ полку; по прибытіи на мѣсто расположенія полка, онъ засталъ весь полкъ выстроеннымъ безъ оружія передъ казармами; но и на его приказанія идти въ караулъ семеновцы отвѣчали отказомъ; тогда раздалась команда: „въ крѣпость"! и полкъ безпрекословно въ полномъ порядкѣ исполнилъ приказаніе. Весь полкъ былъ раскассированъ и набранъ изъ новыхъ солдатъ и офицеровъ. Извѣстіе объ этомъ событіи Александръ I получилъ въ Троппау и выразился такъ: „причина неповиновенія полка кроется не въ полковомъ командирѣ, не въ офицерахъ, а во вліяніи *тайныхъ обществъ*".

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Александръ I окончательно отказался отъ своего прежняго образа мыслей и сталъ

уничтожить „Библейское Общество". Конечно, Александръ I не могъ придать этому совѣту серьезнаго значенія, и если поступилъ согласно желаніямъ Фотія, то только потому, что самъ убѣдился во вредномъ направленіи книги Госнера, покровительствуемаго Голицынымъ.

[1]) Въ іюлѣ 1862 года „Библейское Общество" было окончательно закрыто.

недовѣрчиво относиться къ людямъ съ либеральными воззрѣніями. „Императоръ видимо томился подъ бременемъ правленія". По возвращеніи въ Петербургъ, совершенно оставилъ празднества, выходы, избѣгалъ общества, отвергъ всякаго рода придворную пышность, проводя большую часть года въ Царскомъ Селѣ. Его умъ былъ встревоженъ; недовѣріе возростало. Въ такомъ состояніи духа находился императоръ въ то время, когда между нимъ и графомъ Каподистріею произошелъ разрывъ. При одномъ изъ докладовъ, Каподистріа настаивалъ на необходимости вооруженнаго вмѣшательства со стороны Россіи въ греческій вопросъ; государь не согласился съ его доводами; тогда Каподистріа, по выходѣ изъ кабинета, передалъ свой портфель своему товарищу по министерству и объявилъ, что это былъ его послѣдній докладъ. Въ августѣ 1822 года, графа Каподистріа оставилъ Россію и направился сначала въ Эмсъ, а оттуда въ Женеву.

Съ отъѣздомъ Каподистріи, кружокъ прежнихъ сотрудниковъ императора Александра I видимо рѣдѣлъ. Съ этихъ поръ, однимъ изъ главныхъ двигателей государственнаго управленія дѣлается графъ Аракчеевъ. Онъ съумѣлъ не допустить до государя графа Сперанскаго, возвращеннаго снова въ Петербургъ. На высшихъ административныхъ мѣстахъ появляются новыя лица, выдвинутыя Аракчеевымъ. Слѣдуетъ отдать полую справедливость въ этомъ случаѣ Аракчееву, за назначеніе министромъ финансовъ Канкрина, на мѣсто графа Гурьева. Канкринъ (впослѣдствіи графъ) вывелъ наши финансы изъ того бѣдственнаго положенія, въ которое они были поставлены его предмѣстникомъ. До него государственный дефицитъ постоянно увеличивался; огромная масса ассигнацій подорвала кредитъ; въ торговлѣ замѣчался застой. Канкринъ, рядомъ удачныхъ распоряженій, умѣлъ поправить наши финансы. Такимъ образомъ, къ началу 1823 года, Аракчеевъ сдѣлался сильнымъ, вліятельнѣйшимъ лицомъ при особѣ Александра I и *единственнымъ* докладчикомъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, несмотря на то, что носилъ только званіе предсѣдателя военнаго департамента Государственнаго Совѣта и начальника военныхъ поселеній (имъ же основанныхъ [1]). Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ происходилъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ новгородской губерніи. Первое образованіе получилъ дома подъ руководствомъ дьячка и надзоромъ крайне-строгаго отца, служившаго прежде въ

[1]) Александръ I объ Аракчеевѣ отзывается такъ: „Аракчеевъ замѣчательный человѣкъ, только не по уму и способностямъ, а по усердію и трудолюбію, по холодности и жестокости, по отсутствію мысли въ дѣйствіяхъ, по привязанности къ формѣ и внѣшности" (см. зап. Данилевскаго).

военной службѣ. Изъ родительскаго дома онъ поступилъ во 2-й кадетскій корпусъ, гдѣ скоро обратилъ на себя вниманіе начальства успѣхами въ математикѣ и точнымъ исполненіемъ дисциплинарныхъ приказаній; отсюда, какъ лучшій ученикъ, Аракчеевъ былъ выпущенъ офицеромъ въ артиллерію. Карьера его, впрочемъ, только тогда обозначилась, когда онъ попалъ на службу въ Гатчино, любимое мѣстопребываніе Павла Петровича, когда тотъ былъ еще великимъ княземъ. Здѣсь Аракчеевъ умѣлъ снискать

Аракчеевъ.

себѣ расположеніе великаго князя неутомимою дисциплинарною дѣятельностью и въ особенности выправкою, доведенною до совершенства. Взойдя на престолъ, Павелъ Петровичъ не забылъ его службы: осыпалъ его богатыми милостями и возвелъ въ графское достоинство. За жестокое обращеніе съ подчиненными, Аракчеевъ подвергся опалѣ и былъ высланъ на житье въ деревню, откуда возвратился уже въ царствованіе императора Александра I: сначала онъ былъ назначенъ инспекторомъ артиллеріи, въ управленіи которою онъ сдѣлалъ нѣсколько полезныхъ нововведеній, а потомъ всталъ не только во главѣ всей военной администраціи, но и сдѣлался докладчикомъ при государѣ по всѣмъ другимъ отра-

слямъ управленія, не исключая даже и дѣлъ духовныхъ. Особенная забота его обращена была на армію, которая была доведена до 900 тысячъ. Ему же приписывается учрежденіе *военныхъ поселеній*. Для уменьшенія расходовъ на содержаніе арміи въ мирное время, были устроены, по образцу австрійскихъ граничаръ, военныя поселенія на земляхъ государственныхъ крестьянъ въ губерніяхъ новгородской, харьковской и херсонской [1]). Поселенцы обязывались нести и военную службу и заниматься земледѣліемъ. На практикѣ, соединеніе обязанностей солдата и земледѣльца въ одномъ лицѣ, оказалось немыслимымъ. Вся система военныхъ поселеній была основана на крайне строгой дисциплинѣ: наказывали поселенца и за плохую маршировку, наказывали его и за дурно-обработанное поле. За то внѣшній порядокъ въ военныхъ поселеніяхъ былъ образцовый. Учрежденіе это, не отвѣчавшее ни цѣли своей, ни нравамъ русскаго народа, ничего не принесло, кромѣ вреда, и было въ началѣ новаго царствованія сперва преобразовано, а вскорѣ и совсѣмъ уничтожено.

У современниковъ этой эпохи часто слышится удивленіе, какимъ образомъ императоръ Александръ I, государь съ такимъ возвышеннымъ умомъ, образованіемъ и проницательнымъ характеромъ, могъ допустить вліяніе на себя графа Аракчеева, человѣка нрава крутаго, сердца жестокаго, и вообще человѣка такихъ свойствъ, которыя не имѣли ничего общаго съ душею и характеромъ императора. Вопросъ этотъ прекрасно, чисто-психологически разрѣшается словами одного изъ современныхъ намъ ученыхъ. Ковалевскій, въ своемъ сочиненіи „Графъ Блудовъ и его время", говоритъ: „на сторонѣ Аракчеева было одно важное преимущество: онъ изучилъ Александра еще съ дѣтства, во время пребыванія въ Гатчинѣ, и одаренный природнымъ инстинктомъ, умѣлъ воспользоваться происшедшею перемѣною въ государѣ, уставшемъ отъ бремени правленія и поколебавшемся въ довѣріи къ людямъ. Александръ, испытавшій всѣ роды лести и восхваленій, чувствовалъ особенное отъ нихъ отвращеніе, онъ любилъ, чтобы ему говорили искренно, въ какой-бы рѣзкой формѣ ни высказывалась истина; Аракчеевъ, какъ казалось Александру, былъ преданъ ему безусловно и безгранично; открыто, хотя иногда грубо, высказывалъ все, что было у него на душѣ, трудился неусыпно и, по видимому, безкорыстно, отказываясь отъ наградъ во все время царствованія императора Александра".

---

[1]) Въ Новгородской губ. (въ Старой Руссѣ) были устроены пѣхотныя военныя поселенія, а въ Харьковской губерніи (въ Чугуевѣ) и Херсонской (въ Елисаветградѣ)—кавалерійскія.

Въ ноябрѣ 1824 года, Петербургъ постигло бѣдствіе отъ *наводненія*, имѣвшее огромное вліяніе на здоровье государя, уже утомленнаго физическими трудами и нравственно потрясеннаго. 7-го ноября подулъ морской вѣтеръ и нагналъ такую массу воды, что она, переполнивъ Неву и каналы, выступила изъ береговъ и разлилась по улицамъ и площадямъ на значительную высоту. Столица представляла страшную картину: обломки разрушенныхъ деревянныхъ домовъ, утвари и другихъ предметовъ носились по улицамъ; катеры, получившіе приказаніе помогать несчастнымъ, не успѣвали спасать утопавшихъ. Между тѣмъ, вѣтеръ постоянно усиливался и грозилъ затопить весь городъ. Къ счастію, вечеромъ того же дня, буря начала затихать, вѣтеръ перемѣнилъ свое направленіе, и вода стала убывать съ улицъ. Государь работалъ неутомимо, самъ посѣщалъ жилища пострадавшихъ бѣдняковъ, собственноручно раздавалъ имъ пособія и утѣшалъ ихъ въ постигшемъ несчастіи. Какъ только сбыла вода, государь отправился въ галерную гавань, больше всего пострадавшую отъ наводненія и представлявшую страшную картину разрушенія. Здѣсь, онъ самъ распорядился о пріисканіи пріюта пострадавшимъ и самъ раздавалъ пособія. Отсюда онъ отправился на литейный заводъ и здѣсь также отечески выразилъ свое участіе къ пострадавшимъ [1]).

Еще со времени отечественной войны, въ характерѣ государя произошла замѣтная перемѣна: онъ, по словамъ современниковъ, казался старѣе своихъ лѣтъ; на лицѣ его выражались задумчивость и грусть, смѣнившія его „чарующую улыбку“ Въ то время уже поговаривали, что онъ занятъ мыслью отказаться отъ престола и помышляетъ о составленіи акта о престолонаслѣдіи. Дѣйствительно, лѣтомъ 1813 года онъ объявилъ брата своему, вел. кн. Николаю Павловичу, что онъ „непреложно рѣшился отказаться отъ престола, лишь только замѣтитъ по упадку силъ своихъ, что настало къ тому время; я не разъ говорилъ объ этомъ съ братомъ Константиномъ, но онъ рѣшительно не хочетъ мнѣ наслѣдовать; итакъ, вы должны напередъ знать, что призываетесь въ будущемъ къ императорскому сану“. Но государь долго медлилъ; онъ какъ будто колебался совершить такой важный шагъ. Послѣдующія событія, непрерывно идущія до 1822 года, потребовали новой усиленной дѣятельности и еще болѣе утомили императора, уже тяготившагося бременемъ правленія. Съ 1822 года,

---

[1]) О наводненіи въ С-Петербургѣ 7 Ноября 1824 года см. записки графа Комаровскаго.

государь совершенно отвергъ празднества, выходы, избѣгалъ общества, проводилъ большую часть года въ царскосельскомъ дворцѣ, посѣщая иногда любимый имъ Юрьевъ монастырь. Впечатлительная натура его еще болѣе была потрясена наводненіемъ и болѣзнью супруги, Елисаветы Алексѣевны. Чтобы устроить помѣщеніе для императрицы, которая, по совѣту врачей, должна была провести зиму на югѣ Россіи, государь самъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нею. 1-го сентября 1825 лода, въ день отъѣзда, государь отправился въ Александро-Невскую лавру, присутствовалъ здѣсь на молебнѣ и посѣтилъ митрополита Серафима и схимника Алексѣя. Проѣзжая заставу, государь привсталъ въ коляскѣ и нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ задумчивости на столицу, какъ бы прощаясь съ нею. 13-го сентября онъ былъ уже въ Таганрогѣ. Здоровье императрицы замѣтно стало поправляться, такъ что государь рѣшился принять приглашеніе графа Воронцова посѣтить его крымское имѣніе. 20-го октября онъ отправился въ Крымъ; но утомительная дорога, затруднительные переѣзды, холодная сырость по вечерамъ, безпрерывныя посѣщенія госпиталей въ этой мѣстности, гдѣ свирѣпствуютъ лихорадки и тифъ, сильно подѣйствовали на здоровье императора: въ Бахчисараѣ онъ захворалъ. Дальнѣйшая поѣздка была остановлена, и Александръ I возвратился въ Таганрогъ (5-го ноября). Желтая желудочная горячка развивалась все болѣе и болѣе, не смотря на всѣ усилія доктора Виллье, и 15-го ноября положеніе больнаго сдѣлалось уже безнадежнымъ. Причастившись св. тайнъ послѣ продолжительной исповѣди, государь обратился къ императрицѣ съ такими словами: „Я никогда не былъ въ такомъ утѣшительномъ состояніи, въ какомъ нахожусь“. Черезъ нѣсколько часовъ онъ впалъ въ забытье и скончался (19-го ноября 1825 г.).

ГЛАВА V.

Царствованіе императора Николая I. Восшествіе на престолъ.

Война съ Персіей.— Туркманчайскій миръ.

По смерти императора Александра I, на престолъ вступилъ братъ его, императоръ Николай. Первымъ дѣломъ его было усмиреніе военнаго мятежа.

Такъ какъ у императора Александра I не было дѣтей, то, по существующему закону, послѣ него долженъ былъ вступить

на престолъ братъ его, Константинъ Павловичъ, который и носилъ титулъ цесаревича. Но онъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ царствованію и сообщилъ объ этомъ письменно матери [1]) и брату еще въ 1822 году, прося на это ихъ согласія и уступая свои права на престолъ брату Николаю. Императоръ Александръ, рескриптомъ отъ 2 февраля 1822 года, изъявилъ свое согласіе на отреченіе цесаревича отъ престола, но только на слѣдующій 1823 годъ онъ далъ этому секретному семейному распоряженію нѣкоторый оффиціальный видъ, подписавъ особый манифестъ, которымъ великій князь Николай Павловичъ объявлялся наслѣдникомъ престола. Но по неизвѣстной причинѣ и этотъ манифестъ не былъ обнародованъ, а въ четырехъ запечатанныхъ экземплярахъ, съ собственноручною надписью государя на пакетахъ: „хранить до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть прежде всякаго другаго дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи", былъ положенъ въ Св. Синодѣ, Правительствующемъ Сенатѣ, въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ и Государственномъ Архивѣ. Въ этихъ пакетахъ, запечатанныхъ императорскою печатью, находились: 1) письмо цесаревича Константина Павловича къ покойному государю отъ 14 января 1822 г. о добровольномъ отреченіи отъ престола, съ просьбою утвердить такое намѣреніе его императорскимъ словомъ и согласіемъ государыни Маріи Ѳеодоровны; 2) отвѣтъ Александра отъ 2 февраля того же года о согласіи какъ съ его стороны, такъ и со стороны императрицы на просьбу Константина Павловича; и 3) манифестъ отъ 16 августа 1823 года, утверждающій право на престолъ, по случаю добровольнаго отреченія цесаревича, за великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Замѣчательно, что самъ великій князь Николай Павловичъ, не смотря на неоднократные разговоры по этому обстоятельству съ императоромъ, не былъ оффиціально посвященъ въ эту семейную тайну. Вслѣдствіе сего, по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ императора, великій князь Николай Павловичъ, гвардія, другія войска и всѣ чины гражданскіе и духовные присягнули на вѣрность службы Константину Павловичу. Вслѣдъ за тѣмъ, согласно съ волею покойнаго государя, въ чрезвычайномъ собраніи Государственнаго Совѣта былъ раскрытъ запечатанный пакетъ, положенный тамъ еще въ 1823 году. Какъ ни положительно и ясно было видно изъ находящихся въ немъ актовъ, что цесаревичъ Константинъ отрекается отъ престола, который теперь долженъ, по существующему закону о престолонаслѣдіи и волѣ го-

[1]) Императрица Марія Ѳеодоровна, вторая супруга императора Павла I.

сударя, перейти къ великому князю Николаю, однако послѣдній отказывался провозгласить себя императоромъ до окончательнаго изъявленія воли старшаго брата, которому онъ самъ и все государство только-что принесли присягу. Цесаревичъ, живя въ Варшавѣ, гдѣ извѣстіе о кончинѣ императора было получено двумя днями ранѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, письмомъ отъ 26-го ноября увѣдомлялъ брата о непоколебимомъ своемъ намѣреніи отказаться отъ престола и просилъ принять отъ него вѣрноподданническую присягу. Теперь же цесаревичъ оффиціальнымъ образомъ подтвердилъ свое намѣреніе и рапортъ министра юстиціи, которымъ тотъ извѣщалъ о принесеніи ему присяги, возвратилъ въ Петербургъ нераспечатаннымъ. Только послѣ этого, Николай Павловичъ уступилъ обстоятельствамъ и принялъ императорскій санъ: 12-го декабря послѣдовалъ манифестъ о восшествіи на престолъ государя императора Николая I, а 14-го декабря, въ день обнародованія манифеста, когда гвардія должна была принести присягу, въ Петербургѣ вспыхнулъ мятежъ, задуманный военными кружками, замышлявшими замѣнить въ Россіи неограниченное монархическое правленіе конституціоннымъ.

Во вторую половину царствованія императора Александра I, въ Россіи образовались тайныя общества, подобныя карбонаріямъ и масонамъ, имѣвшія цѣлью произвести революцію и радикально измѣнить существующій порядокъ. Походы въ Западную Европу и, вслѣдствіе того, близкое знакомство съ учрежденіями и политическими идеями ея имѣли возбуждающее вліяніе на умы многихъ офицеровъ русскаго войска. Между ними стали формироваться общества подъ различными названіями, съ цѣлью преобразовать государственное устройство Россіи. Въ „Изысканіяхъ Слѣдственной Коммисіи“, обнародованныхъ въ 1826 году, указываются подробно цѣль, объемъ и средства этихъ обществъ. Раньше другихъ, въ 1816 г., составилось общество подъ названіемъ Союза Спасенія, которое, прикрываясь дѣлами благотворительности, вербовало сторонниковъ своихъ тайныхъ замысловъ: въ 1818 году оно стало называться Союзомъ Благоденствія и раздѣлялось на общества: сѣверное, имѣвшее центромъ своимъ Петербургъ, и южное, сосредоточившееся въ Тульчинѣ (гдѣ находилась главная квартира 2-й арміи). Въ послѣдствіи сюда присоединилось, дѣйствовавшее прежде отдѣльно, третье общество—Соединенныхъ Славянъ. Одни изъ нихъ мечтали о введеніи республиканскаго порядка въ Россіи, другіе склонялись на сторону конституціоннаго правленія. Императоръ Александръ I зналъ о существованіи этихъ тайныхъ обществъ и ихъ намѣреніяхъ, но, по великодушію своему, не предпринималъ

противъ нихъ строгихъ мѣръ: онъ надѣялся, что время образумитъ заговорщиковъ и они сами откажутся отъ своихъ намѣреній. Но когда, во время его болѣзни въ Таганрогѣ, онъ получилъ новыя извѣстія двумя новыми путями о существованіи заговора, онъ приказалъ арестовать нѣкоторыхъ главныхъ агитаторовъ. Генералъ-адъютантъ Чернышевъ отправился въ Тульчинъ, для предупрежденія главнокомандующаго второю арміею кн. Витгенштейна и для арестованія командира вятскаго пѣхотнаго полка Пестеля. Это было послѣднее приказаніе императора Александра I. По смерти его, находившійся при покойномъ государѣ комендантомъ, баронъ Фридериксъ отправленъ былъ въ Петербургъ Чернышевымъ и Дибичемъ (начальникъ главнаго штаба) съ подробнымъ извѣстіемъ о заговорѣ. Такое же донесеніе было отправлено въ Варшаву, такъ какъ въ Таганрогѣ не знали, гдѣ императоръ. 12-го декабря великій князь Николай Павловичъ получилъ другое извѣщеніе о существованіи заговора и о томъ, что бо́льшая часть членовъ его находится въ столицѣ.

Дѣйствительно, заговорщики, находившіеся въ Петербургѣ, готовились осуществить свои планы и для этого разсчитывали воспользоваться тѣмъ короткимъ междуцарствіемъ, которое произошло вслѣдствіе отреченія Константина и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе его отсутствія изъ столицы. Они стали распускать слухи, что императоръ Николай Павловичъ самовольно овладѣлъ престоломъ, что Константинъ находится въ плѣну. 14-го декабря, въ день присяги гвардіи императору Николаю, двѣ роты лейбъ-гвардіи Московскаго полка отказались отъ присяги и, овладѣвъ знаменами и поранивъ своихъ начальниковъ, явились на Петровскую площадь. Вскорѣ къ нимъ пристали часть лейбъ-гренадерскаго полка и экипажъ-гвардіи. Разсказываютъ, что будто бы нѣкоторые изъ нихъ кричали „ура, Константинъ“, прибавляя къ этому и „конституція“, въ увѣренности, что такъ называется супруга Константина Павловича. Императоръ вполнѣ понималъ, что отказъ мятежниковъ въ присягѣ есть только предлогъ, а что цѣль подобнаго неповиновенія находится въ прямомъ отношеніи къ тому заговору, о которомъ онъ былъ извѣщенъ 12-го декабря. Императоръ собралъ вокругъ зимняго дворца остальную часть гвардіи. Сначала онъ думалъ образумить ихъ мѣрами увѣщанія и для этого отправилъ къ нимъ сперва митрополитовъ [1]) и генералъ-губернатора петербургскаго, графа Милорадовича (героя наполеоновскихъ войнъ). Но когда оказалось, что увѣщанія на нихъ не подѣйствовали, и что Милорадовичъ убитъ

[1]) С.-Петербургскаго и Кіевскаго.

выстрѣломъ изъ пистолета однимъ изъ заговорщиковъ, государь рѣшился прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Онъ приказалъ полкамъ конногвардейскому и кавалергардскому идти въ аттаку; аттака кавалеріи была, однако, неудачна. Тогда велѣно было дѣйствовать артиллеріи, и послѣ трехъ картечныхъ выстрѣловъ мятежники обратились въ бѣгство. По дѣлу 14-го декабря были учреждены: Верховная слѣдственная коммисія и Верховный судъ, а впослѣдствіи образовалась еще Ревизіонная коммиссія. Коммиссія нашла, что все возмущеніе 14-го декабря было подготовлено тайнымъ обществомъ заговорщиковъ. Члены сѣвернаго союза были тотчасъ же арестованы въ Петербургѣ, южнаго — въ Тульчинѣ. Число главныхъ виновниковъ доходило до 121 человѣка. Черезъ полгода верховный судъ произнесъ надъ заговорщиками приговоръ. Пятеро были казнены смертью; виновные второй категоріи были наказаны ссылкою въ Сибирь, а солдаты, увлеченные мятежниками, были отправлены на Кавказъ, чтобы побѣдами надъ горцами заслужить себѣ прощеніе [1]). 22-го августа 1826 года императоръ короновался въ Москвѣ. При торжествѣ присутствовалъ и великій князь Константинъ Павловичъ и здѣсь сердечнымъ объятіемъ съ братомъ, въ глазахъ народа, еще разъ подтвердилъ добровольное отреченіе отъ престола.

Внѣшняя и внутренняя политика царствованія Николая I отличается характеромъ охранительнымъ. Съ однойстороны, онъ поддерживалъ политическій вѣсъ Россіи, принимая дѣятельное участіе въ важныхъ событіяхъ Европы; мелкія же неустройства и внутреннія волненія въ мелкихъ государствахъ, такъ сильно безпокоившія императора Александра, Николаемъ были оставляемы безъ вниманія. Съ другой стороны, подобно предшественнику своему, онъ не допускалъ ни чьего посторонняго вмѣшательства въ дѣла своей имперіи и въ ея отношенія къ сосѣдямъ. Въ дѣлахъ внутренней политики императоръ Николай дѣйствовалъ съ тѣмъ же охранительнымъ характеромъ: отдавая полную справедливость государственнымъ учрежденіямъ своихъ предшественниковъ, онъ продолжалъ развивать нѣкоторыя отдѣльныя части этихъ учрежденій.

Императоръ Николай наслѣдовалъ отъ Александра I государ-

---

[1]) Еще во время правленія императора Николая, участь этихъ сосланныхъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ дворянскимъ фамиліямъ, была значительно смягчена; тѣмъ же изъ нихъ, которые дожили до вступленія на престолъ новаго императора, въ бозѣ почившій государь Александръ II, по случаю своей коронаціи въ 1856 году, даровалъ полное прощеніе, сказавъ при этомъ: „дай Богъ, чтобы русскому императору никогда больше не приходилось ни наказывать, ни прощать за подобныя преступленія“.

ство съ самыми дружественными отношеніями ко всѣмъ европейскимъ державамъ; только съ Турціею Россія находилась въ явномъ разрывѣ. Оттоманская Порта, подъ разными предлогами, не выполняла ни одного изъ условій Бухарестскаго трактата и неутомимо продолжала преслѣдованіе грековъ. Англія и Франція, опасавшіяся, чтобы Россія, при новомъ императорѣ, одна, безъ ихъ участія, не рѣшила греческаго вопроса, предложили русскому государю, сообща съ ними, положить конецъ кровопролитію въ Греціи. Такъ былъ подписанъ Лондонскій трактатъ. Но императоръ отклонилъ, при этомъ, всякое вмѣшательство Англіи въ *частные* споры своей державы съ Оттоманскою Портою, возникшіе по поводу нарушенія Турціею Бухарестскаго трактата, и возобновилъ съ Турціею переговоры въ г. Аккерманѣ. Уполномоченные султана подписали такъ называемую аккерманскую конвенцію (14-го сентября 1826 г.), по которой султанъ обязался въ точности выполнить всѣ условія Бухарестскаго трактата. Императоръ былъ крайне доволенъ такимъ ходомъ аккерманскихъ переговоровъ, которые на время могли отстранить разрывъ съ Турціею, потому что Персія объявила войну Россіи.

Персидская война (1826—1828 гг.) произошла изъ-за пограничныхъ споровъ. Въ 1813 году, по Галюстанскому трактату, примирившему Россію съ Персіею, Фетъ-Али-Шахъ (изъ династіи Каджаровъ) призналъ границею своихъ владѣній съ нашими ту самую линію, которая была занята тогда русскими войсками. Персіяне, между тѣмъ, заняли на русской землѣ часть Карабахскаго, а русскія войска, въ обезпеченіе своихъ правъ на эту землю, заняли часть ханства Эриванскаго по берегу озера Гокчи. Переговоры и объясненія по поводу этихъ пограничныхъ споровъ тянулись до смерти императора Александра I. Россія предлагала шаху возвратить занятые берега озера Гокчи, какъ скоро персіяне очистятъ округъ карабахскій, принадлежащій Россіи. Въ мартѣ 1825 года шахъ согласился на эти предложенія и наслѣдникъ его, Мирза-Аббасъ, уже извѣстилъ о томъ генерала Ермолова, главнокомандующаго на Кавказѣ, какъ 19-го ноября скончался Александръ I. Преемникъ его спѣшилъ довершить возстановленіе согласія съ шахомъ и отправилъ въ Тегеранъ кн. Меншикова, которому поручилъ увѣдомить шаха о вступленіи своемъ на престолъ и предложить ему утвердить миръ исполненіемъ съ обѣихъ сторонъ условій Галюстанскаго трактата. Меншиковъ былъ принятъ съ подобающими почестями, какъ въ Тавризѣ, мѣстопребываніи Аббаса-Мирзы, такъ и въ самой столицѣ (Тегеранѣ) при дворѣ шаха. А въ это-то самое время Персія и начала войну съ Россіею.

Въ половинѣ іюля 1826 года персіяне перешли рѣку Араксъ и вторгнулись въ наши предѣлы. Въ Петербургѣ почти цѣлый мѣсяцъ не хотѣли вѣрить, чтобы шахъ, при такомъ торжественномъ пріемѣ, какой онъ сдѣлалъ нашему послу, и при тѣхъ дружелюбныхъ переговорахъ, какіе велъ съ нимъ, могъ безъ объявленія войны начать ее. Первоначально императоръ приписывалъ непріязненныя дѣйствія въ Закавказьи набѣгамъ дикихъ горныхъ племенъ, которыя противъ воли шаха вторгнулись въ наши владѣнія. Но узнавъ, что война дѣйствительно начата по приказанію шаха, императоръ объявилъ, что онъ не раньше положитъ оружіе, какъ совершенно обезпечитъ свои границы и вознаградитъ Россію новыми пріобрѣтеніями на счетъ Персіи. Наши силы въ Закавказкомъ краѣ были очень незначительны, потому что Россія никакъ не ожидала объявленія войны со стороны Персіи, переговоры съ которой шли такъ дружественно. Въ это же время произошли смятенія въ Грузіи, которую бывшій грузинскій царь Александръ съ помощью Персіи думалъ освободить отъ зависимости Россіи; подвластныя намъ кавказскія мусульманскія племена мечтали о томъ же и также волновались. Генералъ Ермоловъ просилъ государя прислать довѣренное лицо, которому бы онъ могъ отдать начальствованіе надъ войсками въ такое трудное время, потому что самъ онъ не чувствуетъ къ тому достаточно силъ и способности. На помощь ему былъ отправленъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ, принявшій вскорѣ и главное начальство надъ войскомъ.

Перейдя черезъ р. Араксъ, Аббасъ-Мирза съ 35-тыс. войскомъ и артиллеріею двинулся къ Елизаветполю, чтобы, соединившись тамъ съ ханомъ эриванскимъ, вторгнуться въ Грузію и занять Тифлисъ. Путь въ Грузію заслоняла крѣпость Шуша, охраняемая ничтожнымъ гарнизономъ подъ начальствомъ полковника Реута. Командиръ и солдаты показали здѣсь удивительную храбрость, отражая приступы непріятеля въ теченіе полутора мѣсяца. Шуша спасла Тифлисъ, потому что главнокомандующій въ теченіе полутора мѣсяца имѣлъ время подкрѣпить тифлисскій гарнизонъ нѣсколькими батальонами, а князю Мадатову велѣлъ двинуться на выручку Шуши. Выросшій на Кавказѣ и хорошо знакомый съ способомъ веденія азіатской войны, Мадатовъ стремительно напалъ на передовыя персидскія войска, бывшія подъ начальствомъ Мехмета-Мирзы (сынъ Аббаса-Мирзы), и разбилъ ихъ на-голову у р. Шамхоры (2-го сентября). Узнавъ о пораженіи сына, Аббасъ-Мирза двинулся къ нему на помощь, но при Елизаветполѣ (13-го сентября) онъ былъ встрѣченъ Паскевичемъ. Не смотря на то, что персидское войско было вдесятеро многочисленнѣе русскаго, Паскевичъ нанесъ

ему такое пораженіе, что персіяне обратились въ бѣгство и удалились за Араксъ. Но и послѣ этихъ пораженій, шахъ, подстрекаемый своимъ сыномъ Аббасъ-Мирзою, не склонялся на миръ. Тогда Паскевичъ, назначенный главнокомандующимъ на мѣсто Ермолова, получилъ приказаніе отъ императора—внести войну въ предѣлы самой Персіи. Дѣйствительно, въ мартѣ 1827 года войска наши, значительно увеличенныя свѣжими силами, двинулись въ ханство Эриванское. Дорога отъ Тифлиса до Эривани представляла громадныя трудности: русскимъ солдатамъ приходилось самимъ пролагать

Паскевичъ.

дорогу черезъ снѣжные хребты горъ, переправляться черезъ крутые и глубокіе рвы съ артиллеріею и обозомъ. Одолѣвъ всѣ препятствія, русскія войска, 24-го апрѣля, явились подъ стѣнами крѣпости Эривани съ многочисленною артиллеріею. Напрасны были старанія Аббаса-Мирзы спасти Эривань, этотъ оплотъ Персіи: 1 октября Эривань пала. Затѣмъ, Паскевичъ двинулся на Тавризъ и безпрепятственно дошелъ до столицы Аббаса-Мирзы. Въ такой крайности, Аббасъ склонилъ шаха къ миру и условился съ русскимъ главнокомандующимъ въ главныхъ статьяхъ договора. Оставалось только

подписать мирный трактатъ, какъ въ Персіи сдѣлалось извѣстнымъ, что Турція объявила войну Россіи. Думая выпутаться изъ бѣды, шахъ объявилъ недѣйствительными мирные переговоры, веденные его сыномъ, и обѣщалъ прислать къ главнокомандующему особаго полномочнаго изъ Тегерана: видно было, что шахъ разсчитывалъ выиграть время. Отвѣтомъ Паскевича на это было приказаніе войскамъ двинуться къ Тегерану. Только теперь шахъ убѣдился въ необходимости мира. Въ деревнѣ Туркманчаѣ (близь Тегерана), 10-го февраля 1828 г., былъ подписанъ мирный трактатъ на слѣдующихъ условіяхъ: Персія уступила Россіи: области Эриванскую и Нахичеванскую; шахъ обязался уплатить 20 милліоновъ рублей контрибуціи за военныя издержки и предоставить русскимъ подданнымъ, пріѣзжающимъ въ Персію по дѣламъ торговымъ, значительныя преимущества сравнительно съ другими націями.

Государь щедрою рукою наградилъ Паскевича: [1]) за эту войну онъ возвелъ его въ графское достоинство, съ титуломъ Эриванскаго, и подарилъ ему милліонъ рублей изъ персидской контрибуціи. Туркманчайскій миръ принесъ огромныя выгоды Россіи: 1) пріобрѣтеніями отъ Персіи Нахичевани и Эривани Россія упрочила свое владычество надъ Армянскою возвышенностью и чрезъ патріарха Эчміадзинскаго, принявшаго русское подданство, пріобрѣла моральное вліяніе на всѣхъ армянскихъ христіанъ, разсѣянныхъ въ Персіи и Турціи; 2) этимъ миромъ обозначились твердыя, безопасныя границы Россіи за Кавказомъ; 3) торговля русская съ Персіею получила полную неприкосновенность и преимущества и 4) имъ прекратилась война съ Персіею въ то самое время, когда Россія вступила въ борьбу съ Турціею, по поводу греческаго вопроса.

ГЛАВА VI.

Турецкая война въ царствованіе императора Николая I.

Не успѣла закончиться война съ Персіею, какъ Турція объявила войну Россіи. *Турецкая война* 1828—1829 года была лучшимъ доказательствомъ того дѣятельнаго участія, которое Россія принимала въ судьбѣ грековъ.

Съ перемѣной царствованія въ Россіи, русская политика въ

---

[1]) Сотрудниками Паскевича въ этой войнѣ, кромѣ упомянутыхъ лицъ, были: 1) начальникъ штаба Сакенъ; 2) авангардный генералъ Бурцовъ и 3) оберъ-квартирмейстеръ В. Д. Вальховскій.

греческомъ или, такъ называемомъ, *восточномъ вопросѣ* становилась все болѣе и болѣе энергической. Опасеніе (какъ мы уже видѣли выше), что Россія (съ 1826 года) готовится одна, безъ участія другихъ европейскихъ кабинетовъ, рѣшить греческій вопросъ, побудило сперва Англію (а потомъ и Францію) сблизиться съ Россіею. Это повело, какъ извѣстно, къ заключенію союза между Англіею и Россіею, извѣстнаго подъ названіемъ *Петербургскаго протокола* (4 апрѣля 1826 г.). Обѣ державы уговорились потребовать отъ Турціи такого же положенія для Греціи, въ какомъ стояла Сербія: Греція должна была признавать верховную власть Турціи, платить ей ежегодную дань, но во внутреннемъ управленіи должна была пользоваться самостоятельностью; туркамъ запрещалось владѣть поземельною собственностью въ предѣлахъ Греціи; проведеніе границъ между Греціею и Турціею предоставлялось ихъ взаимному соглашенію. Но Порта наотрѣзъ отказалась отъ этихъ условій и турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ съ надменностью отвѣчалъ, что „Блистательная" Порта никогда не согласится на подобное вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла свои и, въ случаѣ надобности, она готова отразить силу силою. Послѣ такого рѣзкаго отказа со стороны Порты, союзныя державы стали приглашать къ участію въ греческомъ вопросѣ Австрію и Францію. Первая, въ лицѣ князя Меттерниха, который опасался показаться непослѣдовательнымъ, отклонила предложеніе союзниковъ; но вторая, гдѣ общественное мнѣніе давно уже стало съ замѣтнымъ сочувствіемъ относиться къ геройской борьбѣ грековъ, приняла предложеніе съ живѣйшимъ восторгомъ. Результатомъ этого сближенія Англіи, Россіи и Франціи былъ *Лондонскій трактатъ*, подписанный 6-го іюля 1827 г. Цѣль трактата выражалась слѣдующими словами: возстановить спокойствіе и порядокъ на юго-востокѣ Европы и положить конецъ борьбѣ между греками и турками, которая противна интересамъ человѣколюбія, а также торговымъ интересамъ европейскихъ державъ". Рѣшено было снова обратиться къ Портѣ съ коллективнымъ предложеніемъ посредничества и съ тою разницею сравнительно съ предъидущимъ предложеніемъ, что въ опредѣленіи границъ между Портою и Греціею теперь примутъ участіе не только Греція и Турція, но и всѣ три покровительствующія державы. Въ секретныхъ статьяхъ Лондонскаго трактата союзники условились ждать исполненія своихъ предложеній въ теченіе одного мѣсяца, а потомъ дать начальникамъ своихъ эскадръ на Средиземномъ морѣ инструкціи для рѣшительныхъ дѣйствій. Но и на этотъ разъ турецкое правительство отвѣчало рѣшительнымъ отказомъ. Тогда посланники Англіи, Россіи и

Франціи сообщили дивану о секретныхъ статьяхъ трактата, въ силу которыхъ союзные флоты должны будутъ дѣйствовать оружіемъ противъ Турціи, чтобы остановить кровопролитіе надъ балканскими христіанами. Султанъ не хотѣлъ слушать никакихъ угрозъ и продолжалъ немилосердно преслѣдовать грековъ. Такимъ образомъ послѣдовала знаменитая Наваринская битва, истребившая $^{8}/_{20}$ октября 1827 г. весь турецко-египетскій флотъ. Вотъ нѣкоторыя подробности славнаго *Наваринскаго боя.* Адмиралы союзнаго флота: Кодрингтонъ, Риньи и графъ Гейденъ, исполняя приказаніе своихъ кабинетовъ, отрѣзали турецко-египетскому флоту сообщеніе съ островами и принудили его войти въ Наваринскую гавань. Ибрагимъ, послѣ свиданія съ адмиралами, обѣщалъ прекратить непріязненныя дѣйствія на три недѣли до полученія новыхъ инструкцій изъ Константинополя, но не сдержалъ слова: египетскія сухопутныя войска продолжали опустошеніе береговъ Мореи. Тогда союзные адмиралы отправили къ нему за общею подписью письмо, въ которомъ требовали немедленнаго отвѣта — согласенъ ли онъ исполнить данное обѣщаніе? Письмо не было принято. Съ общаго согласія положено было двинуть союзныя эскадры въ Наваринскій заливъ и вооруженною угрозою принудить Ибрагима отозвать войска его изъ Мореи. Флотъ союзниковъ состоялъ изъ 27 кораблей (изъ нихъ восемь были русскіе), съ 13 тыс. матросовъ и 1,300 орудіями; турецко-египетскій флотъ былъ гораздо значительнѣе: въ немъ находилось 66 кораблей съ 23 тыс. экипажа и 2,200 орудіями. Начальство надъ союзнымъ флотомъ принялъ англійскій адмиралъ Кодрингтонъ, какъ старшій по чину. Флотъ союзный былъ раздѣленъ на двѣ эскадры: правую, состоявшую изъ кораблей англійскихъ и французскихъ, и лѣвую—изъ русскихъ. Правая эскадра вошла первою въ заливъ и бросила якорь предъ турецкими кораблями, на которые Кодрингтонъ выслалъ для объясненія причинъ прибытія въ гавань соединеннаго флота двухъ офицеровъ, но они были встрѣчены ружейными выстрѣлами и убиты. Вслѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ съ египетскаго корабля, чѣмъ и начался самый бой. Отъ выстрѣловъ 3-хъ тысячъ орудій образовался густой туманъ, покрывшій весь заливъ какимъ-то непроницаемымъ мракомъ. Въ это самое время подплыла и русская эскадра, заняла свое мѣсто на лѣвой сторонѣ и открыла убійственный огонь. Замѣчателенъ подвигъ храбраго капитана Лазарева, который съ однимъ адмиральскимъ кораблемъ потопилъ три непріятельскіе фрегата. Наваринскій бой продолжался всего 4 часа и совершенно истребилъ турецко-египетскій флотъ, вдвое сильнѣйшій противъ союзнаго.

Послѣ Наваринскаго разгрома и отъѣзда посланниковъ трехъ великихъ державъ изъ Константинополя, султанъ проявилъ весьма замѣтное различіе по отношенію къ тремъ державамъ-покровительницамъ. Онъ обрушилъ весь свой гнѣвъ исключительно на Россію, а Франціи и Англіи не только не объявилъ войны, но, напротивъ того, предлагалъ самыя выгодныя условія къ сближенію и приглашалъ посланниковъ ихъ вернуться въ Константинополь. Во всѣхъ турецкихъ мечетяхъ былъ прочитанъ гатишерифъ (манифестъ), призывавшій мусульманъ къ поголовному ополченію за вѣру и отечество и провозглашавшій Россію самымъ неукротимымъ врагомъ правовѣрныхъ, врагомъ, жаждущимъ паденія Турціи: въ концѣ гатишерифа объявлялось, что султанъ разрываетъ съ ней всѣ переговоры, а условія Аккерманскія (см. выше гл. III) признаетъ недѣйствительными. Въ отвѣтъ на это, императоръ Николай Павловичъ издалъ манифестъ (14-го апрѣля), которымъ объявлялось, что Россія вовсе не думаетъ объ уничтоженіи Порты, какъ разглашаетъ султанъ, а что намѣренія ея заключаются только въ томъ, чтобы принудить Турцію выполнить условія признанной ею Аккерманской конвенціи и Лондонскаго трактата.

Турецкая война началась весною 1828 года. Россія снарядила нѣсколько армій и эскадръ, чтобы со стороны и суши и съ моря напасть на Турцію. Фельдмаршалу Витгенштейну поручено было занять Валахію и Молдавію, перейти потомъ черезъ Дунай и всѣ дѣйствія своей арміи направить на Румелію, графъ Паскевичь долженъ былъ дѣйствовать въ Закавказскомъ краѣ на азіятскія владѣнія Турціи; Меншиковъ долженъ былъ взять крѣпость Анапу; съ эскадрами были отправлены: Грейгъ къ берегамъ Болгаріи и Румеліи и Гейденъ—въ Архипелагъ, чтобы запереть Дарданеллы и тѣмъ пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ изъ Египта въ Константинополь.

Разсмотримъ сперва дѣйствія русскихъ войскъ въ Европейской Турціи.

Армія Витгенштейна, перейдя Прутъ, границу имперіи, въ числѣ 115 тыс., была встрѣчена въ Молдавіи и Валахіи самымъ дружелюбнымъ пріемомъ. Часть арміи тотчасъ же отдѣлена была, по распоряженію главнокомандующаго, для взятія крѣпости Браилова, которая по своему стратегическому положенію могла обезпечить тылъ главной арміи за Дунаемъ. Здѣсь предстоялъ русскому войску трудный подвигъ, потому что Дунай разлился на огромное пространство и лѣвый берегъ его обратился въ непроходимое болото; чтобы переправиться на правый берегъ, необходимо было сдѣлать насыпь (гать) и перекинуть мостъ. Личное

присутствіе императора одушевляло солдатъ: они усердно принялись за работу и устроили плотину на пространствѣ пяти верстъ, не взирая на всѣ старанія турокъ дѣйствіемъ своей артиллеріи уничтожить наши сооруженія. Весьма много помогли въ этой переправѣ запорожцы, ушедшіе изъ Россіи въ подданство Турціи еще въ 1775 г. и теперь изъявившіе желаніе возвратиться въ прежнее отечество: [1]) они доставили намъ сотню легкихъ судовъ и перевезли два егерскіе полка. Переправою арміи черезъ Дунай распоряжался самъ императоръ, переѣхавшій въ запорожской лодкѣ (27-го мая 1828 г. [2]). Дальнѣйшій планъ войны состоялъ въ осадѣ турецкихъ крѣпостей: Шумлы, Варны и Силистріи, куда заперлись турки, опасавшіеся встрѣчи съ русскими въ открытомъ полѣ.

Послѣ занятія Браилова, въ главной квартирѣ рѣшено было сдѣлать нападеніе на неприступную Шумлу, чтобы испытать, не удастся ли завлечь сераскира ея въ бой и пораженіемъ его открыть дорогу за Балканы. Миновать Шумлу и идти прямо за Балканы, значило бы оставить въ тылу у себя 40-тысячное турецкое войско; взять приступомъ оказывалось невозможнымъ безъ значительныхъ потерь, а обложить Шумлу со всѣхъ сторонъ и прекратить подвозъ съѣстныхъ припасовъ нельзя было сдѣлать по малочисленности войска. Самымъ удобнымъ казалось выманить сераскира изъ крѣпости. Но онъ оставался неподвиженъ. Тогда государь сдѣлалъ такое распоряженіе: Витгенштейну приказано было оставаться подъ Шумлою, Меншикову двинуться къ Варнѣ и осадить ее съ суши и съ моря, а корпусу Щербатова овладѣть Силистріею, чтобы, съ одной стороны, обезпечить подвозъ съѣстныхъ припасовъ водою изъ Одессы, а съ другой—обезопасить наши зимнія квартиры на лѣвомъ берегу Дуная. Черезъ 2 мѣсяца (29-го сентября) осада Варны была кончена съ полнымъ успѣхомъ, не смотря на первоклассность ея укрѣпленій, выгодное мѣстоположеніе и 20-тысячный гарнизонъ подъ начальствомъ искуснаго турецкаго генерала. Взятіемъ Варны былъ открытъ путь въ Румелію черезъ Балканы со стороны моря. Рано наступившая зима принудила отложить дальнѣйшія дѣйствія до слѣдующаго года.

Въ азіатской Турціи война велась еще болѣе славнымъ образомъ. Здѣсь ознаменовалъ себя новыми воинскими доблестями графъ

---

[1]) Государь позволилъ имъ возвратиться въ подданство Россіи и образовать изъ нихъ азовское казачье войско; а кошеваго атамана Государь произвелъ въ полковники. Число возвратившихся въ Россію запорожцевъ простиралось до 12 т.

[2]) Переправа черезъ Дунай совершена была при селеніи Сутановѣ, лежащемъ противъ г. Исакчи. Въ воспоминаніе объ этомъ событіи былъ основанъ близъ Сатунова православный монастырь во имя св. Ѳерапонта. Въ послѣднюю войну съ Турками (1877—1878) монастырь этотъ былъ разрушенъ и сожженъ турецкими войсками.

Паскевичъ, не смотря на то, что въ распоряженіи его былъ только 12-ти-тысячный корпусъ, изнуренный битвами и болѣзнями и неуспѣвшій еще отдохнуть послѣ персидскаго похода; запасовъ продовольствія и военныхъ снарядовъ было недостаточно; въ подвластныхъ намъ кавказскихъ мусульманскихъ областяхъ происходили возстанія и готовились поголовныя ополченія, чтобы встать въ ряды турокъ. Паскевичъ преодолѣлъ всѣ эти затрудненія; съ 12-тысячнымъ корпусомъ онъ перешелъ въ азіятскую Турцію и осадилъ крѣпость Карсъ, славившуюся у турокъ своею неприступностью, и въ четыре дня взялъ ее штурмомъ (23-го іюня). Узнавъ о взятіи Карса, турецкое 30-тысячное войско повернуло къ г. Эрзеруму, въ намѣреніи пробраться въ Грузію по ахалцыхской дорогѣ. Паскевичъ спѣшилъ предупредить его подъ Ахалцыхомъ и, несмотря на то, что чума, перешедшая изъ турецкаго лагеря въ наши войска, свирѣпствовала съ страшною смертностью, овладѣлъ мимоходомъ, по дорогѣ, крѣпостью Ахалкалаки и подступилъ къ Ахалцыху. Ахалцыхъ, основанный кавказскими горцами среди двухъ ущелій, на скалахъ, представлялъ сильную твердыню; онъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ высокими палисадами и трехъ-ярусными башнями; 50 тысячъ жителей его, выросшихъ въ боевой жизни, составляли его гарнизонъ. 15-го августа въ 4 часа по полудни штурмовая колонна, подъ начальствомъ полковника Бородина, двинулась на приступъ и успѣла ворваться въ городъ, гдѣ, среди пожара, приходилось штурмовать каждый отдѣльный домъ. Паскевичъ искусно подкрѣплялъ свѣжими силами штурмовавшихъ и рано утромъ 16-го августа взялъ Ахалцыхъ. Укрѣпленія его были возобновлены русскими и образовали надежный оплотъ Грузіи со стороны Азіятской Турціи. Такимъ образомъ, не болѣе какъ въ два мѣсяца, непріятельская армія, угрожавшая нашему Закавказскому краю, была разсѣяна и наше новое пріобрѣтеніе—Эриванское ханство обезпечено. Несмотря на такіе успѣхи нашего оружія въ Европейской и Азіятской Турціи, султанъ и слышать не хотѣлъ о мирѣ. Онъ разсчитывалъ на новый разрывъ Персіи съ Россіею. Весною 1829 года чернь тегеранская, раздраженная высокомѣріемъ армянскихъ агентовъ русскаго правительства, ворвалась въ домъ посольства и умертвила русскаго посланника Грибоѣдова [1]) съ большею частью его свиты. Султанъ поспѣшилъ завести переговоры съ шахомъ; но надежды его не исполнились, потому что шахъ, опасаясь новой войны съ Россіею, былъ очень доволенъ, когда Паскевичъ предложилъ ему, во избѣжаніе разрыва

---

[1]) Авторъ комедіи „Горе отъ ума“.

съ Россіею, принести извиненіе передъ русскимъ императоромъ, отправивъ для этой цѣли одного изъ принцевъ царствующаго въ Персіи дома Каджаровъ. Дѣйствительно, сынъ Аббаса-Мирзы, Хозревъ-Мирза, прибылъ въ Петербургъ и въ торжественной аудіенціи, въ присутствіи двора и дипломатическаго корпуса (10-го августа 1829), просилъ государя забыть тегеранское происшествіе, оскорбившее одинаково и русскій дворъ, и шаха. Обезпеченный со стороны Персіи, Паскевичъ снова началъ военныя дѣйствія противъ турокъ. Перейдя Салангунскій хребетъ, онъ осадилъ Эрзерумъ, столицу Анатоліи, который и сдался ему 27-го іюня 1829.

Послѣ взятія Варны, Австрія, опасавшаяся успѣховъ русскаго оружія, начала свои хлопоты о спасеніи Турціи и предлагала Англіи и Франціи сдѣлать тоже, но обѣ державы отвергли ея предложенія. Надежда султана вооружить противъ Россіи персидскаго шаха также не осуществилась. Оставалось только собственными силами продолжать войну. Порта вооружила теперь все, что только могла, и назначила главнокомандующимъ новаго визиря, Решида-пашу, отличившагося при осадѣ Миссолунгъ и Аѳинъ. Онъ тотчасъ увеличилъ армію, сосредоточенную въ Шумлѣ, нѣсколькими тысячами регулярнаго войска и думалъ возвратить отъ русскихъ Варну, оттѣснивъ ихъ за Дунай. Императоръ Николай также усилилъ свою армію и на мѣсто Витгенштейна назначилъ главнокомандующимъ графа Дибича. Планъ войны не измѣнился при новомъ военноначальникѣ. Весною 1829 года, Дибичъ осадилъ Силистрію съ намѣреніемъ выманить визиря изъ Шумлы. Дѣйствительно, съ 40-тысяч. войскомъ визирь выступилъ изъ крѣпости. Поручивъ осаду Силистріи генералу Крассовскому, Дибичъ двинулся на Балканы, зашелъ въ тылъ Решиду-пашѣ и, такимъ образомъ, отрѣзалъ ему сообщеніе съ Шумлою. Думая, что въ тылу у него незначительный русскій отрядъ, визирь повелъ въ эту сторону свое войско и здѣсь, въ тѣснинахъ Кулевчи (30-го мая), противъ всякаго ожиданія, встрѣтилъ самого Дибича. Открылся продолжительный бой, два раза возобновлявшійся, вслѣдствіе сильнаго утомленія съ обѣихъ сторонъ. Къ вечеру этого дня, турки обратились въ бѣгство, и самъ визирь едва не попался въ плѣнъ. Возвратившись съ половиною арміи въ Шумлу, онъ сталъ стягивать сюда отряды, охранявшіе горныя дороги, и тѣмъ открылъ совершенно путь черезъ Балканы. Дибичъ, какъ нельзя лучше, съумѣлъ воспользоваться ошибкою Решида-паши: подождавъ паденія Силистріи, взятой генераломъ Крассовскимъ, онъ поручилъ ему двинуться подъ Шумлу и запереть въ ней визиря, а самъ отправился черезъ Балканы въ долину Румеліи. Города, одинъ за

другимъ, безъ боя сдавались русскимъ, и 8-го августа Дибичъ безпрепятственно пошелъ въ Адріанополь. Теперь Портѣ ничего не оставалось, какъ просить мира и принять то посредничество, которое предлагала на этотъ разъ ей Пруссія. Такъ открылись мирные переговоры въ Адріанополѣ, веденные съ русской стороны—графами Орловымъ и Паленомъ, а со стороны Турціи—Садыкомъ-эффенди. Требованія Россіи были чрезвычайно умѣренны и потому, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, $^{2}|_{14}$-го сентября 1829 г., были подписаны и мирныя условія. Россія изъ всѣхъ своихъ завоеваній въ европейской Турціи удержала только острова при устьяхъ Дуная, съ обязательствомъ не строить здѣсь укрѣпленій, а имѣть только карантины; въ Азіи она удержала за собою крѣпости: Анапу, Поти, Ахалкалаки и Ахалцыхъ, необходимыя для безопасности Закавказскаго края. Султанъ обязывался: дать русскимъ подданнымъ полную свободу торговли на всемъ пространствѣ своей имперіи и на всѣхъ водахъ, ей принадлежащихъ; Босфоръ и Дарданеллы открыть всѣмъ безъ исключенія торговымъ судамъ дружественныхъ съ Портою державъ. Въ отношеніи Молдавіи и Валахіи были не только подтверждены условія Бухарестскаго трактата и Аккерманской конвенціи, но было еще постановлено, чтобы господари избирались не на опредѣленный срокъ, а на всю жизнь, и только платили Турціи ежегодную дань; чтобы ни одинъ мусульманинъ не имѣлъ права жить въ княжествахъ, и чтобы всѣ крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная были срыты; Сербія осталась въ томъ положеніи, въ которое она поставлена была условіями Бухарестскаго трактата и Аккерманской конвенціи. Наконецъ, *по условіямъ Адріанопольскаго мира Турція окончательно признала независимость Греціи* и соглашалась принять заранѣе рѣшеніе трехъ покровительствующихъ державъ о будущей ея судьбѣ и границахъ.

ГЛАВА VII.

Англія съ Вѣнскаго конгресса до кончины Георга IV.

Преобладаніе торіевъ въ парламентѣ.—Хлѣбный законъ.—Эмансипація ирландскихъ католиковъ. „Гнилыя мѣстечки".—Георгъ IV и прогрессивное министерство Каннинга.—Участіе Англіи въ греческомъ вопросѣ.

Англія, принимавшая участіе въ коалиціяхъ противъ республиканской Франціи и первой Французской имперіи, вышла изъ этой двадцатилѣтней борьбы съ полнымъ могуществомъ. Уничтоживъ

флоты испанцевъ, голландцевъ, датчанъ, дружественные Франціи, Англія до того усилила свое морское значеніе, что, безъ преувеличенія, можно назвать ее первою морскою державою. Вознагражденія, полученныя ею на Вѣнскомъ конгрессѣ, еще болѣе упрочивали за нею первенство на моряхъ: колоніальныя территоріи Англіи расширились въ Вестъ-Индіи, на западѣ и югѣ Африки и въ Австраліи; а въ Остъ-Индіи изъ колоній ея образовалось такое колоніальное государство, которое своимъ населеніемъ, объемомъ и богатствомъ [1]) превосходило самую метрополію: почти весь полуостровъ съ 150 милліонами жителей признавалъ надъ собою власть Остъ-Индской компаніи, которая имѣла свой огромный флотъ и содержала значительное войско сипаевъ (составленное изъ туземцевъ, обученныхъ европейскому строю). Въ сѣверной Америкѣ, Англія владѣла Канадою, Акадіею и обширными землями на сѣверъ отъ первой. Отдавая бо̀льшее, послѣ остъ-индскихъ колоній, значеніе своимъ американскимъ территоріямъ, Англія ничего не жалѣла, чтобы поддержать ихъ въ борьбѣ съ Соединенными Штатами, которые желали присоединеніемъ Канады къ своему Союзу избавиться отъ стѣсненій англичанами ихъ колоніальной торговли. Во время похода Наполеона I на Россію, Соединенные Штаты объявили войну Англіи. Напрасны были надежды американцевъ увеличить свои владѣнія пріобрѣтеніемъ Канады: на морѣ они еще кое-какъ держались своимъ флотомъ, но на сухомъ пути должны были всюду уступать искусству англійскихъ войскъ, которыя нанесли имъ нѣсколько значительныхъ пораженій и взяли самую столицу союза Вашингтонъ. Война эта закончилась, при посредничествѣ Россіи, Гентскимъ миромъ (1814 г.), по которому обѣ воевавшія державы остались въ томъ положеніи, въ какомъ были до начала войны (status quo); при этомъ Штаты обязались помогать Англіи въ уничтоженіи торговли неграми въ Новомъ Свѣтѣ. Пріобрѣтенія по вѣнскому конгрессу острова Мальты, протектората надъ Іоническими островами и обладаніе Гибралтаромъ доставили Англіи господство на Средиземномъ морѣ и обезпечили ея выгодную торговлю съ Левантомъ. Не довольствуясь морскимъ превосходствомъ и колоніальнымъ первенствомъ среди европейскихъ государствъ, Англія стремилась (еще съ XVIII в.) къ всемірному владычеству посредствомъ торговли и фабричной промышленности. При огромномъ количествѣ своихъ фабрикъ, работавшихъ посредствомъ пара, она хотѣла захватить въ свои руки всю фабричную промышленность, предоставивъ другимъ націямъ производство только сырыхъ матеріа-

[1]) Торговля Остъ-Индіи ведется въ такихъ размѣрахъ: вывозъ на 63 мил. ф. стерлинговъ ежегодно, привозъ на 31 мил.

ловъ. Наполеонъ I, понимавшій такіе коммерческіе разсчеты постоянной соперницы Франціи, изобрѣлъ противъ нея такъ называемую континентальную систему или блокаду, и дѣйствительно подорвалъ ея разсчеты, но не надолго. Съ паденіемъ Наполеона Англія снова взялась за свои стремленія и выгодными торговыми трактатами съ большею частью державъ Стараго и Новаго Свѣта доставила своей фабричной промышленности самый обширный сбытъ.

Но при такомъ политическомъ, морскомъ и торговомъ могуществѣ, Англія не могла похвалиться своимъ внутреннимъ благосостояніемъ.

Во время наполеоновскихъ войнъ, въ Англіи царствовалъ Георгъ III (1760—1820) съ тою же конституціонною властью, какъ и его предшественники изъ ганноверскаго дома. Больной, страдавшій меланхоліею, а впослѣдствіи и совершенно лишившійся разсудка и зрѣнія, Георгъ III предоставилъ все управленіе Англіею министерству, которое съ самаго начала XVIII вѣка пріобрѣло громадное значеніе и въ полномъ смыслѣ слова руководило политикой государства, какъ внѣшнею, такъ и внутреннею. Въ парламентѣ по прежнему боролись партіи торіевъ и виговъ, изъ которыхъ первые поддерживали старыя учрежденія и права знати, подавляя права народа; вторые требовали реформъ и поддерживали права народныя. При Георгѣ III торжествовали и въ парламентѣ и министерствѣ тори, во главѣ которыхъ почти во все время войнъ союзниковъ съ Наполеономъ стоялъ лордъ Кастлере (Castelreyg), съ непоколебимою твердостью помогавшій коалиціямъ. Важнѣйшіе вопросы, занимавшіе англійскую націю и ея представителей въ парламентѣ; въ министерство Кастлере, были слѣдующіе: *„хлѣбный законъ“*, *„эмансипація католиковъ“* и такъ называемыя *„гнилыя мѣстечки“*.

Какъ при торжествѣ торіевъ, такъ и виговъ, при тогдашней правительственной системѣ, парламентъ Англіи имѣлъ составъ аристократическій, потому что въ члены парламента, какъ верхняго, такъ и нижняго, избирались или только знатные по происхожденію лорды и высшее духовенство, занимавшіе первыя свѣтскія и духовныя должности, или зажиточные поземельные владѣльцы изъ тѣхъ же привилегированныхъ сословій. Такимъ образомъ, къ концу наполеоновскихъ войнъ, англійское правительство во всѣхъ составныхъ частяхъ своихъ было вполнѣ аристократическимъ, и торійское министерство, ведшее войну съ непоколебимою твердостью, чувствовало себя достаточно сильнымъ, чтобы неизмѣнно продолжать прежнюю систему управленія. При такомъ порядкѣ

вещей въ рукахъ аристократіи, владѣвшей огромной поземельной собственностью и капиталами, стали сосредоточиваться несмѣтныя богатства, а огромное большинство впало въ крайнюю нищету и превратилось въ пролетаріевъ. Продолжительныя сухопутныя и морскія войны вмѣстѣ съ денежными субсидіями (вспомоществованіями), выдаваемыми Англіею союзникамъ коалицій во время борьбы Европы съ Наполеономъ, довели національный долгъ Англіи до 900 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, ежегодные проценты съ котораго составляли 34 милліона. Чтобы покрыть такой громадный долгъ, прибѣгли къ новымъ налогамъ на статьи торговли, жизненныя потребности, на движимыя и недвижимыя имущества. Налоги на недвижимыя имущества были такъ высоки, что мелкіе землевладѣльцы принуждены были продать свои участки богатымъ дворянамъ. Чтобы предупредить пониженіе цѣнности на поземельную собственность, богатые землевладѣльцы, имѣвшіе большое число своихъ представителей какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ парламентахъ, успѣли провести въ парламентѣ въ 1815 г. „*хлѣбный законъ*“, по которому позволялось привозить иностранный хлѣбъ въ Англію только въ такомъ случаѣ, когда цѣна туземнаго хлѣба поднималась до высшей степени. Съ помощью такого постановленія богатые землевладѣльцы, отдавшіе свои помѣстья въ аренды, могли увеличить еще болѣе свои капиталы, потребовавъ отъ фермеровъ бо̀льшей арендной платы. Этимъ же затрудненіемъ ввоза иностраннаго хлѣба отстранялась конкурренція, безъ которой хлѣбная торговля составила какъ бы монополію въ рукахъ богатыхъ землевладѣльцевъ-аристократовъ. Такимъ образомъ, промышленность, добывающая, а за нею и фабричная, стали сосредоточиваться въ рукахъ богачей-каниталистовъ, которые подорвали обороты менѣе богатыхъ промышленниковъ, задавили классъ ремесленниковъ и значительно сократили среднее сословіе, занимавшееся доселѣ торговлею и промышленностью. Весьма много содѣйствовало развитію пролетаріата въ Англіи также основаніе большаго числа фабрикъ, на которыхъ машинно-паровое производство сильно уменьшило количество рабочихъ рукъ и понизило заработную плату. Положеніе фабричныхъ рабочихъ, вслѣдствіе дороговизны хлѣба и ничтожной заработной платы, сдѣлалось крайне тяжелымъ и бѣдственнымъ. Правительство выдавало временныя пособія рабочимъ, но это мало облегчало ихъ безвыходное положеніе. Гонимые нуждой и голодомъ, рабочіе начали волноваться требуя увеличенія платы за фабричную работу и пониженія цѣны на хлѣбъ. Такъ, подъ предводительствомъ Гунта, фабриканта сапожной ваксы, началось движеніе сперва въ Манчестерѣ и

другихъ фабричныхъ городахъ, а потомъ оно проникло и въ самый Лондонъ. Владѣя огромною военною силою, правительство безъ труда разгоняло митинги рабочихъ (или сборища), избѣгая кровопролитій. Только въ Манчестерѣ, — мѣстности самой благопріятной для промышленнаго развитія,—гдѣ больше всего фабричныхъ рабочихъ, пришлось употребить въ дѣло оружіе и кровавой расправой усмирить возмутившихся (1819 г.). Для подавленія такихъ возстаній, англійское правительство чаще всего прибѣгало къ отмѣнѣ закона „habeas corpus", которымъ обезпечивается личная свобода каждаго англичанина. Партія радикаловъ сочувствовала этимъ волненіямъ и созывала послѣ манчестерскаго мятежа митинги рабочихъ. Подъ руководствомъ адвоката О'Коннора, рабочіе въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ подписали особую хартію, въ которой они требовали не только отмѣны хлѣбнаго-закона, но и увеличенія правъ низшаго сословія и допущенія ихъ депутатовъ въ парламентъ. Партія, дѣйствовавшая въ парламентѣ за хартію, получила названіе Чартистовъ, и (какъ мы увидимъ ниже) только въ 1846 г., при королевѣ Викторіи, она добилась уничтоженія хлѣбнаго закона и свободной торговли хлѣбомъ.

Вопросъ объ „эмансипаціи католиковъ" составляетъ часть такъ называемаго *ирландскаго вопроса*. Еще въ средніе вѣка, Ирландія была присоединена къ Англіи; но она не могла слиться съ нею, вслѣдствіе рѣзкаго различія между побѣдителями и побѣжденными по происхожденію, нравамъ и обычаямъ. Ирландцы видѣли въ англичанахъ своихъ поработителей и питали къ нимъ страшную ненависть, которая усилилась еще болѣе со времени реформаціи. Протестантизмъ, проникнувъ въ Англію, сдѣлалъ въ ней епископальное ученіе господствующимъ; Ирландія же осталась вѣрною католическому ученію. Съ этихъ поръ бѣдствія Ирландіи увеличились, и новыя религіозныя преслѣдованія туземцевъ-католиковъ болѣе и болѣе усиливали ненависть ирландцевъ къ протестантской Англіи. Въ правленіе Карла II Стюарта изданіемъ въ 1673 г. постановленія, называемаго test-act'омъ (законъ о присягѣ), ирландскіе католики, подобно своимъ единовѣрцамъ въ Англіи, лишены были всѣхъ политическихъ правъ: никто не могъ занимать какой-либо государственной должности въ Великобританскомъ королевствѣ и быть членомъ парламента, если онъ не признавалъ короля главою церкви, не пріобщался св. таинъ по обряду англиканскому и не соглашался письменнымъ удостовѣреніемъ отвергнуть ученіе католической церкви о пресуществленіи. Англичане-протестанты одни владѣли всею поземельною собственностью въ Ирландіи и жестокимъ обращеніемъ съ островитянами-католиками возбуждали

ненависть ирландцевъ, погруженныхъ въ совершенное разореніе. Неестественный церковный порядокъ, въ силу котораго англиканское протестантское духовенство владѣло всѣми церковными имуществами Ирландіи и пользовалось правомъ собирать десятину съ ирландцевъ-католиковъ, также увеличивалъ бѣдственное положеніе ирландцевъ: при всей своей бѣдности они должны были содержать на свой счетъ и свое католическое духовенство, не получавшее никакого оклада отъ англійскаго правительства. Такія притѣсненія вызвали возстаніе въ Ирландіи, которое въ правленіе Георга III приняло вооруженный характеръ. Ирландцы соединились въ тайное общество риббонистовъ или мужей повязки (Ribbonmen), называвшееся такъ потому, что члены его узнавали другъ друга по бѣлымъ повязкамъ; а англичане сформировали общество оранжистовъ (Orangemen) [1]), названіе котораго напоминаетъ времена Вильгельма III Оранскаго. Борьба между ними первоначально велась съ религіознымъ фанатизмомъ и проявлялась въ страшныхъ взаимныхъ опустошеніяхъ, грабежахъ и тайныхъ убійствахъ. Перевѣсъ въ этой борьбѣ принадлежалъ партіи оранжистовъ, которая, при поддержкѣ правительственными войсками, постоянно торжествовала надъ противниками и послѣ каждаго торжества еще съ бо́льшею силою преслѣдовала своихъ враговъ. Ирландцы, убѣжденные, что такимъ путемъ они не достигнутъ желанной цѣли—уравненія правъ съ протестантами—стали дѣйствовать иными средствами.

Ирландскій юристъ Даніилъ О'Коннель [2]) составилъ „католическое общество", которое, не признавая законнымъ дѣломъ существованіе тайныхъ риббонистскихъ обществъ, стало хлопотать о равноправности ирландскихъ католиковъ съ протестантскими англичанами законными средствами и открыто. И дѣйствительно (какъ мы увидимъ ниже—см. эту же главу), вопросъ объ эмансипаціи католиковъ этимъ путемъ получилъ болѣе благопріятный ходъ и въ 1829 году, послѣ уничтоженія test-act'а, въ обѣихъ палатахъ парламента былъ принятъ билль объ эмансипаціи католиковъ.

---

[1]) Названіе оранжистовъ дано было въ первый разъ въ 1689 г. ирландскимъ протестантамъ, признавшимъ королемъ Англіи Вильгельма III Оранскаго. Такъ называли ихъ ирландскіе католики, оставшіеся вѣрными Якову II Стюарту. Это названіе оранжистовъ оставалось за протестантами до принятія билля объ эмансипаціи католиковъ (1829). Партія оранжистовъ, во главѣ которой стоялъ герцогъ Кумберландскій (впослѣдствіи первый король Ганноверскій), слилась съ партіею тори; она постоянно оппонировала всякой уступкѣ какихъ-либо правъ и привилегій въ пользу ирландскихъ католиковъ. Въ Бельгіи же оранжистами называются приверженцы Оранскаго дома, который до 1830 г. (т. е. до отдѣленія Бельгіи) царствовалъ во всѣхъ Нидерландахъ.

[2]) Въ 1882 г. ему поставленъ памятникъ въ Дублинѣ.

Съ этими стремленіями къ улучшенію состоянія Ирландіи вскорѣ соединилось движеніе въ самой Англіи, имѣвшее цѣлью произвести парламентскую реформу, которая бы могла вывести страну изъ состоянія внутренней безурядицы. Въ 1819 году сэръ Бурдетъ предложилъ въ нижней палатѣ билль о реформѣ парламента. Предложеніе его состояло въ томъ, чтобы отнять у такъ называемыхъ *„гнилыхъ мѣстечекъ“* (rotten boroughs) право присылать своихъ депутатовъ въ парламентъ и предоставить это право большимъ богатымъ городамъ, какъ напр. Манчестеру, Ливерпулю,

О Коннель.

Бирмингаму и др., которые до сихъ поръ, какъ города новые, не имѣли своихъ представителей въ парламентѣ. Подъ именемъ гнилыхъ мѣстечекъ или бурговъ (boroughs) разумѣлись тѣ мѣстности, которыя когда-то были городами, а въ настоящее время пришли въ совершенный упадокъ и превратились въ бѣдныя деревушки. Но за ними оставалось старинное право посылать своихъ депутатовъ въ парламентъ, право, которымъ собственно пользовались скупившіе эти мѣстечки аристократы. Между тѣмъ лучшіе города не пользовались такимъ правомъ единственно только потому, что

они не существовали въ то время, когда даны были эти привилегіи. Билль Бурдета былъ поддержанъ вигами, требовавшими теперь именно той парламентской реформы, вслѣдствіе которой количество депутатовъ средняго сословія было бы увеличено. Но пока Кастлере и торіи стояли въ главѣ парламента, билль о реформѣ встрѣчалъ самое упорное сопротивленіе со стороны аристократовъ, и виги не видали ни малѣйшаго успѣха въ своемъ предпріятіи. Предложеніе виговъ было отвергаемо нѣсколько разъ. Но угрожающее положеніе народа, который, собираясь въ митинги, готовъ былъ поднять революцію и образовалъ уже заговоръ, съ цѣлью истребить всѣхъ торійскихъ министровъ,—вынудили аристократовъ и тори уступить требованію о парламентской реформѣ (см. ниже, періодъ второй). Однако, во время царствованія Георга III, этотъ вопросъ не былъ оконченъ: онъ растянулся на нѣсколько десятковъ лѣтъ и только въ царствованіе королевы Викторіи окончательно рѣшенъ былъ въ пользу средняго сословія (см. ниже).

По смерти Георга III, на престолъ Англіи вступилъ сынъ его Георгъ IV (1820—1830), носившій, во время болѣзни отца, титулъ принца-регента. Съ новымъ царствованіемъ ни во внѣшней, ни во внутренней политикѣ Англіи не произошло никакихъ перемѣнъ. Преданный только удовольствіямъ, новый король совершенно довѣрился своимъ министрамъ-торіямъ. Онъ началъ свое царствованіе неблаговиднымъ процессомъ о разводѣ съ своею супругою, Каролиною, дочерью герцога брауншвейгскаго Фердинанда. Каролина родилась въ 1768 г. въ Брауншвейгѣ; въ 1796 г. она вышла замужъ за принца Георга уэльскаго, отъ котораго имѣла дочь Шарлоту. Вслѣдствіе взаимнаго отвращенія, съ первыхъ годовъ брака между супругами мало было согласія. Въ 1814 г. Каролина оставила Англію и мужа и съ тѣхъ поръ странствовала по Европѣ, проводя большую часть времени въ Италіи. Смерть принцессы Шарлоты, бывшей замужемъ за Леопольдомъ Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ (впослѣдствіи первый бельгійскій король), уничтожила и послѣднюю надежду на примиреніе супруговъ. Будучи еще принцемъ-регентомъ, Георгъ два раза затѣвалъ процессъ о разводѣ съ Каролиною, но не имѣлъ въ этомъ дѣлѣ успѣха. Теперь, вступивъ на престолъ, онъ не хотѣлъ признать за нею достоинства королевы и, какъ бы недовольный торжественнымъ пріемомъ, который устроенъ былъ англичанами въ Дуврѣ, Лондонѣ и др. городахъ въ честь возвратившейся королевы, Георгъ пренебрегъ всѣми приличіями, обвинилъ Каролину въ супружеской невѣрности и требовалъ отъ парламента формальнаго противъ нея процесса. Но защита королевы знаменитымъ англійскимъ адвока-

томъ Бругемомъ [1]), доказывавшимъ несправедливость обвиненій и подкупность свидѣтелей со стороны истца, и волненіе народа, питавшаго необычайное расположеніе къ несчастной королевѣ, дали процессу такой опасный оборотъ, что Георгъ IV нашелъ необходимымъ прекратить его. Во время коронаціи въ Вестминстерскомъ абатствѣ, когда Каролина потребовала возложенія и на свою голову короны, король распорядился силою удалить ее изъ церкви. Это было послѣднимъ оскорбленіемъ со стороны ея супруга; убитая горемъ, Каролина черезъ нѣсколько недѣль скончалась (1821). Несмотря на всѣ запрещенія, погребеніе ея было чрезвычайно торжественно и не обошлось безъ кровопролитія Въ слѣдующемъ 1822 году, кончилъ жизнь и первый министръ Англіи, долголѣтній другъ Георга IV, глава торіевъ, лордъ Кастлере: въ припадкѣ умопомѣшательства мучимый подозрительностью, что онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, желающими ему смерти, лордъ самъ лишилъ себя жизни, перерѣзавъ горло перочиннымъ ножомъ (августъ 1822). Смерть лорда Кастлере произвела на короля сильное нравственное потрясеніе: онъ сталъ чуждаться людей и проводилъ все время въ уединеніи. Во главѣ министерства сталъ Георгъ Каннингъ, задачею политической дѣятельности котораго было—сблизиться съ вигами, доставить внутреннее спокойствіе странѣ покровительствомъ либеральной партіи, а извнѣ—возвратить Англіи ея прежнее первенство.

Сперва, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ (съ 1827 г.) какъ первый министръ и глава вигскаго министерства, онъ содѣйствовалъ прежде всего прекращенію волненій въ Ирландіи. Такъ, въ 1823 году онъ предложилъ билль объ отмѣнѣ test-act'a, но предложеніе его было принято только нижнимъ парламентомъ, а верхній отвергъ. Но это не остановило ирландско-католическаго вопроса, и съ этихъ поръ, т. е. съ 1823 года, предложеніе Каннинга было ежегодно повторяемо, пока, наконецъ, въ министерство герцога Веллингтона, въ 1829 году, оно не было принято и верхнимъ парламентомъ.

Поддерживая въ своей странѣ либеральныя начала, Каннингъ оставался вѣренъ своей политикѣ и по отношенію къ другимъ государствамъ: по его предложенію, Англія признала независимость американскихъ колоній отъ Испаніи; изъ этихъ колоній образовались независимыя республики: Мексика, Гватемала, Колумбія, Перу, Чили, Боливія, Парагвай, Урагвай и Лаплата. При немъ Англія измѣнила свою политику и по отношенію къ греческому вопросу.

---

[1]) Впослѣдствіи—лордъ, скончался въ 1868 году.

До сихъ поръ Англія, какъ мы уже видѣли, высказывала только частнымъ образомъ свое сочувствіе къ грекамъ, посылая имъ деньги и другія средства для борьбы съ турками; теперь же англійское правительство формально вступилось за грековъ и вошло для этого въ сношеніе съ Россіею, безъ которой рѣшеніе этого вопроса было невозможно. Это соглашеніе съ Россіею въ греческомъ вопросѣ вызвано было отчасти и необходимостью помѣшать исключительному вмѣшательству Россіи въ дѣла Порты. Въ 1826 г. герцогъ Веллингтонъ, уполномоченный посолъ Великобританскаго королевства, подписалъ договоръ съ Россіею (Петербургскій протоколъ),

Каннингъ.

по которому обѣ державы, признавъ независимость Греціи, постановили принудить къ тому и Порту, въ случаѣ нужды, оружіемъ. Прочія великія державы приглашались приступить къ этому союзу. Изъ нихъ только Франція склонилась къ союзу съ Россіею и Англіею: сообща ими былъ подписанъ въ 1827 году Лондонскій трактатъ, имѣвшій ту же цѣль, какъ и Петербургскій протоколъ. Однако Порта отвергла вмѣшательство великихъ державъ въ свои дѣла съ греками: тогда союзный флотъ трехъ государствъ началъ вооруженныя дѣйствія и при Наваринѣ истребилъ

флотъ турецко-египетскій. (Дальнѣйшіе факты изъ греческаго вопроса разсказаны въ главахъ III и V). Вскорѣ послѣ заключенія Лондонскаго трактата, послѣдняго дѣянія Каннинга, этотъ замѣчательный министръ Англіи скончался (августъ 1827). Новое министерство герцога Веллингтона, не смотря на свой торійскій составъ, продолжало политику Каннинга, какъ по отношенію къ вопросу объ эмансипаціи католиковъ, такъ и къ греческому вопросу. Важнѣйшій вопросъ внутренней политики—эмансипація католиковъ—рѣшенъ былъ именно такъ, какъ желалъ этого Каннингъ. Послѣ жаркихъ преній въ верхней палатѣ и послѣ того угрожающаго положенія дѣлъ въ Ирландіи, которыя готовы были обратиться въ кровопролитную междоусобную войну, министерство Веллингтона должно было согласиться въ 1827 на допущеніе въ члены парламента „великаго агитатора" О'Коннеля. Черезъ два года (1829), обѣ палаты приняли билль объ эмансипаціи католиковъ, уничтожили test-act и открыли католикамъ доступъ въ члены парламента. Но Ирландія не успокоилась и продолжала волненія (см. главу XIV). По смерти Георга IV, скончавшагося на слѣдующій годъ послѣ утвержденія эмансипаціи, вступилъ на престолъ, за его бездѣтностью, братъ его, герцогъ кларенскій, подъ именеми Вильгельма IV (1830—1837), дядя нынѣ царствующей королевы Викторіи.

ГЛАВА VIII.

Франція съ Вѣнскаго конгресса до Іюльской революціи.

Людовикъ XVIII.—Учредительная хартія.—Ультрароялисты, либералы и республиканцы, борьба этихъ партій.—Сто дней—Бѣлый терроръ.—Начало правленія Карла X.—Внутренняя политика—Ришелье.—Деказъ—Вилель.—Царствованіе Карла X.—Вознагражденіе эмигрантовъ.—Церковныя реформы—Министерство Полиньяка.—Іюльскіе ордонансы.—Алжирскій походъ.

Побѣдивъ Наполеона I, союзныя державы должны были позаботиться объ установленіи новаго правительства во Франціи и объ обезпеченіи Европы отъ новыхъ завоевательныхъ стремленій Франціи. Англія, мало интересуясь относительно будущей формы правленія во Франціи, больше всего желала прекращенія политики Наполеона, и этой задачѣ, по ея мнѣнію, вполнѣ могли бы удовлетворить Бурбоны, такъ много обязанные Англіи. Австрія, въ силу семейныхъ интересовъ, непрочь была передать французъ-

скій тронъ Наполеону II, подъ регентствомъ его матери, Маріи-Луизы, но на условіяхъ совершеннаго устраненія вліянія Наполеона I. Но когда Карлъ д'Артуа, отъ имени всей Бурбонской фамиліи, предложилъ за возстановленіе Бурбоновъ отказаться отъ завоеваній, совершенныхъ Франціею со времени первой коалиціи, то Меттернихъ нашелъ, что „вопросъ поставленъ такъ правильно", что ради этого можно было-бы пожертвовать даже и семейными интересами Габсбургско-Лотарингскаго дома. Императоръ Александръ I колебался еще въ изъявленіи своего мнѣнія: лично онъ не былъ расположенъ къ Бурбонамъ, которыхъ зналъ еще въ Митавѣ, какъ людей слабыхъ и несоотвѣтствующихъ духу эпохи; кромѣ того, онъ былъ связанъ тѣми намеками, которыми онъ возбудилъ въ Бернадотѣ надежду на достиженіе французскаго престола (при свиданіи въ Або въ 1812 году). По свойственному-же ему великодушію, онъ и не желалъ навязывать своего рѣшенія французамъ. Однако, нѣкоторыя роялистскія манифестаціи и усердіе Таллейрана заставили его вѣрить въ сочувствіе населенія реставраціи Бурбоновъ. По прибытіи въ Парижъ, послѣ занятія столицы союзными войсками, Александръ поселился въ домѣ князя Таллейрана, куда, вечеромъ того-же дня, были приглашены на совѣщаніе: король прусскій, князь Шварценбергъ, Таллейранъ, Лихтенштейнъ, Дальбергъ, Нессельроде и Поццо-ди-Борго. Здѣсь должна была рѣшиться участь Франціи и Наполеона. Дальбергъ подалъ мнѣніе о возстановленіи короля римскаго подъ регентствомъ Маріи-Луизы; въ пользу этого проэкта говорило законное право наслѣдства, но боязнь скрытаго вліянія Наполеона I была еще такъ сильна, что эта мысль была скоро отброшена. Кандидатура Бернадота была устранена возраженіями Таллерайна. „Если необходимо имѣть на тронѣ солдата, то ужъ лучше имѣть геніальнѣйшаго, сказалъ онъ: кромѣ Наполеона и Людовика XVIII, все остальное—интрига". Несмотря на возраженія, Таллейранъ умѣлъ доказать популярность королевской бурбонской семьи и глубокую преданность французовъ своему законному (легитимному) королю, наслѣднику святаго Людовика и Генриха IV. Такимъ образомъ, на этомъ совѣщаніи низложеніе Наполеона и возстановленіе Бурбоновъ было рѣшено въ принципѣ. На другой день появился манифестъ, въ которомъ союзники объявляли, что они рѣшили не вступать въ переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ членовъ его семьи, но что они готовы уважать неприкосновенность „древней Франціи, какъ она существовала при своихъ законныхъ короляхъ.....", и предлагаютъ сенату приступить къ свободному рѣшенію вопроса о вакантномъ престолѣ и опредѣле-

ніи формы правленія съ характеромъ народнаго представительства. Сенатъ, вполнѣ понимая желаніе союзниковъ, опредѣлилъ „низложеніе имперіи и учрежденіе—gouvernement provisoir“ изъ 11 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Таллейрана.

Узнавъ о состоявшемся рѣшеніи, Наполеонъ, надѣясь на поддержку войска, думалъ сохранить тронъ хотя для своего сына. Онъ послалъ Коленкура (одного изъ немногихъ, оставшихся ему вѣрными до конца) къ Александру I, съ предложеніемъ добровольнаго отреченія отъ престола въ пользу сына своего, короля римскаго; но измѣна маршала Мармона, отказавшагося идти на Парижъ противъ коалиціонной арміи, разрушила его планы. Союзники потребовали безусловнаго отреченія. Послѣ сильной внутренней борьбы и попытки къ самоубійству, Наполеонъ подписалъ актъ объ отреченіи за себя и за все потомство отъ троновъ Франціи и Италіи. Ему предложили, на выборъ, въ пожизненное владѣніе одинъ изъ острововъ: Корфу, Эльбу или Корсику. Наполеонъ выбралъ островъ Эльбу; онъ сохранялъ до смерти императорскій титулъ и всѣ свои частныя имущества; французское правительство обязалось выплачивать ежегодно на его содержаніе одинъ милліонъ франковъ. Простившись со своею гвардіею, онъ покинулъ Фонтенбло и отправился на югъ Франціи, откуда англійскій корабль долженъ былъ перевезти его на островъ Эльбу [1]).

---

[1]) Наполеонъ не хотѣлъ покинуть Франціи, не простившись со своею консульскою и императорскою гвардіею, свидѣтельницею его величія и паденія. Въ день, назначенный для отъѣзда, гвардія была построена во дворѣ замка Фонтенбло. Несмѣтныя толпы народа тѣснились за рѣшеткой и у всѣхъ выходовъ. При появленіи Наполеона, громъ барабановъ пронесся по рядамъ гвардіи: она въ послѣдній разъ привѣтствовала своего императора. Остановивъ шумъ движеніемъ руки, императоръ подошелъ къ строю: „Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты моей старой гвардіи, сказалъ онъ твердымъ голосомъ: я прощаюсь съ вами. Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ вы постоянно находились на пути славы и чести. Въ послѣднее тяжелое время, какъ и во времена нашего счастья, вы не переставали быть образцомъ вѣрности и храбрости. Съ такими людьми наше дѣло еще не проиграно. Но война затянулась бы безконечно, она превратилась бы въ междоусобицу, и отъ этого Франція стала бы еще болѣе несчастной. Я долженъ былъ пожертвовать моими интересами—интересамъ отечества. Я уѣзжаю! . . . Вы, друзья мои, продолжайте служить Франціи. Счастье ея было моею единственною заботою и останется на всегда моимъ желаніемъ. Не жалѣйте обо мнѣ. Если я согласился пережить самого себя, то только для того, чтобы еще послужить вашей славѣ: я хочу описать великія дѣла, которыя мы съ вами совершили. Прощайте, дѣти мои! Мнѣ хотѣлось бы всѣхъ васъ прижать къ моему сердцу. По крайней мѣрѣ, я обниму вашего генерала и ваше знамя“. Генералъ Пети, взявъ золотаго императорскаго орла, подошелъ къ Наполеону. Императоръ обнялъ Пети и поцѣловалъ знамя. Всѣ солдаты, и даже иностранные комисары, глубоко тронутые, плакали. Самъ императоръ былъ въ глубокомъ волненіи. Но онъ побѣдилъ себя и твердымъ голосомъ прибавилъ: „прощайте, мои старые товарищи, пусть этотъ послѣдній поцѣлуй перейдетъ въ ваши сердца“. И вырвавшись изъ окружавшей его толпы, онъ бросился въ карету, гдѣ ждалъ его генералъ Бертранъ, рѣшившійся соединить свою судьбу съ судьбою низверженнаго императора. Громкіе крики: „Vive l'Empereur“ далеко провожали удалявшуюся карету.

Какъ только реставрація Бурбоновъ была рѣшена, Таллейранъ послалъ имъ приглашеніе пожаловать на прародительскій престолъ. Людовикъ жилъ тогда въ Гертуэллѣ, близь Лондона, подъ именемъ графа Лилль. Бѣжавъ изъ Франціи при началѣ революціи, онъ скитался по Европѣ, жилъ въ Веронѣ, Бланкенбургѣ, Митавѣ, Варшавѣ, еще разъ въ Митавѣ; но повсюду его изгоняли приказанія государей или французское вліяніе. Давно уже забылъ онъ мечтать о возстановленіи во Франціи трона своихъ предковъ: военные успѣхи Наполеона и истребленіе партіи роялистовъ разрушили его надежды. Даже бѣдствія Наполеона, съ 1812 по 1814 г., не вывели его изъ безнадежнаго бездѣйствія. Только съ переходомъ союзныхъ войскъ чрезъ Рейнъ, когда монархи манифестомъ своимъ объявили, что ведутъ войну не съ Франціею, а только съ ея императоромъ, тогда только Людовикъ рѣшился собрать семейный совѣтъ, на которомъ постановлено было всѣми возможными для нихъ мѣрами содѣйствовать движенію союзниковъ.

Французы совершенно забыли про Бурбоновъ, даже люди, относившіеся враждебно къ Наполеону, не были расположены къ реставраціи легитимной монархіи. Неожиданный манифестъ сената, освобождавшій народъ отъ вѣрности императору, и воззваніе союзниковъ, предлагавшее новую форму правленія, снова напомнили Франціи о забытой семьѣ. Тогда роялистское движеніе постепенно разлилось по всей Франціи, благодаря дѣятельности эмигрантовъ (обѣщавшихъ отмѣну многихъ налоговъ и конскрипцій), различныхъ агентовъ д'Артуа и Таллейрана и стараніямъ духовенства, которое только желѣзной рукой императора сдерживалось въ выраженіи своихъ симпатій древнему режиму. Такимъ образомъ, почва, выростившая революцію и имперію, была снова подготовлена къ принятію своихъ прежнихъ королей. Графъ Лилль могъ снова вернуться въ свое „любезное королевство". „Франція свободно призываетъ на тронъ, говорилъ сенатскій манифестъ, Людовика-Станислава-Ксаверія (Louis-Stanislas-Xavier de-France), брата послѣдняго короля, и за нимъ другихъ членовъ семьи... какъ только они присягнутъ конституціи".

Однако, это желанное торжество приходилось отложить, вслѣдствіе болѣзни короля. Вмѣсто него, по приглашенію временнаго правительства, отправился Monsieur [1]), съ званіемъ Lieutenant général (намѣстникъ). Съ большимъ торжествомъ, раздавая повсюду бѣлыя кокарды, въѣхалъ онъ во Францію, но тутъ неожиданно остановленъ былъ сенатской депутаціей, требовавшей принятія кон-

[1]) Карлъ д'Артуа. Въ королевской Франціи титулъ Monsieur носилъ, со времени Людовика XIV, обыкновенно старшій братъ короля.

ституціи и трехцвѣтнаго знамени. Monsieur, сославшись на незаконченность конституціи, отказался утвердить выработанный проэктъ; что-же касается до трехцвѣтнаго знамени, то онъ точно и ясно объявилъ, что скорѣе переправится обратно за Рейнъ, чѣмъ приметъ знамя, подъ которымъ вели на эшафотъ Людовика XVI. Этимъ начались первыя недоразумѣнія. Ни сенатъ, ни законодательный корпусъ не нашли возможнымъ привѣтствовать намѣстника при въѣздѣ въ Парижъ; отношенія грозили усложниться, но

Людовикъ XVIII.

на помощь явился императоръ Александръ, который поспѣшилъ своимъ вмѣшательствомъ предупредить разрывъ. Д'Артуа долженъ былъ уступить, и тогда сенатъ (въ апрѣлѣ) передалъ управленіе Франціею намѣстнику до прибытія короля и принятія имъ хартіи. Съ установленіемъ законнаго правительства, союзники поспѣшили заключить съ Франціею конвенцію, которая впослѣдствіи была принята за основаніе условій перваго Парижскаго мира.

Къ этому времени, здоровье Людовика XVIII настолько поправилось, что онъ рѣшился самъ ѣхать во Францію. Прощаясь

съ принцемъ-регентомъ Англіи, онъ выразилъ ему, что послѣ Бога онъ больше всего обязанъ своимъ возстановленіемъ Англіи, и эти необдуманныя слова, оставшись надолго въ памяти современниковъ, уменьшая заслуги Россіи и союзниковъ, сената и Таллейрана, оскорбили національную гордость французовъ и послужили залогомъ будущихъ неудовольствій. При громѣ французскихъ и англійскихъ пушекъ, высадился Людовикъ XVIII въ Кале (апрѣль). Народъ съ восторгомъ встрѣчалъ короля и, казалось, забылъ подробности кровавой драмы, лежавшей между нимъ и королевскимъ семействомъ, подробности о которыхъ живо напоминали, сопровождавшіе короля, дочь Людовика XVI и Маріи-Антуанеты и отецъ герцога Энгіенскаго. Въ Компіени, король былъ встрѣченъ депутаціею, приглашавшею его на престолъ предковъ и напоминавшею о конституціи. Но король, ограничившись обѣщаніями, отказался тутъ же подписать хартію; опять пришлось прибѣгнуть къ вліянію императора Александра, и тогда только Людовикъ XVIII издалъ манифестъ, обнародовавшій лишь общія основанія будущей конституціи, предоставляя себѣ право выработать подробности впослѣдствіи. Въѣздъ короля въ Парижъ сопровождался шумными оваціями; одна только императорская гвардія оставалась мрачною и нѣмою среди криковъ всеобщей радости.

Итакъ, реставрація совершилась. Бурбоны вернулись въ свое королевство; отъ ихъ политической мудрости зависѣла будущность Франціи и ихъ самихъ. Теперь, когда бѣлая кокарда была такъ популярна, когда нація забыла прошлое, и Бурбоны должны были забыть 20 лѣтъ изгнанія. Но „они ничего не забыли и ничему не научились“, по справедливому замѣчанію императора Александра I. Отказавшись отъ сенатскаго проекта конституціи, Людовикъ обѣщался выработать новый и утвердить его не иначе, какъ съ согласія народа. Дѣйствительно, коммиссія изъ 5 членовъ наскоро выработала новый проектъ, и онъ былъ объявленъ, какъ новый государственный законъ, но безъ всякаго предварительнаго совѣщанія съ палатами.

Недоразумѣнія были неизбѣжны; они лежали въ самомъ взглядѣ Людовика XVIII и народа на права короны. Французы полагали, что бури республики и имперіи уничтожили всѣ права Бурбоновъ на французскій тронъ, что страна призываетъ короля по свободному выбору, подъ условіемъ принятія конституціи, выработанной самой націей Людовикъ-же считалъ, что онъ возвратился во Францію по своему неоспоримому праву, благодаря милости Бога и англичанъ, и на конституцію смотрѣлъ, какъ на актъ своей доброй воли, какъ на королевскій декретъ, который онъ издаетъ, но вовсе

не по обязательству, ибо никто, кромѣ его самого, не имѣетъ права полагать какія либо ограниченія королевской власти.

Конституціонная хартія (la charte constituante) заключала въ себѣ 7 отдѣловъ, съ подраздѣленіемъ каждаго на нѣсколько статей.

Первый отдѣлъ. Общественное право французовъ. Сущность его состояла въ общемъ равенствѣ передъ закономъ, въ правѣ всѣхъ французовъ на всѣ гражданскія и военныя должности, въ обезпеченіи свободы личной, свободы совѣсти и свободы печати; въ неприкосновенности собственности, въ уничтоженіи конскрипціи, замѣненной рекрутскимъ наборомъ и вербовкой и т. д.

Второй отдѣлъ. Государственное устройство. Особа короля священна и неприкосновенна. Исполнительная власть принадлежитъ исключительно королю. Король есть глава государства: онъ повелѣваетъ войскомъ и флотомъ, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, союзы и договоры, назначаетъ на всѣ государственныя должности и издаетъ повелѣнія и распоряженія необходимыя для исполненія законовъ и безопасности государства. [1]) Королю принадлежитъ исключительное право предлагать законы на обсужденіе палатъ. Въ палатахъ законы расматриваются и затѣмъ рѣшаются свободною баллотировкою. Король утверждаетъ законы.

Третій отдѣлъ. Палата пэровъ (равныхъ). Палата пэровъ есть необходимый органъ законодательной власти. Пэры созываются королемъ. Король имѣетъ право назначать пэровъ въ неопредѣленномъ числѣ пожизненно, или съ правомъ наслѣдства. Члены королевской семьи—пэры Франціи по праву рожденія. Кромѣ содѣйствія при обсужденіи законодательныхъ проэктовъ, пэрамъ предоставлялось право суда надъ государственными преступниками и самими пэрами.

Четвертый отдѣлъ. Палата депутатовъ. Депутаты избираются населеніемъ въ особыхъ „collèges électoraux.“ Число депутатовъ отъ каждаго департамента остается прежнее. Срокъ законодательной сессіи – пятилѣтній. Въ депутаты могутъ быть избраны только тѣ, которые достигли 40-лѣтняго возраста и платятъ 1000 франковъ прямыхъ податей, а избирателями—достигшіе 30-лѣтняго возраста и платящіе 300 франковъ прямыхъ податей. Засѣданія палаты—публичны и гласны. Ежегодно $^1/_5$ часть депутатовъ выбываетъ изъ палаты и замѣщается новыми членами. Палата утверждаетъ ежегодно государственный бюджетъ и размѣры податей. Президентъ назначается королемъ изъ 5 выбранныхъ палатою кандидатовъ.

---

[1]) „Il a le droit..... de faire les reglèments et ordonnances nécessaires pour l'exécution des lois et la sûreté de l'Etat“. Article 14.

Пятый отдѣлъ. Права, дѣятельность и отвѣтственность министровъ. Министры назначаются королемъ; они могутъ быть членами одной изъ палатъ. Палата депутатовъ можетъ привлечь ихъ къ отвѣтственности, но судятся они только палатою пэровъ.

Шестой отдѣлъ. О судопроизводствѣ. Правосудіе принадлежитъ королевской власти; оно отправляется, именемъ короля, назначенными имъ для этого судьями. Судьи несмѣняемы. Учрежденіе всякихъ чрезвычайныхъ судовъ запрещается. Исключеніе составляютъ juges pévôtales. Королю принадлежитъ высшая санкція. Превотальные же суды ограничиваютъ королевское право помилованія.

Седьмой отдѣлъ. Въ этотъ отдѣлъ вошли нѣкоторыя второстепенныя положенія, которыя правительство нашло нужнымъ гарантировать законодательнымъ порядкомъ. Здѣсь изложены постановленія для награжденія офицеровъ и нижнихъ чиновъ на службѣ и при отставкѣ. Государственный долгъ гарантированъ. Востановлена древняя аристократія и признаны титулы аристократіи новой. Орденъ Почетнаго Легіона сохраненъ и т. д.

Дополнительная статья требовала, чтобы король и его преемники произносили присягу хартіи при вступленіи на престолъ и при коронаціи.

Парижъ и провинціи съ восторгомъ приняли новую хартію и отпраздновали ея обнародованіе великолѣпными торжествами и увеселеніями. Первымъ министромъ былъ назначенъ князь Таллейранъ. Въ іюнѣ 1814 года, въ первый разъ собрались пэры и депутаты. Король самъ открылъ засѣданіе торжественною рѣчью. Отвѣтивъ адресами на тронную рѣчь, палаты приступили къ устройству своей внутренней администраціи, т. е. къ избранію вице-призидентовъ, секретарей, квесторовъ, а палата депутатовъ, сверхъ того, и къ выбору 5 кандидатовъ на президентское кресло. Изъ предложенныхъ кандидатовъ король утвердилъ Лэне.

Первымъ важнымъ законодательнымъ предложеніемъ правительства былъ проектъ закона о печати. По конституціи печать была свободна, но правительство имѣло право „предупреждать и карать" (prévenir et réprimer). На основаніи этого права, правительство предлагало установить обременительные денежные штрафы за нарушеніе цензуры. Пренія объ этомъ проектѣ вызвали цѣлую бурю негодованія. Вожди либеральной партіи (indépendants): Ройе-Колларъ, Фуа, Бенжаменъ-Констанъ и др. указывали, что этимъ проэктомъ правительство нарушаетъ первую главу конституціи, и требовали преданія суду министра внутреннихъ дѣлъ. Волненія въ палатѣ достигли такихъ размѣровъ, что, для возстановленія порядка, пре-

зидентъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи войска. Обсужденіе *финансоваго бюджета* и проектъ о *преимуществахъ католическаго вѣроисповѣданія* сопровождались неменьшими волненіями въ палатѣ депутатовъ и рѣзко раздѣлили ея членовъ на правую и лѣвую сторону. Слѣдующій за этими правительственными предложеніями, *проектъ о вознагражденіи эмигрантовъ*, еще болѣе содѣйствовалъ усиленію оппозиціи. Еще декретами Національнаго Конвента было постановлено, что имущества эмигрантовъ, которые не возвратятся къ положенному сроку, будутъ конфискованы и обращены въ „національныя". Имущества эти, проданныя новымъ владѣльцамъ, по-

Талейранъ.

служили обезпеченіемъ займа, произведеннаго революціоннымъ правительствомъ. Затѣмъ Директорія, исключивъ изъ списка эмигрантовъ многихъ лицъ, никогда небывшихъ роялистами, возвратила имъ часть нераспроданныхъ имуществъ. Первый консулъ, распространивъ амнистію на многихъ возвратившихся эмигрантовъ, тоже надѣлялъ ихъ помѣстьями изъ нераспроданныхъ національныхъ имуществъ. Но всѣ эти распоряженія не были формулированы никакимъ законодательнымъ актомъ; но при всемъ томъ, къ 1814 году, во владѣніи правительства оставалось еще много нераспроданныхъ земель и лѣсовъ, принадлежавшихъ нѣкогда дворянамъ Людовика XVI.

Реставрація, очевидно, должна была разрѣшить этотъ вопросъ. Король самъ, одинъ изъ первыхъ эмигрантовъ, не могъ не отнестись сочувственно къ вопросу о вознагражденіи своихъ приверженцевъ и потому августовскимъ ордонансомъ совершенно отмѣнилъ революціонные „списки эмигрантовъ". Ордонансъ этотъ, на первыхъ же порахъ, возбудилъ большое неудовольствіе среди мелкихъ собственниковъ, купившихъ участки изъ національныхъ имуществъ, а появившіеся затѣмъ политическіе памфлеты довели неудовольствіе до того, что въ палату депутатовъ стали поступать петиціи объ изданіи акта, который устранялъ бы законодательнымъ путемъ всѣ сомнѣнія въ законности земельныхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ покупкою изъ національныхъ имуществъ. При такой запутанности вопроса о землевладѣніи, правительство внесло въ палаты чрезъ министра финансовъ проектъ о возвращеніи (restitution) эмигрантамъ *нераспроданныхъ* національныхъ имуществъ, при чемъ проектъ подтверждалъ земельныя права всѣхъ новыхъ собственниковъ національныхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ покупкою до обнародованія хартіи; остальныя же земли должны быть возвращены ихъ прежнимъ владѣльцамъ или ихъ прямымъ наслѣдникамъ. Палата депутатовъ не соглашалась съ правительственнымъ проэктомъ и не признавала за государствомъ обязанности вознаграждать тѣхъ, которыхъ Франція 25 лѣтъ привыкла считать своими врагами. Но, не смотря на горячее противодѣйствіе оппозиціи, проэктъ этотъ послѣ девятидневнаго обсужденія, былъ принятъ съ тѣми поправками, которыя были внесены депутатами и пэрами (напр. слово restitution — возстановленіе, напоминавшее о прежнихъ правахъ эмигрантовъ, было повсюду замѣнено словомъ remise—возвращеніе).

Во всѣхъ этихъ министерскихъ предложеніяхъ ясно проглядывала та правительственная программа, сущность которой вполнѣ выражалась старинной формулой: „cy veut le roi — cy veut la loi". Такая внутренняя политика реставраціи возбуждала недовѣріе въ націи и содѣйствовала къ усиленію оппозиціи, особенно въ буржуазной палатѣ. Этою политикою Бурбоны съумѣли возстановить противъ себя и войско: одновременно съ быстрымъ ростомъ оппозиціи формировалось и неудовольствіе въ военной средѣ. Ради экономіи, военный министръ Сультъ удалилъ въ отставку до 14,000 офицеровъ и соотвѣтственное число нижнихъ чиновъ императорской арміи; при чемъ солдатамъ другихъ націй, служившимъ во французской арміи, не дали никакой пенсіи, хотя они не мало послужили военной славѣ Франціи. Когда въ войскѣ началъ раздаваться ропотъ, маршалъ Сультъ выслалъ изъ Парижа всѣхъ отставныхъ военныхъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ, въ высшихъ и

низшихъ чинахъ арміи господствовало крайнее раздраженіе противъ правительства. Солдаты съ восторгомъ вспоминали своего Бонапарте, котораго они звали père violette [1]), праздновали въ казармахъ его тезоименитство и на смотрахъ короля, побуждаемые кричать „vive le roi", они про себя прибавляли — de Rome.

Такимъ образомъ, сформировалась серьезная оппозиція правительству: либералы обвиняли правительство въ нарушеніи хартіи, роялисты — въ излишней слабости и безпрестанныхъ колебаніяхъ. Всѣми этими волненіями воспользовался эльбскій изгнанникъ и на нихъ построилъ свой планъ возстановленія имперіи,

Наполеонъ I.

Поселившись на о. Эльбѣ, Наполеонъ, казалось, примирился съ своимъ новымъ положеніемъ: онъ занялся устройствомъ управленія острова и своей резиденціи. Прямыхъ и постоянныхъ сношеній съ своими приверженцами во Франціи онъ не поддерживалъ, и возвращеніе его не было результатомъ систематически-подготовленнаго заговора. Но, въ своемъ уединеніи, Наполеонъ зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ на материкѣ. Скоро друзья извѣстили его, что союзники уже раскаяваются въ томъ, что поселили Наполеона такъ близко

[1]) Потому что ожидали его возвращенія вмѣстѣ съ появленіемъ весеннихъ фіалокъ.

къ Европѣ, и что между ними идутъ уже переговоры о перемѣщеніи его на болѣе отдаленный о. св. Елены. Наполеонъ рѣшился защищать свою свободу и средствомъ для этого выбралъ высадку во Францію. Всеобщее неудовольствіе и несогласія, возникшія на Вѣнскомъ конгрессѣ, по поводу вознагражденія Россіи и Пруссіи, должны были облегчить ему исполненіе этого предпріятія.

Въ февралѣ 1815 г., произведя смотръ своей маленькой арміи (900 человѣкъ и 3 пушки), Наполеонъ отплылъ съ о. Эльбы. На пути онъ нѣсколько разъ встрѣчался съ англійскими и французскими военными судами, которыя, видя бѣлый, съ золотыми плечами флагъ (это былъ флагъ, принятый Наполеономъ для новаго эльбскаго государства), спрашивали у флотиліи извѣстій про императора. Задержанный безвѣтріемъ, Наполеонъ только черезъ три дня высадился на югѣ Франціи—въ Каннѣ, откуда, въ пышныхъ воззваніяхъ къ арміи и народу, онъ объявлялъ, что орелъ его полетитъ съ башни на башню до собора Парижской Богоматери. Первая встрѣча съ правительственными войсками произошла около ла-Мюра; отъ исхода ея зависѣла судьба Наполеона, Франціи и всей Европы. Приказавъ людямъ своего отряда закинуть ружья за плечо, императоръ пѣшкомъ направился къ королевскому баталіону. Подойдя къ одному старому солдату, онъ взялъ его за усъ и спросилъ: — „неужели онъ хочетъ убить своего императора?“ Солдатъ, съ влажными отъ слезъ глазами, выхватилъ шомполъ и, опустивъ его въ дуло ружья, показалъ этимъ, что оно не заряжено. „Смотри, такъже и у всѣхъ остальныхъ!“ воскликнулъ ветеранъ..., и черезъ минуту общій крикъ „Vive l'Empereur“ раздался въ рядахъ королевскаго батальона. Скомандовавъ „кругомъ“, Наполеонъ повелъ свою небольшую армію въ Гренобль. Дальнѣйшее движеніе Наполеона было настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ: всѣ отряды, встрѣчавшіеся на пути къ Парижу, измѣняли королю; маршалъ Ней, увлеченный славными боевыми воспоминаніями, также перешелъ на сторону императора. Въ 20 дней, Наполеонъ уже былъ въ Парижѣ, не проливъ ни одной капли крови, и волшебное появленіе его вызвало неподдѣльный восторгъ и изумленіе не только во Франціи, но и среди его враговъ.

Совершенно другую картину представлялъ лагерь короля; высадка Наполеона была громовымъ ударомъ, котораго правительство не ожидало и значенія котораго вначалѣ не могло понять: съ узурпаторомъ полагали справиться обыкновенными полицейскими мѣрами; но когда онъ занялъ Ліонъ, то Людовикъ XVIII увидалъ себя въ крайне затруднительномъ положеніи. Наскоро собрано было экстренное засѣданіе палатъ и правительство вступило

съ ними въ переговоры, требуя поддержки королевскому трону и обѣщая за эту помощь всевозможныя уступки въ будущемъ. Время уходило; Наполеонъ былъ въ нѣсколькихъ переходахъ. Король объявилъ, что, проживъ на свѣтѣ 60 лѣтъ, онъ не можетъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ умереть, защищая свой престолъ и народъ; но, въ послѣднюю минуту, онъ все-таки заблагоразсудилъ покинуть Францію и притомъ такъ поспѣшно, что забылъ захватить присланныя ему политическія депеши.

Занявъ въ концѣ марта Парижъ, императоръ декретомъ возвѣстилъ французамъ, что возвращается съ новою политическою программою, какъ внутреннею, такъ и внѣшнею; онъ объявилъ, что желаетъ свободной конституціи и отказывается отъ всемірной монархіи. „Я предвижу долгую войну, говорилъ императоръ: чтобы вести ее, я нуждаюсь въ поддержкѣ націи. Въ награду она пожелаетъ свободы, и она получитъ ее. Я старѣю, въ 45 лѣтъ человѣкъ уже не то, чѣмъ онъ былъ въ 30. Я хочу покойной жизни конституціоннаго монарха". Наполеонъ соглашался выполнить всѣ конституціонныя желанія французовъ; онъ обѣщалъ свободу печати, свободные выборы, гласное судопроизводство, отвѣтственныхъ министровъ и проч., что̀ и было обнародовано въ Монитерѣ, въ видѣ такъ называемаго „дополнительнаго акта къ императорской конституціи", а 1-го іюня на „Майскомъ полѣ" Наполеонъ торжественно присягнулъ этой новой конституціи.

Для успокоенія общественнаго мнѣнія Европы и примиренія союзниковъ съ совершившимся переворотомъ, Наполеонъ объявилъ, что принимаетъ и свято будетъ уважать условія Парижскаго мира. Но его словамъ мира въ Европѣ вѣрили такъ-же мало, какъ во Франціи—его словамъ свободы. Союзники, въ отвѣтъ на его воззваніе, объявили его лишеннымъ покровительства законовъ. Напрасно Наполеонъ входилъ въ сношенія съ отдѣльными державами, напрасно сообщилъ онъ Александру I текстъ договора, заключеннаго, во время вѣнскихъ переговоровъ, между Франціей, Англіей и Австріей противъ Россіи и Пруссіи—вмѣсто отвѣта, союзники двинули свои войска къ границамъ Франціи. Въ такомъ критическомъ положеніи, императору оставалось только оружіемъ упрочить за собою престолъ Франціи. Не дождавшись окончанія военныхъ приготовленій, которыя довели-бы его силы до 800.000 человѣкъ, Наполеонъ съ небольшою арміею бросился на ближайшіе отряды—Блюхера и Веллингтона. Ему удалось одержать побѣду надъ Блюхеромъ при Линьи, но сраженіе при Ватерлоо (6 іюня 1815 г.), окончательно рѣшило его судьбу. Наполеонъ покинулъ разбитую армію и возвратился въ Парижъ. Здѣсь встрѣ-

тило его уже явное неповиновеніе. Видя критическое положеніе дѣлъ, Наполеонъ потребовалъ себѣ диктатуры; палаты же предложили ему отреченіе, прибавляя, что, въ случаѣ отказа, онъ будетъ низложенъ. Наполеонъ не рѣшился произвести еще разъ 18-ое брюмера, онъ отказался отъ престола въ пользу сына своего, себя-же самого предлагалъ въ распоряженіе правительства, какъ простого генерала. Временное правительство, подъ предсѣдательствомъ Фуше, было настолько осторожно, что отказалось отъ предложенныхъ услугъ. Вслѣдъ за отреченіемъ императора, палаты, по предложенію Лафайета, объявили засѣданія свои непрерывными. Палаты льстили себя надеждою, что союзники не станутъ навязывать Франціи прежняго правительства и предоставятъ этотъ вопросъ на свободное рѣшеніе націи. Такія надежды оказались полнымъ заблужденіемъ: союзники рѣшили возстановить Людовика XVIII съ тою властью, какою онъ пользовался до переворота.

Въ пользу возстановленія Бурбоновъ, усердно хлопоталъ теперь террористъ Фуше, глава временнаго правительства. Желая сыграть ту же роль, которая такъ удалась Таллейрану въ 1814 г., онъ сначала не противился постановленію палатъ, признавшихъ Наполеона II императоромъ французовъ, но, по мѣрѣ приближенія Блюхера и Веллингтона къ Парижу, онъ, вполнѣ знакомый изъ сношеній съ Меттернихомъ съ видами союзниковъ, вступилъ съ ними въ переговоры и съ этою цѣлью отъ имени временнаго правительства отправилъ посломъ въ лагерь союзниковъ Лафайэта, съ предложеніемъ перемирія. Посланные нашли союзныхъ государей въ Гагенау, но не были къ нимъ допущены. Войска шли къ Парижу безостановочно. Особенно торопился Блюхеръ, желая раньше Веллингтона захватить въ плѣнъ императора, котораго онъ поклялся разстрѣлять собственной властью во рву Венсенскаго замка, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибъ герцогъ Энгіенскій. Временное правительство, зная, какой опасности подвергался Наполеонъ, и считая его присутствіе препятствіемъ для успѣшнаго веденія переговоровъ, предложило ему покинуть Францію. Наполеонъ рѣшился навсегда переселиться въ Америку и съ небольшой свитой отправился въ Рошфоръ, чтобы сѣсть здѣсь на снаряженный фрегатъ. Но портъ Рошфора блокировался англійскими судами—выйти въ море было невозможно. Послѣ долгихъ колебаній, Наполеонъ вступилъ въ переговоры съ начальникомъ англійской эскадры, который, по распоряженію своего правительства, долженъ былъ доставить его въ Англію. 15-го іюля императоръ взошелъ на англійскій корабль „Беллерофонъ“. По

прибытіи въ Ливерпуль, вмѣсто условленной высадки на берегъ, Наполеона перевезли на корабль „Нортумберландъ", который и доставилъ его на о. св. Елены.

Такъ кончилъ свою политическую жизнь первый императоръ французовъ; но грозное имя его долго еще тревожило дипломатовъ: въ теченіи пяти лѣтъ, при всякомъ возникшемъ недоразумѣніи, дипломаты пугали другъ друга угрозами освободить Наполеона.

Отъѣздъ и ссылка императора вполнѣ развязали руки Фуше; съ этихъ поръ его хлопоты въ пользу Бурбоновъ стали прямѣе и энергичнѣе. Король возвращался во Францію съ принцами и Таллейраномъ; въ Шато-Камбрези онъ обнародовалъ свой первый манифестъ, въ которомъ грозилъ строгимъ наказаніемъ всѣмъ измѣнникамъ. Палата думала противиться распоряженіямъ короля, но, при содѣйствіи Фуше, скоро былъ положенъ конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ. Въ то время, когда палаты обсуждали проэктъ будущей конституціи, которою предполагалось поставить королевской власти новыя ограниченія, Фуше принесъ извѣстіе, что король объявляетъ и временное правительство, и палаты распущенными и что онъ самъ будетъ въ Парижѣ не позже завтрашняго дня. Ночью, Фуше приказалъ запереть залу засѣданій палаты; собравшіеся депутаты подписали протестъ и разошлись. Въ началѣ іюля, союзныя войска заняли Парижъ и въ тотъ же день на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ Парижа развѣвался бѣлый флагъ Бурбоновъ.

Такимъ образомъ, въ 1815 году еще разъ были возстановлены Бурбоны на престолѣ Франціи, въ лицѣ Людовика XVIII, силою чужеземнаго оружія. Присутствіе чужеземныхъ войскъ, чужеземный флагъ, развѣвающійся на французскихъ крѣпостяхъ, наконецъ, постоянное вмѣшательство иностранныхъ дипломатовъ во внутреннія дѣла государства, все это слишкомъ хорошо напоминало о томъ, какою дорогою цѣною Франція вернула своего законнаго монарха. Народная гордость Франціи была глубоко оскорблена послѣдними событіями и видѣла въ нихъ полное выраженіе слабости Бурбоновъ; партія же роялистовъ привѣтствовала счастливое окончаніе „ста дней", въ надеждѣ теперь возвратить Францію къ старому дореформенному режиму.

Руководителемъ и главою реакціонной партіи былъ Monsieur, стремившійся къ уничтоженію хартіи и къ возстановленію абсолютной монархіи во Франціи. Сторонники графа д'Артуа (старое дворянство и духовенство) стали извѣстны подъ именемъ партіи *павильона Марсанъ* или *ультрароялистовъ* (по выраженію Фуше). Съ

другой стороны стояла *партія либераловъ*, приверженцевъ конституціи, желавшихъ дальнѣйшаго развитія хартіи; во главѣ ея стоялъ Луи-Филиппъ, герцогъ Орлеанскій. Его дворецъ (Пале-Рояль) служилъ центромъ недовольныхъ правительственными распоряженіями. Къ сторонѣ оппозиціи примкнула также *партія республиканская*, мечтавшая о возвращеніи къ временамъ конвента и о совершенной отмѣнѣ королевской власти. Между этими крайними партіями стояло множество другихъ, болѣе умѣренныхъ, желавшихъ компромиса между двумя крайностями. Наконецъ, можно было насчитать еще значительное число сторонниковъ имперіи, во главѣ которыхъ стояла, теперь, бывшая королева голландская—Гортензія Богарне. Сторонники этой партіи, извѣстной подъ именемъ *бонапартистовъ*, считали Наполеона II законнымъ наслѣдникомъ французскаго императорскаго трона [1]).

Самъ Людовикъ XVIII вполнѣ сознавалъ гибельныя послѣдствія политики ультрароялизма и старался примирить старыхъ приверженцевъ своей династіи съ людьми новаго времени нѣкоторыми уступками въ пользу либеральной партіи. Съ этою цѣлью, при вторичномъ своемъ восшествіи на престолъ, онъ снова присягнулъ хартіи, а министрами назначилъ бывшихъ дѣятелей первой революціи—Фуше и Таллейрана, которые, хорошо понимая настоящее положеніе Франціи и опасность рѣзкихъ мѣръ, старались управлять страною съ возможною кротостью. Но не того хотѣли въ павильонѣ Марсанъ. Ультрароялисты, преобладавшіе въ обѣихъ палатахъ, громко требовали наказанія сторонниковъ узурпатора; созванныя палаты тоже оказались переполненными самыми ярыми роялистами. При такомъ составѣ палаты, которую самъ король назвалъ chambre introuvable (небывалая палата), умѣренность Фуше и Таллейрана приравнивалась къ слабости. Министерство пало, и король поручилъ образованіе новаго кабинета герцогу Ришелье [2]).

---

[1]) Послѣ перваго паденія имперіи, Наполеонъ II, съ титуломъ герцога Рейхштадскаго, жилъ въ Австріи; умеръ въ 1832 году. О превратности судьбы своей онъ выражался такъ: „родился я римскимъ королемъ, умру австрійскимъ полковникомъ“.

[2]) Герцогъ Ришелье (Арманъ-Эммануэль-дю-Плесси) былъ праправнукъ знаменитаго министра Людовика XIII, кардинала-герцога Ришелье. Въ 1789 году онъ эмигрировалъ въ Россію и участвовалъ, подъ начальствомъ Суворова, во второй Турецкой войнѣ. При императорѣ Александрѣ I, онъ былъ назначенъ въ 1803 году губернаторомъ Одессы, а потомъ и всего Новороссійскаго края; онъ много содѣйствовалъ благосостоянію края основаніемъ Лицея (нынѣ Новороссійскій университетъ). По возвращеніи во Францію, онъ сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ (1814 г.), а въ 1815 г. послѣ „стодневнаго правленія“ первымъ министромъ. Среди роялистовъ онъ пользовался такою популярностью, что палаты, въ которыхъ въ ту пору преобладала эта партія, поднесли ему въ подарокъ 50 тыс. франковъ ежегоднаго дохода; но онъ лично отказался принять этотъ „національ-

Министерство Ришелье было эпохою торжества реакціи, эпохою настоящаго гоненія либераловъ и бонапартистовъ, эпоха, по справедливости заслужившая названіе „бѣлаго террора". Королевскимъ ордонансомъ Ней, Груши, Лавалеттъ, Лабедойеръ, Сультъ и другіе были преданы суду. Въ палатѣ, переполненной ультрароялистами, былъ предложенъ проэктъ *объ отмѣнѣ личной безопасности*, по которому каждый чиновникъ имѣлъ право арестовать неблагонадежнаго гражданина. Министръ полиціи провелъ постановленіе, по которому „врагами государства признавались всѣ тѣ,

Ришелье.

которые радовались затруднительному положенію государства"; за водруженіе трехцвѣтнаго знамени предложена смертная казнь. При такомъ настроеніи палатъ и при существованіи этихъ страшныхъ законовъ, виновныхъ оказалось, конечно, громадное множество. Первыми жертвами бѣлаго террора пали: маршалъ Ней [1]) и Лабе-

ный подарокъ" и выразилъ желаніе, чтобы капиталъ этотъ былъ употребленъ на сооруженіе госпиталя въ г. Бордо. Ришелье скончался въ 1822 г.

[1]) Послѣ втораго паденія имперіи, маршалъ Ней бѣжалъ въ Швейцарію, но затѣмъ, по непонятной неосторожности, вернулся во Францію, гдѣ скрывался въ замкѣ одного родственника. Тутъ онъ былъ узнанъ по богатой саблѣ, подаренной

дойеръ; Лавалетту же удалось бѣжать, благодаря преданности его жены. Мстительный и фанатическій духъ палатъ перешелъ изъ правительственныхъ сферъ въ народныя массы. Во многихъ мѣстахъ Франціи буйная чернь, во имя королевской власти, предавалась всевозможнымъ неистовствамъ, достойнымъ Варѳоломеевской ночи и Сентябрьскихъ дней. На югѣ народъ избивалъ азіятцевъ, поселенныхъ здѣсь еще Наполеономъ, въ Авиньонѣ умерщвленъ былъ маршалъ Брюнъ; въ Тулузѣ былъ убитъ генералъ Рамель, желавшій прекратить народное буйство. Судъ и полиція оставались безмолвными, при такихъ неистовствахъ толпы, и вдова маршала Брюна только черезъ 6 лѣтъ могла начать процессъ противъ убійцъ своего мужа. Ни одна газета не рѣшалась передавать всѣхъ этихъ сценъ ярости противъ бонапартистовъ, а палаты упорно отказывались вѣрить фактамъ народной расправы. Число арестованныхъ къ концу сентября 1816 года доходило до 70 тысячъ. Такіе чрезмѣрные результаты бѣлаго террора вызвали противъ себя неудовольствіе короля, пэровъ и, наконецъ, вмѣшательство иностранной дипломатіи. Воспользовавшись разногласіемъ палатъ, по поводу измѣненія закона о продолжительности законодательной сессіи, король распустилъ свою „небывалую“ палату (сентябрь 1815 г.). Новая палата оказалась болѣе умѣренной. Мрачный духъ реакціи началъ понемногу ослабѣвать; страшные превотальные суды закрылись, законъ объ отмѣнѣ личной безопасности уничтоженъ; общество стало понемногу успокоиваться.

Въ 1818 году, собрался конгрессъ въ Ахенѣ, для подписанія втораго Парижскаго мира. Благодаря стараніямъ герцога Ришелье, державы согласились вывести свои войска, раньше срока, изъ предѣловъ Франціи и даже приняли Францію въ члены Священнаго Союза. Благодаря политикѣ Ришелье, Франція съ этихъ поръ перестала быть подсудимой и съ удаленіемъ иностранныхъ войскъ,

---

ему Бонапарте въ Египтѣ, перевезенъ былъ въ Парижъ и помѣщенъ въ Консіержери. Для суда надъ маршаломъ назначена была военная коммисія подъ предсѣдательствомъ Монсея, замѣненнаго, вслѣдствіе его отказа, маршаломъ Журданомъ. На первомъ же засѣданіи судъ объявилъ себя некомпетентнымъ: Нея, какъ пэра Франціи, могла судить только палата пэровъ. Несмотря на блестящую защиту Берріе, Ней былъ присужденъ къ смертной казни. Тогда Берріе обратился къ г. Веллингтону съ просьбой защитить маршала, уроженца г. Сарлуи, отошедшаго къ Германіи, и, слѣдовательно, неподсуднаго французскимъ судамъ; но герцогъ отклонился отъ участія въ процессѣ. Въ 6 часовъ утра, 8 декабря 1815 г. маршалу сообщили, что все готово для казни; онъ спокойно сѣлъ въ карету, прибылъ на мѣсто казни, отказался отъ повязки и, воскликнувъ „Vive la France“, самъ скомандовалъ взводу солдатъ огонь. Такъ погибъ человѣкъ, заслужившій въ геройской арміи имя „храбраго изъ храбрыхъ“. Въ 1853 году, маршалу Нею поставленъ памятникъ правительствомъ второй имперіи. Виновности Нея никто не могъ отрицать, но вся Франція была того мнѣнія, что можно было простить человѣку, „имѣвшему 20 лѣтъ славы и одинъ только день заблужденія“.

въ первый разъ, послѣ 4-хлѣтняго униженія, почувствовала себя свободной. Несмотря на эти услуги, Ришелье не пользовался популярностью, такъ какъ слылъ за сторонника русской политики: русское вліяніе въ его министерство, по выраженію одного изъ современниковъ, было такъ сильно, что Франція превратилась какъ бы въ русскую провинцію. Не могло общество простить ему и его системы террора. Съ паденіемъ правительственнаго большинства въ палатахъ, Ришелье долженъ былъ выйти въ отставку. Первымъ министромъ назначенъ былъ любимецъ короля Деказъ.

Новое министерство принядо умѣренно-либеральное направленіе: объявлена была амнистія многимъ изгнанникамъ-бонапартистамъ, проведенъ новый, болѣе либеральный, законъ о печати. Самъ добродушный Людовикъ XVIII открыто сочувствовалъ такой внутренней политикѣ и не склонялся на настойчивые совѣты и предостереженія павильона Марсанъ; но неожиданное событіе сразу измѣнило направленіе внутренней политики и послужило новымъ доказательствомъ, что страсти далеко не улеглись. Въ февралѣ 1820 года, убитъ былъ герцогъ Беррійскій, [1]) только-что вступившій въ бракъ съ принцессой неаполитанской Каролиной. Убійца, по имени Лувель (Louvel), показалъ, что лично не чувствовалъ никакой вражды къ „ласковому герцогу,“ что убійство совершилъ изъ ненависти вообще къ дому Бурбоновъ, надѣясь этимъ преступленіемъ уничтожить всю династію, которая довела Францію до униженія и которая могла имѣть наслѣдника только отъ герцога Беррійскаго. Несмотря на самое тщательное слѣдствіе, судебная власть не могла найти у Лувеля сообщниковъ; нельзя было свалить (какъ то хотѣлось ультрароялистамъ) вину даже на прессу, такъ какъ Лувель никогда не читалъ газетъ; слѣдовательно, рукою убійцы руководила только оскорбленная національная гордость. Лувель былъ казненъ; но онъ ошибся въ цѣляхъ своего преступленія: въ 1820 году, у вдовствующей герцогини родился сынъ, Генрихъ, герцогъ Бордоссскій, болѣе извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ гр. Шамбора. Несмотря на доказанное отсутствіе соучастниковъ у Лувеля, ультрароялисты всѣмъ гнѣвомъ обрушились на либеральную партію и министерство герцога Деказа, распуская молву, что министръ сочувствуетъ тайно въ пользу младшей, орлеанской линіи Бурбоновъ. Въ это же время, пришло извѣстіе о смерти Наполеона I и неожиданно пробудило старыя симпатіи къ императору. Оба эти событія снова вооружили враждебныя партіи: роялистовъ и либераловъ.

---

[1]) См. родословную, гл. XVI

При такомъ настроеніи, король уступилъ настояніямъ своего брата и совѣтамъ союзныхъ державъ: онъ распустилъ свое либеральное министерство и поручилъ составленіе новаго — Іосифу Виллелю. Это министерство было вполнѣ ультрароялистское. Вся дѣятельность его была направлена на подавленіе оппозиціи и народнаго самосознанія: всякія проявленія либеральныхъ идей строго преслѣдовались, и правительство стремилось поддержать такую политику не только во Франціи, но и въ сосѣднихъ державахъ. Особенно зорко слѣдило министерство Виллеля за событіями въ Испаніи. Испанская революція, поставившая Фердинанда VII въ критическое положеніе, вызвала необходимость созванія уполномоченныхъ отъ великихъ державъ на конгрессъ въ Верону (1822 годъ). Отъ Франціи были отправлены: герцогъ Монморанси и Шатобріанъ. Людовикъ XVIII и Виллель желали востановленія королевской власти въ Испаніи, но, за недостаткомъ финансовъ, поручили своимъ уполномоченнымъ дѣйствовать противъ вооруженнаго вмѣшательства. Шатобріанъ высказался на конгрессѣ противъ вмѣшательства, между тѣмъ, какъ Монморанси, вопреки инструкціямъ, горячо отстаивалъ необходимость подавленія революціи вооруженною силою. Послѣ увѣщательной ноты конгресса, на которую испанскіе революціонеры отвѣчали весьма рѣзко, конгрессъ поручилъ Франціи объявить войну Испаніи и вооруженными силами подавить революцію. Палаты были крайне недовольны такимъ исходомъ Веронскаго конгресса. Ройе-Колларъ и генералъ Фуа указывали, что предстоящая война противна народнымъ интересамъ, что унизительно для Франціи играть роль палача, и потому предлагали палатамъ отказать въ требуемомъ правительствомъ кредитѣ. „Вы хотите спасти жизнь короля Фердинанда, сказалъ депутатъ Манюэль, но вы забываете, что Стюарты погибли потому, что искали помощи Франціи, и что голова Людовика XVI пала только потому, что иностранные дворы вмѣшались въ дѣло Франціи.“ При этихъ словахъ поднялся такой шумъ на скамьяхъ правой, что президентъ, послѣ безуспѣшныхъ призывовъ къ порядку, принужденъ былъ закрыть засѣданіе. Рѣшено было исключить Манюэля изъ числа членовъ палаты, но такъ какъ Манюэль объявилъ, что онъ засѣдаетъ въ палатѣ по волѣ своихъ избирателей и добровольно не оставитъ засѣданій, то предсѣдатель приказалъ жандармамъ вывести его силою. Тогда вся „лѣвая“ покинула залу засѣданій, и въ ея отсутствіе былъ единодушно вотированъ потребованный правительствомъ кредитъ. Въ апрѣлѣ, 1823 года, 116-тысячная армія, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, перешла границу Испаніи. Въ концѣ мая,

французы заняли Мадридъ, а въ августѣ появились уже передъ Кадиксомъ, которымъ овладѣли черезъ двѣ недѣли, нечаяннымъ нападеніемъ. Фердинандъ торжественно въѣхалъ въ Мадридъ, и такимъ образомъ старый порядокъ былъ возстановленъ имъ вполнѣ.

Походъ французовъ въ Испанію, окончившійся полнымъ торжествомъ, принесъ, однако, мало выгодъ Франціи: значеніе ея во внѣшней политикѣ увеличилось очень немногимъ; 100 милліоновъ франковъ были израсходованы; единственную осязательную пользу

Графъ д'Артуа (впослѣдствіи Карлъ X).

война эта принесла только тѣмъ, что благопріятно подѣйствовала на настроеніе общества и духъ войска, такъ какъ это были первыя побѣды, послѣ пораженій съ 1812 по 1815 годъ. За то высокомѣріе ультра-роялистовъ, приписывавшихъ себѣ успѣхи французскаго вмѣшательства, усилилось еще больше. Людовикъ XVIII, разбитый параличемъ и непокидавшій постели, окончательно передалъ власть своему брату, графу д'Артуа. Съ этихъ поръ, всѣ правительственныя распоряженія были крайне ультра-роялистскаго характера: многія изъ газетъ были запрещены; цензура была введена простымъ административнымъ распоряженіемъ, безъ всякаго совѣ-

щанія съ палатами; школы были подчинены надзору духовенства; въ книжныхъ магазинахъ были изъяты изъ продажи сочиненія Руссо и Вольтера; выборы въ палаты производились подъ присмотромъ префектовъ. Таково было положеніе дѣлъ въ послѣдніе дни жизни Людовика XVIII. Въ сентябрѣ 1824 г. король скончался, и на престолъ вступилъ братъ его, графъ д'Артуа, подъ именемъ Карла X.

Новый король, бывшій уже въ послѣдніе годы жизни своего брата фактическимъ правителемъ государства, такими словами встрѣтилъ членовъ обѣихъ палатъ: „Какъ подданный, я уже принесъ присягу хартіи; теперь, какъ король, я употребляю всю мою власть, чтобы, для блага моего народа, утвердить конституцію, которой я присягалъ". Отрадное впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, было еще болѣе усилено послѣдовавшей отмѣной цензуры, амнистіей политическимъ преступникамъ и нѣкоторыми другими либеральными распоряженіями. Но дальнѣйшія распоряженія новаго правительства показали, что Карлъ X не только не измѣнилъ своему прежнему ультра-роялистскому характеру, но пошелъ и далѣе по этому направленію; онъ не скрывалъ своего намѣренія утвердить престолъ на церкви и аристократіи, а не на среднемъ сословіи, какъ предполагалъ его предшественникъ. Слѣдствіемъ такой задачи былъ цѣлый рядъ королевскихъ проэктовъ, внесенныхъ въ палаты, съ цѣлью вознаградить эмигрантовъ, изъ которыхъ могло образоваться, преданное трону, дворянство. Въ этихъ же видахъ, король хлопоталъ о поднятіи правъ духовенства.

Убытки, понесенные эмигрантами отъ продажи ихъ недвижимыхъ имуществъ, оцѣнивались въ 1 милліардъ фр. Чтобы получить такую сумму, Виллель предложилъ законъ объ „обращеніи ренты" (conversion de la rente) 5%-го правительственнаго займа въ 3%-ную, предоставляя вкладчикамъ на выборъ получить свой капиталъ обратно по номинальной цѣнѣ, или перемѣнить свои 5% бумаги на 3%. Ожидавшееся, отъ такой операціи, сбереженіе, вмѣстѣ съ экономіею отъ увольненія въ отставку 200 старыхъ республиканскихъ и наполеоновскихъ генераловъ, и должно было составить потребную для вознагражденія эмигрантовъ сумму въ одинъ милліардъ. Пренія въ палатахъ, при обсужденіи этого проэкта, были чрезвычайно бурны. Оппозиція указывала (генералъ Фуа), что вознагражденіе дворянъ-эмигрантовъ было бы несправедливымъ, такъ какъ отъ революціи пострадало много лицъ и изъ другихъ сословій; другой оппозиціонный ораторъ выразился, что проэктъ этотъ ложится на страну бременемъ болѣе тяжкимъ,

чѣмъ контрибуціи, наложенныя на Францію союзниками. Но всѣ доводы ораторовъ оппозиціи не убѣдили палаты. Королевскій проэктъ былъ принятъ.

При усердномъ содѣйствіи короля, духовенство успѣло выхлопотать изданіе закона о „святотатствѣ", по которому, за оскверненіе храма господствующей церкви и за насильственное въ него вторженіе, опредѣлялась смертная казнь съ отсѣченіемъ правой руки, а за подобныя же преступленія, по отношенію къ храмамъ другихъ исповѣданій — каторжныя работы. Послѣ пятидневнаго обсужденія, эти проэкты были приняты обѣими палатами, несмотря на ихъ явное противорѣчіе хартіи и духу времени. Іезуиты, изгнанные изъ Франціи, въ концѣ XVIII столѣтія, и пребывавшіе въ ней тайнымъ образомъ, получили теперь право открытаго существованія.

Въ концѣ мая 1825 г., сессія была прервана на двѣ недѣли торжествомъ коронованія короля, совершившимся въ г. Реймсѣ, въ присутствіи высшихъ сановниковъ государства и посольствъ иностранныхъ державъ. Обрядъ былъ исполненъ со всей пышностью и со всѣми подробностями меровингскаго церемоніала. Священный сосудъ съ елеемъ, по преданію принесеннымъ голубемъ съ неба, былъ разбитъ еще по приказанію Конвента, но теперь оказалось, что благочестивая рука одного монаха спасла осколки сосуда съ нѣсколькими каплями елея. Только формула присяги была измѣнена согласно требованію времени: вмѣсто клятвы безпощаднаго истребленія еретиковъ, король принесъ присягу конституціи.

Не смотря на разныя милости, объявленныя по случаю коронаціи, умы находились въ тревожномъ состояніи. Либералы, а также многіе изъ роялистовъ, недовольные преобладаніемъ клерикализма, указывали (Шатобріанъ) въ журналахъ и газетахъ на вредное вліяніе іезуитовъ на общество и народное образованіе. Чтобы ослабить оппозицію печати, министерство пыталось скупить наиболѣе вліятельные органы, но когда одинъ изъ издателей разоблачилъ поведеніе агентовъ Виллеля, то министерство рѣшилось внести въ палаты проэктъ объ ограниченіи печати, проэктъ, настолько строгій, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его было бы окончательное разореніе многихъ собственниковъ и редакторовъ газетъ и прекращеніе большей части періодическихъ изданій. Общественное мнѣніе горячо возстало противъ правительственнаго проэкта. Въ палатѣ депутатовъ, несмотря на блестящую рѣчь Ройе-Коллара, министерскій проэктъ былъ принятъ. Вся надежда оппозиціи опиралась, теперь, на палату пэровъ, куда для окончательнаго

обсужденія, долженъ былъ поступить этотъ проэктъ. Но правительство, предвидя неудачный исходъ дѣла, совершенно неожиданно, взяло проэктъ назадъ. Парижъ радостно отпраздновалъ успѣхъ оппозиціи, но вынужденная отмѣна проэкта не была поставлена въ заслугу правительству. На смотру національной гвардіи, Карлъ слышалъ въ рядахъ ея не только крики: „vive le roi, но и восклицанія „à bas les ministres, à bas les jesuites! vive la charte!“ По поводу этихъ происшествій, немедленно былъ созванъ совѣтъ министровъ, и въ этотъ же день появился королевскій указъ о распущеніи національной гвардіи, а черезъ два дня, желая сформировать въ палатѣ правительственное большинство, король назначилъ 80 новыхъ пэровъ, а палату депутатовъ распустилъ. Но новые выборы не оправдали ожиданій правительства: избирательная кампанія окончилась повсюду побѣдой оппозиціи.

При такомъ положеніи дѣла, король, не смотря на свою привязанность къ Виллелю, долженъ былъ распустить министерство и назначить новое изъ лицъ болѣе умѣреннаго образа мыслей. Благодѣтельные результаты такой перемѣны не замедлили обнаружиться. Новое министерство, подъ предсѣдательствомъ Мартиньяка, начало свою дѣятельность съ того, что поставило іезуитскія коллегіи подъ надзоръ университетовъ, отняло у духовенства исключительное вліяніе на дѣла школы и провело законъ, запрещавшій вводить ограниченія печати въ промежутокъ между двумя сессіями палатъ. Волненія улеглись, языкъ печати сдѣлался гораздо сдержаннѣе, всѣ предложенные правительствомъ проэкты приняты съ обоюдными уступками. Кредитъ въ 80 милліоновъ фр., потребованный на войну за независимость Греціи, былъ утвержденъ обѣими палатами единодушно. Политика Мартиньяка въ греческомъ вопросѣ пользовалась общимъ сочувствіемъ, и извѣстіе о наваринской побѣдѣ произвело во всей Франціи безпредѣльный восторгъ. Но король не былъ доволенъ Мартиньякомъ. Уступки, сдѣланныя имъ оппозиціи, онъ называлъ слабостью, могущей довести страну до революціи.

Въ іюнѣ 1829 г., Карлъ X уволилъ Мартиньяка, а на мѣсто его назначилъ князя Полиньяка, человѣка ограниченнаго, мечтавшаго о грандіозныхъ политическихъ концепціяхъ и безгранично преданнаго ультрароялизму [1]). Назначеніе Полиньяка встрѣчено

---

[1]) Такъ, — онъ предлагалъ императору Николаю I проэктъ изгнанія Турокъ изъ Европы, при чемъ Россія получила бы Дунайскія княжества, Анатолію и Арменію; Австрія—Боснію и Сербію; Франція же должна была получить—Бельгію и Рейнскія земли, а Пруссія—Нидерланды. Но петербургскій дворъ доказалъ ему всю неосуществимость его плановъ.

было либеральною партіею, какъ объявленіе войны противъ конституціи. При открытіи палатъ, король въ своей тронной рѣчи, выразилъ надежду, что Франція довѣряетъ его намѣреніямъ и не увлечется тѣми злоумышленниками, которые дѣлаютъ ихъ подозрительными; тутъ же онъ упомянулъ, что у него достанетъ силъ преодолѣть всѣ преступные замыслы оппозиціи. Отвѣтъ палатъ на тронную рѣчь былъ наполненъ упреками за высказанныя угрозы и заключался отказомъ палатъ отъ содѣйствія правительству. Король спокойно выслушалъ адресъ и отвѣчалъ: „намѣренія мои непре-

Полиньякъ.

клонны; благо народа требуетъ, чтобы я не уклонялся отъ нихъ". На слѣдующій же день засѣданія палатъ были закрыты.

Чтобы отвлечь вниманіе общества отъ запутанныхъ внутреннихъ дѣлъ, король объявилъ экспедицію противъ Алжирскаго дея. Поводомъ къ войнѣ послужило требованіе деемъ уплаты долга въ 7 милліоновъ фр., который числился за Франціею еще со временъ Наполеона. Дей написалъ письмо лично Карлу X, но получилъ въ отвѣтъ чрезъ консула (Дюваля), что „король Франціи не ведетъ переписки съ Алжирскимъ деемъ". Раздраженный такимъ отвѣтомъ, дей ударилъ опахаломъ представителя Франціи. Правитель-

ство отозвало консула и объявило берега Алжира въ блокадѣ. Полиньякъ предлагалъ Мехмету-Али (вице-королю египетскому), за извѣстное денежное вознагражденіе (10 мил. фр.), наказать дея, но когда Порта разстроила эти переговоры, то Полиньякъ рѣшился занять Алжиръ французскими войсками. Экспедиціонный корпусъ, подъ начальствомъ генерала Бурмона, силою въ 37 т. человѣкъ высадился недалеко отъ Алжира, разбилъ войска дея въ долинѣ Стауэли и осадилъ самую столицу. Въ іюлѣ 1830 г. городъ сдался на капитуляцію, по которой французы получили 48 мил. фр. контрибуціи, значительное число орудій и разныхъ запасовъ на 11 мил. фр.; дею же Гуссейну позволено было съ его частнымъ имуществомъ выѣхать въ Неаполь.

Между тѣмъ во Франціи борьба партій не прекращалась; новые выборы и на этотъ разъ, благодаря прессѣ и энергіи членовъ распущенной палаты, дали подавляющее большинство либераламъ. При такомъ положеніи, правительство рѣшилось прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, отъ которыхъ уже давно старались отклонить короля и роялисты, и иностранные дворы, предсказывая, что Францію ожидаетъ переворотъ, который будетъ гибельнымъ для династіи. Но король, надѣясь на преданность войска, рѣшился разъ навсегда покончить съ оппозиціею. $^{13}/_{25}$ іюля 1830 года, совѣтъ министровъ собрался въ С. Клу, подъ предсѣдательствомъ самого короля, чтобъ окончательно обсудить мѣры противъ оппозиціи. На основаніи 14-й ст. конституціонной хартіи, въ которой сказано, что „король въ правѣ для безопасности государства издавать необходимыя для того повелѣнія“, совѣтъ рѣшилъ — обнародовать пять королевскихъ ордоннансовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Іюльскихъ“. *Первый ордоннансъ* отмѣнялъ свободу печати: никакая газета, никакое періодическое изданіе не могли выходить въ свѣтъ безъ правительственнаго разрѣшенія, возобновляемаго каждые три мѣсяца. *Второй ордоннансъ* предписывалъ распущеніе только что собранной палаты. *Третій ордоннансъ* измѣнялъ законъ о выборномъ цензѣ, что должно было отразиться на уменьшеніи числа членовъ въ палатѣ депутатовъ и на ея составѣ. *Четвертый ордоннансъ* сзывалъ новую палату къ сентябрю, вмѣсто іюня, и, наконецъ, *пятый ордоннансъ* назначалъ наиболѣе ревностныхъ ультра-роялистовъ членами государственнаго совѣта, а маршала Мармона — главнокомандующимъ войсками парижскаго гарнизона [1]).

---

[1]) Гизо, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ оппозиціи, въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что «за нѣсколько дней до подписанія іюльскихъ ордоннансовъ, королю представлялся русскій посланникъ при Тюильрійскомъ дворѣ, графъ Поццо-ди-Борго; онъ засталъ Карла X углубленнымъ въ чтеніе конститу-

Родословная таблица дома Бурбоновъ.

Внуки Людовика XV.

Людовикъ XVI † 1793 въ супр. съ Мар. Антуанетой.	Людовикъ XVIII † 1824 графъ прованскій.	Карлъ X † 1836 графъ д'Артуа
Людовикъ (XVII) † 1795	Марія-Тереза † 1851, супруга герц. ангулемскаго	
		Людовикъ, герцогъ ангулемскій † 1844.
		Карлъ герц. беррійскій убитъ † 1820
		Генрихъ (V) герц. бордосскій (графъ Шамборъ) † 1884 г.

ГЛАВА IX.

Іюльская революція во Франціи.

1830 г.

Избраніе Луи-Филиппа.—„Истинная хартія".- Сверженіе Карла X.

Іюльская революція низвергла въ третій разъ почти-тысячелѣтній тронъ фамиліи Капетинговъ, въ лицѣ Карла X, послѣдняго короля изъ линіи Бурбоновъ. Не допуская стѣсненій королевской власти конституціонною хартіею, Карлъ X хотѣлъ возстановить прежнюю неограниченную королевскую власть, какою пользовались Бурбоны до революціи. Съ этою цѣлью онъ издалъ рядъ ордоннансовъ, измѣнившихъ существенныя постановленія хартіи. Но, вступая въ борьбу съ оппозиціей, онъ не приготовился къ этой борьбѣ и, проигравъ ее, долженъ былъ со всѣмъ семействомъ покинуть Францію, въ которой его мѣсто занялъ Луи-Филиппъ, представитель Орлеанской линіи.

$^{14}/_{26}$ іюля 1830 г. королевскіе ордоннансы были опубликованы въ „Монитёрѣ". Первые протесты противъ этихъ ордоннансовъ были заявлены со стороны депутатовъ распущенной палаты и представителей періодической прессы. Въ тотъ же день депутаты собрались у Казиміра Перье, съ намѣреніемъ подать протестъ противъ нарушенія постановленій хартіи, но, не придя ни къ какому

ціонной хартіи, раскрытой на 14 й статьѣ. Король читалъ и перечитывалъ нѣсколько разъ эту статью, чтобы найти въ ней тотъ смыслъ, который былъ ему нуженъ. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно находятъ то, чего ищутъ».

рѣшенію, они отложили свое намѣреніе до слѣдующаго дня. Энергичнѣе дѣйствовали представители прессы—редакторы оппозиціонныхъ газетъ: они собрались въ бюро „National“ и подписали составленный Адольфомъ Тьеромъ протестъ, въ которомъ называли іюльскіе ордоннансы вопіющимъ нарушеніемъ хартіи. „Такъ какъ правительство нарушаетъ законы, писали они въ своемъ протестѣ, то мы становимся свободны отъ повиновенія его приказаніямъ“. Вечеромъ, того-же дня, депутаты снова собрались у К. Перье, но и на этотъ разъ тоже не рѣшились на открытый разрывъ съ правительствомъ; они только условились еще разъ собраться на завтра: депутаты видимо приняли выжидательное положеніе, чтобы прослѣдить впечатлѣніе, произведенное королевскими ордоннансами на столичное населеніе.

На другой день ($^{15}/_{27}$ іюля) появился въ газетахъ „National“ и „Temps“ протестъ журналистовъ, и въ громадномъ числѣ экземпляровъ быстро распространился по всѣмъ концамъ столицы. Толпы народа стали собираться на площадяхъ передъ дворцами и громко высказывали неудовольствіе; скопища эти состояли преимущественно изъ отпущенныхъ типографщиковъ и словолитчиковъ, которые іюльскими декретами лишались всякихъ заработковъ; къ нимъ присоединялись въ большомъ числѣ студенты и бывшіе наполеоновскіе солдаты.

Извѣстіе о назначеніи маршала Мармона начальникомъ парижскаго гарнизона содѣйствовало весьма много увеличенію волненія [1]). Мало по малу, раздраженіе дошло до схватокъ; жандармскіе патрули подвергались нападенію; народъ подымалъ мостовую, и камни летѣли въ войска, на что послѣдніе отвѣчали выстрѣлами. Толпа бросилась въ разныя стороны, ища оружія; скоро оружейныя лавки были разграблены и на улицахъ стали воздвигаться баррикады. Возставшіе ожидали предводителя и разсчитывали, что руководство возстаніемъ приметъ на себя кто-нибудь изъ депутатовъ. Но депутаты и въ этотъ день ничего не рѣшили въ своемъ собраніи у К. Перье. За отсутствіемъ общаго руководительства, толпа не предпринимала еще ничего рѣшительнаго, и проходящія войска пропускались ею почти безпрепятственно. Маршалъ Мармонъ, успокоенный этой обманчивой тишиной, отослалъ войска по казармамъ и донесъ королю, что волненіе въ столицѣ прекратилось, и что поэтому можно отсрочить объявленіе осаднаго положенія въ Парижѣ. Однако спо-

---

[1]) Герцогъ Рагузскій слылъ въ народѣ за человѣка, измѣною своею погубившаго первую имперію; имя измѣнника, которымъ заклеймилъ его Наполеонъ въ одномъ изъ своихъ канискихъ манифестовъ, твердо удержалось въ народной памяти.

койствіе Парижа было только кажущимся: за ночь народъ успѣлъ запастись оружіемъ, добытымъ изъ разграбленныхъ лавокъ, съ значительнымъ количествомъ патроновъ, и заградилъ важнѣйшія улицы громадными баррикадами. Утромъ $^{16}/_{28}$-го іюля, со всѣхъ парижскихъ церквей раздался набатъ. Народъ овладѣлъ Hôtel de ville (ратуша) и водрузилъ на ней трехцвѣтное знамя. Волненіе начинало принимать характеръ революціи; раздавались уже крики: „à bas les Bourbons!“ Герцогъ Рагузскій послалъ въ Сенъ-Клу королю донесеніе, въ которомъ мрачными красками описывалъ положеніе Парижа и съ своей стороны намекалъ на необходимость уступокъ. Отвѣтомъ былъ приказъ короля—объявить Парижъ въ осадномъ положеніи и арестовать главныхъ вождей оппозиціи — Лафайэта, Одри-де-Пюираво, Казиміра Перье и др. Но маршалъ не успѣлъ исполнить этихъ приказаній. Около полудня либеральные депутаты собрались, по условію, въ четвертый разъ у Одри-де-Пюираво. Сюда прибыли и Лафайэтъ, и Лафиттъ, бывшіе до этого дня въ отсутствіи и, при извѣстіи о переворотѣ, немедленно прибывшіе въ столицу; они предложили депутатамъ организовать *временное правительство* и встать во главѣ революціи.

Прежде всего рѣшено было послать депутацію къ маршалу Мармону съ просьбой прекратить военныя дѣйствія. Мармонъ, поставленный въ затруднительное положеніе, такъ какъ ему приходилось выбирать между вѣрностью королю и вѣрностью конституціи, дружелюбно встрѣтилъ депутацію, но сказалъ, что только королевское приказаніе можетъ измѣнить его образъ дѣйствій, причемъ прибавилъ, что самъ онъ также недоволенъ нарушеніемъ хартіи и готовъ ходатайствовать передъ королемъ о принятіи предложеній народнаго представительства, т. е. объ удаленіи въ отставку министерства Полиньяка. Лафиттъ и К. Перье, бывшіе членами этой депутаціи, вернулись въ собраніе, чтобы дать отчетъ въ возложенномъ на нихъ порученіи, но тамъ по прежнему царило малодушіе и нерѣшительность.

Между тѣмъ на нѣкоторыхъ улицахъ Парижа уже завязался бой. Мармонъ, видя, что съ 12 тысячами солдатъ нельзя бороться противъ возставшаго населенія огромнаго города, отозвалъ всѣ свои войска въ Тюльери. Къ утру парижане, съ свойственною имъ опытностью, окружили Тюльери непроходимою стѣною баррикадъ и поставили Мармона въ положеніе пассивной обороны. При такихъ обстоятельствахъ, маршалъ рѣшился отправить къ королю, въ Сенъ-Клу, графа Семонвиля, съ просьбой немедленно согласиться на уступки, которыя, по его мнѣнію, составляли теперь единственное средство для возстановленія мира съ народомъ. Но событія

не дождались отвѣта Карла X. Войско начало переходить на сторону возставшихъ, которые успѣли завладѣть Лувромъ и чрезъ соединительную галлерею проникли въ Тюльери, на балконахъ котораго немедленно было выставлено трехцвѣтное знамя. Остальныя войска, видя полную побѣду народа, въ паническомъ страхѣ бросились въ садъ и затѣмъ въ Елисейскія поля. Революція побѣдила.

Въ первые дни „іюльской недѣли" король спокойно пребывалъ въ Сенъ-Клу и по прежнему ѣздилъ на охоту въ Рамбулье, по вечерамъ игралъ въ вистъ со своими приближенными и теперь на предостереженія Мармона отвѣчалъ полнымъ отказомъ. Прибывши въ Сенъ-Клу, гр. Семонвиль обрисовалъ передъ королемъ безнадежное положеніе дѣлъ и громко совѣтовалъ присутствовавшему при этомъ кн. Полиньяку подать въ отставку. „Если черезъ часъ ордоннансы не будутъ отмѣнены, то все будетъ потеряно", сказалъ онъ. Встревоженный король удалился, чтобы посовѣтоваться съ сыномъ и министрами; но всѣ они въ одинъ голосъ подали совѣтъ защищаться до послѣднихъ силъ. Но когда на слѣдующій день самъ м. Мармонъ явился въ королевскую резиденцію съ извѣстіемъ, что войска перешли на сторону возстанія, что трехцвѣтное знамя развѣвается на городскихъ зданіяхъ, и что тамъ учреждено уже временное правительство, только тогда король и министры сдѣлались уступчивѣе: Полиньякъ и его товарищи немедленно подали въ отставку, и всѣ присутствующіе убѣдительно просили короля объ отмѣнѣ ордоннансовъ и о назначеніи министрами К. Перье и Лафитта.

Карлъ X согласился на отставку министерства, но первымъ министромъ назначилъ не К. Перье, а герцога Мортемара и поручилъ ему и гр. Семонвилю немедленно извѣстить парижанъ объ отмѣнѣ злополучныхъ ордоннансовъ. Но эти уступки оказались уже запоздалыми. Въ седьмомъ собраніи депутатовъ Лафайэтъ объявилъ, что войска уже перешли на сторону возстанія и что народъ приглашаетъ его принять начальство надъ національною гвардіею. Депутаты утвердили это избраніе, а начальникомъ передававшихся линейныхъ войскъ назначили генерала Жерара; для управленія же столицею была учреждена *„муниципальная коммисія"*, которая на самомъ дѣлѣ и составила собою *временное правительство*. Членами ея были объявлены — Лафиттъ, Одри-де-Пюираво, К. Перье, Жераръ, Лафайэтъ и др. Они немедленно отправились въ Hôtel de ville, чтобъ начать тамъ свою правительственную дѣятельность. Гр. Семонвиль, громко возглашая по дорогѣ, что „іюльскіе ордоннансы отмѣнены и прежніе министры удалены въ от-

ставку", прибылъ въ Парижъ; но муниципальная коммисія, отказавшись вступать съ нимъ въ переговоры, согласилась однако обождать прибытія герцога Мортемара. Между тѣмъ Мортемаръ былъ задержанъ войсками и принужденъ идти въ Парижъ пѣшкомъ. Придя въ столицу, больной министръ упалъ въ продолжительный обморокъ и когда потомъ полномочія его были переданы въ муниципальную коммисію, то было уже поздно: тамъ не хотѣли ихъ принять. Еще утромъ того-же дня въ Парижѣ появились „летучіе листки", которые объявляли, что „Карлъ X пролилъ кровь народа и потому пересталъ царствовать.... герцогъ-же Орлеанскій никогда не сражался противъ народа". Эти листки въ первый разъ заговорили о кандидатурѣ младшей линіи Бурбоновъ. Задача революціи была рѣшена. Депутаты и муниципальная коммисія единогласно приняли адресъ (сост. Б. Констаномъ) къ герц. Орлеанскому. „Члены палаты депутатовъ и временное правительство, было сказано въ адресѣ, находятъ крайне необходимымъ, чтобъ герц. Орлеанскій прибылъ немедленно въ Парижъ и вступилъ въ должность намѣстника государства (lieutenant général).... причемъ депутаты покорнѣйше просятъ о сохраненіи національныхъ цвѣтовъ".

Луи-Филиппъ [1]) жилъ въ это время въ своемъ помѣстьи Нельи, совершенно, повидимому, устраняясь отъ двора и политики и разыгрывая роль вѣрноподданнаго въ глазахъ короля и роль гражданина передъ обществомъ. Но интимные друзья его, Лафиттъ и Лафайэтъ, постоянно и усердно сообщали ему о всѣхъ текущихъ политическихъ новостяхъ. Еще $\frac{16}{28}$-го іюля Луи-Филиппъ получилъ подробное извѣстіе о положеніи дѣлъ въ Парижѣ, и тогда уже

---

[1]) Герцогъ Луи-Филиппъ былъ сынъ Филиппа Egalité, казненнаго во время террора. Съ сестрою и двумя братьями, онъ получилъ воспитаніе подъ руководствомъ извѣстной г-жи де-Жанлисъ. Вѣрный традиціямъ своего дома, герцогъ сталъ въ ряды революціонной оппозиціи, былъ членомъ клуба якобинцевъ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Вальми и Джеманппѣ Въ эпоху террора, онъ, вмѣстѣ съ генераломъ Дюмурье, бѣжалъ въ коалиціонный лагерь. Съ этихъ поръ началась для него тяжелая, скитальческая жизнь: онъ пересталъ называться принцемъ и подъ фамиліею Шабо-Латуръ заработывалъ себѣ пропитаніе уроками въ Швейцаріи. Въ 1796 году онъ отправился въ Америку, а затѣмъ въ Англію, гдѣ и поселился. Во время войны Испаніи съ Наполеономъ, онъ предлагалъ свои услуги гверильясамъ, но предложеніе его не было принято, и это обстоятельство дало ему право говорить, что онъ никогда не поднималъ оружія противъ Франціи. За всѣ пережитыя невзгоды судьба послала ему семейное счастье; онъ былъ женатъ на Амаліи-Маріи, дочери Каролины и Фердинанда неаполитанскихъ, пользовавшихся такимъ усерднымъ покровительствомъ императора Павла I Во время реставраціи, Луи-Филиппъ вернулся во Францію; но Людовикъ XVIII, подозрительно смотрѣвшій на представителя либеральныхъ герцоговъ, не возвратилъ ему его громадныхъ владѣній: онъ получилъ ихъ только при воцареніи Карла X. Благодаря содѣйствію Лафайэта, Тьера, Лафитта, онъ пользовался большою популярностью среди либераловъ.

предвидя, что событія превратятъ его въ необходимаго политическаго дѣятеля, рѣшился выжидать исхода волненій въ Нельи, гдѣ и нашли его депутаты отъ муниципальной коммисіи, явившіеся съ предложеніемъ принять званіе намѣстника государства. Въ статскомъ платьѣ, въ сопровожденіи одного только адъютанта, герцогъ, ночью, пѣшкомъ прибылъ въ Парижъ, въ свой дворецъ Пале-Рояль. На другой день, т. е. 31-го іюля (нов. ст.), онъ пригласилъ къ себѣ герцога Мортемара и объявилъ ему, что принимаетъ званіе намѣстника только для того, чтобы предотвратить возникновеніе республики, но что онъ ни въ какомъ случаѣ не приметъ короны Франціи, даже если бы она и была ему предложена. Послѣ этой аудіенціи герцогъ принялъ депутацію народныхъ представителей, прося обнародовать слѣдующее воззваніе: „Депутаты призвали меня въ Парижъ, чтобы принять званіе „намѣстника. Я прибылъ немедленно, чтобы стать въ средѣ ге„ройскаго населенія и употребить всѣ усилія, чтобы предохранить „васъ отъ гражданской войны и безначалія. Вступая въ Парижъ, „я съ гордостью несъ славные цвѣта, снова вами принятые. Пала„ты не замедлятъ обсудить средства, необходимыя для обезпеченія „государственнаго порядка и охраненія правъ націи. Отнынѣ хар„тія будетъ *истиною*“ (la charte sera désormais une verité). Чтобы успокоить республиканскую партію, мечтавшую на развалинахъ бурбонской монархіи устроить республику, съ Лафайэтомъ въ роли президента, муниципальная коммисія, рядомъ въ воззваніемъ герцога Орлеанскаго, обнародовала прокламацію, которая должна была успокоительно подѣйствовать на сторонниковъ республики; въ прокламаціи говорилось, что Карлъ X пересталъ царствовать, и, послѣ восхваленія гражданской доблести французскаго народа, объявлялось, что вопросъ о новомъ государственномъ устройствѣ будетъ предоставленъ самому народу.

Изъ Пале-Рояля Луи-Филиппъ отправился въ Hotel de Ville, для принятія власти отъ муниципальной коммисіи. Шествіе это, не безопасное вслѣдствіе слуховъ о предстоящемъ покушеніи на жизнь герцога, отличалось отсутствіемъ всякаго блеска и торжественности. Намѣстникъ, встрѣченный на лѣстницѣ ратуши Лафайэтомъ и членами муниципальной коммисіи, черезъ минуту появился на балконѣ, въ сопровожденіи Лафайэта, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ, и на глазахъ всей толпы обнялъ и поцѣловалъ генерала. Этой эффектной сценой онъ овладѣлъ народнымъ движеніемъ. Обратное шествіе его въ Пале-Рояль сопровождалось уже полною торжественностію и криками: „да здравствуетъ герцогъ!“

Между тѣмъ король не покидалъ надежды побѣдить революцію и разсчитывалъ, отступивъ за Луару, выждать тамъ маршала Бурмона, возвращавшагося съ войсками изъ алжирскаго похода, осадить Парижъ и голодомъ принудить его къ сдачѣ. Но извѣстіе объ измѣнѣ войска и тревожные слухи о появленіи въ окрестностяхъ Сенъ-Клу вооруженнаго народа заставили короля покинуть свою резиденцію и переѣхать въ Рамбулье. Отсюда онъ послалъ Луи-Филиппу въ Парижъ патентъ, утверждавшій его въ званіи намѣстника государства, и въ отдѣльномъ письмѣ выражалъ надежду, что герцогъ Орлеанскій сохранитъ тронъ Франціи для его внука, графа Шамбора, герцога Бордосскаго. Въ отвѣтъ на этотъ патентъ и собственноручное письмо Карла X, Луи-Филиппъ отправилъ въ Рамбулье депутацію съ предложеніемъ—оставить съ семействомъ предѣлы Франціи, во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться опасностей.

Подписавъ по совѣту русскаго посла Поццо-ди-Борго актъ отреченія отъ престола и передавъ всѣ права на корону своему внуку, герцогу Бордосскому, Карлъ X, опасаясь слуховъ о движеніи вооруженной толпы, покинулъ Рамбулье и въ сопровожденіи военнаго эскорта отправился въ Шербургъ, гдѣ ждалъ его корабль, чтобы отвезти въ Англію; черезъ два года Карлъ X переселился въ Австрію, гдѣ и скончался въ 1836 году.

Отреченіе короля развязало руки Луи-Филиппу и сторонникамъ іюльскаго переворота. 1-го августа намѣстникъ принялъ власть изъ рукъ муниципальной коммисіи; 3-го августа открылись засѣданія палатъ для обсужденія тѣхъ пунктовъ хартіи, установленіе которыхъ должно было дать новыя основанія общественному порядку. Подъ названіемъ *„объявленій“* изданы были добавленія къ хартіи, запрещавшія на будущее время введеніе цензуры (ст. 8) и подтверждавшія, что король не имѣетъ права отмѣнять основныхъ законовъ (14 ст.); палаты пріобрѣтали право предлагать законы, тогда какъ по хартіи 1814 года право это принадлежало исключительно коронѣ; далѣе—было постановлено, что засѣданія палаты пэровъ должны быть открыты для публики, какъ и засѣданія палаты депутатовъ; возрастъ, необходимый для депутатовъ, пониженъ съ 40 на 30 лѣтъ; законодательный періодъ палатъ остался по прежнему пятилѣтнимъ; въ послѣдней статьѣ постановлено было возвращеніе трехцвѣтнаго революціоннаго знамени вмѣсто бѣлаго бурбонскаго. Въ заключеніе своихъ „объявленій“, палата депутатовъ провозглашала, что всеобщій интересъ націи призываетъ на престолъ Луи-Филиппа, герцога Орлеанскаго, и его потомковъ въ мужескомъ колѣнѣ, по праву первород-

ства, по силѣ салическаго закона, если намѣстникъ согласится присягнуть вышеозначеннымъ измѣненіямъ хартіи. Не дожидаясь согласія палаты пэровъ (которая съ іюльскихъ дней потеряла свое государственное значеніе), палата депутатовъ отправила выборныхъ къ герцогу Орлеанскому, чтобъ объявить ему избраніе на престолъ. Прослушавъ прочитанныя „объявленія", Луи-Филиппъ сказалъ, что онъ принимаетъ корону, повинуясь только необходимости, а также всѣ условія и обязанности, изложенныя въ объявленіяхъ. Такимъ образомъ, 9-го августа 1830 года на престолъ Франціи вступила Орлеанская династія, въ лицѣ старшаго ея представителя, Луи-Филиппа, герцога Орлеанскаго. Первымъ министромъ новый король назначилъ Лафитта.

(2-й ПЕРІОДЪ 1830—1848 г.).

Отъ Іюльской до Февральской революціи.

ГЛАВА X.

Характеристика 2-го періода.

Іюльская революція 1830 года измѣнила политическія отношенія между государствами и вообще положеніе Европы.

До 1830 года, политическій порядокъ основывался на вѣнскомъ трактатѣ и условіяхъ „Священнаго Союза“; великія державы дѣйствовали единодушно и подавляли революціонныя движенія. Иногда только Англія, во имя принципа невмѣшательства, отклонялась отъ рѣшеній конгресса, но никогда не противодѣйствовала великимъ державамъ въ ихъ политическихъ правилахъ.

Со времени Іюльской революціи европейскія государства раздѣлились на двѣ группы: на *монархическій востокъ*, состоявшій изъ Россіи, Австріи и Пруссіи, и *конституціонный западъ*, гдѣ господствовали Франція и Англія. Первыя три державы поддерживали въ своей политикѣ принципъ охраненія существующаго порядка, а другія двѣ покровительствовали конституціонному движенію. Что же касается до второстепенныхъ государствъ: Скандинавіи, Италіи, Германіи, Испаніи и другихъ, то въ нихъ господствовалъ внутренній разладъ: масса населенія сочувствовала конституціонному западу, а дворянство и служебный классъ стояли за монархическій порядокъ и опирались преимущественно на содѣйствіе Россіи и Австріи.

Отличительную черту событій втораго періода составляетъ *возстаніе покоренныхъ народностей* противъ правительствъ. Дѣло въ томъ, что европейскія правительства стремились къ объедине-

нію или слитію разнородныхъ завоеванныхъ и пріобрѣтенныхъ областей съ господствующимъ племенемъ, имѣя въ виду образовать изъ составныхъ частей территоріи и разноплеменнаго населенія одно государственное цѣлое. Но побѣжденные не всегда соглашались съ намѣреніями своихъ побѣдителей и производили возстанія съ понятною цѣлью—возвратить потерянную политическую самостоятельность. Только одна Бельгія достигла вполнѣ своихъ желаній и, расторгнувъ связь съ Голландіей, образовала отдѣльное королевство. Во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ возстанія народностей были подавлены правительствами. Такъ, Англія усмирила католическую Ирландію, Испанія—горныхъ басковъ (жители сѣверной части полуострова); стремленія Шлезвига и Голштиніи освободиться отъ власти Даніи и, образовавши особую державу съ новымъ государемъ во главѣ (принцемъ аугустенбургскимъ), войти въ составъ Германскаго Союза тоже оказались неудачными; работы карбонаріевъ и партіи „молодой Италіи" во имя единства Италіи хотя и сопровождались значительными успѣхами, но въ этомъ періодѣ еще не достигли желаннаго результата; возстаніе поляковъ противъ Россіи и чеховъ противъ Австріи кончились ихъ собственнымъ пораженіемъ, также какъ и возстаніе венгровъ (мадьяръ).

Іюльская монархія или правленіе Луи-Филиппа.

Возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ.—Покушенія легитимистовъ.—Волненіе въ Парижѣ.—Покушенія Луи-Наполеона.—Банкетъ на Елисейскихъ поляхъ.—Отреченіе Луи-Филиппа.

Престолъ Луи-Филиппа въ теченіе всего его царствованія (1830—1848) былъ окруженъ весьма серьезными затрудненіями, главная причина которыхъ заключалась въ томъ, что іюльской монархіи не доставало прочной основы всенароднаго избранія: эта монархія возникла усердіемъ нѣсколькихъ депутатовъ, а не волею народа, ясно выраженною. Къ прежней республиканской партіи, недовольной результатами Іюльской революціи, присоединилась партія легитимистовъ (такъ назывались съ 1830 года приверженцы Бурбоновъ), мечтавшая о возстановленіи трона Бурбоновъ. Орудіемъ тѣхъ и другихъ была голодная толпа ремесленниковъ, оставленныхъ іюльскими безпорядками безъ заработковъ и безъ куска хлѣба. Считая правительство виновнымъ въ своемъ бѣдственномъ положеніи, рабочіе требовали отъ него немедленной помощи и въ случаѣ отказа грозили произвести волненія. Для

облегченія ихъ участи, изъ государственной казны назначены были значительныя суммы; а для обезпеченія со стороны волненій на будущее время правительство дѣятельно принялось за преобразованіе національной гвардіи [1]). Несмотря на всю враждебность къ нему республиканцевъ и легитимистовъ, Луи-Филиппъ въ первые мѣсяцы своего правленія пользовался большою популярностью. Его домашнія привычки и прежняя доступность остались тѣми же, какими были и прежде: безъ свиты, въ партикулярномъ платьѣ, король одинъ прогуливался по улицамъ Парижа и дружески жалъ руку всѣмъ обращавшимся къ нему, разыгрывая роль короля-гражданина (roi-citoyen). Ко двору его каждый имѣлъ доступъ запросто; церемоніалы двора были отмѣнены; король любилъ вспоминать о дняхъ первой революціи, когда и онъ былъ молодъ и сражался подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ при Вальми и Джеммапѣ.

Первое время новый король старался всѣми мѣрами угождать народу, чтобъ поддержать внутреннее спокойствіе и тѣмъ облегчить своему правительству борьбу съ легитимистами и республиканцами; онъ объявилъ амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ, осужденнымъ съ 1815 г., за исключеніемъ фамиліи Наполеона, и въ то же время старался удалить изъ арміи и изъ администраціи приверженцевъ республики и Бурбоновъ и замѣнить ихъ преданными себѣ людьми. Труднѣе всего было удалить Лафайэта, который былъ сторонникомъ республики и, какъ начальникъ національной гвардіи, пользовался громкой популярностью въ народѣ. Король воспользовался процессомъ надъ министрами Карла X: Лафайэтъ думалъ спасти эксъ-министровъ, тогда какъ большинство прямо обвиняло ихъ въ нарушеніи конституціи и іюльскомъ кровопролитіи и требовало смертной казни. За свое усиліе спасти подсудимыхъ Лафайэтъ поплатился своею популярностью, и этимъ съ большимъ тактомъ воспользовался король, чтобы сбыть съ рукъ опаснаго республиканца. Палата депутатовъ опредѣлила уничтожить званіе начальника національной гвардіи и тѣмъ крайне оскорбила самолюбіе Лафайэта: онъ вышелъ въ отставку и съ этой минуты открыто сталъ на сторону оппозиціи. Вслѣдъ за нимъ оставилъ министерство и Лафиттъ, взгляды котораго не согласовались со взглядами короля по отношенію къ внѣшнимъ событіямъ.

Преемникомъ его сдѣлался *Казиміръ Перье*, представлявшій рѣзкое различіе съ своимъ предшественникомъ по характеру и

---

[1]) При Луи-Филиппѣ національная гвардія состояла изъ 12 легіоновъ.

политикѣ. Онъ былъ защитникомъ того порядка вещей, который выработала Іюльская революція, и скоро своимъ непреклоннымъ и неумолимымъ консерватизмомъ присвоилъ себѣ, какъ президентъ министерства, такую власть, передъ которой склонялись и палаты. Онъ съ совершеннымъ полновластіемъ вмѣшивался въ дѣла палаты и настоялъ на томъ, что ни Лафиттъ, ни Дюпонъ де Л'Эръ, имѣвшіе близкія связи съ республиканскою партіею, не были выбраны въ президенты палаты депутатовъ. Вообще задачею его министерства было—*сохраненіе внутренняго и внѣшняго спокойствія и порядка, безъ которыхъ*, говорилъ Казиміръ Перье, *„невозможно существованіе политической свободы“*. Онъ умѣлъ

Лафайэтъ.

поддержать дружественныя отношенія короля къ европейскимъ государямъ, въ то время, когда французы увлекались сочувствіемъ къ возстаніямъ въ Польшѣ, Германіи, Италіи и Испаніи: внутри Франціи онъ умѣлъ защищать правительство противъ оппозиціонныхъ дѣятелей, рѣзко говорившихъ противъ короля. Онъ подавилъ возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ, второмъ главнѣйшемъ городѣ страны (осенью 1831 года). Естественнымъ слѣдствіемъ Іюльской революціи былъ застой въ фабричныхъ и вообще въ дѣлахъ промышленности и торговли. На ліонскихъ шелковыхъ

фабрикахъ хозяева понизили заработную плату и значительно уменьшили свою производительность сокращеніемъ числа рабочихъ. До 30 тысячъ рабочихъ остались безъ дѣла и въ крайней нищетѣ и всю вину своего бѣдствія слагали на притѣсненія фабрикантовъ. Съ каждымъ днемъ волненіе и ожесточеніе усиливались. Къ ноябрю ліонское предмѣстье Круа-Руссъ (Croix Rousse) стало лагеремъ рабочихъ. У возставшихъ уже были знамена, оружіе и двѣ пушки, которыя они успѣли захватить при нападеніи на казармы; на знаменахъ ихъ было написано „vivre en travaillant, ou mourir en combattant“ (т. е. жить работой или умереть въ бою). Префектъ и начальникъ гарнизона думали увѣщаніемъ призвать возставшихъ къ порядку, но предложенія ихъ были грубо отвергнуты. Въ декабрѣ для усмиренія возстанія явился маршалъ Сультъ съ 20 тыс. войскомъ,—и порядокъ былъ возстановленъ. Обѣ палаты просили короля адресами употребить всю строгость закона противъ мятежниковъ, въ возмущеніи которыхъ онѣ видѣли политическій характеръ. Но слѣдствіе обнаружило, что въ ліонскомъ дѣлѣ не было ни политическихъ идей, ни соціальныхъ, которыя играли роль въ позднѣйшихъ возстаніяхъ подобнаго рода во Франціи.

Гораздо больше хлопотъ надѣлалъ правительству *заговоръ легитимистовъ*. Эта партія утверждала, что Луи-Филиппъ незаконно похитилъ тронъ у Бурбонской династіи, и что, по отреченіи Карла X, во Франціи долженъ царствовать его внукъ, герцогъ Бордосскій, подъ именемъ Генриха V. Во главѣ заговора стояла мать герцога Бордосскаго, герцогиня Беррійская. При своемъ неаполитанскомъ характерѣ и подвижности, она не могла примириться съ скучною жизнью въ шотландскомъ замкѣ. Она оставила Галирудъ лѣтомъ 1831 года и отправилась черезъ Германію въ Геную, откуда думала начать свое предпріятіе. Но король сардинскій Карлъ-Альбертъ, чтобы предупредить запросъ со стороны французскаго правительства, велѣлъ герцогинѣ оставить его владѣнія. Тогда мѣстомъ своихъ замысловъ герцогиня избрала Вандею, область, извѣстную своею привязанностью къ Бурбонскому дому; но Вандея теперь была уже не та, что въ 1793 году. Многіе изъ сторонниковъ герцогини положительно указывали ей на невозможность исполненія ея предпріятій и отошли отъ нея; но это нисколько не вразумило герцогиню. Днемъ возстанія было назначено 7-е іюня. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вандеи поднялись крестьяне и въ разныхъ пунктахъ дѣло доходило до кровавыхъ стычекъ съ національною гвардіею, однако горячихъ сраженій не было. Потерпѣвши неудачу, герцогиня бѣжала; но въ г. Нантѣ она была арестована и заключена въ одномъ укрѣпленномъ замкѣ,

близъ Бордо. Здѣсь она сдѣлала признаніе, что вступила годъ тому назадъ въ бракъ съ сицилійскимъ графомъ Палли. Это признаніе до того повредило ея политическому значенію, что правительство не сочло даже нужнымъ предать ее суду и ограничилось только удаленіемъ ея изъ предѣловъ Франціи.

Въ концѣ марта 1832 года холера черезъ Лондонъ проникла изъ Россіи въ Парижъ. Не смотря на всѣ противудѣйствующія ей мѣры, она быстро распространилась по столицѣ Франціи и произвела страшную смертность. Сначала она посѣтила исключительно бѣднѣйшее населеніе, а потомъ быстро проникла и въ остальные кварталы города. Число умиравшихъ доходило до 800—1000 человѣкъ въ сутки. Парижъ переполнился ужасомъ; къ тому же въ массѣ народной ходили, какъ и всегда бываетъ при эпидеміяхъ, слухи объ отравѣ, поддерживаемые легитимистами, которые слагали все бѣдствіе на Луи-Филиппа. Народная толпа пришла въ ярость, обыскивала прохожихъ и умертвила много невинныхъ людей, у которыхъ находили какой-нибудь порошокъ или жидкость. Только къ маю эпидемія стала ослабѣвать и въ теченіе этого мѣсяца совсѣмъ прекратилась. Въ огромномъ числѣ жертвъ, похищенныхъ холерою, самою чувствительною потерею для короля была смерть Казиміра Перье, захворавшаго при посѣщеніи холерныхъ больницъ. Послѣ его смерти усилилась партія оппозиціи, и республиканцы отважились на явное возстаніе. Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ Казиміра Перье появилась въ свѣтъ брошюра подъ заглавіемъ: „Отчетъ депутатовъ оппозиціи“ (compte rendu), подписанный 160 членами. Весь отчетъ основывался на томъ положеніи, что „правительство просто считаетъ себя продолженіемъ реставраціи, тогда какъ и цѣлью, и результатомъ Іюльской революціи было дать, наконецъ, силу принципамъ 1789 года“. Далѣе, оппозиція нападала на внѣшнюю и внутреннюю политику Луи-Филиппа и дѣлала упрекъ правительству и за администрацію. Этотъ „отчетъ“ произвелъ сильное впечатлѣніе въ Парижѣ и породилъ тѣ волненія, которыя произошли 5-го іюня 1832 г., по случаю похоронъ генерала Ламарка. Въ день похоронъ Ламарка необозримая толпа народа наполняла съ ранняго утра улицы Парижа, и воспламененная надгробными рѣчами либеральнаго свойства, произносимыми въ честь покойника, котораго либеральная партія считала однимъ изъ лучшихъ своихъ ораторовъ, возвратилась въ городъ съ криками: „долой Луи-Филиппа, да здравствуетъ республика!“ При появленіи войска, республиканцы на-скоро укрѣпились за баррикадами и вступили въ бой, который прекратился только къ ночи. Хотя возстаніе было подавлено, однако король объявилъ Парижъ въ осадномъ по-

ложеніи и приказалъ арестовать главныхъ легитимистовъ (Шатобріана и де-Невиля) и республиканцевъ (Гарнье-Пажеса и Кабе) и предать ихъ военному суду. Луи-Филиппъ скоро возвратилъ арестованнымъ свободу, но какъ нельзя лучше воспользовался побѣдою надъ оппозиціею, издавъ четыре повелѣнія, усилившія его власть и успокоившія столицу, но не надолго.

Послѣ смерти Казиміра Перье, король составилъ подъ предсѣдательствомъ преданнаго ему военнаго министра Сульта новое министерство, въ которомъ своими талантами и умѣніемъ противодѣйствовать оппозиціи отличались Гизо (министръ народнаго просвѣщенія) и Тьеръ (министръ внутреннихъ дѣлъ), оба — поклонники политики Казиміра Перье. Ихъ образъ дѣйствій король называлъ juste milieu (золотая середина); оппозиція же съ своей стороны этимъ названіемъ обозначала слабость новаго министерства. Чтобы предотвратить на будущее время опасность со стороны республиканцевъ, покушавшихся нѣсколько разъ на жизнь Луи-Филиппа, правительство повело процессъ противъ республиканскихъ тайныхъ обществъ: *„Друзей народа“ и „Общества человѣческихъ правъ“*. Судъ опредѣлилъ закрыть эти общества, какъ вредныя общественному спокойствію. Члены ихъ однако не исчезли и готовились къ рѣшительному нападенію на іюльскую монархію. Заговоры и даже покушенія на жизнь короля слѣдовали одно за другимъ. Самымъ страшнымъ было покушеніе Фіэски (1835). Тревожные слухи уже предсказывали, что въ годовщину Іюльской революціи врагами короля затѣвается отчаянное предпріятіе противъ государственнаго порядка. 28-го іюля слухи оправдались во время королевскаго осмотра, сдѣланнаго національной гвардіи и линейнымъ полкамъ. Король съ блестящей свитой ѣхалъ верхомъ и лишь только онъ прибылъ къ бульвару du Temple, какъ одинъ національный гвардеецъ выступилъ съ просьбою въ рукахъ. Луи-Филиппъ нагнулся, чтобы взять у него бумагу, какъ въ ту же минуту затрещали выстрѣлы и цѣлый дождь пуль посыпался на его свиту. Самъ король избѣгнулъ смерти, но одинъ изъ сыновей его былъ раненъ, подъ другимъ убита лошадь, маршалъ Мортье получилъ смертельную рану и множество народа поплатилось жизнью. Эта „адская машина“ помѣщалась въ ближайшемъ домѣ, откуда и сдѣланы были убійственные выстрѣлы. Главный заговорщикъ Фіэски, родомъ корсиканецъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ сообщниковъ былъ схваченъ и преданъ суду, который приговорилъ Фіэски и двухъ его соучастниковъ къ смертной казни. Кровопролитіе на бульварѣ du Temple, противъ всѣхъ разсчетовъ со стороны республиканцевъ, послужило къ усиленію королевской власти. Правительство издало новыя (сен-

тябрьскія) постановленія, которыя подвергали строгимъ наказаніямъ за оскорбленіе королевской особы и за нападеніе на основы государственнаго порядка.

Но ни строгость наказанія заговорщиковъ, ни такъ называемые „сентябрьскіе“ законы не устрашили враговъ правительства и не удержали ихъ отъ новыхъ покушеній. Вскорѣ обнаружился заговоръ, который могъ имѣть весьма важныя послѣдствія. Во главѣ его стоялъ Луи-Наполеонъ, который намѣревался низвергнуть тронъ Луи-Филиппа и возстановить династію Бонапарта на престолѣ Франціи. Луи-Напалеонъ, сынъ Людовика, короля голландскаго (брата Наполеона I) и королевы Гортензіи (дочери Жозефины Богарне), родился въ 1808 г. Послѣ паденія своего дяди, онъ оставилъ Францію и жилъ со своею матерью въ Швейцаріи, на берегу Констанскаго озера, въ кантонѣ Тургау, въ замкѣ Арененбергъ; здѣсь онъ вполнѣ предался дѣлу своего образованія, пристрастился къ военнымъ наукамъ и написалъ нѣсколько сочиненій по этой отрасли знаній. Въ 1831 году онъ участвовалъ въ волненіяхъ Италіи, но послѣ неудачи снова вернулся въ Швейцарію. Теперь, въ 1836 году, онъ задумалъ низвергнуть тронъ Луи-Филиппа; съ этою цѣлью онъ отправился въ Страсбургъ, вошелъ въ сношеніе съ страсбургскимъ гарнизономъ и, приготовивъ все для возстанія, провозгласилъ себя императоромъ (подъ именемъ Наполеона II). Но попытка его не имѣла успѣха: онъ былъ схваченъ и отправленъ въ Америку. Въ слѣдующемъ году онъ возвратился въ Европу, подъ предлогомъ болѣзни матери, и поселился въ Англіи. Равнодушіе Луи-Филиппа къ вопросамъ внѣшнимъ (въ которыхъ цѣлью политики короля было сохранить миръ, во что бы то ни стало) ставило Францію въ весьма затруднительное положеніе и вызывало неудовольствіе противъ короля. Чтобы поднять прежній воинственный духъ французовъ, глава тогдашняго министерства Тьеръ (историкъ Наполеона I) предложилъ перевезти съ острова Елены въ Парижъ прахъ Наполеона. Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ, возбуждавшимъ легендарное воспоминаніе о Наполеонѣ, хотя и не измѣнило мирнаго направленія Луи-Филиппа по внѣшнимъ вопросамъ, но подало племяннику Наполеона новую надежду на возстановленіе трона Бонапарте. Въ августѣ 1840 г. Луи-Наполеонъ сдѣлалъ вторичную попытку: онъ высадился въ Булони и издалъ манифестъ, въ которомъ еще разъ провозгласилъ себя императоромъ, а Тьера назначалъ министромъ. Но и на этотъ разъ онъ не имѣлъ успѣха: онъ былъ схваченъ и съ своими приверженцами осужденъ на пожизненное заключеніе въ крѣпости Гамѣ (на границѣ Бельгіи), гдѣ и находился до 26-го мая 1846 г. (о даль-

нѣйшей его дѣятельности см. исторію Франціи въ третьемъ періодѣ, гл. XV).

Избавившись отъ опасностей со стороны враговъ внутреннихъ, Луи-Филиппъ усилилъ свое вліяніе на управленіе; это обнаружилось въ частыхъ перемѣнахъ министерствъ. Въ теченіе времени съ 1832 по 1848 годъ составъ кабинета перемѣнился десять разъ. Во всѣхъ этихъ министерствахъ преобладало вліяніе самого короля, который старался подавить оппозицію и усилить значеніе монархической власти. Въ послѣднее министерство, именно при Гизо, оппозиція потребовала реформы закона о выборахъ, обви-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА ЕВРЕЙСКОЙ ГИМНАЗІИ

Гизо.

няя Гизо и его товарищей въ подкупѣ палатъ, и произвела съ помощью народной толпы *„февральскую революцію“* (24-го февраля 1848 г.), которая окончилась *паденіемъ Луи-Филиппа* и *провозглашеніемъ республики.*

Чтобы предупредить на будущее время волненія, которыя мѣшали дѣламъ и внутренней, и внѣшней политики, правительство старалось по возможности ограничить участіе общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ государства. Дѣйствительно, вслѣдствіе высокаго ценза, избирательнымъ правомъ пользовались только немногіе богатые, такъ что изъ 30 милліоновъ населенія Франціи его имѣли

лишь 200 тысячъ человѣкъ. Поэтому оппозиція, составившаяся изъ сліянія приверженцевъ конституціи, республики, легитимистовъ и бонапартистовъ,—оппозиція, во главѣ которой стояли теперь Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ, потребовала реформы выборовъ въ палату, желая распространить право избирательства на всю націю или, по крайней мѣрѣ, на все среднее сословіе, въ надеждѣ, что при новыхъ выборахъ подкупъ будетъ невозможенъ и палаты сдѣлаются мѣстомъ собранія настоящихъ представителей. Къ сторонѣ оппозиціи примкнуло и рабочее населеніе, волнуемое теоріями коммунизма и соціализма, сулившими бѣднякамъ всевозможное равенство въ распредѣленіи земныхъ благъ [1]). Въ 1845 г. Ледрю-Ролленъ предложилъ реформу выборовъ и съ этихъ поръ слово „реформа" сдѣлалось условнымъ лозунгомъ оппозиціонныхъ партій. Сторону оппозиціи поддерживалъ англійскій министръ, лордъ Пальмерстонъ, при которомъ разстроилось „сердечное согласіе" между Англіею и Франціею по поводу испанскихъ событій (см. выше гл. II); онъ помогъ укрыться въ Англіи бѣжавшему изъ Гама Луи-Наполеону и своимъ союзомъ съ оппозиціею придалъ ей больше смѣлости и рѣшимости. По всѣмъ значительнымъ городамъ Франціи начались банкеты или публичные обѣды, на которыхъ произносились рѣчи республиканскаго содержанія, имѣвшія цѣлью произвести движеніе въ пользу реформы. Подобный банкетъ былъ устроенъ и въ Парижѣ на Елисейскихъ поляхъ (22-го февраля 1848 года), куда приглашена была и національная гвардія. Такъ какъ правительство запретило этотъ банкетъ, то волненіе еще болѣе усилилось,

---

[1]) Въ сороковыхъ годахъ во Франціи быстро стали распространяться теоріи соціализма. Онѣ распадались на два направленія: *соціалистическое*, которое, совокупностью физическихъ и духовныхъ средствъ, думаетъ уничтожить нищету и достигнуть высшаго благоденствія и счастія для каждаго бѣдняка; *коммунистическое* старается уничтожить частную собственность и всѣ средства дѣлить поровну. Идеи коммунизма проповѣдывалъ еще въ началѣ XIX вѣка гр. Сенъ-Симонъ, и потомъ, въ 30-хъ годахъ, привелъ ихъ въ систему Фурье (1837). Ихъ дѣло продолжали Кабе и Прудонъ; первый въ популярномъ изложеніи изобразилъ идеальную республику, основанную на коммунизмѣ, т. е. на равенствѣ труда и плодовъ его. Прудонъ превзошелъ Кабе въ дѣлѣ отрицанія: въ своемъ сочиненіи „о собственности" онъ, съ діалектическою ловкостью, старается доказать, что собственность есть воровство, что все должно принадлежать всѣмъ. Одновременно съ Прудономъ выступилъ еще Луи-Бланъ, который въ своей книгѣ объ „Организаціи труда" развивалъ мысль, что государство обязано освободить рабочій трудъ отъ зависимости спекулянтовъ-капиталистовъ и открыть для рабочаго возможность трудиться: короче — онъ требовалъ признанія „права на трудъ" и указывалъ на необходимость учрежденія „національныхъ мастерскихъ" (см. гл. XVI). Этотъ проэктъ Луи-Блана получилъ въ эпоху февральской республики отчасти практическое осуществленіе, но оказался на практикѣ невозможнымъ. Эти новыя теоріи имѣли громадный успѣхъ по преимуществу въ рабочемъ классѣ. Популяризаціи идей коммунизма весьма много помогали романисты - Жоржъ Зандъ и Евгеній Сю. Еще радикальнѣе этихъ соціальныхъ коммунистовъ писалъ Карлъ Марксъ († 1883 г), авторъ сочиненія: „Капиталъ" и основатель общества „Интернаціоналъ".

причемъ общее неудовольствіе было направлено противъ министерства Гизо. Опасаясь междоусобій, король 23-го февраля распустилъ министерство Гизо и обѣщалъ реформу. Парижъ обрадовался этому извѣстію и отпраздновалъ его великолѣпною иллюминаціею и торжественными процессіями съ знаменами и факелами. Только одни республиканцы были недовольны и рѣшились продолжать движеніе... Подъ предводительствомъ Лагранжа, они столпились передъ домомъ министра Гизо и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ въ батальонъ пѣхоты, охранявшій министерскій домъ, требуя, чтобы

Людовикъ-Филиппъ.

на этомъ домѣ зажжена была также иллюминація. Батальонъ съ своей стороны далъ залпъ и убилъ до 50 человѣкъ. Подстрекаемая республиканцами толпа разсѣялась по улицамъ и съ криками „насъ убиваютъ“ стала сзывать народъ къ оружію. Въ полночь на 24-е февраля раздался набатъ съ собора Парижской Богоматери, и въ короткое время весь Парижъ былъ охваченъ бурей революціи. Король запрещалъ стрѣлять въ народъ, толпа безпрепятственно проникла въ Тюильери, разграбила дворецъ и разрушила королевскій тронъ. Престарѣлый Луи-Филиппъ думалъ пред-

отвратить катастрофу назначеніемъ министерства изъ оппозиціи; но это было сдѣлано слишкомъ поздно. Населеніе Парижа требовало уже учрежденія республики. Потерявъ теперь все присутствіе духа, король уступилъ совѣтамъ своихъ приближенныхъ и, утромъ 24-го февраля, отказался отъ короны въ пользу внука своего, графа Парижскаго, подъ регентствомъ его матери, герцогини Орлеанской. Король выѣхалъ съ семействомъ въ Англію, а герцогиня Орлеанская съ своимъ сыномъ и его дядею, герцогомъ Немурскимъ, отправилась въ палату депутатовъ, надѣясь утвердить за собою званіе регентши. Но и она должна была оставить Парижъ, когда толпа ворвалась въ ратушу и провозгласила республику.

Родословная таблица Орлеанскаго дома.

Филиппъ Egalité (герц. Орлеанскій) † 1793.

Луи-Филиппъ, король французовъ (1830—1848), въ супружествѣ съ Амаліей Неаполитанской.

- Герц. Орлеанскій.
  - Графъ Парижскій.
  - Герц. Шартрскій.
- Герц. Немурскій.
  - Герц. Алансонскій.
- Герц. Жуанвильскій.
  - Герц. Пантьеврскій.
- Герц. Омальскій.
- Герц. Монпансье. въ супр. съ Луизой, сестрой Изабеллы II.
  - Марія Мерседесъ † 1878 въ супр. съ Альфонсомъ II, кор. Испаніи.

Внѣшняя политика Франціи при Луи-Филиппѣ отличалась миролюбивымъ характеромъ. „Король-гражданинъ“ старался достигнуть признанія правъ своихъ на престолъ и равенство съ другими государями не мечемъ, но политикою и дипломатіею, какъ „Наполеонъ мира“. Поэтому, французское правительство, несмотря на отраженіе Іюльской революціи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы, не сочувствовало тѣмъ либеральнымъ движеніямъ, которыя, разсчитывая на помощь Франціи, произошли въ Польшѣ, Германіи и Италіи. Только въ возстаніи бельгійцевъ (см. главу XI) Франція принимала дѣятельное участіе, и то, главнымъ образомъ, потому, что остальныя великія державы покровительствовали этому движенію и на лондон-

ской конференціи поддерживали независимость Бельгійскаго королевства. Поляки-же не нашли сочувствія въ Іюльской монархіи, какъ и въ другихъ правительствахъ Западной Европы, и всѣ попытки ихъ къ возстановленію самостоятельности Польши кончились совершенно безуспѣшно. Вмѣшательствомъ въ дѣла Италіи король уступилъ только требованіямъ либераловъ: французское правительство выслало войско въ Анкону, чтобы защитить отдѣльныя итальянскія государства отъ австрійскаго полновластія. Совершенно иною политикою руководился Луи-Филиппъ во внѣшнихъ внѣевропейскихъ вопросахъ: онъ уступилъ воинственному духу французовъ, требовавшихъ себѣ какого-нибудь поприща славы, и указалъ имъ на Алжиръ.

Эта вторая экспедиція въ Алжиръ имѣла своею задачею окончательное покореніе и цивилизованіе этого края, посредствомъ переселенія туда колонистовъ не только изъ Франціи, но и другихъ европейскихъ странъ. Постоянные набѣги бедуинскихъ ордъ, мѣшавшихъ водворенію гражданственности въ Алжирѣ, и вызвали новый алжирскій походъ. Во главѣ туземныхъ племенъ стоялъ даровитый эмиръ *Абдель-Кадеръ*. Обладая точнымъ знаніемъ мѣстности и пользуясь безусловною покорностью туземцевъ, онъ счастливо и успѣшно сопротивлялся нѣсколько лѣтъ французамъ, которымъ наносилъ сильныя пораженія, несмотря на военныя дарованія маршала Клозеля и отчаянную храбрость сформированныхъ имъ зуавовъ. Только генералу Бюжо (заслужившему на войнѣ съ Абдель-Кадеромъ маршальскій жезлъ и титулъ герцога Ислійскаго) удалось принудить повелителя кабиловъ къ миру, который былъ подписанъ при Тафнѣ (1837 г.). Этимъ договоромъ признавалась верховная власть Франціи надъ Алжиромъ. Абдель-Кадеръ первый нарушилъ миръ. Усиливъ войско новыми покоренными племенами арабовъ, жившихъ къ югу отъ его владѣній (провинція Оранъ), эмиръ снова началъ свои опустошительные набѣги на христіанскихъ колонистовъ. Разоривъ колоніи, Абдель-Кадеръ доводилъ свои набѣги до самыхъ воротъ города Алжира; французы платили ему тѣмъ же, высылая противъ него такъ называемыя „рацціи“ или экспедиціи. Такъ, напримѣръ, Пелисье загналъ до тысячи арабовъ въ одну пещеру и задушилъ ихъ дымомъ. Съ помощью генерала Ламорисьера, маршалу удалось сломить могущество Абдель-Кадера, который, съ потерею нѣкоторыхъ своихъ крѣпостей (сайда), лишился средствъ для продолженія войны. Послѣ вторичнаго взятія его столицы Абделя (городъ Москара), большая часть кабиловъ отказалась ему повиноваться, и эмиръ принужденъ былъ бѣжать въ Марокко. Маршалъ Бюжо послѣдовалъ за нимъ, что

и было поводомъ къ войнѣ между Франціею и султаномъ марокскимъ. Но лишь только французскій флотъ появился у береговъ Марокко, а маршалъ Бюжо перешелъ черезъ рѣку Исли, султанъ просилъ мира, который и былъ заключенъ въ Танджерѣ (1844). По этому миру султанъ отказался помогать Абдель-Кадеру и обязался выслать его изъ своихъ владѣній. Эмиръ нѣсколько разъ еще пытался поднять магометанъ Алжира, воспламеняя въ нихъ религіозную ненависть къ французамъ; но всѣ его

Абдель-Кадеръ.

попытки были безуспѣшны. Наконецъ, въ 1847 г., покинутый всѣми своими соотечественниками и единовѣрцами, Абдель-Кадеръ сдался генералу Ламорисьеру, выговоривъ себѣ пропускъ въ Египетъ. Но король приказалъ привезти его съ семействомъ во Францію, гдѣ онъ и оставался плѣнникомъ до 1852 года, когда ему дана была свобода: онъ поселился въ г. Бруссѣ (въ Малой Азіи). Завоеваніе Алжира доставило Франціи,—съ одной стороны,—участіе въ господствѣ на Средиземномъ морѣ и вліяніе на восточ-

ныя дѣла; съ другой—оно уронило военно-политическое значеніе Гибралтара, который съ этихъ поръ сталъ играть роль только точки опоры англійской контрабандной торговли на берегахъ Испаніи.

По отношенію къ такъ называемому *восточному вопросу* Франція издавна держалась той политики, чтобы поддерживать миръ и согласіе съ магометанскими правительствами востока. Эта политика основана была на надеждѣ пріобрѣтенія Египта (что входило и въ планы Наполеона I), въ случаѣ, если бы слабая Оттоманская Порта, послѣ своего паденія, подверглась дѣлежу между великими державами. Тогда, владѣя Алжиріей и Египтомъ, Франція образовала бы сильное колоніальное государство, которое могло бы соперничать съ англійскою Индіею. Вѣроятно, подобные разсчеты и побудили Луи-Филиппа поддержать египетскаго пашу Махмеда-Али въ борьбѣ его противъ турецкаго султана. Достигши званія паши изъ низкаго происхожденія, Махмедъ-Али уничтожилъ господство мамелюковъ въ Египтѣ и, подъ вліяніемъ французскихъ совѣтовъ, ввелъ законы (составленные по образцу французскихъ), устроилъ училища, типографіи и приготовилъ значительныя сухопутныя и морскія силы, съ помощью которыхъ расширилъ свои владѣнія завоеваніемъ Нубіи, Кордофана, Сиріи и Палестины. Хотя Порта, по предложенію великихъ державъ, предоставила управленіе первыми двумя пріобрѣтеніями Махмеду-Али, а вторыми—его сыну Ибрагиму, но только подъ верховною властью султана; однако паша египетскій этимъ не удовольствовался. Онъ стремился образовать изъ Египта и своихъ завоеваній наслѣдственное независимое государство и съ этою цѣлью отказался платить дань султану. Такъ началась война между Египтомъ и Портою (1839—1841). Франція поддерживала пашу, а прочія великія державы, составивъ „четверной союзъ“, вступились за султана. Эта война кончилась миромъ, по которому Махмедъ-Али долженъ былъ возвратить султану Сирію, Палестину, Кандію и захваченный турецкій флотъ; а Египетъ и Нубія были отданы ему и потомкамъ его въ наслѣдственное управленіе, съ обязательствомъ платить дань султану. Союзъ съ египетскимъ пашею разстроилъ дружескія отношенія между Франціею и Англіею. Съ тѣхъ поръ Англія не скрывала своего нерасположенія къ іюльскому правительству и всѣми мѣрами помогала его противникамъ.

ГЛАВА XI.

Бельгійская революція.

Вліяніе Іюльской революціи раньше всего отразилось на сосѣдственной и родственной съ Франціею по языку и нравамъ Бельгіи. Соединенная по рѣшенію Вѣнскаго конгресса съ Голландіею въ одно государство подъ названіемъ *Нидерландскаго королевства*, Бельгія поднялась во имя самостоятельности и образовала *независимое Бельгійское королевство* (1831).

Престолъ *Нидерландскаго королевства* былъ занятъ Вильгельмомъ Оранскимъ, сыномъ послѣдняго штатгальтера Голландской республики Вильгельма V, подъ именемъ Вильгельма I. Это королевство представляло довольно сильную державу: оно заключало до 1,100 кв. миль, съ шестью съ половиною милліонами жителей; къ нему были присоединены земли бывшаго архіепископства Люттихскаго и великаго герцогства Люксембургскаго, оставшагося однако составною частью Германскаго Союза.

Задача короля Вильгельма—слить населеніе Голландіи и Бельгіи въ одно цѣлое оказалась неразрѣшимою вслѣдствіе тѣхъ рѣзкихъ особенностей, которыми бельгійцы отличались отъ голландцевъ. Искусственность политическаго соединенія Голландіи и Бельгіи выражалась въ различіи населенія по происхожденію, языку и религіи. Населеніе Нидерландскаго королевства принадлежало, по своему происхожденію, къ двумъ совершенно различнымъ племенамъ: жители южной части или Бельгіи принадлежали къ фламандской расѣ, происшедшей изъ сліянія кельтско-галльской народности съ римскою; край этотъ, какъ сосѣдній съ Франціею, подвергся впослѣдствіи вліянію французской цивилизаціи, что отразилось на языкѣ и нравахъ бельгійцевъ: до сихъ поръ въ Бельгіи языкъ французскій есть языкъ горожанъ, литературы и высшаго сословія; почти все населеніе Бельгіи (въ числѣ $4^1|_2$ милліоновъ) исповѣдуетъ католическую вѣру. Населеніе же сѣверной части Нидерландовъ, или бывшей Голландской республики — чисто германскаго происхожденія (фризы); языкъ голландскій есть нарѣчіе нижне-германскаго діалекта; вѣроисповѣданіе въ Голландіи отчасти лютеранское, отчасти реформатское (кальвиническое). Бельгійцы постоянно тянули къ Франціи; голландцы же чуждались всего французскаго, особенно со времени подпаденія подъ власть Наполеона I.

Это рѣзкое различіе между голландцами и бельгійцами не только не исчезло послѣ соединенія ихъ подъ скипетромъ единаго государя, но породило между ними еще бо̀льшую ненависть, когда бельгійцы замѣтили, что король отдаетъ во всемъ преимущество голландцамъ, а на нихъ смотритъ, какъ на присоединенный къ Голландіи народъ. Голландцы считали себя племенемъ господствующимъ и потому начали съ того, что принудили бельгійцевъ къ уплатѣ части своего государственнаго долга, потомъ старались имъ навязать свои законы, обычаи, языкъ и даже отдали воспитаніе въ руки протестантскаго духовенства. Эти мѣры образовали множество недовольныхъ, которые, слившись съ партіею клерикаловъ (т. е. духовенства католическаго), стали хлопотать о расторженіи соединенія съ Голландіею.

Первыя пять лѣтъ правленія Вильгельма I (изъ фамиліи Нассау-Оранской) прошли въ устройствѣ государственной конституціи (1819). Власть короля была ограничена собраніемъ представителей отъ сословій или такъ называемыми генеральными штатами (Generalstaaten), которые состояли изъ 110 членовъ, по 55 человѣкъ отъ бельгійцевъ и голландцевъ. Тотчасъ послѣ обнародованія конституціи возникли споры между сѣвернымъ и южнымъ населеніемъ. Бельгійцы были недовольны постановленіями конституціи, потому что голландская нація, вдвое меньшая по количеству населенія, имѣла одинаковое съ ними число представителей въ народномъ собраніи; они доказывали, что число бельгійскихъ представителей на генеральныхъ штатахъ должно быть вдвое больше противъ голландскихъ. Король Вильгельмъ I не могъ согласиться на требованіе южнаго населенія, чтобы не породить перевѣса одной націи надъ другою и чтобы не нарушить того равенства, которымъ обусловлено присоединеніе Бельгіи. Несогласіе между національностями усилилось еще болѣе, когда приступили къ рѣшенію вопроса, какой языкъ долженъ сдѣлаться языкомъ правительственнымъ? Вопросъ о господствующемъ языкѣ былъ вопросомъ не литературнымъ, но политическимъ, такъ какъ имъ опредѣлялось то національное направленіе, которое приметъ соединенное государство. Принять языкъ французскій за правительственный было крайне неудобно, потому что это языкъ чужеземный; а потому король указывалъ на языкъ голландскій, какъ на языкъ самостоятельный, и требовалъ, чтобы онъ былъ введенъ въ употребленіе на совѣщаніяхъ генеральныхъ штатовъ, въ судахъ и во всей правительственной перепискѣ. Но когда бельгійскіе представители отказались совѣщаться на этомъ языкѣ и попрежнему употребляли языкъ французскій, король издалъ въ 1823 году указъ, который

предписывалъ, чтобы всѣ лица, желающія занимать общественныя и государственныя должности, черезъ пять лѣтъ умѣли свободно изъясняться и писать по-голландски и чтобъ языкъ этотъ былъ введенъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Бельгіи. Это постановленіе произвело среди южнаго населенія сильное неудовольствіе, которое еще болѣе возрасло вслѣдствіе мѣры, предложенной королемъ, относительно образованія духовенства. Такъ какъ большинство бельгійскаго духовенства оканчивало свое воспитаніе во французскихъ коллегіяхъ, находившихся въ полномъ вѣдѣніи іезуитовъ, то король, ожидавшій мало добраго отъ іезуитскаго направленія, приказалъ учредить въ Лувенѣ высшее духовное училище, подчиненное правительственному надзору; кто не кончилъ курсъ въ этомъ училищѣ, тотъ не могъ получить духовнаго мѣста въ соединенномъ королевствѣ.

Клерикальная партія бельгійскаго (католическаго) духовенства, недовольная такими распоряженіями короля, соединилась съ партіею либераловъ, которая выражала неудовольствіе свѣтскихъ сословій; онѣ, дѣйствуя сообща, составили оппозицію и употребляли всѣ усилія, чтобы возбудить ненависть къ правительству Вильгельма I. Пользуясь свободою слова и печати, онѣ говорили въ собраніи генеральныхъ штатовъ и писали такъ рѣзко, что король приказалъ арестовать нѣкоторыхъ членовъ оппозиціи, а одного изъ главныхъ дѣятелей, де-Поттера, удалилъ въ изгнаніе. Живя въ Парижѣ во время іюльскихъ событій, Поттеръ своею перепискою съ оппозиціею возбуждалъ умы бельгійцевъ, подстрекая ихъ на смѣлыя требованія и указывая имъ на примѣръ французовъ. Онъ писалъ и Вильгельму I, совѣтуя ему, для предупрежденія революціи, согласиться на требованія бельгійцевъ. Но король не придавалъ его совѣтамъ никакого значенія, тѣмъ болѣе, что цѣлый мѣсяцъ со времени іюльской революціи прошелъ безъ всякаго нарушенія спокойствія. Вильгельмъ I надѣялся, что іюльскія событія пройдутъ безслѣдно для его королевства, и не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности. Но, по пріѣздѣ въ столицу Бельгіи, онъ убѣдился, что спокойствіе ея не болѣе, какъ кажущееся, и что умы столичнаго населенія находятся въ броженіи вслѣдствіе смутныхъ слуховъ о готовящемся возстаніи; здѣсь онъ узналъ, что члены оппозиціи: Гендебіенъ (правая рука де-Поттера), Ванъ-де-Вейеръ и др., составили уже планъ отпаденія Бельгіи и присоединенія ея къ Франціи, о чемъ отправили уже туда депутацію къ Луи-Филиппу, и что одинъ богатый бельгійскій фабрикантъ Шавье, располагавшій огромнымъ числомъ рабочихъ, назначенъ проводникомъ бельгійской революціи, которая должна вспыхнуть въ Брюсселѣ въ

день рожденія короля. Заговорщики не скрывали своихъ намѣреній и дѣйствовали вполнѣ открыто: на стѣнахъ домовъ приклеены были прокламаціи, въ которыхъ объявлялось: „въ понедѣльникъ—фейерверкъ, во вторникъ — иллюминація, въ среду — революція“.

Первый революціонный взрывъ произошелъ вечеромъ $^{12}/_{24}$-го августа послѣ представленія оперы Фенелла, содержаніе которой составляетъ возстаніе Мазаніеллы въ Неаполѣ. По окончаніи спектакля, впродолженіи котораго массы народа собирались на театральной и монетной площадяхъ, толпа съ крикомъ бросилась на домъ редактора одной изъ правительственныхъ газетъ, разбила типографскіе станки, затѣмъ направилась къ зданіямъ директора полиціи и министра юстиціи ванъ-Маанена и зажгла ихъ. На другой день, утромъ, были разграблены оружейные магазины, и вооруженная толпа въ 1200 человѣкъ быстро разсѣялась по всему городу. Между тѣмъ зачинщики произведенныхъ безпорядковъ собрали совѣтъ изъ самыхъ вліятельныхъ гражданъ, составили адресъ и отправили къ королю депутацію, которая просила удаленія ванъ-Маанена и нѣкоторыхъ другихъ министровъ, „неумѣвшихъ, по ихъ словамъ, удовлетворить народнымъ потребностямъ“.

Получивъ первыя извѣстія о брюссельскихъ волненіяхъ, король поспѣшно собралъ министровъ на совѣщаніе, на которомъ положено было наказать самымъ строгимъ образомъ виновниковъ возстанія; но старшій сынъ короля, принцъ Оранскій, совѣтовалъ отцу сдѣлать нѣкоторыя уступки бельгійцамъ, чтобы мѣстное возстаніе не превратилось въ междоусобную войну. Король согласился отправить его самого съ мирнымъ посланіемъ къ бельгійцамъ, но только съ тѣмъ, чтобы младшій братъ его, принцъ Фридрихъ, сопровождалъ его съ войскомъ, которое предположено было сосредоточить у Антверпена. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что принцы прибыли въ Антверпенъ съ шестью пароходами, наполненными войскомъ, населеніе Брюсселя вновь пришло въ негодованіе: на улицахъ во всеуслышаніе раздавались призывы ко всеобщему вооруженію и быстро началась постройка баррикадъ; мостовая была разрушена; въ нѣкоторыхъ домахъ размѣщались метательныя орудія. Къ полуночи, около 15 баррикадъ запирали уже главныя улицы и входъ въ городскія ворота. Такія приготовленія къ междоусобной войнѣ сдѣлали то, что принцъ согласился на предложеніе явившихся къ нему депутатовъ, лично, безъ сопровожденія войска, явиться въ Брюсселѣ. Встрѣча была крайне непривѣтливая: толпа, вооруженная чѣмъ попало, съ брабантскими кокардами (вмѣсто голландскихъ), окружила его лошадь и съ неистовствомъ кри-

чала: „долой ванъ-Маанена, да здравствуетъ свобода". Но принцъ, при всѣхъ этихъ сценахъ, сохранилъ полное присутствіе духа и, чтобы успокоить возстаніе, обѣщалъ не вводить войска въ городъ и выразилъ желаніе, чтобы назначены были выборные отъ народа, которымъ бы поручено было пріискать средства къ соглашенію между правительствомъ и гражданами. Этою мѣрою принцу дѣйствительно удалось на нѣсколько дней успокоить бельгійцевъ. Выборные, въ числѣ которыхъ находился и Гендебіенъ, совѣтовали принцу прекратить сношеніе съ голландскимъ правительствомъ и встать во главѣ возстанія въ Бельгіи, которая со временемъ, быть можетъ, предложитъ ему тронъ. Но принцъ отъ такого предложенія отказался, говоря: „потомство не будетъ вправѣ сказать, что принцъ Нассауской линіи сорвалъ корону съ головы своего отца"; но при этомъ онъ далъ обѣщаніе ходатайствовать передъ королемъ объ отдѣленіи южныхъ провинцій отъ сѣверныхъ безъ перемѣны царствующей династіи.

Дѣйствительно, прибывъ въ Гаагу, принцъ сдержалъ данное слово и энергически дѣйствовалъ передъ королемъ въ пользу бельгійцевъ. Но король рѣшительно отказалъ, объявивъ, что онъ надѣется на помощь европейскихъ правительствъ, которыя не допустятъ шайкѣ бунтовщиковъ разрушить созданный на Вѣнскомъ конгрессѣ нидерландскій союзъ. Однако онъ долженъ былъ разочароваться: Англія первая отказала въ помощи. Между тѣмъ волненіе изъ Брюсселя перешло въ ближайшіе города, а отсюда распространилось и по всѣмъ южнымъ провинціямъ: всюду образовались отряды мятежниковъ, которые поднимали населеніе противъ союза съ Голландіею. Между всѣми этими отрядами распространились слухи, что Франція сочувствуетъ имъ. Самое сильное волненіе и безпорядки были въ Брюсселѣ въ сентябрѣ; здѣсь въ эти дни происходили ожесточенныя схватки королевскихъ войскъ съ вооруженными толпами народа, которыми предводительствовалъ бывшій офицеръ испанской службы Галленъ [1]) и французскій генералъ Меллине. Бой продолжался три дня сряду; королевскія войска потерпѣли страшный уронъ и должны были отступить по дорогѣ къ Антверпену. Эти побѣды возставшихъ рѣшили дѣло въ пользу революціи.

---

[1]) Ванъ-Галленъ служилъ въ испанскомъ войскѣ при Іосифѣ Бонапарте; при возвращеніи же Фердинанда VII попалъ въ тюрьму инквизиціи, откуда ему удалось бѣжать съ помощью дочери привратника. Изъ Испаніи онъ пробрался въ Бельгію, гдѣ и участвовалъ во всѣхъ событіяхъ революціи; затѣмъ, онъ прибылъ въ Россію и поступилъ на военную службу на Кавказъ, подъ начальство Ермолова. Въ Россіи онъ пробылъ однако не долго, такъ какъ скоро былъ препровожденъ съ жандармами за турецкую границу. Въ 40-хъ годахъ онъ напечаталъ въ Лондонѣ свои записки, переведенныя нынѣ на русскій языкъ и помѣщенныя въ майской книжкѣ 1884 г. въ „Историч. Вѣстникѣ".

Предводители движенія образовали „временное правительство“ подъ предсѣдательствомъ барона Гоогварта, къ которому присоединились всѣ замѣчательныя личности столицы и генеральныхъ штатовъ. Оно объявило отдѣленіе Бельгіи отъ Нидерландскаго королевства и провозгласило ее независимымъ государствомъ; особой коммиссіи, составленной изъ нѣкоторыхъ членовъ временнаго правительства, поручалось озаботиться составленіемъ конституціи и созваніемъ національнаго конгресса для обсужденія этой конституціи. Всѣ бельгійскіе города, за исключеніемъ Антверпена и Гента, послѣдовали примѣру столицы.

При извѣстіи о такихъ событіяхъ, король обнародовалъ воззваніе къ голландцамъ, въ которомъ, во имя отечества и вѣры, призывалъ къ оружію жителей сѣверныхъ провинцій; отправилъ посольство въ Англію, чтобы еще разъ просить ее о помощи и опять назначилъ министромъ ванъ-Маанена, а въ заключеніе своихъ распоряженій поручилъ генералу Шассе полную военную власть въ Антверпенѣ. Занявъ Антверпенскую крѣпость войскомъ, Шассе подвергъ городъ бомбардированію и истребилъ много магазиновъ и товарныхъ складовъ.

10-го ноября 1831 года открылся *Бельгійскій національный конгрессъ* подъ предсѣдательствомъ де-Поттера: онъ провозгласилъ независимость Бельгіи и устраненіе Оранскаго дома отъ бельгійскаго престола. Около этого же времени, открыла свои совѣщанія и *Лондонская конференція*, составленная изъ уполномоченныхъ отъ пяти великихъ державъ, душею которой былъ князь Талейранъ, представитель іюльскаго правительства [1]). Великія державы не препятствовали независимости Бельгіи, несмотря на то, что это противорѣчило Вѣнскимъ трактатамъ 1815 года; главная ихъ забота состояла въ томъ, чтобы не допустить ни соединенія Бельгіи съ Франціей, чего хотѣла одна половина національнаго конгресса, ни образованія бельгійской республики, къ чему стремились нѣкоторые члены конгресса. Такъ какъ большинство представителей желало конституціонной монархіи, то де-Поттеръ, работавшій во имя республиканской идеи, сложилъ съ себя званіе предсѣдателя конгресса и удалился въ Парижъ. Мѣсто его заступилъ Сюрле-де-Шокье, богатый землевладѣлецъ, сторонникъ конституціонной формы правленія. Подъ его вліяніемъ, національный конгрессъ согласился съ протоколомъ Лондонской конференціи и рѣшилъ образовать изъ Бельгіи *независимую конституціонную монархію*, съ сохраненіемъ

---

[1]) Вотъ имена прочихъ уполномоченныхъ отъ великихъ державъ на Лондонской конференціи: отъ Россіи — графъ Матушевичъ, отъ Пруссіи—графъ Бюловъ, отъ Австріи—князь Эстергази, отъ Англіи—графъ Эбердинъ.

отношеній Люксембурга къ Германскому Союзу. Предложенное конференціею перемиріе было принято. Послѣ этого, Лондонская конференція протоколомъ *20-го декабря 1831 г.* признала *независимость Бельгіи.* Оставалось теперь рѣшить вопросъ — кто будетъ королемъ новаго государства? Кандидатами на бельгійскій престолъ были: герцогъ Августъ Лейхтенбергскій и герцогъ Немурскій (второй сынъ Луи-Филиппа); но оба они были отстранены: первый, какъ Наполеонидъ, казался неудобнымъ сосѣдомъ для короля Луи-Филиппа; а второй могъ содѣйствовать сліянію Бельгіи съ Франціею, и потому казался опаснымъ для политическаго равновѣсія. Поэтому, во избѣжаніе будущихъ недоразумѣній, рѣшено было: 1) провозгласить Шокье регентомъ до окончательнаго избранія короля, 2) отдѣлить Люксембургъ отъ Бельгіи и 3) обязать бельгійцевъ къ уплатѣ части голландскаго государственнаго долга. По этому поводу возникли новые споры. Только въ угоду Англіи бельгійцы согласились признать королемъ своимъ Леопольда, герцога Саксенъ-кобургъ-готскаго, которому до сихъ поръ мѣшалъ протестантизмъ. Съ этихъ поръ конференція сдѣлалась благосклоннѣе къ бельгійцамъ и протоколомъ 1832 года освободила Бельгію отъ уплаты государственнаго голландскаго долга, потребовавъ отъ голландцевъ очищенія Антверпена. Король Вильгельмъ не призналъ дѣйствительными статьи этого протокола; но Леопольдъ, несмотря на его протестъ, короновался въ Брюсселѣ и, при помощи Англіи и Франціи, надѣялся справиться съ голландскимъ войскомъ, которое, подъ предводительствомъ принца Оранскаго, снова вторгнулось въ Бельгію. Первыя столкновенія были не въ пользу бельгійцевъ; но, когда Франція выслала къ нимъ на помощь генерала Жерара съ 50 тысячнымъ войскомъ, а Англія отправила къ устью Шельды флотъ подъ начальствомъ адмирала Кодрингтона, дѣла приняли совершенно иной оборотъ. Успѣхи союзниковъ были остановлены перемиріемъ, которое предложилъ принцъ Оранскій. Конференція съ своей стороны сдѣлала также уступку: протоколомъ 15-го октября 1832 г. она рѣшила, что Бельгія должна отдать Голландіи половину Люксембурга и Лимбурга, какъ области Германскаго Союза, и принять на себя часть голландскаго долга; послѣ объявленнаго согласія Леопольда, конференція (15-го ноября) формально признала независимость Бельгіи и объявила ее *нейтральнымъ* государствомъ. Однако и теперь Вильгельмъ не признавалъ Бельгійскаго королевства и вопреки всѣмъ протоколамъ конференцій не сдавалъ Антверпена. Тогда французскія войска и англійскій флотъ начали осаду Антверпенской цитадели. Она продолжалась до 23-го декабря, когда крѣпость, превращенная въ развалины, не могла уже держаться

долѣе противъ непріятельскихъ силъ. Несмотря на это, семь лѣтъ еще тянулись переговоры за самостоятельность Бельгіи, и только въ 1839 году Вильгельмъ призналъ независимость Бельгійскаго королевства.

ГЛАВА XII.

Возстаніе поляковъ въ 1830 и 1831 годахъ.

Тайныя общества. — Походъ гр. Дибича. — Сраженіе при Гроховѣ. — Холера въ Москвѣ и Петербургѣ.—Сраженіе при Остроленкѣ. — Осада и взятіе Варшавы гр. Паскевичемъ.—Уничтоженіе польской конституціи.

Вліяніе Іюльской революціи и ея послѣдствія отразились не только на Бельгіи, но и въ Польшѣ. Въ ноябрѣ 1830 г. вспыхнуло въ Польшѣ возстаніе, съ цѣлью достигнуть политической независимости и самостоятельнаго существованія. 27-го августа 1831 года возмущеніе было подавлено. Польша за свою попытку заплатила потерею конституціи, замѣненной Органическимъ Статутомъ, точнѣе опредѣлившимъ отношенія Царства Польскаго къ Россіи.

Польша потеряла свою самостоятельность въ 1794 г., когда послѣдовалъ третій—окончательный раздѣлъ ея территорій между Россіею, Австріею и Пруссіею. Надежды на возстановленіе независимости возлагали поляки на Наполеона, за котораго они усердно сражались и съ помощью котораго успѣли дѣйствительно достигнуть нѣкоторой тѣни своихъ ожиданій. Въ 1807 г., при заключеніи Тильзитскаго мира, было положено начало возстановленію Польши; изъ земель, отнятыхъ отъ Пруссіи, было образовано *Варшавское герцогство* и подчинено верховной власти саксонскаго короля. Съ этихъ поръ благодарность поляковъ къ Наполеону была безпредѣльна; они считали его своимъ избавителемъ и съ полною увѣренностью ожидали отъ него осуществленія всѣхъ своихъ надеждъ. Наполеонъ съумѣлъ воспользоваться ихъ одушевленіемъ и поддерживалъ его новыми обѣщаніями и увеличеніемъ земель Варшавскаго герцогства. Такъ, въ 1809 году, по Шенбрюнскому миру, къ герцогству была присоединена большая часть Галиціи, отнятой отъ Австріи. Въ 1812 году поляки, воодушевляемые надеждою возстановить свое государство подъ покровительствомъ Наполеона, выставили армію въ 80 тысячъ и, соединившись съ французами, вступили въ предѣлы Россіи. Но надежды ихъ не осуществились: императоръ Александръ, по изгнаніи

враговъ изъ предѣловъ отечества, въ 1813 году перенесъ войну въ Германію; Варшавское герцогство было завоевано почти мимоходомъ. Всѣ народы Европы соединились въ одну коалицію, чтобы положить конецъ завоевательнымъ стремленіямъ Франціи: только одни поляки оставались постоянными союзниками Наполеона до конца кампаніи 1814 года. Право возмездія принадлежало теперь императору Александру, и онъ могъ жестоко наказать поляковъ за сочувствіе ихъ къ общему врагу монархической Европы. Но съ свойственнымъ ему великодушіемъ онъ даровалъ имъ амнистію, а для Варшавскаго герцогства назначилъ временное правительство, составленное частью изъ поляковъ, частью изъ русскихъ. „Какъ побѣдитель, я возстановлю Польшу, потому что это согласно съ моими личными желаніями и съ выгодами моего государства. Я знаю, что встрѣчу много затрудненій, но надѣюсь успѣть въ моемъ намѣреніи“, сказалъ императоръ въ Вильнѣ графу Огинскому и другимъ полякамъ и литовцамъ, явившимся просить пощады за союзъ съ Наполеономъ. На вѣнскомъ конгрессѣ первоначально проэктировали возвратить Польшу въ тотъ внѣшній видъ, который она имѣла до 1807 г., и, на основаніи прежнихъ трактатовъ, подѣлить ея владѣнія между Россіею, Австріею и Пруссіею. Однако, императоръ Александръ не соглашался съ этимъ проэктомъ и потребовалъ въ вознагражденіе Россіи, больше другихъ державъ содѣйствовавшей низложенію Наполеона, *всего* Варшавскаго герцогства; но опасенія за усиленіе Россіи и интриги, поднятыя въ конгрессѣ Меттернихомъ и Талейраномъ, интриги, едва не возбудившія общей европейской войны, сдѣлали Александра I уступчивѣе: онъ согласился отказаться въ пользу Австріи и Пруссіи отъ нѣкоторыхъ частей герцогства [1]). Никѣмъ непобуждаемый и никѣмъ необязываемый, Алекеандръ далъ Царству Польскому конституцію, построенную на либеральныхъ началахъ. Въ заключительномъ актѣ Вѣнскаго конгресса, гдѣ всѣ трактаты были соединены вмѣстѣ, сказано: „*Варшавское герцогство, за исключеніемъ нѣкоторыхъ областей и округовъ, присоединяется къ Россійской Имперіи. Оно будетъ безвозвратно соединено съ нею на вѣчное владѣніе его императорскаго величества и его наслѣдниковъ и преемниковъ. Его императорское величество оставляетъ за собою право предоставить этому государству, пользующемуся особой администраціей, такое очертаніе границъ и національныя установленія, которыя сочтетъ полезными и приличными* (*jugerait utile et convenable de leur accorder*).

[1]) Окончательное соглашеніе между государствами относительно Варшавскаго герцогства было подписано (24 статья) $^{11}/_{23}$-го февраля 1815 г.

Какъ только окончательно состоялась уступка Варшавскаго герцогства Россіи, императоръ назначилъ коммиссію изъ поляковъ для составленія конституціи. Подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго былъ составленъ проектъ конституціи; 12-го декабря 1815 года (день рожденія государя) конституція была уже обнародована. Новая конституція была во многомъ сходна съ французскою Хартіею Людовика XVIII; но она имѣла, при этомъ сходствѣ, многія преимущества по отношенію къ муниципальнымъ и провинціальнымъ учрежденіямъ. Въ конституціи обозначены власть монарха, двухъ палатъ, отвѣтственныхъ министровъ и независимыхъ судовъ. Сенатъ и палата депутатовъ раздѣляли съ монархомъ законодательную власть: члены сената, числомъ на половину менѣе второй палаты, состояли изъ епископовъ, воеводъ, кастеляновъ, назначаемыхъ пожизненно государемъ; вторая палата состояла изъ 77 представителей отъ помѣстнаго дворянства и 51 депутата отъ городовъ и общинъ (всего 128 человѣкъ). Депутаты должны быть не моложе 30 лѣтъ, сенаторы—35 лѣтъ: первые должны платить 100 польскихъ злотыхъ (около 15 р. серебромъ) прямыхъ податей; вторые — 2000 злотыхъ. Избирателемъ могъ быть каждый собственникъ, достигшій 21 года. Сеймъ долженъ быть созываемъ каждые два года на четыре недѣли, для обсужденія предлагаемыхъ правительствомъ законопроектовъ. Исполнительная власть находилась въ рукахъ царя и пяти отвѣтственныхъ министровъ; министры составляли, подъ предсѣдательствомъ намѣстника царства, совѣтъ управленія, а вмѣстѣ съ государственными совѣтниками и государственными секретарями—общее собраніе Государственнаго Совѣта, въ которомъ должны были составляться проекты законовъ. Во главѣ управленія воеводствъ былъ совѣтъ воеводъ; въ немъ засѣдали члены отъ дворянства и отъ городскаго сословія. Сверхъ того, города имѣли, по собственному избранію, особое муниципальное управленіе, общины—старшинъ, помѣстное дворянство—своихъ маршаловъ (предводителей). Замѣтно, что при составленіи этой конституціи имѣлось въ виду—согласить старинныя учрежденія Польши и конституцію 3-го мая (1791 г.) съ новѣйшими понятіями о конституціонномъ правленіи вообще.

Съ началомъ русскаго конституціоннаго господства въ Польшѣ, въ ней поднялось и внутреннее благосостояніе. „Никогда Польша не была такъ счастлива, говоритъ авторъ (полякъ) описанія польской революціи [1]), какъ во времена Александра I. Нужно только сравнить прошедшее съ настоящимъ, дабы убѣдиться въ справедливости сего.

---

[1]) Сочиненіе это напечатано въ 1830 г., въ Берлинѣ.

Для Наполеона Варшавское герцогство было военнымъ депо, изъ котораго онъ набиралъ солдатъ для своихъ непрерывныхъ походовъ; торговля, промышленность, благосостояніе гражданъ не процвѣтали въ то время. Польша была нѣчто въ родѣ форпоста Франціи на сѣверѣ Европы. Походъ Наполеона въ Россію окончательно довершилъ истощеніе герцогства и отнялъ у него послѣдніе жизненные соки, уронивъ финансы и подорвавъ кредитъ общественный и частный". Другіе польскіе писатели (напр. Подчашинскій въ Revue des deux mondes 1832 года, № IV, стр. 139) такими словами изображаютъ внутреннее состояніе Польши подъ скипетромъ русскаго государя: „Черезъ пятнадцать лѣтъ, Польша была хорошо организованною промышленною страною, чего не было въ прежнее время. Отечественное законно-учрежденное правительство, во главѣ котораго были мѣстные уроженцы, заботилось о благосостояніи страны и о развитіи всѣхъ сословій общества. Кредитъ былъ пробужденъ и учрежденіе банковъ даровало промышленности новую жизнь. Города Польши соревновали съ германскими въ промышленной дѣятельности; войска и чиновники получали обезпечивающее ихъ содержаніе; бѣднымъ людямъ умѣли доставить пріютъ и помощь. Однимъ словомъ, Польша была счастлива во всѣхъ отношеніяхъ". Чтобы предотвратить подозрѣніе въ пристрастіи этихъ отзывовъ польскихъ писателей о благосостояніи ихъ родины подъ властью Россіи, можно привести слѣдующія статистическія данныя: въ 1788 г. доходы Польши заключались въ 80 милліоновъ злотыхъ (11 милліон. рублей), а съ 1816 года они достигали болѣе, чѣмъ до 100 мил. злотыхъ (15 мил. руб.), несмотря на то, что Царство Польское въ 1816 г. составляло едва пятую часть тогдашняго пространства; народонаселеніе царства въ 1815 г. состояло изъ $2^1/_2$ милліоновъ жителей, въ 1830 г.—4 мил. Правительство русское не ограничило своихъ заботъ о полякахъ только поднятіемъ матеріальнаго благосостоянія, оно обратило вниманіе также на умственные и нравственные интересы народа: въ Варшавѣ возникъ университетъ, профессора котораго могли соперничать съ профессорами университетовъ заграничныхъ; основаны были двѣ военныя академіи въ Варшавѣ и Калишѣ; правительство русское, кромѣ того, давало денежныя вспомоществованія для заведенія частныхъ пансіоновъ; въ Маримонтѣ была основана школа земледѣлія и сельскаго хозяйства; въ Варшавѣ учрежденъ женскій институтъ. Науки и искусства развились съ такою силою, что безъ преувеличенія можно сказать, что никогда Польша не имѣла столькихъ ученыхъ и писателей по различнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній, какъ подъ

властью Россіи. По словамъ Смита [1]), „Польша, продолжая идти по этому пути, скоро забыла бы двѣсти лѣтъ своей анархіи и стала бы на ряду съ образованнѣйшими государствами Европы, но вспыхнувшая революція быстро уничтожила всѣ расцвѣтшіе посѣвы и на много лѣтъ отбросила Польшу назадъ".

Поляки не умѣли оцѣнить выгодъ, дарованныхъ имъ конституціею и поднятіемъ ихъ внутренняго благосостоянія на высшую степень процвѣтанія. Поляки недовольны были тѣмъ, что получили и требовали еще бо́льшаго: они хотѣли, чтобы въ предѣлы царства вошла Бѣлоруссія, Литва, Волынь и Подолія. Поляки старались выставить дѣло такъ, что будто бы императоръ былъ вынужденъ и обязанъ Вѣнскимъ конгрессомъ возстановить Польшу и дать ей особенную конституцію, но, давши разъ конституцію, онъ постановилъ себѣ тайною задачею никогда не выполнять ее. Ошибочность мнѣнія недовольныхъ поляковъ видна уже изъ того, что еще въ 1813 г., слѣдовательно за 2 года до конгресса, императоръ имѣлъ намѣреніе дать Польшѣ либеральныя учрежденія, чтобы успокоить ее; въ 1815 г. онъ далъ имъ конституцію въ *видѣ опыта*, что̀ самъ неоднократно и повторялъ полякамъ.

Вскорѣ послѣ обнародованія конституціи состоялось назначеніе намѣстника [2]) и министровъ, которые (числомъ шесть) образовали, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, Совѣтъ Управленія Царства. Какъ сочленъ къ нимъ былъ назначенъ тайный совѣтникъ Новосильцевъ съ титуломъ уполномоченнаго императорскаго коммисара; онъ долженъ былъ служить представителемъ русскаго правительства при взаимномъ столкновеніи интересовъ царства и имперіи; великій князь Константинъ Павловичъ не принималъ сначала никакого участія въ управленіи царствомъ, но только стоялъ во главѣ польской арміи. Въ первые два года не возникало никакихъ жалобъ, не слышно было ни о какихъ безпорядкахъ. Въ маѣ 1818 г., императоръ Александръ лично открылъ первый польскій сеймъ рѣчью, которая заканчивалась слѣдующими словами: „докажите теперь свѣту, что эти учрежденія не есть опасное обольщеніе, что, будучи примѣнены къ дѣлу съ чистосердечіемъ и хорошимъ намѣреніемъ, они могутъ согласоваться съ порядкомъ и послужить основаніемъ къ истинному благоденствію народа". Но сеймовые депутаты не оправдали ожиданій императора и въ своихъ адресахъ, представленныхъ ими Государственному Совѣту, прямо и рѣзко порицали правительство и министровъ. Полякамъ хотѣлось возвра-

[1]) Исторія Польскаго возстанія. Т. I, стр. 70.
[2]) Первымъ намѣстникомъ былъ генералъ Заіончекъ.

тить времена Рѣчи Посполитой, когда вся власть государственная находилась въ рукахъ сейма, и когда сеймъ имѣлъ право контроля надъ государемъ и министрами. Новый сеймъ, созванный въ 1820 г., дѣйствовалъ явно въ духѣ оппозиціи: онъ отвергъ проектъ уголовнаго судопроизводства, единственно потому, что въ немъ не былъ допущенъ судъ присяжныхъ. Этотъ сеймъ окончательно разрушилъ хорошія отношенія между государемъ и его польскими подданными. Съ этихъ поръ тайныя общества и заговоры сдѣлались многочисленны. Съ каждымъ днемъ открывались новые признаки вражды и революціонныхъ приготовленій. Правительство усилило мѣры предосторожности; а революціонеры, считая подобныя мѣры за униженіе и преслѣдованія, раздражались еще болѣе и усерднѣе вели свою работу. Только черезъ пять лѣтъ послѣ 2-го сейма былъ собранъ третій сеймъ (1825), замедлившійся по поводу несогласій Россіи съ Турціею. Предварительно изданъ былъ „дополнительный актъ", по которому уничтожалась публичность сеймовыхъ совѣщаній. Актъ этотъ возбудилъ противъ себя цѣлую бурю возгласовъ, распространившихся по всему свѣту, что Россія нарушаетъ польскую конституцію, что всѣ державы, подписавшія вѣнскій трактатъ, должны вступиться и отмстить за униженіе поляковъ. Но, благодаря энергической рѣчи императора, сеймъ кончился благополучно, безъ волненій, и всѣ предложенные проэкты законовъ были приняты.

Въ ноябрѣ 1825 г. императоръ Александръ I скончался. По законоположенію о порядкѣ престолонаслѣдія, послѣ отреченія Константина Павловича (см. гл. V), вступилъ на престолъ братъ его, Николай I. Военный мятежъ въ Петербургѣ, имѣвшій цѣлью измѣнить государственный порядокъ, былъ усмиренъ. Изъ признаній нѣкоторыхъ заговорщиковъ оказалось, что они поддерживали связь съ *тайными обществами въ Польшѣ*, имѣвшими своею цѣлью возстановленіе прежняго польскаго королевства.

Начало первыхъ патріотическихъ обществъ, стремившихся къ возстановленію Польши, относится къ эпохѣ раздѣловъ Польши. Послѣ окончательнаго прекращенія польской самостоятельности, эти патріотическія общества сдѣлались тайными обществами, въ которыхъ принимали участіе важныя и вліятельныя лица: кн. Адамъ Чарторыйскій [1]), Колонтай, Чацкій и нѣкоторыя другія личности.

---

[1]) Бывшій нѣкоторое время русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и потомъ кураторомъ (попечителемъ) Виленскаго университета. Князь Адамъ Чарторыйскій былъ сынъ того Адама Казиміра, который одновременно съ своимъ двоюроднымъ братомъ, Станиславомъ Понятовскимъ, домогался въ 1763 году престола польскаго.

Они думали возвратить самобытность Польшѣ посредствомъ особой системы воспитанія, которое должно было сообщить молодому поколѣнію не общую любовь къ ихъ новому отечеству, но любовь къ погибшему королевству. Они не думали остановиться на этомъ— они мечтали полонизировать весь западно-русскій край, т. е. заглушить въ немъ русскую національность. Чарторыйскій работалъ надъ такимъ воспитаніемъ въ сѣверныхъ областяхъ Западнаго края, а Чацкій—въ южныхъ, гдѣ, на собственныя средства, основалъ гимназію въ Кременцѣ (впослѣдствіи лицей) и 120 школъ на Волыни, Украйнѣ и Подоліи. Къ 1807 г., или ко времени основанія Варшавскаго герцогства, тайныя общества пришли въ упадокъ. Но съ 1814 и по 1830 годъ число ихъ значительно увеличилось; таковы были: общество *„настоящихъ поляковъ“*, имѣвшее цѣлью не только достиженіе самобытности національной, но и распространеніе республиканскихъ идей въ народѣ; общество *„вольныхъ поляковъ“*, сформировавшееся при Варшавскомъ университетѣ; оно издавало для возбужденія народа и въ особенности учащейся молодежи журналъ подъ заглавіемъ „Польская декада“; *„національное общество свободныхъ масоновъ“*; *„Друзья“*, *„Проминисты“* и др. Съ такою же цѣлью образовалась *„патріотическая партія“* въ Литвѣ. Во главѣ ея стоялъ профессоръ исторіи Виленскаго университета Іоахимъ Лелевель. Воспитанный въ идеяхъ Рѣчи Посполитой, онъ хотѣлъ развить таковыя же и въ своихъ слушателяхъ, воображеніе которыхъ онъ умѣлъ распалять своимъ краснорѣчивымъ словомъ, восхваляя давно прошедшія времена отчизны. Къ 1823 году всѣ эти отдѣльныя общества слились въ *общій патріотическій союзъ*, члены котораго разсѣяны были по всему пространству прежняго польскаго королевства.

Правительство было вынуждено прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ для противодѣйствія заговорщикамъ и въ 1822 г. учредило „особую коммисію для изслѣдованія происхожденія, распространенія и цѣли обществъ“. Коммисія скоро напала на слѣдъ и арестовала многихъ подозрительныхъ лицъ, которыя на слѣдствіи показали, что они имѣли намѣреніе низвергнуть существующій порядокъ вещей, ввести конституцію 3-го мая (1791 г.) и выжидали для исполненія своихъ замысловъ болѣе удобнаго времени, когда Россія будетъ занята войною съ Турціею. Государь поручилъ произнесеніе приговора польскому сенату, который оправдалъ виновныхъ, что, разумѣется, немало поощряло и дальнѣйшія дѣйствія тайныхъ обществъ. Таково было положеніе дѣлъ въ Польшѣ, когда Россія, въ 1828 году, начала войну съ Портою. Уснувшія надежды заговорщиковъ воскресли: ожидаемое время настало; и дѣйстви-

тельно, волненія сдѣлались сильнѣе, въ особенности между университетскою и военною молодежью, грезившею, подъ вліяніемъ стихотвореній поэта Нѣмцевича и историка Лелевеля, о древнемъ величіи и блескѣ Рѣчи Посполитой. Изъ молодыхъ офицеровъ и воспитанниковъ военныхъ школъ подпоручикъ Высоцкій успѣлъ сформировать тайное общество, которое, при всей своей ничтожности, раньше другихъ открыло начало возстанія.

Вечеромъ, 17-го ноября 1830 года, воспитанники военныхъ школъ и вышедшіе офицеры, подъ предводительствомъ Высоцкаго, бросились на Бельведеръ [1]), съ цѣлью умертвить великаго князя, завладѣть престоломъ Царства и обезоружить русскія войска. Дѣйствительно, имъ удалось умертвить близкихъ къ великому князю особъ и захватить арсеналъ; но самъ великій князь успѣлъ удалиться къ войску. Между тѣмъ, какъ вокругъ великаго князя стали собираться преданныя ему войска, въ городѣ начали происходить смятенія и неистовства: въ темнотѣ ночи, освѣщаемой пожарами, заговорщики сновали по улицамъ, призывали народъ къ оружію, указывая дорогу къ арсеналу и крича, что русскіе жгутъ городъ и хотятъ истребить всѣхъ поляковъ. Къ бѣгущимъ толпамъ народа приставали польскія части войска, несмотря на увѣщанія своихъ командировъ. Къ сожалѣнію, великій князь поддался коварному совѣту своего адъютанта графа Замойскаго, увѣрившаго его, что смятеніе на улицахъ произошло „отъ ошибочнаго мнѣнія народа и войска, будто русскіе напали на поляковъ и умерщвляли ихъ, и дабы укротить это смятеніе, лучше всего невмѣшательствомъ русскихъ доказать полякамъ неосновательность этой клеветы“. Великій князь дѣйствительно удержалъ преданныя ему войска отъ энергическихъ дѣйствій и выступилъ, по совѣту Замойскаго, въ деревню Вержбу; такимъ образомъ, столица окончательно перешла въ руки бунтовщиковъ, а на слѣдующій день возстаніе приняло огромные размѣры. Ночью, князь Любецкій (министръ финансовъ) собралъ членовъ Совѣта Управленія, въ который пригласилъ также постороннихъ вліятельныхъ лицъ и предложилъ имъ вступить въ мирные переговоры съ великимъ княземъ. Депутаты отъ Совѣта явились въ Вержбу и, послѣ разныхъ объясненій, потребовали включенія въ предѣлы Царства западно-русскихъ областей, когда-то принадлежавшихъ Польшѣ. Изумленный такимъ страннымъ требованіемъ, великій князь отвѣчалъ: „Я не уполномоченъ моимъ братомъ договариваться объ этомъ предметѣ“; затѣмъ онъ приказалъ объявить депутатамъ, что онъ отступаетъ и предостав-

---

[1]) Загородный дворецъ великаго князя Константина Павловича.

ляетъ самимъ полякамъ согласить свои недоразумѣнія. Русскія войска дѣйствительно вышли изъ польскихъ предѣловъ и тѣмъ развязали руки революціонерамъ; а у людей умѣренныхъ и преданныхъ русскимъ интересамъ отнята была такимъ распоряженіемъ послѣдняя энергія. Главнокомандующимъ надъ польскими возставшими войсками сдѣланъ былъ генералъ Хлопицкій, который какъ бы предчувствовалъ гибельный исходъ возстанія и много возлагалъ надеждъ на миролюбивые переговоры съ великимъ княземъ. Но „*Патріотическое Общество*", съ своимъ предсѣдателемъ Іоахимомъ Лелевелемъ, воспротивилось этимъ умѣреннымъ предложеніямъ главнокомандующаго, требовало войны съ Россіею и возсоединенія Литвы, Волыни и Подоліи съ Польшею. Оно дѣйствовало посредствомъ своей газеты „Патріотъ", раздаваемой безденежно народу и увѣрявшей своихъ читателей, что Россія находится въ затруднительномъ положеніи и что дѣло освобожденія родины должно вполнѣ удаться при готовности Франціи, Англіи и Австріи поддержать польскую независимость.

Такимъ образомъ, въ самомъ польскомъ лагерѣ и среди членовъ патріотическаго общества не было единодушнаго согласія: тамъ боролись двѣ партіи: аристократическая (умѣренная),—во главѣ которой стоялъ Адамъ Чарторыйскій,—желавшая сохранить связь съ Россіею и конституціонное устройство, и демократическая, требовавшая новаго республиканскаго устройства и возстановленія Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ. Вторая партія настаивала на необходимости улучшенія крестьянскаго быта; но аристократы не соглашались на такія пожертвованія. Разладъ между партіями много могъ бы пособить русскимъ войскамъ въ усмиреніи возстанія, если бы они не покинули Варшавы и вообще предѣловъ Польши; съ удаленіемъ русскихъ, досталась бунтовщикамъ и крѣпость Модлинъ [1]), заключавшая въ себѣ огромные хлѣбные запасы, которые дали революціонерамъ нѣкоторую возможность вести борьбу съ Россіею. Съ удаленіемъ русскихъ войскъ, тотчасъ былъ уничтоженъ Совѣтъ Управленія и образовано временное правительство. Генералъ Хлопицкій былъ провозглашенъ диктаторомъ; онъ, заодно съ умѣренными, не терялъ надежды добиться самостоятельности Польши не путемъ кровопролитной войны, но посредствомъ мирныхъ переговоровъ съ русскимъ правительствомъ, тогда какъ Лелевель и его сторонники (демократы) требовали распространенія революціи въ Литвѣ и Волыни и наступательнаго движенія къ предѣламъ Россіи.

---

[1]) Переименованная въ 1834 году въ крѣпость Ново-георгіевскъ.

Для переговоровъ съ императоромъ Николаемъ I отправились въ Петербургъ князь Любецкій и графъ Езерскій; также отправлены были агенты въ Англію и Францію, съ просьбою о посредничествѣ. Съ удаленіемъ этихъ двухъ важныхъ сторонниковъ Хлопицкаго, дѣло диктатора было проиграно; партія войны или демократическая взяла верхъ: Хлопицкій сложилъ съ себя диктатуру. Главнокомандующимъ былъ назначенъ князь Радзивилъ, человѣкъ мало способный на военномъ поприщѣ, но рѣшительный и смѣлый.

Между тѣмъ, депутація прибыла въ Петербургъ.

Императоръ только тогда дозволилъ посланнымъ явиться къ себѣ, когда они объявили, что пришли не какъ посланники незаконной власти, но какъ вѣрные его подданные. На просьбу депутатовъ о прощеніи государь отвѣчалъ, что поляки должны заслужить его возстановленіемъ законнаго порядка; „если же поляки дерзнутъ поднять оружіе на Россію и законнаго ихъ государя, то сами они и ихъ пушечные выстрѣлы ниспровергнутъ Польшу“. Въ этомъ же смыслѣ была написана и прокламація, въ которой государь обѣщалъ амнистію полякамъ, если они немедленно покорятся. Вернувшись въ Варшаву, Езерскій сообщилъ сейму о своемъ разговорѣ съ императоромъ и о результатахъ депутаціи. Затѣмъ начались приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ. Польскія войска были умножены вдвое присоединеніемъ пѣхотныхъ коссиньеровъ и верховыхъ краковъ. Но все-таки эти войска не могли сравниться съ силами сто-тысячной русской арміи, подъ начальствомъ графа Дибича Забалканскаго. Фельдмаршалъ, почти безпрепятственно, дошелъ до Вислы. Городское и особенно сельское населеніе съ радостью встрѣчало русскихъ: духовенство католическое и шляхта употребляли напрасныя усилія для возбужденія крестьянъ противъ русскихъ. Польскія войска ожидали Дибича близъ предмѣстья Праги въ укрѣпленной заранѣе позиціи. Здѣсь произошли вскорѣ, одно за другимъ, два сраженія: при Ваврѣ и Гроховѣ (февраль 1831 г.). Поляки были разбиты и отступили за Вислу къ Варшавѣ. Столица была объята ужасомъ: экипажи и телѣги вывозили богатства и драгоцѣнные предметы, такъ какъ русскія войска на слѣдующее утро готовились къ штурму; но отдано было приказаніе объ отдыхѣ, потому что оттепель, наступившая ночью, помѣшала переходу черезъ Вислу. Столица успокоилась; поляки ободрились, надѣясь подъ предводительствомъ новаго главнокомандующаго Скржинецкаго, выбраннаго на мѣсто Радзивила, поправить безуспѣшное начало задуманнаго дѣла. Скржинецкій началъ свою дѣятельность переговорами съ Дибичемъ, но когда послѣдній потребовалъ без-

условной покорности, переговоры прекратились и поляки стали готовиться къ новому бою. Польскій главнокомандующій думалъ протянуть время и воспользоваться невыгоднымъ положеніемъ русскихъ войскъ, расположенныхъ въ видѣ длиннаго кордона на берегу Вислы, и, напавъ на генерала Розена, разбилъ его, но не съумѣлъ воспользоваться своею побѣдою. Вообще, положеніе русскихъ войскъ въ началѣ похода было не безопасно: на сѣверѣ волновалась Литва, возбуждаемая революціоннымъ виленскимъ комитетомъ; шляхта подняла возстаніе, объявляя, что временное правительство распространяетъ свою власть на всѣ области, отнятыя русскими, т. е. на Курляндію, Эстляндію, Лифляндію, Смоленскъ, Черниговъ и Кіевъ. Но возстаніе Литвы не было значительно и опасно, потому что самая Вильна, центръ возстанія, была занята русскими войсками, послѣ пораженія арміи польской, присланной сюда подъ начальствомъ Гелгуда. Такъ же неудачны были и дѣйствія революціонеровъ на Волыни и въ Подоліи, гдѣ шляхта, побуждаемая тайными обществами и католическими ксендзами, поднялась на борьбу за свободу и съ восторгомъ встрѣтила присланнаго изъ Царства извѣстнаго польскаго генерала Дверницкаго. Но надежды революціонеровъ на сильное возстаніе въ этой мѣстности были совершенно обмануты: русскіе крестьяне не только не приставали къ мятежу, но выражали противъ него самое враждебное настроеніе. Притомъ, Дверницкому пришлось имѣть дѣло съ искуснымъ, опытнымъ русскимъ генераломъ Ридигеромъ, который скоро заставилъ его отступить къ границамъ Галиціи и скрыться въ австрійскихъ владѣніяхъ.

Польскій мятежъ потревожилъ Россію въ самое затруднительное, тяжелое время, когда въ ней свирѣпствовала холера. Первые признаки этой повальной болѣзни, родиной которой считаются низменности Индіи, обнаружились въ 1817 г. въ Астрахани. Похитивъ значительное число жертвъ, холера пока ограничилась низовьями Волги и далѣе не пошла. Черезъ 12 лѣтъ, она снова показалась на Оренбургской линіи и за Кавказомъ, на берегахъ р. Куры; отсюда появилась вторично въ Астрахани и быстро пошла по двумъ направленіямъ: съ одной стороны—вверхъ по Волгѣ до Ярославля, съ другой—по Тереку и Кубани, въ Новороссійскій край, Подолію и Бессарабію. Въ половинѣ сентября 1830 г. холера показалась въ Москвѣ и быстро распространилась по всему городу, несмотря на всѣ предупредительныя мѣры и предосторожности, сдѣланныя по распоряженію военнаго генералъ-губернатора князя Голицына. Ни 14-дневный срокъ въ карантинныхъ заставахъ, ни окуриванія проѣзжающихъ и почтовой корреспонденціи,

и другія распоряженія медицинскаго совѣта—не могли предупредить появленія эпидеміи въ Москвѣ. Невыразимъ былъ ужасъ народа, когда холера охватила всѣ кварталы города и безъ пощады истребляла и слабыя, и сильныя натуры. Въ Москвѣ ожидали страшныхъ послѣдствій; жители заперлись въ домахъ и съ ужасомъ ожидали будущаго; многіе выѣхали изъ города. При первомъ извѣстіи о холерѣ, государь императоръ писалъ генералъ-губернатору: „Увѣдомляйте меня эстафетою о ходѣ болѣзни. Отъ вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой отъѣздъ. Я пріѣду дѣлить съ вами опасности и труды". Каково было удивленіе и радость москвичей, когда вслѣдъ за рескриптомъ, распространился слухъ по столицѣ, что „царь въ Москвѣ!" Дѣйствительно, рано утромъ 29-го сентября, государь прибылъ прямо къ Иверскимъ воротамъ и приложился къ иконѣ Божіей Матери; отсюда, окруженный безчисленною толпою и криками: „ты нашъ отецъ, мы знали, что ты къ намъ будешь", императоръ отправился въ Успенскій соборъ, чтобы вмѣстѣ съ народомъ помолиться Всевышнему о спасеніи подданныхъ. При входѣ въ храмъ, митрополитъ Филаретъ [1]) встрѣтилъ его такими словами: „со крестомъ срѣтаемъ тебя, государь, да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь". Недѣльное пребываніе Государя въ Москвѣ имѣло благодѣтельныя послѣдствія: унылый, упавшій духъ жителей ободрился; во всѣхъ сословіяхъ отчаяніе заступило мѣсто живѣйшему соревнованію на помощь страждущимъ собратіямъ; въ короткій срокъ возникли больницы для зараженныхъ и богадѣльни для призрѣнія бѣдняковъ. Успокоивъ своимъ присутствіемъ Москву, государь отправился въ Петербургъ, выдержавъ въ тверскомъ карантинѣ установленный срокъ, чтобы не занести заразы въ сѣверный край Россіи. (Въ Москвѣ погибла $^1/_{60}$ населенія).

Несмотря на охранительные карантины и другія правительственныя распоряженія, эпидемія проникла и въ Петербургъ. 14-го іюня обнаружились первые признаки холеры на соймѣ (судно), прибывшей изъ Вытегры. Въ двѣ недѣли зараза до того распространилась, что умирало ежедневно отъ 400 до 500 человѣкъ. Не понимая ни происхожденія, ни свойствъ, ни причинъ болѣзни, простой народъ,—подстрекаемый, быть можетъ, какими-то людьми, распускавшими нелѣпые слухи, что польскіе мятежники и доктора сыплютъ ядъ въ хлѣбъ и воду,—не хотѣлъ принимать указанныхъ мѣръ предосторожности и, собираясь толпами на улицахъ и площадяхъ, останавливалъ прохожихъ, обыскивалъ ихъ, врывался въ больницы, умерщвлялъ тамъ докторовъ и освобождалъ больныхъ, гдѣ,

[1]) Скончался 19-го ноября 1867 г.

какъ казалось толпѣ, ихъ только мучатъ. Со всѣхъ концовъ города стекался растерявшійся народъ на Сѣнную площадь, Большую Садовую и въ Ямскую. Извѣщенный объ этомъ, государь прибылъ изъ Петергофа утромъ 23-го іюня и въ дорожномъ экипажѣ, сопутствуемый кн. Меньшиковымъ, явился на Сѣнной площади, покрытой нѣсколькими тысячами народа. Гнѣвно взглянулъ онъ на толпу и громкимъ голосомъ велѣлъ преклонить колѣна передъ церковью Спаса, чтобы вымолить себѣ спасеніе и прощеніе у Всевышняго. Народъ мгновенно какъ бы очнулся, прекратилъ буйство и мирно разошелся по домамъ къ своимъ работамъ. Такое же магическое дѣйствіе произвело появленіе императора въ Ямской и Каретной частяхъ: на другой день уже не было никакихъ слѣдовъ вчерашнихъ смятеній и безпорядковъ. Государь призвалъ къ себѣ городскаго голову и повелѣлъ немедленно устроить холерныя больницы на 100 кроватей, для чего приказалъ отпустить 130 т. руб. изъ государственнаго казначейства. Между тѣмъ холера начала ослабѣвать и къ концу августа совершенно прекратилась. Въ это же время получена была и радостная вѣсть о взятіи Варшавы графомъ Паскевичемъ.

Бѣгство Дверницкаго за австрійскую границу возбудило неудовольствіе среди поляковъ противъ главнокомандующаго, на котораго вообще громко жаловались „патріоты“ за медленность и робость въ дѣйствіяхъ. Чтобы возстановить репутацію, Скржинецкій бросился со всѣмъ своимъ войскомъ на гвардейскій корпусъ, расположенный между Бугомъ и Наревомъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, узнавъ о численномъ превосходствѣ двигающихся противъ него войскъ, заблаговременно отступилъ къ границамъ Имперіи и тѣмъ уклонился отъ неравнаго боя. При Остроленкѣ (близъ города Ломжи) настигъ Скржинецкаго графъ Дибичъ и принудилъ къ сраженію, въ которомъ поляки потерпѣли совершенное пораженіе. Отсюда рѣшено было двинуться къ Варшавѣ; но среди похода, графъ Дибичъ скончался отъ свирѣпствовавшей тогда холеры. На его мѣсто главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Паскевичъ. Прибывъ къ войску, онъ немедленно началъ приводить въ исполненіе планъ, которому слѣдовалъ и Дибичъ, и для успѣха котораго все было приготовлено начальникомъ штаба генераломъ Толемъ. Этотъ планъ состоялъ въ томъ, чтобы, перейдя Вислу и двинувшись всѣми силами къ Варшавѣ, осадить столицу и однимъ ударомъ положить конецъ возстанію и войнѣ. При Оссикѣ, недалеко отъ Прусской границы, совершился переходъ русскихъ войскъ на лѣвый берегъ Вислы, по наведенному мосту. Варшава въ это время находилась въ сильномъ смятеніи. У Скржинецкаго отняли

начальство надъ войсками и отдали его генералу Дембинскому, прославившемуся искуснымъ отступленіемъ изъ Литвы; но такъ какъ и онъ не оправдалъ ожиданій и не могъ воспрепятствовать переправѣ русскихъ войскъ, то народъ пришелъ въ ярость и произвелъ страшныя неистовства: думая, что виною неудачъ измѣна, вооруженная толпа бросилась въ темницы и умертвила тамъ до 30 человѣкъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ русскими (3-го августа). Временное правительство въ ужасѣ разсѣялось. Для прекращенія волненій, сеймъ назначилъ генералъ-губернаторомъ Варшавы Круковецкаго, который уже давно велъ интриги и ждалъ случая захватить власть въ свои руки. Конституціонный порядокъ былъ уничтоженъ и замѣненъ новымъ устройствомъ, на подобіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; президентомъ былъ провозглашенъ Круковецкій, а главнокомандующимъ—престарѣлый генералъ Малаховскій. По его плану рѣшено было раздѣлить войско на двѣ части: одну употребить на защиту Варшавы, а другую — отправить на правый берегъ Вислы, для наступательныхъ движеній противъ русскихъ.

Паскевичъ воспользовался этимъ раздѣленіемъ польскаго войска и 25-го августа осадилъ Варшаву. Передъ приступомъ испробованы были примирительныя средства; но поляки отвергли предложенія фельдмаршала. Въ первый же день, русскіе овладѣли предмѣстьемъ Волею и первою линіею укрѣпленій. На другой день, предводимые графомъ Толемъ, которому раненый фельдмаршалъ передалъ начальство, русскіе овладѣли и остальными укрѣпленіями, и Варшава сдалась на капитуляцію. Въ 7 часовъ утра 27-го авг., русскія войска вступили въ городъ. Но войска польскія не хотѣли положить оружія и бѣжали за прусскую границу. 20-го октября императоръ Николай объявилъ амнистію, изъ которой исключались только зачинщики возстанія, участники въ убійствахъ 3-го августа, члены сейма, подавшіе голосъ за упраздненіе престола, и офицеры арміи, не хотѣвшіе положить оружія послѣ капитуляціи Варшавы.

Слѣдствіемъ Польскаго мятежа было уничтоженіе учредительной хартіи и замѣна ея органическимъ статутомъ, по которому устройство Царства Польскаго приравнивалось къ учрежденіямъ имперіи (1832). Польша потеряла право имѣть собственную армію; во главѣ управленія былъ поставленъ совѣтъ, состоявшій, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, изъ директоровъ коммиссіи, соотвѣтствующихъ министерствамъ имперіи; государственный сеймъ былъ окончательно уничтоженъ. Варшавскій и Виленскій университеты, а также и Кременецкій лицей, были закрыты, а на мѣсто ихъ, спустя два года, былъ основанъ университетъ св. Владиміра въ

Кіевѣ, въ который была отдана Виленская библіотека и музей [1]).

Во главѣ управленія Царства былъ поставленъ, какъ намѣстникъ, графъ Паскевичъ, возведенный въ достоинство князя Варшавскаго. Онъ возстановилъ спокойствіе въ Царствѣ и водворилъ внутренній порядокъ.

ГЛАВА XIII.

Внутренняя политика императора Николая I съ 1830 по 1848 годъ.

Сводъ Законовъ и Полное Собраніе законовъ.—Сперанскій.—Новыя постановленія о сословіяхъ. — Министерство государственныхъ имуществъ.—Народное Просвѣщеніе.—Инвентарныя положенія.—Финансы.—Графъ Канкринъ.

Задача внутренней политики и дѣятельности императора Николая I обозначилась въ его обѣтѣ: „жить единственно для любезнаго отечества, царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный, чтобы совершить все, что онъ желалъ для счастія Россіи“. Отсюда видно, что программою внутренней дѣятельности императора Николая было—продолжать то, чего не усиѣлъ совершить въ свое царствованіе Александръ I; отсюда и вытекаетъ охранительный характеръ внутренней политики Николая I. Дѣйствительно, много вопросовъ внутреннихъ, затронутыхъ въ предшествовавшее царствованіе, остались неразрѣшенными: отечественные законы не были приведены въ правильную систему, что много мѣшало безпристрастному суду и служило подспорьемъ судебному произволу; многое требовало лучшаго направленія; воспитаніе русскаго юношества невполнѣ соотвѣтствовало истинной пользѣ народа. Главною, существенною потребностью Россіи сдѣлалось органическое развитіе силъ ея изъ собственныхъ началъ и въ свойственныхъ ей формахъ образованія.

Императоръ Николай первое вниманіе обратилъ на состояніе нашего законодательства, которое находилось въ грустномъ положеніи. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изданное въ 1649 года и составленное съ необычайною поспѣшностію (въ два съ половиною мѣсяца), не могло удовлетворить потребностямъ общества и уже для своего времени казалось недостаточнымъ; дополненія были неизбѣжны и они появились во множествѣ добавленій, часто

[1]) 15 марта 1834 г.—день открытія университета Св. Владиміра.

несогласныхъ между собою и извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ „новоуказныхъ статей“. Недостатки Уложенія чувствовались далеко до императора Николая. Еще Петръ Великій учредилъ особую коммиссію изъ бояръ и думныхъ людей, для приведенія въ соглашеніе постановленій Уложенія съ новоуказными статьями и своими личными распоряженіями. Черезъ 14 лѣтъ работы коммиссія успѣла разсмотрѣть только три статьи. Недовольный такимъ медленнымъ ходомъ, Петръ закрылъ коммиссію и поручилъ это дѣло Сенату, повелѣвъ всѣ несогласныя съ Уложеніемъ новоуказныя статьи отмѣнить и замѣнить новыми. Но и при такомъ ограниченіи дѣлъ, работа шла безуспѣшно. Тогда Петръ оставилъ

Николай I.

мысль о составленіи свода отечественныхъ законовъ и вознамѣрился сочинить новое Уложеніе, при руководствѣ законовъ Шведскихъ. Всѣ девять преемниковъ его, сознавая необходимость въ новомъ Уложеніи, принимались за ту же работу и для лучшаго успѣха въ столь обширномъ и важномъ дѣлѣ не разъ приглашали выборныхъ отъ всего государства въ учреждаемыя „коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія“. Такъ, при Петрѣ II, приглашены были депутаты отъ дворянства; при Елизаветѣ Петровнѣ— отъ дворянства, духовенства и купечества; при Екатеринѣ II— отъ всѣхъ сословій, званій, отъ всѣхъ племенъ и народовъ, обитавшихъ въ Россіи. Правительство не щадило ничего для такого

важнаго предпріятія; но цѣль все-таки была не достигнута и черезъ 100 лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе чувствовалась необходимость въ новомъ Уложеніи; и чѣмъ болѣе развивалось русское общество, тѣмъ громче раздавались вопли противъ злоупотребленій, порождаемыхъ отсутствіемъ новаго Уложенія. Россія быстро измѣнилась въ условіяхъ общественныхъ, нравахъ и обычаяхъ со времени Петра I до Николая I; должны были, сообразно съ этимъ развитіемъ, измѣниться и наши законоположенія; между тѣмъ правительственныя узаконенія по дѣламъ гражданскимъ, суднымъ и уголовнымъ оставались тѣ же самыя. Случалось и такъ, что главное положеніе стараго закона отмѣнялось, а проистекавшія изъ него подробности сохраняли силу и становились въ явное противорѣчіе съ новымъ законоположеніемъ. Не только не было сборника законовъ, гдѣ бы судья или кто другой могъ справиться о существующемъ постановленіи, но не было даже и порядочнаго хронологическаго указателя. Немудрено, если въ рѣшеніи дѣлъ замѣчалась чрезвычайная медленность (на языкѣ нашихъ предковъ извѣстная подъ названіемъ „московской волокиты"); неудивительно, что въ разныхъ судахъ имперіи накопилось до 3 милліоновъ нерѣшенныхъ дѣлъ и 127 тысячъ подсудимыхъ находились въ темницахъ. Медленность рѣшеній происходила не только отъ недостатка Уложенія, но и отъ незнанія судьями законовъ, такъ какъ они хранились въ архивахъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ, и судья отчасти былъ поставленъ въ необходимость прибѣгать къ собственнымъ толкованіямъ или, что то же, къ произволу.

Съ восторгомъ встрѣтила Россія Высочайшій рескриптъ [1]) императора Николая, изданный спустя полтора мѣсяца послѣ восшествія на престолъ и объявлявшій о рѣшительномъ намѣреніи государя привести въ порядокъ отечественные уставы. „При первоначальномъ обозрѣніи разныхъ частей государственнаго управленія, обративъ особенное вниманіе на Уложеніе отечественныхъ законовъ, усмотрѣлъ я, что труды, съ давнихъ лѣтъ по сей части предпринятые, были многократно прерываемы и потому доселѣ не достигли своей цѣли. Желая сколь можно болѣе удостовѣрить успѣшное ихъ совершеніе, я призналъ нужнымъ принять ихъ въ непосредственное мое вѣдѣніе. Для сего приказалъ я учредить въ собственной моей канцеляріи особое для нихъ Отдѣленіе". Изъ послѣдней (10-й) коммиссіи было образовано Второе Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, для приведенія въ порядокъ

[1]) Князю Лопухину, предсѣдателю государственнаго совѣта (отъ 31-го марта 1826 г).

русскихъ законовъ. Взявъ на себя такую сложную задачу, императоръ избралъ себѣ въ сотрудники опытнаго государственнаго человѣка, хорошо знакомаго съ потребностями администраціи и законодательства—графа Сперанскаго.

Графъ М. М. Сперанскій былъ сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи. По окончаніи курса въ мѣстной семинаріи, онъ, какъ лучшій и способнѣйшій ученикъ, былъ отправленъ въ Петербургъ, въ Александро-Невскую семинарію, воспитанники которой, по выпускѣ, назначались учителями въ семинаріи провинціальныя. Сперанскій, какъ самый даровитый изъ учениковъ, былъ

БИБЛІОТЕКА КРУЖКОВОЙ ГИМНАЗІИ

Сперанскій.

оставленъ при Петербургской семинаріи, и ему разомъ были поручены двѣ каѳедры—математики и философіи. Въ то же время онъ получилъ частное мѣсто (домашняго секретаря) у кн. Куракина, бывшаго въ то время генералъ-прокуроромъ сената, который и уговорилъ его оставить духовно-учительскую службу и перевелъ его въ свою канцелярію. Такимъ образомъ, Сперанскій перешелъ на гражданскую службу и своими способностями и умѣньемъ докладывать дѣла скоро обратилъ на себя вниманіе. Блестящая карьера Сперанскаго началась собственно съ восшествія на престолъ импе-

ратора Александра I. Трощинскій, вліятельное лицо при особѣ Государя, начальникъ канцеляріи вновь учрежденнаго государственнаго совѣта, искалъ для составленія докладовъ искуснаго, опытнаго чиновника и съ этою цѣлью приблизилъ къ себѣ Сперанскаго, пріобрѣвшаго уже хорошую репутацію въ сенатѣ. Скоро Трощинскій былъ замѣненъ другими лицами, болѣе близкими къ государю по лѣтамъ и убѣжденіямъ, согласно преобразовательному характеру новаго царствованія. Изъ нихъ первое мѣсто занималъ графъ Кочубей [1]), сдѣланный министромъ одного изъ только-что учрежденныхъ министерствъ—именно внутреннихъ дѣлъ. Онъ пригласилъ Сперанскаго на службу въ свое вѣдомство и сдѣлалъ его директоромъ департамента. За болѣзнью Кобучея, Сперанскій (съ 1806 г.) часто докладывалъ дѣла государю, сблизился съ нимъ, скоро сдѣлался его любимцемъ и до 1812 года пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ. По порученію императора, Сперанскій (въ званіи статсъ-секретаря) составилъ планъ для новой системы государственныхъ учрежденій, планъ, основанный на учрежденіяхъ Наполеона I, отличавшихся простотою и стройностью правительственнаго механизма, и построенный на началахъ централизаціи и бюрократіи; между тѣмъ предшественники Сперанскаго (Кочубей, Новосильцевъ и др.), работавшіе надъ первоначальнымъ учрежденіемъ министерствъ, были поклонниками учрежденій англійскихъ. Эта наклонность къ подражанію французскимъ административнымъ порядкамъ и законамъ послужила впослѣдствіи поводомъ къ обвиненію Сперанскаго въ государственной измѣнѣ. По новому плану были преобразованы государственный совѣтъ и министерства (1810); преобразованіе сената хотя и было утверждено, но не приведено въ исполненіе, по случаю паденія Сперанскаго. Въ мартѣ 1812 г. Сперанскій былъ удаленъ изъ столицы и отправленъ въ Нижній-Новгородъ; а въ 1819 г. послѣдовало назначеніе его генералъ-губернаторомъ Сибири. Возвращенный въ Петербургъ, въ концѣ царствованія Александра I, Сперанскій не пользовался уже тѣмъ довѣріемъ государя, какъ прежде, и, вмѣстѣ съ многими прежними любимцами императора, былъ отодвинутъ на второй планъ графомъ Аракчеевымъ. Вторичная карьера графа Сперанскаго началась въ царствованіе Николая I, когда на его долю выпала честь принять руководящее участіе въ кодификаціи отечественныхъ законовъ.

Первымъ дѣломъ его было — начертать планъ самой работы. Познакомившись съ результатами занятій прежнихъ девяти ком-

[1]) Племянникъ графа Безбородки, завѣдывавшаго русскою дипломатіею при Екатеринѣ II и Павлѣ I, послѣ графа Н. И. Панина.

миссій, Сперанскій предложилъ государю на выборъ двѣ системы: или составить сводное уложеніе законовъ дѣйствующихъ и, по указаніямъ опыта, ихъ исправлять и дополнять, или прямо приступить къ составленію новаго уложенія, сообразнаго съ духомъ и потребностями времени. Государь предпочелъ первую систему и поручилъ Сперанскому заготовить матеріалы, т. е. собрать по возможности всѣ узаконенія, начиная съ Уложенія 1649 г. Такое порученіе, послѣ многихъ трудностей, было выполнено во 2-мъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, подъ личнымъ руководствомъ Сперанскаго, черезъ 4 года, и въ 1830 году издано было *Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи* (въ 45 томахъ), заключающее въ себѣ слишкомъ 30 тысячъ актовъ и обнимающее 176 лѣтъ, начиная съ Уложенія царя Алексѣя до кончины Александра I (1649—1825). Затѣмъ послѣдовало изданіе *Втораго Собранія* (за время 1825 г.), ежегодно дополняемое новыми узаконеніями [1]). При изданіи обоихъ Собраній, принятъ въ основаніе хронологическій порядокъ расположенія актовъ. Такимъ образомъ, наша юридическая наука получила возможность самымъ надежнымъ, достовѣрнымъ путемъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ нашего законодательства и за ходомъ нашего государственнаго развитія.

Столь же быстро, подъ дѣятельнымъ руководствомъ графа Сперанскаго, совершилось и другое предначертаніе, гораздо болѣе важное. Манифестъ 1833 года возвѣстилъ Россіи, что желанія всѣхъ государей русскихъ, начиная съ Петра I до Александра I, наконецъ, исполнены, что „всѣ законы, начиная отъ Уложенія 1649 г. до 1-го января 1832 г., сохранившіе донынѣ силу и дѣйствіе, бывъ разобраны по родамъ, сведены въ единообразный составъ, соединены въ одно цѣлое, распредѣлены въ книги по главнымъ предметамъ дѣлъ правительственныхъ и судебныхъ. Все, что состоялось послѣ 1-го января 1832 г., будетъ по порядку тѣхъ же книгъ и съ указаніемъ на ихъ статьи распредѣляемо въ ежегодномъ Приложеніи...“ Такимъ образомъ, Россія получила *Сводъ Законовъ*.

Сводъ Законовъ имѣетъ двоякое значеніе: общественное и научное. Онъ замѣнилъ прежній произволъ точными постановленіями: все, что имѣетъ силу закона, что обезпечиваетъ честь и собственность, все теперь доступно и можетъ быть извѣстно всѣмъ

---

[1]) 19 октября 1883 г., послѣдовало Высочайшее повелѣніе - довести *Второе Полное Собраніе Законовъ* до 2 марта 1881 года, т. е. до восшествія на престолъ нынѣ царствующаго Государя; а съ этого времени начать *Третье Полное Собраніе*.

и каждому. Изданіемъ Свода Законовъ положено и основаніе наукѣ русскаго права, такъ какъ только съ этого времени можно было начать систематическое изученіе законовъ и составить ясное воззрѣніе, какъ на исторію нашего законодательства, такъ и на основные его элементы. До изданія Свода Законовъ, профессорамъ и преподавателямъ приходилось—или ограничиваться несвязными выписками изъ законовъ, или вдаваться въ умозрѣнія западныхъ ученыхъ юристовъ.

Законодательныя работы Сперанскаго не ограничились Полнымъ Собраніемъ и Сводомъ. Ему порученъ былъ пересмотръ Свода съ исправленіемъ тѣхъ статей, въ которыхъ замѣчались недостатки и несоотвѣтствія развитію нашей нравственной и общественной жизни. Графъ Сперанскій, въ сотрудничествѣ съ тогдашнимъ министромъ юстиціи, Дашковымъ, представилъ государю два способа къ усовершенствованію законовъ—исправленіе отдѣльное и систематическое. Первый способъ состоитъ въ замѣнѣ неудобныхъ статей новыми, издавая каждый разъ особыя на то положенія; при второмъ способѣ—необходимо, обозрѣвъ всѣ постановленія Свода и Полнаго Собранія, составить общія начала и произвести исправленіе однимъ общимъ уложеніемъ. Государь призналъ второй способъ, состоящій въ прочномъ систематическомъ исправленіи, и указалъ на необходимость начать пересмотръ съ законовъ уголовныхъ. Но при самомъ началѣ этого важнаго труда графъ Сперанскій скончался, и это предпріятіе было окончено во II Отдѣленіи Собственной Канцеляріи, подъ главнымъ надзоромъ графа Дм. Ник. Блудова. Въ 1845 г. было утверждено государемъ „*Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ*“.

Кромѣ того, въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ были учреждены особые комитеты съ цѣлью пересмотра, исправленія и дополненія „Положеній, Наказовъ и Уставовъ“, по всѣмъ отраслямъ государственнаго благоустройства и благосостоянія, народной промышленности, образованія и сословныхъ правъ. Эти преобразованія и улучшенія составляютъ до 20 огромныхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ до 20,000 актовъ. Прослѣдить ихъ цѣликомъ въ историческомъ руководствѣ нѣтъ ни нужды, ни возможности; мы ограничимся указаніемъ только на нѣкоторыя.

По жалованной императрицею Екатериною II грамотѣ дворянству (1785), дворянство каждой губерніи имѣло свои „собранія“ для выбора должностныхъ лицъ (губернскаго и уѣздныхъ предводителей, предсѣдателей и засѣдателей судебныхъ палатъ, уѣздныхъ судей, начальниковъ земской полиціи или исправниковъ и др.). Каждый мѣстный дворянинъ пользовался на собраніяхъ правомъ

голоса Но съ теченіемъ времени, это право сдѣлалось источникомъ многихъ злоупотребленій и доставило богатымъ помѣщикамъ перевѣсъ надъ мелкопомѣстными владѣльцами: держа бѣднѣйшихъ дворянъ въ качествѣ кліентовъ, богатые, по своей волѣ, распоряжались ихъ голосами. Чтобы уничтожить въ дворянскихъ собраніяхъ преобладаніе богатыхъ, государь, манифестомъ 1831 года, ограничилъ на выборахъ право голоса извѣстною степенью имущества, т. е. правомъ голоса могъ уже пользоваться не всякій помѣщикъ, но только имѣющій 100 душъ крестьянъ или 3,000 десятинъ земли; исключеніе сдѣлано только для большихъ чиновъ. Вслѣдствіе быстраго размноженія дворянскаго сословія посредствомъ поступленія въ него служилыхъ людей, достигавшихъ извѣстнаго чина, императоръ ограничилъ въ 1845 г. право пріобрѣтенія потомственнаго дворянства: по новому положенію, потомственное дворянство давалось достигшему въ военной службѣ штабъ-офицерскаго чина, а въ гражданской—пятаго класса; происходившіе не изъ дворянъ оберъ-офицеры и гражданскіе чиновники съ IX до V класса составили сословіе „личныхъ дворянъ", которое не пользовалось правомъ владѣть крѣпостными людьми; а чиновники съ XIV до IX класса пользуются правами „почетныхъ гражданъ".

Въ 1837 году было учреждено новое *Министерство Государственныхъ Имуществъ*, сфера дѣйствій и обязанности котораго заключались въ управленіи государственными крестьянами, казенными лѣсами, землями и кочевыми инородцами; кромѣ того, вновь учрежденному министерству вмѣнялось въ обязанность заботиться объ улучшеніи быта крестьянства, сельской промышленности и земледѣлія. Государственные крестьяне каждой губерніи были раздѣлены на „округи", округи дѣлились на „волости" (числомъ до 6,000 душъ), а волости—на „сельскія общества". Въ послѣднее время кругъ дѣятельности этого министерства значительно расширился: въ 1873 г. въ вѣдѣніе его отдано управленіе горнымъ дѣломъ.

Что касается до крестьянъ помѣщичьихъ или крѣпостныхъ, то императоръ Николай, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, издалъ манифестъ, которымъ напоминалось крестьянамъ о неуклонномъ исполненіи установленнаго порядка. Этотъ манифестъ вызванъ былъ тѣми волненіями, которыя произошли среди крестьянъ, ожидавшихъ съ новымъ царствованіемъ перемѣнъ въ правахъ сельскаго населенія. Впослѣдствіи (въ 1842 г.) императоръ издалъ нѣсколько облегчительныхъ указовъ относительно крѣпостныхъ: запрещено было продавать крѣпостныхъ отдѣльно отъ ихъ семействъ; позволено помѣщикамъ отдавать земли въ пользованіе своимъ крестья-

намъ за условныя повинности, и такіе крестьяне названы „обязанными“; крѣпостнымъ позволено пріобрѣтать недвижимую собственность съ согласія ихъ помѣщиковъ.

Относительно народнаго просвѣщенія въ царствованіе Николая I было сдѣлано слѣдующее. Въ 1835 году изданъ былъ уставъ учебныхъ заведеній—высшихъ, среднихъ и низшихъ; жалованье профессоровъ и учителей было увеличено вдвое противъ прежняго. Для приготовленія профессоровъ въ высшія учебныя зведенія и учителей для среднихъ и низшихъ заведеній учреждены были два института: профессорскій [1]) и главный педагогическій. Кромѣ того, были основаны: университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ, военная академія (нынѣ — Николаевская Академія генеральнаго штаба), нѣсколько новыхъ кадетскихъ корпусовъ въ губерніяхъ, училище правовѣдѣнія, технологическій институтъ, институты для воспитанія дѣвицъ, многія спеціальныя училища по гражданскому и военному вѣдомству, сельскія школы, пріюты и пр. При министерствѣ народнаго просвѣщенія учреждена была „Археографическая Коммиссія“, дѣломъ которой было собираніе и изданіе матеріаловъ для изученія нашей отечественной старины и исторіи. Съ 1848 года были приняты особыя ограничительныя мѣры относительно народнаго образованія,—мѣры, вызванныя событіями февральской революціи и ея послѣдствій: число учащихся въ университетѣ было ограничено (до 300), отправленіе молодыхъ людей за границу пріостановлено, каѳедры философіи въ университетахъ были закрыты.

Прекращеніе Уніи въ западно-русскомъ краѣ составляетъ одно изъ важныхъ распоряженій императора Николая I: отмѣною Уніи значительно ослаблена католическая полонизація, поддерживаемая поляками съ цѣлью задавить въ этомъ краѣ русскую народность.

Въ 1569 г., на Люблинскомъ сеймѣ, былъ подписанъ представителями Польши и Литовскаго великаго княжества актъ окончательнаго соединенія этихъ государствъ въ одно—Рѣчь Посполитую. Вмѣстѣ съ Литвою въ составъ соединеннаго государства вошли и чисто русскія области, каковы Бѣлоруссія, Волынь, Подолія, Галиція, Полѣсье и др. Несмотря на то, что въ актѣ Люблинскаго соединенія было опредѣлительно сказано, что государства соединяются, какъ равное съ равнымъ, т. е. что одинаковыми правами религіозными, гражданскими и общественными будутъ пользоваться какъ обитатели княжества Литовскаго, такъ и

---

[1]) Профессорскаго института въ настоящее время нѣтъ; педагогическій институтъ, упраздненный въ царствованіе Александра II, возобновленъ въ нѣсколько иномъ видѣ, но съ тою же цѣлью въ 1867 году, подъ названіемъ Императорскаго Историко-Филологическаго Института.

королевства Польскаго,—однако скоро—при королѣ Сигизмундѣ III—рѣшенія сейма рѣзко стали отличать права католиковъ предъ православными, запрещали послѣднимъ строить православные храмы, не допускали православныхъ на сеймы и отмѣтили всѣхъ некатоликовъ общимъ названіемъ *диссидентовъ* (несогласныхъ). При такихъ явныхъ преслѣдованіяхъ, нѣсколько православныхъ духовныхъ лицъ (митрополитъ кіевскій Михаилъ Рагоза, епископъ луцкій Кириллъ Терлецкій, Игнатій Поцѣй и нѣкоторые другіе), изъ мірскихъ выгодъ и иныхъ разсчетовъ, въ концѣ XVI столѣтія, подчинились папѣ, и покровительствуемые королемъ Сигизмундомъ III, на соборѣ, составленномъ въ Брестѣ-Литовскѣ, провозгласили въ 1596 г. *Унію* (*соединеніе* церкви восточной съ западною подъ главенствомъ папы), т. е. отреклись отъ патріарховъ вселенскихъ и признали надъ собою верховную власть римскаго первосвященника, удержавъ, впрочемъ, догматы и обряды древняго православнаго закона. Православные, признавшіе постановленія Брестъ-Литовскаго собора, и назывались *уніатами*. Первое время число ихъ было крайне ограниченно, но, когда польское правительство поручило заботы по распространенію Уніи іезуитамъ и когда послѣдніе завели въ западномъ русскомъ краѣ свои коллегіи (школы) съ даровымъ воспитаніемъ, Унія сдѣлала большіе успѣхи, и почти все дворянство обратилось въ уніатовъ, а нѣкоторые окончательно оставили вѣру предковъ и перешли прямо въ католичество. Тѣ же явленія повторились и въ остальныхъ сословіяхъ: одна половина духовенства, городскаго сословія и сельскихъ обывателей удержалась въ православіи, а другая примкнула къ Уніи; каждая изъ нихъ имѣла своего митрополита, что̀ продолжалось до самой отмѣны Уніи. Католики, считая непослѣдовательнымъ останавливаться на полъ-дорогѣ, одинаково подвергали гоненіямъ и тѣхъ, и другихъ, и мало-по-малу достигали своей цѣли: православные увлекались въ Унію, а уніаты, въ угоду преслѣдователямъ, вводили католическіе обряды въ своемъ богослуженіи.

Таково было положеніе кореннаго русскаго населенія въ западно-русскихъ областяхъ до Екатерины II. Возвративъ отъ Польши по тремъ раздѣламъ древнія русскія области, императрица запретила обращеніе православныхъ въ Унію и переходъ уніатовъ въ католичество; послѣднимъ дозволила безбоязненно возвращаться въ православіе. Волынь и Подолія, искони православныя области, воспользовались дозволеніемъ и обратились къ вѣрѣ предковъ. Но при всемъ томъ къ концу царствованія еще около двухъ милліоновъ русскихъ подданныхъ оставались въ уніатствѣ.

Въ царствованіе Павла I и Александра I, возвращеніе уніатовъ въ православіе пріостановилось, вѣроятно, отъ того, что завѣдываніе дѣлами уніатской церкви поручено было учрежденной въ Петербургѣ римско-католической коллегіи. Положеніе уніатовъ было какое-то ненормальное: отъ православныхъ русскихъ они отличались обрядами и убѣжденіями и въ глазахъ ихъ были отступниками; не пристали и къ католикамъ, которые вѣру ихъ называли „хлопской". Въ самой уніатской церкви произошли раздоры: бѣлое уніатское духовенство было въ разладѣ съ уніатскими монахами (Базиліанскаго ордена) и спорило съ ними за церковныя и поземельныя имущества.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая, церковныя дѣла наши въ Западномъ краѣ приняли лучшій оборотъ. Высочайшимъ указомъ 1828 г. повелѣно было: для уніатскихъ церквей въ Россіи учредить, подъ предсѣдательствомъ митрополита ихъ, Іосафата Булгака, особую *грекоуніатскую коллегію*, которая обязана тщательно наблюдать, чтобы чинъ богослуженія и весь порядокъ іерархіи охранялся отъ введенія чуждыхъ, несвойственныхъ греческимъ обрядамъ, обычаевъ, на точномъ основаніи соборныхъ грамотъ 1596 года, положившихъ начало Уніи. А управленіе дѣлами грекоуніатскихъ церквей было предоставлено, подъ вѣдѣніемъ коллегіи, двумъ епархіальнымъ начальствамъ, бѣлорусскому и литовскому; въ той и другой епархіи были учреждены каѳедральные соборы, консисторіи, семинаріи [1]) и первоначальныя училища. Результатомъ такихъ распоряженій было постепенное исчезновеніе Уніи: епископы и другія духовныя уніатскія власти стали возстановлять первобытное устройство храмовъ, уничтожать органы, вмѣсто введенныхъ разной печати церковныхъ книгъ стали употреблять при богослуженіи книги, установленныя Св. Синодомъ; въ семинаріяхъ и училищахъ готовящіеся къ духовному сану получали истинно православное воспитаніе [2]). Съ кончиною митрополита Іосафата, успѣхамъ православія весьма много содѣйствовалъ, заступившій его мѣсто,—предсѣдателя грекоуніатской коллегіи,—епископъ литовскій (впослѣдствіи митрополитъ) Іосифъ Сѣмашко. Латинское духовенство, недовольное обратнымъ ходомъ уніи, старалось всѣми способами удержать греко-уніатскихъ священниковъ подъ своимъ вліяніемъ. Польскій мятежъ 1830—31 г. показалъ, что католическія духовныя лица всѣхъ іерархическихъ степеней „забывая святость сво-

---

[1]) Жировицкая семинарія близъ г. Слонима.

[2]) Антоній Зубко (умеръ въ февралѣ 1884 г.), ректоръ этой семинаріи, былъ первымъ уніатскимъ священникомъ, надѣвшимъ православную рясу и запустившимъ бороду.

призванія, вмѣшивались во всѣ кровавые подвиги возстанія и постоянно находились во главѣ революціоннаго движенія". Окончательно спасти уніатовъ отъ перехода въ католичество могло только полное прекращеніе уніи. Польскій мятежъ, такимъ образомъ, много содѣйствовалъ ускоренію этого дѣла. Въ противодѣйствіе успѣхамъ православія, католики распустили молву въ католическихъ государствахъ о насильственномъ присоединеніи уніатовъ къ православной церкви, и, дѣйствительно, такая молва произвела нѣкоторое волненіе среди уніатскаго духовенства и уніатской паствы. Однако, затрудненія эти были благополучно устранены и вслѣдъ затѣмъ была предложена подписка о присоединеніи къ православію. Число уніатскихъ священниковъ и уніатскихъ приходовъ, отказавшихся отъ присоединенія, было самое незначительное. Въ 1838 г., управленіе дѣлами коллегіи ввѣрено было оберъ-прокурору Св. Синода, гр. Протасову. А на слѣдующій годъ послѣдовала развязка дѣла: унія была отмѣнена.

Въ первое воскресенье великаго поста, 12-го февраля 1839 г., въ гор. Полоцкѣ собрались всѣ грекоуніатскіе епископы съ знатнѣйшими лицами изъ бѣлаго духовенства и составили соборный актъ, въ которомъ, изложивъ истинное положеніе своей церкви, опредѣлили просить государя „о дозволеніи имъ присоединиться къ прародительской православной всероссійской церкви". Государь повелѣлъ графу Протасову подвергнуть полоцкій соборный актъ, подписанный многими лицами грекоуніатскаго духовенства, на разсмотрѣніе Св. Синода, для сообразнаго съ правилами церкви постановленія. Синодъ опредѣлилъ: принять паству грекоуніатской церкви съ духовенствомъ въ общеніе съ православною всероссійскою церковью; 25-го марта послѣдовало соизволеніе Государя въ словахъ: „Благодарю Бога и принимаю". Самый обрядъ возсоединенія совершился 30-го марта, въ синодальной церкви, послѣ благодарственнаго молебствія и взаимнаго цѣлованія [1]).

Но многіе изъ дворянъ и помѣщиковъ западно-русскаго края принадлежали къ католичеству, тогда какъ крестьяне, съ 1839 г., составляли уже чисто-православное населеніе. Чтобы оградить по-

---

[1]) За уніей, послѣ 1839 г., осталась единственная Холмская епархія (Люблинской губ., въ Царствѣ Польскомъ), въ которой сосредоточено было церковное управленіе уніатскими дѣлами; сюда входили уніатскіе приходы губерній Ломжинской, Сѣдлецкой, Люблинской и Сувалкской. Съ 1874 года началось движеніе среди польскихъ уніатовъ въ пользу православія, а въ слѣдующемъ 1875 г. унія потеряла послѣднихъ чадъ своихъ, присоединившихся къ православію. Въ этомъ дѣлѣ большое участіе принимали: варшавскій генералъ-губернаторъ гр. Коцебу, архіепископъ Іоанникій и уніатскій протоіерей Попель, возведенный въ санъ епископа холмскаго, подъ именемъ Маркелла. Въ настоящее время за уніею остается часть населенія австрійской Галиціи и Буковины.

слѣднихъ отъ угнетенія со стороны польско-католическаго дворянства, изданы были *инвентарныя положенія*. Ими опредѣлялись повинности крестьянъ и барщина, т. е. право владѣльцевъ на крѣпостную работу. Инвентари были введены сначала только въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ (1847 г.) подъ руководствомъ генерала Бибикова; въ губерніяхъ же Бѣлорусскихъ и Литвѣ введеніе ихъ послѣдовало только въ царствованіе императора Александра II.

Русскіе финансы въ царствованіе императора Николая I находились въ хорошемъ состояніи. Здѣсь нельзя не вспомнить дѣятельности министра графа Канкрина, опытнаго и искуснаго финансиста [1]). Канкринъ вывелъ наши финансы изъ затруднительнаго положенія (когда ассигнаціонный рубль понизился до 24 коп.).

Ассигнаціи явились у насъ при Екатеринѣ II (1786 года) въ облегченіе и взамѣнъ тяжеловѣсной неудобной мѣдной монеты, находившейся въ обращеніи, въ размѣрахъ, далеко превышавшихъ потребность мелкой размѣнной монеты. Чтобы облегчить возникшія отсюда затрудненія, правительство основало *ассигнаціонный банкъ* и стало выпускать *ассигнаціи* (билеты), въ обмѣнъ принимаемой въ банкъ мѣдной монеты. Мѣра эта вполнѣ удалась; ассигнаціи не только принимались во всѣхъ платежахъ, но и пользовались даже лажемъ (промѣнная выгода), по весьма простой причинѣ: онѣ представляли болѣе удобствъ въ обращеніи, сравнительно съ звонкой, по преимуществу мѣдною монетой. Но скоро огромные государственные расходы поставили правительство въ необходимость усиливать выпуски ассигнацій, не сопровождая новыхъ выпусковъ соразмѣрнымъ усиленіемъ металлическаго фонда; при этомъ запрещалось вывозить монету за границу а также плавить ее. Вскорѣ послѣ того, металлическій фондъ совсѣмъ исчезъ; тогда ассигнаціи сдѣлались вполнѣ бумажными деньгами, и, по мѣрѣ усиленія ихъ выпусковъ, постепенно падали въ цѣнѣ; такъ, въ 1786, при выпускѣ ассигнацій на одинъ милліонъ, курсъ ихъ стоялъ—98 к. монетою за одинъ рубль въ ассигнаціяхъ; а черезъ 30 лѣтъ, при выпускѣ ассигнацій на 836 милліоновъ, курсъ ихъ стоялъ—24 к. за ассигнаціонный рубль; цѣнность же металлическаго рубля доходила до 4 и четырехъ слишкомъ рублей ассигнаціями. Извѣстно, что усиленные выпуски ассигнацій были вызваны дѣятель-

---

[1]) Егоръ Францовичъ Канкринъ, воспитанникъ Гессенскаго университета поступилъ на русскую службу въ 1800 г. Онъ обратилъ на себя вниманіе импер. Александра I сочиненіемъ: „О военной экономіи во время войны и во время мира“,

нымъ участіемъ Россіи въ коалиціяхъ, составлявшихся противъ революціонной Франціи и ея первой имперіи. По замиреніи Европы, правительство видѣло необходимость выкупить нѣкоторое количество ассигнацій изъ обращенія, чтобы поддержать свой финансовый кредитъ. И потому, уже въ 1817 году была учреждена особая касса для погашенія государственныхъ долговъ, которая дѣятельно приступила къ изъятію ассигнацій изъ обращенія. Мѣра эта оказала свое дѣйствіе, и курсъ ассигнацій поднялся. Къ 1824 году изъятіе было пріостановлено, но ассигнаціи въ цѣнѣ не понизились, такъ какъ до 1830-хъ г. новыхъ выпусковъ не послѣдовало. Такимъ образомъ, къ исходу тридцатыхъ годовъ установилось постоянное отношеніе между цѣною ассигнацій и звонкой монеты.

Этимъ обстоятельствомъ и воспользовался гр. Канкринъ, когда произвелъ въ промежутокъ отъ 1839 по 1843 годъ свою знаменитую денежную реформу, состоявшую въ *фиксаціи* курса ассигнацій и въ замѣнѣ ихъ *государственными кредитными билетами*, которые должны свободно обмѣниваться на звонкую золотую и серебряную монету и выкупъ которыхъ обезпечивается всѣмъ государственнымъ достояніемъ. Закономъ 1839 года неизмѣнно было утверждено постоянное отношеніе ассигнаціоннаго рубля къ серебряному или рублю на серебро, въ пропорціи $3^1|_2 : 1$. Укрѣпивъ такимъ образомъ навсегда отношеніе ассигнацій къ монетѣ, которое въ данный моментъ было истиннымъ, но которое въ извѣстную минуту, подъ вліяніемъ экономическихъ условій, могло измѣниться, гр. Канкринъ, чтобы предупредить подобный финансовый фактъ, создалъ непосредственно за фиксаціею курса, въ видѣ переходной мѣры, *депозитный банкъ*, принимавшій на вкладъ звонкую монету взамѣнъ депозитныхъ билетовъ, выпущенныхъ уже по разсчету на серебряные рубли и размѣниваемыхъ по предъявленію, серебромъ же. Большой успѣхъ депозитныхъ билетовъ имѣлъ слѣдствіемъ образованіе значительнаго металлическаго фонда. Этотъ-то фондъ и послужилъ основаніемъ для выпуска *государственныхъ кредитныхъ билетовъ*, явившихся въ 1843 году для замѣны и ассигнацій, и депозитокъ.

Во всѣхъ другихъ финансовыхъ вопросахъ гр. Канкринъ былъ крайнимъ консерваторомъ: онъ возобновилъ откупа, установилъ акцизъ съ табаку и, какъ ревностный протекціонистъ, враждебно относился къ общественной предпріимчивости и былъ противникомъ гласности въ финансовыхъ вопросахъ. Желѣзныя дороги онъ считалъ *болѣзнію времени* и всѣми силами противился ихъ соору-

женію, хотя многія частныя общества предлагали на то свои капиталы [1]).

ГЛАВА XIV.

Волненія въ Италіи съ 1830 г. по 1848 г.

Новыя покушенія карбонаровъ.—Избраніе Пія IX на папство.—Преобразовательная дѣятельность Пія IX.—Партія „Молодой Италіи".—Бѣгство папы въ Гаэту.—Римъ—республика.—Помощь Франціи, Австріи и Неаполя.—Возстановленіе свѣтской власти папы.—Догматическая дѣятельность Пія IX.—Объединеніе Италіи.

Послѣ возстановленія спокойствія въ Италіи по рѣшеніямъ Лайбахскаго (1820 г.) и Троппаускаго конгрессовъ (1821 г.), въ Ломбардіи и независимыхъ итальянскихъ государствахъ водворилось полное торжество меттерниховскаго реактивнаго режима, направленнаго на подавленіе въ итальянскихъ земляхъ всякаго проявленія народнаго самосознанія и общенаціональнаго движенія. Торжествующая Австрія открыто работала надъ политическимъ и умственнымъ порабощеніемъ итальянской націи: многія итальянскія правительства, въ угоду Австріи, запретили учиться грамотѣ гражданамъ, имѣющимъ менѣе 1500 лиръ годоваго дохода; во всѣхъ итальянскихъ государствахъ цензура была вручена полицейскимъ властямъ; шпіонство и доносы находили себѣ самое широкое примѣненіе; тюрьмы были переполнены политическими преступниками; судопроизводство превратилось въ произволъ чиновниковъ; народъ страдалъ подъ тяжестью непосильныхъ налоговъ. Въ такомъ положеніи находилась Италія до 1830 года.

Подъ вліяніемъ іюльской революціи, общество карбонаровъ въ связи съ партіею „Молодой Италіи" снова начало свою національно-патріотическую дѣятельность, во имя конституціи, освобожденія отъ австрійскаго самовластія и національнаго единства. Первоначально всѣ надежды карбонаровъ и „Молодой Италіи" неслись къ Риму, который, по ихъ планамъ, долженъ сдѣлаться столицею объединенной Италіи. Но папы не умѣли встать во главѣ этого національнаго движенія, и объединеніе Аппенинскаго полуострова совершилось подъ скипетромъ Сардинскаго короля, принявшаго въ началѣ 60-хъ годовъ титулъ короля Италіи (Re d'Italia).

---

[1]) Первая желѣзная дорога въ Россіи—царскосельская была построена въ 1836 году; но она не имѣла никакого торговаго значенія. Николаевская (Московская) желѣзная дорога была открыта въ 1851 году.

Вотъ нѣсколько словъ о состояніи Папской Области въ эту эпоху.

Папа Левъ XII (1823—1829), преемникъ Пія VII, отличался энергическимъ фанатизмомъ: покровительствуя всѣми мѣрами монашескимъ орденамъ, онъ подчинилъ духовному сословію все народное образованіе и даровалъ монахамъ и священникамъ множество льготъ и привилегій. Выражаемыя неудовольствія энергично подавлялись строгими репрессивными мѣрами. Законъ „о подозрѣніи" присуждалъ каждаго мужчину и женщину къ семилѣтней каторгѣ, если они, зная о какомъ нибудь приверженцѣ карбонаризма, не доносили на него. Въ самомъ центрѣ Рима, противъ Ватикана, былъ воздвигнутъ эшафотъ, на которомъ погибли наиболѣе популярные итальянскіе патріоты. Но когда новыя распоряженія Льва XII обнаружили намѣренія папскаго правительства ввести въ границы приличія распущенные нравы духовенства, то и самые клерикалы возстали противъ него. Папа во время увеселеній карнавала внезапно захворалъ и скоро скончался; скоропостижная смерть его возбудила много толковъ и послужила сюжетомъ многихъ пасквилей, появившихся на стѣнахъ Рима.

Преемникъ Льва XII, Пій VIII папствовалъ только 20 мѣсяцевъ; послѣ него на престолъ св. Петра избранъ монахъ Каппелари, подъ именемъ Григорія XVI (1831—1846). Его папствованіе началось грустными предзнаменованіями, и въ дѣйствительности оказалось истиннымъ бѣдствіемъ для государства.

Пропаганда тайныхъ обществъ дѣлала громадные успѣхи; горячіе патріоты сносились съ Лафайэтомъ и другими представителями либеральнаго направленія; іюльскіе дни встрѣчены были во всей Италіи съ нескрываемымъ восторгомъ. Почти одновременно съ іюльской революціей начались первыя волненія въ Моденѣ, гдѣ народъ изгналъ своего герцога и провозгласилъ *независимость Италіи*; въ это же время, въ Савойю вторгся отрядъ карбонаровъ, составленный изгнанникомъ Мадзини, отрядъ, въ которомъ участвовали сыновья бывшаго голландскаго короля Людовика Бонапарте—Наполеонъ и Луи. Возстаніе быстро распространилось по сосѣднимъ землямъ и проникло въ Папскую Область, въ Болонью и Парму, откуда герцогиня Марія Луиза (эксъ-императрица французовъ) принуждена была бѣжать въ Австрію. Но успѣхи карбонаровъ были остановлены и на этотъ разъ вмѣшательствомъ Австріи. Войска ея двинулись изъ Ломбардіи для возстановленія *легитимнаго* строя. Несмотря на отчаянное сопротивленіе карбонаровъ, подъ начальствомъ генерала Цукки, австрійцы скоро заняли возставшія провинціи Папской Области. Однако

неудавшееся возстаніе принесло свою пользу; оно разоблачило передъ всѣмъ цивилизованнымъ свѣтомъ безпорядки, господствовавшіе въ администраціи итальянскихъ государствъ, и иностранныя державы нашли нужнымъ посовѣтовать Григорію XVI—произвести нѣкоторыя реформы, необходимыя для будущаго спокойствія страны. Самъ папа мало занимался дѣлами; удовольствія и пиры поглощали все его время, а управленіе было предоставлено кардиналамъ, составлявшимъ „священную коллегію". На предложеніе державъ Григорій XVI изъявилъ полное согласіе, но всѣ его обѣщанія остались неисполненными. Чтобы подавить новыя волненія, санфедисты [1]) организовали особую милицію волонтеровъ, получившихъ названіе центуріоновъ (Centurioni). Насиліе, грабежъ, убійство, руководившія ихъ дѣйствіями, вызвали соотвѣтственные поступки и со стороны ихъ противниковъ. Среди бѣлаго дня происходили нападенія, сопровождавшіяся почти каждый разъ кровавыми стычками. Австрійцы, удалившіеся незадолго передъ этимъ изъ Рима, снова вернулись въ папскія владѣнія, по вторичному призыву Григорія XVI. Но на этотъ разъ и французы приняли участіе въ посредничествѣ: они заняли своими войсками городъ Анкону. Сначала, появленіе французовъ породило много ожиданій среди возставшихъ, такъ какъ іюльское правительство объявило, что оно намѣрено защищать права недовольныхъ, такъ какъ австрійцы дѣйствуютъ въ пользу папы; однако, скоро стало яснымъ, что французское вмѣшательство имѣло ту-же цѣль, какъ и австрійское, т. е. поддержаніе папской власти въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ. Спокойствіе водворилось, но только видимое: смуты не прекращались, и повсюду было замѣтно волненіе умовъ. Карбонары, тѣснимые въ отечествѣ, чувствуя здѣсь свое безсиліе, стали цѣлыми массами покидать родину и примыкать къ тайному обществу *Молодой или Юной Италіи*, образовавшемуся за-границей. Во главѣ его состоялъ Джузеппе Мадзини (Mazzini) [2]). Поли-

---

[1]) Санфедистами называлась партія или братство св. вѣры (Santa Fede), поставившее себѣ задачею защищать свѣтскую власть папы и положить преграду распространенію либеральныхъ идей и свободы религіозной, личной и политической.

[2]) Джузеппе Мадзини родился въ 1805 году въ Генуѣ. Разсказы участниковъ и современниковъ эпохи коалиціонныхъ войнъ и демократическія убѣжденія отца выработали изъ Джузеппе страстнаго патріота. 16-ти лѣтъ онъ предался исключительному занятію исторіей и литературой своей родины. Въ университетѣ Мадзини организовалъ между своими друзьями маленькій кружокъ для выписыванія запрещенныхъ цензурой сочиненій. Въ этомъ маленькомъ кружкѣ, соединявшемъ многихъ извѣстныхъ впослѣдствіи людей, проглядывало сильное вліяніе Мадзини. Первые литературные опыты Мадзини относятся къ 1826 году; онъ сталъ помѣщать политическія статьи въ газетѣ „Indicatore Genovese". Въ это же время Мадзини поступилъ *ученикомъ* въ одну карбонарскую ложу (или венту) и скоро былъ возведенъ въ санъ maestro. За принадлежность къ тайному обществу онъ

тическія теоріи и ученіе его партіи заслуживаютъ вниманія. Мадзини стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ всего европейскаго революціоннаго лагеря и постоянно чуждался французскихъ и нѣмецкихъ соціалистовъ и анархистовъ, ученіе которыхъ онъ признавалъ противнымъ человѣческому достоинству и не допускалъ, чтобъ его отечество нуждалось въ содѣйствіи такихъ мрачныхъ дѣятелей. Мадзини, оставаясь до самой смерти деистомъ, всегда отвергалъ безправныя средства для достиженія политическихъ цѣлей, а потому и требовалъ отъ адептовъ своей партіи, чтобъ они служили для народа образцами добродѣтели. Самъ онъ всегда стоялъ на высотѣ своего идеала, и въ этомъ не могутъ отказать ему даже его противники. „Юная Италія", писалъ Мадзини, обращаясь къ итальянскому народу, „есть братство итальянцевъ, вѣрующихъ въ законъ прогресса и долга и убѣжденныхъ, что Италія сдѣлается самостоятельной и сама справится со своими врагами (Italia fara da se). Италія будетъ республикой унитарной (единой), территорію ея составитъ весь Аппенинскій полуостровъ до рѣки Вара, Альпъ и Тріеста, со всѣми итальянскими островами; итальянскую націю составятъ всѣ итальянцы". Съ такой программой политическаго агитатора выступилъ 25-лѣтній Мадзини. Немало услугъ оказали національному объединенію Италіи два другіе патріота: Массимо д'Азеліо и Виченцо Джіоберти. Первый изъ нихъ, пьемонтскій уроженецъ, предлагалъ итальянцамъ терпѣливо ожидать разрѣшенія національнаго вопроса, надѣясь на патріотизмъ В. Эммануила, короля Сардинскаго, который въ недалекомъ будущемъ долженъ сдѣлаться естественнымъ объединителемъ Аппенинскаго полуострова и первымъ королемъ единой, независимой Италіи. Нѣсколько иначе рѣшалъ общенаціональный итальянскій вопросъ священникъ Джіоберти, написавшій въ темницѣ, гдѣ онъ содержался какъ политическій преступникъ, сочиненіе „о приматѣ итальянцевъ", въ которомъ онъ назначалъ роль объединителя Италіи папѣ; по его словамъ, папа долженъ воскресить павшую отъ разрозненности Италію и сдѣлаться распространителемъ либе-

---

поплатился свободою и былъ заключенъ въ тюрьму въ Савонѣ, а затѣмъ осужденъ на изгнаніе изъ отечества. Мадзини переѣхалъ въ Ліонъ, гдѣ принималъ участіе въ приготовленіяхъ по экспедиціи въ Савойю, а затѣмъ переѣхалъ въ Марсель гдѣ и положилъ основаніе обществу Jiovana Italia или Юной Италіи, выражавшему свои политическія доктрины и задачи въ журналѣ того же имени. Послѣ возстанія въ Ломбардіи, Мадзини рѣшился вернуться въ Италію, но скоро долженъ былъ снова покинуть родину, опасаясь попасть въ руки австрійцевъ. Такъ же неудачна была его попытка поселиться въ Римѣ по объявленіи его республикой (1848 г.). Послѣ сдачи Рима французскимъ войскамъ Мадзини бѣжалъ въ Лондонъ, гдѣ и прожилъ до своей смерти, не смотря на дарованную ему Викторомъ Эммануиломъ амнистію († 1880).

ральныхъ идей, судьей и посредникомъ между государями и народами Италіи. Мысль Джіоберти о единствѣ Италіи подъ главенствомъ папы нашла много поклонниковъ среди итальянскихъ патріотовъ, которые видѣли въ ней широкое приложеніе религіознаго элемента въ соединеніи съ очищенною и просвѣтленною идеею папскаго величія.

Конецъ царствованія Григорія XVI ознаменованъ двумя важными событіями, которыя на мгновеніе могли занять возбужденные умы настоящимъ и отвратить ихъ отъ тревожныхъ опасеній за будущее. Первое—посѣщеніе въ 1845 г. Рима императоромъ Николаемъ, который, посредствомъ личнаго свиданія съ папою, желалъ выяснить и разрѣшить вопросъ о положеніи католическаго духовенства въ Россіи. Результатомъ переговоровъ былъ конкордатъ, подписанный въ 1846 г. и сохранившій свою силу до ноября 1866 г., когда онъ былъ уничтоженъ, вслѣдствіе поддержки, оказанной католическимъ духовенствомъ польскому возстанію 1863 года. Второе событіе—пріѣздъ въ Римъ, въ качествѣ французскаго посланника, графа Пелегрино Росси, эмигранта, бывшаго профессора Болонскаго университета: онъ явился въ Римъ для переговоровъ объ удаленіи іезуитовъ изъ предѣловъ Франціи. Но оба эти событія нисколько не облегчили затруднительныхъ обстоятельствъ, въ какія была поставлена папская область пятнадцатью годами политики Григорія XVI, скончавшагося въ 1846 году.

Конклавъ кардиналовъ, собравшійся въ квиринальскомъ дворцѣ, немедленно послѣ констатированія факта кончины Григорія XVI, избралъ на папскій престолъ кардинала, графа Мастаи-Феретти, принявшаго имя Пія IX. Пій IX родился въ 1792 году, въ г. Сенигальи. Въ молодыхъ годахъ, онъ поступилъ на службу въ папскую гвардію, но обнаружившіеся припадки падучей болѣзни заставили его отказаться отъ военной службы. Тогда онъ поступилъ въ духовное званіе и, несмотря на свой недугъ, былъ посвященъ въ духовный санъ. Онъ участвовалъ въ экспедиціи миссіонеровъ, отправившихся въ Чили распространять Евангеліе. Удачно избѣгнувъ опасностей, которымъ подвергалась не разъ миссія, Мастаи-Феретти возвратился въ Римъ и былъ возведенъ сначала въ санъ епископа Сполетскаго, а затѣмъ и Имольскаго, которое было самымъ доходнымъ изъ всего „наслѣдія св. Петра“. Вскорѣ Мастаи-Феретти сдѣлался кардиналомъ и, наконецъ, совершенно неожиданно для него, избранъ былъ въ папы. Новый папа слылъ за человѣка добраго, веселаго и притомъ не враждебнаго либеральному направленію. Итальянская патріотическая партія

съ удивительнымъ искусствомъ съумѣла создать изъ Пія IX такого государя, какого искали патріоты для осуществленія объединительныхъ плановъ Джіоберти, и такъ увлекла его своими мечтаніями, что и самъ папа сталъ серьезно проникаться планомъ объединенія Италіи подъ тіарою римскаго первосвященника. И потому каждое распоряженіе новаго папы толковалось патріотами въ этомъ смыслѣ и вызывало полный энтузіазмъ. Вполнѣ сознавая необходимость реформъ для успокоенія своего государства, Пій IX, выросшій въ либеральной семьѣ, положилъ въ основы своей будущей политики

Пій IX.

начала, совершенно противуположныя политикѣ его предшественниковъ. Прежде всего, онъ объявилъ манифестъ объ амнистіи, распространенной на всѣхъ политическихъ преступниковъ, что разомъ прославило его имя во всей Италіи и доставило ему всеобщее расположеніе, которое усилилось еще болѣе, когда на второй годъ своего правленія папа обнародовалъ указъ, которымъ обѣщалось учрежденіе государственнаго совѣта, національной гвардіи и тому подобныхъ нововведеній. Эти либеральныя обѣщанія крайне не нравились партіи санфедистовъ, которые волновали народъ и хло-

потали о подавленіи популярности Пія IX. Такое же впечатлѣніе произвели обѣщанія папы и на австрійское правительство. Опасаясь за внутреннее спокойствіе въ своихъ ломбардо-венеціанскихъ владѣніяхъ, куда могли проникнуть либеральныя идеи изъ Церковной области, Австрія заняла войсками Феррару и учредила здѣсь военные посты. Папскій секретарь посылалъ депешу за депешей въ Вѣну, съ предписаніемъ нунцію требовать самаго строгаго отчета въ такомъ явномъ нарушеніи международныхъ правъ. Австрійское правительство отвѣчало уклончиво и въ то же время усиливало свой гарнизонъ. Все населеніе области пришло въ волненіе; всюду составлялись отряды волонтеровъ, чтобы идти противъ чужеземныхъ незванныхъ гостей. Видимо, Австрія опасалась увлеченія своихъ итальянскихъ земель въ общее дѣло объединенія Италіи. Въ эти торжественныя минуты народнаго увлеченія и ненависти къ австрійцамъ и самъ папа уступилъ общему желанію и рѣшился сдѣлать первый шагъ къ осуществленію итальянскаго единства. Для этого онъ вступилъ въ союзъ съ Тосканою и Піемонтомъ и предложилъ другимъ владѣтельнымъ государямъ Италіи присоединиться къ этому союзу. Карлъ-Альбертъ сардинскій и Леопольдъ II тосканскій съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтили предложеніе папы и объявили себя сторонниками Пія IX и приверженцами объединенія и независимости, но король неаполитанскій, герцоги моденскій и луккскій и герцогиня пармская смотрѣли на мечты папы съ полнымъ недовѣріемъ. Съ этого времени, всѣ итальянскіе государи раздѣлились на два враждебные лагеря: папа, Сардинія и Тоскана были на сторонѣ единства, прогресса и либеральныхъ учрежденій, а Неаполь, Парма, Лукка и Модена стояли за реакцію, разрозненность Италіи и признавали надъ собою покровительство Австріи.

Подъ вліяніемъ такой либеральной политики Пія IX и внутреннія реформы въ Папской области пошли нѣсколько живѣе и успѣшнѣе: вскорѣ послѣдовалъ указъ объ открытіи государственнаго совѣта и коренномъ преобразованіи совѣта министровъ, который на половину долженъ былъ состоять изъ свѣтскихъ лицъ. За преобразованіемъ совѣта министровъ немедленно послѣдовало преобразованіе цензуры, доставившее прессѣ значительный просторъ. Эти распоряженія были встрѣчены новыми изъявленіями народной радости и сопровождались торжественными оваціями на площади del Popolo, причемъ восторженно раздавались крики: Evviva Pio Nono! (да здравствуетъ Пій IX!).

Съ этихъ поръ Римъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ всѣхъ свободомыслящихъ итальянцевъ: имя Пія IX служило имъ какъ бы лозунгомъ политическаго единства, а его знамя замѣняло обще-итальян-

ское знамя. Это національное движеніе, охватившее къ 1848 году всю сѣверную и среднюю Италію, проникло и въ Сицилію, которая объявила открытую войну неаполитанскому королю, требуя независимости и назначивъ 12-е января 1848 г. послѣднимъ срокомъ своего терпѣнія. Усмиреніе Сициліи и Ломбардо-Венеціанскихъ владѣній правительственными войсками сильно ослабило восторженное одушевленіе къ папѣ, въ особенности когда народная масса узнала, что Пій IX отвергъ требованіе войны съ Австріей и поддержку Сициліи, какъ дѣйствія, несовмѣстныя съ его положеніемъ и духовнымъ саномъ. Даже изгнаніе іезуитовъ и дарованіе конституціи не могли возвратить папѣ его прежней популярности. Восторженное одушевленіе смѣнилось новыми волненіями, доходившими до открытаго мятежа, въ самомъ началѣ котораго жертвою народнаго недовѣрія сдѣлался новый первый министръ папы, гр. Росси, убитый на лѣстницѣ собранія палатъ. На другой день, толпа народа, на сторону которой перешла національная гвардія, обступила Квириналъ и угрозами принудила папу назначить радикальное министерство, подъ предсѣдательствомъ графа Маміани. Новый министръ заявилъ, что прежде, нежели онъ вступитъ въ свою должность, онъ желаетъ откровенно и съ полною искренностью лично переговорить съ папою. Свиданіе состоялось 23-го ноября въ Квириналѣ. Графъ Маміани согласился сдѣлаться первымъ министромъ съ условіемъ, если папа подпишетъ основные принципы его министерской политики, формулированные въ пяти статьяхъ. Пообѣщавъ дать положительный отвѣтъ на слѣдующій день, Пій IX отпустилъ графа, добродушно улыбаясь и отечески благословляя его. А на другой день, 24-го ноября, рано утромъ, папа покинулъ городъ, и первое время никто не зналъ, по какому направленію онъ уѣхалъ. Французскій посланникъ ждалъ папу въ Чивита-Веккіи, испанскій—увѣрялъ, что папа бѣжалъ на Балеарскіе острова, а баварскій посланникъ, графъ Шпоуръ, между тѣмъ устроилъ бѣгство папы въ Гаэту и самъ, вмѣсто кучера, правилъ конями во время этого побѣга. Когда за нѣсколько дней до этого папскій секретарь, кардиналъ Антоннели[1]), объявилъ нѣкоторымъ членамъ дипломатическаго корпуса, что папа чувствуетъ свое положеніе стѣсненнымъ и власть свою униженною, представители Франціи, Испаніи и Баваріи (послѣдній былъ уполномоченъ защищать и австрійскіе интересы за отсутствіемъ австрійскаго посольства), наперерывъ другъ передъ другомъ, стали предлагать гостепріимство своихъ правительствъ папѣ. Каждый изъ нихъ одобрялъ намѣреніе

[1]) Скончался въ январѣ 1877 г. Мѣсто его занялъ кардиналъ Симеони; потомъ эту должность занималъ кардиналъ Якобини.

папы оставить Римъ и каждый изъявлялъ готовность употребить всѣ свои усилія для поддержки этого намѣренія, но съ тѣмъ, чтобы отъѣздъ папы принесъ пользу тому правительству, представителемъ котораго каждый изъ нихъ служилъ при папскомъ дворѣ. Не отказывая явно французскому и испанскому посланникамъ воспользоваться дружелюбнымъ гостепріимствомъ ихъ правительствъ, папа явно склонялся на австрійскій проэктъ, во имя котораго хлопоталъ графъ Шпоуръ, совѣтовавшій папѣ удалиться въ Гаэту. Поддерживая до послѣдней минуты надежды французскаго и испанскаго посланниковъ, папа, въ сопровожденіи кардинала Антонелли, въ ночь съ 23-го на 24-е ноября, бѣжалъ въ Гаэту. Все дѣло побѣга велось въ такомъ секретѣ, что только на четвертый день послѣ отъѣзда узнали въ Римѣ, куда удалился папа.

Какъ верхняя, такъ и нижняя палаты продолжали отправленіе своихъ обязанностей и съ своей стороны вторично предложили Маміани быть первымъ министромъ. Власть исполнительная, по случаю отсутствія папы, была поручена „правительственной юнтѣ", состоявшей изъ трехъ важнѣйшихъ свѣтскихъ сановниковъ. Немедленно созвано конституціонное собраніе депутатовъ отъ всѣхъ римскихъ провинцій. Засѣданія собранія открыты были рѣчью одного изъ депутатовъ собранія, который предлагалъ „постановить разъ навсегда, чтобы папы не возсѣдали на тронахъ царей, ибо ихъ царствованіе не отъ міра сего". За первымъ ораторомъ всталъ съ своего мѣста графъ Маміани и произнесъ рѣчь, въ которой онъ говорилъ, „что свѣтская власть папы не можетъ примириться съ свободою и прогрессомъ и будетъ всегда язвою Италіи и религіи"; заключительныя его слова указывали Риму на необходимость сдѣлаться республикою. Въ этотъ же день былъ принятъ слѣдующій декретъ: 1) папство лишается фактически и юридически свѣтской власти, 2) за папою остается отправленіе духовной власти, 3) образъ правленія въ Римѣ вводится демократически-республиканскій, 4) что касается до остальной Италіи, то Римская республика будетъ находиться къ ней въ такихъ отношеніяхъ, какія потребуются общею національностью.

Съ этой поры Римъ сдѣлался центромъ революціоннаго движенія всей Италіи. За Мадзини сюда прибылъ и Гарибальди. Онъ началъ свою политическую роль въ качествѣ начальника итальянскихъ волонтеровъ; долго скитался въ Америкѣ и другихъ государствахъ, какъ политическій эмигрантъ, потомъ возвратился въ Италію и принималъ самое живое участіе въ борьбѣ ломбардцевъ и піемонтцевъ противъ Австріи. Вернувшись въ Римъ, онъ составилъ значительное народное ополченіе, въ которое сзывалъ всѣхъ италь-

янскихъ патріотовъ, предлагая имъ вооружиться во имя единства Италіи.

Такое соединеніе революціонныхъ силъ въ Римѣ побудило державы, покровительствующія папскимъ интересамъ, рѣшиться на вооруженное вмѣшательство. Неаполитанскія войска двинулись къ Риму съ юга; австрійцы—съ сѣвера, а французы (подъ начальствомъ маршала Удино) высадились въ Чивита-Веккіи. Напрасно объявляло французское правительство, что оно прислало свои войска съ дружелюбною цѣлью помочь римскимъ революціонерамъ противъ австрійцевъ и неаполитанцевъ, итальянцы имъ не повѣ-

Гарибальди.

рили и приготовились къ оборонѣ. Первое нападеніе французовъ было неудачно; неаполитанскія войска были тоже разбиты. Только черезъ нѣсколько недѣль, послѣ ряда упорныхъ битвъ, французы овладѣли городомъ. Республика была уничтожена и замѣнена временнымъ правительствомъ; Гарибальди и Мадзини должны были покинуть Римъ. Въ апрѣлѣ 1850 года Пій IX возвратился въ столицу, гдѣ, въ теченіе семнадцати лѣтъ, тронъ его поддерживался присутствіемъ французскихъ войскъ. Вмѣсто политическихъ ре-

формъ, какъ можно было ожидать, Пій IX занялся догматическими вопросами, находя, что повсемѣстная борьба противъ „троновъ и алтарей“ происходитъ отъ общаго ослабленія религіознаго чувства. Онъ приступилъ къ изслѣдованію культа Дѣвы Маріи и по этому поводу созвалъ въ 1854 году въ Римѣ соборъ, который призналъ догматъ о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи (immaculata conceptio). Въ этомъ же году постановленіе собора было возвѣщено всему католическому міру, какъ новый догматъ римской церкви. Дальнѣйшая дѣятельность Пія IX носитъ уже вполнѣ характеръ средневѣковаго обскурантизма. Чтобы обуздать духъ критики и изслѣдованія, который съ разработкой научныхъ системъ неудержимо стремился во всѣ области человѣческаго знанія, папа своимъ знаменитымъ силлабусомъ 1864 года вступилъ въ открытую борьбу съ этими проявленіями „сатанинскаго духа“. Вотъ нѣсколько пунктовъ изъ этого силлабуса, отлично характеризующаго отношенія папской власти ко всему европейскому обществу: „да будетъ проклятъ тотъ, кто скажетъ, что всякій человѣкъ воленъ исповѣдывать ту религію, которую онъ признаетъ наиболѣе согласною съ требованіями своего разума и совѣсти. Да будетъ проклятъ тотъ, кто скажетъ, что люди могутъ достигнуть вѣчнаго блаженства, къ какому вѣроисповѣданію они бы ни принадлежали“. Затѣмъ, проклявъ библейскія общества, тайныя общества, ученіе соціализма и коммунизма, силлабусъ продолжаетъ: „да будетъ проклятъ тотъ, кто скажетъ, что школы должны состоять въ вѣдѣніи свѣтской государственной власти, а не духовной. Да будетъ проклятъ тотъ, кто выскажется въ пользу отдѣленія церкви отъ государства. Да будетъ проклятъ тотъ, кто скажетъ, что папская власть должна сообразоваться съ прогрессомъ и цивилизаціею новѣйшаго времени“.

Правою рукою Пія IX, какъ въ догматическихъ вопросахъ, такъ и въ мірскихъ дѣлахъ, былъ его секретарь, кардиналъ Антонелли, забравшій въ свои руки къ концу папствованія Пія IX, все управленіе Церковною Областью. Но при этомъ, Антонелли не былъ горячимъ приверженцемъ идеи о непогрѣшимости папы, поданной іезуитами. На Ватиканскомъ соборѣ, почти наканунѣ войны франко-прусской при участіи 764 епископовъ, созванныхъ со всего свѣта, въ іюлѣ 1870 года провозглашенъ новый догматъ католической церкви—*непогрѣшимость папы* (infallibititas), т. е. за главою католической церкви признавалась непреложность и безошибочность папскаго авторитета во всѣхъ вопросахъ человѣческой жизни.

Новый догматъ не только не возвысилъ папской власти, но положительно ослабилъ престижъ папства. Часть католиковъ, принявшихъ съ этихъ поръ названіе „старокатоликовъ", отказалась отъ новаго догмата и стала искать общенія съ греко-православною церковью. Какъ бы отвѣтомъ на этотъ догматъ, было занятіе Рима войсками Виктора Эммануила, при полномъ ликованіи населенія папской столицы (сент. 1871 г.). Папа протестовалъ, но его протестъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Съ этихъ поръ началась для Пія IX послѣдняя роль — роль ватиканскаго узника,

Викторъ Эммануилъ.

которую онъ принялъ на себя съ момента потери свѣтской власти. Наконецъ, самая смерть папы (февр. 1878 г.), составлявшая всегда міровое событіе, прошла почти незамѣченною посреди шума, поднятаго англійскими руссофобами, по поводу ожидавшагося вступленія русскихъ войскъ въ Константинополь. Кончина Пія IX, ожидаемая съ напряженною тревогою втеченіи почти цѣлаго года, случилась какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда западно-европейскимъ политикамъ было не до происходившаго въ Ватиканѣ.

Работы карбонаровъ и „молодой Италіи“ не пропали даромъ. Послѣ отказа Пія IX встать фактическимъ образомъ во главѣ національнаго движенія во имя объединенія Италіи, симпатіи и надежды ихъ остановились на сардинскомъ королѣ Викторѣ Эммануилѣ, наслѣдовавшемъ престолъ послѣ Карла Альберта. Заручившись союзомъ съ Наполеономъ III, который, по утвержденіи второй имперіи во Франціи, сталъ выдвигать на первый планъ политики *принципъ національностей*, Викторъ Эммануилъ объявилъ въ 1859 г. войну Австріи, съ цѣлью освобожденія Италіи отъ чужеземнаго господства. Послѣ пораженія австрійцевъ при Маджентѣ и Сольферино, императоръ Францъ-Іосифъ, по Виллафранкскому миру, уступилъ ломбардскія земли Наполеону III, а послѣдній обмѣнялъ ихъ у сардинскаго короля на Ниццу и Савойю, которыя въ этотъ же годъ были присоединены къ Франціи. Въ то же время, герцоги тосканскій, пармскій и моденскій были принуждены удалиться изъ Италіи, а владѣнія ихъ вошли въ составъ Сардинскаго королевства. На слѣдующій годъ, такая же участь постигла и Неаполитанское королевство: Гарибальди съ своими волонтерами осадилъ Неаполь и заставилъ Франциска II (изъ дома Бурбоновъ) отказаться отъ престола. Такимъ образомъ къ 1861 г. на Аппенинскомъ полуостровѣ образовалось одно Итальянское королевство подъ властью Виктора Эммануила. Для полнаго объединенія не доставало только Папской области. Во время франко-прусской войны (1870—1871) итальянскія королевскія войска заняли Римъ и остальныя папскія владѣнія. (Подробное изложеніе — объединеніе Италіи см. гл. XXI).

Папа Пій IX, незадолго до этого провозглашенный на духовномъ соборѣ непогрѣшимымъ, окончательно лишился свѣтской власти. За нимъ и его преемниками осталось главенство надъ католическою церковью, паства которой достигаетъ въ настоящее время до 193 милліоновъ католиковъ.

ГЛАВА XV.

Англія въ правленіе Вильгельма IV.

Реформа парламента.—Новое Городовое Положеніе.—Египетскій вопросъ.—Недовѣріе Англіи къ русской политикѣ въ восточномъ вопросѣ.—Среднеазіатскія дѣла.—Война Англіи съ Китаемъ.—Англія при королевѣ Викторіи.—Смуты въ Ирландіи.—Отмѣна хлѣбныхъ законовъ.—Министерство Пальмерстона.—Поводы къ участію въ Крымской войнѣ.

Одновременно съ іюльской революціей во Франціи, началось новое царствованіе въ Англіи: Георгу IV, скончавшемуся въ 1830 году, наслѣдовалъ герцогъ Кларендонскій, подъ именемъ Вильгельма IV (1830—1837).

Занимая до вступленія на престолъ постъ главнаго адмирала всѣхъ морскихъ силъ Великобританіи, герцогъ слылъ за честнаго, прямаго моряка, безъ всякой предвзятой вражды къ либеральнымъ учрежденіямъ. Вступивъ на престолъ уже 65-ти лѣтъ, онъ поставилъ себѣ задачею — „честно исполнить обязанности, возлагаемыя на него конституціею страны".

Несмотря на личное нерасположеніе къ премьеру, герц. Веллингтону, король удержалъ во главѣ управленія торійское министерство; но когда сама нація при новыхъ выборахъ, которые по конституціонному положенію должны происходить при вступленіи новаго государя, высказалась противъ существующаго министерства, то король распустилъ прежній парламентъ и кабинетъ и составленіе новаго министерства поручилъ лорду Грею, *главѣ* партіи виговъ. Нижняя палата, переполненная при новыхъ выборахъ вигами, потребовала возобновленія билля объ отнятіи у *„гнилыхъ мѣстечекъ"* избирательныхъ депутатскихъ правъ и вообще коренной парламентской реформы. Лордъ Джонъ Россель, одинъ изъ членовъ министерства, внесъ въ нижній парламентъ билль *о реформѣ.* Предложеніе его состояло въ томъ, чтобы: 1) отнять у гнилыхъ мѣстечекъ (rotten boroughs) право выбора депутатовъ въ палату общинъ (чѣмъ пользовались старинные города Англіи съ половины XIII в.) и передать это право большимъ, вновь возникшимъ послѣ XIII в. городамъ, не пользовавшимся еще этимъ правомъ и 2) понизить избирательный цензъ, обусловливающій права и избирателей, и избираемыхъ. Билль этотъ (по которому приходилось лишить права депутатскихъ выборовъ 60 гнилыхъ мѣстечекъ и до 50 ничтожныхъ городовъ) встрѣтилъ самое упорное

сопротивленіе со стороны верхней палаты—лордовъ, пользовавшихся „гнилыми мѣстечками“ для проведенія въ нижній парламентъ своихъ родственниковъ или кліентовъ, которые поддерживали интересы своего сословія и своихъ патроновъ. Поэтому, лорды въ верхней палатѣ и консерваторы—торіи въ нижнемъ парламентѣ напрягли всѣ свои усилія, чтобы воспрепятствоватъ ходу внесеннаго билля, или во всякомъ случаѣ измѣнить его сообразно съ матеріальными выгодами своего сословія. Нѣсколько разъ верхняя палата большинствомъ голосовъ отвергала билль, но, въ виду

Веллингтонъ.

угрожающаго характера, который стали принимать митинги рабочаго класса, король рѣшился на крайнюю мѣру: онъ прибѣгъ къ суду общественнаго мнѣнія страны, т. е. распустилъ парламентъ. Политическая дѣятельность, разомъ охватившая все государство, закипѣла повсюду: громадные митинги, засѣданія различныхъ политическихъ обществъ и дѣятельность прессы выяснили желанія націи, и выборная агитація привела къ тому, что противники билля потеряли свое большинство въ новомъ парламентѣ. Снова внесенный билль безпрепятственно прошелъ чрезъ палату общинъ (или

палату коммонёровъ), но палата лордовъ снова его отвергла. Тогда король рѣшился на послѣднюю мѣру, допускаемую англійскою конституціею: онъ увеличилъ число членовъ палаты лордовъ назначеніемъ новыхъ пэровъ, которые необходимы были для сформированія тамъ правительственнаго большинства. Только при такихъ обстоятельствахъ билль о парламентской реформѣ прошелъ чрезъ обѣ законодательныя палаты и съ 1832 года сталъ закономъ Англіи. Новое „Городовое Положеніе", изданное черезъ три года, окончательно опредѣлило парламентскія права средняго сословія и установило новый порядокъ выборовъ городскихъ представителей въ палату общинъ [1]).

Примѣръ горожанъ увлекъ къ тѣмъ же задачамъ и низшіе классы общества, находившіеся въ крайней нуждѣ: они потребовали новой—коренной (радикальной) реформы парламента, по которой избирательное право было-бы предоставлено всѣмъ безъ исключенія гражданамъ Великобританіи, безъ всякаго ограниченія какимъ-либо цензомъ, причемъ парламентъ смѣнялся-бы ежегодно, и подача голосовъ была бы закрытой. При содѣйствіи даровитаго и популярнаго редактора одного журнала Вильяма Кобдена и адвоката Фиргеса о'Коннора, радикалы въ особой „хартіи" изложили свои требованія, присоединивъ къ политическимъ реформамъ и нѣкоторыя экономическія, которыми они имѣли въ виду поднять матеріальное положеніе народа. Въ палатѣ общинъ, дѣйствительно, образовалась партія, извѣстная подъ именемъ хартистовъ или *чартистовъ*, которая сначала не имѣла большаго значенія, но вліяніе которой на политическую жизнь страны становится въ настоящее время все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ, допущеніе евреевъ въ нижнюю палату, реформы парламента 1867 г. и расширеніе избирательныхъ правъ націи въ 1884 году — составляютъ заслуги радикальной партіи.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ политика Англіи при Вильгельмѣ IV была чрезвычайно удачна. Во всѣхъ вопросахъ внѣшней политики европейскаго континента Англія принимала на себя самое дѣя-

---

[1]) По новому Городовому Положенію 1835 года, число членовъ въ нижней палатѣ увеличилось съ 82 до 159. Ирландіи было, сверхъ прежняго числа депутатовъ (35), дано еще 4 мѣста, а Шотландіи вмѣсто 15—23. Права выбора были также расширены: теперь ими могли пользоваться всѣ наниматели квартиръ или жилищъ, приносившихъ до 10 ф. стерл. годоваго дохода, а также всѣ наслѣдственные и временные арендаторы или фермеры.

Значеніе этой парламентской реформы не ограничивалось упомянутыми отдѣльными улучшеніями. Реформа эта важна и потому, что она, выдержавъ суровую борьбу со всѣми партіями, твердо перенесла кризисъ, нисколько не пошатнувъ конституціи. Реформа эта потому представляется чисто-консервативной перемѣной. Съ этихъ поръ, центръ тяжести законодательной власти въ Англіи положительно сталъ опираться на нижнемъ парламентѣ.

тельное посредничество и нельзя было ни предпринять, ни совершить ничего важнаго безъ ея содѣйствія или согласія.

При этомъ правительство Вильгельма IV старалось поддержать мирныя отношенія между континентальными державами, чтобъ тѣмъ дать бо́льшее развитіе своей мануфактурной промышленности и внѣшней торговлѣ. Внѣевропейская ея политика, какъ и всегда, была преимущественно направлена на расширеніе, усиленіе и процвѣтаніе ея колоній. Такой политикѣ способствовало: 1) отличное, хотя и немногочисленное сухопутное войско и громадный флотъ, съ которымъ не могъ соперничать ни одинъ изъ флотовъ континентальныхъ державъ, и 2) опытность государственныхъ людей, осторожныхъ, разсчетливыхъ и выгодно пользовавшихся ходомъ современныхъ событій.

Важнѣйшимъ вопросомъ общеевропейской политики былъ въ это время вопросъ *восточный* — египетскій, которымъ Англія отлично воспользовалась для усиленія своего вліянія на Оттоманскую Порту.

Послѣ турецкой войны, закончившейся Адріанопольскимъ миромъ и обезпечившей независимость новаго Греческаго королевства, Порта была приведена въ критическое положеніе тѣмъ переворотомъ, который готовилъ ей вассалъ султана, египетскій паша Мехмедъ-Али. Сынъ небогатыхъ родителей, родомъ изъ Румеліи, Мехмедъ-Али, осиротѣвшій въ младенчествѣ, долгое время работалъ въ лавкѣ одного турецкаго кондитера; потомъ онъ вступилъ въ военную службу и съ отрядомъ войска былъ отправленъ въ Египетъ противъ французовъ, оставленныхъ тамъ Наполеономъ I. Обладая твердою волей и большими дарованіями, онъ скоро достигъ власти надъ мамелюками и албанцами, составлявшими въ Египтѣ армію султана, и, наконецъ, былъ возведенъ въ званіе египетскаго паши (1806). Подъ его управленіемъ, Египетъ принялъ иной видъ. Подъ вліяніемъ европейскаго образованія, слѣды котораго остались еще сильны въ Египтѣ послѣ экспедиціи Наполеона, Мехмедъ-Али окружилъ себя французами, англичанами, завелъ регулярныя войска и флотъ, обученныя по европейски, устроилъ школы, типографіи, усмирилъ мамелюковъ и албанцевъ, покорилъ Нубію, Абиссинію, завладѣлъ Меккою и Мединою и, такимъ образомъ, сдѣлалъ изъ слабаго Египта сильную могущественную державу, которая въ состояніи была на нѣкоторое время поддержать Порту своими войсками и флотомъ въ борьбѣ противъ возставшихъ грековъ. Къ 1830 году Мехмедъ-Али уже успѣлъ оправиться отъ Наваринскаго пораженія и снова завелъ у себя значительный флотъ и регулярное войско. Еще во время войны Турціи съ Рос-

сіею, Мехмедъ-Али пересталъ платить дань султану Махмуду II, а въ 1831 году открыто возсталъ противъ него, съ намѣреніемъ образовать изъ Египта независимое наслѣдственное государство. Сынъ его, Ибрагимъ-паша, двинулся съ войскомъ въ подвластную Портѣ Сирію, объявивъ сирійскаго пашу своимъ личнымъ врагомъ. Войска египетскія осадили Сенъ-Жанъ д'Акръ, и несмотря на мужественное сопротивленіе туземцевъ и турецкаго войска, крѣпость была взята приступомъ, а съ нею и вся Сирія должна была достаться въ руки египетскаго паши. Султанъ объявилъ своего вас-

Мехмедъ-Али.

сала мятежникомъ, измѣнившимъ государю и пророку, и отправилъ войско къ границамъ Сиріи, но въ таврскихъ ущельяхъ (при Гомсѣ) Ибрагимъ поразилъ его на голову. Эта побѣда открыла Ибрагиму путь въ Малую Азію, куда султанъ выслалъ вторую сильнѣйшую армію подъ начальствомъ лучшаго своего полководца, визиря Решида-паши, но и тотъ потерпѣлъ пораженіе при Коніи и попался въ плѣнъ. Отсюда Ибрагимъ готовился переправиться въ европейскія владѣнія Порты. Въ такихъ обстоятельствахъ, султанъ рѣшился просить помощи у тѣхъ европейскихъ державъ, ко-

торыя взяли на себя гарантію цѣлости Оттоманской Порты, а именно: у Англіи, Франціи и Россіи; но первыя двѣ державы, занятыя дѣлами бельгійской революціи, не приняли никакихъ мѣръ къ защитѣ султанскихъ владѣній и ограничились одними только увѣреніями въ дружбѣ. Россія же немедленно предложила свою помощь султану. Черноморскому нашему флоту повелѣно было двинуться, подъ начальствомъ адмирала Лазарева, на защиту оттоманской столицы. Первымъ результатомъ такихъ энергическихъ распоряженій было то, что Ибрагимъ-паша пріостановилъ дальнѣйшее движеніе своихъ войскъ, но за то появленіе нашей эскадры (5 линейныхъ кораблей и 4 фрегата) подъ стѣнами Константинополя сильно встревожило Францію, которая грозила султану полнымъ разрывомъ, если русскіе корабли не удалятся изъ Босфора. Султанъ, какъ-бы въ отвѣтъ на такія угрозы, отдался совершенно подъ покровительство императора Николая и просилъ усилить эскадру [1]) и прислать на помощь также и сухопутныя войска (весна 1833 г.). Къ угрозамъ Франціи присоединила свои требованія и Англія; но императоръ Николай возвѣстилъ имъ и остальнымъ кабинетамъ, „что флотъ и войска его останутся въ занятой ими позиціи, доколѣ египетская армія не перейдетъ обратно за Таврскія горы". Англія и Франція въ отвѣтъ на это выслали также и свои флотиліи въ турецкія воды и посредничество ихъ не осталось безъ послѣдствій: Мехмедъ-Али отозвалъ своего сына съ войскомъ изъ Малой Азіи и умѣрилъ свои требованія, а султанъ не прочь былъ отъ уступокъ въ пользу своего вассала. Въ 1833 г. состоялся договоръ въ Кутахіи, по которому египетскій паша пріобрѣлъ Сирію на вассальныхъ отношеніяхъ и Аданскій округъ, какъ временное владѣніе. Благодарный за помощь Россіи, султанъ заключилъ съ императоромъ Николаемъ оборонительный договоръ въ Гункіаръ-Скеллеси (26-го іюня 1833 г.), по которому Турція обязалась закрыть Дарданельскій проливъ для военныхъ кораблей всѣхъ державъ иностранныхъ, за исключеніемъ русскихъ.

Но спокойствіе, водворенное на востокѣ вмѣшательствомъ европейскихъ кабинетовъ, было непродолжительно. Съ одной стороны султанъ не могъ примириться съ уступками, сдѣланными имъ египетскому пашѣ; съ другой стороны—Мехмедъ-Али, заручившійся дружественными обѣщаніями Франціи, не покидалъ надежды, при помощи этой державы, достигнуть своихъ давнишнихъ намѣреній. Невыполненіемъ условій Кутахійскаго договора Мехмедъ-Али въ

---

[1]) Подъ начальствомъ графа Орлова въ Босфорѣ находилось 10 русскихъ кораблей, а на малоазіятскомъ берегу, у Гункіаръ-Скеллесси, была расположена 10-тысячная армія, подъ командою генерала Муравьева.

1839 году приготовилъ новый разрывъ съ Турціею, которой и на этотъ разъ пришлось потерпѣть неудачи. Торжествующій паша потребовалъ отъ султана Абдула-Меджида, только-что вступившаго на престолъ послѣ смерти Махмуда, наслѣдственной власти надъ Египтомъ, Сиріею, Аданомъ и Кандіею. При такомъ положеніи дѣлъ на востокѣ, всѣ первостепенныя державы, за исключеніемъ Франціи, убѣдились въ необходимости вступиться за Порту для поддержанія общаго мира въ Европѣ и предложили султану, не входя ни въ какія сношенія съ Мехмедомъ-Али, отдать восточныя дѣла безпристрастному суду европейскихъ кабинетовъ. Султанъ охотно согласился на это предложеніе. Въ Лондонѣ собралась конференція изъ полномочныхъ министровъ пяти первоклассныхъ державъ [1]). Англія, Пруссія и Австрія согласны были съ планомъ Россіи относительно устройства восточныхъ дѣлъ; Франція же не соглашалась съ рѣшеніемъ конференціи и долго мѣшала успѣшности переговоровъ. Тогда уполномоченные министры подписали (1840 г.) протоколъ безъ французскаго министра и положили: отдать Мехмеду-Али южную часть Сиріи и предоставить ему наслѣдственную власть въ Египтѣ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ безпрекословно признавалъ власть султана и платилъ дань; всѣ же остальныя завоеванія, сдѣланныя имъ съ 1831 г., и захваченный турецкій флотъ должны быть возвращены Портѣ въ теченіе 10 дней; въ случаѣ же отказа, рѣшено было смирить его соединенными силами Россіи, Англіи и Австріи. Мехмедъ-Али отвергъ рѣшенія конференціи, разсчитывая на помощь Франціи, оскорбленной устраненіемъ отъ участія въ столь важномъ дѣлѣ. Соединенный англо-австрійскій флотъ подступилъ къ Александріи и тѣмъ принудилъ египетскаго пашу смириться передъ султаномъ. Мехмедъ-Али удержалъ за собою только одинъ Египетъ и долженъ былъ признать себя данникомъ Порты [2]) (1840). На этотъ разъ Франція уже не возражала и согласилась съ рѣшеніями трехъ первоклассныхъ державъ.

Вмѣшательство Англіи въ дѣла Востока было вызвано не столько желаніемъ пособить затруднительному положенію Порты, сколько—помѣшать чрезмѣрному усиленію Россіи насчетъ Турціи и отмстить ей за тѣ преграды, которыя русская политика выставляла въ Средней Азіи, чтобы остановить тамъ распространеніе владычества англичанъ. Еще съ 1833 г., т. е. съ гункіарскаго трактата, доставившаго Россіи значительныя выгоды въ Дарданел-

---

[1]) Представителемъ Россіи былъ баронъ Брунновъ, долго занимавшій постъ русскаго посла въ Великобританіи; послѣ него этотъ постъ занималъ генералъ-адъютантъ гр. Шуваловъ.

[2]) Эта дань нынѣ (1885 г.) составляетъ 19 мил. фр.

лахъ, въ Европѣ стали не довѣрять русской политикѣ относительно Востока и думали, что Россія одна, безъ совмѣстничества, стремится разрѣшить восточный вопросъ въ свою пользу и раздвинуть свои средне-азіатскія границы до Индіи. Это недовѣріе было сильнѣе всего распространено въ Англіи, гдѣ оно поддерживалось и правительственною, и частною прессою [1]). Это недовѣріе развилось еще значительнѣе, когда русская политика поставлена была въ необходимость столкнуться съ англійскою по дѣламъ персидскимъ, афганскимъ и китайскимъ.

Владѣя всѣмъ полуостровомъ Индостана, англичане думали раздвинуть свои предѣлы за правый берегъ Инда. Такія намѣренія вызвали противодѣйствіе со стороны русской дипломатіи. Съ своей стороны, англичане тайно поддерживали кавказскихъ горцевъ, предводимыхъ имамомъ Шамилемъ; они разсчитывали этимъ отвлечь наше вниманіе отъ Персіи, Афганистана и Китая. Въ Персіи, послѣ Фетъ-Али-шаха (1834), на престолъ взошелъ внукъ его Магометъ-Мирза; онъ началъ свое правленіе походомъ противъ Гератскаго владѣтеля [2]), которому принадлежали важнѣйшія проходы въ Остъ-Индію. Англичане, для которыхъ было гораздо выгоднѣе имѣть сосѣдомъ своимъ слабаго Гератскаго владѣтеля, нежели болѣе сильную Персію, выслали отряды на помощь Герату и потребовали, чтобы шахъ снялъ осаду города. Запуганный войною съ Англіею, шахъ согласился на требованія англійскаго

---

[1]) Особенною ревностью на этомъ поприщѣ отличался извѣстный англійскій дипломатъ и публицистъ Давидъ Уркварттъ много писавшій о Турціи. Онъ съ замѣчательною діалектическою ловкостью возбуждалъ общественное мнѣніе въ Англіи и въ Европѣ вообще противъ русской политики на Востокѣ, убѣждая, что Россія стремится съ эксплоатированію сочувствія къ ней балканскихъ христіанъ, чтобы впослѣдствіи подобрать ихъ подъ свою власть. Еще въ 1833 г. онъ предпринялъ изданіе особаго сборника документовъ по восточному вопросу, сборника, получившаго названіе „Portfoglio". Происхожденіе этого сборника было слѣдующее: Уркварту доставлены были документы, захваченные польскими мятежниками 1830 года при разграбленіи дипломатической канцеляріи великаго князя Константина Павловича въ Варшавѣ: въ числѣ различныхъ документовъ, хранившихся тамъ, было нѣсколько такихъ, которые относились къ восточному вопросу. Хотя между ними не было ни одного документа, который служилъ бы для злобныхъ навѣтовъ противъ Россіи, но это нисколько не остановило руссофобствующаго издателя, который не задумался присочинить множество подложныхъ въ желанномъ направленіи и смыслѣ. Не довольствуясь такого рода поступками, Уркварттъ, занимавшій должность секретаря англійскаго посольства въ Константинополѣ, позволялъ себѣ и другія враждебныя выходки противъ Россіи: домъ его служилъ убѣжищемъ для польскихъ эмигрантовъ; онъ велъ сношенія съ кавказскими горцами, а въ 1836 году снарядилъ даже особое судно для доставленія возставшимъ горцамъ оружія и съѣстныхъ припасовъ Не мало нашлось подражателей Уркварту въ англійской періодической прессѣ: въ настоящее время недовѣріемъ къ русской политикѣ на Востокѣ и крайнимъ, фанатическимъ руссофобствомъ отличаются слѣдующія періодическія англійскія изданія: Standart Morning-Post, Pall-Mall-Gazette и др.

[2]) Гератъ незадолго передъ этимъ принадлежалъ Персіи и составлялъ главный городъ персидской области—Хоразана.

правительства. Затѣмъ, англичане обратили вниманіе на Афганистанъ, который могъ составить важнѣйшій оплотъ для ихъ остъ-индскихъ владѣній. Англійское правительство вмѣшалось въ происходившую тамъ междоусобную борьбу и, подъ предлогомъ поддержки правъ одного изъ претендентовъ, отправило въ Афганистанъ войско, которое страшно разорило весь край, начиная отъ самаго Инда до хребта Гиндуку. Путемъ такого террора Англія подчинила своему вліянію весь Афганистанъ. Но въ слѣдующемъ году афганцы возстали и истребили значительную часть англійской арміи. Предпринята была вторичная экспедиція, которая была прекращена въ самомъ началѣ кампаніи: англійскимъ войскамъ предстоялъ походъ на Синдъ (обширный край по южному берегу Инда), походъ, вызванный тѣмъ, что синдскій эмиръ находился въ союзѣ съ афганцами. Англичане заняли этотъ край и присоединили его къ британскимъ владѣніямъ Остъ-Индіи. Въ это же время, другой англійскій генералъ велъ войну съ сейками, которая послѣ многихъ кровопролитныхъ сраженій кончилась, въ 1846 г., Лагорскимъ миромъ. Условія мира поставили сейковъ въ зависимость отъ Остъ-Индской Компаніи и доставили ей торговую монополію въ Кашемирской долинѣ. Въ 1852 г. британское владычество перенеслось и на другой берегъ Гангеса, когда англичанамъ удалось покорить Бирманскую имперію.

Такіе успѣхи англійскаго оружія возбудили конкурренцію со стороны Россіи. Въ 1839 году русское правительство снарядило, подъ предводительствомъ Перовскаго, оренбургскаго генералъ-губернатора, экспедицію въ Хиву, результаты которой были не особенно удачны. [Окончательное подчиненіе хивинскаго ханства совершилось (1873) въ царствованіе Александра II. Дальнѣйшія пріобрѣтенія наши въ Средней Азіи, доставившія намъ Туркестанскій край, Коканъ (Фергана) и др., придвинули наши среднеазіятскія границы къ остъ-индскимъ владѣніямъ Англіи такъ близко, что только 300 миль составляютъ пограничную полосу, раздѣляющую владѣнія Россіи и Англіи въ этой части свѣта. Эта полоса, называвшаяся въ древности Драгіаною (нынѣ часть Афганистана, лежащая между Бадахшаномъ и Лагоромъ), признана по взаимному соглашенію между англійскимъ и русскимъ правительствами нейтральною территоріею между обоими государствами (1874). Въ 1878 году англичане первые нарушили договоръ о нейтральной зонѣ. Подъ предлогомъ „научнаго исправленія границъ Индіи“ (по выраженію Биконсфильда), они двинули свои индійскія войска къ Кабулу и заставили владѣтеля Афганистана подписать Гандамакскій трактатъ (1879 г.), по которому вліяніе

Англіи на внутреннюю половину Афганистана значительно усиливалось, и измѣнялась также въ ихъ пользу и южная граница нейтральной зоны. Какъ бы въ отвѣтъ на это, съ нашей стороны было предпринято подъ начальствомъ генерала Скобелева движеніе въ Туркменію, которое окончилось полнымъ разгромомъ непріятеля (1881 г.), взятіемъ Геокъ-Тепе и занятіемъ всего Ахалъ-Текинскаго оазиса. Въ 1884 г., въ февралѣ, наши владѣнія увеличились мирнымъ пріобрѣтеніемъ Мервскаго оазиса, съ весьма важнымъ пунктомъ — городомъ Мервомъ; 200 тыс. мервскихъ туркменъ просили черезъ Закаспійскаго губернатора нашего подданства. Актъ присяги былъ подписанъ 4-мя ханами и 24-мя мервскими депутатами. Въ настоящее время (мартъ 1885) среднеазіятскій вопросъ снова вступилъ въ свою очередь: Россія и Англія снова ведутъ споръ изъ-за небольшаго клочка туркменскаго оазиса].

Война Англіи съ Китаемъ кончилась также успѣшно. Англичане съ завистью смотрѣли на усилившееся вліяніе Россіи въ Китаѣ, такъ какъ русскіе пользовались тамъ съ первой четверти XIX в. торговыми привилегіями и даже содержали миссію въ самомъ Пекинѣ, а торговля англичанъ ограничивалась только городами Кантономъ и Макао. Пока права этой торговли принадлежали остъ-индской компаніи, рѣдко нарушались дружественныя отношенія между китайцами и англичанами. Но когда (съ 1833 г.) англійское правительство уничтожило монополію остъ-индской компаніи и взяло ея торговлю въ свое вѣдѣніе, тогда возникли многія недоразумѣнія, которыя и привели обѣ державы къ войнѣ, имѣвшей слѣдствіемъ открытіе китайскихъ портовъ для торговой предпріимчивости всѣхъ европейцевъ. Тяготясь стѣсненіемъ своей торговли въ Китаѣ, англичане стали прибѣгать съ 1836 года къ контрабандѣ и наводняли „Поднебесную имперію“ громаднымъ количествомъ ввозимаго опіума, доставлявшаго ихъ торговлѣ большія выгоды. Разрушительныя дѣйствія опіума, къ которому болѣе и болѣе привыкалъ и безъ того разслабленный народъ, заставили богдыхана издать строгое запрещеніе противъ ввоза и продажи этого товара. Китайскій губернаторъ потребовалъ у англійскихъ купцовъ выдачи всѣхъ складовъ опіума, который и былъ, по его приказанію, уничтоженъ въ количествѣ 20 тысячъ ящиковъ (цѣною на 40 милліоновъ рублей). При такихъ обстоятельствахъ, въ 1840 году началась война съ Китаемъ. Англичане вначалѣ вели войну осторожно и робко, опасаясь за выгоды своей обширной чайной торговли. Только въ 1842 году, они приступили къ энергическимъ дѣйствіямъ, заняли островъ Чусанъ и по рѣкѣ

Янтсе-Кіангу достигли до самаго Пекина. Въ этомъ же году былъ подписанъ миръ, по которому англичанамъ 1) дозволена была торговля опіумомъ, 2) имъ былъ уступленъ островъ Гонгъ-Конгъ, 3) дано денежное вознагражденіе въ 21 мил. піастровъ и 4) открыто для англійской и вообще европейской торговли пять китайскихъ портовъ. Совершенно иначе пользовалась Россія своими торговыми трактатами съ Китаемъ: въ то время, какъ англичане, добившись правъ торговли опіумомъ, усилили его сбытъ китайцамъ, императоръ Николай издалъ указъ, по которому строго запрещалось его подданнымъ ввозить опіумъ въ Китай.

Послѣ смерти Вильгельма IV на престолъ Англіи вступила его племянница, дочь герцога Кентскаго (третьяго брата Георга III) Александрина-Викторія, вышедшая вскорѣ замужъ за принца Альберта Саксенъ-Кобургскаго (1840 г.) [1]). Воцареніе молодой королевы было встрѣчено всею націею съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ и весьма много содѣйствовало къ сліянію въ одно цѣлое разъединенныхъ до сихъ поръ политическихъ партій. Королева не назначила новаго министерства, а оставила прежнее (вигское) въ полномъ его составѣ и нашла въ премьерѣ его, лордѣ Мельбурнѣ, разумнаго и достойнаго совѣтника, способнаго руководить ею въ совершенно пока незнакомыхъ ей государственныхъ дѣлахъ. Въ ноябрѣ 1837 года Викторія въ первый разъ открыла засѣданіе парламента и въ тронной рѣчи своей предложила обѣимъ палатамъ заняться преимущественно вопросами, касающимися Ирландіи, а именно: изданіемъ закона о бѣдныхъ и отмѣнѣ церковной десятины.

Волненія въ Ирландіи, несмотря на отмѣну Testact'a (законъ о присягѣ) и на допущеніе ирландскихъ католиковъ въ депутаты парламента, не прекратились. Ирландскіе инсургенты (носившіе до 1829 года—названіе риббонистовъ) не удовольствовались этими правительственными уступками и требовали полнаго уравненія своихъ правъ съ правами англійскихъ подданныхъ Великобританіи. При Вильгельмѣ IV, рядомъ съ требованіями объ отмѣнѣ десятины, платимой ирландскимъ населеніемъ въ пользу англиканскаго (протестантскаго) духовенства, ирландцы стали требовать отдѣльнаго парламента для Ирландіи, отдѣльной администраціи и вообще самаго широкаго самоуправленія. Надо замѣтить, что до конца XVIII столѣтія въ Дублинѣ существовалъ самостоятельный парламентъ, въ члены котораго однако съ 1673 г., т. е. съ изданія

---

[1]) Вильгельмъ IV носилъ титулъ *короля Великобританіи и короля Ганноверскаго*. Послѣ его смерти, корона Великобританіи досталась его племянницѣ, Викторіи, а престолъ Ганноверскій—его младшему брату, герцогу Кумберландскому, Эрнесту-Августу.

Test-act'а, католики не допускались; въ 1800 году Дублинскій парламентъ былъ соединенъ съ парламентомъ англійскимъ, въ который, благодаря отмѣнѣ закона о присягѣ, стали допускаться депутаты отъ Ирландіи и отъ католическаго населенія вообще. Добившись отмѣны закона 1673 г., благодаря энергіи риббонистовъ и „великаго агитатора" (о'Коннеля), ирландскіе инсургенты, въ царствованіе Вильгельма IV, предъявили новое требованіе, такъ называемый *Рипиль* (Repeal, что̀ знач. отозваніе), т. е. потребовали возобновленія отдѣльнаго ирландскаго парламента въ г. Ду-

Викторія.

блинѣ. Англійское правительство и парламентъ не согласились на требованія рипилеровъ. Тогда „великій агитаторъ", разсчитывая угрозой вынудить уступки, сталъ подготовлять край къ возстанію. Для водворенія спокойствія и порядка, правительство съ своей стороны приняло слѣдующія мѣры: имъ изданы были: *„ирландскій церковный билль"* и *„ирландскій смирительный билль"*. Первымъ отмѣнялись прежніе церковные налоги, уменьшалось число католическихъ епархій; десятину должны были платить только землевладѣльцы; пріобрѣтаемая отъ новаго порядка экономія должна была

идти на нужды общаго народнаго образованія, т. е. на учрежденіе школъ какъ для католиковъ, такъ и для англиканцевъ. „*Смирительный билль*“ предоставлялъ лорду-намѣстнику Ирландіи чрезвычайныя полномочія для подавленія возстанія и право широкаго примѣненія военнаго суда ко всѣмъ нарушителямъ спокойствія. Обѣ эти мѣры не привели къ желаемой цѣли, а напротивъ того возбудили неудовольствіе какъ въ Ирландіи, такъ и въ самой Англіи. Католическое духовенство Ирландіи называло святотатствомъ распоряженіе, по которому экономія отъ церковныхъ сборовъ должна была идти частью на устройство протестантскихъ школъ. А въ Англіи такія распоряженія вызывали негодованіе въ протестантскомъ духовенствѣ и въ поклонникахъ старинныхъ англійскихъ учрежденій. Въ такомъ положеніи тянулся ирландскій вопросъ до сороковыхъ годовъ. Съ восшествіемъ на престолъ королевы Викторіи, вигское министерство должно было уступить, какъ мы уже видѣли, свое мѣсто торіямъ; тогда упали и надежды ирландцевъ на дальнѣйшее улучшеніе своего положенія путемъ законныхъ реформъ. Поэтому о'Коннель возобновилъ народное движеніе, разжигая на исполинскихъ митингахъ племенную и религіозную ненависть противъ англичанъ и указывая на „рипиль“, какъ на единственное средство спасенія родины. Снова вооруженныя толпы забродили по острову, разнося аграрныя убійства и пожары по землямъ англиканскихъ помѣщиковъ и духовныхъ лицъ. Возобновленіе „смирительнаго билля“ (отмѣненнаго во время вигскаго министерства лорда Мельбурна), арестъ о'Коннеля и отданіе его подъ судъ, — всѣ эти мѣры, предпринятыя правительствомъ, оказались безсильными для водворенія порядка. Только смерть о'Коннеля (1847) помогла нѣсколько англійскому правительству, такъ какъ послѣ него начались несогласія между вождями ирландскихъ патріотовъ. Но февральская революція снова подняла недовольныхъ и ускорила общій мятежъ. Тогда правительство поставлено было въ необходимость прибѣгнуть къ вооруженной силѣ и отправить войска въ Ирландію. Предводимые о'Бріиномъ, преемникомъ „великаго агитатора“, возставшіе не могли оказать сопротивленія регулярнымъ войскамъ и прекратили возмущеніе. Нѣсколько тысячъ ирландцевъ переселились въ Сѣверную Америку, и въ Ирландіи на время возстановилось наружное спокойствіе. [Правительство приступило, въ послѣднее время, къ кореннымъ реформамъ, церковнымъ, общественнымъ и политическимъ, и тѣмъ привело Ирландію въ болѣе удовлетворительное состояніе. Но, не смотря на эти реформы, Ирландія не спокойна и въ настоящее время].

Репрессивныя мѣры англійскаго правительства въ Ирландіи были причиною громадной эмиграціи ирландцевъ, переселявшихся въ Сѣверную Америку, откуда они продолжали свою агитацію, сносясь съ европейскими своими земляками, поддерживая ихъ совѣтами, деньгами и оказывая пріютъ и убѣжище новымъ переселенцамъ. Такіе эмигранты стали называть себя феніями.

Несмотря на то, что англійское правительство, въ послѣднее время, приступило къ радикальнымъ реформамъ церковнымъ, политическимъ и экономическимъ, ирландскій вопросъ далеко еще не можетъ считаться рѣшеннымъ. Напротивъ, аграрная агитаціонная дѣятельность феніевъ и недовольныхъ ирландцевъ приняла террористическій характеръ: феніи послѣдняго времени стремятся достигнуть осуществленія своихъ политическихъ задачъ не путемъ легальной парламентской борьбы, а системою устрашенія или террора, прибѣгая къ тайнымъ убійствамъ и дѣйствію динамита [1]).

Одновременно съ ирландскимъ вопросомъ, обсуждался въ парламентѣ и вопросъ о „*хлѣбномъ законѣ*", затруднявшемъ ввозъ въ Англію иностраннаго хлѣба. Отмѣна этого закона составляетъ заслугу радикаловъ. Законъ этотъ, выгодный исключительно для ландлордовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась монополія хлѣбной торговли, былъ крайне тяжелъ для низшихъ классовъ, вслѣдствіе постоянно высокой цѣны на хлѣбные продукты. Благодаря энергическимъ митингамъ и руководительству Кобдена, основателя такъ называемой *лиги противъ хлѣбныхъ законовъ* (anticornlaw-ligue), законъ этотъ былъ сперва смягченъ, а въ 1846 году совершенно отмѣненъ. Съ этихъ поръ, торговля хлѣбомъ была объявлена свободною. Для покрытія недочета въ государственной казнѣ, причиненнаго отмѣной хлѣбнаго закона, сэръ Робертъ Пиль ввелъ 3-хъ-процентный налогъ съ доходовъ, падавшій преимущественно на зажиточные классы. Такія распоряженія министерства Пиля вооружили противъ него торіевъ, считавшихъ его измѣнникомъ ихъ интересамъ, и они заставили его выйти въ отставку. Премьеромъ былъ назначенъ графъ Джонъ Россель, глава виговъ (1846).

Въ новомъ министерствѣ огромнымъ вліяніемъ пользовался министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Пальмерстонъ. При немъ Англія находилась на высшей степени внѣшняго могущества и торговаго преобладанія. Послѣднему весьма много содѣйствовали успѣхи англичанъ въ Средней Азіи и пріобрѣтеніе Адена (на южномъ берегу Аравіи), который доставилъ англичанамъ господство надъ торговымъ путемъ по Индійскому океану и тѣмъ „округлилъ"

[1]) Эмиграціи и репрессивныя мѣры сократили почти вдвое населеніе Ирландіи: въ 1841 г. въ Ирландіи было 10 мил. жителей; нынѣ—только 5 мил.

ихъ колоніальныя территоріи; въ то же время процвѣтаніе англійской колонизаціи въ Австраліи послѣ построенія тамъ городовъ Мельбурна и Аделаиды и открытія въ Австраліи золотоносныхъ песковъ, которые своимъ обиліемъ не уступали калифорнскимъ пріискамъ, привлекли туда множество колонистовъ изъ Англіи и другихъ государствъ Европы, тѣмъ болѣе, что климатическія условія послѣдней весьма сходны съ австралійскими.

Что касается до внѣшней политики, то лордъ Пальмерстонъ считалъ необходимымъ для выгодъ Англіи, послѣ разрыва „сердечнаго согласія“ съ Франціею по поводу „испанскаго двойнаго брака“ (при Луи-Филиппѣ), взять подъ свое покровительство революціонныя волненія на континентѣ Европы, чтобъ тѣмъ развлечь и ослабить европейскіе кабинеты. При такомъ образѣ дѣйствій Пальмерстонъ, понятно всѣми силами содѣйствовалъ успѣхамъ революціи, разлившейся въ 1848 году по государствамъ Западной

Европы. Такая политика сдѣлала имя его ненавистнымъ въ континентальныхъ монархіяхъ, а въ Англіи доставила ему громадную популярность. Выйдя изъ министерства [1]) на короткій срокъ (февраль 1852), онъ снова явился въ немъ и еще съ бо́льшимъ вѣсомъ пользовался своимъ вліяніемъ, чтобы возстановить прежній союзъ съ Франціею для взаимныхъ дѣйствій противъ Россіи.

Вражда между Англіею и Россіею, передъ крымскою войною, была вызвана слѣдующими поступками англійскаго правительства: 1) оно давало у себя убѣжище всѣмъ революціоннымъ дѣятелямъ континента: Луи-Бланъ, Мадзини, Кошутъ и др. находили въ Англіи полное покровительство. 2) Настойчивость, съ какою Англія, поддерживая революціонныя движенія на материкѣ, вымогала всѣми насильственными путями вознагражденія для своихъ подданныхъ, пострадавшихъ отъ революціонныхъ безпорядковъ въ томъ или другомъ краю Европы. Такъ, въ 1850 г. она выслала сильный флотъ къ берегамъ Греціи, чтобы потребовать вознагражденія отъ греческаго правительства за поврежденіе дома одного англійскаго подданнаго (Пачифико), и отдала приказаніе блокировать берега Мореи; такъ же насильственно Англія потребовала отъ Неаполя и Тосканы вознагражденія для своихъ пострадавшихъ подданныхъ. Противъ такого образа дѣйствій протестовала Россія, и императоръ Николай I отправилъ англійскому правительству ноту, въ которой грозилъ запретить англійскимъ подданнымъ пребываніе въ Россіи, если присутствіе ихъ поведетъ къ такимъ же замѣшательствамъ, какія произошли въ Греціи, Тосканѣ и Неаполѣ. Всѣ эти обстоятельства возбудили ненависть англичанъ противъ Россіи. Въ отмщеніе намъ, лордъ Пальмерстонъ, вступивъ въ концѣ 1852 г. снова въ министерство, устроилъ союзъ съ Франціею и изъ ничтожнаго на первый взглядъ недоразумѣнія на Востокѣ, которое могло быть устранено путемъ дипломатическимъ,—„возжегъ Крымскую войну“, въ которой Англія, Франція и Сардинія приняли на себя роли защитниковъ Турціи противъ предполагаемыхъ завоевательныхъ намѣреній императора Николая (см. гл. XX).

---

[1]) Главою министерства (торійскаго), во время отставки Пальмерстона, былъ графъ Дерби (съ февраля 1852 по декабрь того же года). Пальмерстонъ былъ низвергнутъ парламентомъ за преждевременное признаніе переворота, происшедшаго во Франціи 2-го декабря 1851 г. (см. гл. XVI).

3-й ПЕРІОДЪ (1848—1856 г.).

или

Эпоха Февральской республики и второй Французской Имперіи.

ГЛАВА XVI.

Февральская республика и Вторая Французская Имперія.

Назначеніе временнаго правительства —Стремленія соціалистовъ и коммунистовъ.— Устройство національныхъ мастерскихъ для рабочихъ.—Созваніе національнаго собранія.—Возмущеніе 15-го мая.

Послѣ отреченія Луи-Филиппа и неудачной попытки герцогини Орлеанской сдѣлаться регентшей за малолѣтствомъ своего сына, во Франціи была объявлена республика. Она продолжалась четыре года. Въ 1852 году президентъ республики, Луи-Бонапарте, прекратилъ ея существованіе и принялъ титулъ императора французовъ, подъ именемъ Наполеона III.

Въ тотъ же день (24-го февраля), когда Луи-Филиппъ отрекся отъ престола и съ семействомъ своимъ покинулъ Парижъ, толпа народа, ворвавшись въ Тюильрійскій дворецъ, провозгласила республику и съ тѣми же криками бросилась къ палатѣ депутатовъ. Тогда, при возрастающемъ шумѣ и напорѣ толпы, Ламартинъ предложилъ учредить временное правительство и созвать національное собраніе для рѣшенія вопроса о будущемъ государственномъ устройствѣ Франціи. *Назначеніе временнаго правительства* совершилось вполнѣ случайно: депутатамъ и собравшейся толпѣ предложено было написать на особыхъ листкахъ

имена тѣхъ лицъ, которыя, по ихъ мнѣнію, должны сдѣлаться членами временнаго правительства. Ламартинъ собралъ эти листки, составилъ, по собственному усмотрѣнію, списокъ и провозгласилъ слѣдующія фамиліи членовъ временнаго правительства: Ламартинъ, Дюпонъ де-Лэръ, Араго, Мари, Гарнье-Пажесъ, Луи-Бланъ, Ледрю-Ролленъ и Кремьё. Толпа одобрила избраніе, но потребовала включенія въ члены временнаго правительства одного рабочаго, по имени Альбера. Мѣстомъ засѣданій временнаго правительства назначена городская ратуша (hôtel de ville). Первыми распоряженіями новаго правительства были: 1) обнародованіе прокламаціи, провозглашавшей республику, и распущеніе прежнихъ палатъ, и 2) воззваніе къ войску, которымъ приглашалось присоединиться къ дѣлу народа и республики. Эти прокламаціи въ большомъ количествѣ экземпляровъ были выброшены изъ оконъ къ народу и въ этотъ же день появились напечатанными въ газетахъ.

Но большинство рабочаго населенія Парижа и сторонники принциповъ конвента не удовлетворилось совершившимися перемѣнами и громко требовало государственной помощи для улучшенія своего быта. Толпа нѣсколько разъ врывалась въ залы hôtel de ville и выражала явное намѣреніе разогнать временное правительство. Такъ, 25-го февраля, масса рабочихъ, доходившая до 40 тысячъ, осадивъ городскую ратушу, выставила слѣдующія требованія: 1) чтобы было принято красное знамя, напоминающее эпоху 1793 г., когда красный цвѣтъ былъ объявленъ символомъ человѣческаго братства, 2) чтобы національная гвардія была распущена и оружіе роздано народу, 3) чтобы новое правительство признало право на трудъ и доставило бѣднякамъ работу. Немалаго труда стоила защита временнаго правительства: оно многимъ обязано было краснорѣчію и присутствію духа Ламартина. „Чего вы хотите?“ воскликнулъ онъ, обратившись къ ворвавшейся толпѣ. „Твоей головы!“ отвѣчали ему. „Дай Богъ, сказалъ онъ, чтобы у каждаго изъ васъ была такая голова; вы поступали бы умнѣе“. На требованіе краснаго знамени онъ отвѣчалъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ допуститъ кровавому знамени занять мѣсто трехцвѣтнаго; „ваше красное знамя, сказалъ Ламартинъ, ходило только кругомъ Марсова поля, гдѣ въ 1792 и 1793 г. его влачили по крови народа, тогда какъ трехцвѣтное знамя, съ именемъ, славою и свободою отечества обошло кругомъ весь свѣтъ“. Въ концѣ концовъ удалось успокоить тысячи волновавшихся людей, отвергнуть требованія крайнихъ соціалистовъ и спасти для Франціи ея трехцвѣтное знамя.

Для упроченія своего положенія, временное правительство устроило *торжественное провозглашеніе республики*. 26-го февраля на Бастильской площади, передъ колонною, напоминавшею объ іюльской революціи, было отпраздновано объявленіе республики, безъ малѣйшаго нарушенія порядка. Съ этого момента вся Франція спѣшила присягнуть республикѣ и временному правительству.

Когда первое опасеніе гражданской войны миновало, временное правительство занялось внѣшними дѣлами и отправило къ дипломатическимъ представителямъ Франціи за границей циркуляръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ служить манифестомъ новой республики къ европейскимъ дворамъ. Основныя мысли его были: признаніе за всѣми вообще государствами права политическаго самоопредѣленія, которымъ Франція воспользовалась съ февральской революціи, и отреченіе отъ всякихъ наступательныхъ войнъ съ цѣлью завоеванія. Манифестъ этотъ, составленный Ламартиномъ, какъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, произвелъ въ Европѣ благопріятное впечатлѣніе, и великія державы признали Вторую Французскую республику, успокоенныя тѣмъ, что Франція отказывалась отъ пропаганды республики въ другихъ государствахъ.

Но при всемъ томъ, новой республикѣ угрожала большая внутренняя опасность, происходившая, главнымъ образомъ, отъ разстройства финансовъ и отъ неудовлетворительнаго положенія рабочаго класса. Правительство Луи-Филиппа оставило республикѣ долгъ въ четыре съ половиною милліарда. Такъ какъ государственные расходы должны были на первое время значительно увеличиться, а приходъ въ такомъ же отношеніи уменьшиться, то необходимо было найти экстраординарные финансовые источники. Гарнье - Пажесъ, министръ финансовъ, прибѣгъ къ увеличенію прямыхъ налоговъ на 45%, что, по разсчету, должно было принести около 190 милліоновъ. Правда, что эта мѣра нѣсколько облегчила финансовыя затрудненія, но зато она возбудила неудовольствіе въ сельскомъ населеніи, на которое она чувствительнѣе всего ложилась. Что же касается экономическаго состоянія страны вообще, то здѣсь еще сильнѣе отразились слѣды февральскихъ событій, и правительство, при всей его заботливости, не могло предупредить возникшія волненія. Признавъ „право на трудъ“, временное правительство должно было позаботиться объ исполненіи даннаго слова. Министру публичныхъ работъ, Мари, было поручено устроить такъ называемыя *національныя мастерскія* (atéliers nationaux), въ которыхъ неимѣвшіе хлѣба граждане должны были найти занятіе и вознагражденіе. Но единственное

занятіе, которое спѣшили дать незанятымъ рукамъ, состояло въ земляныхъ работахъ—дѣланіи насыпей, копаніи рвовъ и др.—не приносившихъ ни малѣйшей экономической пользы и служившихъ только предлогомъ для матеріальной поддержки неимущихъ. Число нуждавшихся въ пособіи и изъявившихъ желаніе вступить въ національныя мастерскія въ короткое время возрасло до 100 тысячъ человѣкъ. Сюда поступали даже писатели, живописцы, женщины и лица съ высшимъ образованіемъ, чтобы только имѣть чѣмъ жить. Конечно, существованіе такихъ мастерскихъ, работа которыхъ не соотвѣтствовала затратамъ, не могло продолжаться долго, безъ разоренія государственныхъ финансовъ.

Такія же серьезныя заботы возбуждалъ во временномъ правительствѣ такъ называемый *„рабочій парламентъ“* [1]), состоявшій при „правительственной коммисіи для рабочихъ“, во главѣ которой стоялъ Луи-Бланъ. Не столько учрежденный, сколько допущенный временнымъ правительствомъ, этотъ парламентъ имѣлъ цѣлью достигнуть осуществленія соціалистическихъ желаній и надеждъ. Онъ состоялъ изъ подмастерьевъ, фабричныхъ работниковъ и поденьщиковъ, которые своими совѣщаніями должны были выяснить свое положеніе и обсудить программу нужныхъ реформъ. Первою заботою парламента было отысканіе средствъ для облегченія трудовъ рабочаго класса и увеличенія вознагражденія. Собранія соціалистовъ были предметомъ постояннаго безпокойства для зажиточныхъ классовъ, которые боялись, что отсюда возникнетъ открытый и насильственный коммунизмъ, въ особенности, когда рабочій парламентъ своими принципами будетъ вліять на выборы въ депутаты національнаго собранія. Кромѣ того, безпокоили временное правительство и консервативную часть населенія „политическіе клубы“, которыхъ цѣлыя сотни образовались въ Парижѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Почти каждый изъ руководителей той или другой соціалистской секты успѣлъ основать свой клубъ (такъ, напр., Барбесъ, Распайль и др.). Были также и женскіе клубы, въ которыхъ ревностно трактовали о гражданскихъ правахъ женщины и въ особенности о такъ называемой „эмансипаціи женщинъ“. Вмѣстѣ съ клубами, Февральская революція дала широкій просторъ и ежедневной прессѣ: большая часть газетъ работала заодно съ клубами въ распространеніи соціалистическихъ идей [2]). Дѣйствуя сообща и заодно, рабочій парламентъ и клубы задумали - было

[1]) Засѣданія „рабочаго парламента“, открывшіяся въ мартѣ 1848 г, происходили въ Люксенбургскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Луи-Блана.

[2]) Наибольшею распространенностью пользовалась газета „la Presse“, число экземпляровъ которой ежедневно расходилось до 75 тысячъ. Ее издавалъ Эмиль Жирарденъ.

устроить оппозицію временному правительству, свергнуть его и, составивъ національное собраніе изъ приверженцевъ соціализма, дать Франціи чисто-соціальную республику. Но предпріятіе ихъ потерпѣло неудачу вслѣдствіе нежеланія Луи-Блана принять на себя руководство движеніемъ.

Національное собраніе открылось въ Парижѣ въ началѣ мая. Депутаты [1]), выразивъ временному правительству благодарность отъ имени Франціи и объявивъ, „что оно хорошо послужило отечеству", занялись разрѣшеніемъ вопроса, кому вручить теперь исполнительную власть въ республикѣ. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ, рѣшено было избрать *„исполнительную коммисію"* изъ пяти лицъ, которая бы управляла республикой до окончательнаго установленія новой конституціи. Членами этой исполнительной коммисіи сдѣлались тѣ же лица, которыя составляли прежнее временное правительство, за исключеніемъ только Луи-Блана и рабочаго Альбера.

Такой составъ „исполнительной коммисіи" крайне не нравился ультра-республиканцамъ и соціалистамъ, въ особенности потому, что новое правительство отвергло ихъ предложеніе объ учрежденіи „министерства труда" съ Луи-Бланомъ во главѣ. Неудовлетворенные рѣшились разогнать національное собраніе и учрежденную „коммисію" и поставить на ихъ мѣсто соціально-демократическую диктатуру. Ударъ національному собранію и его правительству готовился на 15-е мая; предлогомъ было требованіе заступничества за Польшу [2]). Дѣйствительно, рано утромъ, 15-го мая, члены соціально-демократическихъ клубовъ собрались, по условію, на площади Бастиліи и на сосѣднихъ бульварахъ; во главѣ ихъ стояли Бланки, Сорбье, Распайль и Гюберъ. Въ нѣсколько часовъ толпа, присоединившаяся къ нимъ, возрасла до 100 тысячъ человѣкъ. Правительство знало о замыслахъ соціалистовъ и приняло свои мѣры, поручивъ командованіе войсками начальнику національной гвардіи, генералу Куртэ, который оказался сторонникомъ возстанія. Почти безпрепятственно толпа ворвалась въ самую залу засѣданій и съ шумомъ выставила такія требованія: 1) чтобы Франція поставила сѣвернымъ державамъ—Россіи, Австріи и Пруссіи короткій срокъ для возстановленія Польши и, по истеченіи этого срока, немедленно бы двинула противъ нихъ свои войска, и 2) чтобы народу была доставляема постоянная работа или безденежная раз-

---

[1]) Большинство депутатовъ принадлежало къ умѣренной республикѣ, а не соціально-демократической. Общее число депутатовъ — 900 (на 40 тысячъ жителей—одинъ депутатъ).

[2]) Послѣ неудавшихся польскихъ мятежей (1830 и 1846 гг.), польская эмиграція направилась въ Парижъ, гдѣ число эмигрантовъ въ 1848 году доходило до 30 тысячъ.

дача хлѣба. Послѣ нѣсколькихъ часовъ безплоднаго шума, до ораторской трибуны добрался Гюберъ и изо всѣхъ силъ прокричалъ: „во имя народа, обманутаго своими собственными представителями, объявляю національное собраніе распущеннымъ; мѣсто его заступитъ новое правительство подъ названіемъ „комитета общественной безопасности". Порядокъ возстановленъ былъ на этотъ разъ энергіею Ламартина, не потерявшаго присутствія духа, подобно прочимъ членамъ „исполнительной коммисіи". Арестовавъ генерала Куртэ, Ламартинъ взялъ на себя роль генерала, сѣлъ на драгунскую лошадь, велѣлъ привезти пушки и затѣмъ, съ нѣсколькими тысячами національной и подвижной гвардіи (garde mobile), двинулся къ ратушѣ. Улицы, по которымъ тянулось шествіе, предводимое Ламартиномъ, встрѣтили его съ восторженными восклицаніями, маханьемъ платковъ и заявленіями полнаго одобренія. До ратуши шествіе достигло безпрепятственно; оставалось пробиться сквозь тѣснившуюся около нея толпу. Сами предводители возстанія сдались безъ малѣйшаго сопротивленія [1]).

15-е мая было послѣднимъ моментомъ популярности Ламартина. Съ этого дня его значеніе быстро и неудержимо начало упадать. Въ первые дни іюня происходило нѣсколько дополнительныхъ выборовъ въ національное собраніе. Въ числѣ новыхъ членовъ находился и Луи-Наполеонъ, племянникъ Наполеона I (впослѣдствіи императоръ французовъ подъ именемъ Наполеона III). Опасаясь паденія республики со вступленіемъ Луи-Наполеона въ число членовъ собранія, такъ какъ онъ уже при Луи-Филиппѣ дѣлалъ нѣсколько покушеній (въ Страсбургѣ и Булони) возстановить императорскій тронъ, Ламартинъ напомнилъ національному собранію о законѣ 1832 года, которымъ фамилія Бонапарте, въ лицѣ Луи-Наполеона, осуждена на вѣчное изгнаніе. Но собраніе отвергло предложеніе Ламартина и допустило Луи-Бонапарта въ свои члены. Сторону Ламартина приняли члены исполнительной коммисіи, и, такимъ образомъ, начались между національнымъ собраніемъ и коммисіей несогласія, возраставшія съ каждымъ днемъ. Эти несогласія увеличились еще болѣе по поводу вопроса о національныхъ мастерскихъ. Національное собраніе требовало уничтоженія національныхъ мастерскихъ, какъ заключавшихъ въ себѣ всѣ элементы волненій и безпорядковъ: такое требованіе казалось ему удобоисполнимымъ и не опаснымъ; исполнительная же коммиссія, убѣжденная также въ экономическомъ и нравственномъ вредѣ національныхъ

[1]) Гюберъ и Альберъ были осуждены въ ссылку, Бланки - на семилѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ; а Луи-Бланъ, противъ котораго также было возбуждено преслѣдованіе, успѣлъ скрыться и уѣхать въ Англію.

мастерскихъ, ясно понимала всю трудность ихъ уничтоженія. Опасенія коммисіи оправдались на дѣлѣ, во время извѣстныхъ *„іюньскихъ дней“* (съ 22-го по 26-е іюня). Уже съ 15-го мая правительство стало издавать нѣкоторыя мѣры для сокращенія національныхъ мастерскихъ и расходовъ на нихъ [1]); такъ предложено было всѣмъ рабочимъ — холостымъ, отъ 18 до 25 лѣтъ,—вступить въ военную службу и безъ дальнѣйшихъ околичностей уволить тѣхъ изъ нихъ, которые бы не приняли этого предложенія; затѣмъ приказано было удалить изъ мастерскихъ всѣхъ рабочихъ, которые не жили въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, шесть мѣсяцевъ; предписано было оплачивать работу въ мастерскихъ не одной неизмѣнной поденной платой (по 2 франка въ сутки), а поштучно; наконецъ, постановлено было, чтобы часть рабочихъ была удалена изъ Парижа и занята была въ отдаленныхъ провинціяхъ. Директоръ національныхъ мастерскихъ (Эмиль Тома̀) отказался исполнить эти постановленія „коммисіи“ и былъ арестованъ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ возстанію, продолжавшемуся съ 22-го по 26-е іюня. Въ первый день толпа рабочихъ явилась къ исполнительной коммисіи и потребовала отмѣны послѣднихъ ея распоряженій. Въ теченіе ночи возстаніе совершенно организовалось и рано утромъ (23-го іюня) вооруженные рабочіе, по сдѣланному наканунѣ соглашенію, устремились къ Пантеонской площади. Здѣсь они произнесли клятву—„свобода или смерть“ и двинулись по направленію бульваровъ, строя баррикады, вышиною равнявшіяся съ домами. Опасность для правительства становилась съ каждымъ часомъ серьезнѣе и серьезнѣе; оно поручило генералу Кавеньяку, вызванному за нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ Алжира, принять въ управленіе военное министерство, команду надъ войсками и начальствованіе надъ національною гвардіею; а на слѣдующій день, когда опасность усилилась, главнокомандующему была предоставлена временно вся исполнительная власть. Кавеньякъ не замедлилъ воспользоваться даннымъ ему полномочіемъ: онъ велѣлъ запереть улицы, еще не тронутыя возстаніемъ, запретилъ показываться на нихъ всякому, кто не имѣлъ пропускнаго вида, и открывать окна въ домахъ, чтобы до нѣкоторой степени обезопасить свои войска отъ выстрѣловъ изъ засады. Подкрѣпленный на слѣдующій день (25-го іюня) новыми войсками, явившимися изъ провинцій, Кавеньякъ вступилъ въ битву съ инсургентами въ предмѣстьи Сенъ-Жака. Здѣсь въ этотъ день погибъ архіепископъ парижскій д'Аффръ. Съ согласія Кавеньяка, онъ хотѣлъ подѣйствовать на

[1]) Въ первыя 4 недѣли издержано на содержаніе мастерскихъ до 4-хъ милліоновъ франковъ.

возставшихъ значеніемъ своего сана и силой своего краснорѣчія; онъ явился въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи двухъ викаріевъ; передъ нимъ несли вѣтку мира. Онъ приблизился къ громадной баррикадѣ и своимъ появленіемъ остановилъ на время враждебныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Одинъ изъ его спутниковъ прочелъ прокламацію Кавеньяка, обѣщавшую прощеніе, если возставшіе положатъ оружіе. Но вооруженное населеніе Сенъ-Жакскаго предмѣстья выразило сомнѣніе насчетъ подлинности подписи Кавеньяка. Въ то время, когда шла рѣчь о томъ, чтобы до-

Кавеньякъ.

стать для сличенія собственноручную подпись генерала, начались снова выстрѣлы и одна изъ первыхъ пуль поразила архіепископа. Перенесенный въ свое жилище, онъ скончался, сказавъ: „дай Богъ, чтобы моя кровь была послѣднею пролитою кровью". Тогда возставшіе пытались завязать переговоры съ главнокомандующимъ, но Кавеньякъ объявилъ имъ, что онъ отъ переговоровъ отказывается, а даетъ имъ срокъ до 10 часовъ утра, по истеченіи котораго все предмѣстье подвергнется рѣшительному штурму. Дѣйствительно, 26-го іюня, началось обстрѣливаніе предмѣстья и черезъ часъ оно

сдалось на полную волю побѣдителя. Никогда возстаніе на улицахъ Парижа не продолжалось такъ долго, какъ въ эти іюньскіе дни 1848 г. Число убитыхъ въ эти четыре дня насчитывалось до 10 тысячъ; плѣнныхъ у возставшихъ взято отъ 12 до 14 тысячъ. Судебное рѣшеніе относительно ихъ участи было такое: арестованныхъ, участіе которыхъ въ возстаніи доказано, отправить во французскія колоніи Новаго Свѣта, а предводителей и зачинщиковъ возстанія подвергнуть военному суду.

Національное собраніе выразило Кавеньяку благодарность отечества за оказанныя услуги и непосредственно затѣмъ назначило его главой исполнительной власти и президентомъ кабинета [1]). Новое правительство твердою рукою принялось за строгія мѣры; упразднило національныя мастерскія, закрыло многіе клубы и запретило одиннадцать газетъ (въ томъ числѣ и „Прессу" Э. Жирардена); кромѣ того, была учреждена особая полиція для надзора за клубами, и осадное положеніе Парижа продолжено на неопредѣленное время. Республиканскій характеръ Кавеньяка рѣшительно враждебно относился какъ къ соціалистамъ и ультра-демократамъ (краснымъ), такъ и къ легитимистамъ и бонапартистамъ, которые теперь начали готовиться къ борьбѣ съ республикою. Кавеньякъ хотѣлъ „республики умѣренной и честной (honnete)", какъ онъ самъ выражался. Между тѣмъ, и въ національномъ собраніи, и въ массѣ народа искреннихъ приверженцевъ политическаго взгляда Кавеньяка было немного, и если они поддерживали еще іюньскаго героя большинствомъ голосовъ въ національномъ собраніи, то это единственно только потому, что страхъ, возбужденный іюньскими днями, еще не миновалъ. Когда же впечатлѣнія отъ іюньскихъ событій стали забываться, правительство Кавеньяка стало все больше и больше терять подъ собою почву и должно было уступить свое мѣсто принцу Луи-Наполеону, попавшему при дополнительныхъ выборахъ въ члены національнаго собранія и сдѣлавшемуся вскорѣ президентомъ республики.

Главная цѣль, съ которою образовалось національное собраніе, и главная задача его состояли въ созданіи *основнаго государственнаго устройства республики*. Волненія, причиненныя правительству покушеніями соціальныхъ демократовъ, замедлили работы національнаго собранія, и потому только къ ноябрю 1848 г. послѣдовало торжественное обнародованіе акта новаго республиканскаго устройства Франціи. Оно состояло изъ національнаго собранія, которому вручалась законодательная власть, и президента — главы

[1]) Съ 28-го іюня по 20-е декабря 1848 г.

исполнительной власти. Національное собраніе состояло изъ 750 членовъ, не моложе 25 лѣтъ. Президентъ, избираемый всеобщею подачею голосовъ на четыре года, долженъ быть не моложе 30 лѣтъ; вторично онъ можетъ быть выбранъ въ президенты только послѣ четырехлѣтняго промежутка.

Самымъ важнымъ вопросомъ, занимавшимъ націю послѣ объявленія новаго республиканскаго устройства, былъ выборъ президента, назначенный на 10-е декабря. Популярность Кавеньяка значительно пошатнулась послѣ закрытія національныхъ мастерскихъ; звѣзда Ламартина стала меркнуть уже съ 15-го мая. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ дѣйствительныхъ или возможныхъ кандидатовъ на президентство Луи Бонапарте былъ единственнымъ, который старался привязать къ себѣ надежды рабочаго и особенно сельскаго населенія, обѣщая, между прочимъ, облегчить 45%-е налоги, введенные временнымъ правительствомъ. Чѣмъ ближе подходилъ день выборовъ, тѣмъ больше становилось общимъ убѣжденіемъ, что Луи Бонапарте возьметъ верхъ надъ Кавеньякомъ, Ламартиномъ, Ледрю-Ролленомъ и Распайлемъ (послѣднихъ двухъ выставила соціально-демократическая партія). Результатъ выборовъ превзошелъ всѣ ожиданія бонапартистовъ и самыя худшія опасенія ихъ противниковъ. Изъ поданныхъ голосовъ самое большое число досталось Луи Бонапарте (а именно 5½ мил.) [1].

---

[1]) *Біографія Луи-Наполеона.* Луи-Наполеонъ родился 12-го окт. 1808 г. Отцомъ его былъ король голландскій Людовикъ Бонапарте, а матерью — Гортензія Богарне, падчерица Наполеона I, который обѣщалъ Гортензіи, при достиженіи совершеннолѣтія ея сыновей (Наполеона и Луи), приготовить для нихъ вакантные троны. Императоръ часто самъ занимался съ племянниками, слушалъ ихъ дѣтскіе разсказы и репетировалъ съ ними заданные уроки. Не измѣнилъ онъ своихъ привычекъ въ семьѣ Гортензіи и послѣ вступленія своего въ бракъ съ Маріею-Луизою и рожденія короля римскаго Отецъ же принцевъ, король голландскій, совершенно не заботился о своихъ дѣтяхъ. Послѣ перваго паденія имперіи, когда Парижъ былъ занятъ союзными войсками, Гортензія нашла себѣ покровителя въ императорѣ Александрѣ I, который убѣдилъ ее остаться въ Парижѣ и часто навѣщалъ эту семью. Вниманіе и покровительство Александра I не ослабили привязанности Гортензіи къ Наполеону I. Во время „ста дней" она не только отдала, въ распоряженіе Наполеона всѣ свои капиталы и драгоцѣнности, но и принимала горячее участіе въ подготовкѣ всего этого бонапартистскаго заговора; вслѣдствіе чего, послѣ вторичнаго занятія Парижа союзниками, ей приказано было оставить городъ въ теченіе двухъ часовъ. Гортензія поселилась въ Швейцаріи, въ замкѣ Арененбергъ, на берегу Констанскаго озера. Въ 1828 году, пользуясь разрѣшеніемъ короля баварскаго, Гортензія переселилась въ Аугсбургъ, гдѣ и помѣстила Луи-Наполеона въ гимназію Св. Анны. Іюльская революція застала принца снова въ Швейцаріи. Онъ немедленно, по полученіи извѣстія о революціи, написалъ Луи-Филиппу, прося принять его на службу во французскую армію; но правительство іюльской монархіи, какъ бы въ отвѣтъ на это, снова подтвердило актъ объ изгнаніи фамиліи Бонапартовъ изъ предѣловъ Франціи. Съ этой поры принцъ бросился въ объятія революціи и переѣхалъ въ Италію. Въ Римѣ онъ вступилъ въ общество карбонаровъ и участвовалъ въ одной карбонарской экспедиціи, двинувшейся въ папскія владѣнія. Австрійцы разбили карбонарскіе отряды при Отрокли. Принцъ Людовикъ со своимъ братомъ Наполеономъ должны

20-го декабря результатъ всеобщей подачи голосовъ былъ торжественно провозглашенъ въ національномъ собраніи, и затѣмъ послѣдовало тотчасъ же провозглашеніе Луи Бонапарте президентомъ республики, срокомъ—на четыре года. По знаку предсѣдателя собранія, изъ сосѣдней комнаты вышелъ въ залъ собранія Луи Бонапарте, въ черномъ фракѣ, съ лентой почетнаго легіона черезъ плечо. Поднявшись на трибуну, онъ твердымъ голосомъ про-

---

были спасаться бѣгствомъ; во время бѣгства старшій изъ нихъ скончался, а младшій, Луи, тяжело заболѣлъ и едва не попался въ плѣнъ. Гортензія поспѣшила въ Италію и ей удалось спасти своего больного сына. Подъ чужими именами, они бѣжали въ Парижъ и разсчитывали, при личномъ свиданіи съ Луи-Филиппомъ, снять опалу съ дома Бонапарте. Но король-гражданинъ, отказавшись отъ свиданія, передалъ имъ черезъ Казиміра Перье повелѣніе оставить Парижъ и предѣлы Франціи, откуда мать и сынъ должны были снова вернуться въ Арененбергъ. Здѣсь принцъ серьезно отдался дѣлу своего образованія и съ рвеніемъ занялся изученіемъ военныхъ наукъ. Въ 1831 году возставшіе поляки пригласили его стать во главѣ ихъ дѣла: онъ немедленно поѣхалъ, но по дорогѣ узналъ о паденіи Варшавы и снова вернулся въ Швейцарію. Въ 1832 году, послѣ смерти герцога Рейхштадтскаго, Луи-Наполеонъ объявилъ себя прямымъ наслѣдникомъ императорскихъ правъ Наполеона I и въ этомъ же году поступилъ членомъ въ орденъ іезуитовъ, а вслѣдъ за тѣмъ и въ общество франъ-масоновъ. Послѣдствія показали, что принцъ іезуитъ, масонъ и карбонаръ съумѣлъ не мало воспользоваться уроками своихъ учителей. Въ 1832 году появились его первые литературно-политическіе труды. Въ своихъ „Rêveries politiques" онъ доказываетъ, что необходимыми факторами государства во Франціи должны быть: народъ, законодательный корпусъ и императоръ; народъ безъ всякаго ценза долженъ принимать участіе въ выборахъ (suffrage universel), какъ палатъ, такъ и императора; исключительно народу должно принадлежать право въ измѣненіи государственнаго устройства. Послѣ этого появились „Considérations politiques et militaires sur la Suisse" и „Manuel d'artillerie". Вскорѣ отъ политической проповѣди о государственной власти народа Луи-Наполеонъ перешелъ къ политической агитаціи. Страсбургская попытка его уже извѣстна. Высланный въ Америку, онъ предался тамъ веселому и разгульному образу жизни, сопровождавшемуся цѣлымъ рядомъ похожденій. Подъ предлогомъ болѣзни матери, онъ вернулся въ Европу, но вслѣдствіе противодѣйствія французскаго и австрійскаго правительствъ долженъ былъ покинуть континентъ и переѣхать въ Англію, гдѣ онъ издалъ свое новое сочиненіе: „Idées Napoléoniennes". Послѣ перевезенія праха Наполеона I, принцъ рѣшился воспользоваться благопріятнымъ для него настроеніемъ французскаго общества (Булонское покушеніе), но его постигла неудача, и онъ попалъ на судъ палаты пэровъ. Въ своей защитительной рѣчи онъ и не оправдывалъ своего поступка, указывая на свои наслѣдственныя права. „Я представляю вмѣстѣ со всѣми вами одинъ принципъ, одинъ фактъ, одно чувство. Принципъ этотъ—верховная власть народа, фактъ—имперія, которой вы всѣ когда-то служили и одно чувство, раздѣляемое всѣми вами—месть за Ватерлоо. Что-же разъединяетъ насъ?" Несмотря на впечатлѣніе, произведенное рѣчью, пэры присудили его къ пожизненному заключенію въ крѣпости Гамѣ. Въ темницѣ принцъ пользовался значительною свободою и всѣми силами старался обратить на себя общественное вниманіе: онъ приглашалъ къ себѣ на бесѣды Л. Блана, издавалъ политическія брошюры и таинственно писалъ къ парижанамъ. Въ мартѣ 1834 года принцъ бѣжалъ, при содѣйствіи своего медика Конно, и перебрался въ Англію, гдѣ снова предался разгулу и веселой праздности. Съ радостнымъ чувствомъ принялъ онъ извѣстіе о низверженіи Луи-Филиппа. „Не пройдетъ и года, какъ я буду стоять во главѣ французскаго правительства", сказалъ онъ леди Дугласъ. Дѣйствительно, въ маѣ 1848 г. принцъ былъ избранъ въ депутаты, въ томъ же году—въ президенты республики, а черезъ четыре года — онъ сталъ императоромъ французовъ. Послѣ паденія Второй имперіи (сентябрь 1870 г.), Наполеонъ III изъ нѣмецкаго плѣна уѣхалъ въ Англію, поселился съ своею семьею въ Чиськерстѣ, гдѣ и скончался въ 1872 году подъ мучительною операціею.

изнесъ формулу присяги, назвалъ фамиліи лицъ, назначенныхъ имъ на министерскіе посты, и затѣмъ поблагодарилъ ихъ предшественниковъ. Всѣ полагали, что засѣданіе кончено, но президентъ оставался на трибунѣ. „Мои обязанности, сказалъ онъ, предписаны мнѣ голосомъ націи, и я исполню ихъ, какъ честный человѣкъ. Будемъ всѣ сынами нашего отечества, а не сынами той или другой партіи, тогда мы, съ Божьею помощью, сдѣлаемъ хоть что нибудь доброе, если намъ не удастся совершить что либо великое". Окончивъ свою рѣчь, Луи-Наполеонъ подошелъ къ Кавеньяку, взялъ его за руку и сказалъ: „генералъ, я горжусь быть преемникомъ такого человѣка, какъ вы".

Президентство Луи Бонапарте продолжалось съ декабря 1848 г. по декабрь 1852 г. Положеніе новаго президента было довольно затруднительно. Національное собраніе не могло служить ему непосредственной опорой, такъ-же какъ и войско, которое склонялось къ Кавеньяку; парижское же населеніе, доставивши президенту большинство голосовъ при избраніи, дало ему это большинство скорѣе изъ ожесточенія противъ его соперника Кавеньяка, чѣмъ изъ расположенія къ нему самому. Затруднительность его положенія усиливалась и отъ тѣхъ ожиданій, которыя возлагались на новое правительство сельскимъ населеніемъ, мечтавшимъ о дѣйствительномъ облегченіи налоговъ. Къ этому прибавились безчисленныя требованія, поднятыя бывшими солдатами и приверженцами Наполеона I, которые хотѣли, чтобы племянникъ вознаградилъ ихъ за услуги императору должностями, почестями, а въ особенности деньгами. Съ министерствомъ также не было согласія; разладъ возникъ по поводу требованія президентомъ выдачи документовъ по двумъ процессамъ, которые ведены были въ судѣ пэровъ относительно его возмущеній въ Страсбургѣ и Булони. Министерство отказало.

При такомъ противодѣйствіи, какое оказывали президенту и его анти-либеральнымъ наклонностямъ національное собраніе и министерство, Луи-Наполеонъ сталъ искать популярности среди сельскаго населенія, войска и духовенства. Послѣднему онъ умѣлъ понравиться выраженіемъ своего расположенія къ церкви и усердія къ папскому престолу. Въ 1849 г. онъ двинулъ къ Риму войско, подъ начальствомъ генерала Удино, для подавленія республики въ Римѣ и возстановленія папской власти (см. гл. XVI). Это крайне понравилось духовенству, но, съ другой стороны, ослабило расположеніе къ президенту со стороны приверженцевъ республики; имъ казалось непослѣдовательнымъ, чтобы президентъ республики дѣйствовалъ во имя монархической власти папы. Возмущало привер-

женцевъ республики и незаконное давленіе на выборы въ національное собраніе: выборы производились не всеобщею подачею голосовъ, но посредствомъ предварительныхъ оффиціальныхъ списковъ. Раздраженные такими дѣйствіями президента, республиканцы, заодно съ легитимистами и орлеанистами, возбудили (1849 г.) возстанія въ Парижѣ и Ліонѣ, съ цѣлью свергнуть президента; но послѣдній, съ помощью войска, быстро разсѣялъ ихъ скопища и въ самомъ началѣ разрушилъ ихъ баррикады.

Съ этихъ поръ наружный порядокъ въ республиканской Франціи болѣе не нарушался, положеніе президента упрочилось, и онъ могъ приняться за развитіе своей привительственной системы, состоявшей въ постепенномъ подготовленіи имперіи. Стремясь къ выполненію этой задачи, онъ видѣлъ необходимость освободить правительство отъ вліянія партій и, перемѣнивъ нѣсколько министерствъ, пересталъ выбирать своихъ министровъ изъ національнаго собранія для того, чтобы, какъ говорилъ онъ, „не зависѣть отъ большинства или меньшинства, происходящихъ только отъ минутнаго расположенія умовъ". Подъ вліяніемъ такой политики, президентъ достигъ полнаго наружнаго спокойствія въ странѣ. Вполнѣ понимая, что легче всего и на будущее время протянуть этотъ внутренній порядокъ, имѣя на своей сторонѣ войско, президентъ не замедлилъ привязать его къ себѣ еще болѣе посредствомъ такъ называемыхъ *военныхъ банкетовъ*, или ежегодныхъ угощеній, для чего онъ умѣлъ вытребовать у національнаго собранія два милліона франковъ. Въ то же время онъ окружилъ себя преданными ему, способными генералами: Сентъ-Арно, Пелисье, Маньянъ, и удалилъ изъ службы нерасположеннаго къ нему генерала Шангарнье [1]), котораго національное собраніе считало самою твердою своею опорою, какъ начальника національной гвардіи; префектуры и другія значительныя мѣста президентъ замѣщалъ людьми, готовыми къ его услугамъ и ему преданными. При этомъ, онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы выставить себя блюстителемъ народнаго блага и защитникомъ народныхъ правъ; слабыя стороны своего управленія онъ умѣлъ относить къ мѣшающей ему оппозиціи національнаго собранія и пробуждать въ толпѣ сочувствіе къ памяти и управленію своего дяди. Такими средствами онъ проложилъ себѣ путь къ единовластію и 2-го декабря 1851 года совершилъ свой знаменитый *coup d'état* или *государственный переворотъ*.

Великій внутренній вопросъ, передъ которымъ отступали на задній планъ всѣ другіе общественные интересы, былъ—пересмотръ

---

[1]) Скончался въ февралѣ 1877 г.

государственнаго устройства республики. Въ этомъ вопросѣ дѣло шло собственно только о томъ параграфѣ (§ 45), который дозволялъ вторичное избраніе того же президента только послѣ четырехлѣтняго промежутка. Чтобы достигнуть измѣненія этого параграфа, нужно было имѣть рѣшеніе національнаго собранія, принятое тремя четвертями голосовъ; такое же количество голосовъ требовалось вообще для измѣненій въ государственномъ устройствѣ. Но когда національное собраніе высказалось противъ измѣненія государственнаго устройства (а слѣдовательно, и противъ вторичнаго президентства Луи Бонапарте) и, кромѣ того, потребовало себѣ права распоряжаться военными силами республики, Луи Бонапарте рѣшился привести въ исполненіе давно задуманный планъ государственнаго переворота. Видя опасность для своей власти, которая легко могла ускользнуть изъ его рукъ, онъ отважился, по примѣру своего дяди, повторить 18-го брюмера 1799 года,—и 2-го декабря 1851 г., въ годовщину коронаціи Наполеона I и Аустерлицкой побѣды, произвелъ переворотъ (coup d'état), посредствомъ котораго онъ освободился отъ національнаго собранія и присвоилъ себѣ почти верховную власть.

Приготовленія къ государственному перевороту дѣлались президентомъ въ *полнѣйшей* тайнѣ, при содѣйствіи небольшаго числа самыхъ довѣренныхъ лицъ. Важнѣйшую роль тутъ играли военный министръ Сентъ-Арно (прежде называвшійся Ле-Руа), пріобрѣтшій себѣ военную репутацію въ алжирскомъ походѣ; Морни [1]), Мопа, Маньянъ и правая рука президента—Фіаленъ-де-Персиньи, бывшій унтеръ-офицеръ, заслужившій расположеніе Луи Бонапарта въ Страсбургѣ и Булони.

Наканунѣ переворота, вечеромъ 1-го декабря 1851 г., президентъ давалъ роскошный балъ во дворцѣ Элизе-Бурбонъ, на который собралось блестящее общество государственныхъ людей, дипломатовъ, офицеровъ и негоціантовъ. Хозяинъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и, противъ своего обыкновенія, необычайно разговорчивъ. Въ полночь, когда гости разъѣхались, были приняты окончательныя мѣры къ исполненію плана: въ кабинетъ Луи-Наполеона собрались всѣ сторонники, посвященные въ задуманное дѣло: тутъ были Морни, Мопа, Сентъ-Арно (военный министръ), Маньянъ, Фіаленъ-де-Персиньи. Президентъ вынулъ изъ письменнаго стола пакетъ (на которомъ стояла собственноручная надпись президента „Рубиконъ") и вручилъ каждому подробную инструкцію относительно дѣйствій на завтрашній день. Морни полу-

[1]) Морни былъ сводный братъ Луи-Наполеона (сынъ Гортензіи Богарне и графа Флаго).

чилъ назначеніе быть министромъ внутреннихъ дѣлъ; Эспинасу поручено было овладѣть національнымъ собраніемъ, а на Мопа, главнаго полицейскаго префекта, возложено было произвести аресты наиболѣе вліятельныхъ членовъ оппозиціи. Не смотря на всѣ принятыя предосторожности, заговорщики казались взволнованными. „Само собою разумѣется, что каждый изъ насъ рискуетъ своей шкурой!“ сказалъ уходя Морни. Выйдя изъ дворца, онъ отправился въ государственную типографію, гдѣ немедленно же было приступлено къ печатанію прокламаціи, въ которой президентъ объяснялъ свой поступокъ и отдавалъ себя на судъ націи. Напечатанные экземпляры были немедленно расклеены по всѣмъ улицамъ столицы. Въ то же самое время, въ полицейской префектурѣ каждый коммисаръ получилъ приказаніе произвести арестъ того или другаго выдающагося члена оппозиціи. Еще до разсвѣта полицейскіе коммисары успѣли произвести аресты указанныхъ имъ лицъ, которыхъ они застали большею частью въ постели. Въ эту ночь были арестованы: Кавеньякъ, Шангарнье, Тьеръ, Распайль, Викторъ Гюго и другіе, и послѣ непродолжительнаго заключенія были изгнаны изъ Франціи, одни—навсегда, другіе—на неопредѣленное время. Эспинасъ-же со своими солдатами занялъ помѣщеніе національнаго собранія и арестовалъ квесторовъ. Утромъ народъ шумно собирался передъ наклеенными прокламаціями, но, несмотря на всеобщее негодованіе, оставался еще покойнымъ. Между тѣмъ, члены національнаго собранія, оправившись отъ перваго испуга, рѣшили собраться для совѣщанія въ одной частной квартирѣ, но при самомъ началѣ засѣданія неожиданно явились жандармы и почти всѣ они были арестованы. Нѣсколько депутатовъ лѣвой, избѣгшихъ ареста, тайно собрались въ другомъ мѣстѣ и, по предложенію поэта Виктора Гюго, издали слѣдующее краткое воззваніе: „Къ народу! Конституція поручается защитѣ и патріотизму всѣхъ французовъ. Луи-Наполеонъ стоитъ внѣ закона. Всеобщая подача голосовъ возстановлена. Да здравствуетъ республика! Къ оружію!“. Дѣйствительно, 3-го декабря въ разныхъ частяхъ города появились баррикады и народное волненіе грозило перейти въ революцію. Наполеону оставалось выбирать между императорскою короною и полнымъ паденіемъ: онъ рѣшился успокоить населеніе столицы и другихъ городовъ самыми крайними мѣрами Преданныя ему войска, сломивъ сопротивленіе баррикадъ, безъ всякой нужды и повода, принялись стрѣлять въ толпу мирныхъ гражданъ, въ окна домовъ и лавокъ, врывались въ кофейни и рестораны и убивали всѣхъ бѣгущихъ, безъ различія пола и возраста. На ночь войска стали бивуакомъ на залитыхъ кровью ули-

цахъ Парижа. Хотя всѣхъ убитыхъ похоронили въ ту же ночь, но, по словамъ современниковъ, число ихъ достигало нѣсколькихъ тысячъ, а арестованныхъ по всей Франціи было до 100 тыс. Этотъ внезапный ударъ, нанесенный національному собранію, вызвалъ возстанія и баррикадныя схватки въ Парижѣ, Ліонѣ и другихъ городахъ; но въ теченіе нѣсколькихъ дней, усиліями Удино и Маньяна, возстанія были подавлены преданными президенту войсками. Зачинщики возстанія были разстрѣляны, а бо̀льшая часть захваченныхъ въ плѣнъ подверглись ссылкѣ на галеры и въ Каенну.

Результатомъ этого переворота была *новая конституція*, одобренная народомъ—большинствомъ семи милліоновъ голосовъ. Она состояла въ слѣдующемъ: 1) президентъ избирался на 10 лѣтъ съ правомъ „рекомендовать" народу своего преемника, и 2) законодательная власть раздѣлялась между президентомъ, сенатомъ, назначеннымъ его властью, и законодательнымъ корпусомъ, выбираемымъ всеобщею подачею голосовъ. Совѣщанія сената и законодательнаго корпуса должны происходить при закрытыхъ дверяхъ. Новая конституція, напоминавшая собою консульское устройство Наполеона I, служила какъ-бы переходомъ къ полному возстановленію имперіи, которое ровно черезъ годъ (2-го дек. 1852 г.), и совершилось.

Французскій народъ, послѣ цѣлаго ряда революціонныхъ потрясеній, не оказывалъ уже сопротивленія мѣрамъ Луи Бонапарте, который далъ странѣ внутренній порядокъ и спокойствіе и старался строгими преслѣдованіями подавить послѣднія надежды республиканцевъ. Въ мартѣ 1852 года президентъ предпринялъ поѣздку по Франціи, цѣлью которой было подготовленіе общественнаго мнѣнія Франціи и Европы къ предстоящему возстановленію имперіи. Такъ, въ г. Бордо въ рѣчи своей онъ сказалъ: „напрасно полагаютъ, что имперія есть синонимъ войны: *имперія — это миръ*" (l'empire — c'est la paix). Изъ путешествій своихъ по Франціи *принцъ-президентъ* (такъ назывался Луи Бонапарте съ 2-го дек. 1851 г.) убѣдился, что дѣло возстановленія имперіи достаточно уже созрѣло. Вездѣ устраивался президенту восторженный пріемъ и раздавались крики: „да здравствуетъ императоръ"! При возвращеніи и въѣздѣ въ Парижъ его встрѣчали тѣми же криками.

Воротившись въ столицу, принцъ-президентъ предложилъ сенату проэктъ возстановленія имперіи. Посланіе, сопровождавшее этотъ проэктъ, говорило: „приготовляющееся измѣненіе главнымъ образомъ касается формы и при всемъ томъ имѣетъ огромное значеніе для Франціи. Французскій народъ найдетъ въ возстановленіи имперіи ручательство за свои интересы и удовлетвореніе своей справед-

ливой гордости". Сенатъ, составленный изъ приверженцевъ имперіи, былъ совершенно согласенъ съ проэктомъ президента и опредѣлилъ возстановленіе императорской власти. Это рѣшеніе сената было представлено на утвержденіе народу посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Вопросъ о возстановленіи имперіи былъ поставленъ въ такой формѣ: „желаетъ-ли народъ признать наслѣдственное императорское достоинство въ томъ видѣ, какъ оно существовало при Наполеонѣ I, какъ перешло къ Наполеону II— передать Наполеону III?" Подача голосовъ дала такіе результаты:

Наполеонъ III.

7,800,000 голосовъ было за имперію и 253,000—противъ. Такимъ образомъ, 2-го дек. 1852 г. Луи Бонапарте принялъ титулъ императора французовъ, подъ именемъ Наполеона III. Еще вечеромъ, 1 декабря 1852 г., высшіе государственные чины въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ прибыли въ Сенъ-Клу, чтобы вручить принцу-президенту сенатское постановленіе и результаты народнаго голосованія, причемъ предсѣдатель законодательнаго собранія, передавая принцу эти документы, въ первый разъ назвалъ его „Ваше Величество". Луи-Наполеонъ, глубоко тронутый,

отвѣчалъ депутаціи слѣдующими словами: „сорокъ восемь лѣтъ тому назадъ, въ этой самой залѣ, когда Франція поднесла главѣ моей династіи императорскую корону, императоръ—мой дядя сказалъ, что духъ его будетъ съ его потомками, пока они будутъ достойными великой націи, и мнѣ не нужно убѣждать васъ, что всѣ мои стремленія будутъ направлены на то, чтобы вмѣстѣ съ вами способствовать величію и счастію Франціи". Европейскіе кабинеты, съ восторгомъ встрѣтившіе „государственный переворотъ" 1851 года, какъ залогъ спокойствія, съ неудовольствіемъ узнали о возстановленіи имперіи во Франціи. Послѣ нѣкотораго промедленія, они подчинились однако необходимости признать Наполеона III императоромъ французовъ. Раньше другихъ новую имперію признала Англія и только въ январѣ 1853 г. ея примѣру послѣдовали Россія, Австрія и Пруссія. Императоръ Николай Павловичъ сдѣлалъ при этомъ нѣкоторое ограниченіе: онъ отказался дать Наполеону III употребительный между коронованными особами титулъ брата и вмѣсто того называлъ его своимъ „добрымъ другомъ", какъ это принято въ перепискѣ монарховъ съ президентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Родословная таблица фамиліи Бонапарте.

Карлъ Бонапарте, въ супружествѣ съ Летиціею, урожден. Рамолини, † 1836 г.

- Іосифъ Бонапарте, бывш испанск кор., † 1844 г, въ супруж. съ Юліею Дезире-Плесси.
- Наполеонъ I, † 1821. 1 с. Жозефина Богарне, 2 с. Марія Луиза австр.
  - Наполеонъ (II) герц. рейхштадтскій, † 1832.

  NB. Жозефина Богарне вышла за Наполеона I вдовою; отъ перваго супр. имѣла: а) сына Евгенія Богарне, герц. лейхтенберг. († 1824 г.) и б) дочь Гортензію Богарне († 1837 г.) – мать импер. французовъ Наполеона III и гр. Морни.
- Люціанъ Бонапарте, князь Канино † 1840
- Элиза въ суп. съ Баччіоки. † 1820.
- Людовикъ Бонапарте герц. Сенъ-Лэ, бывш. король голл. † 1846 г, въ супр. съ Гортензіею Богарне † 1837 г.
  - Луи-Наполеонъ III (съ 2 дек. 1852 г. императ. франц. [1]) въ супр. съ Евгеніей Монтихо съ 30 янв. 1853 г.
    - Наполеонъ, импер. принцъ, родился въ мартѣ 1856 г., убитъ въ 1880 г. на войнѣ съ зулусами, гдѣ участвовалъ волонтеромъ въ англійскомъ отрядѣ.
- Полина въ супр съ Боргезе. † 1825.
- Каролина, въ супр. съ Мюратомъ. † 1839.
  - Ахиллъ Мюратъ.
- Іеронимъ, бывшій кор. вестфальскій, † 1860 г. въ супр съ Екатериной, принц. Виртембергской.
  - Принцесса Матильда † 1835 г.
    - Принцъ Наполеонъ-Жеромъ, въ супр. съ Клотильдою сардинскою, дочерью Виктора Эммануила.
      - Принцъ Викторъ, признаваемый въ наст. время бонапартистами претендентомъ на императорскій престолъ.

[1]) Царствовалъ до сентября 1870 года; скончался въ Числьгерстѣ (въ Англіи) 28 го дек. 1872 года.

ГЛАВА XVII.

Вліяніе Іюльской и Февральской революціи на Германію.

Франкфуртское посягательство.—Предпріятія Пруссіи съ 1830 по 1848 г.—Мартовская революція въ Германіи.—Мечты объ объединеніи Германіи.—Соперничество Австріи и Пруссіи.—Возстановленіе въ Германіи порядка, учрежденнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ.—Происхожденіе Сѣверо-Германскаго Союза и Германской имперіи (1866 и 1871).—Вліяніе Февральской революціи на Пруссію.—Мартовскія волненія въ Берлинѣ.—Національное собраніе и конституція.—Новый законъ о выборахъ.—Участіе Фридриха-Вильгельма IV въ дѣлахъ остальной Германіи.

Эпоха съ 1815 по 1830 годъ прошла въ Германіи почти не замѣтно, безъ всякихъ выдающихся событій. Нѣмецкія правительства, освободившись отъ наполеоновскаго ига, озаботились успокоить энтузіазмъ народа, поднявшагося еще въ 1813 г. за свою свободу и независимость: въ эпоху конгрессовъ такое патріотическое настроеніе, съ точки зрѣнія правительствъ Германскаго Союза, казалось не только излишнимъ, но даже и опаснымъ. Въ патріотизмѣ и задачахъ „Молодой Германіи", консерваторы видѣли синонимъ либерализма и враждебности противъ существующаго порядка вещей. Опытная въ дѣлѣ подавленія либеральныхъ стремленій рука Меттерниха и его единомышленниковъ рядомъ реактивныхъ мѣръ не замедлила направить внутреннюю политику государствъ Германіи по желаемому пути: стремленія къ политической свободѣ подвергались строгимъ преслѣдованіямъ; періодическая литература ограничивалась только критикой театральныхъ пьесъ и сообщеніемъ придворныхъ извѣстій.

Іюльская революція снова возбудила надежды „національныхъ либераловъ". Но правительство Луи-Филиппа, на поддержку котораго разсчитывали нѣмецкіе либералы, отказалось подать помощь дѣлу революціоннаго движенія въ Германіи. Нѣмецкія правительства Германскаго Союза стали дѣйствовать совокупными силами для подавленія народной оппозиціи, но и либералы, стремленія которыхъ не ограничивались только конституціоннымъ устройствомъ, но направлены были и на достиженіе національнаго единства Германіи, стали еще открытѣе и рѣшительнѣе стремиться къ своимъ цѣлямъ. Союзнымъ сеймовымъ постановленіемъ 1830 года было положено, что каждое изъ германскихъ правительствъ обязывается давать сосѣду, по его требованію, военную

помощь для поддержанія существующаго порядка и при этомъ указывалось на Карлсбадскія постановленія 1819 г. объ ограниченіи печати.

Но сознаніе народа было уже достаточно пробуждено: газеты, несмотря на строгость цензуры, стали проводить революціонныя идеи, и подъ названіемъ „Общества свободной печати" образовалась радикальная партія, дѣятельность которой скоро обнаружилась на извѣстномъ *Гамбахскомъ праздникѣ.* Хотя здѣсь дѣло и не пошло дальше рѣчей, но содержаніе ихъ было таково, что сеймъ нашелъ необходимымъ принять самыя энергическія мѣры: запрещены были народныя сборища и праздники съ политическимъ и историческимъ характеромъ, а правительствамъ союза предложено было прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ къ содѣйствію вооруженной силы. Недовольные такимъ постановленіемъ сейма, либералы задумали сдѣлать нападеніе на Франкфуртъ, разогнать союзный сеймъ, а взамѣнъ его учредить временное правительство изъ нѣкоторыхъ депутатовъ Бадена и Гессена. Это предпріятіе нѣмецкихъ радикаловъ извѣстно подъ названіемъ *„Франкфуртскаго посягательства"* (1833 г.). Толпа молодежи неожиданно овладѣла гауптвахтою Франкфурта, обезоружила нѣсколько солдатъ изъ сеймоваго гарнизона и стала призывать народъ къ возстанію за свободу родины. Но франкфуртскіе граждане не тронулись ихъ призывами. Между тѣмъ, на помощь сейму, по тревогѣ явились войска, и послѣ упорной схватки революціонеры были разсѣяны и большею частью взяты въ плѣнъ. Событіе это произвело сильное впечатлѣніе на правительства Германіи и повлекло за собою энергическую съ ихъ стороны реакцію.

Въ сентябрѣ 1833 года собрался *конгрессъ монарховъ въ Мюнхенгрецѣ* (въ Богеміи), на который, кромѣ владѣтельныхъ князей Германіи, явились императоры русскій и австрійскій и наслѣдный принцъ прусскій. Результатомъ ихъ совѣщаній было созваніе *конференціи министровъ въ Вѣнѣ*, которая выработала планъ для будущей борьбы съ партіей разрушенія. Конференція подтвердила карлсбадскія постановленія, усилила надзоръ за прессою и университетскимъ преподаваніемъ и, сверхъ того, установила ежегодный денежный взносъ со стороны отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ для содержанія особой вооруженной силы на защиту союзнаго сейма. Многіе университеты были закрыты, члены „общества свободной печати" были объявлены государственными преступниками и подверглись жестокимъ наказаніямъ (1834).

Въ это время Пруссія, свободная пока отъ внутреннихъ волненій, успѣла совершить два важныя предпріятія, имѣвшія вліяніе

на другія государства и притянувшія къ Пруссіи симпатіи національныхъ либераловъ. На первыхъ порахъ послѣ Вѣнскаго конгресса, Пруссія, какъ казалось, отреклась отъ политики, завѣщанной ей Фридрихомъ Великимъ—создать рѣшительное и самостоятельное вліяніе на дѣла Германіи: она замкнулась въ вопросахъ своей внутренней жизни, гдѣ предстояло правительству много дѣла. Прежде всего, королю Фридриху-Вильгельму III необходимо было озаботиться сплоченіемъ старинныхъ прусскихъ областей съ новыми, полученными по Вѣнскому конгрессу. Дѣйствительно, прусскимъ администраторамъ удалось рядомъ внутреннихъ учрежденій создать изъ прусскихъ земель и ея народа *здоровое* государственное цѣлое. Такое объединяющее значеніе имѣло для Пруссіи учрежденіе *провинціальныхъ сеймовъ*. Будучи заведено во всѣхъ областяхъ Пруссіи, оно слило ихъ въ одно крѣпкое цѣлое, около котораго, какъ около чисто-нѣмецкаго центра, впослѣдствіи сомкнулась и объединилась вся Германія. Такое же объединяющее значеніе имѣлъ Таможенный Союзъ, съ Пруссіею во главѣ, система ландвера и внѣшняя политика Пруссіи, которая горячо принимала къ сердцу всѣ вопросы, связанные съ интересами нѣмецкой націи, какъ напримѣръ извѣстный въ ту эпоху вопросъ Шлезвигъ-Гольштинскій. Австрія-же чуждалась вопросовъ общегерманской жизни. „Австрія, любилъ выражаться Меттернихъ, *европейская* держава, а не германская". На дѣла общегерманскія онъ смотрѣлъ, какъ на вопросы внѣшней политики: „для насъ, говорилъ Меттернихъ, вопросы Германіи настолько же интересны, какъ и дѣла Польши, Италіи или Дунайскихъ княжествъ". Совершенно иначе держала себя Пруссія въ общегерманскихъ вопросахъ: она устраивала и затягивала національныя связи среди разрозненныхъ нѣмецкихъ государствъ, результатомъ чего было сперва—вытѣсненіе Австріи изъ семьи государствъ Германскаго Союза, а затѣмъ и объединеніе всѣхъ германскихъ государствъ подъ гегемоніею прусскаго короля.

Внутреннія реформы въ Пруссіи начались съ 1823 года—съ учрежденія сеймовъ „*провинціальныхъ чиновъ*". Тремъ сословіямъ каждой прусской провинціи [1]), т. е. владѣльцамъ бывшихъ рыцарскихъ лэновъ, владѣльцамъ городской недвижимой собственности и мелкимъ собственникамъ, завѣдующимъ лично своимъ сельскимъ хозяйствомъ, разрѣшено было совѣщаться о законахъ, касающихся личныхъ правъ, правъ собственности, податей; правительство-же, съ

[1]) Области Пруссіи въ то время были слѣдующія: Восточная Пруссія, Саксонія, Вестфалія, курфюршество Бранденбургъ, Померанія, Познань, Силезія и Рейнская Провинція.

своей стороны, обязывалось выслушивать, обсуждать и не оставлять безъ отвѣта сословныхъ просьбъ, составленныхъ на провинціальномъ сеймѣ той или другой провинціи. Хотя это учрежденіе было далеко отъ конституціи (которую Фридрихъ-Вильгельмъ III обязался дать своему государству еще на Вѣнскомъ конгрессѣ), потому что финансовое управленіе, судопроизводство и народное образованіе не входили въ сферу дѣятельности сеймовъ, однако либералы съ радостью встрѣтили это учрежденіе, какъ первый шагъ къ народному представительству. Къ мѣрамъ, въ которыхъ отразилась цѣль общенаціональной политики прусскаго короля—достигнуть единства земли германской подъ главенствомъ Пруссіи, относится и такъ называемый *„Таможенный Союзъ“*.

Уже на Вѣнскомъ конгрессѣ было постановлено, чтобы члены Германскаго Союза вошли между собою въ соглашеніе относительно развитія торговли и освобожденія ея отъ стѣснительныхъ таможенныхъ заставъ. Но союзный сеймъ не могъ согласить тѣ отдѣльныя мнѣнія и интересы, которые предъявлены были большинствомъ нѣмецкихъ государствъ. Пруссія вывела сеймъ изъ затрудненій и въ 1828 году заключила съ Гессенъ-Дармштадтомъ таможенный союзъ. Къ этому союзу приступили многія сѣверныя, а потомъ и южныя германскія государства. Такимъ образомъ создался *„Германскій Таможенный Союзъ“* (Zollverein), въ которомъ многіе справедливо видѣли залогъ будущаго объединенія Германіи, такъ какъ Таможенный Союзъ сливалъ во-едино торговые интересы всей нѣмецкой земли. Фридрихъ-Вильгельмъ III скончался въ 1840 году. Преемникъ его Фридрихъ-Вильгельмъ IV (1840—1862) былъ сынъ Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы, которую еще при жизни народъ почиталъ за святую. Получивъ отличное образованіе, подъ руководствомъ лучшихъ профессоровъ въ государствѣ, онъ глубоко понималъ научные вопросы и былъ строгимъ цѣнителемъ изящныхъ искусствъ; притомъ онъ владѣлъ прекраснымъ даромъ слова и замѣчательнымъ остроуміемъ. Первыми распоряженіями своими онъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на либераловъ и привлекъ къ себѣ ихъ симпатіи и надежды: онъ ослабилъ полицейскій надзоръ за либералами, возвратилъ многимъ профессорамъ ихъ каѳедры, которыхъ они лишены были по приговору демагогической Майнцской коммиссіи за ихъ либеральное преподаваніе и ревность, съ которою они отстаивали конституціонныя начала (братья Гриммы, Гервинусъ, Дальманъ и др.), объявилъ амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ. При вступленіи своемъ на престолъ, король, по заведенному обычаю, собралъ передъ коронаціею въ Кенигсбергѣ сеймъ

изъ представителей всѣхъ сословій. Сеймъ, вполнѣ убѣжденный, что либеральный король согласится выполнить обѣщанія своего предшественника—даровать конституцію странѣ, обѣщанную еще въ 1814 году, подалъ ему въ этомъ смыслѣ коллективное прошеніе. Но здѣсь оказалось, что надежды, возлагаемыя на короля, были преждевременны: онъ отвергъ поданное ему прошеніе и положительно отказался подчинить свои королевскія права народному контролю. Однако, энтузіазмъ, возбуждаемый либеральнымъ и краснорѣчивымъ королемъ, не ослабъ въ народѣ, такъ какъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, отказавшись отъ дарованія конституціи, ни мало не преслѣдовалъ либеральную партію и продолжалъ трудиться надъ реформами, которыя, по его мнѣнію, должны принести благо странѣ и удовлетворить въ нѣкоторой степени ожиданія либераловъ. 3-го февраля 1847 года (годовщина призванія народа къ оружію въ 1813 году) король издалъ патентъ, которымъ, вмѣсто провинціальныхъ сеймовъ, созывался въ Берлинѣ Общій или *Соединенный Сеймъ*. Сеймъ долженъ былъ состоять изъ двухъ палатъ: куріи господъ и куріи депутатовъ [1]) и собираться, по мѣрѣ надобности, для заключенія займовъ или для введенія новыхъ налоловъ; каждогодно-же, для обсужденія бюджета, будетъ созываться „сословная депутація". Конечно, новый порядокъ былъ далекъ отъ конституціи, что отлично понимали и либералы, и самъ король, который весьма откровенно изложилъ свои взгляды въ этомъ отношеніи въ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи перваго собранія Соединеннаго Сейма—въ апрѣлѣ 1847 года, въ Бѣлой залѣ Берлинскаго дворца: „я никогда не допущу, чтобы между Господомъ Богомъ на небесахъ и моею страною на землѣ былъ помѣщенъ листъ исписанной бумаги, который розыгрывалъ бы роль втораго Провидѣнія, чтобъ управлять нами посредствомъ своихъ параграфовъ, чтобы измѣнить и уничтожить древнюю, святую вѣрность присягѣ....". Нельзя однако отрицать, что созваніе Соединеннаго Сейма составляло значительный шагъ впередъ въ смыслѣ прогресса свободныхъ учрежденій, но либеральная партія не хотѣла воспользоваться дарованными правами и на первыхъ же собраніяхъ, вмѣсто обсужденія предложенныхъ правительствомъ вопросовъ, она занялась формированіемъ оппозиціи, постоянно твердившей, что Соединенный Сеймъ нисколько не удовлетворяетъ общественнымъ требованіямъ. Волненія, про-

---

[1]) Въ верхней куріи или куріи господъ засѣдали: принцы королевскаго дома, бывшіе владѣтельные (медіатизованные) князья и крупные землевладѣльцы дворянскихъ родовъ; въ низшей куріи или куріи депутатовъ—представители отъ дворянства городовъ и сельскихъ общинъ.

шедшія въ Пруссіи въ слѣдующемъ (1848 году), были дѣломъ этой оппозиціонной партіи.

Разсмотримъ теперь тѣ волненія въ государствахъ Германскаго Союза, которыя возникли тамъ подъ вліяніемъ февральскихъ событій, и которыя извѣстны въ ея исторіи подъ именемъ *Мартовской революціи*.

Изъ Парижа, гдѣ находился революціонный центральный комитетъ, повсюду стали распространяться революціонныя и соціалистическія идеи, возбуждавшія народъ къ осуществленію требованій свободы, равенства, братства, къ учрежденію республики и уничтоженію пролетаріата. Эти волненія охватили всю Германію и проникли въ Пруссію и Австрію; въ однѣхъ мѣстностяхъ возстаніе происходило во имя широкой конституціи, въ другихъ — возставшіе требовали республики; вся Германія волновалась за объединеніе, а подвластные Пруссіи и Австріи народы негерманскаго происхожденія стремились съ самостоятельиому существованію.

Еще въ 1847 г. въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, пограничномъ съ Франціею и Швейцаріею, состоялось собраніе изъ либераловъ и радикаловъ, подъ предсѣдательствомъ Геккера и Штруве, съ цѣлью договориться о преобразованіи государственнаго устройства Германіи. Собраніе постановило — передѣлать устройство Союза на подобіе республики Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Успѣхи Февральской революціи сдѣлали республиканцевъ и демократовъ смѣлѣе, и они рѣшились начать свои планы именно съ Бадена: они составили адресъ къ великому герцогу, въ которомъ просили замѣны германскаго сейма германскимъ парламентомъ, свободы печати, суда присяжныхъ, политическаго равенства для всѣхъ вѣроисповѣданій, поощренія работы и т. п. Великій герцогъ уступилъ демократамъ и согласился со всѣми ихъ требованіями. Въ томъ же видѣ и съ тѣми же послѣдствіями происходили волненія въ великомъ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ, въ королевствѣ Виртембергскомъ, въ герцогствѣ Нассау, въ курфиршествѣ Гессенъ, въ королевствахъ Саксонскомъ, Ганноверскомъ и Баварскомъ.

Не довольствуясь уступками со стороны правительствъ, революціонеры хотѣли осуществить мечту о возрожденіи единства Германіи. Этого возрожденія ждали изъ Франкфурта, гдѣ союзный сеймъ, переполненный либеральными посланниками, постановилъ, чтобы во всѣхъ государствахъ Союза были произведены выборы въ члены *Германскаго Парламента*, который дѣйствительно и собрался въ мартѣ 1848 года подъ именемъ „*Предварительнаго*

Парламента". Подъ предсѣдательствомъ Миттельмайера, профессора гейдельбергскаго университета, парламентъ въ первомъ же засѣданіи высказалъ желаніе о преобразованіи государственнаго устройства Германіи, которое должно было состоять, главнымъ образомъ, въ замѣнѣ прежняго сейма, составленнаго изъ представителей отъ правительства—сеймомъ изъ представителей народовъ Германіи; исполнительная же власть должна быть вручена особому намѣстнику, избранному всеобщей подачей голосовъ отъ правительствъ и народныхъ депутатовъ. Германскія правительства и на этотъ разъ уступили требованіямъ революціонеровъ, какъ бы предчувствуя всю несбыточность ихъ стремленій. Они послали во Франкфуртъ достойнѣйшихъ людей изъ либеральной партіи для участія въ Германскомъ парламентѣ (который назывался иногда національнымъ собраніемъ), который долженъ былъ своимъ рѣшеніемъ утвердить новое государственное устройство Германіи. Парламентъ открылъ свои засѣданія въ церкви св. Павла, въ маѣ 1848 г., подъ предсѣдательствомъ Генриха фонъ-Гагерна. Чтобы работы парламента могли идти спокойно и успѣшно, Гагернъ предложилъ отнять у союзнаго сейма права исполнительной власти и вручить ее „временному намѣстнику государства или регенту". Послѣ нѣкоторыхъ разногласій, эрцгерцогъ австрійскій Іоаннъ былъ избранъ въ намѣстники; сеймъ, передавъ ему власть, разошелся. Только теперь парламентъ приступилъ къ своимъ работамъ, имѣвшимъ цѣлью соединить отдѣльныя германскія государства въ одно цѣлое, дать Германіи либеральныя учрежденія и поднять ея внѣшнее могущество. Но пренія объ этихъ вопросахъ повели къ сильнымъ спорамъ и раздѣлили парламентъ на многія партіи и фракціи:—правая сторона, правый центръ, лѣвый центръ, лѣвая сторона, крайняя правая сторона, крайняя лѣвая сторона,—которыя выражали различныя убѣжденія и требованія, начиная отъ конституціонной монархіи (правая сторона) и оканчивая республикой (крайняя лѣвая сторона). Прусское правительство было первымъ, которое стало въ явное разногласіе съ парламентомъ, когда послѣдній потребовалъ, чтобы всѣ войска Союза присягнули намѣстнику, какъ верховному начальнику. Король прусскій на такое требованіе объявилъ, что, въ случаѣ употребленія его войскъ на общее дѣло Германіи, онъ допускаетъ подчиненіе ихъ намѣстнику не иначе, какъ по своему королевскому декрету. Этими разногласіями воспользовались демократы и взволновали народъ противъ парламентскаго большинства; жертвами этихъ безпорядковъ сдѣлались два члена парламента, князь Лихновскій и генералъ Ауэрсвальдъ, которые были съ страшною жестокостью растерза-

ны. Для возстановленія порядка, Франкфуртъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, послѣ чего большая часть демократовъ должна была удалиться изъ него.

Въ декабрѣ 1848 г., послѣ длиннаго ряда преній, парламентъ приступилъ къ своей главной задачѣ, т. е. къ *начертанію новаго устройства Германскаго государства*. Общее желаніе клонилось къ тому, чтобы соединить разрозненную Германію въ одно общее государство съ однимъ главою. Но это желаніе встрѣтило сильныя неудовольствія со стороны Австріи и Пруссіи; нельзя было надѣяться, чтобы Австрія рѣшилась подчиниться прусскому императору, или обратно, чтобы Пруссія признала надъ собою власть императора австрійскаго. Изъ такого положенія дѣла представлялось только два исхода, изъ которыхъ первый былъ предложенъ кенигсбергскимъ профессоромъ Симсономъ, а второй—Гагерномъ; первый предлагалъ образованіе союзнаго государства соединеннаго съ Австріею; а второй—соединить всю Германію, за исключеніемъ Австріи, подъ верховною властью Пруссіи. Съ этого времени, стала рѣзко замѣчаться двойственность парламента; партія, желавшая объединенія Германіи безъ Австріи подъ властью Пруссіи, называлась „малогерманскою", а противоположная ей — не желавшая отдѣлять Австрію отъ Германіи—называлась „великогерманскою". Къ первой тянули государства сѣверной Германіи, желавшія протестантскаго императора; ко второй—примкнули государства южной Германіи, надѣявшіяся подъ покровительствомъ Австріи удержать свою самостоятельность и неприкосновенность католичества. Большинствомъ 290 голосовъ противъ 248 выборъ въ наслѣдственные германскіе императоры палъ на Фридриха-Вильгельма IV, короля прусскаго. Но онъ отклонилъ отъ себя это избраніе, объявивъ, что предлагаемый титулъ и власть онъ можетъ принять только при свободномъ на то согласіи самихъ государей Германіи и вольныхъ городовъ. Вслѣдъ за этимъ, Пруссія, Австрія и Баварія отозвали изъ парламента своихъ представителей, и весь планъ Гагерна рушился самъ собою. Вскорѣ и самъ Гагернъ и всѣ его сторонники (малогерманцы) покинули столицу союза. Такъ печально окончилъ свою дѣятельность первый германскій парламентъ, работавшій надъ объединеніемъ Германіи.

Хотя прусскій король и отказался отъ предлагаемой ему императорской короны, однако онъ не покинулъ надежды достигнуть объединенія Германіи другимъ путемъ—добровольными переговорами съ германскими правительствами. Согласно съ своимъ обѣщаніемъ продолжать неудавшееся франкфуртское предпріятіе,

Фридрихъ-Вильгельмъ IV созвалъ въ Берлинѣ (1849) конгрессъ германскихъ государей. Сюда явились сперва только короли саксонскій и ганноверскій и согласились вступить съ Пруссіею въ союзъ: оттого и союзъ этотъ у нѣмецкихъ историковъ носитъ названіе: *„Берлинской уніи“* или *„Союза трехъ королей“*. Планъ уніи заключался въ томъ, чтобы составить изъ Германіи, за исключеніемъ Австріи, союзное государство подъ гегемоніею короля прусскаго, какъ наслѣдственнаго главы государства. Австрія не только не изъявила своего согласія на рѣшенія Берлинской уніи, но даже потребовала отъ Ганновера и Саксоніи расторженія уніи. Тогда Пруссія нашла себѣ союзниковъ въ Мекленбургѣ, Брауншвейгѣ, Гессенѣ и Баденѣ и заключила съ ними военную конвенцію, по которой войска ихъ входили въ составъ прусской арміи. Для окончательныхъ же условій съ новыми союзниками, прусскій король созвалъ *конгрессъ въ Эрфуртѣ* (1850). Такія энергическія дѣйствія вынудили и Австрію приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Выставивъ сильную армію въ Богеміи, кн. Шварценбергъ созвалъ во Франкфуртѣ, на основаніи прежнихъ постановленій, большой совѣтъ союзнаго сейма (plenum), выказывая этимъ намѣренія своего правительства возвратить Германіи прежнее государственное устройство. Такимъ образомъ, началось открытое соперничество между Австріею и Пруссіею или, какъ въ то время говорили, между „Франкфуртскимъ и Эрфуртскимъ сеймами“. Скоро несогласія эти усилились до того, что готовы были разрѣшиться войною между двумя главными державами Германіи. Но посредничество русскаго императора предотвратило войну. Послѣ свиданія въ Варшавѣ съ австрійскимъ императоромъ и первымъ прусскимъ министромъ, графомъ Бранденбургомъ, императоръ Николай Павловичъ, какъ защитникъ постановленій вѣнскаго конгресса, подалъ свой голосъ въ пользу Австріи. Для скорѣйшаго рѣшенія возникшихъ несогласій, министры-президенты Австріи и Пруссіи съѣхались на конференцію въ Дрезденѣ (1850 г.). Здѣсь всѣ предположенія къ преобразованію Германіи были объявлены неисполнимыми, и рѣшено было возвратиться къ прежнему сеймовому порядку, установленному на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года.

Но это миролюбивое прекращеніе несогласій между Австріею и Пруссіею не уничтожило стараго ихъ соперничества въ стремленіяхъ къ объединенію и политическому первенству въ Германіи. Только внѣшняя опасность заставляла ихъ сближаться и на время забывать свои враждебныя отношенія. Такъ, стремленіе Наполеона III—расширить границы Франціи на счетъ Германіи

возстановило согласіе между Австріею, Пруссіею и мелкими державами Германіи послѣ личнаго свиданія императора и короля въ Теплицѣ (1860). Но тоже не надолго. Попытка Франца-Іосифа соединить Германію въ одно цѣлое, для чего онъ созвалъ германскихъ государей на конгрессъ во Франкфуртъ, тоже ни къ чему не привела вслѣдствіе противодѣйствія Пруссіи. Въ 1866 году соперничество этихъ двухъ державъ за первенство въ Германіи разыгралось войною, которая, послѣ пораженія австрійцевъ при Садовой (или Кениггрецѣ), кончилась Пражскимъ миромъ, совершенно измѣнившимъ политическую карту Германіи: Германскій Союзъ, послѣ 50-лѣтняго своего существованія, былъ расторгнутъ; Пруссія увеличила свою территорію на 1.300 кв. геогр. миль пріобрѣтеніемъ королевства Ганноверскаго, курфиршества Гессенъ, эльбскихъ герцогствъ (Шлезвига и Голштиніи), герцогства Нассау, ландграфства Гомбургъ, вольнаго города Франкфурта на Майнѣ и небольшихъ участковъ отъ Баваріи и великаго герцогства Гессенъ. Такимъ образомъ, Германія образовала двѣ раздѣленныя р. Майномъ политическія группы—*Сѣверо-Германскій Союзъ изъ 22-хъ государствъ* подъ военною гегемоніею Пруссіи и *5 южно-германскихъ государствъ*, которымъ входъ въ Сѣверный Союзъ старалась облегчить и ускорить притягательная сила дипломатіи и военной системы прусской монархіи. Вопросъ объ объединеніи Германіи разрѣшился окончательно во время франко-прусской войны 1870 года: въ то время, когда прусскія и союзныя съ ними нѣмецкія войска стояли подъ Парижемъ, германскіе государи поднесли въ Версали (янв. 1871) королю Вильгельму I *титулъ императора Германіи* (см. гл. XXIII и XXV).

Февральская революція оказала вліяніе не только на мелкія государства Германіи, но потрясла и двѣ великія державы Союза: Пруссію и Австрію.

Несмотря на то, что во всѣхъ государствахъ Германскаго Союза правительства сдѣлали нѣкоторыя либеральныя уступки, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, король прусскій, опираясь на преданное ему войско, долго отказывалъ всѣмъ либеральнымъ требованіямъ, и только въ 1847 году, по совѣту нѣкоторыхъ изъ министровъ, онъ подписалъ конституцію, но съ чрезвычайно ограниченными правами палатъ. Извѣстія о Февральской революціи взволновали пруссаковъ. Толпа народная громко заявляла свои неудовольствія на стѣснительную конституцію 1847 года и требовала самыхъ широкихъ правъ для представителей всѣхъ сословій. Эти революціонныя волненія 1848 года, начавшіяся въ мартѣ и потому извѣстныя подъ названіемъ „Мартовскихъ дней“,

начались въ двухъ противоположныхъ концахъ прусской территоріи, именно въ Рейнской провинціи и Восточной Пруссіи; отсюда явились въ Берлинъ первые адресы и депутаціи съ требованіями, согласными съ духомъ общегерманскихъ народныхъ желаній. Подъ вліяніемъ этихъ адресовъ и депутацій начались волненія и въ самомъ Берлинѣ. Народныя сборища съ каждымъ днемъ становились многолюднѣе и все болѣе грозили революціею. Опасаясь уличныхъ кровопролитій, король нашелъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя уступки и издалъ о томъ манифестъ. Такія уступки короля обрадовали народъ, который на другой день (18-го марта) отправилъ ко дворцу торжественную процессію для объявленія королю своей благодарности. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались революціонные дѣятели, чтобы произвести открытое возмущеніе въ народѣ, возмущеніе, которое было ими заранѣе приготовлено и обдумано; скорость же, съ которою были воздвигнуты баррикады, указываетъ, что дѣломъ возстанія заправляла опытная рука. Въ то время, когда народъ тѣснился на дворцовой площади, раздались два выстрѣла. Испуганная толпа, съ криками: „измѣна, насъ убиваютъ, къ оружію!“ разсѣялась по всему городу, въ короткій срокъ воздвигла нѣсколько баррикадъ на главнѣйшихъ улицахъ и открыла жестокій уличный бой. Войска, предводимыя искуснымъ генераломъ Притвицемъ, могли бы съ полною вѣроятностью подавить возмущеніе, но король согласился на новыя уступки и приказалъ своимъ войскамъ прекратить стрѣльбу.

Чтобы избѣжать повторенія мартовскихъ волненій, Фридрихъ-Вильгельмъ IV согласился на введеніе новой конституціи въ Пруссіи. Съ этою цѣлью созвано было въ Берлинѣ „учредительное или національное собраніе“, которое должно было вмѣстѣ съ правительствомъ выработать новое государственное уложеніе. Вскорѣ по открытіи засѣданій оказалось, что въ собраніи преобладала лѣвая сторона (демократическая партія), опиравшаяся на народъ, вооруженный послѣ разграбленія арсеналовъ. Для противодѣйствія демократическимъ замысламъ лѣвой стороны національнаго собранія образовалась партія консервативная, желавшая возстановленія прежнихъ порядковъ, какъ основъ могущества и величія Пруссіи. Главная сила этой партіи заключалась въ офицерахъ арміи, которые поддерживали въ войскѣ преданность къ престолу и только ждали приказанія своего государя, чтобы начать свои дѣйствія противъ демократовъ. Ободренный такимъ расположеніемъ умовъ, король рѣшился оставить свою пассивную политику и снова взять правленіе твердою рукою. Чтобы очистить столицу отъ револю-

ціонныхъ элементовъ, король отдалъ приказаніе учредительному собранію перенести свои засѣданія изъ Берлина въ городъ Бранденбургъ; но когда оно отказалось повиноваться, войско королевское, подъ начальствомъ генерала Врангеля, вступило въ столицу, которая была объявлена въ осадномъ положеніи; національное собраніе перебралось въ Бранденбургъ.

Чтобы на будущее время не дать мѣста въ учредительномъ собраніи преобладанію лѣвой стороны, изданъ былъ въ 1849 г. „новый законъ о выборахъ", ограничивавшій число избирателей. Этимъ путемъ было достигнуто то, что во вновь составленномъ учредительномъ собраніи большая часть депутатовъ принадлежала къ партіи умѣренныхъ. Они въ 1850 г. утвердили конституцію, составленную королемъ,—конституцію, по которой и въ настоящее время управляется прусская монархія [1]).

Участіе Пруссіи въ дѣлахъ остальной Германіи мы уже разсмотрѣли въ началѣ этой главы и потому объ этомъ вопросѣ скажемъ коротко. Фридрихъ-Вильгельмъ IV усердно хлопоталъ во имя объединенія Германіи и думалъ встать во главѣ соединеннаго государства; но для этого онъ искалъ не содѣйствія Франкфуртскаго парламента, а добровольнаго согласія со стороны самихъ германскихъ государей. Это обстоятельство объясняетъ ту усердную помощь, которую нѣкоторые изъ германскихъ государей находили въ Пруссіи для подавленія возстаній въ своихъ владѣніяхъ. Съ тою же цѣлью — достигнуть объединенія Германіи подъ гегемоніею Пруссіи, — Фридрихъ-Вильгельмъ IV старался расширить дѣйствія Таможеннаго Союза и хлопоталъ объ устройствѣ прусскаго флота. Болѣзнь, начавшаяся въ 1856 году, помѣшала королю въ его стремленіяхъ.

---

[1]) *Прусская конституція 1850 года.* Законодательная власть раздѣляется между королемъ и палатами, исполнительная же - исключительно, нераздѣльно принадлежитъ королю. Его особа священна: онъ—повелитель арміи, флота и всѣхъ военныхъ силъ страны: онъ объявляетъ войну, заключаетъ миръ, а равно и другіе договоры и торговые трактаты; если же таковые соединяются съ какими-либо обязательствами для страны, то таковые должны быть утверждены палатами. Законодательныхъ палатъ двѣ: палата господъ (das Herrnhaus) и палата депутатовъ (das Abgeordnetenhaus). Какъ король, такъ и палаты пользуются правомъ предлагать законы; предложенія получаютъ силу закона только по одобреніи ихъ палатами и утвержденія королемъ; предложеніе, отвергнутое королемъ, не можетъ быть возобновлено въ эту же сессію. Палата „господъ" состоитъ изъ: а) совершеннолѣтнихъ членовъ королевской семьи, б) старшихъ въ родѣ медіатизованныхъ князей, в) лицъ, назначенныхъ королемъ пожизненно и др. Всего въ палатѣ „господъ"—253 члена. Палата депутатовъ состоитъ (нынѣ) изъ 432 депутатовъ (т. е. одинъ депутатъ на 250 душъ населенія); причемъ имущественному цензу дано преобладающее значеніе. Всѣмъ прусскимъ подданнымъ обезпечивается: равенство передъ закономъ, право собственности, личная свобода, свобода вѣроисповѣданія и печати, право петицій и право митинговъ (но не на открытомъ воздухѣ) безъ предварительнаго разрѣшенія.

Вступившій на престолъ послѣ его смерти (1861 г.) братъ его, Вильгельмъ I, продолжалъ съ полнымъ успѣхомъ политику своего предшественника: въ 1866 году сѣверная Германія до рѣки Майна, образовавъ изъ себя Сѣверо-Германскій союзъ, вошла подъ гегемонію Пруссіи, а въ 1871 г., по предложенію германскихъ государей, король Вильгельмъ I принялъ титулъ германскаго императора (см. главу XXIII и XXV).

ГЛАВА XVIII.

Революція 1848 года въ Австріи.

Возстаніе въ Ломбардо-Венеціи.—Возстаніе Венгріи.—Октябрьскіе дни.—Начало царствованія Франца I Іосифа.—Венгерское возстаніе 1849 года.—Помощь Россіи и усмиреніе венгерскаго мятежа.—Графъ Бейстъ и система дуализма.

Австрія, при императорѣ Францѣ I (1792—1835) и при его преемникѣ Фердинандѣ I (1835—1849), неуклонно держалась политики правившаго почти самостоятельно всѣми дѣлами имперіи кн. Меттерниха. Руководимое Меттернихомъ, австрійское правительство за все это время съ замѣчательною настойчивостью боролось противъ либерализма, защищая неограниченность монархической власти и права аристократіи. Меттернихъ всѣми силами старался оградить Австрію отъ вліянія другихъ западно-европейскихъ народовъ и спасти ее отъ революціонныхъ и либеральныхъ идей, чего онъ думалъ достигнуть посредствомъ строжайшей полиціи, безпощадной цензуры и бдительнаго надзора за преподаваніемъ. Подобная политика высоко превозносилась консерваторами, почитателями меттерниховской системы, въ глазахъ которыхъ основатель ея представлялся глубокомысленнымъ политикомъ и даже „оракуломъ“ своего вѣка. Насколько ошибались поклонники меттерниховской мудрости, показали событія, происшедшія подъ вліяніемъ февральской революціи въ Германіи и не миновавшія и Австрію. Наступившія событія доказали съ одной стороны, что Германскій Союзъ „худое дерево, на которомъ никогда не выростутъ ни цвѣты, ни плоды“, а съ другой — обнаружили, что роль первенствующей Австріи въ сонмѣ нѣмецкихъ государствъ уже розыграна и должна быть уступлена Пруссіи, какъ державѣ болѣе нѣмецкой по національному составу и болѣе интересующейся обще-нѣмецкими вопросами, чѣмъ Австрія, состоящая „изъ обломковъ“ различныхъ народностей.

Въ умственномъ и литературномъ отношеніяхъ, Австрія, въ эпоху Меттерниха, стояла далеко ниже не только Пруссіи, но и многихъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Народное образованіе въ Австрійской имперіи находилось всецѣло въ рукахъ католическаго духовенства, которое умѣло держать школу на той степени образованія, какая была пригодна для цѣлей этого сословія. Австрія не имѣла ни такихъ университетовъ, ни такихъ академій и даже гимназій и др. учебныхъ заведеній, какъ Пруссія. Въ Пруссіи въ эпоху конгрессовъ и іюльской монархіи выходило много періодическихъ изданій по литературѣ и различнымъ отраслямъ наукъ; въ Австріи въ 40-хъ годахъ существовалъ одинъ серьезный литературный журналъ „Wiener Jahrbücher der Litteratur", въ области поэзіи и беллетристики былъ такой же застой. Вообще — въ Пруссіи — въ 40-хъ годахъ насчитывалось до 405 ежегодныхъ періодическихъ изданій; въ Австріи въ эту пору таковыхъ было всего 26. Полицейскій надзоръ за печатью былъ строгъ до крайностей; цензора позволяли себѣ передѣлывать текстъ авторовъ. При такихъ обстоятельствахъ литература вполнѣ обѣднѣла; никто не хотѣлъ ни объ чемъ писать. Раздраженные правительственною системою, авторы стали печатать свои произведенія въ Лейпцигѣ или Гамбургѣ, и затѣмъ уже сочиненія ихъ попадали въ Австрію въ видѣ контрабанды. Все тяготилось настоящимъ положеніемъ—все ждало перемѣны. Въ одной брошюрѣ, подписанной бар. Адріаномъ „Австрія и ея будущее" (изд. 1841 г.), сказано: „Такъ, какъ теперь идутъ у насъ дѣла, долго продолжаться не можетъ; такое положеніе не можетъ просуществовать и періода человѣческой жизни; это не мое только личное убѣжденіе, но такъ думаютъ и частныя лица, и правительственные чиновники; переворотъ неизбѣженъ—онъ долженъ вскорѣ произойти". Дѣйствительно, несмотря на всю заботливость правительства, революціонныя идеи, поднятыя февральскою революціею, стали проникать въ Австрію. Первый ударъ ультраконсервативной системѣ Меттерниха нанесли венгерцы. Подъ вліяніемъ рѣчи депутата венгерскаго сейма Кошута (Kossuth), венгерцы отправили къ императору адресъ съ требованіемъ національной администраціи для Венгріи. Примѣръ венгерцевъ раньше всего увлекъ столичныхъ австрійцевъ. „Ремесленное общество", „общество чтенія" и нѣкоторыя другія тоже прислали свои адресы императору, въ которыхъ требовали тѣснѣйшаго союза съ Германіею и конституціоннаго порядка, введеннаго уже въ нѣкоторыхъ государствахъ Германскаго Союза. Эти требованія скоро сдѣлались общимъ лозунгомъ для всего нѣмецкаго населенія Австріи и охва-

тили всѣ его классы. Одинъ изъ членовъ императорскаго дома взялся доставить эти адресы императору Фердинанду, который передалъ ихъ на обсужденіе нижне-австрійскаго сейма. Но въ самый день обсужденія (13-го марта), толпа ворвалась въ залу засѣданій, съ криками „мы хотимъ конституціи, да здравствуетъ конституціонный императоръ Австріи". По совѣту своего дяди, эрцгерцога Людвига, императоръ не прибѣгъ къ военной силѣ, но уступилъ требованіямъ возставшихъ. Немедленно была дарована конституція съ свободой печати и съ національной гвардіею; Меттернихъ былъ смѣненъ и назначенъ на посольскій постъ въ Лондонъ. Раздача оружія изъ императорскаго арсенала національнымъ гвардейцамъ и первое его употребленіе на разрушеніе виллы кн. Меттерниха явно указывали, что нельзя было разсчитывать на скорое возстановленіе спокойствія, котораго императоръ Фердинандъ I думалъ достигнуть сдѣланными уступками.

Дѣйствительно, скоро начались новые безпорядки въ Вѣнѣ. Тогда императоръ со всѣмъ дворомъ и министрами оставилъ столицу и удалился въ Инспрукъ, къ преданнымъ габсбургскому дому тирольцамъ; войска также покинули столицу, которая, такимъ образомъ, очутилась во власти революціонеровъ. Но національное собраніе, составившееся для выработки конституціонной хартіи, успокоило нѣсколько столицу и убѣдило императора возвратиться въ Вѣну. Съ возвращеніемъ императора, начались новыя волненія въ Венгріи, которая явно стремилась къ совершенному отдѣленію отъ Австріи; въ провинціяхъ также было неспокойно; въ Богеміи возстали чехи съ намѣреніемъ добиться національнаго самоуправленія. Во имя независимости, поднялись и итальянцы Ломбардо-Венеціанскаго королевства.

Возстаніе началось въ Миланѣ, на помощь которому явился со всѣмъ своимъ войскомъ сардинскій король Карлъ-Альбертъ, соединившійся съ либералами и мечтавшій о возстановленіи единства Италіи подъ своимъ скипетромъ. При первомъ извѣстіи о возмущеніи, австрійское правительство объявило Ломбардо-Венеціанское королевство на военномъ положеніи и выслало престарѣлаго, опытнаго фельдмаршала, графа Радецкаго. Но послѣ четырехдневной уличной битвы, фельдмаршалъ долженъ былъ оставить Миланъ и отступилъ въ крѣпкую позицію между Минчіо и Эчемъ, защищенную крѣпостями: Мантуею, Вероною и Пескіэрою. Положеніе австрійскаго фельдмаршала было небезопасно, такъ какъ въ тылу его возстала Венеція, въ которой, подъ предсѣдательствомъ адвоката Даніила Манина [1]), была провозглашена республика; изъ

[1]) Послѣдній венеціанскій дожъ.

Рима шли на соединеніе съ Карломъ-Альбертомъ папскія войска; тосканскій герцогъ также выслалъ свои войска на помощь сардинскому королю; словомъ, вся Италія, за исключеніемъ только Неаполя, ополчилась для своего освобожденія отъ нѣмцевъ. Весьма много сочувствовала и содѣйствовала этому возстанію Англія въ лицѣ лорда Пальмерстона, который посылалъ инсургентамъ деньги и совѣты. При такихъ средствахъ, Карлу-Альберту дѣйствительно удалось очистить почти всю Ломбардію отъ австрійцевъ, но онъ не умѣлъ воспользоваться успѣхами задуманнаго дѣла. Въ надеждѣ пріобрѣсти Ломбардію путемъ дипломатическимъ, при содѣйствіи въ особенности Англіи, сардинскій король пропустилъ время и тѣмъ далъ значительно усилиться австрійскому фельдмаршалу въ его позиціи между Минчіо и Эчемъ. Подкрѣпленный корпусомъ генерала Вельдена, Радецкій перешелъ снова въ наступленіе и нанесъ Карлу-Альберту рѣшительное пораженіе при Кустоццѣ (25-го іюня). Король удалился въ предѣлы своего государства, покинувъ на произволъ всю Ломбардію. Радецкій вошелъ въ Миланъ, гдѣ и заключилъ перемиріе съ Сардиніею, по которому войска ея должны были очистить Ломбардію и Венецію. Побѣда при Кустоццѣ возвратила все Ломбардо-Венеціанское королевство подъ власть Австріи, за исключеніемъ Венеціи, которая нѣсколько времени защищала свою республику; но бомбардированіе со стороны суши заставило и ее покориться австрійцамъ.—Въ слѣдующемъ году (1849), Карлъ-Альбертъ снова объявилъ войну Австріи и вторгнулся въ Ломбардію; но Радецій однимъ движеніемъ разрушилъ его планы; онъ вторгнулся въ самый Піэмонтъ и нанесъ при Новарѣ такое пораженіе сардинскимъ войскамъ, что Карлъ-Альбертъ на другой же день отказался отъ престола, отправился въ Португалію и тамъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался. Сынъ и наслѣдникъ его Викторъ Эммануилъ II (царствовавшій подъ именемъ Виктора Эммануила I—короля всей Италіи) заключилъ миръ съ Австріею, по которому оба государства остались при своихъ владѣніяхъ, какъ было до войны (status quo); Сардинія должна была заплатить военныя издержки Австріи.

Возстаніе Венгріи съ намѣреніемъ отдѣлиться отъ Австріи поставило правительство въ большія затрудненія и потребовало не только напряженія всѣхъ ея военныхъ средствъ, но и заставило Франца-Іосифа I искать помощи у императора всероссійскаго.

Присоединенная къ Австріи въ концѣ XVI в., Венгрія пользовалась уже съ тѣхъ поръ нѣкоторыми правами и привилегіями, но венгерцы мечтали достигнуть совершеннаго отдѣленія своего отечества отъ австрійской власти и образовать самобытное венгер-

ское королевство, какъ это было въ средніе вѣка. Озабоченный волненіями столицы и возстаніемъ въ ломбардскихъ владѣніяхъ, императоръ Фердинандъ I согласился на нѣкоторыя требованія венгерцевъ и въ 1848 году предоставилъ странѣ этой національное управленіе, назначивъ графа Батіани главою венгерскаго министерства, а Кошута министромъ финансовъ. Но венгерцы этими уступками не удовольствовались: объявивъ на сеймѣ всѣ поземельныя владѣнія, принадлежащія австрійскимъ аристократамъ, возвращенными націи, венгерцы потребовали присоединенія Трансильваніи, учрежденія національнаго венгерскаго банка и отмѣны обязательства венгерскихъ войскъ служить императору внѣ самой Австріи. Фердинандъ не только согласился и на эти требованія, но даже самъ отправился на сеймъ въ Пештъ, чтобы, въ присутствіи сословныхъ венгерскихъ представителей, подтвердить свое согласіе. Замѣчательно, что венгерцы, не выражая своихъ дальнѣйшихъ требованій, вслѣдъ за этими уступками, сдѣланными имъ императоромъ, неожиданно подняли знамя возстанія. Вооруживъ около 200 тысячъ гонведовъ (волонтеровъ) и выпустивъ на 42 милліона гульденовъ ассигнацій (извѣстныхъ подъ именемъ „кошутовскихъ билетовъ),“ венгерцы стали подстрекать вѣнскихъ демократовъ для общаго дѣйствія противъ императорскаго правительства. Потому, когда хорваты, словаки, сербы, граничары и др. славянскія племена, недовольныя своимъ подчиненіемъ Венгріи, вслѣдствіе уступки въ пользу ея Трансильваніи, выступили подъ предводительствомъ бана Іелачича противъ венгерцевъ, вѣнскіе демократы приняли этотъ походъ за нападеніе на нихъ самихъ и произвели новую революцію, извѣстную подъ названіемъ „Октябрьскихъ дней“.

Жители Вѣны, подстрекаемые тайными агентами Кошута, воздвигли баррикады, разграбили арсеналъ и первые открыли огонь по императорскимъ войскамъ. Чтобы остановить кровопролитіе на улицахъ, министерство распорядилось выслать войска изъ города, надѣясь, что вліятельныя лица національнаго собранія съумѣютъ возстановить спокойствіе. Но едва только войска оставили городъ, какъ вооруженная толпа вломилась въ домъ военнаго министра и умертвила его самымъ безчеловѣчнымъ образомъ; другая толпа бросилась на національное собраніе и разогнала его. При такихъ обстоятельствахъ, императоръ снова удалился изъ Вѣны, ввѣривъ главное начальство надъ всѣмъ войскомъ кн. Виндишгрецу, съ неограниченнымъ полномочіемъ для усмиренія и наказанія столицы. Вѣнскіе инсургенты, предводимые Робертомъ Блюмомъ, начали готовиться къ защитѣ и поручили главное начальствованіе польскому генералу Бему. Не имѣя недостатка ни въ оружіи, ни въ

снарядахъ и съѣстныхъ припасахъ, они однако мало надѣялись на свои силы и съ часу на часъ ждали вооруженной помощи изъ Венгріи. Между тѣмъ императорское войско съ двухъ сторонъ приближалось къ Вѣнѣ: Виндишгрецъ шелъ изъ Богеміи, а Іелачичъ съ венгерской границы. Главноначальствующій предложилъ инсургентамъ положить оружіе, но тѣ отказались. Тогда началась шестидневная осада столицы правительственными войсками. Виндишгрецъ поступилъ сурово съ побѣжденными: главные зачинщики были преданы смертной казни разстрѣляніемъ; въ числѣ ихъ находился Робертъ Блюмъ, казнь котораго надѣлала много шуму среди германскихъ демократовъ, такъ какъ Р. Блюмъ былъ членомъ германскаго парламента; Бемъ же бѣжалъ въ Венгрію занѣсколько дней до взятія Вѣны.

Утомленный такими тревогами, императоръ Фердинандъ I отказался отъ престола [1]), и сынъ его брата, Франца-Карла, молодой Францъ-Іосифъ I принялъ корону имперіи.

Новому императору предстояло трудное дѣло—усмирить Венгрію. Сеймъ венгерскій не только не призналъ перемѣны царствованія, но объявилъ габсбурско-лотарингскій домъ лишеннымъ венгерской короны. При такомъ положеніи дѣлъ, оставалось оружіемъ положить конецъ возстанію. Послѣ покоренія Вѣны, кн. Виндишгрецъ двинулся въ Венгрію и почти безпрепятственно достигъ Пешта. Кошутъ перебрался въ Дебречинъ и надѣялся тѣмъ увлечь австрійское войско во внутрь страны, гдѣ оно могло быть истреблено недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ. Большія надежды возлагалъ Кошутъ на поляковъ; потому и начальство надъ войсками онъ поручилъ польскимъ генераламъ: Бемъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Трансильваніи, а Дембинскій—надъ Тисскою арміею. Послѣдній однако не оправдалъ выбора и послѣ пораженія, нанесеннаго ему Виндишгрецемъ (при Кацольнѣ), былъ замѣненъ Гергеемъ [2]). Удачныя дѣйствія Гергея и Бема противъ австрійскихъ войскъ, которыя принуждены были отступить въ Валахію, подстрекнули Кошута на смѣлый шагъ: онъ объявилъ Венгрію республикой, а самъ принялъ титулъ диктатора. Но это обстоятельство оскорбило честолюбіе Гергея, который себѣ при-

---

[1]) Императоръ австрійскій Фердинандъ I скончался въ Прагѣ въ іюнѣ 1875 г.

[2]) Артуръ Гергей род. въ 1818 году, службу началъ въ австрійской арміи; выйдя въ молодыхъ годахъ въ отставку, предался изученію естественныхъ наукъ. Когда декретъ венгерскаго сейма призвалъ на защиту національныхъ интересовъ всѣхъ отставныхъ военныхъ, тогда и Гергей, въ чинѣ маіора, вступилъ въ венгерскія войска и скоро получилъ командованіе отдѣльною арміею. Горячій патріотъ, пылкій по натурѣ, Гергей не былъ способенъ подчиняться кому бы то ни было, чѣмъ много повредилъ національному дѣлу Венгріи, несмотря на несомнѣнные военные таланты свои. Послѣ него остались весьма интересныя записки.

писывалъ весь успѣхъ народнаго дѣла и потому не довольствовался предоставленнымъ ему званіемъ военнаго министра и главнокомандующаго венгерскихъ войскъ. Этотъ моментъ венгерскаго возстанія справедливо считается концомъ успѣшныхъ дѣйствій, такъ какъ съ этихъ поръ начались несогласія между главными дѣятелями возстанія, а австрійскій императоръ нашелъ помощь въ русскомъ государѣ, который въ сближеніи венгерцевъ съ поляками видѣлъ поводъ вмѣшаться въ венгерскую войну.

Россія выслала въ Венгрію три корпуса: 1) генерала Лидерса (35 тыс.) въ Валахію; 2) главная армія, подъ командою графа

Францъ Іосифъ.

Паскевича въ числѣ 130 тыс., двинулась черезъ Карпатскіе проходы въ Венгрію и 3) корпусъ генерала Панютина, отправленный прямо въ Вѣну. Союзники скоро овладѣли обоими берегами Дуная; Паскевичъ взялъ Дебречинъ и заставилъ Кошута бѣжать отсюда съ сеймомъ. Къ началу августа, потерявъ надежду на счастливый исходъ задуманнаго дѣла, Кошутъ сложилъ съ себя диктатуру, передавъ ее Гергею, а самъ бѣжалъ къ войскамъ Бема въ Трансильванію. Новый диктаторъ, при первой встрѣчѣ съ русскимъ генераломъ Ридигеромъ при Вилагосѣ (13-го августа), со

всею своею арміею положилъ оружіе и сдался на капитуляцію. Бемъ бѣжалъ въ Турцію, гдѣ принялъ исламъ; Кошутъ удалился въ Англію, а Гергей получилъ, вслѣдствіе заступничества Россіи, позволеніе поселиться въ Грецѣ. Венгрія дорого поплатилась за свое возстаніе: потерявъ дарованную ей конституцію и другія привилегіи, она должна была подчиниться общему уложенію, изданному въ 1849 г., и слиться, какъ коронная земля, съ австрійскою имперіею.

Война 1866 г. (см. гл. XXII), лишивъ Австрію политическаго первенства среди германскихъ государствъ, указала ей на слабыя стороны ея прежней политики и принудила приступить къ реформамъ государственнаго строя, которыя она имѣла обыкновеніе обѣщать своимъ народамъ послѣ каждой политической катастрофы, начиная съ 1848 г. Для предупрежденія внутренняго распаденія разноплеменнаго организма Австріи, первымъ министромъ ея, графомъ Бейстомъ, была придумана *система дуализма*, раздѣлившая имперію на двѣ самостоятельныя по управленію половины: *Цислейтанскую* (по сю сторону р. Лейты) или Австрію и *Транслейтанскую* (по ту сторону р. Лейты) или Венгрію, причемъ центръ тяжести *Австро-Венгерской монархіи* (какъ называютъ теперь Австрійскую имперію) перемѣщенъ съ запада на востокъ.

ГЛАВА XIX.

Славянскій міръ и пробужденіе идеи національнаго славянскаго единства.

Пространство, занимаемое славянскимъ племенемъ.—Раздѣленіе историческое и этнографическое.—Численность славянскаго племени.—Краткій обзоръ исторіи сербовъ, поляковъ, чеховъ и др. Чужеземное иго и возникновеніе панславянской идеи.—Колларъ и его поэма „Дочь славы".—Сочиненіе Коллара „о литературной взаимности славянъ".—Поэтическія произведенія Челяковскаго и Вукотиновича.—Всеславянскій съѣздъ въ Прагѣ.—Московскіе славянофилы.—Памятникъ Гусу.

Славянское племя еще въ незапамятныя времена переселилось въ Европу и заняло огромное въ ней пространство — отъ Эльбы до Волги и отъ Балтійскаго моря до Чернаго и Адріатическаго. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально славяне составляли одно нераздѣльное племя и говорили однимъ общимъ языкомъ; но съ теченіемъ времени, вслѣдствіе громадности и разнохарактерности занимаемаго ими пространства, подъ вліяніемъ столкновеній съ дру-

гими племенами, они распались на отдѣльныя народности, во многомъ отличавшіяся одна отъ другой. Неизбѣжнымъ результатомъ такого раздѣленія было образованіе различныхъ славянскихъ нарѣчій, которыя все болѣе и болѣе расходились между собою. Раздѣленные на отдѣльныя племена, славяне втеченіи своей исторіи испытали не одинаковую участь: большинство подпало подъ чужеземное владычество (нѣмцевъ, турокъ и мадьяръ).

Славянское племя, численность котораго въ настоящее время достигаетъ до 100 мил., по своимъ этнографическимъ особенностямъ и языку, а также и по историческимъ условіямъ распадается на три группы: *восточное славянство*, *западное славянство* и *южное славянство*; въ географическомъ отношеніи славянское племя раздѣляется на восемь отдѣльныхъ народовъ.

1) *Русскіе Славяне*, составляющіе 66% всего славянства, населяютъ восточную Европу, откуда оружіемъ и колонизаціею они уже проникли и въ глубь Азіи и на сѣверное финское побережье и къ южнымъ естественнымъ рубежамъ. Русскіе Славяне дѣлятся по языку на три нарѣчія: великоруссы, малоруссы (или малороссы) и бѣлоруссы; всѣ эти три нарѣчія составляютъ коренное населеніе Россійской Имперіи. Но кромѣ Россіи, Русскіе славяне „сидятъ" въ Австрійской Галиціи и Буковинѣ, составлявшими въ удѣльновѣчевую эпоху — одно изъ могущественныхъ рюриковскихъ княжествъ—Галицкое: это—Русины или Галичане и Угро-Русы.

2) *Болгаре* (5 мил.) обитаютъ на Балканскомъ полуостровѣ и занимаютъ пространство отъ р. Тимока на сербской границѣ и устьевъ Дуная съ одной стороны, и до Солуня и границъ Албаніи—съ другой. Въ 1878 году, по берлинскому трактату предбалканская часть Болгаріи составила полунезависимое *Болгарское княжество*.

Этотъ славянскій народъ не принадлежалъ къ числу коренныхъ обитателей Балканскаго полуострова, а утверждался на немъ постепенно, еще до Р. Х., вторгаясь за Дунай вмѣстѣ съ германскими племенами, а потомъ съ гуннами и истребляя туземное ѳракійское и македонское населеніе. Дробленіе на множество общинъ съ особыми князьями (старѣйшинами) и взаимная ихъ вражда мѣшали дунайскимъ славянамъ устроить прочный порядокъ въ своей землѣ. Государственный элементъ внесенъ былъ къ нимъ впервые болгарами, угорскимъ племенемъ, пришедшимъ съ береговъ Аракса. Послѣ ряда вторженій, во второй половинѣ седьмаго столѣтія, они покоряютъ славянъ, жившихъ между Дунаемъ и Балканами, и основываютъ *царство Болгарское* съ самодержавіемъ и строгою военною дисциплиною. Дряхлая Византія не могла бороться съ воин-

ственными пришельцами. Въ началѣ IX столѣтія ихъ могущественный предводитель *Крумъ* расширилъ свои владѣнія до Пешта, отъ источниковъ Тиссы и до Валахіи, поразилъ императора византійскаго Никифора и осадилъ Константинополь, но умеръ, не дождавшись плодовъ своихъ завоеваній (815 г.). Между тѣмъ, достигнувъ политической силы и могущества, болгары, въ духовномъ отношеніи, все болѣе и болѣе подчинялись вліянію туземнаго славянскаго населенія, превосходившаго ихъ своею численностью. Дѣло кончилось тѣмъ, что отъ болгаръ осталось только ихъ имя и немного словъ въ языкѣ дунайскихъ славянъ. Въ 861 году болгарскій царь *Борисъ* принимаетъ крещеніе отъ св. Меѳодія, и христіанство начинаетъ постепенно распространяться по всей странѣ. Сынъ Бориса, *Симеонъ*, получилъ вполнѣ византійское образованіе и замѣчателенъ, какъ покровитель только что пробудившейся славянской письменности. При блестящемъ дворѣ его нашли себѣ ласковый пріемъ бѣжавшіе изъ Моравіи ученики святыхъ Кирилла и Меѳодія и продолжали дѣятельность своихъ великихъ наставниковъ. Но родственныя связи болгарскаго правительства съ Византіей при преемникѣ Симеона, *Петрѣ*, и проникновеніе въ Болгарію нравственно испорченныхъ византійскихъ грековъ, имѣвшихъ большое вліяніе на государственныя и церковныя дѣла, привели къ распаденію Болгаріи на двѣ половины: восточную и западную. Это обстоятельство могло только благопріятствовать замысламъ византійцевъ. Императоръ Никифоръ-Фока, недовольный тѣмъ, что царь Петръ позволялъ мадьярамъ проходить черезъ Болгарію для набѣговъ на Византію, призвалъ на помощь русскаго князя Святослава. Онъ побѣдилъ болгаръ, но попытка его удержать ихъ страну за собою не имѣла успѣха. Іоаннъ Цимисхій разбилъ Святослава, и восточная Болгарія была присоединена къ Византіи. Въ 1018 году той же участи подверглась и западная Болгарія, покоренная императоромъ Василіемъ, по прозванію Болгаробойцемъ. Попытки свергнуть византійское иго увѣнчались успѣхомъ только въ 1186 году. Въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія Болгарское царство успѣло дойти до прежней силы и величія, но раздоры между членами царствующаго дома, вторженія монголовъ и татаръ, вмѣшательство Сербіи и Венгріи—все это привело къ тому, что въ 1391 году Болгарія должна была подпасть подъ власть турокъ: самъ царь болгарскій *Иванъ Шишманъ* призвалъ ихъ на помощь противъ своего роднаго брата, обязавшись платить дань и помогать войскомъ, но измѣнилъ слову и призвалъ противъ нихъ венгровъ. Тогда Болгарія была занята турками. Весьма печальнымъ стало положеніе Болгаріи подъ турецкимъ игомъ. Часть

обитателей ушла въ Валахію, Молдавію и Венгрію, иные нашли убѣжище въ Балканахъ, откуда, подъ именемъ *гайдуковъ*, тревожили своихъ завоевателей и напоминали народу о его славномъ прошедшемъ.

3) *Сербо-Хорваты* (6 мил.)—обитаютъ на западѣ отъ Болгаръ до Адріатическаго моря и въ южной части нынѣшней Австріи. Къ Сербо-Хорватской группѣ слѣдуетъ отнести: а) *Черногорцевъ*, которые прежде населяли южную Сербію и потомъ ушли отъ Турецкаго владычества въ недоступныя горы, гдѣ и положили начало своей Черногоріи, которая нынѣ признается независимымъ княжествомъ. Численность Черногорцевъ — 260 тыс. и б) *Босняковъ Герцгеовинцевъ* — управляемыхъ въ настоящее время австрійскою администраціею.

Въ XII столѣтіи сербы были раздроблены на множество общинъ и только при содѣйствіи Византіи могли образовать государство. Византія пользовалась союзомъ сербовъ для ослабленія Болгаріи и помогла князю *Чеславу* въ половинѣ X вѣка соединить подъ своею властью разрозненныя сербскія племена. Христіанство проникло къ сербамъ въ первый разъ въ половинѣ VII вѣка, когда императоръ Ираклій убѣдилъ ихъ принять крещеніе отъ римскаго духовенства, но масса народа все еще оставалась въ язычествѣ. Второе крещеніе совершено было въ половинѣ IX вѣка духовными, посланными императоромъ Василіемъ. Вліяніе Византіи на дѣла Сербіи не прекращалось и по смерти Чеслава, но ослабѣвало все болѣе и болѣе. Въ XIII—XIV столѣтіяхъ Сербія становится уже опасною для Византіи. Наибольшаго могущества достигла Сербія при *Стефанѣ Душанѣ* (1336—1356) изъ династіи Неманичей. Кромѣ своихъ собственныхъ областей, Сербія обнимала въ это время Албанію, Эпиръ, Ѳессалію и Македонію; царь болгарскій признавалъ свою зависимость отъ Душана. Въ 1346 году Душанъ принялъ титулъ *царя сербскаго, греческаго и болгарскаго*, а въ 1355 году съ восьмидесятитысячнымъ войскомъ двинулся къ Константинополю съ цѣлью завоевать его и остановить движеніе въ Европу турокъ, которыхъ призывали сами византійскіе императоры противъ своихъ враговъ. Приводя въ исполненіе свои политическіе планы, Душанъ въ то же время заботился и о внутреннихъ порядкахъ въ государствѣ и знаменитъ въ сербской исторіи своимъ законодательствомъ („Законникъ“ 1349). Но внезапная смерть не дала ему довести до конца задуманныя предпріятія. Послѣ него начались въ государствѣ внутренніе раздоры: правители отдѣльныхъ областей стали домогаться самостоятельности. При такихъ обстоятельствахъ пришлось Сербіи столк-

нуться съ тѣмъ самымъ врагомъ, противъ котораго Душанъ хотѣлъ заблаговременно принять мѣры. Турецкій султанъ Мурадъ I съ огромнымъ войскомъ вторгнулся въ Сербію; произошла знаменитая *Коссовская битва* (1389), въ которой погибли оба предводителя — побѣдитель Мурадъ и побѣжденный король Лазарь. Съ тѣхъ поръ Сербія сдѣлалась данницей турокъ, а къ 1459 году обстоятельства сложились такъ, что туркамъ можно было обратить ее въ свою провинцію. Отъ общаго крушенія уцѣлѣли жители южной части Сербіи, спасшіеся въ горахъ и положившіе такимъ образомъ основаніе *Черногоріи*. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи (въ 1815 г.) сербамъ удалось, подъ предводительствомъ *Милоша Обреновича*, достигнуть нѣкоторой свободы и самостоятельности. Имъ позволено было носить оружіе, собирать дань, принимать участіе въ судахъ и т. п. По парижскому миру 1856 года Сербія поставлена подъ покровительство европейскихъ великихъ державъ, а послѣ турецкой войны 1877 г. образовала отдѣльное самостоятельное королевство.

4) *Словенцы* или *Словинцы* ($1^1/_2$ мил). Занимаютъ незначительное пространство къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ полуострова Истріи; находятся подъ властью Австріи.

5) *Поляки* (Ляхи), самый многочисленный изъ западныхъ славянскихъ народовъ ($9^1/_4$ мил.). Кромѣ Привислянскаго края, принадлежащаго Россіи, поляки составляютъ значительную часть населенія въ западно-русскихъ губерніяхъ, въ австрійской Галиціи, австрійской Силезіи и прусскихъ областяхъ Помераніи и Познани.

Вопросъ о происхожденіи Польскаго государства весьма теменъ; извѣстно только, что начала общественной организаціи положены были не самими поляками, а воинственными дружинами ляховъ, которыхъ имя перешло потомъ и на завоеванное населеніе. Собственно историческій періодъ польской исторіи начинается съ IX вѣка, когда княжеская власть переходитъ къ династіи Пястовъ, управлявшихъ Польшею до 1370 года. При одномъ изъ представителей этой династіи, *Мечиславѣ*, поляки принимаютъ христіанство по обряду римско-католическому. Съ того времени начинается борьба поляковъ съ нѣмцами за независимость; Польша преобразуется въ военную монархію, которая при *Болеславѣ Храбромъ* (992—1025) достигаетъ значительнаго могущества. Государство простиралось при немъ отъ Днѣпра до Эльбы, отъ Балтійскаго моря до Дуная и Тиссы. Расширяя предѣлы своего государства и заботясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, о внутреннемъ его благоустройствѣ, Болеславъ имѣлъ въ виду основать могущественную славянскую державу для противодѣйствія движенію нѣмцевъ на

востокъ; но этотъ планъ не удался ему по винѣ его сыновей. Болеславъ Храбрый первый принялъ титулъ короля.

По смерти Болеслава настаетъ тяжелое время для Польши: къ внутреннимъ раздорамъ присоединяются опустошительные набѣги нѣмцевъ, Литвы и монголовъ. Споры и слабость князей содѣйствуютъ возвышенію аристократіи, которая забираетъ въ свои руки государственныя дѣла. Въ рукахъ аристократовъ и духовенства сосредоточиваются богатыя недвижимыя имущества, а простой народъ бѣдствуетъ, изнемогая подъ бременемъ непосильныхъ повинностей. Кромѣ того, съ XIII столѣтія въ городахъ стало распространяться нѣмецкое городское (Магдебургское) право.

Съ этихъ поръ польскіе города мало по малу стали наполняться иноземными пришельцами, чуждыми странѣ по языку, обычаямъ и понятіямъ. Польскіе обыватели, разоренные и ослабленные нашествіями враговъ, не противодѣйствовали этимъ переселеніямъ, видя въ пришельцахъ людей промышленныхъ и трудолюбивыхъ; а аристократія была довольна тѣмъ, что получала съ нихъ арендную плату за такія земли, которыя прежде не приносили никакого дохода. Все это усиливало аристократію и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляло королевскую власть, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ важныхъ дѣлахъ новые города руководствовались нѣмецкими законами. Только въ началѣ XIV вѣка, при *Владиславѣ Локеткѣ*, наносится ударъ могуществу аристократіи. На первомъ польскомъ сеймѣ Владиславъ положилъ основаніе политическому значенію средняго сословія — *шляхты*: она была призвана къ участію въ законодательствѣ. Послѣ смерти сына его, послѣдняго изъ династіи Пястовъ — *Казиміра Великаго* (1333—1370), корона польская переходитъ къ его родственнику Людовику венгерскому, а послѣ его смерти, дочь его *Ядвига*, по волѣ шляхты, вышла замужъ за великаго князя литовскаго, Ягелло. Этимъ положено было основаніе господству династіи Ягеллоновъ и соединенію Литвы съ Польшею, которое состоялось однако только въ XVI столѣтіи (1569 г.). Соединенныя государства составили нераздѣльную „Рѣчь Посполитую“ съ однимъ королемъ, котораго положено было выбирать на общемъ сеймѣ въ Варшавѣ, съ однимъ сенатомъ и сеймомъ. Время *Сигизмунда II Августа*, соединившаго окончательно Литву съ Польшею, было самымъ цвѣтущимъ временемъ Польши. Полная терпимость короля къ гусситамъ, проникавшимъ въ Польшу еще съ XV столѣтія, и къ нѣмецкимъ протестантамъ содѣйствуетъ развитію богатой народной литературы. Но въ то же время шляхта достигаетъ вершины своего могущества и, пользуясь „безкоролевьемъ“, наступившимъ по смерти Сигизмунда, послѣдняго Ягеллона, окон-

чательно лишаетъ королей всякой самостоятельности. Избранный на сеймѣ король не смѣлъ безъ воли сената ни жениться, ни разводиться съ женою, не могъ безъ разрѣшенія сословій ни объявлять войну, ни отправлять пословъ за границу, ни налагать новую дань; онъ долженъ былъ оставлять въ покоѣ диссидентовъ (т. е. некатоликовъ), имѣть при себѣ совѣтъ изъ нѣсколькихъ сенаторовъ и пословъ и черезъ каждый годъ созывать сеймъ на шесть недѣль; въ случаѣ нарушенія одного изъ этихъ условій, подданные могли отказывать королю въ повиновеніи. Ослабляя королевскую власть, шляхта стремилась также подорвать авторитетъ римско-католической церкви. Начинается борьба между шляхтою и духовенствомъ. На сторону враговъ шляхты становится простой народъ, тяжелое положеніе котораго нисколько не измѣнилось. За дѣло принимаются іезуиты, и борьба кончается торжествомъ католицизма надъ протестантизмомъ. Господство іезуитовъ, стремившихся распространить свое вліяніе и на сосѣднихъ греко-восточныхъ христіанъ, казацкія войны за вѣру православную, вмѣшательство иностранныхъ державъ для защиты своихъ единовѣрцевъ, наконецъ совершенная отторженность шляхты отъ простаго народа и угнетенное положеніе послѣдняго — доводятъ Польшу до внутренняго разложенія, слѣдствіемъ котораго были неоднократные раздѣлы Польши между сосѣдними державами и окончательное паденіе польской самостоятельности (1794).

6) *Чехи* и *Мораване* ($4^1|_2$ мил.). Эта народность занимаетъ въ средней Европѣ котловину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами—Рудными, Судетами, Богемскими и Моравскими. Въ настоящее время находятся во власти Австріи. Чехи много дали славянскому міру; достаточно вспомнить имена Гуса и Жижки, боровшихся и за чешскую національность съ нѣмцами, и за свободу религіозной совѣсти и національность языка въ богослуженіи—съ папами и католичествомъ. Мораване, неотличающіеся отъ чеховъ въ этнографическомъ отношеніи, составляли когда-то независимое великоморавское княжество (столицею былъ Велеградъ). Мораване дороги всему славянскому міру по воспоминаніямъ о первоучителяхъ славянства, св. Кириллѣ и св. Меѳодіи, давшихъ славянамъ церковнославянскія письмена и священное писаніе и богослуженіе на славянскомъ языкѣ.

Страна, занимаемая нынѣ чехами, до Р. Х. была заселена Боіями, отъ имени которыхъ произошло названіе „Богемія“. Славянское племя чеховъ, раздѣленное на нѣсколько вѣтвей, поселилось въ той мѣстности въ половинѣ пятаго столѣтія. Въ половинѣ шестаго столѣтія, чехи подчинились игу Аваровъ, но были осво-

бождены иноземцемъ Само, пріѣхавшимъ въ Чехію по торговымъ дѣламъ. Избранный въ короли, *Само* расширилъ предѣлы своего государства и основалъ первую обширную славянскую державу, границы которой на сѣверѣ доходили до рѣки Шпре и Гавеля. Но по смерти Само, его монархія распалась. Съ конца седьмаго столѣтія ведетъ свое начало въ Чехіи королевская династія Премысловичей, происходящая отъ *Премысла*, по преданію земледѣльца, котораго выбрала себѣ въ мужья мудрая дочь Крока, Любуша, основательница Праги. Въ первой половинѣ девятаго вѣка стараніями нѣмецкаго католическаго духовенства начинаетъ распространяться въ Чехіи христіанство; но настоящее введеніе христіанства совершается только при князѣ *Ростиславѣ*, который призвалъ св. первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, думая этимъ освободиться отъ церковнаго вліянія нѣмцевъ. Надежды эти однако не оправдались. По смерти Меѳодія, ученики его должны были бѣжать отъ преслѣдованій нѣмецко-католическаго духовенства въ Болгарію, а нѣмецкое вліяніе на чешскія дѣла становится все сильнѣе и сильнѣе. Съ X вѣка Чехія подпала подъ феодальную зависимость отъ нѣмецкихъ императоровъ, и сами короли чешскіе сознательно поощряли нѣмцевъ и нѣмецкіе порядки. Таковы: король *Вячеславъ I-й* (1230—1253) и Премыслъ *Отокаръ II-й* (1253—1278). Желая поддержать свою власть противъ богатой и опасной въ политическомъ отношеніи аристократіи, Отокаръ населилъ новые города и крѣпости нѣмцами, отдавъ имъ также въ распоряженіе горные промыслы за большую денежную плату. Но вмѣстѣ съ тѣмъ политическое значеніе Чехіи въ это время достигаетъ обширныхъ размѣровъ: она пріобрѣла одно время Австрію, Штирію, Хорутанію и приморскія земли до Тріеста, Саксонію, Краковъ и даже Польшу (1300). Въ 1306 году пресѣкается родъ Премысловичей, и королевская власть переходитъ къ Люксембургской династіи. Самымъ замѣчательнымъ королемъ изъ этой династіи былъ *Карлъ I* (какъ императоръ германскій—Карлъ IV) отъ 1346 до 1378. Не упуская случаевъ расширить предѣлы королевства присоединеніемъ новыхъ владѣній, Карлъ особенно заботился о внутреннемъ благосостояніи Чехіи, истощенной денежными поборами въ правленіе отца его, Іоанна Люксембургскаго. Прага въ это время сдѣлалась однимъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ городовъ Европы. Множество иностранцевъ изъ разныхъ странъ стекалось въ столицу Чехіи, въ особенности когда въ 1348 году основанъ былъ Пражскій университетъ, первый въ Средней Европѣ. Заботясь о водвореніи правосудія въ королевствѣ, Карлъ издалъ судебникъ, извѣстный подъ именемъ Majestas Carolina. Не

оставлялъ онъ безъ вниманія и церковныя дѣла. Великій расколъ, возникнувшій въ концѣ его правленія, вызвалъ его на дѣятельную переписку съ христіанскими государями о возстановленіи церковнаго единства, а раньше того приняты были имъ серьезныя мѣры противъ корыстолюбія и вообще безнравственности чешскаго духовенства. При немъ впервые вводится обличительная проповѣдь на родномъ языкѣ противъ темныхъ сторонъ въ жизни тогдашняго общества. Но, обличая духовенство, проповѣдники позволяли себѣ также критическое отношеніе къ разнымъ догматамъ и установленіямъ католической церкви. Однородныя явленія въ другихъ странахъ еще болѣе содѣйствуютъ этому движенію. Въ Чехію проникаютъ сочиненія англійскаго богослова Виклефа, который возставалъ противъ современнаго состоянія церкви, и встрѣчаютъ большое сочувствіе въ нѣкоторыхъ профессорахъ Пражскаго университета. Такъ какъ защитниками неприкосновенности католическаго ученія являются по преимуществу нѣмецкіе богословы, то борьба вскорѣ принимаетъ національный характеръ. Во главѣ народной и вмѣстѣ реформаціонной партіи становится магистръ *Янъ Гусъ* (р. 1373, † 1415), дѣятельность котораго относится уже къ правленію сына Карла I — *Вячеслава IV*. Подъ покровительствомъ этого короля, который съ самаго начала своего правленія неравнодушно смотрѣлъ на чрезмѣрное богатство и могущество духовенства, Гусъ начинаетъ энергическую проповѣдь и литературную дѣятельность на чешскомъ языкѣ и привлекаетъ на свою сторону часть дворянства и народную массу. Подъ вліяніемъ Гуса, Вячеславъ издалъ декретъ, по которому національная партія пріобрѣтаетъ господство въ университетѣ. Ни торжественное сожженіе книгъ Виклефа, ни папское проклятіе, ни интердиктъ на Прагу не устрашаютъ Гуса. Но покровительство Вячеслава и сочувствіе народа оказались недостаточными въ борьбѣ противъ папской власти. Самъ Вячеславъ имѣлъ множество враговъ: въ папѣ и духовенствѣ, въ высшихъ дворянскихъ родахъ, а главное въ своихъ родныхъ братьяхъ, которые устраивали противъ него различныя козни. Въ 1415 году Гусъ былъ сожженъ по приговору Констанцскаго Собора, какъ еретикъ. Волненіе, вызванное въ Чехіи смертью Гуса, послужило началомъ цѣлаго ряда бурныхъ событій, извѣстныхъ подъ именемъ *Гусситскихъ войнъ* (1419—1434). Послѣдователи Гуса дробятся на секты и толки, ведущіе между собою постоянные споры. Опасность крестовыхъ походовъ, которые предпринимались противъ чеховъ чуть ли не цѣлой Европой, выдвинула воинственную секту таборитовъ съ знаменитыми полководцами—Жижкой, Прокопомъ Великимъ и Прокопомъ Малымъ.

Но эта секта отвергала существующую общественную организацію и провозглашала новыя начала полнаго равенства и братства, а потому вооружила противъ себя привилегированныя сословія, аристократію и мѣщанство. Въ 1434 году борьба окончилась битвою у Липанъ, въ которой табориты были поражены. Послѣ смерти императора Сигизмунда и преемника его Альбрехта, эрцгерцога австрійскаго, призванныхъ на престолъ партіею порядка, наступаетъ анархія. Тогда изъ среды аристократовъ выдвигается ловкій, умный и проникнутый любовью къ родинѣ, *Юрій Подѣбрадскій* и захватываетъ въ свои руки верховную власть сначала

Гусъ

въ качествѣ губернатора, потомъ намѣстника сына Альбрехтова Владислава, наконецъ, какъ избранный и вѣнчанный король (1457). Государство Юрія Подѣбрадскаго была правильно устроенная конституціонная монархія, независимая отъ папы, проникнутая идеею славянской народности. Пользуясь сочувствіемъ при европейскихъ дворахъ и со стороны передовыхъ людей тогдашней Европы, Юрій предлагалъ правительствамъ устройство „европейскаго парламента государей", мечталъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы, о возстановленіи Восточной имперіи; но всѣмъ этимъ замысламъ не суждено было осуществиться. Аристократія, подстрекаемая римскою

куріею, вооружилась противъ Юрія Подѣбрадскаго, подъ предлогомъ защиты католической вѣры; на помощь аристократамъ явился властолюбивый король венгерскій, Матвѣй Корвинъ. Въ разгарѣ борьбы Юрій умираетъ, назначивъ, съ согласія сейма, преемникомъ своимъ сына польскаго короля Казиміра, Ягеллова внука *Владислава*. При династіи Ягеллоновъ начинается полное господство аристократіи: она угнетаетъ народъ, доводитъ до ничтожества королевскую власть. По смерти Владислава Ягеллона, не оставившаго наслѣдниковъ (1526), сеймъ отдаетъ престолъ чешскій Габсбургу, *Фердинанду* эрцгерцогу австрійскому, брату всесильнаго императора германскаго, Карла V. Съ воцареніемъ Габсбурговъ начинается систематическое покровительство католицизму и преслѣдованіе гусситства и протестантизма. Сеймъ сталъ исключительно аристократическимъ. Но въ самой средѣ аристократовъ происходитъ раздвоеніе. Изъ ихъ числа выдѣляются магнаты-католики, нашедшіе покровительство у короля; остальные стоятъ за вѣротерпимость. Борьба между этими двумя лагерями наполняетъ все время правленія первыхъ Габсбурговъ; исключеніе составляетъ время Максимиліана II и Рудольфа I, или такъ-называемый *золотой вѣкъ чешскаго просвѣщенія и литературы*. Но при преемникахъ ихъ, Матвѣѣ и Фердинандѣ II, борьба между національною партіею аристократовъ и аристократами-католиками возобновляется и рѣшается оружіемъ въ злополучной *Бѣлогорской битвѣ* (1620), съ которою окончилось существованіе Чехіи, какъ государства. Дѣятельными помощниками правительства явились іезуиты, которые утвердились еще при Фердинандѣ I; путемъ воспитанія, пропаганды и насилія, они успѣли въ непродолжительное время подавить національныя стремленія народа, истощеннаго борьбою съ внѣшними врагами и гнетомъ высшихъ сословій.

Моравне—живутъ къ юго-востоку отъ чеховъ. Въ половинѣ IX столѣтія пріобрѣли независимость, освободившись отъ власти аваровъ и нѣмцевъ; приняли христіанство отъ св. Кирилла и Меѳодія и при Святополкѣ (IX в.) составили большое и могущественное государство, но въ началѣ X вѣка были поражены мадьярами и нѣмцами въ битвѣ при Пресбургѣ, и Моравія была раздѣлена между нѣмцами, мадьярами, чехами и поляками.

7) *Словаки* ($2^1/_2$ мил.)—живутъ на востокѣ отъ Мораванъ, т. е. въ сѣверо-западной Венгріи. Покоренные въ X вѣкѣ мадьярами, они представляются изъ всей группы западныхъ славянъ, наиболѣе угнетенными чужеземнымъ игомъ и чужеземнымъ культурнымъ вліяніемъ: въ настоящее время они почти совсѣмъ утратили въ себѣ славянскую народность и омадьярились.

8) *Лужичане* (или Сербо-Лужичане). Племя это составляетъ остатокъ (всего 160 тыс.) прежняго громаднаго славянскаго Полабскаго племени, жившаго по берегамъ р. Эльбы (у славянъ—Лаба). Окруженные съ трехъ сторонъ нѣмецкими селеніями, Лужичане въ настоящее время почти онѣмечились.

По количеству славянскаго населенія, первое мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ принадлежитъ Россіи; а именно 66%; за нею идетъ Австро-Венгрія—19,9% всего славянства; Балканскій полуостровъ—8,4%, далѣе Пруссія—3,1% и, наконецъ, Румынія—0,9%. Въ теченіе тысячелѣтія своего культурнаго существованія, славянство потеряло много земель, отнятыхъ у нихъ чужеземными сосѣдями, а именно до 8 тыс. кв. миль съ $2^1/_2$ мил. населенія. На картѣ современной Европы, эти потери обозначаются тремя глубокими нѣмецкими впадинами въ славянскія территоріи. Первая впадина тянется отъ Баваріи до границъ Венгріи; она образовалась отъ завоеваній Карла В. надъ славянами; вторая впадина тянется между Богеміею и Польшею—это Силезія (или славянскій Слезакъ), составившая пріобрѣтеніе Пруссіи во время семилѣтней войны; третья впадина углубляется въ Привислянскій край; она образовалась въ эпоху крестовыхъ походовъ отъ миссіонерскихъ экспедицій Тевтонскаго рыцарскаго ордена, которые явились въ эту исконно-славянскую землю порусовъ (или пруссовъ), по указаніямъ папъ, для обращенія порусскихъ язычниковъ въ христіанство. Въ силу этихъ историческихъ фактовъ, почти всѣ географическія имена городовъ и селеній на картѣ Европы имѣютъ двоякое названіе—и славянское, и нѣмецкое. Вообще, на картѣ современной Европы насчитывается всего 14 тыс. географическихъ пунктовъ съ славянскими наименованіями; изъ этого числа на долю Россіи приходится—9 тыс., а остальные 5 тыс. на западное и южное славянство.

Съ конца XVIII вѣка, вслѣдствіе различныхъ политическихъ обстоятельствъ, въ славянскихъ племенахъ началось пробужденіе отъ того вѣковаго усыпленія, въ которое они были приведены чужеземнымъ игомъ. Выразилось это пробужденіе сначала въ литературѣ и имѣло не одинаковый характеръ у различныхъ національностей. Вслѣдствіе такихъ стремленій славянъ, возникла идея *славянскаго единства* или панславизмъ. Сознаніе слабости отдѣльныхъ племенъ въ борьбѣ съ угнетателями заставляло славянъ искать взаимной нравственной опоры. Славянскія народности стали опираться на громадныя силы цѣлаго славянскаго племени и отъ соединенія этихъ силъ ждать себѣ избавленія.

Сначала у различныхъ народностей появилось стремленіе къ

изученію своего прошлаго. Даровитѣйшіе люди [1]) обратились къ разработкѣ національной археологіи, языка, исторіи, къ собиранію произведеній народной словесности; въ этомъ отношеніи стремленіе къ возрожденію принесло болѣе всего пользы. Труды ученыхъ этого періода положили основаніе изученію славянства. Вслѣдъ за учеными, появились поэты возрожденія, и они-то, по преимуществу, явились выразителями идеи панславизма. Во главѣ ихъ стоитъ *Колларъ*, родомъ словакъ, авторъ знаменитой поэмы „Дочь славы" (Slavy Dcera).

Произведеніе это написано звучными и, мѣстами, истинно поэтическими сонетами; въ ея содержаніи выразилось все направленіе школы, проповѣдывавшей всеобщую славянскую любовь и единство; это были или патріотическія элегіи, вызванныя воспоминаніемъ о прежней славѣ, или призывы къ единодушію, или обличеніе отступниковъ; дидактизмъ играетъ въ поэмѣ выдающуюся роль. Кромѣ этой поэмы и нѣсколькихъ незначительныхъ стихотвореній, Колларъ издалъ еще брошюру, которая произвела сильное впечатлѣніе въ славянскомъ мірѣ.—именно: *„о литературной взаимности между различными племенами и нарѣчіями славянскаго народа"*, написанную на нѣмецкомъ языкѣ и переведенную на всѣ славянскія нарѣчія. Колларъ, при всемъ пристрастіи къ славѣ своего племени, признается, что настоящіе славяне—„великаны въ географіяхъ и на картахъ и карлики—въ искусствѣ и литературѣ". Причиною этого печальнаго факта были, по его мнѣнію, раздробленіе и недостатокъ единства, и потому, для окрѣпленія своихъ народныхъ стремленій, славяне должны соединиться *„въ литературной взаимности"*. „Въ наше время, говоритъ онъ, недостаточно быть хорошимъ русскимъ, горячимъ полякомъ, совершеннымъ сербомъ, ученымъ чехомъ и говорить, хотя-бы и хорошо, исключительно только по-русски, по-польски, по-чешски. Уже прошли односторонніе дѣтскіе годы славянскаго народа: духъ нынѣшняго славянства налагаетъ на насъ другую, высшую обязанность, именно: считать всѣхъ славянъ братьями одной великой семьи и создавать великую всеславянскую литературу..." Для достиженія подобнаго результата Колларъ считалъ необходимымъ взаимное изученіе нарѣчій: онъ объясняетъ, какая опасность грозитъ славянству отъ его раздѣленія и какъ необходимо духовное общеніе литературъ для выполненія исторической задачи славянскаго племени — вести далѣе цивилизацію и просвѣщеніе, послѣ германскихъ и романскихъ народовъ, которые должны теперь уступить свое мѣсто новому свѣжему народу. Конечно, средство,

---

[1]) Ганка, Шафарикъ, Палацкій, Караджичъ, Лудовитъ Штуръ и др.

предложенное Колларомъ, было слишкомъ недостаточное, но тѣмъ не менѣе брошюра имѣла огромный успѣхъ, и о „взаимности“ заговорили всѣ славянскіе патріоты, находившіе въ ней успокоеніе противъ современныхъ бѣдствій славянскаго племени. При такихъ условіяхъ и ожиданіяхъ, „Дочь Славы“ производила тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что ея полуфантастическій характеръ, какъ нельзя больше, соотвѣтствовалъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя одушевляли защитниковъ народности: преувеличеній не замѣчали, потому что они были въ духѣ общаго настроенія; дидактизмъ и растянутость не казались недостатками, потому что читатели заранѣе увлекались самымъ предметомъ. „Дочь Славы“ стала надолго поэтическимъ кодексомъ патріотовъ: съ нея открывается цѣлый рядъ поэтическихъ произведеній, повторяющихъ ту же общую тему всеславянской любви и единства, прошедшей и будущей славы.

Такимъ-же поэтомъ панславизма былъ чехъ *Челяковскій*. Онъ пересаживалъ на чешскую почву народныя пѣсни другихъ славянъ, съ панславянской цѣлью—показать ихъ родство и познакомить народности между собой. Вражда къ нѣмцамъ находила себѣ рѣзкое выраженіе у Челяковскаго и другихъ поэтовъ „Юной Чехіи“; это былъ одинъ изъ любимыхъ мотивовъ національной поэзіи: юные чехи вспоминали о старыхъ несправедливостяхъ „враговъ всего славянства“ и пророчили освобожденіе отъ ненавистнаго нѣмецкаго ига. Панславянская поэзія нашла пылкихъ представителей и между южными славянами.

Когда въ 30-хъ годахъ венгры стали принимать мѣры, чтобы обезпечить преобладаніе своей національности въ Трансильваніи и сосѣднихъ съ нею славянскихъ земляхъ, небольшое южное славянское племя Хорватовъ рѣшилось отстаивать свою народность, но, будучи безсильно само по себѣ, оно примкнуло къ своимъ сосѣдямъ, далматинскимъ сербамъ, отказавшись отъ своего провинціальнаго языка и даже имени и принявъ искусственное названіе „иллировъ“. Явилась иллирійская литература съ панславянскимъ характеромъ; таковы, напримѣръ, произведенія поэта *Вукутиновича*. Само австрійское правительство временно поддерживало это движеніе, какъ противовѣсъ усиленію венгровъ и на самомъ дѣлѣ нашло въ Хорватахъ усердныхъ помощниковъ въ подавленіи венгерскаго возстанія 1848 - 49 годовъ. (См. главу XVIII).

Въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ о панславизмѣ заговорили западно-европейскіе журналы: неопредѣленное броженіе, обнаружившееся въ славянскихъ земляхъ, показалось германо-романскому міру цѣлой политической революціей, готовой измѣнить положеніе Европы. Политическіе элементы и дѣйствительно были

замѣтны въ этомъ національномъ броженіи, но тогдашніе политики слишкомъ преувеличивали ихъ значеніе. Недоразумѣніе разсѣялось только послѣ событій 1848—1849 годовъ. Впрочемъ, политическій смыслъ приданъ былъ панславизму еще нѣсколько раньше 30-хъ годовъ. Достаточно вспомнить то положеніе, въ которомъ находились тогда славянскія племена, чтобы видѣть, что идея общеславянскаго союза была преждевременной мечтой. Въ двадцатыхъ годахъ славянскій союзъ не представлялъ никакихъ практически-возможныхъ основаній: думать о немъ могли только люди, слишкомъ мало знакомые съ положеніемъ вещей. При всемъ томъ, мысль о славянскомъ единствѣ находила потомъ ревностныхъ приверженцевъ; туманъ, покрывавшій славянскія дѣла, весьма много помогалъ созданію политическихъ фантазій. И тѣ, кто желалъ, и тѣ, кто боялся славянскаго союза, считали его дѣломъ возможнымъ, хотя въ то время и наука еще очень немного знала о томъ, на сколько славянскій міръ представляетъ гарантій единства или союза. „Панславизмъ" былъ уже названъ въ это время, и хотя съ этимъ словомъ соединялось крайне темное понятіе, но онъ сильно занялъ политическихъ дилетантовъ. Трактуя о панславизмѣ, такіе дилетанты понимали — не правильное политическое развитіе народовъ, а просто только новое размежеваніе Европы, болѣе или менѣе пріятное для глазъ. Собственно же, панславистскія стремленія были порождены національными потребностями общей защиты славянъ противъ венгровъ и нѣмцевъ, въ которыхъ они видѣли своихъ исконныхъ враговъ. Отсюда же возникла и мысль о *славянскомъ съѣздѣ*, т. е. о собраніи лучшихъ людей отъ всѣхъ племенъ славянскихъ Австрійской имперіи, пользующихся довѣріемъ своего народа и австрійскаго правительства, для устройства общими силами общаго дѣла. Эта мысль о славянскомъ съѣздѣ родилась почти одновременно у всѣхъ племенъ славянскихъ: у южныхъ славянъ, словаковъ, чеховъ, поляковъ. Первый печатно заговорилъ о немъ въ журналѣ „Загребскія Иллирійскія Новины" *Иванъ Какулевичъ*.

Самымъ удобнымъ и приличнымъ мѣстомъ для славянскаго съѣзда выбрана была единогласно Прага, какъ славянскій городъ, лежащій въ центрѣ славянскаго мѣстожительства.

3-го іюня 1848 года состоялось торжественное открытіе съѣзда.

Программа занятій съѣзда состояла изъ пяти частей. Первою опредѣлялись отношенія австрійскихъ славянъ между собою; второю — отношенія австрійскихъ славянъ къ остальнымъ народностямъ Австрійской имперіи; третьею — отношенія австрійскихъ

славянъ къ прочимъ славянамъ; четвертою — отношенія австрійскихъ славянъ къ другимъ европейскимъ народамъ и, наконецъ, пятою опредѣлялись средства для приведенія въ исполненіе рѣшеній славянскаго съѣзда.

Въ отношеніи къ австрійскимъ славянамъ, программа предлагала общій союзъ къ сохраненію конституціонной свободы и національныхъ правъ соединенными силами, въ отношеніи же къ прочимъ австрійскимъ народамъ—образованіе австрійской монархіи, въ смыслѣ федеративнаго государства, основаннаго на равноправности всѣхъ національностей. Въ отношеніи литературномъ, для облегченія обмѣна идей между славянами, программа предлагала расширить преподаваніе славянскихъ языковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ земель, учредить съѣзды славянскихъ ученыхъ, по примѣру нѣмецкихъ, итальянскихъ и другихъ. Въ отношеніи-же къ прочимъ европейскимъ народамъ, программа обратила вниманіе на засѣданія Германскаго парламента и протестовала противъ его рѣшеній, клонящихся къ ослабленію въ отдѣльныхъ частяхъ имперіи верховной власти Австрійскаго императора. Что касается мѣръ, необходимыхъ для приведенія въ исполненіе опредѣленій славянскаго съѣзда, то программа, признавая славянскій съѣздъ собраніемъ частныхъ лицъ, не имѣющимъ ни законодательной, ни исполнительной власти, собраніемъ, созваннымъ по праву конституціи, предоставляющей всѣмъ гражданамъ составлять свободныя общества, считала однакоже необходимымъ о всѣхъ опредѣленіяхъ съѣзда предоставлять чрезъ особую депутацію императору и приводить въ исполненіе высочайшія санкціи чрезъ законныхъ представителей народа на сеймахъ, предметомъ обсужденія которыхъ были бы исключительно опредѣленія славянскаго съѣзда. .

Общее заключительное собраніе славянскаго съѣзда назначено было на 14-е іюня съ тѣмъ, чтобы къ этому дню окончательно приготовлены были два акта: манифестъ къ европейскимъ народамъ и адресъ императору; относительно же третьяго акта, о союзѣ между народами австрійско-славянскими, не было никакого сомнѣнія, что главныя составныя его части, хотя еще не окончательно отдѣланныя, будутъ совершенно готовы и представлены съѣзду къ этому времени. Дѣйствительно, въ этотъ день былъ прочитанъ и принятъ манифестъ къ европейскимъ народамъ. Совѣщанія собраній окончились. Вслѣдъ за окончаніемъ этихъ совѣщаній, вспыхнули несчастныя смуты пражскія, возникшія изъ источниковъ, совершенно чуждыхъ славянскому съѣзду, тѣмъ не менѣе имѣвшія послѣдствіемъ своимъ уничтоженіе общественной

жизни въ Прагѣ и отнявшія возможность у славянскаго съѣзда окончить начатое дѣло.

Поводомъ къ нимъ была церковная служба на площади святаго Вячеслава. Пронесся слухъ, что обѣдня эта служитъ выраженіемъ братскаго соединенія всѣхъ слоевъ пражскаго народонаселенія и народной стражи. Впослѣдствіи ошибочно утверждали, что церковная служба была на славянскомъ языкѣ, смѣшавъ ее, безъ сомнѣнія, съ другими предшествующими славянскими службами, совершенными на площади святаго Вячеслава и въ Тынской церкви. Во время этихъ волненій, порожденныхъ пустыми толками, засѣданія славянскаго съѣзда не могли уже болѣе продолжаться; притомъ многіе члены въ это время уже уѣхали изъ Праги; такъ, большая часть польскихъ депутатовъ, хорватскихъ и сербскихъ, принуждена была еще послѣ полудня, 13-го іюня, оставить Прагу, вслѣдствіе приказанія главнаго начальника народной стражи, князя Лобковича. Остальные члены съѣзда въ весьма маломъ числѣ сошлись въ послѣдній разъ, 16-го іюня, въ пятницу утромъ, съ цѣлью продолжать свои занятія, внезапно прерванныя несчастнымъ случаемъ. Но городъ уже объявленъ былъ въ осадномъ положеніи и продолженіе засѣданій съѣзда было уже невозможно. Теперь, разъѣзжаясь, члены объявили съѣздъ отложеннымъ на неопредѣленное время, чтобъ въ болѣе благопріятную пору окончить то, чего нельзя было окончить на первомъ съѣздѣ.

Такъ окончился этотъ первый съѣздъ славянскихъ народностей; но панславянская идея продолжаетъ жить среди славянъ и понынѣ; такъ, у насъ въ русской литературѣ существовала и еще теперь существуетъ цѣлая партія, называемая славянофилами [1]).

---

[1]) Въ запискахъ Кошелева, одного изъ весьма дѣятельныхъ московскихъ славянофиловъ, можно найти нѣкоторыя разъясненія о цѣляхъ и задачахъ *нашихъ* московскихъ славянофиловъ. Это былъ учено-литературный кружокъ, составившійся въ сороковыхъ годахъ, сначала безъ всякой предвзятой и опредѣленной цѣли. „Тутъ сошлись люди, одушевленные одинаковыми чувствами къ наукѣ и къ своей странѣ, движимые потребностью *не попугаями повторять то*, что говорится тамъ, на Западѣ, а *мыслить и жить самобытно*, живя въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, и обсуждая сообща возникшіе вопросы, горе и радости". Кружокъ славянофиловъ съ такими неопредѣленными задачами исчезъ бы самъ собою, если бы среди его членовъ не было такого устойчиваго и самобытнаго характера, человѣка съ замѣчательнымъ умомъ и разнообразными дарованіями, каковъ былъ Хомяковъ; за нимъ можно упомянуть Кирѣевскаго, Погодина, Шевырева и позднѣе, Константина Аксакова, Юр. Самарина, Грановскаго и др. Какъ спеціалисты русской науки, названныя лица занимались изученіемъ кореннаго русскаго быта и собираніемъ произведеній народной литературы. „Насъ прозвали Славянофилами, говоритъ Кошелевъ, но это названіе не выражало сущности нашего направленія. Правда, мы всегда были расположены къ славянамъ, были въ сношеніяхъ съ славянскими учеными, изучали славянскую исторію, помогали имъ, чѣмъ могли, но это вовсе не составляетъ главнаго отличія нашего кружка отъ противуположнаго кружка Западниковъ. Мы, не въ примѣръ имъ, на ученіи Христовомъ, хранящемся въ православной нашей церкви, основывали весь нашъ бытъ, все

Основныя воззрѣнія ихъ слѣдующія: западъ уже совершилъ свое историческое назначеніе и находится въ состояніи „гніенія"; будущее принадлежитъ свѣжему племени славянскому, во главѣ котораго должна необходимо стать Россія, страна „смиренная, полная вѣры и чудесъ", какъ выразился Хомяковъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ московскихъ славянофиловъ 40-хъ годовъ; для достиженія этого объединенія, славянскія народности должны принять русскій языкъ, какъ органъ науки и литературы. Но, не имѣя силы для приведенія въ исполненіе этой цѣли, славянофильская партія остается пока только предметомъ смущенія для западной политической прессы, несмотря на заявленіе русскаго правительства, что оно не имѣетъ ни малѣйшей солидарности съ такъ называемыми панславянскими стремленіями нѣкоторыхъ русскихъ газетъ и журналовъ. При всемъ томъ, однако, нельзя не признать пользы, которую принесло славянское движеніе: оно возбудило и понынѣ возбуждаетъ не только славянъ, но и ихъ недруговъ къ серьезному знакомству съ славянскимъ міромъ.

ГЛАВА XX.

Восточный вопросъ въ сороковыхъ годахъ и происхожденіе Крымской войны.

Вопросъ о святыхъ мѣстахъ.—Конференція въ Вѣнѣ.—Объявленіе войны.—Начало военныхъ дѣйствій.—Синопское сраженіе.—Объявленіе войны и начало военныхъ дѣйствій.—Сраженіе при Альмѣ.—Осада Севастополя.—Бомбардированіе Севастополя.—Паденіе Малахова кургана.—Взятіе Карса.—Парижскій миръ и его условія.—Территоріальныя пріобрѣтенія Россіи въ царствованіе Александра II.

Вліяніе русской политики на Турцію значительно усилилось со времени Египетскаго вопроса. Симпатіи турецкихъ христіанъ къ Россіи стали еще сильнѣе; въ ихъ средѣ окончательно сформировалось убѣжденіе, что только отъ Россіи они могутъ ждать улучшенія своего положенія. Для ослабленія этихъ симпатій, европейскія державы, съ Англіею во главѣ, составили планъ дипломати-

---

наше любомудріе и убѣждены были, что только на этомъ основаніи мы можемъ развиваться, совершенствоваться и занять подобающее мѣсто въ міровомъ ходѣ человѣчества; мы не отвергаемъ великихъ усовершенствованій, сдѣланныхъ Западомъ, но мы находимъ необходимымъ пропускать все западное черезъ критику нашего собственнаго славянскаго разума. Назвать насъ слѣдовало не славянофилами, а скорѣе *туземцами* или *самобытниками*, короче сказать, мы страшились быть обезьянами или попугаями, а стремились быть—православными русскими людьми".

ческой кампаніи противъ Россіи, по которому признавалось необходимымъ двинуть Турцію на путь либеральныхъ реформъ и привить къ ея внутренней политикѣ основы европейскаго либерализма. Еще въ сороковыхъ годахъ англійскіе дипломаты убѣдили султана Абдула-Меджида издать манифестъ объ уравненіи правъ христіанскаго населенія съ мусульманскимъ, съ обѣщаніемъ даровать странѣ въ недалекомъ будущемъ представительное устройство, безъ различія національностей и религіи: таковы Гюльханейскій гаттишерифъ и султанскій танзиматъ. По мнѣнію европейской дипломатіи, такія учрежденія, съ одной стороны—возвысятъ Порту въ глазахъ общественнаго мнѣнія цивилизованнаго міра и докажутъ, что опека и покровительство Россіи надъ турецкими христіанами излишни, съ другой стороны—эти акты султанской гуманности внушатъ турецкимъ христіанамъ убѣжденіе, что не на Россію, а на милосердіе султана и заступничество западно-европейской дипломатіи должны опираться ихъ надежды на облегченіе своей участи. Короче сказать, западно-европейская противъ насъ кампанія поставила себѣ задачею *дискредитировать Россію* во мнѣніи православнаго и вообще христіанскаго населенія Турціи. Къ сожалѣнію, петербургскій кабинетъ, заботившійся исключительно о точномъ выполненіи Турціей заключенныхъ съ нами трактатовъ, не придавалъ большой важности этой дипломатической кампаніи, руководимой англійскимъ посломъ Радклифомъ-Каннингомъ, и турецкимъ министромъ Решидъ-пашою. Первыя недоразумѣнія, подготовленныя врагами Россіи въ этомъ, такъ называемомъ, восточномъ вопросѣ возникли въ Сербскомъ княжествѣ. Въ 1842 году, послѣ бѣгства въ Австрію князя Михаила Обреновича, династія Обреновичей была объявлена лишенною наслѣдственныхъ правъ, а на престолъ Сербіи, по народному избранію, возведенъ былъ Александръ Карагеоргіевичъ, утвержденный въ этомъ званіи и Портою. Хотя Порта, съ своей стороны, и признала это избраніе, но дѣйствія ея въ этомъ случаѣ не согласовались съ условіями трактатовъ, въ силу которыхъ турецкое правительство не имѣло права принимать какія-либо рѣшенія относительно Сербіи безъ согласія петербургскаго кабинета. Россія потребовала: 1) низложенія князя Александра, 2) удаленія изъ Бѣлграда турецкаго коммиссара, допустившаго неправильное избраніе и 3) назначенія вторичныхъ выборовъ. Турція безпрекословно согласилась на всѣ наши требованія, и когда въ 1843 г. по вторичному, правильному, избранію княземъ Сербіи былъ провозглашенъ тотъ-же князь Александръ, Россія, успокоенная соблюденіемъ трактатовъ, не пошла наперекоръ законно высказаннымъ желаніямъ сербскаго народа. Но Порта, подъ вли-

яніемъ толкованій нашихъ недоброжелателей, вынесла изъ этого недоразумѣнія новое убѣжденіе, что Россія окончательно хочетъ хозяйничать въ восточныхъ дѣлахъ. Подстрекаемая западною дипломатіею, Порта начинаетъ дѣйствовать противъ насъ недоброжелательно; она начинаетъ оказывать убѣжище русскимъ политическимъ бѣглецамъ и польскимъ эмигрантамъ и покровительствовать католической и протестантской пропагандѣ среди православныхъ турецкихъ христіанъ. Такъ, въ 1848 г. кардиналъ Ферреьри, съ согласія султана, издалъ воззваніе къ греческому духовенству, въ которомъ онъ называлъ православіе схизмою и приглашалъ православныхъ подданныхъ султана подчиниться главенству Рима.

Одновременно съ этими обстоятельствами, возникъ и Дунайскій вопросъ, навлекшій на русскую политику новыя нареканія. Давно уже въ Валахіи и Молдавіи господствовало сильное возбужденіе противъ тамошнихъ правительствъ (Студрза — въ Молдавіи и Бибеско—въ Валахіи), возбужденіе, принявшее въ 1847 г. революціонное направленіе, съ цѣлью замѣнить существующее устройство конституціоннымъ и слить оба государства въ общее государство, подъ названіемъ Дако-Румынскаго. Нашъ уполномоченный въ княжествахъ, генералъ Дюгамель, всѣми зависящими отъ него средствами старался помѣшать этому движенію, тогда какъ турецкій коммиссаръ, Накули-эффенди, подъ вліяніемъ наставленій, присланныхъ изъ Константинополя, льстилъ и игралъ въ руку революціонной партіи, разсчитывавшей, при сочувствіи къ ней турецкаго правительства, ослабить зависимость княжествъ отъ вліянія Россіи. Когда же революціонеры, ободренные поддержкою турецкаго коммиссара, прибѣгли къ открытому возстанію, войска наши перешли черезъ Прутъ и заняли Молдавію. Немедля и Порта двинула свои войска и заняла Валахію, откуда Бибеско бѣжалъ за-границу. Новый турецкій коммиссаръ, Фуадъ-эффенди (впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ въ Турціи—Фуадъ-паша), обнаружилъ столь же враждебныя отношенія къ русской политикѣ въ княжествахъ, какъ и его предшественникъ: вмѣсто успокоенія, онъ сильно подстрекалъ валаховъ къ открытымъ демонстраціямъ противъ Россіи. Тогда русскія войска вошли и въ Валахію. Положеніе дѣлъ становилось болѣе и болѣе натянутымъ и малѣйшая новая случайность могла породить открытое столкновеніе. Порта объявила протестъ противъ нашего образа дѣйствій и искала опоры у европейскихъ державъ, но императоръ Николай предупредилъ вмѣшательство западныхъ кабинетовъ, отправивъ съ собственноручнымъ письмомъ къ султану генерала Граббе, съ предложеніемъ покончить

возникшее недоразумѣніе взаимнымъ миролюбивымъ соглашеніемъ, безъ посторонняго посредничества. Парижскій и лондонскій кабинеты, отвлеченные отъ этого вопроса неблагопріятнымъ складомъ ихъ собственныхъ внутреннихъ дѣлъ, холодно встрѣтили протестъ Турціи, и Порта принуждена была вступить въ непосредственные переговоры съ Россіею, плодомъ которыхъ была *Балто-Лиманская конвенція.* Условія этого договора были такія: 1) отнынѣ господари для Валахіи и Молдавіи будутъ назначаемы не пожизненно, а лишь на семь лѣтъ, при взаимномъ на то согласіи Россіи и Турціи, 2) народныя собранія въ княжествахъ замѣняются диваномъ, состоящимъ изъ бояръ и высшаго духовенства, 3) органическій статутъ будетъ пересмотрѣнъ коммиссарами русскимъ и турецкимъ и 4) Россіи предоставлено право, при первомъ возобновленіи смутъ въ княжествахъ, ввести туда свои войска. (Вновь назначенные господари были: Гика—для Молдавіи и Стирбей—для Валахіи). Кризисъ кончился, но враждебныя отношенія къ намъ Турціи усилились, непріязнь политическихъ партій въ княжествахъ къ Россіи стала открытымъ фактомъ. Несомнѣнно, что только тревожныя событія 1848 года помѣшали западнымъ державамъ вооружиться противъ нашего мнимаго честолюбія. Въ слѣдующемъ году, по поводу венгерскаго возстанія, возникъ новый кризисъ, въ которомъ западная дипломатія открыто стала на сторону Турціи. Россія и Австрія, подавивъ венгерскій мятежъ, потребовали отъ Турціи или выдачи, или, въ крайнемъ случаѣ, удаленія изъ ея предѣловъ Кошута, Бема и другихъ венгерскихъ и польскихъ бѣглецовъ, нашедшихъ себѣ пріютъ и убѣжище въ Турціи. Поддерживаемая совѣтами Франціи и Англіи, Турція на отрѣзъ отказала требованіямъ Австріи и Россіи и готова была довести этотъ вопросъ до прекращенія дипломатическихъ сношеній. Но въ послѣдній моментъ султанъ, еще не вполнѣ увѣренный въ обѣщанной поддержкѣ со стороны Англіи и Франціи, рѣшился поправить дѣло и отправилъ въ Петербургъ чрезвычайнаго посла (Фуадъ-паша), успѣвшаго найти почву для соглашенія и миролюбиваго разрѣшенія этого вопроса, а именно,—турецкое правительство согласилось выселить венгерскихъ и польскихъ эмигрантовъ во внутреннія области и немедленно подвергнуть изгнанію тѣхъ изъ нихъ, которые дозволятъ себѣ преступные происки противъ Россіи и Австріи. Но недовѣріе султана относительно усердія западной дипломатіи было напрасно: извѣстно, что англійская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Паркера, была уже близко у Дарданеллъ, готовая войти въ проливъ, по первому мановенію султана.

Вотъ какъ зрѣлъ и развивался новый фазисъ восточнаго во-

проса, создавшій такъ называемую *Крымскую войну*. Война эта была, такъ сказать, послѣднимъ словомъ той глухой, таинственной борьбы, которая съ сороковыхъ годовъ тянулась между русскою политикою и западно-европейскою дипломатіею по восточному вопросу. Англія дѣйствовала противъ насъ въ этомъ духѣ еще съ тридцатыхъ годовъ, когда ея интересы пришли въ столкновеніе съ нашими задачами по дѣламъ среднеазіатскимъ; но безъ союзниковъ она не могла дѣйствовать открыто. Луи-Наполеону нужны были война, слава, блескъ внѣшней политики, которыя бы могли ослѣпить французовъ и заставить ихъ забыть объ утраченной свободѣ; самою удобною въ такихъ видахъ представлялась для Луи-Наполеона война съ Россіею, такъ какъ въ этомъ случаѣ союзъ Франціи съ Англіею былъ бы вполнѣ обезпеченнымъ дѣломъ; притомъ существовала немалая надежда привлечь къ этому союзу и Австрію. Такимъ образомъ созрѣла дипломатическая кампанія и союзная война, съ цѣлью поколебать значеніе Россіи на Востокѣ. Главнѣйшими двигателями здѣсь были: Наполеонъ III, лордъ Пальмерстонъ и англійскій посолъ въ Константинополѣ, лордъ Стратфордъ-Редклифъ.

Поводомъ къ крымской войнѣ послужилъ *вопросъ о святыхъ мѣстахъ*, породившій совершенно неожиданно столкновеніе между французскою и русскою дипломатіею въ Іерусалимѣ. Еще будучи президентомъ республики, Наполеонъ потребовалъ отъ турецкаго правительства предоставленія католикамъ исключительнаго обладанія нѣкоторыми святыми мѣстами въ Палестинѣ и врученія ключей отъ главныхъ воротъ Виѳлеемскаго храма католическому патріарху. Русское правительство возражало противъ этихъ притязаній Франціи, на основаніи существующихъ трактатовъ, по которымъ православію должно было принадлежать преимущественное положеніе во святыхъ мѣстахъ. Порта, игравшая самую жалкую роль во всей этой дипломатической кампаніи, не имѣла духу принять рѣшеніе, соотвѣтствующее справедливости: она назначила особую коммиссію для разрѣшенія возникшаго столкновенія. Рѣшеніе этой коммиссіи было такое: отвѣчать отказомъ на нѣкоторыя требованія Франціи, но ключи отъ Виѳлеемскаго храма должны принадлежать католическому патріарху. Императоръ Николай не возражалъ противъ такой незначительной уступки, но потребовалъ, въ видѣ гарантіи за будущую неприкосновенность православія въ Палестинѣ, особаго султанскаго фирмана, которымъ были бы подтверждены всѣ прежнія права и привилегіи, предоставленныя православному духовенству въ Палестинѣ и предѣлахъ Турціи вообще. Порта отвѣчала полнымъ согласіемъ, и дѣйствительно такой сул-

танскій фирманъ былъ отправленъ къ іерусалимскому пашѣ, но съ конфиденціальнымъ приказаніемъ оставить этотъ фирманъ необнародованнымъ. Но именно на обнародованіи фирмана и настаивало русское правительство, такъ какъ безъ этого условія и самый фирманъ не имѣлъ бы смысла и не успокоилъ бы православное духовенство. Французскій посланникъ, маркизъ Лаваллетъ, горячо убѣждалъ Порту отвергнуть русское требованіе, грозя, въ противномъ случаѣ, для поддержанія рѣшенія коммиссіи о святыхъ мѣстахъ, призвать французскій флотъ въ Дарданеллы.

Въ 1852 году, почти наканунѣ Крымской войны, возникли новыя замѣшательства—со стороны Черногоріи. Независимая Черногорія (которую Турція считала подвластною себѣ областью, но ничѣмъ фактическимъ не могла заявить своей власти надъ нею), управлялась лицами духовнаго сана, съ титуломъ владыкъ. Въ 1852 году, послѣ смерти владыки Петра Нѣгуша, его племянникъ Даніилъ, принялъ титулъ князя и объявилъ себя свѣтскимъ правителемъ. Опасаясь волненій среди балканскихъ славянъ и сліянія съ Черногоріею сосѣднихъ сербскихъ народностей, Порта, подъ предлогомъ грабежей, совершаемыхъ на ея границѣ черногорцами, двинула туда огромное войско, подъ начальствомъ извѣстнаго Омера-паши. Этотъ походъ встревожилъ Австрію, которая своимъ вмѣшательствомъ желала не столько пособить Черногоріи, сколько предупредить участіе Россіи и остановить могущее, въ случаѣ успѣховъ черногорцевъ, возникнуть общенаціональное движеніе среди южныхъ славянъ. Въ такихъ видахъ, въ январѣ 1853 г. въ Константинополь отправился австрійскій уполномоченный графъ Лейнингенъ, съ порученіемъ потребовать отъ Порты немедленнаго отозванія арміи Омера-паши и прекращенія военныхъ дѣйствій противъ Черногоріи. Порта согласилась на всѣ требованія Австріи.

По примѣру Австріи, императоръ Николай рѣшился такъ-же энергически потребовать отъ Турціи удовлетворенія своихъ законныхъ требованій. Въ столицу султана отправленъ былъ съ чрезвычайными полномочіями князь Меншиковъ, который, съ первыхъ шаговъ своей миссіи, встрѣтилъ цѣлый рядъ препятствій. Французскій посолъ де-Лакуръ и англійскій Стратфордъ-Редклифъ, бывшіе въ это время въ отпуску, быстро вернулись къ своимъ постамъ и приняли на себя руководство турецкою политикою. Князь Меншиковъ имѣлъ порученіе истребовать: 1) обнародованіе вышеупомянутаго султанскаго фирмана, 2) другаго фирмана, которымъ православному духовенству въ Палестинѣ разрѣшалась бы перестройка купола надъ храмомъ Гроба Господня и 3) заключеніе съ Портою особой конвенціи или сенеда, обезпечивающей неуклонное обезпе-

ченіе на будущее время привилегій православнаго духовенства. По совѣту Стратфорда, Порта раздѣлила русскія требованія на двѣ части и соглашалась на первыя два наши требованія, но отвергла третье наше требованіе о сенедѣ, назвавъ это послѣднее несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Турціи посягательствомъ на верховныя права султана. Тогда кн. Меншиковъ вручилъ великому визирю ультиматумъ, объявивъ, что, если черезъ четыре дня не будетъ данъ ему вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ, онъ вынужденъ будетъ покинуть Константинополь. Западная печать, ничѣмъ не стѣснявшаяся тогда противъ Россіи, по поводу посольства кн. Меншикова, распространяла самыя крайнія нелѣпицы о политикѣ Россіи: одновременно трактовалось и о мнимомъ завѣщаніи Петра Великаго, обязавшаго своихъ преемниковъ покончить съ Оттоманскою имперіею, и о пальто кн. Меншикова, въ которомъ онъ, вопреки всякому этикету, являлся и къ султану, и въ Порту; наконецъ, самое названіе фрегата „Громоносецъ", на которомъ нашъ посолъ прибылъ въ Константинополь, получило символическое толкованіе въ устахъ западныхъ политиковъ. Къ этому времени (1853 г.), когда, по толкованію западной дипломатіи, Россія собиралась покончить съ четырехсотлѣтнимъ существованіемъ Оттоманскаго султанства полнымъ изгнаніемъ турокъ изъ Европы, относится и извѣстный разговоръ императора Николая съ англійскимъ посломъ при петербургскомъ дворѣ, лордомъ Гамильтономъ-Сеймуромъ, разговоръ, въ которомъ императоръ называлъ Турцію „больнымъ человѣкомъ" и выражалъ необходимость заранѣе условиться въ мѣрахъ, которыя Россія и Англія должны будутъ принять въ случаѣ смерти больнаго человѣка. Читая эти сообщенія Сеймура англійскому правительству, можно придти къ заключенію, что императоръ Николай высказывалъ здѣсь не планъ раздѣленія Турціи, а сообщилъ только свои соображенія на случай, если Оттоманскую имперію постигнетъ внезапное распаденіе. Императоръ прибавилъ настойчиво, что онъ не желаетъ и не будетъ искать новыхъ завоеваній на счетъ Турціи, но что цѣль этого разговора заключается въ томъ, чтобы заранѣе условиться съ европейскими государями касательно вопросовъ, могущихъ возникнуть отъ паденія Турціи. Такъ напримѣръ, онъ не допускалъ возможности, чтобы Константинополь достался или Англіи, или Франціи, или даже Россіи; онъ объявилъ также, что не согласится на возстановленіе Византійской имперіи или на образованіе мелкихъ балканскихъ республикъ и т. д. Очевидно, что это не былъ планъ раздробленія Турціи, а лишь простой обмѣнъ мыслей, въ которомъ не заключалось ничего завоевательнаго со стороны Россіи. Англійское мини-

стерство, огласивъ этотъ разговоръ въ крайне извращенномъ смыслѣ, поспѣшило заявить, что „Турція способна еще къ жизни и что Англія не намѣрена вступать въ предположенія о смертномъ часѣ своихъ союзниковъ, когда они стоятъ еще на своихъ ногахъ".

Не смотря однакожъ на отъѣздъ нашего уполномоченнаго, русскій дворъ все еще поддерживалъ сношенія съ Портою, надѣясь путемъ переговоровъ кончить вопросъ о святыхъ мѣстахъ. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, обратился съ письмомъ къ Решиду-пашѣ, предлагая ему обдумать всѣ послѣдствія разрыва съ Россіею и извѣщая, что если Порта будетъ упорствовать въ отказѣ, то русскія войска займутъ Валахію и Молдавію „въ видѣ залога". Вступленіе англійской и французской эскадръ, подъ начальствомъ адмираловъ Гамелена и Дондаса, въ Безикскую бухту Дарданельскаго пролива и отвѣтъ Решида-паши на письмо русскаго министра, прямо обнаружившій рѣшимость снять съ Порты всѣ прежнія обязательства по отношенію къ Россіи и ея православнымъ единовѣрцамъ,—побудили императора Николая прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Императоръ приказалъ князю Горчакову (Михаилу Дмитріевичу) занять русскими войсками Валахію и Молдавію; причемъ однако въ изданномъ манифестѣ ($^{14}|_{26}$ іюня) объявилъ, что занятіе Дунайскихъ княжествъ будетъ только залогомъ возстановленія русскихъ правъ; а циркулярная депеша графа Нессельроде къ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ подробно излагала весь ходъ нашихъ переговоровъ съ Турціею.

При извѣстіи о занятіи нашими войсками Валахіи и Молдавіи, въ Европѣ распространились слухи о завоевательныхъ намѣреніяхъ Россіи: говорили, что войска наши уже перешли Дунай и двигаются къ Адріанополю, что мы намѣрены сдѣлать высадку гдѣ-нибудь выше Босфора и, осадивъ столицу султана, окончить дѣло рѣшительнымъ ударомъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, войска наши въ Валахіи и Молдавіи оставались въ бездѣйствіи, имъ запрещено было переходить на правый берегъ Дуная; притомъ же количество войскъ, присланныхъ въ княжества, было весьма незначительное,—около 40,000. Быть можетъ, подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, Австрія предложила русскому правительству свое посредничество. Императоръ, избѣгавшій войны, охотно согласился на предложеніе. Для этой цѣли открылась (12-го іюля) *конференція въ Вѣнѣ*, въ которой приняли участіе представители Австріи, Англіи, Франціи и Пруссіи. Результатомъ этихъ переговоровъ была такъ называемая вѣнская нота, по которой султанъ обязывался объявить, что онъ согласенъ на тѣ требованія, на которыя Россія имѣетъ

право на основаніи мирныхъ трактатовъ Кучукъ-Кайнарджійскаго (1774) и Адріанопольскаго (1829) по отношенію покровительства христіанамъ въ предѣлахъ Порты. Императоръ Николай немедленно принялъ этотъ дипломатическій актъ, съ тою, разумѣется, оговоркою, чтобы султанъ подтвердилъ его безъ всякихъ измѣненій. Султанъ, подъ вліяніемъ англійскаго и французскаго посланниковъ, усердно работавшихъ въ пользу войны съ Россіею, отклонилъ упомянутую ноту и тѣмъ уничтожилъ всѣ усилія дипломатіи предотвратить окончательный разрывъ между Турціею и Россіею. Война сдѣлалась неизбѣжною: Франція и Англія, готовыя уже ранѣе помогать Портѣ, двинули свои флоты въ самые Дарданеллы (вопреки трактату 1841 года); Омеру-пашѣ, главнокомандующему войсками на Дунаѣ, послано отъ Порты приказаніе пригласить князя Горчакова очистить княжества и начать военныя дѣйствія по истеченіи пятнадцати дней, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта. Турки, впрочемъ, нарушили этотъ срокъ и ранѣе объявленнаго ими дня открыли военныя дѣйствія. На этотъ вызовъ императоръ Николай отвѣчалъ манифестомъ 20-го октября 1853 года, въ которомъ было сказано: „Россія вызвана на брань; ей остается, возложивъ упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы побудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя наши требованія и на законную заботливость нашу о защитѣ на Востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ“.

Начиная войну, Россія, неприготовленная къ ней, искала союзниковъ въ Австріи и Пруссіи, державахъ много обязанныхъ императору Николаю. Послѣ свиданія нашего государя съ императоромъ австрійскимъ въ Ольмюцѣ и прусскимъ королемъ—въ Берлинѣ, обѣ державы отклонили отъ себя союзъ съ Россіею и обязались держаться нейтралитета, и то съ тѣмъ условіемъ, чтобы русскія войска не переходили Дуная.

Первыя военныя дѣйствія начаты были турками (какъ мы уже сказали, ранѣе опредѣленнаго срока) въ Азіи: Селимъ-паша овладѣлъ фортомъ св. Николая на Черномъ морѣ. Но зато въ открытомъ полѣ въ этой мѣстности турки потерпѣли два значительныхъ пораженія: они были разбиты на голову генераломъ Андрониковымъ при Ахалцыхѣ (12-го ноября) и княземъ Бебутовымъ при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ (19-го ноября). На Дунаѣ же не произошло ничего рѣшительнаго, такъ какъ Омеръ-паша [1]) избѣгалъ откры-

[1]) Ренегатъ Михаилъ Лотасъ, уроженецъ Хорватіи (славянинъ). Онъ родился въ 1801 году и принадлежалъ къ католическому исповѣданію; въ 1828 году бѣжалъ въ Боснію, принялъ магометанство и впослѣдствіи получилъ титулъ Омера-паши; въ 1851 г. онъ былъ возведенъ въ званіе генералиссимуса; умеръ въ 1871 г.

тыхъ сраженій, не смотря на то, что въ его распоряженіи находилось около 133 тыс. войска; всѣ подвиги турецкаго паши ограничились только занятіемъ двухъ пунктовъ на лѣвомъ берегу Дуная (Ольтеницъ и Калафатъ). Завладѣвъ фортомъ св. Николая и перенеся войну въ армянскую область, Турція выслала въ Черное море значительную эскадру подъ начальствомъ Османа-паши, чтобы перевезти въ Азію транспорты оружія, войска и съѣстныхъ припасовъ; по случаю ненастной погоды флотилія укрылась въ Синопскую гавань. Здѣсь вице-адмиралъ *Нахимовъ* напалъ на Османа-пашу и послѣ непродолжительнаго боя истребилъ турецкій флотъ, 16-го ноября. (Османъ-паша, тяжело раненый, былъ взятъ въ плѣнъ).

Синопская побѣда растравила еще сильнѣе враждебное чувство къ намъ въ западныхъ державахъ: 22-го декабря 1853 г. союзные флоты вошли въ Черное море. Петербургскій кабинетъ просилъ письменнаго объясненія по этому обстоятельству. Франція и Англія отвѣчали, что эскадры ихъ вступили въ Черное море для того, чтобы прикрывать турецкія суда и прекратить свободное плаваніе русскому флоту. При такомъ явномъ переходѣ Англіи и Франціи на сторону султана, императоръ отозвалъ своихъ пословъ и прекратилъ дипломатическія сношенія съ тюльерійскимъ и сенъджемскимъ кабинетами. Тутъ обнаружилась настоящая политика Франціи и Англіи; оказалось, что переговоры на вѣнской конференціи велись только для того, чтобы выиграть нужное для приготовленій къ войнѣ время, а вовсе не для мирныхъ соглашеній: Англія злобствовала на насъ за успѣхи въ распространеніи нашихъ владѣній въ Азіи; Наполеону-же III, послѣ его coup d'état, нужны были подвигъ, слава, блескъ, которые бы могли отвлечь вниманіе французовъ отъ запутанныхъ вопросовъ внутренней политики; при такихъ условіяхъ, успѣшная война съ Россіею, главною виновницею паденія первой французской имперіи, являлась бы сильнымъ ручательствомъ за прочность для имперіи Луи-Наполеона. Эта непріязненность къ Россіи со стороны Англіи и Франціи естественно вызывала въ остальной Европѣ опасеніе общеевропейской войны. Недоумѣніе продолжалось не долго: оно разсѣялось и дѣло выяснилось послѣ письма императора Наполеона къ императору всероссійскому. Напечатанное въ Монитерѣ ранѣе полученія его въ Петербургѣ, оно было написано въ такомъ тонѣ, что примиреніе дѣлалось невозможнымъ [1]). Наполеонъ требовалъ, чтобы мы очистили Дунайскія княжества. Предлагая возобновить мирныя сношенія,

[1]) Письмо это можно найти въ сочиненіи Е. Ковалевскаго: „Война съ Турціею и разрывъ съ западными державами", въ приложеніяхъ подъ № 8. Тамъ же помѣщенъ и отвѣтъ императора Николая I.

онъ присоединялъ къ предложенію обвиненія и угрозы за пораженіе турецкаго флота при Синопѣ. Отвѣтъ императора Николая, напечатанный въ русскихъ газетахъ, тоже ранѣе полученія его въ Парижѣ, былъ исполненъ достоинства. Въ немъ, между прочимъ, было сказано: „когда Ваше Величество, не довольствуясь быть зрителемъ или даже посредникомъ, пожелали быть вооруженнымъ пособникомъ враговъ моихъ, тогда, государь, было бы гораздо прямѣе и достойнѣе васъ предварить меня о томъ откровенно, объявивъ мнѣ войну". Далѣе говорилось: „пусть вашъ флотъ ограничится удержаніемъ турокъ отъ доставленія новыхъ силъ на театръ войны, я охотно отвѣчаю, что имъ нечего будетъ страшиться моихъ нападеній. Пусть они пришлютъ мнѣ уполномоченнаго для переговоровъ; я приму его съ надлежащимъ приличіемъ. Условія мои извѣстны въ Вѣнѣ. Вотъ единственное основаніе, на которомъ мнѣ позволено вести переговоры".

9-го февраля 1854 года послѣдовалъ высочайшій манифестъ о войнѣ съ Англіею и Франціею; а 28-го марта послѣдовало объявленіе войны со стороны Франціи и Англіи. Англійское войско, подъ начальствомъ лорда Раглана, и французское, подъ начальствомъ маршала Сентъ-Арно, высадились у Галлиполя; а флотъ союзниковъ вступилъ изъ Босфора въ Черное море и 10-го апрѣля бомбардировалъ Одессу, при оборонѣ которой отличился молодой артиллерійскій офицеръ Щеголевъ. Послѣ этого, императоръ Николай отдалъ приказаніе графу Паскевичу, принявшему главное начальство надъ Дунайскою арміею, перейти Дунай и осадить Силистрію. Встревоженная переходомъ русскихъ войскъ за Дунай, Австрія вышла изъ своего безразличнаго положенія и послѣ переговоровъ съ Портою потребовала (2-го іюня) вывода русскихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ, а затѣмъ отправила значительную армію въ Трансильванію, направившуюся въ тылъ русскимъ войскамъ. Это вмѣшательство Австріи въ войну имѣло результатомъ своимъ то, что войска наши, не безопасныя съ тылу, должны были снять осаду Силистріи и отойти за Прутъ. Въ это же время англо-французская флотилія, подъ начальствомъ Непира, показалась въ Балтійскомъ морѣ; но подвиги ея ограничились здѣсь только плѣненіемъ купеческихъ судовъ, сожженіемъ запасовъ лѣса на финляндскихъ берегахъ, да разрушеніемъ укрѣпленныхъ казармъ на Бомарзундѣ, одномъ изъ Аландскихъ острововъ. Совершенно такой же характеръ имѣли дѣйствія англійскаго флота на Бѣломъ морѣ и въ Камчаткѣ.

Послѣ занятія австрійцами дунайскихъ княжествъ, бывшихъ доселѣ главнымъ театромъ войны, и послѣ оказавшейся невозмож-

ности для англо-французскихъ войскъ проникнуть съ сѣвера въ предѣлы Россіи, въ Варнѣ былъ собранъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, съ какой стороны начать наступательное движеніе: со стороны ли Закавказья или Крыма? Первый планъ предложили англійскіе военачальники, разсчитывая такимъ нападеніемъ отрѣзать Россію отъ Персіи. Второй планъ принадлежалъ французскому маршалу Сентъ-Арно, который предлагалъ осадить военную гавань Севастополь; съ мнѣніемъ его согласился и Рагланъ, такъ какъ истребленіе русскаго флота на Черномъ морѣ было главною цѣлью англійской политики.

Союзное войско, доходившее до 62 тысячъ, высадилось 1-го сентября у Евпаторіи. Чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ движенію, князь Меншиковъ занялъ 30-тысячнымъ войскомъ крѣпкую позицію при р. Альмѣ, надѣясь задержать здѣсь непріятеля до тѣхъ поръ, пока не подоспѣетъ къ нему подкрѣпленіе. До 8-го сентября онъ отстаивалъ свою позицію; но когда французскіе зуавы, подъ начальствомъ генерала Боскэ, обошли его лѣвое крыло, Меншиковъ долженъ былъ отступить. Потопивъ корабли и фрегаты въ Севастопольской бухтѣ и оставивъ гарнизонъ въ Севастопольской крѣпости, онъ двинулся на сѣверъ, чтобы сохранить связь съ Перекопомъ и остальною Россіею. Это движеніе нашихъ войскъ къ Перекопу облегчило непріятелямъ занятіе выгодной позиціи, прикрытой со стороны суши долиною рѣки Черной, а съ юга имѣвшей посредствомъ Балаклавской бухты непосредственную связь съ ихъ флотами. Отсюда Сентъ-Арно думалъ повести осаду Севастополя; но болѣзнь принудила его сдать главное начальство генералу Канроберу, подъ командою котораго и началась знаменитая въ исторіи военнаго искусства осада Севастополя. Оборона Севастополя не менѣе замѣчательна. Инженеръ Тотлебенъ, дослужившійся во время осады до званія генералъ-адъютанта, укрѣпилъ южную сторону шанцами и окружилъ съ необычайною скоростью городъ такими укрѣпленіями, которыя могли быть взяты не иначе, какъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Бомбардированіе, открытое союзниками 5-го октября со стороны суши и моря, не причинило никакого вреда крѣпости. Въ этой борьбѣ русскіе потеряли, между прочимъ, храбраго генерала Корнилова. Въ то же время наши войска не переставали дѣйствовать наступательно и дѣлали нападенія на непріятеля и внѣ города. Такъ, Липранди разбилъ англичанъ при Балаклавѣ 13-го октября; а Данненбергъ напалъ на англичанъ при Инкерманѣ 24-го октября; онъ успѣлъ уже ворваться въ самый ихъ лагерь, но появленіе генерала Боскэ на помощь союзникамъ разстроило его планы и заставило отступить,

между тѣмъ какъ русскія войска, на подмогу которыхъ разсчитывалъ Данненбергъ, опоздали своимъ прибытіемъ. Наступившая зима прекратила на время военныя дѣйствія (до января 1855), чему помогла и дипломатія; но ея стремленія примирить враждующія стороны не только не привели къ желаемому успѣху, но еще увеличили число враговъ Россіи: въ январѣ 1855 г. Сардинія приступила къ союзу западныхъ державъ. Сардинскій король отправилъ въ Крымъ 15 тысячъ отборнаго войска, подъ начальствомъ генерала Ламарморы, такъ что вмѣстѣ съ прибывшими подкрѣпленіями изъ Франціи и Англіи къ январю 1855 подъ Севастополемъ ко-

Тотлебенъ.

личество союзныхъ войскъ возрасло до слѣдующихъ цифръ: французскаго войска — 100 тысячъ, англійскаго—32 тысячи, турецкаго—28 тысячъ и сардинскаго—15 тысячъ, всего 175 тысячъ. Русскій генералъ Врангель сдѣлалъ нападеніе на турокъ 5-го февраля, но не имѣлъ успѣха. Это извѣстіе было послѣднимъ, которое получилъ съ театра войны императоръ Николай. Онъ скончался 18-го февраля 1855 г. отъ паралича легкихъ.

Преемникъ его, императоръ Александръ II (1855—1881), несмотря на все свое миролюбіе, для поддержанія народной чести,

продолжалъ войну съ напряженіемъ всѣхъ силъ. На мѣсто князя Меншикова, главнокомандующимъ войсками въ Крыму былъ назначенъ кн. Горчаковъ, а на мѣсто Реада, который командовалъ въ Закавказьи, послѣ выхода въ отставку кн. Воронцова, поставленъ былъ генералъ Муравьевъ. Осада и оборона Севастополя возобновилась съ удвоенными силами 25-го марта. Двухнедѣльное бомбардированіе города и на этотъ разъ не имѣло успѣха, благодаря искусству Тотлебена, который сооружалъ такія препятствія осаднымъ работамъ французскаго инженернаго генерала Ніеля, что осада становилась съ каждымъ днемъ затруднительнѣе и кровопролитнѣе. Вслѣдствіе этого Канроберъ былъ смѣненъ и сдалъ начальство генералу Пелисье; флоты же союзниковъ получили приказаніе обратить свои силы на незащищенныя мѣстности: они вступили въ Азовское море, сожгли нѣсколько приморскихъ городовъ съ заготовленными запасами хлѣба и до основанія разрушили Керчь, разграбивъ при этомъ городской музей древностей; съ такою же цѣлью и такими же результатами снова появились и дѣйствовали флотиліи союзниковъ въ Балтійскомъ и Камчатскомъ моряхъ. Такъ, напримѣръ, всѣ военные подвиги Дондаса, назначеннаго на мѣсто Чарльса Непира, ограничились въ Балтійскомъ морѣ сожженіемъ нѣсколькихъ домовъ и магазиновъ въ Свеаборгѣ.

6-го іюня, въ день Ватерлооскаго сраженія, Пелисье сдѣлалъ второй приступъ къ Севастополю со всѣми силами, но и на этотъ разъ союзники не имѣли успѣха и понесли значительныя потери [1]). Не смотря на ежедневныя битвы и огромную убыль войска, по причинѣ распространившейся холеры, союзники подвигали свои траншеи и мины все ближе и ближе къ крѣпости. Чтобы помѣшать непріятельскимъ работамъ, кн. Горчаковъ повелъ атаку на позицію союзниковъ съ Черной рѣчки, подъ начальствомъ генераловъ Реада и Липранди. Смерть генерала Реада, пораженнаго пулею, произвела разстройство въ войскѣ и помѣшала успѣху битвы, въ началѣ которой перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ (4-го августа). На другой день послѣ сраженія при Черной рѣчкѣ, Пелисье снова открылъ бомбардированіе крѣпости. Съ этого момента, въ теченіе 20 дней, почти не прекращался непріятельскій огонь: цѣлыя тучи бомбъ, гранатъ и ядеръ были пущены въ городъ и причинили столько поврежденій въ крѣпости, что кн. Горчаковъ убѣдился въ невозможности удержать городъ въ случаѣ новаго приступа. Подведя мины подъ всѣ укрѣпленія, чтобы ничего не оставлять побѣдившему непріятелю, главнокомандующій распорядился, для удобнѣйшаго

---

[1]) Во время этого приступа былъ убитъ адмиралъ Нахимовъ.

перехода нашихъ войскъ на сѣверную сторону Севастополя, построить пловучій мостъ. Дѣйствительно 27-го августа, въ 12 часовъ дня, союзники прекратили канонаду, начали приступъ, направленный преимущественно на Малаховъ курганъ, и послѣ упорнаго сопротивленія завладѣли имъ (между тѣмъ, какъ нападеніе англичанъ на Редантъ было отбито русскими). Съ паденіемъ Малахова кургана, палъ и Севастополь. Покинувъ ночью южную часть города, Горчаковъ отдалъ приказаніе войскамъ перейти въ сѣверную часть по построенному черезъ бухту пловучему мосту; послѣ чего мостъ былъ уничтоженъ, корабли затоплены въ бухтѣ, а всѣ укрѣпленія взорваны на воздухъ. Такъ кончилась 11-ти мѣсячная осада Севастополя. Взятіе этой крѣпости не доставило никакихъ значительныхъ выгодъ союзникамъ, кромѣ чести побѣды, потому что кн. Горчаковъ удержался въ своей позиціи на сѣверной сторонѣ Севастополя.

Въ это время дѣла наши на азіатскомъ театрѣ войны шли чрезвычайно успѣшно: Муравьевъ принудилъ Васифа-пашу сдать крѣпость Карсъ (15-го ноября).

Паденіе Севастополя и взятіе Карса имѣли рѣшающее вліяніе на окончаніе войны и заключеніе мира. Какъ Наполеонъ III, довольный успѣхами своихъ войскъ въ Крыму, такъ и императоръ Александръ II, вознагражденный за Севастополь взятіемъ Карса, согласились на мирные переговоры. Они открылись на конгрессѣ, собравшемся въ Парижѣ въ февралѣ 1856 г. Предсѣдательствовалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Валевскій; Россія послала на конгрессъ гр. Орлова, Австрія — гр. Буоля, Сардинія—гр. Кавура, Англія—лорда Кларендона, Порта—Али-пашу; потомъ, когда на совѣщаніяхъ зашла рѣчь объ измѣненіи вообще трактатовъ съ Турціею,—Пруссія также прислала своего уполномоченнаго—графа Мантейфеля.

Результатомъ конгресса былъ *Парижскій миръ*, подписанный 18-го марта 1856 г. Условія его—слѣдующія: 1) Россія отказалась отъ устьевъ Дуная и небольшой части Бессарабіи и возвратила Карсъ, получивъ обратно разрушенный Севастополь и другіе занятые союзными войсками пункты. 2) Она обязалась не заводить никакихъ морскихъ арсеналовъ на Черномъ морѣ и содержать на немъ число военныхъ кораблей не болѣе Турціи. (Статья эта, по рѣшенію лондонской конференціи 1870 г., отмѣнена и Черное море объявлено нейтральнымъ). 3) Оттоманская Порта отнынѣ дѣлалась членомъ европейской политической системы. 4) Порта, сохраненіе цѣлости которой было признано всѣми державами, подписавшими трактатъ, обязалась уравнять христіанъ въ правахъ съ

мусульманами и обѣщала реформы, которыя придали бы Турціи болѣе европейскій характеръ. 5) Дунайскія княжества и христіане на востокѣ, бывшіе до сихъ поръ подъ исключительнымъ покровительствомъ Россіи, должны были впредь состоять подъ общимъ протекторатомъ великихъ державъ и 6) судоходство по Дунаю объявлялось свободнымъ.

Принятая въ систему европейскихъ державъ, Порта, еще во время засѣданій Парижскаго конгресса, *какъ бы* добровольно, безъ постороннихъ внушеній, издала султанскій гатти-гамаюнъ (февраль 1856 г.), составлявшій въ сущности торжественное обязательство Порты передъ Европою. Въ этомъ дипломатическомъ документѣ подтверждались всѣ прежнія права и льготы, дарованныя христіанскимъ подданнымъ Турціи: патріархи православные назначались отнынѣ пожизненно; гарантировалась неприкосновенность движимаго имущества христіанскаго духовенства; отмѣнялись всѣ препятствія къ публичному отправленію христіанскаго богослуженія, а также запрещались всѣ унизительныя наименованія христіанъ на языкѣ мусульманъ; всѣ подданные султана, безъ различія вѣры, допускались къ занятію общественныхъ должностей; всѣ коммерческія, гражданскія и уголовныя тяжбы между христіанами и мусульманами должны отнынѣ подлежать рѣшенію смѣшанныхъ судовъ, съ гласнымъ судоговореніемъ, причемъ свидѣтельскія показанія должны быть принимаемы подъ присягою, приносимою каждымъ свидѣтелемъ по обрядамъ его религіи; всѣ подданные Порты, безъ различія религіи, обязываются общею воинскою повинностію; иностранцамъ предоставляется право владѣть недвижимою собственностью въ Турціи; злоупотребленія въ сборѣ податей и налоговъ должны быть исправлены и т. д.

Европа удовлетворилась этимъ актомъ *султанскаго либерализма*, хотя, на основаніи прошедшаго, было очевидно, что и этотъ (февральскій) гатти-гамаюнъ останется мертвою буквою. И дѣйствительно, участь турецкихъ христіанъ, численность которыхъ въ эту эпоху достигала до 13 милліоновъ, не только не улучшилась, но, какъ мы увидимъ ниже, съ каждымъ годомъ становилась болѣе тягостною.

Итакъ, *Парижскій трактатъ* закрѣпилъ гарантіею европейскихъ державъ невыносимое положеніе дѣлъ на Востокѣ и *еще болѣе запуталъ восточный вопросъ*.

Россія вынесла изъ Крымской войны осязательное сознаніе собственныхъ недостатковъ, которые замѣчены были какъ въ военныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ гражданскомъ порядкѣ, и потому вся внутренняя дѣятельность императора Александра II направи-

лась на устраненіе этихъ недостатковъ посредствомъ коренныхъ реформъ (см. гл. XXVI). Война эта указала намъ наши слабыя стороны. Обновленная внутреннею жизнью, Россія стала сильнѣе, и сила ея сплотилась, окрѣпла, сдѣлалась надежнѣе, чѣмъ была прежде.

Послѣ Крымской войны, сопровождавшейся для насъ незначительною территоріальною потерею по Парижскому трактату (221 кв. миль), Россія за все время царствованія Александра II успѣла сдѣлать слѣдующія значительныя земельныя пріобрѣтенія:

а) По Айгунскому договору съ Китаемъ (1858 г.)—Приамурскій край, пространствомъ въ 10,490 кв. м.

б) Съ занятіемъ Гуниба въ 1859 г. окончательно покорена на Кавказѣ Дагестанская область—318 кв. м.

в) Въ 1860 г. по Пекинскому договору присоединенъ весь Уссурійскій край (5840 кв. м.).

г) Въ 1861 г. пріобрѣтены земли вверхъ по р. Сыръ-Дарьѣ (246 кв. м.).

д) Въ 1864 г. покорены племена восточнаго побережья Чернаго моря и тѣмъ закончено завоеваніе Кавказа (972 кв. м. [1]).

е) Въ 1865 г. взятъ былъ Ташкентъ (828 кв. м.).

ж) Въ 1866 г. взятъ Ходжентъ, Ура-Тюбе и Джизакъ (623 кв. м.).

з) Въ 1868 г. отъ Кашгарскаго владѣтеля—Нарынскій край (1519 кв. м.), въ этомъ же году и Самаркандскій край; послѣдній заключаетъ въ себѣ 257 кв. миль.

и) Въ 1870 г.—Зарявшанскій край (244 кв. м.).

і) Въ 1871 г.—Кульджинскій край (1198 кв. миль), уступленный обратно Китаю послѣ переговоровъ 1879 г.

к) Въ 1873 г. отъ Хивинскаго ханства присоединены къ Россіи земли на правомъ берегу Аму-Дарьи и вся дельта этой рѣки (5826 кв. м.). Изъ этихъ земель, въ слѣдующемъ 1874 г., былъ образованъ Закаспійскій отдѣлъ.

л) Въ 1875 г. по договору съ Японіею Россія пріобрѣла значительную часть о. Сахалина (609 кв. м.), за что уступила Японіи—группу Курильскихъ острововъ (89 кв. м.).

м) Въ 1876 г.—Коканское ханство, обращенное въ Ферганскую область (1596 кв. м.).

н) Въ 1878 г., по Берлинскому трактату, намъ возвращена южная часть Бессарабіи (167 кв. м.) и уступлены Турціею—Карская и Батумская области (468 кв. миль).

---

[1]) Начало Кавказской войны относится къ XVIII ст.—Когда Грузинское царство вступило въ подданство Россіи, кавказскій хребетъ очутился между русскими владѣніями. См. соч. Ѳаддѣева „60 лѣтъ Кавказской войны“ (изд. 1880 г.)

о) Въ 1881 г.—Ахалтекинскій оазисъ.

Такимъ образомъ, за все время царствованія Александра II, владѣнія Россіи увеличились на 13.540 кв. миль, что значительно превышаетъ земельныя пріобрѣтенія, сдѣланныя каждымъ изъ россійскихъ государей, начиная съ Петра Великаго. Императрица Екатерина II наиболѣе всѣхъ императоровъ русскихъ расширила предѣлы Россіи, но и пріобрѣтенія Екатерины II оказываются значительно меньше пріобрѣтеній Александра II, а именно на 2 тысячи кв. миль.

4-й ПЕРІОДЪ (1856 по 1878 годъ).

или

Эпоха національныхъ вопросовъ въ Европѣ.

ГЛАВА XXI.

Итальянскій вопросъ.

Состояніе Франціи послѣ Крымской войны и политика Второй имперіи.—Итальянскій вопросъ.—Покушеніе Орсини.—Графъ Кавуръ и его имперія.—Война 1859 года.—Перемиріе въ Виллафранкѣ и Цюрихскій миръ.—Гарибальди и его „тысяча“ въ Неаполѣ.—Сентябрьская конвенція 1864 года.

Крымская война вполнѣ удовлетворила народной гордости французовъ и создала военное значеніе французской арміи, а Наполеону III доставила первенствующую роль въ политической семьѣ европейскихъ государствъ. Со времени Парижскаго конгресса столица Франціи сдѣлалась центромъ цивилизованнаго міра, а на основателя Второй имперіи стали смотрѣть, какъ на вершителя европейскихъ политическихъ вопросовъ, какъ великаго знатока всего современнаго политическаго міра. Рожденіе наслѣдника престола (1856 г.), получившаго въ колыбели титулъ „императорскаго принца“ [1]), обрадовавъ Францію и ея державнаго руководителя, было встрѣчено какъ обезпеченіе будущности императорскаго трона и династіи Бонапартовъ. Франція была могущественна; голосъ ея въ международныхъ вопросахъ получилъ самое вѣское значеніе; политическое честолюбіе французовъ было вполнѣ удо-

[1]) См. родословную таблицу фамиліи Бонапарте (гл. XVI).

влетворено. И дѣйствительно, въ эпоху, наступившую вслѣдъ за Крымскою войною, замѣчалось удивительное единеніе между націею и императоромъ; буржуазія восхваляла въ немъ спасителя отечества отъ ужасовъ республики и анархіи, соціалисты видѣли въ немъ своего благодѣтеля и будущаго великаго экономическаго реформатора, духовенство—усерднаго поборника свѣтской власти папы и заступника за преимущества католической религіи; наконецъ, армія—наслѣдника великаго императора, способнаго возвратить Франціи ея прежнюю военную славу и трофеи. Такою представлялась Франція съ наружной, лицевой стороны.

Но внутреннее состояніе ея далеко не было такимъ блестящимъ, какимъ оно казалось извнѣ для неглубокаго политическаго наблюдателя. Война и роскошь двора куплены были дорогою цѣною, обременивъ страну громаднымъ долгомъ. Для погашенія непомѣрно возрастающаго дефицита, правительство прибѣгало къ внутреннимъ займамъ и занялось биржевою игрою или ажіотажемъ, поощряя въ обществѣ страсть къ биржевой игрѣ и спекулятивной случайной наживѣ. Административная централизація, сосредоточенная въ рукахъ министровъ, посредствомъ преданныхъ имъ префектовъ и мэровъ сильно вліяла и на выборы, и на всѣ отрасли внутренняго управленія или посредствомъ системы угрозъ, или награжденій и вообще весьма много способствовала политической деморализаціи общества. Сенаторы и члены законодательнаго собранія (избираемые по „рекомендаціи“ правительства), довольные своимъ громаднымъ содержаніемъ, были ревностными сторонниками правительственныхъ режимовъ, а не защитниками интересовъ своихъ избирателей. Пресса, несмотря на свободу печати, совершенно подавленная административными распоряженіями, превратилась въ промышленное дѣло: независимые ея органы получили приказаніе обходить общественные вопросы. Полиція, съ системою доносовъ и произвольныхъ арестовъ, приняла колоссальные размѣры: армія, судебный персоналъ и лица администраціи были поставлены подъ строжайшее наблюденіе агентовъ полиціи, набранныхъ преимущественно изъ корсиканцевъ; даже сама императрица не составляла въ этомъ отношеніи исключенія.

Сознавая, что существующій порядокъ, опиравшійся исключительно на внѣшнемъ механизмѣ, долженъ неизбѣжно привести къ общему взрыву, Наполеонъ рѣшился снова занять вниманіе французовъ дѣлами внѣшней политики. Ему представлялись двѣ подходящія задачи: или принять на себя роль освободителя Польши, или въ союзѣ съ Сардиніею заняться освобожденіемъ Италіи. Вести войну съ Россіею безъ со[illegible]домъ большаго риска;

итальянскій же вопросъ являлся весьма удобнымъ во многихъ отношеніяхъ: идея освобожденія народностей отъ иноземнаго гнета была всегда популярна во Франціи, и подъ этимъ освободительнымъ знаменемъ можно было пожать новые лавры. Самъ императоръ французовъ въ 30-хъ годахъ лично участвовалъ въ національномъ движеніи итальянцевъ въ качествѣ карбонара и приносилъ тогда клятву всѣми силами содѣйствовать освобожденію итальянскаго народа. Но, какъ мы увидимъ ниже, на первыхъ порахъ Наполеонъ III дѣйствовалъ весьма медленно въ области итальянскаго вопроса и какъ будто колебался принять на себя роль защитника національныхъ стремленій Италіи. Отвѣтомъ на эти колебанія со стороны итальянскихъ патріотовъ было покушеніе Феликса Орсини на жизнь Наполеона III (январь 1858 г.). Ручныя бомбы, брошенныя имъ подъ коляску императора, не попали въ цѣль, но погубили много народу. Не задолго передъ покушеніемъ, Орсини обращался къ Наполеону съ письменными напоминаніями объ обязанностяхъ, лежащихъ на немъ, какъ на карбонарѣ, „освободить страну, граждане которой проливали кровь за Наполеона I". Орсини былъ казненъ, а одинъ изъ его сообщниковъ, французъ Бернардъ, оставался въ это время въ Англіи и не былъ выданъ французскому правительству, что подало поводъ къ нѣкоторому охлажденію между обоими правительствами.

Еще на Парижскомъ конгрессѣ министръ Сардиніи гр. Кавуръ оффиціально поднялъ вопросъ о дѣлахъ Италіи. Онъ представилъ конгрессу меморію, въ которой доказалъ, что Европа не достигнетъ прочнаго мира до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ итальянскій національный вопросъ. Для этого, по его мнѣнію, необходимо: 1) чтобы всѣ державы признали единство итальянскаго народа, 2) чтобы въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, подвластномъ нынѣ Австріи, введено было „справедливое" политическое устройство, 3) чтобы чужеземныя войска были выведены изъ Папской области и 4) чтобы былъ положенъ конецъ произвольному управленію въ королевствѣ Неаполитанскомъ. Меморія графа Кавура была принята сочувственно всѣми членами конгресса, за исключеніемъ Австріи. Россія, имѣвшая основанія быть недоброжелательною къ Сардиніи, также согласилась съ проэктами Кавура.

Въ іюлѣ 1858 г. состоялось соглашеніе между Кавуромъ и Наполеономъ III во время личнаго свиданія ихъ въ Пломбіерѣ. Здѣсь былъ заключенъ договоръ, которымъ императоръ французовъ обязывался оказать активную помощь освобожденію Италіи „до Адріатики". Такой союзъ былъ купленъ королемъ Викторомъ-

Эммануиломъ дорогою цѣною: онъ соглашался уступить Франціи родовыя земли своей династіи—Савойю и Ниццу.

Начались приготовленія къ войнѣ и въ Италіи, и во Франціи. Въ день новаго (1859) года Наполеонъ III, принимая членовъ дипломатическаго корпуса, сказалъ австрійскому послу: „я крайне жалѣю, что мои отношенія къ вашему правительству уже не такъ хороши, какъ это было прежде". Слова эти какъ громомъ поразили и Австрію, и всю Европу, привыкшую уже со времени Крым-

Кавуръ.

ской войны прислушиваться къ словамъ императора Наполеона III, какъ къ оракулу. Вся дипломатія погрузилась въ догадки; курсъ бумагъ, обращающихся на биржѣ, упалъ; посредничество англійской и русской дипломатіи было отклонено обѣими сторонами. Австрійское правительство пожелало дѣйствовать быстро, не дожидаясь перваго шага со стороны противниковъ. Австрійское правительство, встревоженное военными приготовленіями Сардин-

скаго королевства, въ апрѣлѣ 1859 года обратилось къ правительству Виктора-Эммануила съ приглашеніемъ разоружиться въ трехдневный срокъ, въ противномъ случаѣ Австрія начнетъ военныя дѣйствія и двинетъ свои войска за р. Тичино. Вслѣдъ за тѣмъ, французскій посланникъ заявилъ въ Вѣнѣ, что переходъ австрійцевъ черезъ р. Тичино будетъ сочтенъ за объявленіе войны французамъ. Австрія приняла сдѣланный ей вызовъ и въ апрѣлѣ 1859 года двинула свои войска черезъ Тичино. Австріи пришлось вести эту войну безъ союзниковъ, такъ какъ у нея не было друзей въ Европѣ. Своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ во время Крымской войны она оттолкнула отъ себя всѣ заграничныя симпатіи; а неудачная внутренняя ея политика усиливала раздоръ между правительствомъ и народами имперіи. Отношенія къ Пруссіи имѣли характеръ соперничества, которое сдѣлалось особенно замѣтнымъ съ переходомъ королевской власти отъ миролюбиваго Фридриха-Вильгельма IV къ его энергическому брату, принцу Вильгельму, сначала регенту (за болѣзнью короля съ 1858 г.), а затѣмъ королю Пруссіи (съ 1861 г.). Австрія не могла разсчитывать на Пруссію въ своемъ спорѣ съ Италіею и ея союзницею Франціею. Излишне прибавлять, что вслѣдствіе положенія, занятаго Австріей во время Крымской войны, она не могла разсчитывать на симпатіи Россіи: двойственная политика принесла свои плоды. Союзъ Сардиніи съ Франціей былъ закрѣпленъ династическимъ союзомъ, т. е. бракомъ принца Жерома Бонапарте съ старшею дочерью короля Виктора-Эммануила, принцессою Клотильдою.

Въ маѣ 1859 года французскія войска черезъ Альпы (Монъ-Сенисъ) и моремъ, черезъ Геную, постепенно прибывали въ Италію, гдѣ появился также Наполеонъ съ своими генералами—Ніэлемъ, Канроберомъ и Макъ-Магономъ. Первая серьезная встрѣча произошла у Монтебелло и окончилась неудачно для австрійцевъ. Слѣдующее сраженіе при Палестро, въ которомъ австрійцы были тоже разбиты, принудило австрійскаго главнокомандующаго, графа Гюлая, перейти обратно за Тичино. Союзники послѣдовали за нимъ и дали австрійцамъ битву при Маджентѣ, которая была выиграна французами, благодаря своевременному появленію корпуса Макъ-Магона, получившаго за эту побѣду титулъ герцога Маджентскаго. Въ день празднованія этой побѣды, Наполеонъ рядомъ съ Викторомъ-Эммануиломъ торжественно въѣзжалъ въ освобожденный Миланъ, который принялъ его съ неподдѣльнымъ восторгомъ, какъ благодѣтеля всей итальянской націи. Послѣ пораженія при Маджентѣ австрійцы должны были отступить за р. Минчіо, и вслѣдъ

за ихъ удаленіемъ возстала средняя Италія. Въ Моденѣ, Пармѣ и Тосканѣ народъ выгналъ своихъ герцоговъ и провозгласилъ присоединеніе къ Сардиніи. Австрійскій императоръ смѣнилъ главнокомандующаго арміею, графа Гюлая, и самъ принялъ командованіе, при ближайшемъ содѣйствіи генерала Бенедека. Рѣшено было поднять духъ войска наступательными дѣйствіями. Австрійская армія расположилась полукругомъ впереди рѣки Минчіо, опираясь, въ центрѣ, на возвышенность при деревнѣ Сольферино. На этотъ центръ и направленъ былъ главный натискъ французовъ. Послѣ упорнаго боя, въ которомъ легло около 20 тыс. австрійцевъ и 15 тыс. союзниковъ, Сольферино было взято французами (24 іюня). Австрійцы снова отступили, страдая отъ крайняго безпорядка въ продовольственной части. При такомъ успѣшномъ ходѣ военныхъ дѣйствій, императору французовъ было нетрудно выполнить до конца свое обѣщаніе—освободить Италію „до Адріатики". Дѣйствительно, рѣшено было немедленно приступить къ осадѣ четырехъугольника крѣпостей, а французскій флотъ долженъ былъ доставить дессантный корпусъ въ Венецію. Уже сдѣланы были всѣ распоряженія, какъ вдругъ побѣдитель самъ предложилъ перемиріе своему противнику, и война была прекращена перемиріемъ, заключеннымъ въ Виллафранкѣ (8 іюля). Напрасно задумывались дипломаты надъ разъясненіемъ причины, побудившей Наполеона на снисходительное великодушіе къ побѣжденной Австріи. Объясняли поступокъ императора угрожающимъ положеніемъ, принятымъ Пруссіею послѣ Сольферинскаго сраженія, опасеніями, внушаемыми интенсивностью національнаго итальянскаго движенія и тысячью другихъ причинъ, но настоящая причина осталась тайной; одинъ изъ біографовъ Наполеона III объясняетъ припадокъ внезапнаго миролюбія императора французовъ ужаснымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на побѣдителя огромнымъ количествомъ труповъ, покрывавшихъ сольферинское поле битвы [1]). Императоръ Францъ-Іосифъ, опасаясь, чтобы Пруссія не воспользовалась стѣсненнымъ положеніемъ Австріи для усиленія своего вліянія въ Германскомъ Союзѣ, безъ замедленія, согласился на предложенныя условія и уступилъ Наполеону III Ломбардію, за исключеніемъ крѣпостей Мантуи и Пескіеры; населенію Тосканы и Модены должно быть предоставлено высказаться относительно обратнаго

[1]) Извѣстно, что именно послѣ сольферинскаго сраженія Наполеону III пришла мысль обезпечить международнымъ договоромъ средства помощи для раненыхъ во время войны. Составлена была конференція отъ всѣхъ державъ (кромѣ Австріи), которая постановила считать нейтральнымъ весь медицинскій персоналъ и всѣ санитарные пункты—госпитали, бараки, перевязочные пункты и др. Окончательную форму получилъ этотъ договоръ на женевской конференціи.

призыва изгнанныхъ государей, безъ всякаго иностраннаго вмѣшательства: отдѣльныя итальянскія государства должны будутъ составить федерацію, подъ предсѣдательствомъ папы, которому предварительно было бы предложено ввести реформы въ Папской области. Эти условія мира, опредѣленныя въ Виллафранкѣ, были утверждены *Цюрихскимъ миромъ* (окт. 1859 г.), который состоялъ изъ трехъ договоровъ: 1) мирнаго трактата между Австріею и Сардиніею, 2) мирнаго трактата между Франціею и Австріею объ уступкѣ Ломбардіи Наполеону III и 3) договора между Сардиніею и Франціею объ обмѣнѣ Ломбардіи на Савойю и Ниццу, что должно совершиться съ согласія мѣстнаго населенія при свободной подачѣ голосовъ.

Объединеніе Италіи не могло остановиться на полпути. Виллафранкскія и Цюрихскія условія не успокоили народныхъ вождѣленій итальянцевъ: съ одного конца полуострова до другаго громко раздавался боевой кликъ: „Italia farà da se". Въ началѣ мая 1860 г. Гарибальди, съ тысячею своихъ *добровольцевъ*, отправился на лодкахъ изъ Генуи и высадился на восточный берегъ Сициліи въ г. Марсалѣ, гдѣ скоро отрядъ его увеличился до четырехъ тысячъ. Гарибальди явился у воротъ Палермо и занялъ этотъ городъ, не смотря на сильное сопротивленіе неаполитанскаго генерала Ланца. Черезъ нѣкоторое время взята была также Мессина, и весь островъ объявленъ былъ подвластнымъ „*королю Италіи*". Затѣмъ, съ 5-ти тысячнымъ отрядомъ Гарибальди переплылъ проливъ и благополучно добрался до материка. Шествіе его къ Неаполю было настоящимъ тріумфомъ. Весь народъ, все войско, всѣ власти перешли на сторону „краснаго генерала"; король неаполитанскій Францискъ II успѣлъ заранѣе выѣхать изъ столицы. Гарибальди хотѣлъ довести свою задачу до конца и идти на Римъ, чтобы тамъ съ высоты Квиринала провозгласить „единую" Италію. Но Наполеонъ III (какъ говорятъ нѣкоторые современники, по настоянію Евгеніи, ревностной покровительницы папы) вмѣшался и предложилъ Виктору-Эммануилу взять дѣло въ свои руки, замѣнить революціонную диктатуру Гарибальди правильнымъ монархическимъ устройствомъ и ограничиться, въ случаѣ успѣха, присоединеніемъ лишь части Папской области и всего Неаполитанскаго королевства. Сардинскія войска вступили въ Церковную область и заняли Анкону. Въ занятыхъ земляхъ населеніе высказалось за присоединеніе къ Сардиніи. Въ Анконѣ король принялъ на себя командованіе войсками и безпрепятственно, при торжественной встрѣчѣ, вступилъ въ Неаполь, вмѣстѣ съ Гарибальди. Послѣ формальнаго объявленія о переходѣ Неаполя подъ власть Виктора-Эммануила, Гарибальди передалъ

ему свое 25-ти тысячное войско и, отказавшись отъ всякихъ почестей и наградъ, возвратился на островъ Капреру.

Въ февралѣ 1861 г. въ Туринѣ открылся первый итальянскій парламентъ и Викторъ-Эммануилъ принялъ *оффиціально* титулъ короля Италіи. Предстояло трудное дѣло—введеніе внутренняго порядка, устройство финансовъ, прочнаго гражданскаго и военнаго управленія. Политическая опытность и необычайные труды графа Кавура побѣдили всѣ затрудненія. Ему удалось успокоить республиканцевъ-мадзинистовъ, побороть враждебность духовенства (правительство Виктора-Эммануила было проклято папой за присоединеніе къ итальянскому королевству земель изъ „наслѣдія св. Петра") и смягчить подозрительность Наполеона III, который былъ крайне недоволенъ неожиданно быстрымъ ростомъ новаго королевства. По смерти Кавура, политику его продолжали его даровитые преемники: Риказоли и Ратацци. Но „партія дѣйствія", съ Гарибальди во главѣ, стремилась во что бы то ни стало занять Римъ, долженствующій сдѣлаться столицею объединенной Италіи. Объявивъ, что не онъ, Гарибальди, подписывалъ договоры съ Наполеономъ, герой освобожденія Италіи снова выступилъ изъ Сициліи во главѣ 3-хъ тысячъ волонтеровъ и высадился съ ними въ Калабріи. Но на этотъ разъ итальянское правительство, по угрожающему требованію Наполеона, принуждено было объявить эту попытку добровольцевъ „преступнымъ актомъ". Королевское войско, высланное противъ гарибальдійцевъ, подъ командой генерала Чіальдини, встрѣтилось съ гарибальдійцами при Аспромонте (авг. 1862 г.). Произошла схватка; нѣсколько гарибальдійцевъ было убито и самъ вождь ихъ, опасно раненый въ ногу, отдался въ плѣнъ. Послѣ кратковременнаго заключенія, онъ былъ выпущенъ на свободу со всѣми плѣнными и въ декабрѣ этого года снова уѣхалъ на свой о. Капреру. Такой поступокъ правительства Виктора-Эммануила относительно итальянскихъ патріотовъ объясняется тѣмъ, что въ Римѣ находился еще оккупаціонный корпусъ французовъ и что попытка Гарибальди занять Римъ могла бы вовлечь Италію въ непосредственное столкновеніе съ Франціею. Во избѣжаніи возможныхъ по этому поводу столкновеній на будущее время, въ 1864 году, между французскимъ и итальянскимъ правительствами была заключена такъ-называемая *Сентябрьская конвенція*, по которой: 1) французскія войска должны были оставить Церковную область въ теченіи двухлѣтняго срока, 2) итальянское правительство брало на себя защиту папскихъ владѣній вмѣстѣ съ частью римскаго государственнаго долга, отказавшись навсегда отъ Рима, какъ отъ столицы итальянскаго королевства и 3) столица Италіи переносится во Флоренцію.

Въ 1865 г. король и парламентъ переселились во Флоренцію, а въ слѣдующемъ 1866 году французскія войска очистили папскія владѣнія. Въ сентябрѣ 1871 г. войска Виктора-Эммануила заняли Римъ при всеобщихъ ликованіяхъ населенія и при полномъ невниманіи къ протесту Пія IX.

Отношенія между папствомъ и королевскою властью значительно улучшились съ кончиною Пія IX (февр. 1878) и Виктора Эммануила. Нынѣшній папа Левъ XIII (кардиналъ Печчи) придалъ

Гумбертъ.

своей политикѣ и отношеніямъ къ новому итальянскому королю Гумберту, вступившему на престолъ въ январѣ 1878 г., болѣе мягкій и примирительный характеръ. Новый папа не имѣлъ уже основаній питать враждебныя чувства къ новому итальянскому королю, по поводу такъ называемаго „ограбленія святаго престола“, т. е. присоединенія папскихъ владѣній къ территоріи общеитальянскаго государства.

ГЛАВА XXII.

Вопросъ о невольничествѣ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и Мексиканская экспедиція французовъ.

Междоусобная война Сѣвера съ Югомъ.—Президентство Линкольна.—Мексиканская экспедиція французовъ.—Мексиканская Имперія.—Ея не долговѣчность.

Изъ новѣйшихъ событій, происшедшихъ въ Сѣверной Америкѣ, весьма важное международное значеніе имѣла война сѣверныхъ штатовъ съ южными, тянувшаяся съ 1861 по 1865 годъ.

Англійская колонизація въ Сѣверной Америкѣ, начавшаяся съ XVII столѣтія, въ эпоху религіозно-политическихъ войнъ, сложилась изъ двухъ эмиграціонныхъ элементовъ. Туда переселялись или ссыльные или диссиденты, гонимые за религіозное несогласіе съ господствующею въ Англіи церковью. Другой эмиграціонный элементъ составляли англійскіе промышленники, привлекаемые туда духомъ эксплоатаціи и наживы. Къ концу XVII вѣка англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ занимали уже почти весь восточный берегъ этой части свѣта, а краснокожіе туземцы отодвинулись далеко вглубь страны, по направленію къ западному берегу. При такомъ двойственномъ происхожденіи англійской сѣверо-американской колонизаціи, уже съ конца XVII вѣка, рѣзко стали отличаться сѣверныя колоніи отъ южныхъ: сѣверныя колоніи, населенныя по преимуществу англійскими и шотландскими пуританами, выросшими въ демократическихъ понятіяхъ религіозной свободы и политическаго равенства, стремились къ республиканскому демократизму, а въ хозяйственномъ отношеніи къ развитію земледѣлія на основаніи личнаго труда; въ южныхъ же англійскихъ колоніяхъ Сѣверной Америки, гдѣ по преимуществу поселились колонисты съ задачами эксплоатаціи и вообще промышленной наживы, и гдѣ значительное число колонистовъ принадлежало къ англійской аристократіи, тамъ господствовали политическіе и экономическіе идеалы совсѣмъ иного характера: тамъ капиталъ преобладалъ надъ личностью, а личный земледѣльческій трудъ замѣнился системою плантаціоннаго хозяйства, направленнаго по преимуществу на воздѣлываніе хлопка, табака и сахарнаго тростника, какъ такихъ продуктовъ, сбытъ которыхъ былъ обезпеченъ громаднымъ спросомъ па европейскихъ рынкахъ. Почва для такихъ плантацій разрабо-

тывалась не личнымъ трудомъ колонистовъ и не трудомъ наемнымъ (такъ какъ бѣлые работники были для такого дѣла и физически слабы, и дорого оплачивались), а негрскимъ трудомъ покупныхъ невольниковъ, привозимыхъ въ Новый Свѣтъ съ западнаго африканскаго берега еще съ XVI ст.

Такое экономическое и политическое положеніе, рѣзко отличавшее сѣверъ отъ юга, продолжалось и послѣ войны за независимость, окончившейся въ 1783 году Версальскимъ миромъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г., относительно негро-торговли и невольничества вообще, обнародована была особая декларація, отмѣнявшая навсегда эту безчеловѣчную торговлю, а въ международныхъ взаимныхъ конвенціяхъ, заключенныхъ между отдѣльными державами, выработались и тѣ общія мѣры со стороны цивилизованныхъ правительствъ, которыя въ будущемъ должны были способствовать къ фактическому прекращенію невольничества и торга неграми.

Англія раньше всѣхъ другихъ колоніальныхъ державъ показала примѣръ заботливости о прекращеніи невольничества. Вопросъ объ отмѣнѣ невольничества и прекращеніи негроторговли былъ поднятъ въ Англіи задолго до Вѣнскаго конгресса, а именно—сектою квакеровъ, въ ученіи которыхъ посредствомъ церковной проповѣди рѣзко осуждались такія взаимныя отношенія людей; отсюда этотъ вопросъ перешелъ въ литературу, которая быстро обставила его цѣлымъ рядомъ разнообразнѣйшихъ иллюстрацій безчеловѣчнаго обращенія плантаторовъ-рабовладѣльцевъ съ ихъ черными невольниками. Подготовленный квакерскою проповѣдью и свѣтскою литературою, вопросъ этотъ перешелъ въ парламентскія сферы: во времена министерства Питта Младшаго, извѣстный филантропъ Уильямъ Вильберфорсъ внесъ билль объ этомъ вопросѣ въ парламентъ въ 1789 году; но только въ 1807 году этотъ билль былъ принятъ обѣими палатами и закончился изданіемъ *акта аболиціонизма*, на основаніи котораго строго воспрещался торгъ невольниками на всемъ пространствѣ англійскихъ владѣній. Вѣнскій конгрессъ распространилъ силу этого акта на всѣ государства международнаго европейскаго общенія. Но до осуществленія этого обще-европейскаго постановленія было еще далеко. Только въ 1834 году, при Георгѣ IV, англійское правительство освободило отъ рабства всѣхъ негровъ въ своихъ колоніяхъ, число которыхъ доходило до 785 тыс. и выдало денежное вознагражденіе плантаторамъ-рабовладѣльцамъ въ размѣрѣ 20 мил. ф. ст., и съ этихъ поръ дѣятельно повело преслѣдованіе негро-

торговцевъ, запасавшихся своимъ живымъ товаромъ для новаго Свѣта, по преимуществу на западномъ берегу Африки.

Примѣръ Англіи, занимающей въ колоніальномъ отношеніи первенствующую роль, возбудилъ этотъ вопросъ и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ, вопросъ, который въ концѣ концовъ привелъ Сѣверъ и Югъ къ открытой междоусобной войнѣ. Почва для войны была уже готова вслѣдствіе того соціальнаго и политическаго антагонизма, который издавна разъединялъ Сѣверъ

Линкольнъ.

и Югъ. Окончательный разрывъ произошелъ между ними по поводу вопроса объ отмѣнѣ невольничества, чего требовали Сѣверные штаты, нисколько не заинтересованные въ существованіи рабства; Южные же штаты, плантаціи которыхъ обработывались чернокожими невольниками, рѣшились защищать свои экономическіе интересы съ оружіемъ въ рукахъ. Вопросъ этотъ сдѣлался предметомъ вооруженной борьбы съ избраніемъ въ президенты Авраама Линкольна, принадлежавшаго всегда къ партіи *аболиціонистовъ* (про-

тивниковъ невольничества). Тогда южане отдѣлились отъ сѣверянъ съ намѣреніемъ образовать отдѣльную самостоятельную федерацію, и президентомъ своимъ избрали Джефферсона Девиса. Но послѣ нѣсколькихъ пораженій, нанесенныхъ арміи южанъ (подъ начальствомъ Ли) генералами сѣверянъ Грантомъ [1]), Шерманомъ, южане должны были снова войти въ составъ общей федеративной республики, признать власть Вашингтонскаго правительства и согласиться на окончательную отмѣну невольничества (1865 г.).

Линкольнъ былъ избранъ въ президенты на второе четырехлѣтіе, но въ этомъ-же году онъ палъ отъ руки убійцы, какъ жертва мести со стороны южанъ [2]). Со времени Линкольна и до настоящаго времени президентами Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ избирались постоянно лица изъ партіи *республиканской* (или аболиціонистовъ), и только послѣдніе выборы, наступившіе по окончаніи срока президентства Арчера (мартъ 1885 г.), доставили въ первый разъ президентское мѣсто южному кандидату Кливелэнду, принадлежащему къ партіи *демократической*, которая, вопреки своему названію, главною политическою своей задачею ставитъ защиту аристократическихъ интересовъ.

Международное значеніе этой войны заключалось въ возникновеніи такъ называемаго *Алабамскаго вопроса*, составившаго предметъ продолжительнаго спора между Англіею и Соединенными Штатами и разрѣшеннаго *третейскимъ судомъ*. Дѣло въ томъ, что крейсеръ „Алабама", принадлежащій южной федераціи и захватившій въ теченіи двухъ мѣсяцевъ войны свыше двадцати купеческихъ судовъ сѣверянъ, былъ построенъ, снаряженъ и вооруженъ, какъ оказалось по изслѣдованіямъ, въ Англіи, на глазахъ правительственной власти и съ вѣдома англійскаго адмиралтейства. Этотъ „Алабамскій" споръ тянулся до 1872 года и закончился рѣшеніемъ *третейскаго суда* въ Женевѣ, которому обѣ стороны заранѣе согласились подчиниться. Англія должна была уплатить Соединеннымъ штатамъ вознагражденіе за причиненные убытки, въ размѣрѣ $15^1/_2$ мил. долларовъ (см. гл. XXVII).

Торжество Сѣвера надъ Югомъ весьма печально отразилось на сосѣдней съ Соединенными штатами Мексикѣ, гдѣ политическая фантазія Наполеона III успѣла создать „эфемерный" императорскій тронъ для одного изъ принцевъ Габсбургскаго дома. Мексика, открытая и завоеванная Кортесомъ въ 1519 году, состав-

[1]) Генералъ Грантъ былъ впослѣдствіи президентомъ; скончался въ іюлѣ 1885 года.

[2]) Линкольнъ былъ убитъ въ ложѣ Вашингтонскаго театра, во время спектакля, актеромъ Бутомъ, ворвавшимся въ его ложу и выстрѣлившимъ въ президента съ крикомъ: „sic semper tyrannis".

ляла испанскую колонію почти въ теченіи трехъ столѣтій. Въ 1820 году она возстала подъ предводительствомъ Итурбида противъ своей метрополіи, провозгласила себя независимою и превратилась въ наслѣдственную конституціонную имперію, на престолъ которой предполагалось пригласить одного изъ европейскихъ принцевъ. Управляемая до осуществленія своихъ политическихъ задачъ своимъ освободителемъ, Итурбидомъ, Мексика, какъ бы въ благодарность герою-освободителю, провозгласила его своимъ императоромъ, подъ именемъ Августина I. Но генералъ Санта-Анна, стоявшій во главѣ республиканской партіи и стремившійся водворить въ Мексикѣ республиканское устройство на подобіе сосѣднихъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ, свергъ съ престола Итурбида и превратилъ мексиканскую имперію въ федеративную республику (1824 г.). Съ этого времени вся исторія Мексики представляла безпрерывную, кровопролитную борьбу монархистовъ съ федералистами, продолжавшуюся до 1856 г. Эта междоусобная война разорила совершенно страну и почти на половину сократила ея территорію. Съ превращеніемъ въ республику, страна все-таки не успокоилась: тамъ боролись партіи—консервативная (клерикальная) и демократическая, оспаривая другъ у друга первенствующее положеніе въ правительственной роли.

Въ 1861 г. демократическая партія восторжествовала и провозгласила своего главу, индѣйца Бенито Хуареса, президентомъ Мексики. Новый президентъ началъ съ того, что изгналъ изъ Мексики испанскаго посла, папскаго нунція, французскаго консула, лишилъ многихъ испанскихъ и другихъ европейскихъ владѣльцевъ ихъ земельной собственности и въ заключеніе своихъ распоряженій объявилъ, что отказывается отъ всѣхъ конвенцій и договоровъ, обременительныхъ для экономическаго положенія и безъ того разоренной Мексики. По просьбѣ испанскаго правительства, Франція и Англія рѣшились вступиться за интересы европейскихъ поселенцевъ, нарушенные распоряженіями Хуареса. Лондонская конвенція 1861 года постановила прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ (репрессаліямъ) для охраны нарушенныхъ правъ, не допуская, однако, вмѣшательства во внутреннія дѣла Мексики. Въ январѣ слѣдующаго 1862 года союзный флотъ явился передъ Вера-Крусемъ, и Хуаресу передана была коллективная нота трехъ державъ. Мексиканское правительство согласилось подвергнуть спорныя притязанія европейскихъ колонистовъ разсмотрѣнію европейскихъ уполномоченныхъ, которыхъ и пригласила на конференцію въ Оризабѣ, съ тѣмъ однако, чтобы заинтересованныя правительства признали независимость Мексиканской республики. Но кон-

ференція, на которой были подписаны сепаратные договоры Мексики съ Испаніею и Англіею, скоро разошлась, такъ какъ французскій уполномоченный, именемъ Наполеона III, совершенно неожиданно объявилъ, что Франція хочетъ быть „защитницей возрождающейся Мексики", а потому требуетъ, чтобы Хуаресъ издалъ общую амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ и допустилъ занятіе французскими войсками города Мексики впредь до возстановленія полнаго внутренняго порядка. Повѣривъ разсказамъ мексиканскаго генерала Альмонта, изгнаннаго Хуаресомъ, Напо-

Максимиліанъ.

леонъ рѣшился завладѣть Мексикой и водворить въ ней европейскую монархію. Кандидатомъ на подготовляемый тронъ избралъ онъ австрійскаго эрцгерцога Максимиліана и заручился его согласіемъ. Послѣ удаленія англійской и испанской эскадры изъ мексиканскихъ водъ, Наполеонъ III могъ безпрепятственно заняться осуществленіемъ своего плана. Генералъ Форей (Forey), съ арміею въ 40 тыс., осадилъ Пуэблу и вступилъ въ маѣ 1863 г. въ этотъ городъ. Армія Хуареса была разбита, причемъ 12 тыс. мексиканцевъ сдались въ плѣнъ. Хуаресъ долженъ былъ бѣжать въ По-

този. Французская армія съ торжествомъ вступила въ столицу, гдѣ немедленно было созвано собраніе народныхъ представителей, преимущественно изъ консервативной партіи, враждебной Хуаресу. Собраніе постановило ввести конституціонное монархическое правленіе въ странѣ и корону императорскую предложить эрцгерцогу австрійскому Максимиліану. По приглашенію мексиканекой депутаціи, прибывшей въ замокъ Мирамаре (на берегу Адріатическаго залива), гдѣ жилъ въ то время эрцгерцогъ съ своей супругою, принцессою Шарлотою Бельгійскою, Максимиліанъ отправился властвовать надъ *чуждымъ* ему народомъ. Наполеонъ обязался оставить въ Мексикѣ 25,000 солдатъ и не выводить своего войска до 1868 года, т. е. приблизительно до тѣхъ поръ, пока не организуется новая „императорская" армія. Съ своей стороны, Максимиліанъ обязался принять на счетъ мексиканскаго казначейства расходы по содержанію этой арміи и, кромѣ того, обязывался уплатить Франціи 270 мил. фр. въ вознагражденіе за экспедиціонныя издержки Такимъ образомъ Максимиліанъ, еще не видавъ береговъ своей имперіи, наложилъ уже на нее такое финансовое бремя, которое вовсе не соотвѣтствовало дѣйствительнымъ средствамъ страны. Лѣтомъ 1864 года Максимиліанъ совершилъ свой императорскій въѣздъ въ Мексику, но уже въ то время судьба импровизированной имперіи была рѣшена. Весь разсчетъ Наполеона былъ основанъ на томъ предположеніи, что война Сѣверныхъ Американскихъ штатовъ съ южною федераціею окончится въ пользу южанъ, которые образуютъ отдѣльное государство, сочувственное французскому правительству и созданной имъ мексиканской имперіи. Но вышло иначе. Война кончилась торжествомъ сѣвера и наполеоновскіе планы вполнѣ были разстроены. Помня принципъ, провозглашенный еще въ 1823 году президентомъ Монроэ, что „*Америка только для американцевъ*", Соединенные штаты съ неудовольствіемъ отнеслись къ вмѣшательству Франціи въ американскія дѣла. Сѣверо-американская республика, занятая собственною междоусобною войною, могла поддерживать Хуареса только тайно, деньгами и совѣтами. Когда же война кончилась, президентъ Джонсонъ открыто принялъ сторону мексиканской республиканской партіи. Генералъ Базенъ, смѣнившій Форея, принудилъ Хуареса скрыться въ Техасъ, но это не поправило дѣла: побѣды сѣверянъ отозвались въ Мексикѣ поднятіемъ духа независимости и увеличеніемъ числа сторонниковъ Хуареса; не поправили дѣла и грозныя прокламаціи Базена, осуждавшія всѣхъ плѣнниковъ, захваченныхъ изъ республиканскаго лагеря, на смертную казнь. Наконецъ, изъ Вашингтона дали знать Наполеону III, что

онъ долженъ удалить французскія войска изъ Мексики, если не хочетъ воевать съ Соединенными штатами.

Во Франціи мексиканская экспедиція произвела впечатлѣніе всеобщаго раздраженія, какъ совершенно безцѣльная и непроизводительная трата народныхъ силъ. Оппозиція рѣзко порицала внѣшнюю политику Второй имперіи и въ печати, и въ законодательномъ корпусѣ. Наполеонъ, видя, что обаяніе его имперіи начинаетъ сильно падать, поспѣшилъ заключить съ Максимиліаномъ новый договоръ, по которому Мексиканскій императоръ лишался поддержки со стороны Франціи и обязывался уплачивать Франціи часть доходовъ страны для покрытія экспедиціоннаго долга. Напрасно Максимиліанъ напоминалъ Базену объ іюльскомъ договорѣ 1864 года, въ силу котораго французскія войска должны были оставаться въ Мексикѣ до 1868 года; напрасно императрица Шарлотта, отправившись въ Парижъ, лично умоляла Наполеона, передъ которымъ встала на колѣни. Наполеонъ остался непреклоненъ и не отмѣнилъ своихъ распоряженій.

Съ удаленіемъ французскихъ войскъ Мексика постепенно стала переходить во власть республиканцевъ. Максимиліанъ, запертый войсками Хуареса, принужденъ былъ войти въ переговоры съ бывшимъ президентомъ, но этотъ послѣдній ничего не отвѣтилъ на сдѣланныя ему предложенія. Скоро крѣпость была взята; императоръ, захваченный въ плѣнъ, былъ преданъ военному суду, который, несмотря на всѣ старанія европейскихъ дипломатовъ, обвинилъ его въ государственномъ заговорѣ, въ захватѣ престола, въ безчеловѣчномъ обращеніи съ защитниками республики и приговорилъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Въ іюлѣ 1867 года, при неистовыхъ крикахъ толпы „libertas y independencia“, кончилъ жизнь свою, пронзенный республиканскими пулями, императоръ Максимиліанъ.

ГЛАВА XXIII.

Національное объединеніе Германіи и Австро-Прусская война 1866 года.

Отношенія Австріи и Пруссіи къ общегерманскимъ вопросамъ.—Внутренняя политика Австріи.—Отто ф. Бисмаркъ.—Его біографія.—Конфликтъ съ либеральной партіей.—Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ.—Экзекуціи противъ Даніи.—Австро-Прусскій союзъ.—Вѣнскій миръ и его послѣдствія.—Война 1866 года.—Сраженіе при Кениггрецѣ.—Прелиминарныя Никольсбургскія условія и Пражскій миръ.—Сѣверо-Германскій Союзъ.

Вслѣдъ за объединеніемъ Италіи, подготовлялось рѣшеніе и другаго вопроса общеевропейской важности, именно вопроса о новомъ государственномъ устройствѣ Германіи, неудачно поднятаго еще въ 1848 году. Нѣмецкій народъ, раздробленный между нѣсколькими крупными и мелкими государствами Германскаго Союза, подъ вліяніемъ охватившей его идеи національнаго единства, настоятельно требовалъ преобразованія Германскаго Союза въ общенаціональное нѣмецкое государство. Мы уже видѣли, какъ различны были въ этомъ вопросѣ роли двухъ первенствующихъ нѣмецкихъ государствъ—Австріи и Пруссіи. Первая всѣми мѣрами старалась помѣшать развитію общенаціональной нѣмецкой идеи; Пруссія же издавна была проникнута сознаніемъ общенѣмецкой національной задачи и уже успѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ на поприщѣ этого вопроса.

Австрійское правительство, вытѣсненное изъ Италіи послѣ ударовъ 1859 года, всецѣло отдалось улучшенію внутренняго устройства своей разноплеменной имперіи. Въ 1860 году былъ изданъ такъ называемый *„октябрьскій дипломъ“*, которымъ давалось самоуправленіе отдѣльнымъ короннымъ землямъ на началахъ историческаго права, съ преобладаніемъ феодальной аристократіи, а Венгріи обѣщана была конституція 1848 года. Въ слѣдующемъ, 1861 году изданъ былъ *„февральскій патентъ“*, оказавшійся столь же безплоднымъ, какъ и предъидущій. Новый патентъ объявлялъ объ учрежденіи двухъ парламентовъ—одного для нѣмецко-славянскихъ областей, а другаго, изъ двухъ палатъ,—для общихъ имперскихъ дѣлъ, съ участіемъ представителей отъ венгерскаго сейма. Венгрія не приняла предложенныхъ ей уступокъ и требовала полнаго возстановленія конституціи 1848 года. Для удобнѣйшаго соглашенія съ Венгріею, императоръ смѣнилъ министра фонъ-Шмер-

линга, замѣненнаго графомъ Белькреди, и совершилъ поѣздку въ Пештъ, чтобы лично сойтись съ главою національной венгерской партіи, Францемъ Деакомъ, и съ другими видными дѣятелями Венгріи; но никакого опредѣленнаго результата достигнуто не было. Въ сентябрѣ того-же (1865) года февральскій патентъ былъ отмѣненъ, и Венгрія осталась, по прежнему, въ положеніи оппозиціи. При такой неопредѣленности и запутанности вопросовъ внутренней политики, Австріи пришлось вступить въ борьбу съ Пруссіею за первенствующую роль среди германскихъ государствъ.

Внутреннія дѣла Пруссіи были не въ лучшемъ положеніи. Правительство короля Вильгельма I, посвятившаго всѣ свои заботы на увеличеніе и преобразованіе арміи, находилось въ полномъ разладѣ съ палатами, по поводу усиленія военнаго бюджета, въ чемъ палата депутатовъ постоянно отказывала правительству. Консервативное министерство князя Гогенлоэ вышло въ отставку въ сентябрѣ 1862 года; министромъ-президентомъ назначенъ былъ *Отто фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ*. Это былъ отважный политическій дѣятель, всецѣло преданный культу внѣшняго величія и могущества Пруссіи. До вступленія его на постъ министра-президента, нѣмецкая публика знала его какъ энергичнаго представителя идей дворянской или „юнкерской“ партіи на соединенномъ сеймѣ 1847 года. Настоящая-же политическая извѣстность Бисмарка началась съ 1851 года, когда онъ занялъ мѣсто прусскаго коммисара на союзномъ франкфуртскомъ сеймѣ. Здѣсь онъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ двуличной политикѣ Австріи въ южныхъ и среднихъ германскихъ государствахъ и „научился ненавидѣть Австрію“ [1]).

Въ одномъ изъ засѣданій бюджетной коммиссіи новый прусскій премьеръ произнесъ свои тяжеловѣсныя слова, получившія историческое значеніе: *„Не рѣчами и не рѣшеніями большинства въ парламентахъ разрѣшаются великіе вопросы вѣка, а желѣзомъ и кровью. Пруссія должна держать свои силы наготовѣ, въ ожиданіи*

[1]) Оффиціальныя его сообщенія изъ Франкфурта (обнародованныя только въ 1882 г. подъ заглавіемъ „Preussen im Bundestag“ 1851—1859) обнаружили необычайную его дальновидность, глубокую наблюдательность, тонкое пониманіе сокровенныхъ пружинъ дипломатіи и первоклассный талантъ изложенія, въ соединеніи съ ѣдкимъ остроуміемъ. Въ самомъ началѣ итальянской войны за объединеніе Бисмаркъ переведенъ былъ на постъ посла въ Петербургъ, а въ 1862 году былъ назначенъ посланникомъ къ Тюльерійскому кабинету, гдѣ имѣлъ случай изучить характеръ Наполеона III, а впослѣдствіи воспользоваться этимъ знаніемъ при разрѣшеніи своихъ политическихъ задачъ. Сдѣлавшись министромъ-президентомъ, Бисмаркъ поставилъ себѣ задачею вывести могущественную Пруссію изъ той второстепенной роли въ Германскомъ Союзѣ, что было такъ выгодно для Австріи и для мелкихъ нѣмецкихъ государствъ и такъ унизительно для Пруссіи. Съ замѣчательною энергіею онъ работалъ надъ кореннымъ измѣненіемъ политическаго положенія Пруссіи въ ряду германскихъ государствъ.

благопріятнаго момента, который нѣсколько разъ былъ уже пропущенъ. Прусскія границы неудобны для здороваго государственнаго организма". Когда палата депутатовъ, переполненная либеральными представителями, отвергла бюджетъ военнаго министерства, значительно увеличенный въ размѣрахъ, по поводу военныхъ реформъ, Бисмаркъ съ полною откровенностью заявилъ, что обой-

Бисмаркъ.

дется безъ палаты въ дѣлѣ изысканія средствъ и что онъ „будетъ брать нужныя суммы тамъ, гдѣ ихъ достанетъ". Это было время „*конфликта*"—время постоянныхъ несогласій, столкновеній и препирательствъ съ парламентомъ.

Внѣшняя политика Бисмарка, проникнутая крайнимъ милитаризмомъ, которому должны быть принесены въ жертву всѣ силы

страны, на первыхъ порахъ была непопулярна въ Германіи: спеціально-прусскіе интересы, понимаемые исключительно съ военной точки зрѣнія, не могли вдохновлять собою нѣмецкое общество. Но *Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ*, возникшій въ 1863 году, слилъ стремленія прусскаго правительства съ общенаціональнымъ чувствомъ нѣмцевъ. Въ слѣдующемъ—1864 году вопросъ этотъ превратился въ войну между Даніею, съ одной стороны, и Австріею и Пруссіею—съ другой, такъ какъ всѣ три державы принадлежали къ Германскому Союзу, что и дало этому вопросу характеръ вопроса общегерманскаго. Такимъ образомъ, война Австріи и Пруссіи противъ Даніи была ни что иное, какъ экспедиція, предписанная германскимъ сеймомъ противъ Даніи, изъ-за Шлезвигъ-Голштинскихъ герцогствъ, которыя входили въ составъ Датскаго королевства на основаніи Вѣнскаго трактата 1815 года, трактата, гарантировавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ особенное устройство герцогствъ съ характеромъ національнымъ.

Со смертью датскаго короля Фридриха VII (1863 г.), въ собственной Даніи, т. е. въ Ютландіи и островахъ, законнымъ наслѣдникомъ дѣлался Христіанъ IX, родственникъ умершаго короля по женской линіи; но въ нѣмецкихъ герцогствахъ, гдѣ право наслѣдованія переходило только къ мужскому колѣну, законнымъ преемникомъ Фридриха VII считался принцъ аугустенбургскій, который и принялъ титулъ герцога шлезвигъ-голштинскаго. Датское правительство, допуская особое управленіе только въ Голштиніи [1]) (а въ крайнемъ случаѣ отпаденіе Голштиніи отъ ея территоріи), на Шлезвигъ смотрѣло, какъ на составную часть своей территоріи, и старалось окончательно соединить его съ королевствомъ. Въ октябрѣ 1863 года, еще при жизни Фридриха VII, утверждено было парламентомъ въ Копенгагенѣ новое общее устройство для Даніи и Шлезвига. Новый король Христіанъ IX подписалъ этотъ актъ, чтобы избѣгнуть народныхъ волненій, и надѣялся на помощь Англіи и Швеціи въ случаѣ спора съ Германіею. Нѣмецкое населеніе Шлезвига, во имя идеи національнаго единства, протестовало противъ произвольныхъ присоединительныхъ мѣръ, и эти протесты нашли сильнѣйшее восторженное выраженіе во всемъ нѣмецкомъ народѣ.

Союзный германскій сеймъ, увидѣвъ въ дѣйствіяхъ Христіана IX нарушеніе національныхъ правъ Шлезвига, какъ нѣмецкаго государства, принадлежащаго къ Германскому Союзу, постановилъ

[1]) Лондонскимъ протоколомъ 1850 года было уже постановлено, что оба герцогства, въ случаѣ кончины Фридриха VII, остаются за Даніею, т. е. за преемниками Фридриха VII, но подъ условіемъ сохраненія въ нихъ самостоятельнаго управленія, при участіи датскаго и прусскаго коммиссаровъ.

занять Голштинію, въ видѣ „экзекуціи“ войсками Саксоніи и Ганновера, что̀ и было исполнено въ декабрѣ 1863 года. Пруссія, ожидавшая не такого рѣшенія въ возникшемъ вопросѣ, не могла довольствоваться пассивною ролью: она больше всего не желала возникновенія новаго самостоятельнаго государства изъ сосѣднихъ нѣмецко-датскихъ земель. И потому, возбудивъ въ союзномъ сеймѣ сомнѣнія относительно правъ принца аустенбургскаго (такъ какъ отецъ его еще въ 1852 году продалъ свое право наслѣдованія за два съ четвертью милліона таллеровъ), Пруссія совершенно неожиданно предложила Австріи дѣйствовать сообща, независимо отъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Своимъ предложеніемъ Бисмаркъ имѣлъ въ виду разорвать слишкомъ тѣсныя отношенія Австріи съ союзными правительствами, а вѣнскій кабинетъ думалъ лучше сдерживать честолюбіе Пруссіи, вступивъ съ нею въ союзъ. Прусское предложеніе было поэтому принято, и обѣ державы заявили Сейму, что онѣ сами берутъ въ свои руки защиту германскихъ правъ въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ. Новые союзники энергично взялись за дѣло. Въ началѣ января 1864 года они обратились въ Копенгагенъ съ требованіемъ немедленно отмѣнить датско-шлезвигскую конституцію 1863 года, подъ угрозою войны. Король Христіанъ IX, побуждаемый настроеніемъ своего народа и смутными надеждами на вмѣшательство другихъ европейскихъ державъ, принялъ брошенный ему вызовъ.

Прусская палата депутатовъ находила дѣйствія Бисмарка неправильными и отказала въ своемъ согласіи на заключеніе займа на военныя издержки. Оппозиція парламента однако не смущала Бисмарка. Въ концѣ января 1864 года австро-прусскія войска вступили въ Голштинію,—пруссаки, числомъ до 40,000, подъ начальствомъ принца Фридриха Карла, а австрійцы, въ количествѣ 20,000 человѣкъ, подъ командою фонъ-Габленца. Главнокомандующимъ обоими корпусами былъ назначенъ престарѣлый прусскій фельдмаршалъ Врангель. Послѣ цѣлаго ряда стычекъ, пруссаки взяли штурмомъ Дюппельскія укрѣпленія.

Британскій кабинетъ, на помощь котораго разсчитывало Датское правительство, не имѣлъ возможности оказать Даніи дѣйствительной поддержки. Наполеону III вмѣшательство въ національныя нѣмецкія дѣла представлялось невыгоднымъ, такъ какъ приходилось ссориться за-разъ и съ Пруссіей, и съ Австріей. Англійская дипломатія добилась только созванія конференціи въ Лондонѣ, которая и открылась въ апрѣлѣ этого года. Дипломатическія совѣщанія однако не привели ни къ чему, вслѣдствіе несговорчивости датскихъ представителей. Военныя дѣйствія возобновились. Принцъ

Фридрихъ Карлъ, замѣнившій стараго Врангеля, оттѣснилъ датскія войска къ островамъ и угрожалъ уже Копенгагену. При такихъ обстоятельствахъ, Христіанъ IX отправилъ посланника въ Вѣну для переговоровъ о мирѣ. Миръ былъ подписанъ въ октябрѣ 1864 года. Данія отказалась отъ Шлезвига, Голштиніи и Лауенбурга, въ пользу Австріи и Пруссіи.

Въ Вѣнскомъ трактатѣ не упомянуто было вовсе о томъ, какъ поступлено будетъ съ освобожденными герцогствами. Въ Германіи господствовала увѣренность, что теперь ничто уже не мѣшаетъ „соединенію обоихъ герцогствъ въ особое государство, подъ властью принца аугустенбургскаго". Но Пруссія имѣла другой планъ, болѣе практичный,—оставить герцогства за собою, по праву завоевателя. Послѣ удаленія австрійскихъ и части прусскихъ войскъ изъ Голштиніи, пруссаки неожиданно вернулись обратно и заняли главнѣйшіе пункты этой страны. Ганноверу и Саксоніи предложено было отозвать свои отряды и своихъ коммисаровъ, такъ какъ, по рѣшенію союзнаго сейма, экзекуція уже окончилась. Пруссія стала распоряжаться въ занятыхъ областяхъ, какъ у себя дома. Начался оживленный обмѣнъ депешъ между кабинетами вѣнскимъ и берлинскимъ. Австрійскій министръ графъ Рехбергъ, какъ слишкомъ уступчивый, былъ устраненъ и на его мѣсто назначенъ графъ Менсдорфъ. Наконецъ, въ августѣ 1865 года состоялась *Гаштейнская конвенція*, по которой управленіе Шлезвигомъ предоставлено Пруссіи, а Голштиніей—Австріи, независимо отъ правъ обѣихъ державъ на оба герцогства; сверхъ того, Лауенбургъ окончательно уступленъ прусскому королю за $2^1|_2$ милліона таллеровъ. Съ сентября установился *кондоминіумъ* или совмѣстное управленіе герцогствами, заключавшее въ себѣ обильный источникъ дальнѣйшихъ столкновеній.

Бисмаркъ, возведенный въ награду за усердную службу въ графское достоинство, не скрывалъ своей рѣшимости довести шлезвигъ-голштинскій вопросъ до войны съ Австріею. Для него было важно не столько пріобрѣтеніе Шлезвигъ-Голштиніи, сколько рѣшеніе общаго вопроса о болѣе выгодномъ для Пруссіи устройствѣ Германскаго Союза. Бисмаркъ убѣждалъ представителей второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ держаться нейтралитета въ случаѣ войны между Пруссіей и Австріей. Въ то же время подготовлялось сближеніе съ Италіей,—сначала въ области торговыхъ интересовъ, а потомъ и политическихъ [1]).

---

[1]) Договоръ между Пруссіею и Италіею, заключенный въ апрѣлѣ 1866 года, обезпечивалъ пруссакамъ содѣйствіе итальянскихъ войскъ въ войнѣ съ Австріею, а итальянцамъ—прусскую помощь для отнятія у Австріи Венеціи.

Осенью 1865 года Бисмаркъ имѣлъ свиданіе съ Наполеономъ III въ Біарицѣ и вернулся оттуда вполнѣ успокоенный насчетъ Франціи. Французскій императоръ согласился, что Пруссія должна округлить свои владѣнія въ Германіи, но онъ оставлялъ за собою право требовать за это соотвѣтственнаго территоріальнаго вознагражденія. Наполеонъ III былъ очень радъ войнѣ, ибо она давала ему возможность вмѣшаться въ критическую минуту и получить безъ всякаго риска намѣченную заранѣе добычу (а именно—лѣвый берегъ Рейна).

За исключеніемъ военнаго сословія большинство населенія въ Пруссіи и самъ король не желали открытаго разрыва съ Австріей. Королева и наслѣдный принцъ ненавидѣли Бисмарка, какъ главнаго виновника замѣшательствъ. Но заманчивые доводы министра-президента, которому удалось вселить въ короля твердую увѣренность въ побѣдѣ, увлекли Вильгельма I.

Въ началѣ 1866 года отношенія между Вѣною и Берлиномъ предвѣщали уже близкую грозу. Правительства Австріи и Пруссіи, наперерывъ другъ передъ другомъ, обращались и къ остальнымъ нѣмецкимъ государствамъ съ предложеніями дружбы и поддержки и къ союзному сейму для разрѣшенія возникшаго недоразумѣнія. Союзный сеймъ рѣшилъ, что обѣ нѣмецкія державы должны одновременно разоружиться; но это доброе пожеланіе не исполнилось.

Наполеонъ III, заручившись уже договоромъ съ Пруссіею, по соглашенію съ кабинетами лондонскимъ и петербургскимъ, сдѣлалъ обычную дипломатическую попытку для предупрежденія войны почти наканунѣ взрыва: онъ предложилъ собраться на мирную конференцію въ Парижѣ. Пруссія, Италія и союзный германскій сеймъ приняли приглашеніе, а Австрія напередъ исключила изъ круга совѣщаній всякіе вопросы о территоріальномъ или политическомъ усиленіи какой-либо изъ участвующихъ державъ. Такимъ образомъ, дипломатическій съѣздъ не могъ состояться. Играя открыто роль миротворца, Наполеонъ, находившійся уже въ договорѣ съ Пруссіею, велъ подобные же переговоры и съ Австріей, убѣждая ее добровольно уступить Венецію Италіи и указывая на прусскую Силезію, какъ на возможное пріобрѣтеніе для австрійцевъ. Вѣнскій кабинетъ дѣйствительно сообщилъ итальянскому правительству о своей готовности немедленно уступить Венецію, съ однимъ только условіемъ, чтобы въ предстоящей австро-прусской войнѣ Италія оставалась нейтральною. Министры Виктора-Эммануила не поддались искушенію. Для итальянцевъ побѣдоносная Австрія была бы во всякомъ случаѣ опасностью; притомъ

союзъ съ Пруссіею былъ уже подписанъ, а измѣнять союзникамъ было не въ обычаѣ Италіи.

Австрія, Пруссія и Италія окончили свои вооруженія. Тогда поднятъ былъ вопросъ о разоруженіи. Пруссія и Италія обвиняли Австрію, что она первая стала вооружаться и этимъ побудила ихъ къ оборонительнымъ мѣрамъ; поэтому и въ разоруженіи починъ долженъ принадлежать австрійцамъ. Австрія же торжественно увѣряла, что она никогда не нападетъ на Пруссію, а противъ Италіи, желающей завоевать Венецію, приходится ей поневолѣ держать свои войска на готовѣ.

Дѣло близилось къ развязкѣ. Австрія передала шлезвигъ-голштинскій вопросъ на разсмотрѣніе союзнаго сейма и распорядилась созвать сословныхъ представителей Голштиніи. Пруссія объявила этотъ поступокъ нарушеніемъ гаштейнской конвенціи. Генералъ Мантейфель получилъ приказаніе вновь занять Голштинію и двинулся туда съ войскомъ въ началѣ іюня. Тогда Австрія предложила своимъ германскимъ союзникамъ мобилизировать ихъ войска противъ Пруссіи, какъ нарушительницы союзныхъ постановленій. Пруссія поспѣшила принять мѣры противъ этихъ мелкихъ государствъ, а именно Ганновера, Саксоніи и курфюршества Гессенскаго. Генералъ Фогель фонъ-Фалькенштейнъ занялъ столицу Ганновера, откуда король Георгъ съ войскомъ удалился къ югу. Курфюрстъ Гессенскій былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Штеттинъ, а Кассель занятъ прусскимъ отрядомъ. Ганноверская армія, въ 18,000 человѣкъ, послѣ долгихъ блужданій, очутилась окруженною со всѣхъ сторонъ пруссаками. Ганноверцы отбили нападеніе при Лангензальцѣ, а двумя днями позже они вмѣстѣ съ своимъ королемъ сдались на капитуляцію. Столь же быстро пруссаки завладѣли Саксоніей. Отсюда, главная масса прусскихъ войскъ, около 250,000 ч., направилась въ Богемію. Саксонцы присоединились къ австрійцамъ. Австрійцы были равносильны пруссакамъ: армія ихъ, подъ общею командою генерала Бенедека, простиралась до 230 тысячъ; но прусская военная организація имѣла однако много преимуществъ передъ австрійскою. Прусское войско, благодаря всеобщей воинской повинности, было неизмѣримо интеллигентнѣе австрійской арміи, которую оно превосходило и лучшимъ вооруженіемъ (игольчатыя ружья), и боевою подготовкою, и болѣе талантливыми начальствующими лицами (Мольтке и фонъ-Роонъ).

Въ половинѣ іюня прусскія арміи перешли саксонско-богемскую границу. Австрійскій корпусъ графа Кламъ-Галласа, въ 60,000 человѣкъ, посланный навстрѣчу пруссакамъ, былъ оттѣсненъ къ Ке-

ниггрецу, гдѣ и произошло рѣшительное сраженіе 21 іюня (3 іюля). Весьма неблагопріятное въ началѣ для пруссаковъ, оно окончилось полнымъ пораженіемъ австрійцевъ, благодаря своевременному прибытію арміи кронпринца.

День Кениггреца рѣшилъ участь всей кампаніи. Отсюда прусскія войска направились съ двухъ сторонъ къ австрійской столицѣ. Въ Вѣнѣ обнаружился полный упадокъ духа. Императоръ Францъ-Іосифъ пожелалъ отдѣлаться, по крайней мѣрѣ, отъ войны въ Италіи и для этой цѣли объявилъ объ уступкѣ Венеціи Наполеону и

Мольтке.

о принятіи его мирнаго посредничества. Предполагалось, что Италія, получивъ Венецію изъ рукъ французскаго правительства, подпишетъ особый миръ, независимо отъ Пруссіи, и этимъ дастъ возможность Австріи обратить всѣ свои силы противъ болѣе опаснаго врага. Притомъ въ Вѣнѣ надѣялись на дипломатическую и даже военную помощь Франціи, въ случаѣ добровольной сдѣлки съ Италіей. Сдѣлать уступку итальянцамъ было тѣмъ легче для вѣнскаго кабинета, что военная честь Австріи была удовлетворена удачнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій въ Италіи: австрійскій главнокомандую-

щій, эрцгерцогъ Альбрехтъ, разбилъ итальянцевъ на голову при Кустоццѣ, послѣ жаркаго боя, тянувшагося цѣлый день. Однако, Италія не пошла на сдѣлку, предложенную Наполеономъ и Францемъ-Іосифомъ. Пруссія также отклонила предложеніе о перемиріи. Съ половины іюля прусская главная квартира находилась въ Никольсбургѣ, въ десяти миляхъ отъ Вѣны. Тамъ собралась вся прусская армія, численностью до 240,000 человѣкъ. Австрійскаго войска передъ столицей стояло приблизительно 130,000 человѣкъ, а при Пресбургѣ около 110,000 изъ бывшей арміи Бенедека. Пруссакамъ удалось 22-го іюля разсѣять часть австрійскаго войска при Блуменау, и въ тотъ же день заключено было перемиріе, и началась дѣятельность дипломатіи.

За два дня до прекращенія военныхъ дѣйствій между Австріей и Пруссіей, австрійцы одержали еще одну побѣду въ Италіи. Эскадра адмирала Персано, выйдя изъ Анконской гавани, встрѣтилась съ австрійской эскадрой Тегетгофа. Четырехчасовое сраженіе у острова Лиссы окончилось пораженіемъ итальянскаго флота. Когда объявлено было перемиріе, Викторъ-Эммануилъ выразилъ желаніе удержать южныя мѣстности Тироля, занятыя итальянскими войсками, и по этому поводу чуть вновь не загорѣлась война. Но, по совѣту Франціи и Пруссіи, Италія удовольствовалась Венеціей. Миръ между Австріей и Италіей былъ подписанъ въ Вѣнѣ, 3-го октября (21-го сентября). Въ октябрѣ состоялось въ Венеціи голосованіе о присоединеніи къ Итальянскому королевству, и почти все населеніе высказалось въ утвердительномъ смыслѣ.

Предварительныя условія мира между Пруссіей и Австріей были опредѣлены въ *Никольсбургѣ*, 27-го (15-го) іюля. Никольсбургскій трактатъ устранялъ Австрію отъ дальнѣйшаго участія въ Германскомъ Союзѣ, долженствующемъ получить новое государственное устройство. Королю Пруссіи предоставлялось право организовать изъ нѣмецкихъ земель, лежащихъ къ сѣверу отъ линіи Майна— сѣверо-германскій союзъ, отношенія котораго къ нѣмецкимъ государствамъ, лежащимъ южнѣе Майна, будутъ зависѣть отъ взаимнаго соглашенія. Эльбскія герцогства, т. е. Шлезвигъ и Голштинія, уступлены Пруссіи, съ тѣмъ, что въ сѣверныхъ округахъ Шлезвига населеніе должно свободно высказаться, желаетъ-ли оно обратнаго присоединенія къ Даніи. (Эта 5-я статья мирнаго договора никогда не была исполнена [1]). Кромѣ того, Австрія уплачиваетъ пруссакамъ двадцать милліоновъ таллеровъ за военныя издержки.

---

[1]) Въ 1878 году Вѣнскій кабинетъ отказался отъ всякихъ притязаній на исполненіе означенной статьи.

На этихъ основаніяхъ миръ былъ окончательно утвержденъ въ Прагѣ, 23-го (11-го) августа.

Относительно союзниковъ Австріи, Пражскій договоръ постановилъ: Кургессенъ, Ганноверъ и Нассау присоединить къ Прусскимъ владѣніямъ. Саксонія-же только номинально сохраняла свою независимость: ея военныя силы, почтовыя и телеграфныя сообщенія подчинены всецѣло прусскому королю.

Итакъ, прежній Германскій союзъ пересталъ существовать. На развалинахъ его возникъ новый *Сѣверо-Германскій Союзъ*, съ прусскимъ королемъ во главѣ. Южно-германскія государства — Баварія, Виртембергъ, Баденъ и часть Гессена, по настоянію Наполеона III, сохранили свою независимость; однако всѣ они, подъ вліяніемъ идеи національнаго нѣмецкаго единства, заключили тайные договоры съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ, на основаніи которыхъ обязались выставлять опредѣленный контингентъ войска въ случаѣ войны Пруссіи съ какою-либо иноземною державою. Въ прусской палатѣ депутатовъ правительство выступило съ весьма примирительнымъ заявленіемъ, совѣтуя предать забвенію тяжелое время „конфликта". Пруссія округлила свои владѣнія: къ ней присоединены оффиціально Ганноверъ, курфюршество Гессенское, Нассау, Франкфуртъ, Шлезвигъ и Голштинія. Первый Сѣверо-Германскій парламентъ, выбранный всеобщею подачею голосовъ, собрался въ Берлинѣ въ февралѣ 1867 года и утвердилъ всѣ сдѣланные правительствомъ расходы. Конституція союза была разработана представителями всѣхъ Сѣверо-Германскихъ государствъ и утверждена парламентомъ въ апрѣлѣ того же года.

Нѣмецкое общественное мнѣніе стало поклоняться имени *Бисмарка* съ такимъ же единодушіемъ, съ какимъ или не довѣряло, или ненавидѣло его раньше. Прусскому министру-президенту приписывалась вся заслуга національнаго объединенія посредствомъ „крови и желѣза". Бисмаркъ сдѣлался для нѣмцевъ воплощеніемъ идеи единства и могущества Германіи. Либеральная оппозиція замолкла; мирный нѣмецкій народъ превратился въ надменную, честолюбивую націю, подъ опьяняющимъ вліяніемъ прусскихъ побѣдъ.

Въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей (янв. 1885 года) князь Бисмаркъ такими словами охарактеризовалъ задачи и результаты своей политики 1866 г.: *„Хирургическая операція 1866 года*, сказалъ онъ, была необходима для уврачеванія наслѣдственнаго недуга Германіи, т. е. политической розни, такъ глубоко укоренившейся въ сердцахъ всѣхъ. Операція эта уничтожила всякіе раздоры и привела къ торжеству 1870 г. и нѣмцы стали ein einzig Volk von Bruedern".

ГЛАВА XXIV.

Европейскія событія съ 1866 года до начала Франко-Прусской войны.

Люксембургскій вопросъ.—Вражда между Франціею и Пруссіею.—Государственныя преобразованія въ Австріи.—Англія въ министерство д'Израэли и въ первое министерство Гладстона.—Восточныя дѣла: Румынія, Греція, Кандійское возстаніе и Сербія.—Партія дѣйствія въ Италіи.—Франція. Оппозиція „непримиримыхъ". Гамбетта.—Министерство Эмиля Оливье.—Гогенцоллернская кандидатура въ Испаніи.

Объединеніе Сѣверной Германіи было встрѣчено съ большимъ неудовольствіемъ во Франціи. Общественное мнѣніе страны сильно обвиняло Наполеона III въ неумѣньи предупредить и помѣшать усиленію сосѣдняго государства. Во время никольсбургскихъ и пражскихъ переговоровъ, императоръ французовъ добивался нѣкоторыхъ уступокъ отъ Пруссіи и намекалъ на необходимость вознагражденія для Франціи за ея нейтралитетъ. Такъ, французскій посланникъ представилъ графу Бисмарку проэктъ договора, по которому Франція пріобрѣтаетъ границы 1814 года со стороны прирейнскихъ областей. Но Пруссія рѣшительно отвергла этотъ проэктъ. Застигнутая врасплохъ неожиданно-быстрымъ военнымъ успѣхомъ Пруссіи, Франція, еще неуспѣвшая оправиться отъ печальныхъ результатовъ мексиканской экспедиціи, не имѣла возможности поддержать свои требованія оружіемъ. Чтобы исправить свою ошибку и вознаградить пропущенное время, Наполеонъ III, вскорѣ за Пражскимъ миромъ, предложилъ графу Бисмарку, черезъ посланника своего въ Берлинѣ, новую сдѣлку—заключить союзъ на такихъ условіяхъ, чтобы Пруссія помогла Франціи купить герцогство Люксембургъ и завладѣть Бельгіей, а прусскому правительству позволено было бы распорядиться, по своему усмотрѣнію, въ южной Германіи. Увѣренный заранѣе въ согласіи Пруссіи на предложенный проэктъ, Наполеонъ завелъ переговоры съ королемъ голландскимъ объ уступкѣ Франціи великаго герцогства Люксембургскаго за соотвѣтственное денежное вознагражденіе. Надо замѣтить, согласіе берлинскаго кабинета въ этомъ дѣлѣ было тѣмъ болѣе необходимо, что, въ силу старыхъ трактатовъ, Пруссія держала свой гарнизонъ въ крѣпости Люксембургѣ, имѣющей важное стратегическое значеніе. Къ величайшему огорченію Наполеона III, графъ Бисмаркъ *въ оффиціальной нотѣ* къ великимъ державамъ

категорически протестовалъ противъ притязаній французскаго правительства. Наполеонъ, ожидавшій видѣть въ Бисмаркѣ союзника, а не противника, принужденъ былъ заявить, что онъ отказывается отъ своего плана относительно покупки герцогства Люксембурга, но при этомъ потребовалъ и удаленія прусскаго гарнизона изъ Люксембургской крѣпости. Пруссія медлила, и война между этими великими державами казалась неизбѣжною, но она была предупреждена посредничествомъ другихъ великихъ державъ. По предложенію Россіи, весной 1867 года собралась конференція въ Лондонѣ, гдѣ и подписанъ былъ договоръ, которымъ герцогство Люксембургъ оставлено за Голландіей, въ видѣ нейтральнаго государства, подъ гарантіей великихъ державъ; прусскія же войска должны были очистить крѣпость Люксембургъ, которую опредѣлено срыть до основанія.

Съ тѣхъ поръ скрытая вражда между Парижемъ и Берлиномъ обнаруживалась въ частыхъ дипломатическихъ пререканіяхъ; она выражалась также въ лихорадочныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ, которая съ обѣихъ сторонъ считалась неминуемой. Французская дипломатія старательно слѣдила за внутренними дѣлами Пруссіи и Сѣверо-Германскаго Союза, требовала исполненія V-й статьи Пражскаго трактата относительно сѣвернаго Шлезвига и заботилась о томъ, чтобы прусское господство не переходило на югъ, за линію Майна. Это постоянное вмѣшательство Наполеона III въ нѣмецкія дѣла раздражало народъ противъ Франціи; нѣмцы привыкли видѣть въ ней главную преграду своему полному національному объединенію.

Всемірная выставка, устроенная въ 1867 году въ Парижѣ, имѣла подъ собою политическіе разсчеты. Наполеонъ, пригласивъ коронованныхъ особъ, почтить своимъ посѣщеніемъ „промышленные успѣхи“ французской націи, имѣлъ въ виду сблизиться съ государями могущественнѣйшихъ европейскихъ державъ и въ то же время удовлетворить политическое самолюбіе французовъ. Нѣкоторое сближеніе состоялось только съ Австрійскимъ императоромъ, которому въ августѣ этого года Наполеонъ III отдалъ визитъ на свиданіи въ Зальцбургѣ. Первый министръ Франца-Іосифа, фонъ-Бейстъ, личный врагъ Бисмарка, содѣйствовалъ поддержанію самыхъ близкихъ связей съ дипломатіею тюльерійскаго двора. На дружбу и союзъ Франціи съ Россіею Наполеону III нельзя было разсчитывать: во время выставки (іюнь 1867 г.) совершено было полякомъ Березовскимъ покушеніе на жизнь императора Александра II, и это событіе не могло усилить дружественныхъ отношеній между Франціею и Россіею, при тѣхъ недоброжелатель-

ныхъ толкахъ, какіе были вызваны преступленіемъ Березовскаго въ парижской печати и въ обществѣ.

Австрія, вытѣсненная въ 1866 году изъ Германскаго Союза, приступила въ этомъ же году къ коренному преобразованію своего государственнаго и политическаго устройства, по плану Бейста. Венгріи, наконецъ, была дана конституція 1848 года, съ графомъ Андраши во главѣ особаго венгерскаго министерства. Къ землямъ венгерской короны были приданы Семиградія и Хорватія. А въ концѣ слѣдующаго 1867 года обнародованы новые „основные государственные законы", по которымъ Австрійская имперія распадалась на двѣ половины: Цисъ-Лейтанію и Трансъ-Лейтанію, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой парламентъ и свое министерство; для общихъ же дѣлъ, т. е. иностранныхъ, финансовыхъ и военныхъ, установлено еще третье—имперское министерство. Въ Венгріи или Трансъ-Лейтаніи собирается „рейхстагъ", а въ Цисъ-Лейтаніи или собственно Австріи—„рейхсратъ"; отъ этихъ обоихъ представительныхъ собраній назначается по 60 членовъ для составленія „делегацій", обсуждающихъ общія дѣла всей имперіи. Сверхъ того, въ отдѣльныхъ областяхъ созывались земскіе сеймы, въ числѣ семнадцати. Настала эра либеральнаго законодательства въ различныхъ сферахъ общественной жизни: улучшены школьные законы, сокращено оффиціальное вліяніе духовенства, печати предоставлена значительная свобода. Такимъ образомъ, произошло превращеніе Австрійской имперіи въ *Австро-Венгерскую дуалистическую монархію*. Эти коренныя реформы въ имперіи Габсбурговъ, очевидно вызванныя внѣшними неудачами Австріи, понесенными въ 1859 и 1866 годахъ, несмотря на заботливость правительства о дѣйствительныхъ потребностяхъ и желаніяхъ своего населенія, подрывали въ корнѣ патріотизмъ австрійскихъ гражданъ, побуждая ихъ смотрѣть на военныя пораженія, какъ на способъ достигнуть законодательныхъ усовершенствованій и улучшеній въ администраціи.

Въ остальной Европѣ за этотъ періодъ времени, отъ 1866 по 1870 г., не замѣчалось крупныхъ перемѣнъ.

Въ Англіи — консервативное министерство д'Израэли, управлявшее по принципамъ чисто-либеральнымъ, занято было: 1) устройствомъ дѣлъ въ Остъ-Индіи, гдѣ кровопролитное возстаніе туземныхъ войскъ (сипаевъ) потребовало въ теченіи цѣлаго года (1857—1858) громадныхъ усилій и жертвъ со стороны Англіи и 2) Ирландскимъ вопросомъ, т. е. умиротвореніемъ Ирландіи, на основаніи удовлетворенія справедливыхъ нуждъ этого края. Глава вигской партіи, *Гладстонъ*, возобновилъ билль объ освобожденіи

ирландцевъ-католиковъ отъ десятины, собираемой въ пользу „государственной“, т. е. англиканской церкви; по его предложенію, церковные доходы въ Ирландіи должны были получить другое, болѣе правильное, назначеніе, а именно—на устройство учебныхъ учрежденій въ Ирландіи. Билль Гладстона прошелъ въ 1868 году въ палатѣ общинъ, но былъ отвергнутъ палатой лордовъ. Въ ноябрѣ того же года происходили новые парламентскіе выборы и партія Гладстона получила значительный перевѣсъ надъ партіею торіевъ. Министерство д'Израэли вышло въ отставку, и премьеромъ сдѣлался Гладстонъ.

Гладстонъ.

Изъ внѣшнихъ дѣлъ Англіи за это время слѣдуетъ упомянуть объ *Абиссинской экспедиціи*, предпринятой въ концѣ 1867 года. Абиссинскій „негусъ“ Ѳеодоръ (православнаго вѣроисповѣданія) держалъ въ заключеніи англійскаго консула и нѣсколькихъ англійскихъ миссіонеровъ. Войска сэра Чарльза Нэпира, прибывшія изъ Индіи, взяли штурмомъ крѣпость Магдалу въ апрѣлѣ 1868 года, а побѣжденный негусъ Абиссиніи застрѣлился. Послѣ него императоромъ абиссинскимъ сдѣлался Іоаннъ, нынѣ царствующій.

На Востокѣ, которымъ изъ западныхъ державъ преимущественно интересовалась Англія, положеніе дѣлъ было по прежнему пе-

чально. Турція не исполнила своихъ обѣщаній, изложенныхъ въ февральскомъ гатти-гумаюнѣ 1856 года, относительно признанія полной равноправности христіанскихъ своихъ подданныхъ съ мусульманами. Въ Сиріи, и особенно въ Дамаскѣ, турецкая администрація вызвала въ 1860 году жестокія сцены противъ тамошнихъ христіанъ, послужившія поводомъ къ вмѣшательству западныхъ державъ и къ десятимѣсячной французской оккупаціи. Вступленіе на Оттоманскій престолъ новаго султана, Абдулъ-Азиса, брата Абдулъ-Меджида (іюнь 1861 г.), мало измѣнило внутреннее состояніе Турціи. Въ Дунайскихъ княжествахъ продолжались волненія. Молдавія и Валахія, выбравшія въ 1859 году Александра Кузу своимъ господаремъ, соединились въ 1861 году въ общее государство подъ названіемъ *Румыніи*. Въ 1866 году, въ февралѣ, Куза былъ смѣненъ и вмѣсто него румынскимъ княземъ избранъ принцъ Карлъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, съ согласія Порты. Въ сосѣднемъ съ Турціею королевствѣ Эллиновъ было неспокойно. Въ 1862 году король Оттонъ, не успѣвшій проникнуться національными стремленіями своего народа, долженъ былъ лишиться престола. Греки выбрали королемъ младшаго сына англійской королевы, принца Альфреда Эдинбургскаго, а послѣ отказа лондонскаго кабинета отъ этой чести выборъ палъ на принца Георга Глюксбургскаго (мартъ 1863 года). Послѣдній постановилъ условіемъ своего согласія присоединеніе къ Греціи Іоническихъ острововъ, находившихся во владѣніи Англіи. Англійское правительство согласилось на эту уступку, что̀ сразу доставило популярность новому королю. Опасный кризисъ переживала Греція во время возстанія на островѣ *Кандіи*, тянувшагося съ 1866 по 1869 годъ. Кандіоты геройски выдерживали трудную борьбу съ турецкими войсками, разсчитывая на помощь единоплеменнаго греческаго королевства. Добровольцы, оружіе и деньги обильно прибывали изъ родственныхъ и единовѣрныхъ странъ, а въ декабрѣ 1868 г. готова была уже вспыхнуть открытая война между Греціей и Турціей. Въ дѣло вмѣшались европейскіе кабинеты. Въ началѣ 1869 года вопросъ о судьбѣ Кандіи обсуждался на конференціи въ Парижѣ, и дѣло было рѣшено не въ пользу кандійскихъ грековъ. Принципъ „цѣлости и неприкосновенности Турецкой имперіи“, провозглашенный Парижскимъ трактатомъ 1856 года, составлялъ всю основу восточной политики западныхъ государствъ; участь же народовъ, подвластныхъ турецкому произволу, мало интересовала дипломатовъ Европы. Нѣкоторое безпокойство возникло также по поводу совершившагося въ Сербіи, въ 1868 году, убійства князя Михаила

Обреновича въ Топчидерскомъ паркѣ, близь Бѣлграда [1]. Народная скупщина тотчасъ провозгласила княземъ тринадцатилѣтняго Милана Обреновича, воспитывавшагося тогда въ Парижѣ, а на время его несовершеннолѣтія назначено регентство, во главѣ котораго стоялъ Ристичъ. Перемѣна князя не имѣла для Сербіи серьезныхъ послѣдствій, и опасенія дипломатіи въ этомъ отношеніи не оправдались.

Въ *Италіи* „партія дѣйствія" вновь оживилась въ 1867 году. Генералъ *Гарибальди* снова двинулся на Римъ, имѣя въ виду довершить задачу „унитарной Италіи". Викторъ-Эммануилъ не рѣшился—ни примкнуть къ этому предпріятію, ни помѣшать его исполненію. Гарибальдійцевъ должны были остановить папскія и французскія войска, такъ какъ Наполеонъ III принялъ на себя роль защитника папскихъ владѣній, несмотря на непопулярность такой политики въ самой Франціи. Французское войско, подъ начальствомъ генерала Фальи, разбило на голову гарибальдійцевъ при Ментанѣ. „*Ружья Шасспо*", какъ выразился Фальи въ своемъ телеграфномъ донесеніи, „*дѣлали чудеса*", а именно—въ сраженіи было убито болѣе тысячи итальянцевъ, большею частью юношей, мечтавшихъ объ единствѣ и величіи отечества. Гарибальди былъ арестованъ, но вскорѣ отпущенъ на островъ Капреру.

Въ сентябрѣ 1868 года произошла революція въ *Испаніи*, послѣдняя для правительства королевы Изабеллы. Во главѣ этого революціоннаго дѣла стояли генералы Серрано и Примъ. Отправленные въ ссылку на Канарскіе острова, они тайно возвратились на родину; адмиралъ Топете со всѣмъ своимъ флотомъ присоединился къ нимъ, и всѣ большіе города, въ томъ числѣ и столица, восторженно привѣтствовали освобожденіе отъ расточительнаго управленія придворныхъ фаворитовъ. Королева Изабелла выѣхала изъ Испаніи и поселилась въ Парижѣ. Испанія превратилась въ республику.

Во Франціи вторая имперія видимо клонилась къ упадку. Дипломатическія неудачи и непослѣдовательность внѣшней политики Наполеона вообще значительно усилили *оппозицію* противъ правительства. Съ 1869 года законодательный корпусъ, состав-

---

[1]) Обвиненіе въ соучастіи въ этомъ преступленіи падало на Александра Карагеоргіевича, сына Георгія Чернаго, положившаго начало сербской независимости. По настояніямъ регентства, управлявшаго Сербіею подъ главенствомъ Ристича до совершеннолѣтія Милана (нынѣшняго сербскаго короля), князь Александръ Карагеоргіевичъ былъ преданъ суду въ Буда-Пештѣ. Приговоренный въ первой инстанціи, онъ подалъ апелляціонную жалобу и былъ оправданъ верховнымъ судомъ Съ тѣхъ поръ онъ велъ уединенную жизнь въ Венгріи, гдѣ владѣлъ большими помѣстьями. Князь Александръ скончался въ апрѣлѣ 1885 года. Сынъ его, князь Арсеній, служилъ въ войскахъ французской республики.

лявшій доселѣ послушное орудіе императорскаго правительства, оказался, при новыхъ выборахъ, переполненнымъ депутатами, принадлежащими къ партіи „непримиримыхъ“ (intransigeants). Болѣе видными руководителями этой партіи были: *Леонъ Гамбетта*, прославившійся блестящей рѣчью по поводу дѣла о постановкѣ памятника Бодэну, погибшему въ декабрьскихъ баррикадахъ 1851 года, и талантливый журналистъ—редакторъ газеты „Lanterne“, графъ Рошфоръ де-Люси. Оппозиціонныхъ депутатовъ насчитывалось уже 93 человѣка, тогда какъ въ 1857 году ихъ было всего пятеро. Тогда правительство рѣшилось нѣсколько измѣнить направленіе своей политики, чтобы привлечь на свою сторону по крайней мѣрѣ умѣренныхъ либераловъ: оно дало отставку первому министру Руэру (прозванному за близость его отношеній къ Наполеону III—„вице-императоромъ“), замѣненному Эмилемъ Оливье, которому поручено было выработать новую конституцію, обсудить ее съ сенатомъ и для окончательной санкціи предложить всему народу высказать, одобряетъ-ли страна „преобразованную“ имперію или нѣтъ. Нація, привыкшая въ такихъ случаяхъ отвѣчать голосомъ префектовъ и мэровъ, сказала, по необходимости, „да“. Правительство стало самоувѣреннѣе, и приверженцы его прониклись воинственностью. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ бывшій посланникъ въ Вѣнѣ, давнишній врагъ Пруссіи и Бисмарка, герцогъ Граммонъ. Планъ похода въ Германію былъ давно приготовленъ маршаломъ Ніэлемъ, но послѣдній не дожилъ до начала войны; преемникомъ его былъ назначенъ генералъ Лебефъ. Война съ Пруссіею казалась для Наполеона III и близкой къ нему придворной партіи вѣрнѣйшимъ средствомъ для „увѣнчанія зданія“ Второй имперіи и ея династіи. Эмиль Оливье, сначала противившійся затѣваемой войнѣ, не могъ выдержать до конца своей роли и скоро поддался салоннымъ вліяніямъ императрицы Евгеніи, руководившей придворною партіею. Опасаясь упрековъ въ непатріотичности, поддался вліянію этой партіи и ея роковой политикѣ и военный министръ, увѣрившій дворъ, что „армія готова къ войнѣ—до послѣдней пуговицы“.

Поводомъ къ войнѣ съ Пруссіею послужила кандидатура Гогенцоллернскаго принца Леопольда [1]) на Испанскій престолъ. Въ іюлѣ 1870 г. министръ-президентъ Испаніи, маршалъ *Примъ*, послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ за подходящимъ кандидатомъ на

---

[1]) Леопольдъ Гогенцоллернъ и братъ его Карлъ, нынѣшній король Румыніи—родные братья - сыновья принца Антона Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, отказавшагося еще въ 1848 г. отъ своего родоваго владѣнія Зигмарингенъ въ пользу прусскаго короля. Антонъ Зигмарингенъ скончался 5 мая 1885 года.

испанскій престолъ, задумалъ предложить вакантную корону принцу Леопольду Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ. Извѣстіе объ этомъ фактѣ было встрѣчено патріотами въ Парижѣ съ неожиданнымъ волненіемъ и вывело наружу давно созрѣвшую идею войны. Вопросъ былъ съ самаго начала поставленъ такимъ образомъ, что мирный исходъ сдѣлался невозможнымъ. Французское правительство (увидѣвъ въ этой кандидатурѣ стремленіе Пруссіи унизить Францію), не дождавшись ни свѣдѣній изъ Берлина, ни объясненій изъ Берлина, обвинило Пруссію въ честолюбивыхъ планахъ и просило прусскаго короля повелѣть принцу Леопольду не принимать предложенія, сдѣланнаго ему изъ Мадрида. Однако отреченіе принца, немедленно послѣдовавшее, не успокоило Наполеона III. Герцогъ Граммонъ поручилъ французскому посланнику въ Берлинѣ, графу Бенедетти, потребовать отъ прусскаго короля торжественнаго обѣщанія, что принцъ никогда на будущее время не приметъ испанской кандидатуры. Это требованіе, переданное французскимъ дипломатомъ лично королю Вильгельму во время прогулки его въ Эмсѣ, было уже оскорбительнымъ. Король не могъ исполнить желанія герцога Граммона и больше не принималъ посланника. При такихъ обстоятельствахъ возникла Франко-Прусская война.

ГЛАВА XXV.

Франко-Прусская война 1870—1871 г.

Объявленіе войны Франціею.—Седанская битва.—Наполеонъ III въ плѣну.—Правительство народной обороны.—Низложеніе Наполеона III.—Третья республика во Франціи.—Дипломатическій объѣздъ Тьера.—Диктатура Гамбетты.—Воздушное путешествіе Гамбетты.—Военныя распоряженія Гамбетты.—Капитуляція Меца и арміи Базэна.—Франкфуртскій миръ.—Окончательное объединеніе Германіи.—Коммуна въ Парижѣ.—Президентство Тьера.—Англія, Австрія и Германія въ эту эпоху.—Майскіе церковные законы и культурная борьба.—Процессъ гр. Арнима.—Государственный соціализмъ Бисмарка.—Брюссельская международная конференція.

Оффиціальное объявленіе войны Пруссіи послѣдовало 7-го (19) іюля, послѣ продолжительнаго совѣта министровъ въ Сенъ-Клу, въ присутствіи императора и императрицы.

Бисмаркъ, предвидя такой исходъ натянутыхъ отношеній къ Франціи, возникшихъ еще съ 1866 года, обезпечилъ содѣйствіе Пруссіи со стороны Россіи. Король Вильгельмъ весной видѣлся въ Эмсѣ съ императоромъ Александромъ II. Обоихъ государей

сопровождали дипломаты—съ одной стороны графъ Бисмаркъ, а съ другой—русскій представитель въ Берлинѣ, Убри. За прикрытіе Пруссіи со стороны Австріи въ предстоящей войнѣ графъ Бисмаркъ предложилъ Россіи пересмотръ парижскаго трактата 1856 года.

Извѣстіе объ объявленіи войны вызвало во всей Германіи сильное патріотическое одушевленіе. Черезъ 19 дней по объявленіи войны, германскія войска въ числѣ 1.180.000 чел. стояли уже на своихъ мѣстахъ вдоль французской границы. Французская же армія оказалась въ весьма печальномъ положеніи, и потому пришлось отказаться отъ широкихъ наступательныхъ дѣйствій и ограничиться обороною. Наполеонъ имѣлъ основаніе разсчитывать на поддержку Австріи, съ которою почти окончены были переговоры о союзѣ; но эта надежда исчезла вслѣдствіе заявленія Россіи, что участіе какой-либо третьей державы въ войнѣ побудитъ русское правительство нарушить свой нейтралитетъ и дѣйствовать за одно съ пруссаками. Такимъ образомъ, Пруссія могла спокойно направить всѣ свои силы противъ Франціи, чувствуя за собой надежную гарантію противъ всякаго враждебнаго вмѣшательства третьей державы.

Первое столкновеніе воюющихъ сторонъ произошло 2-го августа, при *Саарбрюкенѣ*, гдѣ французамъ удалось одержать побѣду надъ прусскимъ отрядомъ въ тысячу человѣкъ. Но въ слѣдующихъ значительныхъ сраженіяхъ: при *Виссамбурѣ*, *Вертѣ* и *Спикернѣ* французы были разбиты на-голову.

Эти неудачи заставили Наполеона сложить съ себя званіе главнокомандующаго и передать главное начальство *маршалу Базэну*. Министерство Олливье-Граммона вышло въ отставку, уступивъ мѣсто кабинету генерала Монтобана-Палликао. Но перемѣна главнокомандующаго не поправила положенія французовъ; они снова были разбиты при Коломбей-Нульи, Сенъ-Прива и Гравелоттѣ. Въ эти кровавые дни съ обѣихъ сторонъ было убито до 65 тысячъ. Базэнъ окончательно былъ отброшенъ къ Мецу. Армія Макъ-Магона, по рѣшенію военнаго совѣта (въ Шалонѣ), двинулась къ сѣверу, на выручку арміи Базэна, но нѣмецкія войска оттѣснили французовъ къ крѣпости Седанъ, гдѣ, послѣ горячаго боя, армія Макъ-Магона, поставленная въ безвыходное положеніе, сдалась на капитуляцію въ числѣ 112 тыс. (2 сент.). Наполеонъ III, находившійся при арміи, плѣнникомъ отвезенъ въ замокъ Вильгельмсгее (близь Касселя).

Побѣдители двинулись на Парижъ, гдѣ имперія фактически перестала существовать, ибо лишилась и своего основателя, и своей

единственной опоры—внѣшней силы. Уже 4-го сентября въ законодательномъ корпусѣ происходило обсужденіе внесенныхъ законопроектовъ о низложеніи династіи Бонапартовъ и о назначеніи новаго правительства, могущаго разсчитывать на общественное довѣріе. Толпы народа наполнили помѣщеніе палаты и громко требовали республики. Самый энергическій изъ членовъ оппозиціи, *Гамбетта*, уговаривалъ толпу не мѣшать занятіямъ палаты и спокойно ожидать ея рѣшеній; но общее волненіе было слишкомъ сильно, и напоръ толпы все болѣе увеличивался. Между тѣмъ распространился слухъ, что соціалистъ Бланки и его пар-

Гамбетта.

тія намѣрены водвориться въ городской ратушѣ, въ качествѣ временнаго правительства. Нельзя было болѣе терять ни минуты, нужно было предупредить анархію. Гамбетта объявилъ народу, что низложеніе Бонапартовъ—фактъ совершившійся, и что отнынѣ во Франціи существуетъ республика; затѣмъ обнародованъ былъ списокъ членовъ временнаго правительства, которое, по предложенію Рошфора, приняло оффиціальное названіе *„правительства народной обороны“*. Членами новаго правительства назначены:

Жюль-Фавръ, Гамбетта, Жюль-Симонъ, Кремье, Жюль-Ферри, Гле-Бизуэнъ, Араго, Гарнье-Пажесъ, Рошфоръ и др. Президентомъ этого временнаго правительства и въ то же время генералъ-губернаторомъ Парижа сдѣлался генералъ *Трошю*. Новое правительство съ энергіей принялось за свою задачу: для обороны города собрано было около 400,000 человѣкъ, изъ которыхъ только 78,000 регулярнаго войска. Въ виду предстоящей осады, для населенія, доходившаго до двухъ съ половиною милліоновъ, запасено было продовольствія на четыре мѣсяца; въ тѣхъ же соображеніяхъ два члена правительства, *Кремье* и *Гле-Безуэнъ*, посланы были въ Туръ, въ качествѣ полномочныхъ делегатовъ, для управленія провинціальной Франціей, въ случаѣ если столица будетъ разобщена съ провинціями. Дѣйствительно, пруссаки, окруживъ Парижъ со всѣхъ сторонъ, какъ „желѣзнымъ кольцомъ", прекратили всѣ средства сообщенія между Парижемъ и внѣшнимъ миромъ. Въ такомъ критическомъ положеніи временное правительство сдѣлало дипломатическую попытку, которая однако осталась безъ результата. Въ циркулярной нотѣ къ иностраннымъ державамъ французское правительство заявило, что послѣ паденія Второй имперіи прусскій король не имѣетъ уже основаній продолжать войну, которую онъ велъ противъ Наполеона III, а не противъ народа французскаго, по торжественному признанію самого Вильгельма I въ его прокламаціи, при вступленіи на территорію Франціи. Въ нотѣ сказано было, что, въ случаѣ продолженія войны, французы будутъ бороться по необходимости, но каковъ бы ни былъ исходъ, никогда „не уступятъ ни пяди своей земли, ни камня изъ своихъ крѣпостей". На эту ноту графъ Бисмаркъ отвѣчалъ указаніемъ на твердую рѣшимость Германіи разъ навсегда обезопасить свои западныя границы присоединеніемъ Метца и Страсбурга. Но эти тяжкія условія не были приняты въ Парижѣ. Не мало надеждъ возлагало временное правительство и на *дипломатическій объѣздъ*, предпринятый Тьеромъ для возбужденія сочувствія къ побѣжденной Франціи. Но надежды эти не получили ни малѣйшаго осуществленія. Вездѣ принимали Тьера съ почетомъ; въ Вѣнѣ графъ Бейстъ обѣщалъ устроить мирное посредничество державъ, если на это согласятся Англія и Россія; въ Лондонѣ отказывались отъ всякаго вмѣшательства и ссылались на петербургскій кабинетъ; въ Петербургѣ, гдѣ Тьеръ разсчитывалъ на давнишнія личныя отношенія съ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ, выражено было много симпатіи къ французскимъ бѣдствіямъ, но только данъ былъ благоразумный совѣтъ—вести переговоры непосредственно съ Пруссіей. Въ Италіи также нельзя

было ничего сдѣлать, и только Гарибальди откликнулся на призывъ Тьера, какъ представителя угнетенной республики.

Въ октябрѣ 1870 г. Тьеръ вернулся въ Туръ и засталъ положеніе дѣлъ совершенно измѣнившимся: *Гамбетта* былъ уже *полновластнымъ диктаторомъ* и съ необычайною энергіей управлялъ дѣлами „народной обороны". Турская делегація (Кремье и Гле-Бизуэнъ) дѣйствовала на первыхъ порахъ довольно слабо: ея правители, не вѣря въ возможность продолженія войны при полномъ отсутствіи необходимыхъ военныхъ средствъ, торопились устройствомъ выборовъ въ національное собраніе, которые и были назначены на 16-го октября. — Надо замѣтить, что рѣшеніе парижскаго правительства объ отсрочкѣ выборовъ на неопредѣленное время не дошло, по какимъ то причинамъ, до турскихъ правителей. И потому, когда въ Парижѣ получено было извѣстіе о послѣднихъ распоряженіяхъ турской делегаціи, Гамбетта тотчасъ же предложилъ отмѣнить выборы, какъ мѣру несвоевременную и пагубную для интересовъ Франціи. Населеніе Парижа не допускало мысли о производствѣ выборовъ подъ наблюденіемъ непріятеля и въ то тяжелое время, когда всѣ граждане и патріоты должны помышлять лишь о пріисканіи средствъ для упорной борьбѣ съ врагомъ. Мнѣніе Гамбетты было принято единогласно. Рѣшено послать въ Туръ новаго делегата, а именно Жюля Фавра или Гамбетту; первый отказался и послѣдній долженъ былъ взять на себя тяжелую миссію. Генералъ Трошю предупредилъ его, что помощь провинціальныхъ армій Парижу потребуется не позже второй половины ноября, такъ какъ къ этому времени сдѣлана будетъ рѣшительная попытка прорвать прусскія линіи. Выбраться изъ Парижа было однако не легко. Всѣ пути сообщенія были закрыты; оставался одинъ только путь—воздушный. Нѣсколько аэростатовъ, пущенныхъ изъ Парижа, уже погибло: одни были подстрѣлены пруссаками, другіе пропали безслѣдно, а одинъ долетѣлъ до Норвегіи. Гамбетта былъ болѣе счастливъ: воздушный шаръ, унесшій его изъ Парижа 7-го октября, благополучно пролетѣлъ, на значительной высотѣ, надъ территоріею, занятою непріятелемъ, и спустился среди лѣса, около Амьена.

По прибытіи въ Туръ, Гамбетта обнародовалъ прокламацію, въ которой горячо взывалъ къ патріотизму всѣхъ безъ различія партій. „Нѣтъ,—заявлялъ онъ—невозможно, чтобы геній Франціи поникъ навсегда, чтобы великая нація была лишена своего мѣста въ мірѣ нашествіемъ 500,000 человѣкъ. Поднимемся же всѣмъ народомъ и умремъ лучше, чѣмъ перенести позоръ раздробленія страны! Средства наши громадны. Нѣтъ недостатка въ людяхъ;

до сихъ поръ недоставало только рѣшимости, твердости и послѣдовательности въ исполненіи. Республика, вышедшая изъ права и необходимости, обращается къ содѣйствію всѣхъ и каждаго; она выдвинетъ новыхъ молодыхъ полководцевъ,—это ея традиція!" Прокламація оканчивалась словами: „да здравствуетъ республика единая и нераздѣльная". Гамбетта, принявъ на себя должность военнаго министра, формировалъ новыя арміи, назначалъ генераловъ и офицеровъ, составлялъ планы военныхъ дѣйствій и вдохновлялъ всѣхъ патріотическою энергіею и тою вѣрою, которою самъ былъ проникнутъ [1]). Раздоры партій были забыты подъ вліяніемъ общаго патріотическаго увлеченія.

Между тѣмъ, около Парижа происходили частыя сраженія. Осажденные пытались прорваться сквозь прусскія линіи, но вылазки ихъ были отбиваемы и кончались полною неудачею. Въ Парижѣ стало обнаруживаться раздраженіе противъ генерала Трошю, по поводу медленности и нерѣшительности его. Но всеобщее голосованіе, устроенное генераломъ Трошю въ Парижѣ для рѣшенія вопроса о довѣріи къ правительству и высказавшееся большинствомъ голосовъ въ пользу существующаго порядка, успокоило столичное населеніе, всѣ надежды котораго возлагались на помощь провинціальныхъ армій и распорядительность Гамбетты.

Главная провинціальная армія стояла на Луарѣ, подъ начальствомъ генерала *Ла-Моттружъ*. Она двинулась отъ Орлеана по направленію къ Парижу; но была остановлена баварскими и прусскими войсками. Гамбетта смѣнилъ Ла-Моттружа и назначилъ на его мѣсто генерала *Орелль де-Паладина*. Послѣдній направился по дорогѣ, ведущей къ Парижу, и при *Куломье* (9-го ноября) нѣмцы были побиты и отступили къ Туру. Но генералъ Орелль де-Паладинъ не съумѣлъ однако воспользоваться этою важною побѣдою: онъ не продолжалъ двигаться къ Парижу и остановился близь Орлеана, ссылаясь на недостатокъ боевыхъ припасовъ и на необходимость отдыха для войскъ. Это былъ поворотный, рѣшительный моментъ всей кампаніи; счастіе улыбнулось французамъ; но моментъ былъ пропущенъ и положеніе нѣмцевъ поправилось: армія принца Фридриха Карла [2]), освободившаяся изъ-подъ Метца, вслѣдствіе капитуляціи Базэна, форсированнымъ маршемъ направилась къ Орлеану. Капитуляція Метца и арміи Базэна произо-

---

[1]) Финансовыя средства добыты были посредствомъ займа, заключеннаго въ Англіи. Спеціальными помощниками Гамбетты были: генералъ Ловердо и полковникъ Тумасъ.

[2]) Племянникъ императора Вильгельма I; съ 1871 года носилъ званіе русскаго фельдмаршала; скончался 7 іюня 1885 г.

шла при слѣдующихъ обстоятельствахъ: маршалъ Базэнъ не могъ, а быть можетъ и не хотѣлъ прорвать „желѣзное кольцо", которымъ тѣсно окружилъ его принцъ Фридрихъ Карлъ. Правда, онъ сдѣлалъ нѣсколько вылазокъ, но всѣ онѣ были отбиты. Разсчитывая на скорое заключеніе мира, маршалъ отказался отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, чтобы обезпечить за собою впослѣдствіи руководящее вліяніе на внутреннее устройство страны, въ качествѣ начальника единственной регулярной арміи, которую имѣла бы Франція. Разсчетъ этотъ не удался, въ виду неожиданнаго продолженія борьбы подъ руководствомъ Гамбетты. Тогда Базэнъ вступилъ въ переговоры съ агентами Бисмарка и затѣмъ съ принцемъ Фридрихомъ-Карломъ. Капитуляція состоялась, и въ концѣ октября крѣпость Метцъ передана нѣмцамъ со всею арміею въ составѣ 180,000 человѣкъ, съ тремя маршалами во главѣ: Базэномъ, Канроберомъ и Лебефомъ и съ массою боевыхъ принадлежностей [1]).

Получивъ извѣстіе о сдачѣ Метца, Гамбетта обнародовалъ прокламацію, въ которой заклеймилъ Базэна именемъ измѣнника. Тѣмъ не менѣе онъ не считалъ еще дѣла проиграннымъ, возлагая надежды на Луарскую 200-тысячную армію. Гамбетта раздѣлилъ эту армію на двѣ особыя арміи—одну подъ начальствомъ генерала *Бурбаки*, а другую—подъ командою генерала *Шанзи*. Генералъ Шанзи сосредоточилъ свои силы, числомъ въ 100,000 человѣкъ, около Ле-Манса, но удалился оттуда безъ боя, подъ напоромъ нѣмецкихъ войскъ. Армія Бурбаки, въ составѣ 120,000 человѣкъ, направилась на востокъ—къ Бельфору, осажденному пруссаками. Узнавъ о движеніи Бурбаки, Вердеръ поспѣшилъ ему навстрѣчу и успѣлъ загородить французамъ доступъ къ Бельфору. Въ трехдневномъ сраженіи при *Бельфорѣ*, 15—17-го января (1871 г.), корпусъ Вердера твердо держался противъ войскъ Бурбаки. Послѣ прибытія сюда отряда Мантейфеля [2]), обѣ нѣмецкія арміи стали наступать на Бурбаки съ двухъ сторонъ, оставляя открытымъ одинъ только путь — къ швейцарской границѣ. Бурбаки хотѣлъ застрѣлиться, но только ранилъ себя. Гамбетта телеграфировалъ о назначеніи на его мѣсто генерала *Кленшана*, но было уже поздно. Перемиріе, заключенное въ то время въ Версали, не было распространено, по забывчивости дипломатовъ, на

---

[1]) За эту, небывалую въ военной исторіи, капитуляцію, маршалъ Базэнъ былъ потомъ подвергнутъ суду и приговоренъ къ смертной казни, которая замѣнена была пожизненнымъ заключеніемъ на островѣ св. Маргариты, откуда онъ бѣжалъ въ 1874 году.

[2]) Скончался въ іюнѣ 1885 г.

восточный театръ войны, и нѣмцы могли свободно тѣснить разстроенную французскую армію къ предѣламъ Швейцаріи. При Верръерѣ французы, въ числѣ 90,000 человѣкъ съ 19,000 лошадьми, перешли швейцарскую границу, гдѣ были обезоружены и распредѣлены по различнымъ кантонамъ. Послѣ пораженія арміи Бурбаки, Парижу неоткуда было ждать себѣ помощи.

Тогда Жюль Фавръ по порученію временнаго правительства вступилъ въ переговоры съ графомъ Бисмаркомъ въ Версали, и 28-го января 1871 года заключилъ *конвенцію* о сдачѣ Парижа, о трехдневномъ перемиріи, въ теченіе котораго должны состояться выборы въ національное собраніе, и объ уплатѣ Парижемъ 200 милліоновъ контрибуціи [1]).

Гамбетта, не соглашавшійся съ перемиріемъ ни въ принципѣ, ни въ его унизительныхъ для Франціи условіяхъ, вышелъ въ отставку въ началѣ февраля. Открывшееся въ февралѣ, національное собраніе въ г. Бордо избрало Адольфа *Тьера* главою исполнительной власти. Прелиминарныя условія мира подписаны были въ Версали 26-го февраля. Эльзасъ и Лотарингія должны отойти къ Германіи; крѣпость Бельфоръ, державшаяся твердо до заключенія перемирія, возвращается Франціи; военная контрибуція опредѣлена въ 5 милліардовъ; до уплаты этой суммы Франція подверглась оккупаціи нѣмецкихъ войскъ. Дальнѣйшіе переговоры велись въ Брюсселѣ, а затѣмъ во *Франкфуртѣ на-Майнѣ*, гдѣ окончательный мирный трактатъ подписанъ 10-го мая 1871 года.

Важнѣйшимъ результатомъ этой войны для Сѣверо-Германскаго Союза и ея главы было присоединеніе къ Союзу—южногерманскихъ государствъ и образованіе въ январѣ 1871 г. *Германской Имперіи* подъ властью прусскаго короля, принявшаго титулъ Императора Германскаго. Еще въ концѣ 1870 г. заключены были въ Версали договоры между Пруссіею и южными нѣмецкими государствами относительно присоединенія ихъ къ Сѣверо-Германскому Союзу. По почину баварскаго короля, *король Вильгельмъ* торжественно принялъ императорскую корону, 18-го января, въ Версали. Графъ Бисмаркъ получилъ титулъ князя и богатыя помѣстья въ Лауэнбургѣ.

---

[1]) Французское правительство, находясь долгое время въ осажденномъ городѣ, не имѣло точныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ военныхъ операціяхъ и формально забыло о существованіи арміи Бурбаки, такъ что въ договорѣ о перемиріи вовсе не упомянуто было о восточныхъ департаментахъ при опредѣленіи района, на который распространялось перемиріе. Этимъ недосмотромъ, противъ котораго рѣзко протестовалъ Гамбетта, воспользовался нѣмецкій главный штабъ для продолженія военныхъ дѣйствій противъ несчастныхъ войскъ, стремившихся мирно уйти отъ Мантейфеля и Вердера.

Сдача Парижа пруссакамъ и слухи объ измѣнѣ бордосскаго правительства произвели сильное волненіе среди національной гвардіи и столичнаго населенія. Завладѣвъ нѣсколькими десятками пушекъ и разставивъ ихъ на Монмартрѣ, національная гвардія сдѣлала воззваніе къ рабочему классу, который быстро примкнулъ къ этому движенію. Возстаніе, готовившееся къ борьбѣ съ правительствомъ, разросталось все болѣе и болѣе и дошло, наконецъ, до кровавой междоусобной борьбы. Въ Парижѣ водворилась *ком-*

Вильгельмъ.

муна. Возставшіе хотѣли разогнать національное собраніе въ Версали [1]). Раздраженіе парижанъ противъ „деревенской“ [2]) (версальской) палаты и противъ правительства Тьера выразилось со стороны коммуны въ цѣломъ рядѣ насилій и жестокостей, жертвами которыхъ сдѣлались лица, совершенно невинныя, какъ генералы Леконтъ и Томасъ, архіепископъ Дарбуа и другіе. Только въ апрѣлѣ 1871 года правительственныя войска, подъ начальствомъ

[1]) Куда оно было, послѣ заключенія мира, переведено изъ г. Бордо.

[2]) Или какъ ее иначе называли „крестьянской палаты“, состоявшей преимущественно изъ представителей землевладѣнія (les ruraux).

маршала Макъ-Магона, открыли военныя дѣйствія противъ коммунаровъ столицы. Вечеромъ 21-го мая версальская армія вступила въ городъ, гдѣ, впродолженіе шести дней, велась отчаянная борьба на улицахъ столицы, многія публичныя зданія которой были сожжены коммунарами. Изъ дѣятелей возстанія одни попались въ плѣнъ, другіе погибли въ бою, третьи разстрѣлены военнымъ судомъ или сосланы въ Новую Каледонію.

Въ концѣ августа 1871 года, по рѣшенію національнаго собранія, президентомъ республики былъ избранъ Адольфъ Тьеръ.

Тьеръ.

Благодаря громадному кредиту, которымъ пользовалась еще побѣжденная Франція, Тьеръ нашелъ возможность раньше условленнаго срока выплатить контрибуціонные милліарды и очистить страну отъ пруссаковъ. Національное собраніе, подстрекаемое роялистами, выразило желаніе возстановить монархію. Тьеръ доказывалъ, что это невозможно, ибо во Франціи существуютъ три претендента на престолъ, а тронъ только одинъ. Палата высказалась противъ Тьера, въ засѣданіи 24-го мая 1873 года, и послѣ его отставки назначила президентомъ маршала *Макъ-Магона*. Планъ монархи-

ческой реставраціи не могъ осуществиться,—отчасти вслѣдствіе нежеланія легитимнаго наслѣдника французскихъ королей, *графа Шамбора*, сдѣлать необходимыя уступки. Умѣренные либералы отстали отъ безнадежнаго дѣла и присоединились къ сторонникамъ республики. Республиканская конституція утверждена палатою въ февралѣ 1875 года.

Англія, во главѣ правительства которой въ это время стояло вигское министерство Гладстона, далеко не наслаждалась внѣшнимъ миромъ. Въ 1873 году происходила война съ ашантіями въ Африкѣ, на Золотомъ берегу, гдѣ генералъ Уолеслей успѣлъ отличиться. Острова Фиджи, по желанію населенія, присоединены къ англійскимъ владѣніямъ въ 1874 году. Шаткость парламентскаго большинства побудила Гладстона распустить палату общинъ и назначить новые выборы. Результатъ оказался неблагопріятнымъ для министерства. Новый консервативный кабинетъ составленъ въ началѣ 1874 года, подъ руководствомъ *д'Израэли*.

Въ Австріи произошла такая же перемѣна: графъ Бейстъ вышелъ въ отставку; мѣсто его занялъ графъ Андраши (1879 г). Во внутреннихъ дѣлахъ князь *Бисмаркъ* [1]) не былъ такъ счастливъ, какъ въ международной политикѣ. Германскій канцлеръ долженъ былъ прежде всего бороться съ притязаніями католической церкви, дѣйствовавшей за одно съ патріотами южно-германскихъ государствъ, мечтавшими о возвращеніи прежней независимости. При помощи министра *Фалька*, правительство парализовало дѣятельность католическаго духовенства въ области школьнаго обученія. Въ маѣ 1873 года изданы такъ-называемые *майскіе церковные законы*, дополненные позднѣйшими постановленіями о гражданскомъ бракѣ и о метрическихъ записяхъ. Первое примѣненіе майскихъ законовъ испыталъ на себѣ познанскій архіепископъ Ледоховскій: онъ былъ объявленъ лишеннымъ своего сана и подвергнутъ заключенію (1874 г.). Папа Пій IX, въ особой энцикликѣ, назвавъ внутреннюю политику германскаго императора и кн. Бисмарка „языческою", объявилъ прусскіе церковные законы недѣйствительными. Эта такъ-называемая „*культурная борьба*", предпринятая княземъ Бисмаркомъ, вызывала сильное неудовольствіе противъ Пруссіи среди нѣмецкихъ католиковъ. Въ іюлѣ 1874 года, въ Киссингенѣ произведено покушеніе на жизнь Бисмарка молодымъ ремесленникомъ католикомъ Кульманомъ.

---

[1]) Въ настоящее время кн. Бисмаркъ, кромѣ должности имперскаго германскаго канцлера, занимаетъ слѣдующія должности: министра иностранныхъ дѣлъ Имперіи, президента совѣта министровъ, министра иностранныхъ дѣлъ Пруссіи и министра торговли королевства Пруссіи.

Католическая „партія центра“, руководимая въ парламентѣ Виндгорстомъ, составляла весьма значительную силу, тѣмъ болѣе, что вліятельныя придворныя сферы поддерживали католическую оппозицію противъ самовластной политики канцлера. Многіе указывали уже на *графа Арнима*, посланника въ Парижѣ, какъ на будущаго преемника князя Бисмарка. Графъ Арнимъ дорого поплатился за свою попытку дипломатической полемики съ канцлеромъ: въ октябрѣ 1874 года онъ былъ арестованъ по обвиненію въ присвоеніи оффиціальныхъ бумагъ и присужденъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Процессъ Арнима надѣлалъ много шуму въ Европѣ. Документы, читанные на судѣ, выяснили существовавшія разногласія во взглядахъ прусскихъ дипломатовъ на внутреннія дѣла Франціи. Бисмаркъ стоялъ за установленіе республики, какъ наиболѣе безопасной для сосѣдей формы правленія, миролюбивой по природѣ и неспособной къ союзамъ въ монархической Европѣ. Графъ Арнимъ и его придворные единомышленники сочувствовали, напротивъ, французскимъ монархистамъ и поощряли ихъ усилія создать королевскій тронъ на развалинахъ имперіи.

Возстановивъ противъ себя католиковъ и придворную партію, князь Бисмаркъ пытался привлечь на свою сторону классъ рабочихъ, городскихъ и сельскихъ, которымъ обѣщалъ и важныя льготы, и капитальное улучшеніе ихъ быта. Смѣлая идея Бисмарка—превратить соціалистическую программу въ орудіе власти подъ именемъ „государственнаго соціализма“ — не встрѣтила ожидаемаго довѣрія въ массѣ народной. Нѣмецкіе соціалъ-демократы не только не увлеклись экономическими обѣщаніями канцлера, но еще сильнѣе дѣйствовали противъ всего государственнаго и хозяйственнаго строя Германіи, подъ руководствомъ такихъ вождей, какъ Бебель, Либкнехтъ, Ласкеръ и др.

Германское правительство, желая на случай будущихъ войнъ обезпечить свои арміи отъ того народнаго сопротивленія въ непріятельской странѣ, которое стоило столькихъ жертвъ въ эпоху 1870—71 годовъ, созвало съ этою цѣлью международную конференцію въ Брюсселѣ, въ іюлѣ 1874 года. По предложенію Россіи, конференція должна была заняться кодификаціей обычаевъ и правилъ военнаго времени, обязательныхъ во время сухопутной войны. Англія отказалась отъ участія въ этой конференціи, опасаясь возбужденія вопроса и о способахъ военныхъ дѣйствій на морѣ и особенно о правѣ захвата частныхъ коммерческихъ судовъ. Второстепенныя европейскія державы,—Бельгія, Швейцарія, Голландія—горячо возставали противъ германскаго проэкта, превращав-

шаго войну въ правильную дуэль между регулярными арміями и устранявшаго всякое участіе населенія въ оборонѣ страны. Труды конференціи остались безъ утвержденія и практическаго результата не имѣли. Но вообще въ Европѣ замѣтно было стремленіе упрочить миръ при помощи средствъ не столь разорительныхъ и опасныхъ, какъ непрерывныя приготовленія къ войнѣ. Подъ вліяніемъ успѣшнаго разрѣшенія Алабамскаго спора третейскимъ су-

Горчаковъ.

домъ, явилась мысль сдѣлать *третейскій судъ* обязательнымъ способомъ рѣшенія всякихъ разногласій и споровъ между государствами. Въ августѣ 1873 года англійская палата общинъ приняла составленное въ этомъ смыслѣ предложеніе *сэра Генри Ричарда*. Въ такомъ же духѣ высказались вслѣдъ за тѣмъ парламенты Италіи, Бельгіи и Голландіи, а также и конгрессъ Соединенныхъ

Штатовъ. Нѣсколько частныхъ обществъ преслѣдовало ту же цѣль,— а именно „институтъ международнаго права", „ассоціація для усовершенствованія и опредѣленія международныхъ обычаевъ", и т. д Однако миролюбивыя резолюціи парламентовъ и разсужденія ученыхъ дѣятелей на поприщѣ международнаго права не произвели существенной перемѣны въ образѣ дѣйствій правительствъ.

Военная партія въ Берлинѣ едва не вовлекла Германію въ новую войну съ Франціею, весною 1875 года. Французское національное собраніе занято было обсужденіемъ мѣръ для преобразованія и увеличенія военныхъ силъ республики. Въ этой дѣятельности французскихъ законодателей нѣмецкіе патріоты увидѣли угрозу, требующую немедленнаго отпора. Газеты подняли воинственный шумъ; нѣмецкій главный штабъ готовился къ войнѣ, и столкновеніе казалось ужъ неминуемымъ. Но черезъ двѣ недѣли газетный шумъ затихъ и волненіе улеглось;—приверженцы мира восторжествовали, при дѣятельномъ участіи дипломатовъ Англіи и Россіи. Пріѣздъ императора Александра II съ княземъ Горчаковымъ въ Берлинъ, по пути въ Эмсъ, въ маѣ того же 1875 года, закончилъ этотъ тревожный эпизодъ.

ГЛАВА XXVI.

Русско-Турецкая—Освободительная война и краткій очеркъ событій до 1881.

Герцеговинское возстаніе и Сербская война. — Берлинскій меморандумъ. — Константинопольская конференція.—Русско-Турецкая война 1877—1878 года.—Санъ-Стефанскій прелиминарный договоръ. — Берлинскій конгрессъ и берлинскій трактатъ.—Политика Биконсфильда.—Вторичное министерство Гладстона. — Вмѣшательство Англіи въ Египетскія дѣла. — Президентство Макъ-Магона и Жюля Греви.—Министерство Гамбетты.—Смерть Гамбетты.

Восточный вопросъ, лишь во внѣшней своей сторонѣ разрѣшенный парижскимъ конгрессомъ и послѣдующими дипломатическими актами, вновь вступилъ, въ 1875 году, на политическое поприще.

Гнетъ турецкой администраціи вызвалъ возстаніе между Балканскими славянами, подвластными султану. Въ 1875 году сербы, населяющіе Герцеговину и Боснію (турецкія области, сосѣднія съ Австріею), взялись за оружіе. Къ осени этого года движеніе приняло такіе размѣры, которые потребовали вмѣшательства евро-

пейскихъ державъ. Русское правительство раньше другихъ кабинетовъ пыталось умиротворить Балканскихъ славянъ путемъ дипломатическимъ. По приглашенію Россіи, великія европейскія державы сдѣлали Портѣ сообща представленія, побуждавшія султана измѣнить порядокъ вещей, существовавшій въ Герцеговинѣ и Босніи, и удовлетворить законнымъ требованіямъ мѣстнаго христіанскаго населенія; но эти настоянія остались неудовлетворенными. Въ концѣ 1875 года австрійскій министръ, гр. Андраши, составилъ проэктъ (изъ пяти пунктовъ) тѣхъ преобразованій, которыя Порта должна была обязаться передъ Европою ввести въ своихъ возставшихъ областяхъ. Проэктъ этотъ, за подписью Россіи, Австріи и Германіи, въ началѣ 1876 г. былъ переданъ турецкому правительству. Англія, хотя и возражала противъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи, но все-таки одобрила проэктъ. Съ своей стороны, инсургенты выставили собственныя условія, которыя однако не были приняты во вниманіе великими державами. Кровопролитіе продолжалось. При содѣйствіи Черногорцевъ, возставшіе Герцеговинцы нѣсколько разъ разбили войска Мухтара-паши въ Дужскомъ ущельѣ.

Тогда восточныя державы составили въ апрѣлѣ 1876 г. новый проэктъ—*„берлинскій меморандумъ“*—для умиротворенія Востока. Этотъ меморандумъ, сообщенный составителями другимъ державамъ, заключалъ всѣ не только указанія реформъ для турецкихъ христіанъ, но и тѣ принудительныя мѣры, которыя съ общаго согласія державъ должны быть примѣнены къ Портѣ, если она откажется ввести предложенныя ей реформы въ Босніи и Герцеговинѣ. Англія, чувствуя себя оскорбленною тѣмъ, что кабинеты трехъ имперій, вопреки Парижскому трактату 1856 года, распоряжаются восточными дѣлами безъ ея участія, отказалась присоединиться къ этому меморандуму. Первый министръ д'Израэли,—получившій титулъ графа Биконсфильда, послѣ провозглашенія королевы Викторіи императрицею Индіи,—не скрывалъ своей вражды и недовѣрія къ русской политикѣ. *Всѣ дѣйствія трехъ имперій, руководимыя княземъ Бисмаркомъ, клонились, повидимому, только къ тому, чтобы поссорить Россію съ Англіей.* Добродушная русская дипломатія не замѣтила этой задней мысли своихъ друзей и довѣрчиво слѣдовала за ними по такому пути, который долженъ былъ неизбѣжно привести къ англо-русской войнѣ. Въ Россіи сообразили однако во-время, что воевать надо съ турками, а не съ англичанами, и что нѣтъ никакого разсчета предпринимать борьбу съ постороннею державою, когда требуется помочь *родственнымъ балканскимъ народностямъ.*

Сочувствіе къ возставшимъ турецкимъ христіанамъ возрастало въ русскомъ обществѣ; славянскіе комитеты—Петербургскій и Московскій—собирали обильныя пожертвованія и посылали большія суммы въ Герцеговину, Черногорію и Сербію. Звѣрскія жестокости, совершенныя баши-бузуками въ Болгаріи (въ Батакѣ), подъ предлогомъ усмиренія ожидаемаго возстанія Болгаріи, возбудили негодованіе въ Европѣ и усилили въ Россіи движеніе въ пользу славянъ.

Между тѣмъ возстаніе разросталось: оно охватило и Румелію. Въ іюлѣ 1876 г. Сербія и Черногорія открыто объявили войну Турціи. Начальство надъ сербскими войсками принялъ генералъ Черняевъ, находившійся въ то время въ отставкѣ. Черняевъ *секретно* уѣхалъ въ Бѣлградъ и принялъ на себя руководство военными силами Сербіи. Вслѣдъ затѣмъ отправилось на театръ войны и множество русскихъ добровольцевъ. Такимъ образомъ, началась война Сербіи и Черногоріи противъ турокъ. Послѣ взятія турками Дюниша Россія остановила дальнѣйшія военныя дѣйствія турокъ и выставила шесть армейскихъ корпусовъ въ Бессарабіи и Малой Азіи. Въ октябрѣ, по настоянію Россіи, Порта согласилась на перемиріе, давшее возможность собраться въ Константинополѣ *международной конференціи*: 1) для опредѣленія условій окончательнаго мира съ Сербіею и Черногоріею и 2) для выработки реформъ для Босніи, Герцеговины и Болгаріи. Но турецкое правительство отвергло всѣ предложенія *Константинопольской конференціи* и она разошлась (окт. 1876 г.). Тогда великія державы подписали *протоколъ въ Лондонѣ*, которымъ выразили рѣшимость дѣйствовать сообща, чтобы добиться отъ Порты опредѣленныхъ уступокъ.

Въ Турціи произошли между тѣмъ значительныя перемѣны. Султанъ Абдулъ-Азисъ былъ низложенъ и сдѣлался жертвою заговора; во главѣ котораго стоялъ Мидхатъ-паша (май 1876 г.). Его преемникъ, Мурадъ V, царствовалъ только три мѣсяца и признанъ сумасшедшимъ. Послѣ него на престолъ Турціи вступилъ Абдулъ-Гамидъ II, нынѣ царствующій султанъ, который для удовлетворенія Европы обнародовалъ конституцію, оставшуюся, какъ и всѣ либерально-гуманные акты турецкихъ султановъ, мертвою буквою. Народная турецкая партія требовала энергическаго отпора европейскимъ притязаніямъ. Турецкое правительство отвергло Лондонскій протоколъ и сопровождавшую его *русскую декларацію*, послѣ чего манифестомъ 12-го апрѣля 1877 года Россія объявила туркамъ войну.

Русско-турецкая война продолжалась десять мѣсяцевъ. Въ концѣ апрѣля 1877 года русская армія, составленная изъ четырехъ дѣйствующихъ корпусовъ и трехъ резервныхъ, подъ глав-

нымъ начальствомъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, вступила въ подчиненное султану княжество Румынское и направилась къ Дунаю. Черезъ Дунай войска наши переправились у Зимницы, 14-го іюня, подъ руководствомъ генерала Драгомирова. Въ концѣ того же мѣсяца генералъ Гурко занялъ древнюю столицу Болгаріи, Тырновъ, и двинулся дальше черезъ Балканы; но, не поддержанный во-время главными силами русской арміи, былъ остановленъ арміей Сулеймана-паши. Русскіе отряды, забравшіеся слишкомъ далеко впередъ, должны были отступить въ нѣкоторыхъ пунктахъ, а этимъ воспользовались турки и жестоко мстили христіанскому населенію покинутыхъ мѣстъ. 7-го іюля генералъ Шильдеръ-Шульднеръ наткнулся на корпусъ Османа-паши въ *Плевнѣ*, и съ тѣхъ поръ главный интересъ кампаніи сосредоточивался около этого города, сильно укрѣпленнаго турками. Второе нападеніе на Плевну, 18-го іюля, было также неудачно. Третья неудача, 26-го—31-го августа, привела къ правильной трехмѣсячной осадѣ, которою руководилъ генералъ Тотлебенъ, подъ общимъ начальствомъ румынскаго князя Карла, присоединившагося со своими войсками къ русской арміи. Попытки овладѣть Плевною стоили жизни двадцати тремъ тысячамъ человѣкъ и доставили всемірную славу молодому полководцу *Скобелеву*, извѣстному у турокъ подъ именемъ „бѣлаго генерала“.

Въ Малой Азіи дѣйствія русскихъ войскъ были также неудачны на первыхъ порахъ. Турки, предводимые Мухтаромъ-пашою, нанесли намъ пораженіе при Зевинѣ и Кизиль-Тапѣ; но въ сентябрѣ дѣла наши поправились и послѣ пораженій Мухтара-паши при Авліарѣ и Деве-Бойнѣ (близь Эрзерума), Лорисъ-Меликову удалось взять штурмомъ крѣпость Карсъ (начало ноября).

Главная квартира русскихъ войскъ въ Болгаріи переведена была съ іюля въ Горный Студень, гдѣ находился самъ Императоръ. Около Рущука армія Наслѣдника Цесаревича отражала всѣ усилія турецкаго главнокомандующаго Мехмета-Али помочь Осману-пашѣ. Въ Балканахъ небольшой русскій отрядъ, занимавшій Шипкинскій проходъ, втеченіе недѣли выдерживалъ нападенія цѣлой арміи Сулеймана-паши, пока не явился генералъ Радецкій съ подкрѣпленіемъ. Зимнее стояніе на Шипкѣ было однимъ изъ самыхъ трагическихъ эпизодовъ войны.

Плевна пала *28-го ноября*. Османъ-паша сдался съ 47,000 человѣкъ и 77 орудіями. Критическое время прошло, и Императоръ Александръ II могъ спокойно уѣхать въ Петербургъ. Русскія войска вторично перешли черезъ Балканы въ декабрѣ, двумя колоннами,—генералъ Гурко по Орханейской дорогѣ, генералъ Радец-

кій—черезъ Трояновъ и Травнинскій проходы. Турецкій корпусъ, оставленный у *Шипки* Сулейманомъ-пашою, взятъ въ плѣнъ войсками Радецкаго. Сулейманъ отступилъ къ Филиппополю, гдѣ былъ совершенно разбитъ въ январѣ 1878 года. Передовые русскіе отряды скоро дошли до окрестностей Константинополя. Главная квартира переведена 12-го февраля въ Санъ-Стефано. Дальнѣйшее движеніе было остановлено угрозами Англіи и появленіемъ британскаго флота въ Дарданеллахъ и Босфорѣ.

Скобелевъ.

Въ февралѣ 1878 года уполномоченными Россіи и Турціи былъ подписанъ въ городкѣ Санъ-Стефано (близь Константинополя) *прелиминарный договоръ о мирѣ*, по которому Порта согласилась: 1) признать окончательно независимость Черногоріи, Сербіи и Румыніи, 2) Болгарія должна образовать автономное княжество, въ сюзеренной зависимости отъ Турціи; граница его на югѣ должна простираться до Салоникъ, 3) преобразованія, указанныя Константинопольскою конференціею, должны быть немедленно введены въ Босніи и Герцеговинѣ, 4) размѣръ военной контрибуціи въ пользу Россіи опредѣленъ въ суммѣ 1,410 милліоновъ руб.; но русское

правительство, взамѣнъ большой части этой суммы, именно 1,100 милліоновъ рублей, пріобрѣтало отъ Турціи: на Балканскомъ полуостровѣ—Тульчинскій санджакъ съ правомъ обмѣнять его на ту часть Бессарабіи, которую она уступила Румыніи по Парижскому трактату 1856 года; въ Азіи—Ардаганъ, Карсъ, Батумъ, Баязидъ и территорію до Саганлуга.

Санъ-Стефанскій договоръ вызвалъ крайнее неудовольствіе въ Западной Европѣ. Вслѣдствіе энергическихъ возраженій Англіи, подкрѣпленныхъ военными мѣрами, и обвиненій со стороны Австро-Венгріи въ неисполненіи Россіею обязательствъ, принятыхъ ею до войны и во время войны,—едва не возникла новая война между Россіею и Англіею. Благодаря посредничеству Германіи, разрыва не произошло. Германія предложила созваніе конгресса въ Берлинѣ для пересмотра Санъ-Стефанскаго договора и для обсужденія условій окончательнаго мира между Россіею и Турціею. Предложеніе это исходило изъ того обстоятельства, что постановленія Парижскаго трактата 1856 года, измѣняемыя договоромъ Санъ-Стефанскимъ, могутъ быть *измѣнены* только съ общаго согласія великихъ державъ, подобно тому, какъ это было въ 1871 году, когда были уничтожены статьи Парижскаго мира, ограничивавшія права Россіи, по отношенію къ Черному морю.

Берлинскій конгрессъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Бисмарка (называвшаго себя въ этой роли „честнымъ маклеромъ"), выработалъ въ теченіе одного мѣсяца (съ 13-го іюня по 13-е іюля 1878 года) такъ называемый *Берлинскій трактатъ*, долженствовавшій служить основою новаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Подписанный представителями Россіи, Германіи, Австріи, Великобританіи, Франціи, Италіи и Турціи, онъ значительно ограничилъ результаты русско-турецкой войны. Главнѣйшія постановленія Берлинскаго трактата были слѣдующія: 1) Черногорія признана независимымъ княжествомъ и владѣнія ея увеличены, но пользованіе присоединеннымъ къ ней портомъ Антивари и прилегающимъ морскимъ участкомъ было значительно ограничено; 2) Румынія и Сербія также признаны независимыми отъ Порты и получили территоріальные придатки; 3) княжество Болгарія не удержало тѣхъ границъ, которыя были назначены Санъ-Стефанскимъ договоромъ: Болгарія была раздѣлена на двѣ половины—на *княжество Болгарское* съ двумя милліонами жителей и на *Восточную Румелію*, остающуюся подъ непосредственною политическою и военною властью султана, но съ широкою мѣстною автономіею и христіанскимъ генералъ-губернаторомъ. Границею между обѣими странами должны служить Балканы. Къ Греціи отошла часть Өессаліи

и Эпира; 5) Россія пріобрѣла отъ Румыніи часть Бессарабской области; отъ Турціи отошли къ Россіи—Ардаганъ, Карсъ и Батумъ, объявленный „по преимуществу коммерческимъ порто-франко". Всѣ другія земли, уступленныя Россіи по договору въ Санъ-Стефано, возвращены Оттоманской имперіи; 6) Боснія и Герцеговина отданы въ управленіе Австро-Венгріи; 7) Персіи уступлены городъ и область Котуръ; 8) въ Болгаріи долженъ былъ оставаться русскій оккупаціонный караулъ, въ теченіи девяти мѣсяцевъ, для устройства дѣлъ въ княжествѣ. На этихъ условіяхъ былъ подписанъ окончательный мирный договоръ между Турціею и Россіею. (По окончаніи оккупаціоннаго срока русскія войска очистили Восточную Румелію и Болгарское княжество; народное болгарское собраніе избрало своимъ княземъ Александра Баттенберга, сына Александра Гессенскаго отъ морганатическаго брака съ графиней Гауке).

Кромѣ территоріальныхъ измѣненій, Берлинскій трактатъ опредѣлилъ тѣ мѣры, которыя должны быть приняты Портою для улучшенія положенія оставшихся подъ ея властью христіанъ и за примѣненіемъ которыхъ будутъ наблюдать великія державы. Онъ провозгласилъ свободу судоходства по Дунаю, отъ Желѣзныхъ Воротъ до устья, гарантіей которой должны служить срытіе крѣпостей на этомъ пространствѣ и запрещеніе плавать отъ Желѣзныхъ Воротъ внизъ по теченію рѣки военнымъ судамъ. Всѣ постановленія Парижскаго трактата 1856 года, неотмѣненныя настоящимъ актомъ и Лондонскимъ договоромъ 1871 года, подтверждены.

Добившись на Берлинскомъ конгрессѣ значительныхъ уступокъ со стороны Россіи, лордъ Биконсфильдъ сосредоточилъ вниманіе своей политики: 1) на укрѣпленіи власти англичанъ въ Индостанѣ, чего онъ думалъ достигнуть, между прочимъ, возведеніемъ Индіи на степень Имперіи; 2) ему удалось обезпечить вліяніе Англіи надъ Египтомъ посредствомъ пріобрѣтенія большинства акцій Суэзскаго канала, 3) онъ достигъ у Турціи уступки острова Кипра и 4) предпринялъ экспедицію противъ зулусовъ. Въ этомъ послѣднемъ предпріятіи онъ потерялъ нѣкоторую долю своей популярности, пріобрѣтенной во время Берлинскаго конгресса, на которомъ онъ игралъ роль настоящаго героя. Новые парламентскіе выборы, подъ вліяніемъ горячихъ рѣчей Гладстона противъ „расточительной политики" Биконсфильда, окончились въ пользу вигской партіи (1880 г.). Лордъ Биконсфильдъ принужденъ былъ выдти въ отставку и уступить свое мѣсто главѣ виговъ—Вильяму Глад-

стону [1]). По предложенію его, изданъ былъ новый аграрный законъ для Ирландіи, который обезпечивалъ ирландскихъ фермеровъ отъ произвола землевладѣльцевъ (ландлордовъ); но и эти мѣры не успокоили Ирландію. Внѣшняя политика министерства Гладстона была еще болѣе успѣшна, чѣмъ внутренняя. Весною 1882 г. Англія вмѣшалась въ дѣла Египта, гдѣ съ титуломъ вице-короля правитъ Тевфикъ-паша, преемникъ Измаила-паши. Туземные патріоты, руководимые Араби-пашею, подняли возстаніе съ цѣлью освободить страну фараоновъ отъ англійскаго вліянія и вообще отъ европейскихъ поселенцевъ. Послѣ умерщвленія значительнаго числа европейцевъ въ Александріи, британская эскадра бомбардировала этотъ городъ; а сухопутная армія, подъ начальствомъ Уолеслея, высадилась на берегъ и разгромила войска Араби-паши при Тель-эль-Кебирѣ. Съ этихъ поръ Египетъ совершенно подчинился Англіи,

Биконсфильдъ.

[1]) Это вторичное министерство Гладстона продолжалось до іюня 1885 г.: оно смѣнилось торійскимъ кабинетомъ, въ которомъ премьеромъ сдѣлался глава торіевъ — маркизъ Сальсбюри, а важнѣйшіе министерскіе портфели получили Рандольфъ Черчиль и Нортскотъ.

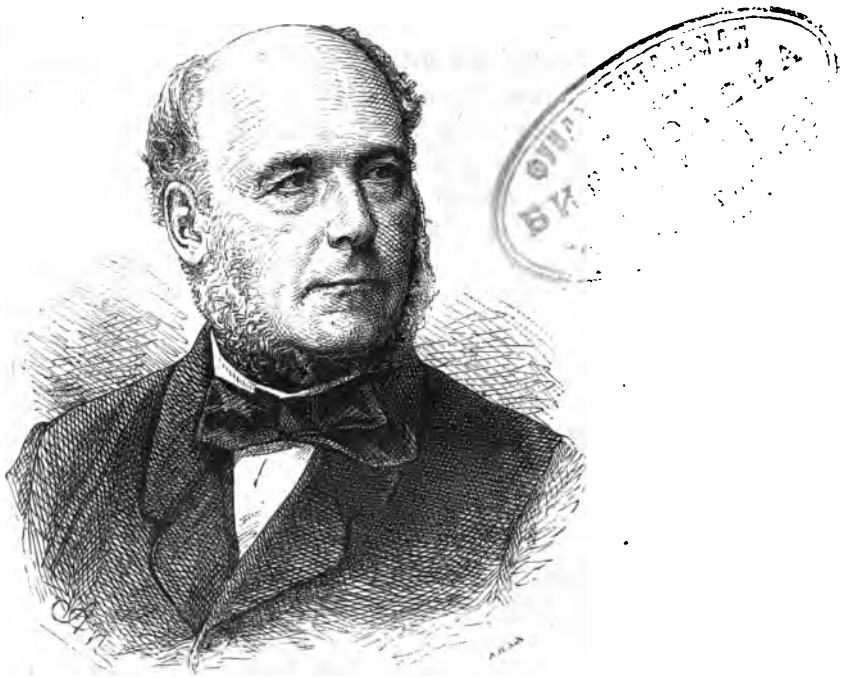
которая стала править этою страною посредствомъ своего коммиссара—лорда Дюфферина (нынѣ вице-король Индіи—послѣ лорда Рипона). Тевфикъ-паша сохраняетъ за собою власть только по имени [1]).

Во Франціи—маршалъ Макъ-Магонъ, избранный въ президенты республики на семь лѣтъ (септеннатъ), т. е. 1880 года, не могъ сохранить до окончанія срока своей высокой роли. Въ январѣ 1879 года возникли пререканія между президентомъ и министерствомъ Дюфора-Марсере, по поводу требованія послѣднимъ удалить въ отставку трехъ корпусныхъ командировъ, которыхъ и большинство національнаго собранія, руководимаго энергическимъ и талантливымъ Гамбеттою, подозрѣвало въ пристрастіи къ монархизму вообще и къ бонапартизму въ особенности. По республиканской конституціи президентъ могъ бы распустить національное собраніе, но для такого распоряженія необходимо согласіе сената, который къ этому времени имѣлъ уже составъ вполнѣ республиканскій и вѣроятно не далъ бы своего согласія на распущеніе національнаго собранія. Предсказаніе Гамбетты, что Макъ-Магонъ долженъ „подчиниться или выйти въ отставку", вполнѣ оправдалось. Президентъ республики подчинился желанію большинства французскихъ избирателей, а затѣмъ, въ концѣ 1879 года, отказался отъ своей высокой должности. На его мѣсто избранъ президентомъ *Жюль Греви*, въ общемъ собраніи палаты депутатовъ и сената. Палата депутатовъ избрала своимъ предсѣдателемъ Гамбетту, на мѣсто Греви.

---

[1]) Послѣ ссылки Араби-паши на островъ Цейлонъ, затруднительное положеніе Египта нисколько не улучшилось, несмотря на помощь, оказанную Англіею Тевфику-пашѣ. Поднялось возстаніе въ Суданѣ подъ предводительствомъ одного мусульманскаго дервиша, принявшаго на себя званіе махди, т. е. посланника Аллаха. До 1881 г. Магометъ-Ахметъ (такъ звали суданскаго махди) пользовался въ Суданѣ лишь славою святаго миробута, но съ этого года онъ открыто выступилъ въ качествѣ религіознаго и политическаго дѣятеля: онъ увѣдомилъ всѣхъ шейховъ и дервишей страны, что ему предсталъ Магометъ и возложилъ на него, именемъ Аллаха, великую миссію—возстановить чистоту ислама, установить равенство между всѣми мусульманами и основать изъ Судана независимое отъ Египта государство. Въ Кордофанъ, куда махди бѣжалъ отъ преслѣдованій египетскихъ властей, онъ собралъ джемму (народное собраніе), отрекся признавать власть хедива и открыто началъ дѣло возстанія, принявъ званіе махди Неудачи египетскихъ войскъ, отправленныхъ въ Суданъ и Кордофанъ подъ начальстномъ Гикса-паши, а потомъ Беккера-паши, сильно обезпокоилъ и покровительствующую Египту Англію: въ началѣ мая 1884 года на усмиреніе возстанія съ значительными силами и большими матеріальными средствами двинулся генералъ Гордонъ, но онъ былъ запертъ суданцами въ г. Хартумѣ, гдѣ и погибъ. На выручку Гордона съ новыми силами двинулся генералъ Уолеслей, но ему не удалось подавить возстанія, которое стало ослабѣвать лишь послѣ смерти махди, умершаго отъ черной оспы въ іюнѣ 1885 г. близъ г. Омдурмана. Передъ смертью онъ передалъ своему племяннику Абдуллу свой мечъ, какъ эмблемму представительства власти, завѣщавъ продолжать борьбу съ христіанами за освобожденіе своего края.

Происшедшій переворотъ едва-ли можно считать за случайное явленіе, переворотъ этотъ былъ логическимъ послѣдствіемъ постоянно усиливающихся симпатій французской націи къ республиканской формѣ правленія. Съ тѣхъ поръ во Франціи водворился прочный государственный порядокъ. Правительство для упроченія республики приняло рядъ строгихъ мѣръ противъ іезуитовъ и клерикаловъ, участвовавшихъ во всѣхъ монархическихъ заговорахъ. Весною 1881 года, вслѣдствіе волненій въ Алжирѣ, поддерживаемыхъ сосѣднимъ Тунисомъ, устроена экспедиція въ эту страну,



Греви.

для прекращенія арабскихъ набѣговъ, безпокоившихъ также тунисскаго бея. Въ результатѣ *Тунисъ* превратился фактически во французскую колонію.

Въ концѣ 1881 года образовалось *министерство Гамбетты*; но оно продолжалось только $2^1/_2$ мѣсяца,—до конца января 1882 года, такъ какъ Гамбетта открыто обнаруживалъ стремленія къ политикѣ „реванша“ (возмездія), чего опасалось еще мирное населеніе страны. Послѣ отставки Гамбетта вскорѣ скончался, совершенно неожиданно отъ случайнаго выстрѣла (въ ночь на 1-е

января 1883 года). Французскій народъ искренно оплакивалъ своего лучшаго гражданина, который пользовался симпатіями во всемъ образованномъ мірѣ.

Тотчасъ послѣ смерти Гамбетты приверженцы имперіи сдѣлали попытку возвратить Францію къ старымъ порядкамъ. Принцъ Жеромъ Наполеонъ выступилъ 15-го января съ манифестомъ, за который былъ подвергнутъ аресту. Палата приняла законъ, направленный противъ членовъ царствовавшихъ во Франціи фамилій, по которому всѣ „принцы" и „герцоги", находившіеся на службѣ въ республиканскихъ войскахъ, были отрѣшены отъ своихъ должностей. Дальнѣйшихъ послѣдствій эта попытка не имѣла.

Въ Германіи смерть Гамбетты была встрѣчена, какъ залогъ мира. Еще раньше опасаясь осуществленія *политики реванша*, Германская Имперія заключила формальный союзъ съ Австріей въ Вѣнѣ (осенью 1879 г.), на случай если бы Франція сблизилась съ Россіею. Союзный договоръ былъ подписанъ на пять лѣтъ.

ГЛАВА XXVII.

Обзоръ царствованія Императора Александра II [1]).

Императоръ Александръ Николаевичъ вступилъ на престолъ 19-го февраля 1855 года, при чрезвычайно трудныхъ обстоятельствахъ. Война съ европейскою коалиціею истощила средства и силы Россіи; на ряду съ внѣшними врагами, давали себя чувствовать все сильнѣе тѣ внутренніе недуги, отъ которыхъ издавна страдалъ русскій народъ. Продажность и невѣжество мелкаго чиновничества, безпечность высшихъ сословій, вскормленныхъ крѣпостнымъ правомъ, господство произвола въ администраціи—все это выступило рѣзко и наглядно при громѣ внѣшней борьбы, при свѣтѣ севастопольскаго зарева. Россія была побѣждена не столько арміями и флотами непріятелей, сколько своимъ собственнымъ строемъ, безжизненнымъ внутри и обманчиво грознымъ извнѣ.

Задача новаго Государя была ясна; она была вполнѣ опредѣленно указана уже въ манифестѣ о вступленіи его на престолъ. Прежде всего былъ заключенъ миръ и подписанъ трактатъ 18-го

[1]) Статья эта, составленная г. Слонимскимъ, перепечатывается безъ малѣйшихъ измѣненій съ прежняго изданія.

марта 1856 года. Немедленно затѣмъ началась работа внутренняя, направленная къ обновленію устарѣлыхъ порядковъ и къ излеченію старинныхъ язвъ, губительная сила которыхъ обнаружилась столь ярко во время несчастной войны.

Сначала намеками, а потомъ уже прямо заявлена была рѣшимость покончить съ крѣпостнымъ правомъ и возвратить крестьянству древнія его права, какъ личныя, такъ и поземельныя. Крѣпостное право держалось еще, благодаря искусственной системѣ, обезсиливавшей государство. Вопросъ объ освобожденіи назрѣвалъ уже съ прошлаго столѣтія, по крайней мѣрѣ въ сознаніи лучшихъ людей; онъ возникъ одновременно съ освобожденіемъ дворянства отъ обязательной службы, ибо только интересами этой послѣдней оправдывалось право дворянъ на владѣніе помѣстьями и поселенными въ нихъ людьми. Отмѣна крѣпостнаго права запоздала на цѣлое столѣтіе, и устраненіе этой исторической несправедливости взялъ на себя Императоръ Александръ II.

„Положеніе 19-го февраля 1861 года“ и слѣдовавшіе за нимъ указы относительно государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ обезпечили личную свободу и отчасти также поземельный бытъ 52-хъ милліоновъ населенія, изъ которыхъ двадцать три милліона освобождены изъ-подъ помѣщичьяго ярма, съ земельнымъ надѣломъ и наложеніемъ на нихъ выкупныхъ платежей въ пользу бывшихъ владѣльцевъ крестьянской земли, при посредствѣ государственнаго казначейства.

Крестьянская реформа совершилась при дѣятельномъ и живомъ участіи всего общества и литературы. Небывалое одушевленіе, вызванное достопамятнымъ рескриптомъ 20-го ноября 1857 года на имя генералъ-губернатора Назимова, сопровождало работы губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ комиссій; оно продолжалось послѣ великаго акта 19-го февраля и достигло своего апогея ко времени обнародованія основныхъ началъ судебной реформы (29-го сентября 1862 года).

Наиболѣе видными дѣятелями крестьянскаго дѣла были: Я. И. Ростовцевъ, графъ Ланской, князь Черкасскій, Юрій Самаринъ и Н. А. Милютинъ.

Россія зажила какъ будто совершенно новою жизнью; передовые люди заговорили о „гигантскихъ шагахъ по пути прогресса“, о свободѣ совѣсти и печати, о мѣстномъ самоуправленіи, о важности кредита и банковъ, о широкомъ промышленномъ развитіи, о биржахъ и акціонерныхъ компаніяхъ. Общественное возбужденіе получило отчасти неправильный лихорадочно-промышленный характеръ, подъ вліяніемъ растерявшейся массы помѣщиковъ, очутив-

шихся внезапно въ положеніи свободныхъ обладателей значительныхъ „выкупныхъ“ суммъ. Желѣзныя дороги и телеграфы строились энергически при содѣйствіи частныхъ капиталовъ, по общему правительственному плану; указы о первой желѣзнодорожной сѣти, о городскихъ общественныхъ банкахъ, о телеграфномъ управленіи и о новомъ общемъ тарифѣ по европейской торговлѣ способствовали промышленному оживленію, возбуждавшему самыя розовыя и отчасти фантастическія надежды.

Александръ II.

Законодательная дѣятельность была въ полномъ разгарѣ; готовились заразъ двѣ важныя реформы—земская и судебная. Вспыхнувшее въ 1863 году польское возстаніе не ослабило реформаторскаго движенія и побудило только къ скорѣйшему устройству крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ съ обязательнымъ для помѣщиковъ выкупомъ. Указомъ 17-го апрѣля 1863 года отмѣнены тѣлесныя наказанія и наложеніе клеймъ по судебнымъ приговорамъ. Въ іюнѣ того же года изданъ новый уставъ объ университетахъ, давшій имъ корпоративное устройство и значительную сте-

пень автономіи. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 года ввело у насъ мѣстное самоуправленіе на довольно широкихъ началахъ и исключило область мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія администраціи. Въ томъ же 1864 году вышли указы объ устройствѣ быта крестьянъ въ царствѣ Польскомъ, о взаимномъ земскомъ страхованіи, о начальныхъ народныхъ училищахъ и, наконецъ, судебные уставы 20-го ноября.

Введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій, основанныхъ на принципѣ гласности, заключаетъ собою эпоху крупныхъ реформъ прошлаго царствованія. Дальнѣйшіе законодательные акты, до конца шестидесятыхъ годовъ, служили болѣе или менѣе послѣдовательнымъ развитіемъ и примѣненіемъ началъ, положенныхъ въ основу главныхъ реформъ,—*крестьянской*, *земской* и *судебной*.

Въ 1865 году значительная часть печати освобождена отъ предварительнаго цензурнаго контроля, съ установленіемъ для періодическихъ изданій особой системы предостереженій и пріостановокъ, по образцу французскаго закона временъ второй имперіи. Примѣненіе начала земскаго самоуправленія къ городамъ состоялось только въ 1870 году, обнародованіемъ новаго городоваго положенія. Въ томъ же году, подъ вліяніемъ франко-прусской войны, указомъ 5-го ноября признана обязательность прямаго участія въ отправленіи воинской повинности для всѣхъ вообще сословій въ государствѣ; выработанный по этому принципу *уставъ о воинской повинности* вышелъ въ началѣ 1874 года и поставилъ у насъ на твердую почву начало равноправности всѣхъ и каждаго предъ лицомъ государственной власти. Военный министръ *Д. А. Милютинъ* былъ вообще однимъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ реформаторовъ прошлаго царствованія; онъ преобразовалъ армію въ современномъ духѣ и поставилъ военно-учебныя заведенія въ уровень съ потребностями научнаго воспитанія.

Въ области международной политики царствованіе императора Александра II отличалось миролюбіемъ, сдержанностью и постоянствомъ, сохраняя пассивную роль Россіи въ Европѣ до столкновенія Пруссіи съ Франціей въ 1870 году и исподоволь расширяя авторитетъ русскаго оружія на отдаленномъ Востокѣ, въ Средней Азіи. Россія отказалась отъ прежней своей безпокойной „охранительной“ миссіи по отношенію къ Европѣ и „собиралась съ силами“, по выраженію князя Горчакова, для уничтоженія печальныхъ слѣдствій севастопольскаго погрома. Въ 1871 году, при содѣйствіи Германіи, отмѣнены статьи парижскаго трактата, ограничивавшія права Россіи относительно Чернаго моря; этотъ результатъ былъ однако купленъ дорогою цѣною—созданіемъ могу-

щественной военной имперіи въ сосѣдней Германіи и разгромленіемъ Франціи.

При участіи нѣмецкой дипломатіи, появились „черныя точки“ въ видѣ восточныхъ усложненій; эти усложненія заставили Россію вступиться за интересы родственныхъ балканскихъ народностей, и послѣ неудачной сербской кампаніи, послѣ цѣлаго ряда безуспѣшныхъ дипломатическихъ попытокъ, объявлена была война съ Турціею манифестомъ 12-го апрѣля 1877 года (см. выше въ главѣ

Д. Милютинъ.

XXVI). Война затянулась, встрѣтила неожиданныя задержки и обнаружила нѣкоторыя нежелательныя особенности военнаго хозяйства и управленія, вслѣдствіе чего вниманіе къ угнетеннымъ славянамъ направилось временно въ другую сторону; но препятствія были побѣждены мужествомъ и выносливостью русской всесословной, преимущественно крестьянской арміи. Военныя силы Турціи были сломлены послѣ упорнаго сопротивленія, и русскія войска дошли уже почти до самыхъ стѣнъ Константинополя, когда вмѣшалась, наконецъ, дипломатія. Война прекратилась; въ Санъ-Сте-

фано заключенъ предварительный мирный договоръ, который впослѣдствіи былъ замѣненъ берлинскимъ трактатомъ, составленнымъ на общемъ конгрессѣ европейскихъ державъ въ Берлинѣ.

Единственная война, предпринятая нами въ Европѣ въ царствованіе императора Александра II, окончилась успѣшно, хотя она обошлась неизмѣримо дороже, чѣмъ ожидали патріоты, стремившіеся къ спасенію славянъ. Что касается азіятскихъ дѣлъ, то, начиная съ взятія Ташкента генераломъ Черняевымъ въ 1865 году, русскія войска часто посылались въ степи Средней Азіи, занимали Бухару и Хиву, завоевали Коканское ханство, усмиряли разныхъ кочевниковъ и доставляли славу русскимъ военачальникамъ. Одна изъ подобныхъ экспедицій, предводительствуемая генераломъ Скобелевымъ, повела къ занятію неизвѣстной дотолѣ крѣпости Геокъ-Тепе.

Главный, основной смыслъ царствованія Александра II и величайшая заслуга его предъ потомствомъ заключается въ осуществленіи крестьянской реформы. Если этою реформою не вполнѣ достигнуто то „обезпеченіе быта крестьянъ", которое имѣлось въ виду при обнародованіи Положенія 19-го февраля 1861 года, то это произошло вслѣдствіе многихъ позднѣйшихъ вліяній и обстоятельствъ. Тѣ же позднѣйшія вліянія, овладѣвшія русскою жизнью съ конца шестидесятыхъ годовъ, измѣнили положеніе дѣлъ во всѣхъ сферахъ русскихъ общественныхъ интересовъ—въ земствѣ, въ народномъ образованіи и въ печати.

Въ слѣдующей заключительной главѣ читатель найдетъ *частный* очеркъ главнѣйшихъ реформъ, совершенныхъ во время 25-тилѣтняго царствованія Александра II.

ГЛАВА XXVIII.

Главнѣйшія реформы Императора Александра II.

Крестьянская реформа. — Крестьянская реформа имѣла слѣдующій ходъ: предварительно вопросъ этотъ обсуждался въ *губернскихъ комитетахъ*, членами которыхъ были лица, избранныя дворянскимъ обществомъ каждой губерніи; затѣмъ всѣ предположенія соглашались и сводились въ систему въ *главномъ комитетѣ*. То, что было выработано въ главномъ комитетѣ, окончательно уже разсматривалось въ Государственномъ Совѣтѣ.

19 февраля 1861 года обнародованъ былъ манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія. Въ силу его, крѣпостные крестьяне на вѣчныя времена освобождались отъ прежней крѣпостной зависимости и имъ даны права свободныхъ сельскихъ обывателей. Помѣщики сохраняли право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ они обязывались уступить крестьянамъ ихъ уса-

дебную осѣдлость и извѣстное количество пахатной земли. За этотъ поземельный надѣлъ крестьяне впродолженіе извѣстнаго срока обязаны исполнять относительно помѣщика опредѣленныя повинности. Но если крестьяне пожелаютъ, то имъ предоставляется право выкупить ихъ усадебную осѣдлость. Съ выкупомъ прекращаются вполнѣ всѣ обязанности ихъ по отношенію къ помѣщикамъ. Дворовые люди черезъ 2 года послѣ изданія манифеста получаютъ полное освобожденіе. Вотъ главныя черты великой реформы.

Правительство, находя, что такая многосложная реформа, какъ крестьянская, не можетъ быстро осуществиться, опредѣлило на приведеніе ея въ дѣйствіе двухлѣтній срокъ. Въ теченіе этого времени въ каждой губерніи должны были открыться *„Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія“*; этимъ присутствіямъ ввѣрялось главное завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ. Разбирательство же всѣхъ могущихъ возникнуть споровъ между помѣщиками и крестьянами поручалось выборнымъ лицамъ *мировымъ посредникамъ*. Изъ мировыхъ посредниковъ составлялись въ каждомъ уѣздѣ *мировые съѣзды*. Затѣмъ, новыя сельскія общества образовали изъ себя волости. Дѣлами волости завѣдуетъ *волостное правленіе*, при которомъ открываются и волостные суды.

Въ теченіе двухлѣтняго срока составляются, повѣряются и утверждаются по каждому сельскому обществу или имѣнію *уставныя грамоты*, въ которыхъ съ точностью должно быть опредѣлено количество земли, отходящей къ крестьянамъ, а также и повинностей, причитающихся на долю помѣщика.

Мы видѣли, что манифестъ 19-го февраля 1861 года, между прочимъ, предоставилъ крестьянамъ—или извѣстное число лѣтъ отбывать помѣщикамъ опредѣленныя положеніемъ повинности за полученную въ надѣлъ землю, или разомъ прекратить такого рода отношенія посредствомъ выкупа.

Со стороны помѣщиковъ Царства Польскаго вмѣсто содѣйствія правительству въ этомъ отношеніи встрѣтилась оппозиція, а событія послѣдняго польскаго мятежа (1863 г.) показали правительству всю необходимость разорвать обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ.

Вслѣдствіе этого манифестомъ 19-го февраля 1864 г. повелѣно: земли, состоящія въ пользованіи крестьянъ, признать ихъ полною собственностью. Крестьяне, затѣмъ освобождены навсегда отъ всякаго рода повинностей. Всѣ иски о недоимкахъ по этимъ повинностямъ навсегда прекращаются. За пріобрѣтенную землю крестьяне обязаны вносить въ казну поземельный налогъ. Помѣщики и другія лица за упраздняемыя повинности получаютъ отъ казны вознагражденіе, размѣръ котораго опредѣляется особою „ликвидаціонною коммисіею“. Въ указѣ этомъ, кромѣ того, подробно опредѣлены всѣ правила объ устройствѣ сельскихъ гминъ, т.-е. правила порядка управленія сельскими обществами.

Отмѣна виннаго откупа. — Суммы, получавшіяся отъ отдачи на откупъ права продажи питей, составляли всегда одинъ изъ главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Правительство получало доходъ этотъ, отдавая въ великороссійскихъ губерніяхъ на откупъ право продажи напитковъ, а въ западныхъ губерніяхъ—не только самое право продажи, но и право взиманія акциза съ винокуренія. Время убѣдило правительство, что система откуповъ крайне неудовлетворительна и весьма тяжело ложится на народъ, такъ какъ при отсутствіи конкурренціи отъ откупщика зависѣло и назначеніе произвольныхъ цѣнъ за напитки, и самое ихъ качество.

Вслѣдствіе этого, указомъ 4-го іюля 1861 года, повелѣно: съ января 1864 года ввести въ дѣйствіе *акцизную систему* взиманія питейнаго сбора съ совершеннымъ устраненіемъ откуповъ. По этой системѣ, доходъ съ питей въ пользу казны

получается въ видѣ: а) акциза со всего количества питей, производимыхъ на заводахъ и б) патентнаго сбора, взимаемаго при выдачѣ патентовъ на право *производства* напитковъ или на право *торговли* ими. Акцизу подлежатъ: спиртъ и вино, выдѣланные изъ хлѣба, картофеля, свекловицы и сорго; водки, выдѣланныя изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ и свеклосахарныхъ остатковъ; портеръ, пиво и медъ, приготовленные въ Россіи, и брага, приготовляемая на особо устроенныхъ заводахъ. Не подлежатъ акцизу: спиртовые напитки, выдѣланные изъ спирта и вина, уже оплаченнаго акцизомъ; таковы: спиртъ, приготовляемый для освѣщенія, спиртъ и вино, вывозимые за границу, виноградныя вина, уксусъ и медовый квасъ. Патентный сборъ различенъ. Онъ раздѣляется на три разряда, размѣры которыхъ зависятъ отъ мѣстностей, гдѣ взиманіе происходитъ.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.—Большинство ученыхъ юристовъ-криминалистовъ давно уже признало, что тѣлесныя наказанія не только не достигаютъ цѣлей, съ которыми они установлены законодателями, но даже производятъ положительный вредъ. Будучи оставлены въ послѣднее время исключительно для низшихъ слоевъ общества, они препятствуютъ развитію въ этихъ слояхъ понятія о личномъ достоинствѣ человѣка, нисколько не дѣйствуя исправительно, а скорѣе озлобляютъ преступника дѣйствіемъ физической боли, даютъ возможность нравственной порчѣ глубже и глубже проникать въ душу преступника. Наконецъ, въ виду того, что наказанія эти выпадаютъ только на долю нѣкоторыхъ слоевъ общества, они нарушаютъ тѣмъ коренной принципъ правосудія—равенства всѣхъ лицъ и сословій передъ закономъ. Отсюда видно, какое важное значеніе въ ряду реформъ имѣетъ указъ 17-го апрѣля 1863 года объ измѣненіи системы наказаній уголовныхъ и исправительныхъ. Указомъ этимъ тѣлесное наказаніе (плеть, наложеніе клеймъ), связанное обыкновенно съ ссылкою въ каторжную работу, какъ наказаніе дополнительное, отмѣнено навсегда. Розги оставлены только въ видѣ замѣны тюремнаго заключенія и то только въ крайнихъ случаяхъ. Женщины совершенно изъяты отъ тѣлеснаго наказанія. Въ виду возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ арміи и флота отмѣнено также наказаніе шпицрутенами и кошками.

Судебная реформа.—Новые судебные уставы занимаютъ въ ряду реформъ прошлаго царствованія одно изъ важныхъ мѣстъ. Производство дѣлъ въ старыхъ судахъ было, главнымъ образомъ, основано на формальностяхъ и на процедурѣ письменной; отличительное же свойство новаго суда—устность и гласность.

На основаніи судебныхъ уставовъ 1864 года, власть судебная принадлежитъ — *мировымъ судьямъ*, *съѣздамъ мировыхъ судей*, *окружнымъ судамъ*, *судебнымъ палатамъ и Правительствующему Сенату* въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда.

Мировой судья есть власть единоличная: съѣзды мировыхъ судей, окружные суды, судебныя палаты и Сенатъ — учрежденія коллегіальныя. Власть мироваго судьи, съѣзда, окружнаго суда и судебной палаты ограничивается особыми участками и округами. Власть Сената распространяется на всю Имперію.

Въ качествѣ обвинителя по уголовнымъ дѣламъ, при судебныхъ мѣстахъ состоятъ *оберъ-прокуроры*, *прокуроры и ихъ товарищи*. Эти лица, въ случаяхъ закономъ опредѣленныхъ, даютъ свое заключеніе и по дѣламъ гражданскимъ. Для занятія дѣлами, по избранію и порученію тяжущихся и обвиняемыхъ, при судебныхъ мѣстахъ, состоятъ *присяжные повѣренные*. Эти лица въ чертѣ округа каждой судебной палаты избираютъ изъ среды себя совѣтъ, состоящій изъ 5-ти до 15-ти членовъ. *Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ* главнымъ образомъ зани-

мается разсмотрѣніемъ прошеній лицъ, желающихъ вступить въ присяжные повѣренные, наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ присяжными повѣренными ихъ обязанностей, разбираетъ жалобы частныхъ лицъ въ этомъ отношеніи и назначаетъ по очереди повѣренныхъ для хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности.

Къ составу суда уголовнаго въ тѣхъ дѣлахъ, за которыя въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, присоединяются *присяжные засѣдатели*, которые разрѣшаютъ вопросъ о виновности или невиновности подсудимыхъ на основаніи совѣсти и внутренняго убѣжденія.

Слѣдствія уголовныя производятся *судебными слѣдователями.*

Гражданскія рѣшенія судовъ приводятся въ исполненіе *судебными приставами.*

Мировые судьи избираются всѣми сословіями и утверждаются правительствомъ. Для избранія необходимо имѣть: не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, получить образованіе въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи, не быть опороченнымъ по суду и имѣть установленный цензъ—въ видѣ недвижамаго имущества.

Присяжные засѣдатели назначаются изъ всѣхъ сословій установленнымъ порядкомъ.

Прочія должностныя лица судебнаго вѣдомства назначаются правительствомъ.

Мировые судьи, члены окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ, Правительствующаго Сената не могутъ быть увольняемы безъ прошенія и переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія (право несмѣняемости).

Мировому судьѣ подсудны гражданскіе иски не свыше 500 руб. Выше 500 р. онъ можетъ разбирать дѣла лишь въ томъ случаѣ, если обѣ стороны будутъ просить о рѣшеніи дѣла по совѣсти. Такого рода дѣла аппеляціи не подлежатъ.

Въ уголовномъ порядкѣ мировому судьѣ подлежатъ тѣ проступки, за которые опредѣлены особымъ уставомъ выговоры, замѣчанія, денежный штрафъ не свыше 300 руб., арестъ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ и тюремное заключеніе не свыше года. На рѣшенія мировыхъ судей въ гражданскихъ дѣлахъ ниже 30 руб, и въ уголовныхъ менѣе 3 дней ареста и 15 руб. штрафа могутъ быть приносимы кассаціонныя жалобы (т. е. жалобы на несоблюденіе формъ, неправильное примѣненіе закона и т. п.) съѣзду мировыхъ судей. Всѣ остальныя дѣла подсудны *окружнымъ судамъ* и *судебнымъ палатамъ.*

Судебная палата во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ и нѣкоторыхъ уголовныхъ составляетъ аппеляціонную инстанцію для окружныхъ судовъ ея округа.

Наконецъ, въ *Правительствующій Сенатъ* приносятся кассаціонныя жалобы на съѣзды мировыхъ судей, окружные суды и судебныя палаты. Рѣшенія Сената, какъ составляющія толкованіе смысла закона, печатаются во всеобщее свѣдѣніе и обязательны для судебныхъ мѣстъ.

Засѣданія судебныхъ мѣстъ, кромѣ ограниченныхъ случаевъ, *происходятъ публично.* Существенная сторона судебныхъ разбирательствъ происходитъ на словахъ (письменность ограничена необходимыми краткими протоколами о томъ, что въ судѣ происходило).

Въ настоящее время судебная реформа введена уже въ округахъ Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Виленскомъ и многихъ другихъ.

Кромѣ того, она введена на Кавказѣ. Здѣсь и въ нашемъ западномъ краѣ, впрочемъ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, судебные уставы нѣсколько разнятся отъ уставовъ Имперіи; такъ напримѣръ: мировые судьи назначаются отъ правительства, они имѣютъ помощниковъ, подчинены окружнымъ судамъ, и т. п.

Въ началѣ 1867 года введенъ въ дѣйствіе *новый военно-судебный уставъ*. Существенное различіе этого устава отъ уставовъ 1864 г. заключается въ томъ, что всѣ суды военнаго вѣдомства—установленія коллегіальныя, они вѣдаютъ только дѣла уголовныя, во всѣхъ случаяхъ разрѣшаютъ дѣла безъ присяжныхъ засѣдателей, и подсудимый по дѣламъ, подлежащимъ *полковому суду*, не можетъ имѣть защитника. Власть судебная принадлежитъ *полковымъ судамъ*, *военно-окружнымъ судамъ* и *главному военному суду*, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда. Въ качествѣ обвинителей при военно-судебныхъ мѣстахъ состоятъ: *главный военный прокуроръ*, *товарищи его*, *военные прокуроры* и *ихъ помощники*. Военному суду подлежатъ воинскіе чины сухопутнаго вѣдомства за преступленія и проступки, совершенные во время состоянія на дѣйствительной службѣ. Лица гражданскаго вѣдомства предаются военному суду исключительно въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи

Въ исходѣ 1867 года введено въ дѣйствіе *положеніе о нотаріальной части*. На основаніи этого положенія совершеніе для желающихъ всякого рода актовъ, засвидѣтельствованіе, явки актовъ, принятіе на храненіе документовъ отъ частныхъ лицъ, утвержденіе актовъ о недвижимыхъ имуществахъ и т. п. возложено на нотаріусовъ и старшихъ нотаріусовъ.

Земская реформа. — 8-го января 1864 года былъ обнародованъ указъ о введеніи въ Россіи *земскихъ учрежденій*. Этимъ указомъ даровано россійскимъ губерніямъ право распоряжаться земскимъ хозяйствомъ чрезъ выборныхъ людей, обсуждать нужды его, и въ случаяхъ надобности обращаться къ правительству съ ходатайствами о способахъ къ улучшенію экономическаго положенія различныхъ мѣстностей.

Мысль эта ясно выражена въ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату. Указъ говоритъ: „признавъ за благо призвать къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе, посредствомъ избираемыхъ отъ него лицъ, Мы повелѣли министру внутреннихъ дѣлъ составить на указанныхъ Нами началахъ проэкты постановленій объ устройствѣ особыхъ земскихъ, для завѣдыванія упомянутыми дѣлами, учрежденій“.

Вѣдѣнію земскихъ учрежденій подлежатъ въ каждой губерніи и уѣздѣ слѣдующія дѣла: завѣдываніе имуществами, капиталами, и денежными сборами земства, устройство и содержаніе зданій и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства, народное продовольствіе, завѣдываніе земскими благотворительными заведеніями, земское взаимное страхованіе имуществъ, принятіе мѣръ къ развитію торговли и промышленности, народнаго образованія, къ прекращенію нищенства, падежей скота, эпидемій, раскладка, взиманіе и расходованіе мѣстныхъ сборовъ для удовлетворенія потребностей губерніи или уѣзда и т. п. Кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается предѣлами подвѣдомственныхъ губерніи или уѣзда. Земскія учрежденія въ кругѣ дѣлъ, имъ ввѣренныхъ, дѣйствуютъ самостоятельно. За всякое превышеніе власти, члены земскихъ учрежденій подвергаются законной отвѣтственности. Губернаторъ имѣетъ право остановить исполненіе тѣхъ постановленій земскихъ учрежденій, которыя противны законамъ и общимъ государственнымъ пользамъ. Земскія учрежденія раздѣляются на уѣздныя и губернскія. Уѣздныя земскія учрежденія состоятъ изъ *уѣзднаго земскаго собранія* и *уѣздной управы*. Члены земскаго собранія называются *гласными* и избираются уѣздными землевладѣльцами, городскими и сельскими обществами. Чтобы быть избирателемъ и избраннымъ въ гласные, необходимо имѣть извѣстную недвижимую собственность. Собраніе гласныхъ выбираетъ изъ своей сре-

ды—*членовъ земской управы* (3 лица), которымъ и поручается веденіе земскаго дѣла. Всѣ гласные уѣздовъ составляютъ *губернское земское собраніе*, избирающее изъ своей среды членовъ *губернской управы*. Выборъ производится на три года. Уѣздныя и губернскія земскія собранія собираются для выслушанія отчета управъ и разрѣшенія различныхъ хозяйственныхъ вопросовъ ежегодно по одному разу. Засѣданія уѣздныхъ собраній продолжаются 10 дней, а губернскихъ—20 дней.

Всесословная воинская повинность. — Въ январѣ 1874 года былъ обнародованъ Высочайшій манифестъ о замѣнѣ рекрутской системы комплектованія войскъ системою *всесословной воинской повинности*. Къ отбыванію послѣдней отнынѣ призывается все мужское населеніе имперіи, безъ допущенія денежнаго выкупа или замѣны охотниками Все мужское населеніе, по достиженіи 20-ти лѣтъ, подлежитъ жеребью, которымъ разрѣшается для каждаго вопросъ о томъ, пойдетъ ли онъ на дѣйствительную военную службу, или нѣтъ. Срокъ дѣйствительной службы въ сухопутномъ войскѣ шестилѣтній, по истеченіи котораго отбывшіе его распускаются по домамъ и отчисляются въ запасъ на девять лѣтъ. Во флотѣ срокъ дѣйствительной службы увеличенъ до семи лѣтъ, а срокъ службы въ запасѣ сокращенъ до трехъ лѣтъ. Поступившіе въ запасъ могутъ избрать любой родъ дѣятельности; но они могутъ быть призваны къ учебнымъ сборамъ въ случаѣ необходимости привести войска въ полный составъ.—Воспитанники учебныхъ заведеній также призываются къ исполненію воинской повинности по достиженіи 20-ти лѣтняго возраста; но для окончанія ими образованія, поступленіе ихъ на службу въ войска по вынутому жеребью, по заявленному ими желанію, отсрочивается на болѣе или менѣе продолжительное время.—По отношенію къ воинской повинности учебныя заведенія раздѣлены на разряды, которымъ предоставлены льготы относительно срока службы. Кончившіе курсъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, состоятъ въ дѣйствительной службѣ только шесть мѣсяцевъ, а остальное время 14 лѣтъ и 6 мѣс. числятся въ запасѣ. Отъ воинской повинности безусловно освобождены только священнослужители всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Для отправленія воинской повинности учреждаются въ уѣздахъ призывные участки, въ которыхъ, подъ контролемъ губернскаго начальства, предводителей дворянства и земскихъ управъ, составляются призывные списки и пріемъ въ службу. Число людей, потребное для пополненія войска, опредѣляется ежегодно законодательнымъ порядкомъ, по представленію военнаго министра Все мужское населеніе имперіи, не числящееся въ постоянныхъ войскахъ, но способное носить оружіе, входитъ въ составъ государственнаго ополченія отъ 20 до 40 лѣтняго возраста. Ополченіе созывается въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени .Таковы существенныя черты устава о всесословной воинской повинности.

Въ заключеніе „Очерковъ новѣйшей исторіи“ сдѣлаемъ краткій обзоръ внутренней дѣятельности нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра III.

Вступивъ на престолъ 2-го марта 1881 года, Александръ III торжественнымъ манифестомъ объявилъ своею священною обязанностью и непреклоннымъ намѣреніемъ поддерживать незыблемость самодержавія, какъ основу и внутренняго и внѣшняго могущества Россіи. Отсюда вытекаетъ и характеръ внутренней политики Императора Александра III, направленной *„на противустояніе увлеченіямъ, съ какой-бы то ни было стороны“*.

На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи должно поставить *отмѣну подушной подати*, которая объявлена была въ 1883 году, но слагаться стала съ наступленіемъ 1884 года съ безземельныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ безъ пріемныхъ приговоровъ, и съ бывшихъ фабричныхъ и заводскихъ крестьянъ; для остальныхъ же податныхъ плательщиковъ размѣры подати понижены, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—на половину, а въ прочихъ—на десятую часть оклада.

Къ этому же году относится одно правительственное распоряженіе, въ которомъ многіе находили подтвержденіе возникшихъ толковъ о наступленіи дворянской эры. Таково — предоставленіе россійскому дворянству права наслѣдовать выморочныя имущества, остающіяся послѣ смерти безпотомственныхъ дворянъ, и—дарованіе нѣкоторыхъ льготъ помѣщикамъ, въ имѣніяхъ которыхъ производится обязательный выкупъ крестьяскихъ надѣловъ. Мѣры эти, по мнѣнію другихъ, знаменуютъ не начало дворянской эры, а составляютъ какъ бы продолженіе и разъясненіе положеній объ обязательномъ выкупѣ 1881 года и имѣютъ въ виду не столько дворянскіе, сколько крестьянскіе интересы.— Кромѣ того, въ 1883 году были учреждены и открыли свои операціи—*крестьянскіе банки*, скоро оказавшіе полезное вліяніе на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія.

Въ маѣ 1883 года были обнародованы *льготы для раскольниковъ*. Этимъ закономъ не только были отмѣнены преслѣдованія раскольниковъ за ихъ вѣрованія и богослуженіе, но и признаны были за ними многія отвергавшіяся до сихъ поръ права гражданскія: раскольникамъ теперь предоставлялось занимать общественныя должности и творить общественную молитву по своему обряду, но „безъ публичнаго оказательства". Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ закономъ открыта дорога къ дальнѣйшимъ льготамъ для старообрядцевъ и другимъ, „не вреднымъ гражданскимъ", сектамъ.

Менѣе счастливая участь выпала на долю *„еврейскаго вопроса"*, для разработки котораго была учреждена въ 1883-мъ году особая коммиссія. По настоящее время (1886 г.) вопросъ этотъ остается открытымъ, и вся дѣятельность учрежденной коммиссіи ограничивается пока изданіемъ (1884 г.) правилъ, регулирующихъ водвореніе евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ и постановленій относительно производства питейной торговли евреями.

Для обновленія и переустройства мѣстныхъ (областныхъ) учрежденій еще въ 1881 г. была образована такъ называемая *Кахановская коммиссія*, для участія въ засѣданіяхъ которой были приглашены „свѣдущіе люди" изъ дворянскаго сословія и земствъ.

Въ скоромъ времени коммиссія приступитъ къ печатанію своихъ трудовъ и затѣмъ начнется критическій разборъ ихъ печатью и земскими учрежденіями.

Въ 1883 же году введена судебная реформа въ сѣверо-западномъ краѣ. Кстати упомянемъ здѣсь объ амнистіи лицамъ высшаго польскаго духовенства, находившимся въ ссылкѣ за прикосновенность и участіе въ мятежѣ 1863 года. Прощенные епископы были освобождены изъ мѣстъ ссылки и обезпечены пенсіями, а для возстановленія дружественныхъ отношеній съ папскимъ дворомъ новые епископы въ католическія епархіи назначены по соглашенію русскаго правительства съ римскою куріею.

Торговля наша. какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, получила въ царствованіе Александра III значительное расширеніе и оживленіе. Для расширенія первой большое значеніе имѣютъ два вновь открытые канала—Сясскій и Свирскій, составляющіе важное звено въ общемъ улучшеніи Маріинской системы. Внѣшняя наша торговля и морское судоходство должны несомнѣнно выиграть отъ открытія движенія по петербургскому Морскому каналу, значеніе котораго опредѣлится лишь съ окончаніемъ сооруженія новаго петербургскаго порта.

Поставивъ себѣ задачею „противустоять увлеченіямъ съ какой-бы то ни было стороны", правительство Императора Александра III, для противудѣйствія эпидеміи растратъ и хищеній, составляющихъ истинный бичъ отъ крупныхъ кредитныхъ обществъ до волостныхъ кассъ, издало въ 1884 г. *законъ о несовмѣстимости* государственной службы съ участіемъ въ промышленныхъ товариществахъ и компаніяхъ, въ общественныхъ и частныхъ кредитныхъ обществахъ. Новый законъ направленъ противъ давно укоренившагося у насъ безпорядочнаго смѣшенія личныхъ выгодъ съ казенными интересами и даже предпочтенія первыхъ послѣднимъ.

Въ апрѣлѣ 1885 года, по случаю столѣтняго юбилея жалованной Екатериной II россійскому дворянству грамоты, Императоръ повелѣлъ учредить „*Государственный Дворянскій земельный банкъ*" для выдачи денежныхъ ссудъ потомственнымъ дворянамъ подъ залогъ какъ цѣлыхъ имѣній въ полномъ ихъ составѣ, такъ и отдѣльно закладываемыхъ частей имѣній. Въ декабрѣ того-же года были обнародованы правила дѣйствій и порядка дѣлопроизводства въ означенномъ банкѣ.

КОНЕЦЪ.